

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

**ВЛАДИМИР
ДАЙНЕС**

ТАНКОВЫЕ ВОЙСКА СССР

«КАВАЛЕРИЯ» ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Annotation

«У России два союзника – армия и флот». Известная фраза, но не совсем верная, устаревшая. Ведь Великая Отечественная война показала, что союзников больше. Главными союзниками нашей страны в Величайшей войне за всю ее историю, стали ее рода войск.

Эта книга о «кавалерии» Второй Мировой – танковых войсках Советского Союза. Технические характеристики, роль в сражениях, тактика и стратегия танковых соединений в ходе Великой Войны. Об этом расскажет известный военный историк, сотрудник Института Военной истории – Владимир Дайнес.

- [Владимир Дайнес](#)
 -
 - [Введение](#)
 - [Раздел первый. Танковые армии смешанного состава](#)
 - [«Ничего с танковыми армиями не получилось»](#)
 - [Первая танковая армия](#)
 - [Третья танковая армия](#)
 - [Четвертая танковая армия](#)
 - [Пятая танковая армия](#)
 - [Раздел второй. Гвардейские танковые армии](#)
 - [Танковый план Сталина](#)
 - [Первая гвардейская танковая армия](#)
 - [Вторая гвардейская танковая армия](#)
 - [Третья гвардейская танковая армия](#)
 - [Четвертая гвардейская танковая армия](#)
 - [Пятая гвардейская танковая армия](#)
 - [Шестая гвардейская танковая армия](#)
 - [Заключение](#)

-
- Организационно-штатная структура танковых армий
- Место и роль танковых армий в наступательных операциях
- Цели и задачи танковых армий в наступательных операциях
- Подготовка наступательной операции
- Оперативное построение танковых армий
- Ширина полосы и глубина наступления танковых армий
- Использование танковых армий для самостоятельного прорыва обороны противника
- Ввод танковых армий в прорыв
- Развитие тактического прорыва в оперативный
- Встречные сражения танковых армий
- Форсирование танковыми армиями водных преград
- Операции на окружение и уничтожение крупных группировок противника
- Темпы наступления танковых армий
- Оборонительные операции танковых армий
- Список условных сокращений
- Список использованной литературы и источников
- notes
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8

- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)

- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)

- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)

- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)

- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)

- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)

- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)

- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)

- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)

- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)

- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)

- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)

- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)

- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)

- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)

- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)

- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)

- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)
- [656](#)

- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)
- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)
- [679](#)
- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)
- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [692](#)

- [693](#)
- [694](#)
- [695](#)
- [696](#)
- [697](#)
- [698](#)
- [699](#)
- [700](#)
- [701](#)
- [702](#)
- [703](#)
- [704](#)
- [705](#)
- [706](#)
- [707](#)
- [708](#)
- [709](#)
- [710](#)
- [711](#)
- [712](#)
- [713](#)
- [714](#)
- [715](#)
- [716](#)
- [717](#)
- [718](#)
- [719](#)
- [720](#)
- [721](#)
- [722](#)
- [723](#)
- [724](#)
- [725](#)
- [726](#)
- [727](#)
- [728](#)

- [729](#)
- [730](#)
- [731](#)
- [732](#)
- [733](#)
- [734](#)
- [735](#)
- [736](#)
- [737](#)
- [738](#)
- [739](#)
- [740](#)
- [741](#)
- [742](#)
- [743](#)
- [744](#)
- [745](#)
- [746](#)
- [747](#)
- [748](#)
- [749](#)
- [750](#)
- [751](#)
- [752](#)
- [753](#)
- [754](#)
- [755](#)
- [756](#)
- [757](#)
- [758](#)
- [759](#)
- [760](#)
- [761](#)
- [762](#)
- [763](#)
- [764](#)

- [765](#)
- [766](#)
- [767](#)
- [768](#)
- [769](#)
- [770](#)
- [771](#)
- [772](#)
- [773](#)
- [774](#)
- [775](#)
- [776](#)
- [777](#)
- [778](#)
- [779](#)
- [780](#)
- [781](#)
- [782](#)
- [783](#)
- [784](#)
- [785](#)
- [786](#)
- [787](#)
- [788](#)
- [789](#)
- [790](#)
- [791](#)
- [792](#)
- [793](#)
- [794](#)
- [795](#)
- [796](#)
- [797](#)
- [798](#)
- [799](#)
- [800](#)

- [801](#)
- [802](#)
- [803](#)
- [804](#)
- [805](#)
- [806](#)
- [807](#)
- [808](#)
- [809](#)
- [810](#)
- [811](#)
- [812](#)
- [813](#)
- [814](#)
- [815](#)
- [816](#)
- [817](#)
- [818](#)
- [819](#)
- [820](#)
- [821](#)
- [822](#)
- [823](#)
- [824](#)
- [825](#)
- [826](#)
- [827](#)
- [828](#)
- [829](#)
- [830](#)
- [831](#)
- [832](#)
- [833](#)
- [834](#)
- [835](#)
- [836](#)

- [837](#)
 - [838](#)
 - [839](#)
 - [840](#)
 - [841](#)
 - [842](#)
 - [843](#)
 - [844](#)
 - [845](#)
 - [846](#)
 - [847](#)
 - [848](#)
-

Владимир Дайнес
Танковые войска СССР.
«Кавалерия» Второй Мировой

Введение

Артиллерийская подготовка, начатая залпом тысяч орудий, буквально сокрушила оборонительные сооружения на переднем крае противника. Одновременно сотни бомбардировщиков нанесли удар с воздуха по артиллерийским позициям, пунктам управления и районам расположения резервов в глубине обороны. В небо взметнулась красная ракета. Земля содрогнулась от гула тысяч танков, устремившихся в атаку. Купола парашютов буквально закрыли небо – это десантники высаживались в тылу врага. Навстречу им, опрокидывая растерявшегося врага, спешили механизированные и кавалерийские корпуса. Они совместными усилиями завершили разгром противника, захватили его важнейшие экономические районы, аэродромы и базы снабжения.

Впечатляющая картина! Она была нарисована в начале 30-х годов прошлого века творцами теории глубокой операции М.Н. Тухачевским, К.Б. Калиновским и В.К. Триандафилловым. И не только нарисована, но и легла в основу полотнищ тактических учений и маневров того времени. Для реализации этой теории был создан мощный инструмент, включавший ударные армии, механизированные и кавалерийские корпуса. Но этого, по мнению Тухачевского и его последователей, было мало.

В книге «Бронетанковые войска Красной Армии» отмечалось, что начальник Автобронетанкового управления генерал-лейтенант танковых войск Я.Н. Федоренко в ноябре 1940 г. разработал проект создания механизированной армии, а командующий войсками Киевского Особого военного округа генерал армии Г.К. Жуков в декабре предложил создать конно-

механизированную или мотомеханизированную армию^[1]. Новые архивные документы позволяют по-иному взглянуть на этот вопрос.

29 марта 1932 г. командующий Белорусским военным округом И.П. Уборевич (Уборявичус) представил начальнику Штаба РККА А.И. Егорову докладную записку, в которой говорилось: «Если бы я думал и если мы с Вами верим, что глубокая тактика в современном бою возможна и не окажется книжной кабинетной выдумкой мирного времени, тогда надо бы дать комкору (стрелкового корпуса) средства для атаки в момент, когда стрелковые дивизии атакуют передний край». Для стрелкового корпуса предлагалось в качестве такого средства выделить 3-4 танковых батальона. Но творческая мысль Уборевича на этом не успокоилась. Он считал необходимым создать «сплошной оперативный организм (армию) в составе двух механизированных корпусов – 1000-1200 танков, шести стрелковых дивизий по 11 000 автомобилей, двух-трех кавалерийских дивизий по 300 машин и двух штурмовых и истребительных бригад – 400 самолетов»^[2]. По сути дела, Иероним Петрович ратовал за формирование танковой армии смешанного состава.

Эта идея была поддержана заместителем наркома по военным и морским делам и заместителем председателя РВС СССР С.С. Каменевым, который в апреле 1933 г. на заседании Реввоенсовета СССР высказался за создание танковых армий для нанесения «концентрического удара по противнику»^[3]. Его поддержали заместитель наркома обороны и начальник Управления боевой подготовки РККА Маршал Советского Союза М.Н. Тухачевский и командующий войсками Киевского военного округа командарм 1 ранга И.Э. Якир, которые в 1936 г. предложили сформировать крупные специальные «механизированные соединения –

механизированные (танковые) армии в приграничных военных округах»^[4]. Для проверки на практике их возможностей Уборевич считал целесообразным осенью 1937 г. провести опытные учения на базе Харьковского, Киевского и Белорусского военных округов по теме «Действия крупных танковых масс в начальном периоде войны»^[5].

Итак, Красная Армия стояла на пороге новых организационных форм. Оставался всего один шаг до создания танковых армий. Но он не был сделан. Репрессии, захлестнувшие армию, смели с лица земли ее виднейших теоретиков и практиков. С 1937 г. основной темой маневров оперативно-стратегического масштаба становятся «Действия конной армии (кавалерийского корпуса) в операции начального периода войны». Тон в то время задавали нарком обороны Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов и командующий войсками Московского военного округа Маршал Советского Союза С.М. Буденный. Последний свято верил в то, что конница является «решающим боевым и оперативным средством»^[6]. Недалековидно поступил и начальник Генштаба РККА командарм 1 ранга Б.М. Шапошников, оценивший идею о создании механизированных (танковых) армий как «незаслуживающую внимания»^[7]. Более того, в марте 1938 г. маршал Ворошилов своим приказом отменил как вредительскую «Инструкцию по глубокому бою»^[8]. Похоже, страна вступала в эпоху Средневековья. Охотники «за врагами народа» изымали из приказов наркома термины «глубокий бой» и «глубокая операция».

Однако идея о создании танковых армий не канула в Лету. Успешные действия вермахта на Западе, применение им мощных подвижных сил реанимировали эту идею. В ноябре 1940 г., как говорилось выше,

генерал Я.Н. Федоренко разработал проект создания механизированной армии. С ним был солидарен и генерал армии Г.К. Жуков. Он, выступая в декабре с докладом на тему «Характер современной наступательной операции» на совещании высшего командного состава Красной Армии, считал целесообразным использовать группы подвижных войск (эшелон развития прорыва) для развития тактического прорыва в оперативный. В ударной армии предлагалось в состав эшелона развития прорыва (ЭРП) включать один механизированный или один усиленный кавалерийский корпус. Во фронте намечалось иметь более мощную группу подвижных войск – конно-механизированную или мотомеханизированную армию^[9]. Ее планировалось вводить в сражение на глубину до 150 км с целью разгрома в оперативной глубине обороны не только ближайших оперативных, но и более глубоких фронтовых резервов противника, а главное, сохранив свободу действий, исключить у противника всякую возможность оперативного маневра и организации нового сопротивления. В состав этой подвижной группы (конно-механизированной или мотомеханизированной армии) Жуков считал возможным включить два механизированных, один-два кавалерийских корпуса и соответствующее количество авиации. Для взаимодействия с этой подвижной армией предлагалось использовать авиадесантные соединения и своевременно выдвинуть 2–3 стрелковые дивизии для ее усиления. Еще дальше пошел командир 1-го механизированного корпуса генерал-лейтенант П.Л. Романенко. Он, выступая в прениях по докладу Жукова, высказался за создание ударных механизированно-авиационных армий^[10].

К сожалению, все эти предложения были проигнорированы участниками совещания. Даже такой

«танковый» авторитет того времени, как командующий войсками Западного особого военного округа генерал-полковник танковых войск Д.Г. Павлов, не считал нужным высказать свое мнение относительно формирования подвижного объединения (армии). Он, выступая на совещании с докладом «Использование механизированных соединений в современной наступательной операции и ввод механизированного корпуса в прорыв», ограничился лишь изложением теоретических аспектов этой проблемы относительно механизированного корпуса.

Нарком обороны Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко также не высказал своего мнения по поводу предложения генерала армии Г.К. Жукова. Он рекомендовал иметь в подвижной группе фронта механизированный и кавалерийский корпуса или один-два механизированных корпуса. Ее предусматривалось использовать в двух вариантах. В случае, если тактическая зона обороны противника хорошо оборудована в инженерном отношении, да еще плотно занята его войсками, предлагалось вводить эту группу в прорыв после ее прорыва стрелковыми корпусами. Если же противник не располагает необходимыми силами для создания прочной обороны на второй полосе, то подвижные группы целесообразно вводить в прорыв сразу после преодоления стрелковыми корпусами его главной полосы. Задача подвижных групп заключалась в стремительном продвижении в глубину обороны противника, разгроме его подходящих резервов, недопущении создания ими нового фронта, выходе на пути отхода основной группировки врага и при поддержке авиации окружении ее во взаимодействии с воздушно-десантными войсками. Причем поспешно занятые оборонительные рубежи требовалось прорывать с ходу при поддержке авиации, не ожидая подхода стрелковых войск. Развитие

тактического успеха в оперативный должны были осуществлять не только подвижные группы, но и главные силы фронта. Оперативный прорыв считался завершенным тогда, когда достигался разгром главной группировки противника и его оперативных резервов, а также создавались условия, исключавшие возможность занятия противником оборонительных полос в тылу, чтобы восстановить фронт обороны.

Материалы декабрьского совещания послужили основой для разработки проекта Полевого устава 1941 г., который так и не был введен в действие. С целью развития успеха после завершения прорыва обороны противника предполагалось иметь во фронте эшелон развития прорыва, включавший танковые, механизированные и кавалерийские соединения. Они организационно объединялись в конно-механизированные группы (КМГ) в составе кавалерийского и механизированного корпусов или подвижные группы (ПГ) в составе одного-двух механизированных корпусов. Армии, наступавшие на главном направлении (ударные армии), имели эшелон развития прорыва в составе механизированного корпуса.

Итак, накануне Великой Отечественной войны отечественная военная мысль, исходя из требований советской военной доктрины, разработала передовую по тому времени теорию глубокой наступательной операции, главное место в которой отводилось высокоманевренным боевым действиям. Их носителем являлись прежде всего танковые и механизированные корпуса. Однако в этой операции не нашлось места для механизированных (танковых) армий.

В начале войны трудности, возникшие в экономике Советского Союза наряду с другими причинами (значительные потери в танках, организационные недочеты и др.), вынудили советское Главное

командование в июле 1941 г. принять решение о расформировании механизированных корпусов. На их базе были созданы танковые дивизии, которые в последующем преобразованы в отдельные танковые бригады. В результате Красная Армия лишилась такого важного инструмента для развития наступательных операций, как крупные бронетанковые и механизированные соединения (корпуса). В то же время противник в наступлении массированно применял танки и штурмовые орудия в составе моторизованных (танковых) корпусов и танковых групп. Они, являясь высшим оперативным объединением танковых войск, стали создаваться весной 1940 г. и включали 6–8, а в отдельных случаях до 12 танковых и моторизованных дивизий. В конце 1941 г. танковые группы были преобразованы в танковые армии (2–3 моторизованных корпуса).

В Красной Армии путь к созданию танковых армий оказался более длительным. Первый шаг на пути их создания был сделан лишь в мае 1942 г. Сначала были сформированы две танковые армии (3-я и 5-я), а затем еще две (1-я и 4-я) смешанного состава на базе управлений общевойсковых армий. В январе 1943 г. Государственный комитет обороны по инициативе И.В. Сталина принимает решение о создании танковых армий однородного состава. Всего было сформировано шесть таких армий.

В отечественной историографии вопросы создания и использования танковых армий были объектом внимания исследователей после окончания Великой Отечественной войны и до начала 90-х годов прошлого века. За это время были изданы работы как обобщающего характера^[11], так и непосредственно посвященные тем или иным танковым армиям^[12] или их использованию в различных операциях^[13]. Несмотря на

проделанную работу, до настоящего времени отсутствует обобщающая работа по вопросу создания и использования танковых армий в годы Великой Отечественной войны. В предлагаемой вниманию читателей книге на основе ранее изданной литературы и документальных источников впервые в комплексном виде рассматривается процесс формирования и боевого применения танковых объединений в наступательных и оборонительных операциях. Книга снабжена приложениями и будет интересна как специалистам, так и любителям военной истории.

Итак, начнем свой рассказ о танковых армиях, но не по дате их создания, а по порядковому номеру. При этом в первом разделе труда речь пойдет о танковых армиях смешанного состава, а во втором – о гвардейских танковых армиях.

Раздел первый. Танковые армии смешанного состава

«Ничего с танковыми армиями не получилось»

При подготовке и планировании военной кампании на весну и начало лета 1942 г. Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин считал, что сорок второй год должен стать годом полного разгрома врага и окончательного освобождения советской земли от немецкой оккупации. Это и предопределило наступательный характер очередной военной кампании. Замысел сводился к тому, чтобы в мае провести крупную наступательную операцию на юго-западном направлении силами Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов. На остальных направлениях перейти к стратегической обороне и одновременно осуществить ряд частных наступательных операций с ограниченными целями. В дальнейшем развернуть общее наступление по всему фронту от Балтики до Черного моря.

Для претворения в жизнь этих планов необходимо было иметь подвижные силы, способные решать крупные наступательные задачи. Корпуса для этого не годились, а потому вспомнили о предложениях С.С. Каменева, М.Н. Тухачевского и других теоретиков и решили сформировать танковые армии. Ими предполагалось усилить фронты, игравшие решающую роль в летней кампании 1942 г. Всего по директивам Ставки ВГК были созданы четыре танковые армии смешанного состава: в мае – 5-я и 3-я, в июле – 4-я и 1-я. Каждая армия, согласно приказу № 00106 наркома обороны СССР от 29 мая 1942 г. «О составе и организации танковых частей в танковых корпусах и танковых армиях», должна была иметь в своем составе два танковых корпуса и одну резервную танковую

бригаду (см. приложение № 4). Корпус включал одну танковую бригаду KB (32 KB и 21 T-60) и две бригады T-34 (44 T-34 и 21 T-60 в каждой). Всего в корпусе предполагалось иметь 183 танка, в резервной танковой бригаде – 44 танка T-34 и 21 танк T-60, а в армии – 431 танк^[14].

На практике боевой состав танковых армий был смешанным, что обуславливалось стремлением создать мощное оперативное объединение, обладающее большой ударной силой и способностью не только прорывать оборону, но и действовать в оперативной глубине. Армии включали один-два танковых корпуса, от одной до шести стрелковых дивизий, одну отдельную танковую бригаду, 1-3 гвардейских минометных полка, мотоциклетный полк или батальон, несколько артиллерийских полков, 1-4 истребительно-противотанковых артиллерийских и 1-4 зенитных артиллерийских полка, иногда механизированный и кавалерийский корпус, артиллерийскую и зенитную артиллерийскую дивизию, гвардейскую минометную бригаду, инженерную бригаду специального назначения, другие части и подразделения. Более подробно о боевом составе танковых армий смешанного состава будет сказано при изложении тех или иных наступательных и оборонительных операций.

В своей деятельности бронетанковые и механизированные войска руководствовались уставами и наставлениями, вышедшими в свет во второй половине 30-х годов прошлого века, в том числе «Уставом бронетанковых войск РККА, часть первая (УТВ-1-38 г.)». В ходе боевых действий в дополнение к ним были изданы приказы и директивы наркома обороны и Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК).

Первым документом такого рода стал приказ № 057 Ставки ВГК о боевом использовании танковых войск от 22 января 1942 г.^[15] В приказе отмечалось, что в боевом использовании танковых войск все еще имеется ряд крупных недочетов, в результате которых они несут большие потери в танках и личном составе. Основными из них являлись: плохая организация взаимодействия пехоты с танками; отсутствие поддержки танков со стороны артиллерии; ввод танковых соединений в бой с ходу по частям; использование танковых частей мелкими подразделениями, а иногда даже по одному танку, что приводило к распылению сил; невнимательное отношение общевойсковых начальников к техническому состоянию подчиненных им танковых частей. С целью устранения недостатков Ставка ВГК требовала использовать танковые бригады и отдельные танковые батальоны в бою, как правило, в полном составе и тесном взаимодействии с пехотой, артиллерией и авиацией, не допуская ввода в бой танков без предварительной разведки и рекогносцировки местности; расследовать каждый случай неправильного использования танковых войск, оставления танков на территории противника и непринятия мер к их эвакуации, а виновных в этом привлекать к ответственности.

Несмотря на издание приказа № 057, в боевом применении танковых и механизированных частей и соединений к середине осени 1942 г. снова были выявлены значительные недостатки, изложенные в приказе № 325 «О боевом применении танковых и механизированных частей и соединений», подписанном 16 октября наркомом обороны И.В. Сталиным (см. приложение № 6). Основными из них являлись: потеря танками взаимодействия с пехотой в результате отрыва от нее при атаке вражеской обороны; переход танками

в наступление без должной артиллерийской поддержки; ввод танков в бой поспешно без разведки местности и тщательного изучения системы огня противника; атака танками противника в лоб, неумение маневрировать на поле боя; использование танков для борьбы с танками и артиллерией противника; недостаточное авиационное обеспечение боевых действий танков; плохая организация управления танками на поле боя. Все это отрицательно сказывалось на ведении боевых действий и вело к большим потерям в танковых и механизированных частях и соединениях.

В приказе № 325 с учетом накопленного опыта были даны конкретные указания по боевому использованию танковых и механизированных частей и соединений.

Отдельные танковые полки и танковые бригады являлись средством командующего армией и придавались стрелковым дивизиям для их усиления и использования на главном направлении в тесном взаимодействии с пехотой в качестве танков непосредственной поддержки пехоты (НПП). Танковые экипажи должны были проводить атаку на максимальных скоростях, подавлять интенсивным огнем с ходу орудийные, минометные, пулеметные расчеты и пехоту врага и умело маневрировать на поле боя для выхода во фланг и в тыл огневых средств и пехоты противника. Лобовые атаки танками запрещались. Артиллерии предписывалось уничтожать противотанковые средства, танки и артиллерию противника. Танки должны были использоваться для борьбы с вражескими танками только в случаях явного превосходства в силах над ними и выгодного положения. В задачу авиации входило нанесение ударов по противотанковой обороне противника, воспреещение подхода к полю боя его танков, прикрытие боевых порядков танковых частей от воздействия вражеской авиации, обеспечение боевых

действий танковых частей постоянной и непрерывной авиаразведкой. Отдельные полки танков прорыва, оснащенные тяжелыми танками, должны были придаваться войскам в качестве средств усиления для прорыва обороны противника в тесном взаимодействии с пехотой и артиллерией. В оборонительном бою танковые полки и бригады предусматривалось применять как средство для нанесения контрударов по частям противника, прорвавшимся в глубину обороны. В отдельных случаях танки разрешалось использовать в качестве неподвижных артиллерийских точек, засад или вместо кочующих орудий.

В приказе определялось, что танковый корпус подчиняется командующему фронтом или армией и применяется на главном направлении в качестве эшелона развития успеха для разгрома и уничтожения пехоты противника. В наступательной операции на танковый корпус возлагалась задача по нанесению массированного удара с целью разобщения и окружения главной группировки войск противника и разгрома ее совместными действиями с авиацией и наземными войсками фронта. Корпус не должен был ввязываться в бои с танками противника, если нет явного над ним превосходства. В случае встречи с крупными танковыми частями противника предписывалось для борьбы с ними выделять из состава корпуса противотанковую артиллерию и часть танков, а также противотанковую артиллерию от пехоты. Корпус, заслонившись всеми этими средствами, должен был обойти своими главными силами танки противника и нанести удар по его пехоте с целью оторвать ее от танков и парализовать их действия. Главная задача танкового корпуса – уничтожение пехоты противника.

В оборонительной операции фронта или армии танковые корпуса предписывалось использовать в качестве мощного средства для нанесения контрудара

из глубины. Они должны были применяться только на танкодоступной местности. При этом решающим элементом их применения являлась внезапность, которая достигалась маскировкой, скрытностью расположения и передвижения, использованием для маршей ночного времени и прикрытием сосредоточения с воздуха.

Отдельная механизированная бригада, являясь тактическим соединением, должна была использоваться командующим армией как подвижный резерв. В наступлении ей предстояло своими дерзкими стремительными действиями выполнять задачи по захвату и удержанию важных объектов до подхода основных сил, действующих на данном направлении. В частной наступательной армейской операции механизированную бригаду предписывалось использовать для развития успеха. Кроме того, она могла выполнять задачи по надежному обеспечению фланга наступающих частей. В ходе преследования противника механизированная бригада должна была захватывать в его тылу переправы, дефиле, важнейшие узлы дорог и решительными действиями содействовать окружению и разгрому противника. В оборонительной армейской операции механизированные бригады предписывалось использовать для нанесения контрударов и ликвидации успеха прорвавшегося противника. При этом бригада должна была вести активную оборону на широком фронте и обеспечивать перегруппировку войск армии.

Механизированные корпуса являлись средством командующего фронтом или армией и предназначались для использования на главном направлении в качестве эшелона развития успеха и преследования противника. Дробление корпуса побригадно и переподчинение бригад командирам стрелковых соединений не разрешалось. Команду (сигнал) о вводе

механизированных корпусов в прорыв имел право давать командующий фронтом или армией. При развитии успеха наступательной операции мехкорпус мог решать задачи самостоятельно против не успевшего еще закрепиться противника. Использование мехкорпуса как эшелона развития прорыва разрешалось только после преодоления общевойсковыми соединениями главной оборонительной полосы и выхода атакующей пехоты в районы артиллерийских позиций противника. В случае, если оборона противника оборудована слабо, механизированный корпус предусматривалось применять для самостоятельного выполнения задачи по прорыву фронта и разгрома противника на всю глубину его обороны. При этом корпус необходимо было обязательно усиливать гаубичной артиллерией, авиацией и по возможности танками прорыва. Ввод корпуса в прорыв требовалось осуществлять на участке шириной 6–8 км в предбоевых порядках по двум-четырем маршрутам. Особое внимание обращалось на надежное прикрытие мехкорпуса от ударов авиации противника с воздуха и усиление его средствами ПВО и авиацией. После непрерывных боевых действий в течение 5–6 суток предписывалось предоставлять корпусу 2–3 дня для восстановления материальной части и пополнения запасов.

Все эти положения легли в основу деятельности командующих общевойсковыми и танковыми объединениями и соединениями. При этом опыт боевых действий танковых армий смешанного состава показал, что в наступательных операциях они применялись фактически так же, как и общевойсковые армии, усиленные танковыми (механизированными) корпусами. Стрелковые дивизии со средствами усиления получали задачу прорвать главную полосу обороны противника, а танковые и механизированные корпуса составляли

подвижную группу армии и предназначались для развития успеха. Наличие в составе танковых армий соединений с различной степенью подвижности, к тому же при недостатке эффективных средств связи, серьезно затрудняло управление войсками при развитии наступления в оперативной глубине. Это неизбежно приводило к ослаблению силы и уменьшению глубины танкового удара, а следовательно, и к снижению результатов операции в целом. К тому же в Красной Армии не было командных кадров высшего звена, способных успешно управлять танковыми армиями. Все это учитывал И.В. Сталин, когда 3 сентября 1942 г. заявил заместителю командующего бронетанковыми войсками Красной Армии по политической части генералу Н.И. Бирюкову: «Ничего с танковыми армиями не получилось. Для армий нет подготовленных командиров»^[16]. Конечно, дело было не только в отсутствии подготовленного комсостава. Для успешного решения задач в наступательных операциях необходимо было иметь однородные, высокоподвижные, обладающие большой ударной силой и огневой мощью бронетанковые объединения. Но об этом разговор впереди. А сейчас поведем свой рассказ о танковых армиях смешанного состава. И начнем его с первой танковой армии.

Первая танковая армия

Первая танковая армия, хотя и именовалась 1-й, но была сформирована последней в ряду танковых объединений смешанного состава. Ее создание было обусловлено тяжелой обстановкой, сложившейся летом 1942 г. на Сталинградском фронте. Здесь 17 июля войска немецкой 6-й армии под командованием генерал-полковника Ф. Паулюса в рамках операции «Брауншвейг» перешли в наступление с целью захвата Сталинграда^[17]. Однако передовые отряды 62-й и 64-й армий в течение шести суток стойко отражали все атаки врага на рубеже рек Чир и Цимла. Это вынудило генерал-полковника Паулюса развернуть часть своих главных сил, что позволило войскам Сталинградского фронта выиграть время для усовершенствования обороны на основном рубеже.

Верховное Главнокомандование вермахта, полагая, что советские войска будут быстро разгромлены, внесло изменение в ранее принятый план. 23 июля А. Гитлер подписал директиву № 45 о продолжении операции «Брауншвейг»^[18]. Группе армий «А» предстояло, используя крупные силы танковых и моторизованных войск, окружить и уничтожить советские войска, ушедшие за р. Дон, в районе южнее и юго-восточнее Ростова. Из состава этой группы приказывалось передать в группу армий «Б» два танковых соединения, в том числе 24-ю танковую дивизию, для продолжения операций в юго-восточном направлении. Войска группы армий «Б» должны были наряду с оборудованием оборонительных позиций на р. Дон нанести силами 6-й армии удар по Сталинграду и разгромить сосредоточившуюся там группировку советских войск, захватить город, а также перерезать перешеек между

Доном и Волгой. Вслед за этим танковым и моторизованным войскам предписывалось нанести удар вдоль Волги с задачей выйти к Астрахани и парализовать там движение по главному руслу реки. Основные силы авиации намечалось использовать для обеспечения переправы войск через Дон, а затем для поддержки восточной группировки, наступающей вдоль железной дороги на Тихорецк. При этом одновременно требовалось оказывать помощь наступлению группы армий «Б» на Сталинград и Астрахань, а также подвергать бомбардировке эти города.

Для того чтобы остановить противника, Ставка ВГК приняла решение нанести по нему контрудар, используя танковые объединения. 22 июля И.В. Сталин и начальник Генштаба Красной Армии генерал А.М. Василевский подписали директиву № 994125 о формировании к 28 июля в составе Сталинградского фронта 1-й танковой армии на базе 38-й армии. Одновременно директивой № 994124 предусматривалось сформировать к 1 августа 4-ю танковую армию (о которой речь пойдет ниже).

В состав 1-й танковой армии включались: управление 38-й армии со всеми армейскими частями, учреждениями и тылами; 13-й и 28-й танковые корпуса; три стрелковые дивизии из числа прибывающих из Дальневосточного фронта; два полка противотанковой обороны 76-мм калибра; два полка ПВО; один гвардейский минометный полк^[19]. Такой состав танковой армии отличался от тех указаний, которые были изложены в приказе наркома обороны № 00106 от 29 мая «О составе и организации танковых частей в танковых корпусах и танковых армиях» (см. приложение № 4). В составе 1-й танковой армии первоначально не предусматривалось наличие резервной танковой бригады.

Командующим 1-й танковой армией был назначен генерал-майор артиллерии К.С. Москаленко с освобождением его от обязанностей командующего 38-й армией (см. приложение № 3). Заместителем командующего армией по танковым войскам стал генерал-майор танковых войск Е.Г. Пушкин.

Инициатива формирования 1-й танковой армии принадлежит командующему Сталинградским фронтом генерал-лейтенанту В.Н. Гордову. Правда, Маршал Советского Союза К.С. Москаленко в своих мемуарах «На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма» отмечал, что давно мечтал о создании таких объединений. 22 июля его неожиданно вызвали в штаб Сталинградского фронта, где генерал-лейтенант Гордов сообщил ему о назначении командующим 1-й танковой армией. Ее предстояло сформировать на западном берегу Дона в районе Качалин, Рычковский, Калач. Войска 38-й армии было приказано передать в состав 21-й армии.

Начальнику штаба 38-й армии полковнику С.П. Иванову новость о создании 1-й танковой армии сообщил начальник штаба 21-й армии генерал А.И. Данилов. «Если учесть, как я любил танковые войска и как был убежден в необходимости их массированного применения, – вспоминал С.П. Иванов, – то нетрудно понять мою искреннюю радость по поводу этой второй новости, сообщенной Алексеем Ильичом. В тот момент мы оба не могли знать, что танковая армия, в которой мне предстояло служить, была первой по нумерации, но третьей по времени образования. Дело в том, что по неизвестному нам тогда решению Ставки в мае – июне 1942 года две первые танковые армии (3-я и 5-я) были уже сформированы в районе Тулы и Ефремова, поскольку И.В. Сталин ошибочно считал, что главные события летом 1942 года развернутся на московском стратегическом направлении. Когда же стала явно

обозначаться угрозой мощного удара врага на юге, решено было создать следующие две танковые армии в районе Сталинграда»^[20].

Генерал К.С. Москаленко, получив приказ командующего фронтом, немедленно связался по телефону со своим заместителем генерал-майором Г.И. Шерстюком, приказав ему возглавить комиссию по передаче войск с их участками обороны, а штабу под руководством полковника С.П. Иванова – прибыть в район Калача.

В связи с ухудшением обстановки к западу от Дона командующий Сталинградским фронтом сократил срок формирования 1-й танковой армии на двое суток. Следовательно, ей предстояло быть готовой к ведению боевых действий не позднее 24 часов 26 июля. К началу формирования армии, по свидетельству К.С. Москаленко, были переданы 13-й и 28-й танковые корпуса, одна стрелковая дивизия (131-я) вместо трех, два артиллерийских полка противовоздушной обороны, один противотанковый полк и 158-я тяжелая танковая бригада^[21].

Формирование 13-го танкового корпуса (163, 166, 169-я танковые, 20-я мотострелковая бригады) под командованием полковника Т.И. Танасчишина началось в апреле 1942 г. в Сталинграде. Боевое крещение он получил восточнее Харькова. Корпус заканчивал формирование в районе Добринки. К 23 июля в танковых батальонах вместо трех имелось лишь по две танковые роты. В каждой танковой бригаде насчитывалось всего по 41 среднему и легкому танку, а в корпусе – 123 танка, в том числе 74 Т-34^[22]. Не были укомплектованы личным составом мотострелково-пулеметные батальоны бригад, в их составе отсутствовала истребительно-противотанковая и зенитная артиллерия. В 20-й мотострелковой бригаде

существовал значительный некомплект в людях. Большинство воинов прибыло на фронт впервые.

Переподчинение 13-го танкового корпуса командующему 1-й танковой армией неожиданно затянулось. После полуночи 24 июля начальник штаба корпуса подполковник В.И. Жданов доложил начальнику штаба армии об устном распоряжении заместителя начальника штаба Сталинградского фронта генерала И.Н. Рухле о подчинении корпуса командующему 1-й танковой армией. Однако вскоре командующий фронтом приказал переподчинить корпус командующему 62-й армией для участия совместно с 33-й гвардейской стрелковой дивизией в контрударе в направлении совхоза им. 1 Мая, Манойлин.

28-й танковый корпус (39, 55, 56-я танковые, 32-я мотострелковая бригады) полковника Г.С. Родина создавался в районе Сталинграда на базе выведенных из Крыма штабов танковых частей. Он получил новое, в основном необстрелянное, пополнение личным составом и 178 танков (88 – Т-34, 60 – Т-70 и 30 – Т-60). Однако часть танков имела дефекты, и почти на всех машинах отсутствовали радиостанции. Не полностью было укомплектовано корпусное управление. Не прибыли также часть положенного по штату автотранспорта и разведывательный батальон.

Армия создавалась, как мы видим, из тех частей и соединений, которые были под рукой. Времени на их сколачивание не было, так как обстановка в полосе Сталинградского фронта была весьма тяжелой. Утром 23 июля противник, введя в сражение 113-ю пехотную и 16-ю танковую дивизии на участке Верхне-Черенский, Перелазовский, совхоз Копанья, нанес удар по правому флангу 62-й армии. Используя превосходство в силах и средствах, в особенности в авиации, он прорвал главную полосу обороны 62-й армии, продвинувшись к исходу дня до 20 км. Для наращивания силы удара на

этом направлении из состава группы армий «Б» было сосредоточено не менее трех танковых и двух моторизованных дивизий, немецкий 17-й армейский и румынский 6-й армейский корпуса.

Для предотвращения прорыва обороны на участке 33-й гвардейской стрелковой дивизии командующий 62-й армией генерал-майор В.Я. Колпакчи перебросил сюда все имевшиеся в его распоряжении танки, гвардейские минометы и артиллерийский полк ПТО. В целях уплотнения боевого порядка 192-й стрелковой дивизии на участке Евстратовский, Калмыков выдвигалась 184-я стрелковая дивизия. По решению командующего Сталинградским фронтом намечалось с утра 24 июля использовать половину всей авиации фронта в полосе 62-й армии для противодействия и ликвидации атак противника. Остальными силами авиации предусматривалось уничтожить противника на переправах у Цимлянской и Николаевской.

И.В. Сталин в разговоре по прямому проводу 23 июля с генералом В.Н. Гордовым одобрил эти мероприятия^[23]. Одновременно он потребовал сосредоточить на правом фланге 9/10 всей авиации 8-й воздушной армии генерала Т.Т. Хрюкина и авиации генерала П.С. Степанова. На усиление им направлялись пять истребительных и два штурмовых авиационных полка. Кроме того, намечалось использовать для нанесения ударов по противнику авиацию дальнего действия. Далее Сталин сказал:

– Переданный вами только что план формирования и сосредоточения 1-й и 4-й танковых армий Ставка утверждает. Имейте в виду, если противник прорвет правый фланг и подойдет к Дону в районе Гумрака или севернее, то он отрежет ваши железнодорожные сообщения с севером. Поэтому правый фланг вашего фронта считаю теперь решающим. Требую, чтобы

оборонительный рубеж западнее Дона от Клетской через Рожковскую до Нижне-Калиновки был сохранен в наших руках безусловно. Противника, вклинившегося в этот рубеж, в районе действия 33-й гвардейской стрелковой дивизии уничтожить во что бы то ни стало. У вас есть для этого силы, и вы должны это сделать. Категорически воспрещаю отход от указанного оборонительного рубежа. Требую не жалеть никаких жертв ради удержания этого рубежа.

В соответствии с этим требованием генерал Гордов незамедлительно приказал войскам 1-й танковой армии переправиться через Дон в районе Калача и 25 июля перейти в наступление в направлении населенного пункта Майоровский. Ближайшая задача – уничтожить противостоящего врага и к исходу дня овладеть рубежом Верхнебузиновка, Манойлин. В последующем предписывалось развивать наступление в направлении Перелазовского и там соединиться с 4-й танковой армией. Ее войска не успевали сосредоточиться на исходных позициях к 25 июля, поэтому им приказывалось начать боевые действия 27 июля, наступая из района Трехостровской в направлении Перелазовского. Слева от 1-й танковой армии удар наносила частью сил 62-я армия во взаимодействии с 13-м танковым корпусом. Из района Серафимовича в южном направлении, в тыл группировке противника, предстояло наступать трем стрелковым дивизиям 21-й армии.

Итак, 1-я танковая армия должна была с утра 25 июля принять участие во фронтовом контрударе, то есть срок завершения ее формирования был урезан еще почти на двое суток. При этом командующий армией реально располагал лишь одним 28-м танковым корпусом. Генерал К.С. Москаленко, получив приказ командующего Сталинградским фронтом, провел совещание в штабе армии. Он довел до его сотрудников

полученную задачу, приказав немедленно отправиться на железнодорожные станции, встретить прибывающие части и вывести их в исходные районы для наступления.

Начальник штаба 1-й танковой армии полковник С.П. Иванов с группой командиров штаба приступил к разработке плана наступательной операции. Он предложил командующему армией в ночь на 24 июля скрытно перебросить 28-й танковый корпус, находившийся в районе Сталинградского тракторного завода, в район Калача по маршруту Разгуляевка, Гумрак, Воропоново, Карповская. Генерал К.С. Москаленко приказал командиру корпуса полковнику Г.С. Родину совершить марш в предвидении встречного боя, организовав разведку, надежное охранение и маскировку. Сталинград требовалось обойти северо-западнее, чтобы противник не узнал о передвижении танкового корпуса к фронту. Соединения корпуса было намечено разместить следующим образом: 56-ю танковую бригаду – на юго-восточной окраине Калача, 39-ю танковую – на хуторе Кустовский, близ Камышей, 55-ю танковую – в Черкасове, чуть южнее города, а 32-ю мотострелковую – в Ильевке, еще чуть юго-восточнее Калача.

По восточному берегу Дона, на участке от Калача на юге до хутора Голубинского на севере, оборонялась 131-я стрелковая дивизия. На станции Кривомузгинская, близ поселка Советский, разгружалась 158-я тяжелая танковая бригада полковника А.И. Егорова.

С утра 24 июля противник ввел на направлении главного удара дополнительно свежую моторизованную дивизию. Совместно с 60-й моторизованной дивизией она прорвалась в район Верхнебузиновки, где разгромила штабы 192-й и 184-й стрелковых дивизий. Контрудар, предпринятый силами 62-й армии, успеха не имел. Две танковые бригады (169-я и 166-я) 13-го

танкового корпуса без какого-либо обеспечения вступили в сражение и неожиданным для врага ударом выбили его из совхоза имени 1 Мая. Однако этот частный успех стоил корпусу невосполнимых потерь и не смог изменить общего положения. Задержать продвижение противника не удалось. К исходу дня обе группировки врага прорвались к Дону в район Каменского. В окружении оказались части 184-й и 192-й стрелковых дивизий, 40-я танковая бригада и отдельный танковый батальон. Противник, выйдя на западный берег Дона, оказался в непосредственной близости к району сосредоточения 1-й танковой армии. Он обрушил на ее части артиллерийский и минометный огонь.

В тот же день, 24 июля, генерал К.С. Москаленко вместе с командиром 28-го танкового корпуса полковником Г.С. Родиным прибыл на командный пункт 62-й армии. Здесь он ознакомился с обстановкой и договорился о взаимодействии с командующим армией генералом В.Я. Колпакчи. Он подтвердил, что 14-й танковый корпус противника рвется к Калачу, и это создало угрозу окружения главных сил 62-й армии, захвата переправ через Дон вражескими войсками с целью прорыва на Сталинград. В то же время противник начал сжимать кольцо окружения в районе Верхнебузиновки, в котором, как отмечено выше, оказалась тогда часть сил 62-й армии. В такой обстановке генерал Колпакчи считал возможным участвовать в контрударе силами одной лишь 196-й стрелковой дивизии. Ей предстояло наступать между 13-м и 28-м танковыми корпусами, как бы разобщая их. Это, несомненно, ослабило силу контрудара 1-й танковой армии.

Вечером 24 июля на командный пункт 1-й танковой армии прибыли начальник Генерального штаба генерал-полковник А.М. Василевский, командующий

Сталинградским фронтом генерал-лейтенант В.Н. Гордов и исполняющий обязанности начальника штаба фронта генерал-майор И.Н. Рухле. О том, какие вопросы и какие решения были приняты на совещании в штабе армии, подробно говорится в книге генерала армии С.П. Иванова «Штаб армейский, штаб фронтовой», которой мы и воспользуемся.

Начальник Генштаба в общих чертах охарактеризовал обстановку, складывавшуюся на южном фланге советско-германского фронта. Он сообщил, что противнику к настоящему моменту удалось отбросить советские войска за Дон на огромном протяжении от Воронежа до Клетской и от Суровикино до Ростова, и только в большой излучине Дона они сумели удержать плацдарм, что затрудняло врагу прорыв на Сталинград.

Генерал Василевский отметил:

– Опьяненный этими бесспорно немалыми успехами, Гитлер предположил, что Паулюс сравнительно легко захватит Сталинград. Однако ожесточенное сопротивление войск вашего фронта в большой излучине Дона начало, видимо, убеждать его в том, что эту задачу не решить одним ударом, и посему немецкое командование вплотную занялось усилением 6-й армии. Как доносит агентурная разведка, из оперативного построения соседней группы армий «Юг», наступающей на кавказском направлении, изъяты и вновь возвращаются в 6-ю армию дивизии 51-го армейского и 14-го танкового корпусов. Обещаны Паулюсу, возможно, и другие подкрепления. Имея почти абсолютное превосходство в авиации и весьма солидное – в танках, он, безусловно, приложит все свои немалые способности и опыт, чтобы выполнить приказ Гитлера об овладении Сталинградом в возможно короткий срок.

В это время на командный пункт 1-й танковой армии позвонил командующий 62-й армией генерал В.Я.

Колпакчи. Он доложил начальнику Генштаба, что с выходом противника к Голубинскому и Скворину возникла реальная угроза окружения значительной части сил армии. Противник не предпринимает каких-либо мер по форсированию Дона, а пытается свернуть оборону войск 62-й армии по западному берегу реки. Генерал Василевский предложил присутствовавшим на КП высказать свои предложения по выводу войск 62-й армии из кризисной ситуации. Генерал Гордов заявил, что нужно отстранить генерала Колпакчи от должности. Однако начальник Генштаба не поддержал командуемого фронтом. Генерал Москаленко предложил послать на самолете По-2 в район находящихся в полуокружении дивизий опытного и решительного военачальника с задачей в случае необходимости принять командование ими, создать оперативную группу, которая либо попытается пробиться к главным силам, либо займет круговую оборону.

Было решено направить в наметившийся котел начальника оперативного отдела штаба 62-й армии полковника К.А. Журавлева. После этого генерал Василевский сказал:

– Обстановка вынуждает нас принять архитрудное и ответственнейшее решение – безотлагательно нанести контрудар танковыми армиями, который мы планировали начать не ранее самых последних чисел июля. Причем 1-й танковой армии придется выступить немедленно – завтра с утра. Ее контрудар вскоре же поддержат 4-я танковая, 21, 62 и 64-я армии. Штабу фронта предстоит спешно разработать план контрудара во фронтовом масштабе.

– Мы готовим такой план, – доложил генерал Гордов, – но его осуществление намечается, как вы заметили, на более поздний срок. Это фактически санкционировал во время переговоров со мной товарищ

Сталин. Он дал мне ряд срочных указаний, но среди них не было требования о преждевременном введении в сражение не закончивших формирование танковых армий. Верховный Главнокомандующий сообщил лишь, что им утвержден представленный нами план формирования этих армий.

Генерал Москаленко, в свою очередь, напомнил о слабом составе 1-й танковой армии, имевшей фактически всего один танковый корпус, одну стрелковую дивизию, одну тяжелую танковую бригаду с минимальными средствами артиллерийского усиления.

Начальник Генштаба, выслушав командующих фронтом и 1-й танковой армией, приказал:

– Вот эти соединения завтра на рассвете вы и переправите через Дон, двинете их от совхоза «10 лет Октября» и села Ложки через Липологовский на Большенабатовский, Ближнюю Перекопку. Встретите слабого противника – ваше счастье. Разгромите его около Малонабатовского и Осинового и будете преследовать врага в северном направлении до рубежа Новогригорьевская, Логовский, где оставите передовые отряды. Главные силы по выполнению задачи сосредоточите в районе Сиротинская, Ближняя Перекопка и севернее Верхнеголубой. Встретите сильного противника – будете биться до последнего танка на том рубеже, до которого сумеете его отбросить, но к переправе у Калача гитлеровцев не пустите. Вас поддержит сразу же, как только высвободится, 196-я дивизия. Она будет подчинена вам в оперативном отношении и нанесет удар на Скворин. Будет возвращен вам и нацелен на Евсеев, Верхнебузиновку, Клетскую и 13-й танковый корпус. Когда сможет выступить 4-я танковая армия – мы сейчас узнаем.

Генерал Василевский приказал соединить его с генералом В.Д. Крючкиным, который ответил, что

имеющийся у него единственный 22-й танковый корпус генерала А.А. Шамшина сможет переправиться через Дон и выйти в исходный район не ранее 27 июля.

Начальник Генштаба подчеркнул:

– Всю ответственность за последствия принятого решения я беру на себя и буду докладывать товарищу Сталину о причинах, по которым мы прибегаем к этой крайней, но совершенно необходимой сейчас мере. Взгляните на карту: вы ясно увидите, что целью двух группировок 6-й армии – северной и южной – наверняка является Калач. Враг вышел к Дону у Голубинского, но не предпринял попыток форсировать реку, хотя мог бы это сделать, а повернул на юг. К правому флангу 64-й армии тоже подходит немецкая группировка танков и пехоты, которая, видимо, также будет стремиться прорваться к Калачу. Ведь от него прямой кратчайший путь к центру Сталинграда, да еще при хороших коммуникациях.

В своих мемуарах маршал А.М. Василевский следующим образом прокомментировал это решение: «Вместе с командованием фронта мы тщательно проанализировали обстановку. Старались не упустить ни одной детали, беседовали, советовались с командирами и политработниками. Все были преисполнены решимости отстоять город на Волге. Изучение сложившейся на фронте обстановки показало, что единственная возможность ликвидировать угрозу окружения 62-й армии и захвата противником переправ через Дон в районе Калача и к северу от него заключалась в безотлагательном нанесении по врагу контрударов наличными силами 1-й и 4-й танковых армий. 4-я танковая армия смогла сделать это только через двое суток, но ждать ее не было возможности, иначе мы потеряли бы переправы и фашистские войска вышли бы в тыл 62-й и 64-й армиям. Поэтому пришлось

пойти на немедленный удар 1-й танковой армии, а затем уж и 4-й»[\[24\]](#).

Генерал Москаленко, выполняя приказ начальника Генштаба, в полночь 24 июля приказал 28-му танковому корпусу утром 25 июля переправиться через Дон и наступать на север в направлении совхоз «10 лет Октября», хутор Ложки, Липологовский, Сухановский и далее на Большенабатовский, уничтожая во встречных бояхдвигающиеся к переправе у Калача танковые и мотомеханизированные части противника. 13-му танковому корпусу предписывалось наступать в направлении Евсеевский, Верхнебузиновка, Клетская. 131-я стрелковая дивизия должна была одним полком (482-й) поддержать наступление 28-го танкового корпуса, а остальными силами оборонять восточный берег Дона в районе Кустовского, Камышей, Калача, Ильевки. На западном берегу Дона у Березовского занял огневые позиции 1261-й зенитный артиллерийский полк. Остальные артиллерийские части, в том числе 1254-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк, еще находились на марше. В своей резерв командарм выделил 158-ю тяжелую танковую бригаду и батальон 131-й стрелковой дивизии, которым предстояло продвигаться за 28-м танковым корпусом. Командующий армией потребовал в течение ночи на 25 июля довести задачи до исполнителей, заправить танки горючим и обеспечить боеприпасами, вывести их в исходное положение для атаки.

После этого генерал Москаленко занялся организацией переправы войск 1-й танковой армии через Дон. Ее главным силам, находившимся на восточном берегу, предстояло переправляться через реку под непрерывным воздействием авиации врага, а на западном берегу с ходу вступить в бой. Первым

начал переправу 482-й стрелковый полк 131-й стрелковой дивизии, а за ним 56, 55, 39-я танковые и 32-я мотострелковая бригады. Переправа 1-го батальона 482-го стрелкового полка прошла незамеченной для противника, что позволило ему занять позиции, обеспечивающие переправу других подразделений. Однако следовавший за ним 3-й батальон на западном берегу Дона в 2,5 км от переправы подвергся на марше нападению 15 танков противника и мотопехоты на семи машинах. На помощь батальону пришли передовые подразделения 56-й танковой бригады (30 танков Т-34) подполковника И.Т. Бабенко. 1-й танковый батальон бригады, переправившись на западный берег Дона, с ходу атаковал противника, остановил, а затем отбросил его от переправы. Под прикрытием танков 3-й стрелковый батальон, а за ним и 2-й заняли и оборудовали назначенный им рубеж у переправы и удерживали его, невзирая на вражеский огонь и бомбежки. Подразделения 1-го батальона 56-й танковой бригады, обойдя рощу справа, по низинке, ворвались в нее с тыла. Примерно в пять часов вечера 1-й танковый батальон 55-й танковой бригады (полковник П.П. Лебедеенко) сосредоточился на западном берегу Дона.

В то время как войска 1-й танковой армии перешли в наступление, противник возобновил атаки, стремясь овладеть переправами. В результате завязалось встречное сражение в крайне невыгодных для 1-й танковой армии условиях, при превосходстве противника в силах и средствах и полном господстве его авиации в воздухе. Части 8-й воздушной армии, задействованные на других направлениях, не могли оказать поддержку войскам 1-й танковой армии. Несмотря на это, противник не сумел добиться успеха. В ходе упорных боев, продолжавшихся в течение всего

дня, части 28-го танкового корпуса, потеряв 57 танков, отбросили неприятеля на 6–8 км от Калача.

Противник, лишившись 27 танков, вынужден был отказаться от наступления и перейти к жесткой обороне, используя для борьбы с танками даже средства ПВО. Командир 3-й моторизованной дивизии генерал-лейтенант Шлемер признавал: «Атаки русских были настолько сильны, что 3-я моторизованная дивизия должна была отступить на линию 146,0 – 169,8 – 174,9 – Дон»^[25]. Не помогло и прибытие в район Липологовского частей 60-й моторизованной дивизии, также поступивших под командование генерала Шлемера. Бывший начальник штаба 52-го армейского корпуса генерал-майор Г. Дерр вспоминал: «25 июля 14-й танковый корпус, наступая через Клетскую и Сиротинскую, при приближении к Калачу в районе юго-западнее Каменской натолкнулся на крупные силы противника, сопротивление которых он не смог сломить, так как в связи с недостатком горючего некоторые его боевые части отстали»^[26]. Далее Дерр отмечал, что бой в районе Калача отнял у советских войск много сил, но зато принес выигрыш во времени примерно в две недели. «Что тогда означали две недели для эвакуации промышленных предприятий из Сталинграда и для его обороны, говорить не приходится, – пишет Дерр. – Затем из двух недель стало три, так как лишь 21 августа 6-я армия смогла начать свое наступление через Дон ввиду того, что трудности со снабжением и доставкой горючего задерживали проведение маршей и перегруппировку войск, а также подготовку техники, в особенности же переброску артиллерии и перебазирование авиации»^[27].

Противник, понимая, что контрудар войск Сталинградского фронта имел целью восстановить положение на правом фланге 62-й армии,

активизировал 25 июля свои действия слева от нее, южнее Суровикино. Там оборонялись две стрелковые дивизии 64-й армии – 229-я и 214-я. Последняя только прибыла в указанный район. 229-я стрелковая дивизия едва успела сменить 196-ю стрелковую дивизию 62-й армии. Таким образом, сложилась выгодная для противника обстановка. Он, обладая значительным превосходством в силах и средствах, сумел оттеснить правофланговые дивизии 64-й армии. Форсировав р. Чир на участке разъезд Дмитриевка, Рычковский, две пехотные и танковая дивизии врага разорвали смежные фланги 62-й и 64-й армий и создали угрозу удара на Калач с юго-запада.

В сложившейся обстановке генерал Москаленко около семи часов вечера 25 июля подписал первый приказ по 1-й танковой армии^[28]. Ее войскам предстояло при поддержке 8-й воздушной армии перейти в решительное наступление в общем направлении на Клетскую, уничтожить противника в районе Верхнеголубая, Верхнебузиновка, Скворин и к исходу 26 июля выйти на рубеж Сиротинская, Логовский, Клетская. 28-й корпус должен был наступать в направлении ферма № 2 совхоза «10 лет Октября», Большенабатовский, Ближняя Перекопка. Задача: уничтожить противника в районе Малонабатовский, Осиновский и преследовать его на север до рубежа Новогригорьевская, Логовский. Здесь приказывалось оставить передовые отряды, а главные силы сосредоточить в районе Сиротинская, Ближняя Перекопка, МТФ (молочно-товарная ферма. – *Прим. авт.*). 13-му танковому корпусу предписывалось наступать в общем направлении Евсеевский, Верхнебузиновка, Клетская с задачей уничтожить врага в районе Майоровский, Евсеевский, а затем преследовать противника до Дона, оставив подвижный

отряд на рубеже Клетская, Евстратовский, Верхнебузиновка. 131-й стрелковой дивизии приказывалось прочно оборонять переправу через Дон на участке Голубинский, Калач. В резерве командующего 1-й танковой армией по-прежнему находились 158-я тяжелая танковая бригада и батальон 131-й стрелковой дивизии, усиленные двумя батареями 1254-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка. Из состава резерва для непосредственной обороны переправы у Калача выделялись танковая рота и две батареи.

Командир 28-го танкового корпуса полковник Г.С. Родин во исполнение приказа командующего 1-й танковой армией решил продолжать наступление двумя эшелонами: в первом – 55-я и 39-я танковые бригады, а во втором – понесшая потери 56-я танковая бригада и 32-я мотострелковая бригада. Начало наступления было назначено на 3 часа ночи, чтобы исключить воздействие вражеской авиации и ошеломить противника внезапностью.

Однако обстановка внесла свои коррективы. Когда примерно в десять часов вечера 25 июля те части 39-й танковой бригады, которые оставались еще на левом берегу Дона, начали переправу, вражеские бомбардировщики, повесив несколько светящих авиационных бомб, стали бомбить понтонный мост. Зенитные батареи армии открыли интенсивный огонь, но переправа все же затянулась, и предназначенные для наступления части не успели сосредоточиться в исходном районе. 32-я мотострелковая бригада, которая должна была переправиться ночью, осталась пока на восточном берегу.

Командир 28-го танкового корпуса, стремясь упредить противника, принял решение двинуть вначале в направлении Ложков одну 55-ю танковую бригаду (36 танков). Однако противник сумел в течение ночи

подготовиться к отражению наступления 1-й танковой армии. Он занял выгодные рубежи, зарыл в землю танки, подтянул противотанковую артиллерию и 88-мм зенитные пушки. Сковав врага и не допустив перехода его в контратаку, 55-я танковая бригада преодолела 1,5–2 км и была остановлена, потеряв около 10 танков.

В три часа дня 26 июля 28-й танковый корпус предпринял новую атаку, которая также была отражена противником. В семь часов вечера был нанесен третий удар. Решающую роль в нем должна была сыграть 55-я танковая бригада, которой предстояло овладеть восточными окраинами села Ложки и совхоза «10 лет Октября». Командиру бригады П.П. Лебеденко было приказано лично возглавить обходный маневр по берегу Дона. Левее наносили удар части 56-й танковой бригады. Задача зайти с тыла и занять западную окраину совхоза «10 лет Октября», в стыке между двумя танковыми бригадами, возлагалась на 32-ю мотострелковую бригаду.

В связи с тем, что пехота опаздывала с подходом, командир 55-й танковой бригады принял решение начать марш, не дожидаясь ее. Танки двинулись сначала вдоль фронта, в некотором отдалении от переднего края, потом стали постепенно сворачивать к северу. Противник обнаружил танковую колонну лишь после того, как она прошла около 4 км. Однако беспорядочный артиллерийский обстрел не причинил особого вреда бригаде, которая ворвалась в расположение врага, вынудив его начать отход. Подразделения 55-й танковой бригады обошли с востока село Ложки и совхоз «10 лет Октября», а затем захватили высоту 174,9, господствовавшую в этом районе. К этому времени противник успел за северными скатами высоты основательно закрепиться и выдвинуть артиллерию. Это вынудило командира 55-й танковой бригады принять решение о переходе к обороне,

используя для этой цели батальон 131-й стрелковой дивизии и мотострелковый батальон.

Подводя итоги боевых действий 28-го танкового корпуса за 26 июля, генерал армии С.П. Иванов отмечал: «Мы вынуждены были констатировать, что удары соединения Родина не полностью достигли цели. Главное, как это понимал и Родин, враг сохранил свободу передвижения из села Ложки в свой тыл и продолжал укреплять рубеж Липологовский, Липолебедевский. Мы предполагали, что помощь соседей отвлечет часть гитлеровцев и мы не только возьмем Ложки, но и прорвемся через гряду высот на названном рубеже»^[29].

На левом фланге 1-й танковой армии наступал 13-й танковый корпус, который силами двух танковых бригад (166-я и 169-я) нанес удар из района Добринки в северном направлении. Третья бригада (163-я) находилась в резерве 62-й армии в районе населенного пункта Остров, расположенного к юго-востоку от Добринки. Овладев населенным пунктом Евсеевский, командир 13-го танкового корпуса направил сначала 166-ю танковую бригаду, а на следующий день и 169-ю в район Манойлина. Между тем приказ командующего 1-й танковой армией требовал, чтобы 13-й танковый корпус наступал на Верхнебузиновку и далее на Клетскую. Несколько продвинулась вперед и 196-я стрелковая дивизия 62-й армии, взаимодействовавшая с войсками 1-й танковой армии. От 21-й армии для участия в контрударе был выделен только один стрелковый полк вместо трех-четырех дивизий. Естественно, что сил одного полка было недостаточно для того, чтобы оказать существенное влияние на ход боевых действий.

Вечером 26 июля на наблюдательный пункт 1-й танковой армии, расположенный на западном берегу

Дона, вновь прибыл генерал-полковник А.М. Василевский. Ознакомившись с результатами первых наступательных боев, он уточнил последующую задачу. 27 июля намечалось нанести удары силами 1-й и 4-й танковых армий, соответственно, в северном и западном направлениях на Верхнебузиновку и далее на Клетскую и Перелазовский, чтобы разгромить вражескую группировку, прорвавшуюся на правом фланге 62-й армии^[30]. На 131-ю стрелковую дивизию и 158-ю тяжелую танковую бригаду была возложена задача по очищению от противника высот на западном берегу Дона.

Противник, воспользовавшись тем, что 1-я танковая армия в течение первых дней наступления сражалась, по существу, одна, сосредоточил против нее большую часть своей артиллерии, мотопехоты, танков и авиации. В этой обстановке генерал Москаленко возлагал большие надежды на переход 27 июля в наступление 4-й танковой армии. Однако к четырем часам дня 27 июля из ее состава на западный берег Дона переправились только 17 танков одной из бригад 22-го танкового корпуса. В связи с этим, а также с тем, что 13-й танковый корпус по-прежнему вел бои в районе Манойлина, удар в направлении Верхнебузиновки 1-я танковая армия наносила лишь силами одного, 28-го танкового корпуса. Кроме того, по приказу командующего армией 131-я стрелковая дивизия наступала на север вдоль правого берега Дона.

Наступление 28-го танкового корпуса началось утром 27 июля при слабой артиллерийской и авиационной поддержке. В результате темпы продвижения были невысокими. В течение дня корпусу удалось отбросить на север части прикрытия противника и выйти на рубеж населенных пунктов Липолебедевский, Липологовский. Части 131-й

стрелковой дивизии овладели окраиной Голубинского. Однако, не имея перевеса ни в живой силе, ни в технике и огневой мощи, 28-й танковый корпус не смог прорвать оборону главных сил врага, а только продвинулся на 6–7 км.

Невыполнение задачи командиром 13-го танкового корпуса привело к тому, что в целом контрудар наносился по расходящимся направлениям, вопреки замыслу операции, предусматривавшей разгром всей вражеской группировки, прорвавшейся на правом фланге 62-й армии. Положение было исправлено после принятия мер командованием фронта и 1-й танковой армии. В район Манойлина прибыл заместитель командующего 1-й танковой армией генерал-майор танковых войск Е.Г. Пушкин, который и стал с 28 июля руководить действиями 13-го танкового корпуса. В состав последнего была возвращена 163-я танковая бригада, а две другие, сражавшиеся под Манойлином фронтом на северо-запад и запад, выведены из боя. Проведя разведку, части корпуса на рассвете 28 июля атаковали противника в районе Майоровского и установили тесную связь со 184-й, 192-й стрелковыми дивизиями и 40-й танковой бригадой.

Тем временем противник спешно принимал меры для того, чтобы остановить наступление правофланговых частей 1-й танковой армии. С этой целью он ввел в сражение 376-ю пехотную дивизию 8-го армейского корпуса. В связи с тем, что в результате контрудара 1-й танковой армии противнику не удалось с ходу прорваться на Сталинград через Калач, он решил осуществить свой замысел в том же направлении, но с юго-запада, из района Нижнечирской. Ценою тяжелых потерь противник захватил 27 июля Нижнечирскую, Новомаксимовский и Ближнеосиновский и создал угрозу удара на Сталинград с юго-запада.

К этому времени значительно ухудшилась обстановка и на других участках советско-германского фронта. На северо-западе после тяжелых боев в мае – июне была окружена и потерпела поражение Волховская группа войск Ленинградского фронта. Войска Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов под ударами группы армий «Юг» и образованных на ее базе групп армий «Б» и «А» отступили на 150–400 км, оставили Донбасс и правый берег Дона. В сложившейся обстановке нарком обороны И.В. Сталин 28 июля подписал приказ № 227, который требовал «безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступать и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда»^[31]. Этим приказом предписывалось сформировать заградительные отряды и штрафные роты и батальоны^[32].

31 июля командующему Сталинградским фронтом генералу В.Н. Гордову была направлена директива № 170542 Ставки ВГК, подписанная И.В. Сталиным и генералом А.В. Василевским. Директива требовала немедленно донести Ставке, какие меры в соответствии с приказом № 227 предприняты военными советами фронта и армий по отношению к виновникам отхода, паникерам и трусам.

«В двухдневный срок сформировать за счет лучшего состава прибывших во фронт дальневосточных дивизий заградительные отряды до 200 человек в каждом, – указывалось в этом документе, – которые поставить в непосредственном тылу, и прежде всего за дивизиями 62-й и 64-й армий. Заградительные отряды подчинить военным советам армий через их особые отделы. Во главе заградительных отрядов поставить наиболее опытных в боевом отношении особистов»^[33].

Генерал Гордов, выполняя указание Сталина и генерала Василевского, подписал 1 августа приказ № 00162/оп, в котором говорилось:

«...5. Командующим 21, 55, 57, 62, 63, 65-й армиями в двухдневный срок сформировать по пять заградительных отрядов, а командующим 1-й и 4-й танковыми армиями – по три заградительных отряда численностью по 200 человек каждый. Заградительные отряды подчинить Военсоветам армий через их Особые отделы. Во главе заградительных отрядов поставить наиболее опытных в боевом отношении особистов. Заградительные отряды укомплектовать лучшими отборными бойцами и командирами из дальневосточных дивизий. Обеспечить заградотряды автотранспортом.

6. В двухдневный срок восстановить в каждой стрелковой дивизии заградительные батальоны, сформированные по директиве Ставки Верховного Главного Командования № 01919. Заградительные батальоны дивизий укомплектовать лучшими достойными бойцами и командирами. Об исполнении донести к 4 августа 1942 г.»[\[34\]](#).

К середине октября 1942 г. на Сталинградском фронте было сформировано 16 заградительных отрядов, подчиненных Особым отделам НКВД армий. С 1 августа по 15 октября заградительными отрядами были задержаны 15 649 человек, арестованы 244 человека, расстреляны 278 человек, направлены в штрафные роты 218 человек, в штрафные батальоны – 42, возвращены в свои части и на пересыльные пункты – 14 833 человека.[\[35\]](#).

В день подписания приказа № 227 Ставка ВГК приказала командующему Сталинградским фронтом переключить главные усилия на юго-западное направление, становившееся наиболее угрожающим. В

директиве № 170535, направленной около пяти часов вечера 28 июля генералу Гордову, отмечалось:

«В связи с отходом 214 сд 64-й армии южнее устья р. Чир за Дон и выходом здесь противника на западный берег Дона направление Нижнечирская, Сталинград в данный момент является для фронта наиболее опасным, а следовательно, и основным. Опасность эта состоит в том, что противник, переправившись через р. Дон, может обойти Сталинград с юга и выйти в тыл Сталинградскому фронту»^[36].

С учетом этого войскам фронта было приказано, продолжая действия по полному уничтожению противника в районе Верхнебузиновки, не позднее 30 июля активными действиями частей 64-й армии с использованием подошедших в район Калача и южнее 204-й и 321-й стрелковых дивизий и 23-го танкового корпуса разгромить противника, вышедшего южнее Нижнечирской на западный берег р. Дон, и полностью восстановить здесь оборону по Сталинградскому рубежу, отбросив в дальнейшем врага на запад за р. Цимла.

К моменту получения этой директивы командующий Сталинградским фронтом уже принял ряд мер, в основном совпадавших с указанием Ставки ВГК. Главная роль в их осуществлении, однако, была отведена не 64-й армии, как предлагалось в вышеприведенной директиве, а 1-й танковой армии. Генерал Гордов приказал немедленно повернуть часть ее сил на юго-запад и разгромить группировку врага, которая оттуда угрожала выходом на кратчайшее направление к Сталинграду. Для усиления армии в ее состав из 4-й танковой армии передавались 23-й танковый корпус (99-я и 189-я танковые и 9-я мотострелковая бригады; всего 75 танков и 254 активных штыка), 204-я стрелковая дивизия, 397-й и

398-й легкие артиллерийские полки. Однако эти соединения и части находились либо на подходе к Калачу, либо еще дальше. Поэтому до их прибытия в район Суровикино командующий 1-й танковой армией направил туда 163-ю танковую бригаду полковника Н.И. Бернякова, которой предстояло совместно с 229-й стрелковой дивизией 64-й армии задержать противника. После того как 23-й танковый корпус и 204-я стрелковая дивизия прибыли, они также были направлены в намеченный район и введены в сражение на стыке 62-й и 64-й армий.

Таким образом, 1-я танковая армия действовала на двух противоположных направлениях – северном и юго-западном, причем последнее было основным. Оно поглощало все подкрепления, прибывавшие в армию, и, кроме того, отвлекало часть сил от главного направления. В результате не произошло наращивания ее усилий в северном направлении.

С 28 июля в 1-ю танковую армию начали прибывать гвардейские минометные полки (4, 5, 47, 51 и 83-й). Три полка были приданы 23-му и 28-му танковым корпусам, один – 131-й стрелковой дивизии и один оставлен в резерве армии. Кроме того, армия получила 88 танков, в том числе 61 боевую машину из числа отремонтированных на Сталинградском тракторном заводе. Своими силами танкисты возвратили в строй 55 танков, из них 25 Т-34. Для пополнения 56-й танковой бригады, понесшей наибольшие потери, было выделено 49 машин (из них 28 Т-34). 23-й танковый корпус получил 10 боевых машин, в его состав также вошла 20-я мотострелковая бригада.

В четыре часа утра 28 июля в сражение вступила 4-я танковая армия. Она нанесла удар из района Трехостровской и двинулась к Верхнебузиновке с востока. Одновременно в наступление перешел 13-й танковый корпус, который встретил упорное

сопротивление врага. Он к этому времени успел закопать в землю 20 тяжелых танков и замаскировать несколько батарей противотанковой артиллерии на западных скатах высот, тянувшихся в 4 км северо-западнее Осиновского. Когда между частями 13-го и 22-го танковых корпусов осталось не более 10 км, встал вопрос о согласовании их дальнейших усилий. Начальник штаба 4-й танковой армии полковник И.И. Шитов-Изотов сообщил в штаб 1-й танковой армии, что 22-й танковый корпус уже получил задачу наступать на Верхнебузиновку по кратчайшему маршруту – через хутор Осиновский и совхоз «Заготскот».

Командир 13-го танкового корпуса полковник Танасчишин, полагая, что с тыла по противнику вскоре ударят части 22-го танкового корпуса генерала А.А. Шамшина, в течение десяти часов, маневрируя, стремился сковать здесь врага, непрерывно бросавшего в контратаки мотопехоту с танками при поддержке авиации. Убедившись, что 22-й танковый корпус не успевает, командующий 1-й танковой армией решил изменить направление удара 13-го танкового корпуса: наступать не на Осиновский, совхоз «Заготскот», а на Оськинский, находившийся несколько севернее, но тоже на пути к соединению с войсками 4-й танковой армии.

Полковник Т.И. Танасчишин, получив новую задачу, оставил небольшое прикрытие на прежнем направлении, а основными силами с шести часов утра 30 июля перешел в наступление на Оськинский. Одновременно он сообщил в штаб 1-й танковой армии: «Прошу предупредить о движении наших войск командование 22-го танкового корпуса. Мы крайне нуждаемся в боеприпасах и горючем. Доставка автоколонной горючего и боеприпасов не увенчалась успехом, ибо противник отрезал все переходы к району 13-го корпуса с тыла. Прошу обеспечить связь авиацией

через 22-й танковый корпус и подбросить горючее и боеприпасы»[\[37\]](#).

Удар в направлении Оськинского развивался успешно. Частью разгромив, а частью отбросив заслоны врага, передовой отряд во главе с полковником Танасчишиным в скоротечном бою сломил сопротивление противника и в девять часов вечера 30 июля овладел Оськинским. А с северо-востока сюда вскоре вышли части 22-го танкового корпуса 4-й танковой армии. После этого сильно поредевшие части 13-го танкового корпуса свели в одну 169-ю танковую бригаду, вошедшую в состав 22-го корпуса. Управление 13-го танкового корпуса во главе с полковником Т.И. Танасчишиным было выведено на новое формирование, а генерал-майор Е.Г. Пушкин назначен заместителем командующего по БТ и МВ 4-й танковой армии.

Части 23-го танкового корпуса и стрелковые соединения 1-й танковой армии, ломая сопротивление врага и нанося ему значительный урон, продолжали двигаться вперед. 189-я танковая бригада 23-го танкового корпуса овладела западной окраиной сильно укрепленного опорного пункта Липологовский. В результате создавалась угроза полного окружения 14-го танкового корпуса генерала Виттерсгейма. С целью оказания ему помощи командующий 6-й армией генерал Паулюс ввел в сражение свежие силы. Из района Добринки было переброшено 50 танков и до 600 автомашин с пехотой и артиллерией. Кроме того, к Сухановскому двигался батальон пехоты с 30 танками, а в район Майоровского, Сухановского – 20 танков[\[38\]](#). Им удалось прорвать внешний фронт 62-й армии и, выйдя в район Добринки, установить контакт с 14-м танковым корпусом. С этого момента бои приняли еще более ожесточенный характер. Авиация противника нанесла массированный бомбовый удар по 189-й танковой

бригаде. Она, потеряв 20 танков, сумела все-таки удержать свои позиции.

Контрудар войск Сталинградского фронта поставил под угрозу основные стратегические планы германского командования. «На докладе у фюрера слово было дано генералу Йодлю, – отмечал 30 июля в своем дневнике начальник Генерального штаба Сухопутных войск генерал Ф. Гальдер, – который высокопарно объявил, что судьба Кавказа решится под Сталинградом. Поэтому необходима передача сил из группы армий «А» в группу армий «Б», и это должно произойти как можно дальше к югу от Дона»^[39]. Следовательно, противник, учитывая, что 6-я армия не смогла прорваться через Дон к Волге, планировал осуществить свой замысел ударом 4-й танковой армии на Сталинград с юго-запада.

С 31 июля противник на отдельных направлениях неоднократно переходил в контратаки, но, встречая упорное сопротивление частей 1-й танковой армии, с большими потерями откатывался назад. В то же время не имели успеха и попытки частей 1-й танковой армии прорвать вражескую оборону. Существенную помощь армии оказал 22-й танковый корпус 4-й танковой армии. Он, имея 100 танков, сумел с тяжелыми боями продвинуться до рубежа Евлампиевский, Малонабатовский. «Советские танки отсекали выдвинувшиеся вперед (к Дону. – *Прим. авт.*) войска 14-го танкового корпуса от главных сил 6-й армии, – пишет В. Вертен, – воспретили подвоз пополнений, горючего, боеприпасов и пытались... замкнуть их в кольцо окружения и уничтожить... В донских степях разыгралось классическое танковое сражение, судя по его перипетиям и количеству участвовавших с обеих сторон танков. Хотя русские понесли большие потери, в выигрыше фактически оказались они, так как выиграли время для создания обороны Сталинграда»^[40].

В последующем войска 1-й танковой армии вновь и вновь наносили удары по липологовской группировке врага. Однако уничтожить ее не удалось. Она непрерывно получала подкрепления, а силы 1-й танковой армии, не получавшей пополнения, день ото дня таяли. Более того, часть сил, в том числе единственную вновь прибывшую 254-ю танковую бригаду и три гвардейских минометных полка, пришлось по приказу штаба Сталинградского фронта передать в состав 64-й армии.

Ударная группировка 6-й армии противника, потерпев поражение, была вынуждена перейти к обороне. На Сталинград теперь наступала 4-я танковая армия противника, наносившая удар с юга. Туда и переместился эпицентр сражения. В связи с тем, что командующий Сталинградским фронтом не располагал достаточными резервами для ведения активных действий на двух направлениях, он 5 августа приказал 1-й танковой армии перейти к обороне. К этому времени ее судьба была предрешена. На базе управления армии согласно директиве № 99414 ° (0?) Ставки ВГК от 4 августа предписывалось к 9 августа сформировать управление Юго-Восточного фронта^[41].

По директиве Ставки ВГК № 170554 от 5 августа Сталинградский фронт был разделен на два фронта – Сталинградский и Юго-Восточный. В состав первого вошли 63, 21, 62-я и 4-я танковая армии, 28-й танковый корпус, а второго – 64-я, 51-я, 1-я гвардейская, 57-я армии, 13-й танковый корпус^[42]. Одновременно командующему войсками Сталинградского фронта была направлена директива № 994145:

«Ставка Верховного Главнокомандования приказала не позднее 12.00 5.08 передать в распоряжение командующего Юго-Восточным фронтом генерал-полковника Еременко управление 1-й танковой армии с

частями обеспечения и учреждениями обслуживания для развертывания на их базе к 6.08.1942 г. управления, частей обеспечения и учреждений обслуживания Юго-Восточного фронта»^[43].

В ночь на 6 августа в штаб 1-й танковой армии поступило сообщение из штаба фронта: «Генералу Москаленко немедленно передать войска армии генералу А.И. Лопатину и прибыть в город Сталинград к 6.00 6 августа со штабом, управлением и частями армейского подчинения»^[44]. Генералу Москаленко предстояло через несколько дней возглавить 1-ю гвардейскую армию.

На этом боевой путь 1-й танковой армии завершился. Она, если взять за точку отсчета директиву о ее создании от 22 июля 1942 г., просуществовала всего две недели. Естественно, что за столь короткий срок невозможно было надлежащим образом создать полноценную армию, а тем более ожидать от нее каких-либо свершений. В то же время соединения армии, наряду с 4-й танковой армией, внесли свой посильный вклад в осуществление контрудара войск Сталинградского фронта. Позволим себе ознакомить читателя с теми оценками, которые содержатся в отечественной историографии. Они не всегда совпадают, ибо были сделаны людьми, как имевшими отношение к организации контрудара, так и изучавшими его организацию и ход.

Например, хорошо знакомый автору книги участник Великой Отечественной войны военный историк Ф.Н. Утенков писал: «Контрудар не имел успеха главным образом потому, что из танковых соединений не были созданы мощные ударные группировки, больше половины намечавшихся сил не участвовали в контрударе из-за поспешности, вследствие неудовлетворительной организации взаимодействия со

стороны штабов армий и фронта удары наносились в разное время, несогласованно. Из документов видно, что контрудары танковых армий начались не 25 и 27 июля... а 27 и 29 июля 1942 года; ведь решение на контрудар было принято только в 20 час. 30 мин. 26 июля 1942 года»^[45]. Авторы военно-исторического очерка «Великая победа на Волге» считали ошибочным решение о нанесении фронтового контрудара по группировке противника, прорвавшейся на правом фланге 62-й армии^[46].

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков занял, на наш взгляд, более принципиальную позицию. «26 июля бронетанковые и моторизованные немецкие войска прорвали оборону 62-й армии и вышли в район Каменского, – писал он. – Для противодействия прорыву Ставка приказала немедленно ввести в бой формируемые 1-ю и 4-ю танковые армии, имевшие всего лишь 240 танков и две стрелковые дивизии, которые не смогли остановить, но несколько задержали продвижение врага. Конечно, ввод в бой частей, находящихся в стадии формирования, нельзя признать правильным, но иного выхода в то время у Ставки не было, так как пути на Сталинград прикрывались слабо»^[47].

Маршал Советского Союза К.С. Москаленко, вспоминая о событиях того времени, писал: «Главным результатом контрудара 1-й танковой армии было то, что враг, намеревавшийся без задержки переправиться через Дон и с ходу овладеть Сталинградом, не достиг этой цели. Был сорван также план окружения и уничтожения 62-й и 1-й танковой армий... Вместо наступления немецко-фашистским войскам пришлось перейти к обороне. Более того, их коммуникации были перерезаны, а сами они, понеся огромные потери, оказались перед угрозой окружения»^[48]. Он также

отмечал, что решение о нанесении контрудара силами двух танковых армий, еще не закончивших формирование и не получивших всех предназначенных для них средств усиления, было оправданным. «...Не может быть и речи об ошибочности принятого в то время решения, – пишет Москаленко. – Тем же, кто видит лишь неготовность к контрудару, хотелось бы напомнить, что эта сторона дела была хорошо известна и принимавшим решение, и выполнявшим его»^[49].

С мнением К.С. Москаленко был полностью согласен маршал А.М. Василевский: «Будучи одним из наиболее ответственных инициаторов этого события, лицом, которое вело все переговоры с Верховным Главнокомандующим по этому вопросу, а также непосредственным очевидцем всей серьезности создавшейся обстановки, я считал и считаю, что решение на проведение контрудара даже далеко не полностью готовой к боевым действиям 1-й танковой армии в тех условиях было единственно правильным и что оно, как показал дальнейший ход событий, с учетом контрудара столь же неготовой 4-й танковой армии, в значительной степени себя оправдало. Необходимость контрудара наличными силами 1-й танковой армии вызывалась тем, что противник, прорвав оборону правофланговых дивизий 62-й армии и окружив здесь две наши стрелковые дивизии и танковую бригаду, выходом крупных сил в район Верхнебузиновка, Сухановский создал непосредственную и серьезную угрозу не только переправам через Дон, но и всем войскам 62-й и левого фланга 64-й армий, оборонявшимся в большой излучине Дона. Для ликвидации этой серьезной опасности, нависшей над войсками 62-й армии, требовались немедленные контрмеры. Других войск, кроме 1-й и 4-й танковых армий, не было... Последующие события показали, что

благодаря активным действиям и упорному сопротивлению войск Сталинградского фронта в целом главная группировка войск немецкой армии, вместо захвата Сталинграда с ходу, вынуждена была втянуться в затяжные бои на восточном берегу Дона. В связи с этой задержкой в наступлении 6-й немецкой армии немецко-фашистскому командованию пришлось повернуть свою 4-ю танковую армию с кавказского на сталинградское направление»^[50].

Итак, в целом непосредственные участники событий того времени достаточно высоко оценивают результаты контрудара войск Сталинградского фронта. В то же время они не отрицают того, что не удалось разгромить вражескую группировку, рвавшуюся к Калачу. Основными причинами этого являлись: превосходство противника в силах и средствах; абсолютное господство его авиации в воздухе; отсутствие тесного взаимодействия между танками, пехотой и артиллерией, а также надежного авиационного прикрытия; недостаток артиллерии для борьбы с противотанковыми средствами врага; быстрое и резкое изменение обстановки и несвоевременное реагирование на это командующего Сталинградским фронтом; переход в наступление танковых армий в разное время и не всеми силами; действия танковых корпусов изолированно друг от друга; отвлечение части сил 1-й танковой армии для ликвидации угрозы Калачу с юго-запада; медлительность командиров танковых частей и соединений в выполнении боевых приказов; слабая организация разведки противника и местности и др.

Третья танковая армия

Третья танковая армия была сформирована второй по счету после 5-й танковой армии. Начало формированию 3-й танковой армии положила директива № 994022 от 25 мая 1942 г., подписанная И.В. Сталиным и генералом А.М. Василевским. В директиве говорилось:

«Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Сформировать 3-ю танковую армию в составе 12-го и 15-го танковых корпусов, 164-й отд. танковой бригады, 154-й стр. дивизии, одного лап РГК пушек УСВ, одного гвардейского минометного полка смешанного типа в составе двух дивизионов М-8 и одного дивизиона М-13, одного зенитного дивизиона. Дислокация управления 3-й танковой армии – г. Тула»^[51].

По директиве № 170411 Ставки ВГК от 26 мая из состава 58-й армии в распоряжение командующего 3-й танковой армией передавались управление этой армии и 154-я стрелковая дивизия^[52]. Одновременно директивой № 994023 был установлен следующий состав управления 3-й танковой армии: полевое управление; военная прокуратура; военный трибунал; отдельная рота охраны; отдельная штабная авторота; отдельная рота Особого отдела НКВД; отдельный батальон связи; отделение полевой связи наркомата связи; военно-почтовая база; полевая почтовая станция; полевое отделение Госбанка; военторг; управление полевой армейской базы; отдельная рота по обслуживанию армейской базы; полевые армейские артиллерийский склад, два склада ГСМ, военно-технический, интендантский и санитарный склады, склад автобронетанкового имущества; армейский ремонтно-восстановительный батальон; три подвижные

ремонтные базы; две эвакуаторные роты; управление сборного пункта аварийных машин; армейские артиллерийская ремонтная мастерская и мастерская по ремонту средств связи; полевой подвижный госпиталь; автосанитарная рота; подвижная санитарная эпидемическая лаборатория; два полевых прачечных отряда; три автотранспортных батальона^[53].

В Тульском лагере предписывалось сосредоточить 154-ю стрелковую дивизию, в районе Ново-Тульск, Ясная Поляна – 12-й танковый корпус и 164-ю танковую бригаду, в районе восточнее Тулы – 15-й танковый корпус, в Туле – 1172-й легкий артиллерийский полк РГК, 62-й гвардейский минометный полк и отдельный зенитный артиллерийский дивизион^[54].

Командующим 3-й танковой армией, находившейся в резерве Ставки ВГК, был назначен генерал-лейтенант П.Л. Романенко, освобожденный от должности командующего 17-й армией (см. приложение № 3). Он, в отличие от генерала К.С. Москаленко, командовавшего 1-й танковой армией, имел опыт управления механизированными войсками. До начала войны Романенко командовал механизированной бригадой и корпусом. Он был убежденным сторонником идеи массированного применения танков в современной войне, которую отстаивал в декабре 1940 г. на совещании высшего состава.

15 августа директивой № 17057 Ставки ВГК генерал Романенко одновременно был назначен и заместителем командующего войсками Западного фронта и на него возлагалось руководство операциями 16-й, 61-й и 3-й танковой армий^[55]. Штаб армии 26 мая возглавил полковник М.И. Зинькович, освобожденный от должности заместителя командующего 17-й армией по автобронетанковым войскам. Заместителем командующего 3-й танковой армией 15 августа стал

генерал-майор Черняховский, освобожденный от обязанностей начальника управления военно-учебных заведений Главного автобронетанкового управления.

В соответствии с директивой № 994092 Ставки ВГК от 3 июля состав 3-й танковой армии был несколько изменен: вместо 164-й танковой бригады она получила 179-ю отдельную танковую бригаду. Этой же директивой приказывалось перебросить танковые части армии по железной дороге в район Ефремова, а мотострелковые бригады и тыловые части, имеющие автотранспорт, должны были следовать своим ходом^[56]. Однако уже 6 июля директивой № 994096 район переброски армии был изменен: вместо Ефремова в район станции Выползово, Чернь^[57].

На основании директивы № 103512 Ставки ВГК от 25 июля в состав 3-й танковой армии из Московской зоны обороны дополнительно передавались 119-я и 264-я стрелковые дивизии^[58]. 26 июля по распоряжению Ставки ВГК из армии в состав Брянского фронта были переданы 86-я и 96-я танковые бригады^[59].

К 1 августа 1942 г. в состав 3-й танковой армии входили три стрелковые дивизии, два танковых корпуса, отдельная танковая бригада, отдельный мотоциклетный батальон, истребительно-противотанковый артиллерийский, гвардейский минометный полки, отдельный зенитный артиллерийский дивизион и инженерный батальон.

Эти сведения расходятся с данными Д.В. Шеина, который не указывает 119-ю стрелковую дивизию, но говорит о 8-м отдельном мотоциклетном полке.

В исторической литературе встречаются и другие данные. Например, в труде «Советские танковые войска 1941-1945. Военно-исторический очерк» приводится следующий состав армии к середине августа 1942 г.: 12, 3 и 15-й танковые корпуса, 1-я гвардейская

мотострелковая дивизия, 179-я отдельная танковая бригада, два артиллерийских полка.

Перед командованием 1-й танковой армии была поставлена задача подготовить части и соединения для активных наступательных действий, научить их самостоятельно прорывать оборону противника и развивать достигнутый тактический успех в оперативный. Войска армии, в отличие от 1-й танковой армии, получили возможность заниматься боевой подготовкой в течение двух с половиной месяцев. По огневой подготовке было отработано по 3-4 упражнения (задачи) курсов стрельб. В ходе тактической подготовки мотострелковые и стрелковые подразделения тренировались в совершении маршей на 25 и 50 км, а также марш-бросков на 7 км за 40-45 мин. Основными темами занятий были встречный и оборонительный бои, наступательный бой с прорывом обороны противника, преследование противника и закрепление захваченных рубежей, организация разведки и боевого обеспечения. Все темы отрабатывались с взводом, ротой, батальоном во взаимодействии с пехотой и артиллерией. С командирами и штабами соединений были проведены два занятия на темы: организация подхода к полю боя соединений и частей армии и их сосредоточение для наступления; организация прорыва обороны противника, развитие успеха и действие танковой армии в оперативно-тактической глубине. Одновременно на специальных сборах совершенствовалась подготовка разведывательных подразделений и подразделений связи.

12 августа Ставка ВГК своей директивой № 1036027 приказала перебросить войска 3-й танковой армии по железной дороге в пункты нового назначения: с 12 августа - управление армии, 12-й, 15-й танковые корпуса и 154-ю стрелковую дивизию; с 15 августа -

119-ю и 264-ю стрелковые дивизии^[60]. В состав армии были включены 106-я и 195-я танковые бригады. Штаб армии, мотострелковые бригады танковых корпусов, мотострелковые батальоны танковых бригад и другие обеспеченные автотранспортом части должны были своим ходом преодолеть от 120 до 160 км. Армия из резерва Ставки ВГК передавалась в состав Западного фронта, которым командовал генерал-полковник И.С. Конев. Ей предстояло принять участие в Ржевско-Сычевской наступательной операции.

***Ржевско-Сычевская наступательная операция
(30 июля - 23 августа 1942 г.)***

В ходе Ржевско-Вяземской стратегической наступательной операции, проведенной с 8 января по 20 апреля 1942 г., образовался ржевско-вяземский выступ. В германской историографии он именуется как «ржевский выступ», «ржевская дуга», «ржевско-вяземский плацдарм». Его размеры составляли до 160 км в глубину и до 200 км по фронту (у основания). Линия фронта в районе выступа проходила западнее Белого, севернее и восточнее Ржева, западнее Юхнова, восточнее Спас-Деменска. Германское командование придавало особое значение удержанию выступа, рассматривая его как плацдарм для наступления на Москву. Здесь было сосредоточено около 2/3 войск группы армии «Центр» в составе 9-й армии и основных сил 3-й танковой и 4-й армий. Для удержания ржевско-вяземского плацдарма противник с конца декабря 1941 г. стал создавать мощную, глубоко эшелонированную оборону.

Войска Западного и Калининского фронтов, занимавшие охватывающее положение по отношению к ржевско-вяземской группировке противника, создавали постоянную угрозу удара по ее флангам и

последующего окружения. С учетом этого Ставка ВГК в своей директиве № 170514 от 16 июля 1942 г. потребовала силами левого крыла Калининского фронта и правого крыла Западного фронта с 28 июля по 5 августа провести операцию с задачей очистить от противника территорию к северу от р. Волга в районе Ржев, Зубцов и территорию к востоку от р. Вазуза в районе Зубцов, Карамзино, Погорелое Городище. Им также предстояло овладеть Ржевом и Зубцовом, выйти и прочно закрепиться на реках Волга и Вазуза, обеспечив за собой тет-де-поны^[61] в районе Ржева и Зубцова^[62]. Это требование легло в основу плана Ржевско-Сычевской наступательной операции, проведенной 30 июля - 23 августа 1942 г. Мы придерживаемся традиционной датировки данной операции, так вызывает сомнение утверждение С.А. Герасимовой, что «1-я Ржевско-Сычевская (Гжатская) наступательная операция» была проведена с 30 июля по 30 сентября 1942 г.^[63]

Генеральный штаб сухопутных войск Германии, как отмечал генерал Ф. Гальдер в своем дневнике 23 июля, предполагал, что советские войска готовят новые удары против группы армий «Центр». Однако до 30 июля он фиксировал, что на фронте ее армий никаких существенных событий не происходит.

Наступление войск 30-й и 29-й армий Калининского фронта началось 30 июля, а 31-й и 20-й армий Западного фронта - 4 августа. Во второй половине августа соединения 30-й и 29-й армий вышли на подступы к Ржеву, но овладеть им не смогли. Дальнейшее развитие Ржевско-Сычевской операции невозможно было без ввода новых подвижных сил. Теперь решающую роль предстояло сыграть 3-й танковой армии. К вечеру 17 августа ее части, следовавшие на автомашинах, сосредоточились

скрытно в районах южнее и юго-восточнее Козельска. Этому способствовали передвижение колонн только в ночное время и дождливая погода. Однако сосредоточение частей армии, перемещавшихся по железной дороге, из-за несвоевременной подачи платформ и вагонов, плохой подготовки станций погрузки и выгрузки растянулось на десять дней. Воздушная разведка противника сумела обнаружить переброску войск по железной дороге. Генерал Гальдер 30 июля отмечал в своем дневнике: «Обстановка в районе Черни, в полосе 2-й танковой армии, все еще остается неясной. Выявленная здесь [русская] танковая армия может оказаться и новой наступательной группировкой, и простым скоплением войск, сосредоточенных здесь для введения нас в заблуждение»^[64].

Авиация противника неоднократно наносила удары с воздуха по частям 3-й танковой армии, как во время следования по железной дороге, так и на станциях выгрузки. Командование немецкой 2-й танковой армии, наступавшей в направлении Калуги, отдало 20 августа приказ о переходе своих частей к обороне на достигнутых рубежах в связи с появлением у противника большого количества танков.

В районе Козельска в состав 3-й танковой армии были включены 1-я Московская Краснознаменная гвардейская мотострелковая дивизия, 1155-й пушечный артиллерийский полк РГК и 1245-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк. В оперативном отношении командующему армией были подчинены 3-й танковый корпус с 342-й стрелковой дивизией и 105-й стрелковой бригадой, 995-й пушечный и 128-й гаубичный артиллерийские полки РГК, 319, 470 и 1264-й зенитные артиллерийские, 34-й и 77-й гвардейские минометные и 702-й легкий артиллерийский полки, а

также 5 отдельных дивизионов реактивных установок М-30^[65]. Однако все эти части и соединения прибыли в состав армии полностью только к исходу 24 августа.

Всего в 3-й танковой армии насчитывалось 508 танков (271 средний и тяжелый, 237 легких) и 168 бронемашин^[66]. По данным Д.В. Шеина, армия имела 436 танков (КВ – 48, Т-34 – 223, Т-60 – 119, Т-70 – 42, Т-30 – 4), а вместе с 3-м танковым корпусом (78 танков) – 514 боевых машин. Армия располагала 227 орудиями, 124 противотанковыми пушками, 15 реактивными установками БМ-8 и 56 – БМ-13, 326 минометами (без 50-мм), 61 зенитным орудием^[67]. Автотранспортом она была укомплектована всего на 60 % к штату, имела 2,6 боекомплекта, 5 заправок горючего и 5-8 сутодач продовольствия и фуража.

В полосе предстоящего наступления 3-й танковой армии протяженностью 23 км оборонялись части немецкой 11-й танковой дивизии, 26-й и 56-й пехотных дивизий при поддержке 62-го истребительно-противотанкового дивизиона самоходных орудий. Здесь же были сосредоточены части 17-й и 20-й танковых дивизий. Противник создал хорошо укрепленную оборону. Она состояла из узлов сопротивления и опорных пунктов, оборудованных в населенных пунктах и на высотах. При этом широко использовались противотанковые рвы, минные поля и оборонительные сооружения, ранее созданные советскими войсками и не разрушенные при отступлении.

Войскам 3-й танковой армии предстояло нанести удар из района юго-восточнее Козельска в направлении Вейно, Сорокино, Старица с целью во взаимодействии с ударной группировкой 16-й армии Западного фронта окружить и в последующем уничтожить ударную группировку войск противника в районе Колосово, Глинная. По решению генерала Романенко намечалось

нанести два удара: первый – силами 154-й стрелковой дивизии и 15-го танкового корпуса в направлении Мызин, р. Вытебеть для овладения районом Перестряж, Починок; второй – силами 264-й стрелковой дивизии и 12-го танкового корпуса в направлении Озерна, Сорокино, Обухово с целью занять район Медынцево, Никитское, Старица.

Оперативное построение войск армии было в два эшелона: в первом – 15-й танковый корпус с подчиненной ему 154-й стрелковой дивизией и 12-й танковый корпус с подчиненной ему 264-й стрелковой дивизией; во втором – 1-я Московская Краснознаменная гвардейская мотострелковая дивизия. Вторым эшелон армии предусматривалось ввести в сражение после выхода 264-й стрелковой дивизии на меридиан Сорокино для развития наступления на Красногорье и прикрытия действий армии с юга. В резерве находилась 179-я отдельная танковая бригада. На участке прорыва шириной 11 км было сосредоточено 934 орудия, миномета и установки реактивной артиллерии. Действия войск армии поддерживала авиация 1-й воздушной армии.

Наступление было назначено на 19 августа. В связи с тем, что войска армии не успели сосредоточиться в указанном районе, срок перехода в наступление несколько раз переносился. Этим воспользовался противник, авиация которого стала наносить массированные удары по выдвигавшимся эшелонам армии и районам ее сосредоточения. Командиры частей и соединений 3-й танковой армии из-за ограниченного срока подготовки к наступлению не успели полностью отработать на местности все вопросы, связанные с организацией взаимодействия и управления войсками.

21 августа части 3-й танковой армии начали занимать исходное положение для наступления, сменяя стрелковые части 61-й армии.

В 6 часов 15 минут 22 августа после полуторачасовой артиллерийской подготовки и налета бомбардировщиков 1-й воздушной армии 154-я и 264-я стрелковые дивизии перешли в наступление. Артиллерийская подготовка оказалась весьма эффективной: противник начал неорганизованно отступать, бросая вооружение, снаряжение и имущество. За первые часы боя обе стрелковые дивизии продвинулись на 3-4 км при незначительном сопротивлении противника. Командующий армией с целью развития успеха решил ввести в сражение танковые корпуса.

В 10 часов части 12-го танкового корпуса генерала С.И. Богданова начали выдвижение из исходного района. Однако противник к этому времени сумел оправиться от внезапности нанесенного удара. Его авиация, господствуя в воздухе, предприняла 500-600 самолето-вылетов для воздействия на боевые порядки стрелковых дивизий и 12-го танкового корпуса. Истребительная авиация 1-й воздушной армии не обеспечила должной поддержки с воздуха 3-й танковой армии. В результате темп продвижения ее войск резко снизился, что позволило противнику закрепиться на промежуточных рубежах и ввести в бой свои вторые эшелоны. Наступление превратилось в медленное кровопролитное «выдавливание» с позиций упорно оборонявшегося противника.

На правом фланге 3-й танковой армии наступал 3-й танковый корпус. Его командир около полудня 22 августа доложил генералу Романенко о захвате Сметских Выселок. В этой связи командующий армией решил немедленно перебросить 15-й танковый корпус генерала В.А. Копцова и 1-ю Московскую Краснознаменную гвардейскую мотострелковую дивизию на правый фланг армии и развивать наступление в направлении Сметские Выселки,

Слободка. В два часа дня 17-я мотострелковая бригада, 13-я и 105-я танковые бригады 15-го танкового корпуса перешли в наступление с рубежа восточнее Сметских Выселок. К исходу дня 1-я Московская Краснознаменная гвардейская мотострелковая дивизия вышла к лесу северо-восточнее от Сметских Выселок, а 15-й танковый корпус продвигался в направлении р. Вытебеть. Части 264-й стрелковой дивизии овладели районом Озерна, Госьково, а 12-й танковый корпус передовыми бригадами вышел на рубеж, достигнутый 154-й и 264-й стрелковыми дивизиями.

Генерал Романенко, оценив сложившуюся обстановку, приказал стрелковым дивизиям 23 августа продолжить выполнение ранее поставленных задач. 15-му танковому корпусу и 1-й Московской Краснознаменной гвардейской мотострелковой дивизии предписывалось развивать наступление в направлении Слободки. 12-му танковому корпусу предстояло сосредоточиться в лесу в 3 км к западу от Озеренского и после занятия частями 154-й стрелковой дивизии Бабинково наступать в направлении Дебри.

Однако боевые действия с утра 23 августа приняли затяжной характер. Противник силами до батальона пехоты при поддержке 30-40 танков и авиации неоднократно предпринимал контратаки с целью восстановить утраченное положение. Кроме того, с 24 августа войска армии стали испытывать нехватку артиллерийских снарядов. К этому времени соединения 31-й армии Западного фронта при помощи войск 29-й армии Калининского фронта освободили 23 августа Зубцов, а войска 20-й армии – Карманово. На этом наступательные возможности войск были исчерпаны, и они перешли к обороне.

В ходе Ржевско-Сычевской наступательной операции войска Западного и Калининского фронтов продвинулись на 30-45 км, ликвидировали плацдарм

противника на левом берегу Волги в районе Ржева, сковали крупные силы группы армий «Центр» и вынудили противника перебросить в этот район 12 дивизий с других участков советско-германского фронта. При этом Г.К. Жуков был уверен: «Если бы в нашем распоряжении были одна-две армии, можно было бы во взаимодействии с Калининским фронтом не только разгромить ржевскую группировку, но и всю ржевско-вяземскую группу немецких войск и значительно улучшить оперативное положение на всем западном стратегическом направлении. К сожалению, эта реальная возможность Верховным Главнокомандованием была упущена»^[68].

С этим мнением можно согласиться, так как сил для выполнения задач, поставленных войскам Западного и Калининского фронтов, действительно не хватало. Да еще в ходе операции Ставка ВГК изымала из Западного фронта части и соединения. Следует также учесть, что советским войскам пришлось прорывать заблаговременно созданную глубоко эшелонированную и сильно укрепленную оборону. Поэтому и потери войск были значительны. Из 345,1 тыс. человек, привлеченных к операции, в ходе боевых действий были потеряны 193,7 тыс., в том числе почти 51,5 тыс. (14,9 %) – безвозвратно^[69]. В ходе ожесточенных боев 16 вражеских дивизий, по оценкам авторов энциклопедии «Великая Отечественная война 1941-1945», потеряли 50-80 % личного состава, а в каждой танковой дивизии из 150-160 боевых машин осталось не более 20-30.

* * *

После завершения Ржевско-Сычевской наступательной операции войска 3-й танковой армии

принимали участие в контрударе войск Западного фронта против немецкой 2-й танковой армии противника в районе южнее Козельска. Однако наступление войск 3-й танковой армии на широком фронте не принесло успеха. Поэтому генерал П.Л. Романенко около шести часов вечера 25 августа 1942 г. приказал 15-му танковому корпусу повернуть на юг и в 6 часов 26 августа из района 2 км западнее Сметских Выселок во взаимодействии со стрелковым полком 154-й стрелковой дивизии нанести удар на Сорокино с северо-запада. 12-й танковый корпус должен был в 4 часа 30 минут перейти в наступление на Бабинково, Богдановка, а в дальнейшем во взаимодействии с 15-м танковым корпусом наступать на Сорокино.

Выполняя поставленные задачи, 3-й танковый корпус к исходу дня 26 августа форсировал р. Вытебеть и занял Белый Камень. 1-я Московская Краснознаменная гвардейская мотострелковая дивизия овладела Сметскими Выселками. Частям 15-го танкового корпуса и 154-й стрелковой дивизии не удалось захватить Сорокино. Не увенчалось успехом и наступление 12-го танкового корпуса в направлении Бабинково, Богдановка.

К этому времени осложнилась обстановка на левом фланге армии, где противник силами до полка пехоты при поддержке 40-50 танков предпринял атаку в направлении Госьково. С целью не допустить прорыва противника на этом направлении генерал Романенко решил к утру 27 августа сосредоточить основные силы 15-го танкового корпуса в районе Новогрынь с задачей быть готовыми к контратакам в направлении Грынь, Железница. Однако вечером 27 августа корпусу ставится новая задача: в ночь на 28 августа осуществить перегруппировку на левый фланг армии в район Паком для наступления на Леоново, Блиновский во взаимодействии с 12-й гвардейской и 149-й

стрелковыми дивизиями 61-й армии. Корпусу предстояло занять рубеж Симоновский, Блиновский и в дальнейшем наступать на Уколицы.

К 4 часам утра 28 августа части 15-го танкового корпуса сосредоточились в районе Паком. В половине шестого вечера они перешли в наступление, но на подходе к Леонову натолкнулись на широкий и глубокий противотанковый ров и минные поля, прикрытые огнем противотанковых орудий и тяжелой артиллерии противника. В течение ночи отдельные группы танков и пехоты разминировали проходы и преодолели противотанковый ров и в 6 часов утра 29 августа возобновили атаку, но через 150 м встретили второй такой же ров и минные поля. Все попытки разминировать проходы и преодолеть ров успеха не имели. Поэтому в десять часов вечера командующий армией приказал отвести 15-й танковый корпус в район Озерна, Грынь и начать подготовку к наступлению в 12 часов 30 августа на Сорокино.

Столь же неуспешно действовал и 12-й танковый корпус, наступавший на Мызин, Бабинково, Богдановку. Его мотопехота понесла большие потери и не была в состоянии закрепить достигнутый танковыми подразделениями успех. Поэтому с утра 29 августа корпус перешел к обороне севернее Мызина. Не имела продвижения в направлении Широкий, Сорокино и 264-я стрелковая дивизия, поддержанная 179-й отдельной танковой бригадой. Безуспешными были действия 154-й стрелковой дивизии северо-восточнее Мызина. Части 3-го танкового корпуса и 1-й Московской Краснознаменной гвардейской мотострелковой дивизии сумели занять Мушкань.

Командующий Западным фронтом генерал армии Г.К. Жуков, учитывая неудачные действия 3-й танковой армии в направлении Вейно, Старица решил перенацелить ее на новое направление – Ожигово,

Перестряж, Речица. По решению командующего армией предусматривалось перебросить на правый фланг армии 15-й танковый корпус и 264-ю стрелковую дивизию. Этой дивизии предстояло захватить переправы через р. Вытебеть и обеспечить ее форсирование 15-м танковым корпусом. К началу наступления боевой состав 3-й танковой армии по сравнению с 1 августа несколько изменился. Она дополнительно получила отдельный мотоциклетный батальон, два армейских артиллерийских, гаубичный артиллерийский, пушечный артиллерийский, истребительно-противотанковый артиллерийский, два гвардейских минометных, 4 зенитных артиллерийских полка, два отдельных тяжелых минометных и один зенитный артиллерийский дивизионы.

Атака была запланирована на 15 часов 45 минут 2 сентября. Но из-за несвоевременной смены 264-й стрелковой дивизии частями 61-й армии дивизия не смогла вовремя прибыть в исходный район для наступления. Несмотря на это, командир 15-го танкового корпуса приказал 17-й мотострелковой бригаде форсировать Вытебеть и атаковать Ожигово.

К 22 часам 30 минутам 2 сентября части 17-й мотострелковой бригады форсировали Вытебеть и завязали бой за Ожигово. В ночь на 3 сентября к реке подошли передовые части 264-й стрелковой дивизии. Около полудня на западный берег Вытебети были переправлены основные силы 195-й танковой бригады 15-го танкового корпуса и два полка 264-й стрелковой дивизии. К часу ночи 4 сентября части 15-го танкового корпуса и 264-й стрелковой дивизии заняли Ожигово, но их наступление на Перестряж успеха не имело. 5 сентября войскам 3-й танковой армии было приказано перейти к обороне.

В ходе трех недель кровопролитных боев войска армии сумели продвинуться всего на 6–8 км на 20-

километровом фронте и освободить 11 населенных пунктов. Они, насчитывая к 21 августа почти 61 тыс. человек, потеряли около 26,4 тыс. (43,3 %), в том числе убитыми 5210 человек (без учета 3-го танкового корпуса, 342-й стрелковой дивизии и 105-й стрелковой бригады). При этом 154-я стрелковая дивизия потеряла 52 % личного состава, 264-я стрелковая дивизия – свыше 60 %, 13-я мотострелковая бригада 12-го танкового корпуса – 45 %, а 17-я мотострелковая бригада 15-го танкового корпуса – 54 % личного состава. Армия потеряла 224 танка, в том числе 117 безвозвратно^[70].

Ставка ВГК, принимая во внимание столь большие потери, 9 сентября своей директивой № 170606 приказала командующему Западным фронтом вывести 3-ю танковую армию в резерв Ставки в район Калуги^[71]. Позже, 22 сентября, последовало изменение в руководстве армией. По директиве № 994202 Ставки ВГК генерал-лейтенант П.Л. Романенко был назначен заместителем командующего Брянским фронтом и командующим 5-й танковой армией. 3-ю танковую армию возглавил генерал-майор П.С. Рыбалко, освобожденный от должности командующего 5-й танковой армией^[72], а его заместителем стал генерал-майор А.П. Панфилов, являвшийся ранее заместителем командующего 5-й танковой армией.

Генерал П.С. Рыбалко, как и генерал К.С. Москаленко, не был танкистом по образованию (см. приложение № 3). В войну вступил в мае 1942 г. заместителем командующего 5-й танковой армией. Теперь ему, не имевшему опыта командования ни корпусом, ни тем более армией, было поручено руководить танковым объединением. Несмотря на это, он быстро освоился с новой должностью. Подтверждением тому служит характеристика, которую

6 января 1943 г. дали ему представители Ставки ВГК генералы армии Г.К. Жуков и А.М. Василевский в телеграмме на имя И.В. Сталина: «Лично о Рыбалко можно сказать следующее: человек он подготовленный и в обстановке разбирается неплохо»^[73].

Из состава 3-й танковой армии на основании директивы № 994203 Ставки ВГК от 22 сентября 1942 г. в 5-ю танковую армию передавались 154-я стрелковая дивизия, 105-я танковая бригада и мотоциклетный полк^[74]. На следующий день Ставка директивой № 994204 приказала сосредоточить: управление 3-й танковой армии и армейские части в районе Никольского (10 км южнее Калуги); 12-й, 15-й танковые корпуса и 179-ю танковую бригаду – в лесах южнее Калуги; 264-ю стрелковую дивизию – в районе Сладнево, Тихонова Пустынь, Горянск. Командующему войсками Московского военного округа предписывалось доукомплектовать армию к 5 октября личным составом, лошадьми, оружием, транспортом и имуществом^[75].

Под руководством генерала П.С. Рыбалко была развернута работа по доукомплектованию армии, обучению и боевому слаживанию подразделений и частей с учетом накопленного к тому времени опыта. Во главу угла был взят приказ № 325, подписанный 16 октября 1942 г. наркомом обороны И.В. Сталиным (см. приложение № 5). В нем был обобщен опыт использования бронетанковых и механизированных войск в первом периоде Великой Отечественной войны и даны принципиальные установки об их тактическом и оперативном применении. Кроме того, 1 и 2 октября в штабе 3-й танковой армии состоялся разбор ранее проведенных операций^[76]. В ходе разбора были выделены следующие недостатки в действиях войск: ведение пехотой наступления в скученных боевых порядках, что приводило к большим потерям от огня

противника; перемешивание подразделений и частей, что влекло за собой потерю управления; отсутствие огневой связи между стрелковыми и танковыми подразделениями; слабая организация взаимодействия между пехотой и танками; неумение использовать танковые соединения массированно; движение танков в атаку на небольшой скорости; неумение вести из танков огонь с ходу, организовать разведку и эффективно использовать радиосвязь. В этой связи генерал Рыбалко в качестве основных задач боевой подготовки выделил следующие: отработка наступательного боя, особенно в зимних условиях; самостоятельный прорыв обороны противника и развития успеха в оперативно-тактической глубине; обучение танкистов стрельбе с ходу и маневрированию на поле боя. Командарм требовал воспитывать экипажи в духе дерзости, решительности, атаки на больших скоростях.

На боевую подготовку отводилось по 12-14 часов в сутки. В тактической подготовке основными темами являлись: встречный бой, наступательный бой с прорывом обороны противника и развитие успеха, закрепление захваченных рубежей, оборонительный бой, организация разведки и боевого охранения, борьба с танками противника. Все темы отрабатывались в составе взвод, рота, батальон и завершались тактическими учениями стрелковой дивизии во взаимодействии с танковой бригадой. С командным и начальствующим составом было проведено учение на тему «Ввод танковой армии в прорыв и ее действия в оперативно-тактической глубине и организация боя за крупный населенный пункт». Кроме того, состоялись две военные игры на картах со штабами соединений и частей, а также четыре штабных радиоучения. По огневой подготовке в стрелковых дивизиях, мотострелковых и танковых бригадах было отработано по 3-4 упражнения курса стрельб.

С 22 декабря 1942 г. по 5 января 1943 г. была осуществлена переброска войск 3-й танковой армии по железной дороге на расстояние 750 км. Разгрузка эшелонов осуществлялась на станциях Таловая, Бутурлиновка, Калач. Средний темп переброски составлял всего 50 км в сутки. Это было обусловлено запущенностью станционного хозяйства недавно отбитых у противника станций, несвоевременной подачей эшелонов, запозданием частей с подходом к станциям погрузки, отсутствием достаточного опыта у ряда командиров в организации погрузки боевой техники. При выгрузке эшелоны подвергались бомбардировке со стороны авиации противника. В результате погибли 38 человек, в том числе командир 12-го танкового корпуса полковник М.И. Чесноков.

Со станций выгрузки соединения армии совершали марш своим ходом в район Кантемировки. Марш осуществлялся в тяжелых условиях на расстояние около 200 км почти без технической помощи, так как основные ремонтные средства еще находились в пути по железной дороге. Танкам пришлось двигаться по пересеченной местности по тяжелым, заснеженным дорогам или почти по бездорожью в сильный мороз. Кроме того, значительная часть боевых машин уже имела значительный расход моторесурсов – от 50 до 110 моточасов. В результате технические потери составили 110 танков.

В новом районе в состав армии были дополнительно включены 180-я, 184-я стрелковые и 8-я артиллерийская дивизии, 37-я отдельная стрелковая бригада, 173-я отдельная танковая и 15-я гвардейская минометная бригады, 95-й гвардейский минометный полк, 46-й и 47-й отдельные инженерные батальоны. В армии к 14 января 1943 г. насчитывалось 306 танков.

По другим данным армия имела 493 танка, из которых в назначенный район исправным прибыл

только 371 танк^[77]. В армии имелось в среднем около 1,5 боекомплекта боеприпасов, около 1,5 заправки дизтоплива, от 2 до 5 суточач продовольствия и фуража^[78].

Войскам 3-й танковой армии предстояло в составе Воронежского фронта принять участие в Острогожско-Россошанской наступательной операции.

Острогожско-Россошанская наступательная операция (13-27 января 1943 г.)

Контрнаступление советских войск под Сталинградом, начатое 19 ноября 1942 г., решительным образом изменило стратегическую обстановку на советско-германском фронте в пользу Красной Армии. В этих условиях Ставка ВГК решила, максимально используя успех контрнаступления, развернуть общее наступление от Ленинграда до Кавказа. Не распыляя сил, как это имело место зимой 1941/42 г., Ставка сосредоточила основные усилия на юго-западном направлении, то есть там, где противнику было нанесено особенно ошутимое поражение и где ожидалось менее упорное его сопротивление. Здесь планировалось силами Брянского, Воронежского, Юго-Западного, Южного и Закавказского фронтов разгромить войска групп армий «Б», «Дон» и «А», освободить Харьковский промышленный район, Донецкий бассейн и Северный Кавказ. Одновременно войскам Донского фронта было приказано ликвидировать окруженную под Сталинградом вражескую группировку. Активные действия намечались и на других участках фронта. В январе 1943 г. планировалась наступательная операция по прорыву блокады Ленинграда. На северо-западном и западном направлениях очередную попытку разгрома демянской и ржевско-вяземской группировок

противника должны были предпринять армии Северо-Западного, Калининского и Западного фронтов.

На начало января 1943 г. действующие фронты Красной Армии насчитывали около 370 стрелковых дивизий и около 160 бригад, 19 танковых и механизированных корпусов. В резерве Ставки находилось всего 14 стрелковых и воздушно-десантных дивизий, 3 танковых и 4 авиационных корпуса. Противник имел на советско-германском фронте немногим более 260 дивизий, в том числе 208 немецких, остальные – финские, венгерские, румынские, итальянские, словацкие и одна испанская^[79]. Германское командование намеревалось задержать наступление Красной Армии на юго-западном направлении. Угроза выхода армий Южного фронта в тыл кавказской группировке заставила врага оставить часть захваченной территории в расчете на удержание Донбасса и части Северного Кавказа. Основные силы противоборствовавших сторон действовали на южном участке фронта – от Долгорукова до Новороссийска.

На воронежском и харьковском направлениях силами войск Воронежского, левого крыла (13-я армия) Брянского и правого крыла (6-я армия) Юго-Западного фронтов с 13 января по 3 марта 1943 г. была проведена Воронежско-Харьковская стратегическая наступательная операция в целях разгрома основных сил группы армий «Б», расширения фронта стратегического наступления и освобождения Харьковского промышленного района. Операция включала Острогожско-Россошанскую, Воронежско-Касторненскую и Харьковскую фронтовые наступательные операции.

Острогожско-Россошанская операция проводилась в целях разгрома основных сил группы армий «Б» (командующий – генерал-полковник М. Вейхс) и

созданий условий для последующего наступления на харьковском направлении. В состав группы армий «Б» входили итальянская 8-я, венгерская 2-я армии и корпусная группа «Крамер» – всего около 270 тыс. человек, 2,6 тыс. орудий и минометов, более 300 танков и штурмовых орудий. С воздуха ее поддерживала авиация командования ВВС «Дон», а также часть сил 4-го воздушного флота и командования ВВС «Восток» – всего до 300 самолетов. Оборона противника носила очаговый характер и была развита в инженерном отношении лишь в тактической зоне. В оперативной глубине заблаговременно подготовленные рубежи отсутствовали.

К проведению операции привлекались главные силы Воронежского фронта (40-я, 3-я танковая, 2-я воздушная армии, 18-й отдельный стрелковый и 7-й кавалерийский корпуса) и 6-я армия Юго-Западного фронта. Они занимали оборону по левому берегу р. Дон от Костенков до Новой Калитвы, далее на юг восточнее Михайловки, восточнее Тишкова, удерживая на правом берегу, в районах 1-е Сторожевое и Щучье, два небольших плацдарма. Всего войска, участвовавшие в операции, насчитывали около 200 тыс. человек, до 3 тыс. орудий и минометов, 909 танков и 208 самолетов. Они уступали противнику в 1,3 раза по живой силе и в 1,5 раза по авиации, имели почти равное с ним количество орудий и минометов и в 3 раза больше танков. В результате решительного массирования сил и средств на направлениях главных ударов удалось создать превосходство над противником по пехоте в 2,3–3,7 раза, по танкам – в 1,3–3 и по артиллерии – в 4,5–8 раз.

По замыслу Острогожско-Россошанской операции предусматривалось нанесение трех ударов по сходящимся направлениям. Главные удары наносили: по центру группы армий «Б» (венгерская 2-я армия) со

сторожевского плацдарма – 40-я армия; по центру итальянской 8-й армии из района южнее Новой Калитвы – 3-я танковая армия. Она должна была прорвать оборону противника и главными силами развить успех в северо-западном направлении. К исходу четвертого дня наступления армии предстояло выйти на рубеж Каменка, Алексеевка, соединиться с 40-й армией и 18-м отдельным стрелковым корпусом и окружить острогожско-россошанскую группировку противника. Для быстрейшей ликвидации окруженной группировки противника 18-й отдельный стрелковый корпус наносил рассекающий удар с щучьинского плацдарма в общем направлении на Карпенково. С целью связать противника в районе Воронежа войска 60-й армии должны были нанести отвлекающий удар с плацдарма из района Сторожевое-1 на север в направлении Борисово, Гремячье.

Действия войск Воронежского фронта (командующий – генерал-лейтенант Ф.И. Голиков) с юга обеспечивала 6-я армия Юго-Западного фронта, наступавшая из района юго-западнее Кантемировки в общем направлении на Покровское (125 км западнее Кантемировки). Одновременно с окружением противника часть сил 40-й армии и 7-й кавалерийский корпус, усиленный 201-й отдельной танковой бригадой, должны были выдвинуться к р. Оскол и образовать внешний фронт окружения.

Оперативное построение войск Воронежского фронта и 6-й армии было в один эшелон с выделением резервов. Оперативное построение всех трех ударных группировок было двухэшелонным. По решению командующего 3-й танковой армией генерала П.С. Рыбалко в первый эшелон были включены 37-я отдельная стрелковая бригада, 48-я гвардейская, 180-я и 184-я стрелковые дивизии, 97-я танковая бригада 12-го танкового корпуса, 173-я и 179-я отдельные

танковые бригады. Их действия поддерживала артиллерийская группа в составе 39, 389 и 390-го отдельных гвардейских минометных дивизионов, 62-го гвардейского минометного полка, 135, 265 и 306-го гаубичных артиллерийских полков. Во втором эшелоне (эшелон развития прорыва) находились: 15-й танковый корпус (без двух танковых бригад) с приданными ему 368-м истребительно-противотанковым артиллерийским полком и 47-м отдельным инженерным батальоном; 12-й танковый корпус с приданными ему 1172-м истребительно-противотанковым артиллерийским полком и 46-м отдельным инженерным батальоном. Резерв командарма составляли 111-я стрелковая дивизия, 113-я и 195-я танковые бригады 15-го танкового корпуса, прибытие которых задерживалось.

При подготовке к операции особое внимание было уделено огневому обеспечению войск. На участках прорыва плотность артиллерии составляла в 40-й армии 150–170 стволов на 1 км фронта, а в полосе 18-го стрелкового корпуса и 3-й танковой армии – по 120–130 стволов^[80]. По данным Д.В. Шеина, на участке прорыва 3-й танковой армии шириной 16 км было сосредоточено 556 минометов (без 50-мм минометов), 682 орудия и 287 реактивных установок, что в среднем составляло 77,3 орудия и миномета на 1 км фронта.

Темп операции планировался в 17–20 км в сутки для стрелковых и 40–50 км в сутки для танковых частей. Ввод эшелона развития прорыва в сражение предусматривался после прорыва обороны противника соединениями первого эшелона на глубину 3 км.

В ходе подготовки к операции была разработана и проведена в жизнь система мер по маскировке и сохранению в тайне всех перегруппировок войск, по дезинформации противника и организации управления войсками. С этой целью по распоряжению штаба

Воронежского фронта 40-я армия должна была в период с 7 по 20 декабря 1942 г. демонстрировать сосредоточение войск и подготовку к переходу в наступление со сторожевского плацдарма в направлении Коротояка и из района железнодорожной станции Свобода. Последующие события показали, что противник действительно был введен в заблуждение.

Особенностью Острогожско-Россошанской операции являлось то, что вместо метода последовательного выполнения задач (прорыв обороны – окружение противника – дробление окруженной группировки на части – уничтожение ее по частям) планировалось окружение и уничтожение противника как одновременное действие. При этом уничтожение намечалось проводить, не дожидаясь полного окружения и создания внешнего фронта. Другой особенностью операции было то, что основные ударные группировки войск Воронежского фронта действовали в совершенно разных условиях. Войскам 40-й армии в начале операции предстояло совершить фронтальный прорыв хорошо развитой обороны противника. Перед соединениями 3-й танковой армии находился противник, поспешно перешедший к обороне. По сути дела, здесь создались условия для стремительного наступления на Россошь и Алексеевку. «Общим же для всех трех наших ударных группировок являлось то, что на первом этапе операции они действовали на узком фронте, – вспоминал генерал армии М.И. Казаков. – 40-я армия прорывала оборону противника с плацдарма в 13 километров. 18-й стрелковый корпус имел фронт прорыва восемь километров. А 3-я танковая армия наносила удар с рубежа в 12-13 километров. При этом каждая из группировок была отделена от другой значительным расстоянием: участок прорыва 18-го стрелкового корпуса находился в 50 километрах от

участка прорыва 40-й армии и в 130 километрах от района действий 3-й танковой армии»^[81].

4 января 1943 г. уполномоченный Ставки ВГК генерал-полковник М.С. Хозин вручил генералу П.С. Рыбалко карту с нанесенной на ней боевой задачей армии. Она вводилась в сражение в полосе 6-й армии Юго-Западного фронта с целью ударом «...в общем направлении через Россошь, Ольховатка на Алексеевка и в северном направлении на Каменка, Татарино во взаимодействии с частями 40-й и 6-й армий окружить и уничтожить Россошанско-Павловско-Алексеевскую группировку противника, освободить железные дороги Лиски – Кантемировка, Лиски – Валуйки»^[82].

6 января представители Ставки ВГК генералы армии Г.К. Жуков и А.М. Василевский прибыли в 3-ю танковую армию. Они провели совещание и инструктаж с командирами соединений. В результате выяснилось, что возникли проблемы с переброской по железной дороге транспортов с боеприпасами, горючим и войск. После выгрузки частям предстояло совершить марш в намеченные районы сосредоточения, на что требовалось от 4 до 6 суток.

7 января генералы Жуков и Василевский докладывали в Ставку ВГК:

«1. Сегодня закончили по всем направлениям отработку с командармами, командирами корпусов, дивизий и бригад всех оперативно-тактических решений и плана действий. Лучше других и наиболее грамотно оказались отработанными решения и план действий у товарища Москаленко^[83]. В худшую сторону выделяется щучьинское направление – корпус Зыкова^[84]. По действиям армии Рыбалко – пришлось направление главного удара сместить западнее жд Кантемировка – Россошь, чтобы не преодолевать танками полотна жд и избежать здесь подготовленных

отсечных позиций противника, подготовленных вдоль жд.

2. Действия Рыбалко увязаны с действиями Харитонов^[85] и корпуса Зыкова. По увязке действий с Харитоновым договорились с тов. Ватутиным^[86], что Харитонов начнет одновременно с Рыбалко действия, нанося главный удар правым флангом армии с ближайшей задачей выйти на р. Айдар; в дальнейшем тов. Харитонов обязан действовать левее 7 кк, выдвинуться и обеспечить за собой жд Уразово – Старобельск. 7 кк с лыжными бригадами поставлена задача захватить Валуйки и Уразово и обеспечить за собой эти жд узлы.

3. Главные силы 3 ТА обязаны захватить Алексеевку, отрезать пути отхода противнику и обеспечить себя с запада, соединившись в районе Алексеевка, Острогожск с подвижными войсками 40 А и тем завершить окружение войск противника в известном Вам районе...»^[87]

В докладе также отмечалось, что сосредоточение войск идет исключительно плохо: от 4-й минометной дивизии до сих пор не прибыло ни одного эшелона; от 3-й танковой армии в пути все еще находится 15 эшелонов; от 7-го кавалерийского корпуса еще не прибыло 10 эшелонов; из трех стрелковых дивизий, данных фронту на усиление, прибыло всего лишь 5 эшелонов. Еще хуже осуществляется подача боеприпасов и горючего. Поэтому представители Ставки считали необходимым перенести начало наступления на два дня. В результате оно было назначено на 12 января 1943 г.

В ночь на 8 января войска 6-й армии были сменены частями 37-й отдельной стрелковой бригады, 48-й гвардейской, 180-й и 184-й стрелковых дивизий 3-й танковой армии. В тот же день стрелковые батальоны

соединений первого эшелона провели разведку боем с целью уточнения переднего края обороны противника и выявления системы его огня. Одновременно командный состав провел рекогносцировку и непосредственно на местности отработал вопросы взаимодействия родов войск.

10 января командующий 3-й танковой армией поставил войскам следующие задачи [\[88\]](#).

37-я отдельная стрелковая бригада должна была наступать на правом фланге армии, на участке от Валентиновки до Пасеково, имея ближайшей задачей овладеть районом Солонцы. После чего подчинить себе 173-ю отдельную танковую бригаду и к исходу дня занять Митрофановку.

180-я стрелковая дивизия при поддержке 173-й отдельной танковой бригады, 265-го гаубичного артиллерийского полка, 386-го и 390-го отдельных гвардейских минометных дивизионов прорывала оборону противника в районе Пасеково. Затем ей предстояло пропустить через свои боевые порядки части 12-го танкового корпуса и, используя его продвижение, развивать наступление в направлении Михайловка, Софиевка, имея ближайшей задачей выйти к северной окраине Михайловки, а к исходу первого дня операции занять Васильевку и Софиевку.

Левее 180-й стрелковой дивизии наступала 48-я гвардейская стрелковая дивизия при поддержке 97-й танковой бригады 12-го танкового корпуса, 1172-го истребительно-противотанкового артиллерийского, 206-го гаубичного артиллерийского и 62-го гвардейского минометного полков. Дивизии предстояло после прорыва обороны противника, не снижая темпа наступления, пропустить через свои боевые порядки части 12-го и 15-го танковых корпусов и, используя их продвижение, развить наступление в направлении на

Шрамовку, Владимировку, захватить Шрамовку и Еленовку. При подходе частей дивизии к району Златополь, Михайловка 97-я танковая бригада возвращалась в распоряжение командира 12-го танкового корпуса.

На левом фланге армии в направлении на Куликовку наступала 184-я стрелковая дивизия при поддержке 179-й отдельной танковой бригады и 138-го гаубичного артиллерийского полка. Она должна была пропустить через свои боевые порядки части 15-го танкового корпуса и, используя его продвижение, овладеть рубежом Златополь, Куликовка.

12-й танковый корпус при поддержке 1172-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка, 46-го отдельного инженерного батальона и 319-го полка ПВО вводился в прорыв на участках 180-й и 48-й гвардейской стрелковых дивизий у Пасеково. Ему предписывалось развивать прорыв в общем направлении Михайловка, Шрамовка, Лизиновка, Ольховатка, по достижении Шрамовки выделить танковую и мотострелковую бригады для действий в направлении Софиевка, Россошь, Гончаровка. К исходу первого дня операции левой группе корпуса приказывалось выйти в район Лизиновка, Чагары, а правой группе – занять Россошь.

15-й танковый корпус при поддержке 265-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка, 47-го отдельного инженерного батальона и 71-го полка ПВО вводился в прорыв на участках 184-й и 48-й гвардейской стрелковых дивизий. Он должен был развивать наступление в общем направлении Куликовка, Еленовка, Новоселково, Неровновка и к исходу первого дня операции выйти в район Новоселково, Александровка.

В полосе предстоящего наступления 3-й танковой армии оборонялись 543-й пехотный полк 387-й пехотной

дивизии, остатки 114-го пехотного полка, 15-й и 3-й полицейские полки СС, полк «Великая Германия». Кроме того, предполагалось сосредоточение частей 130-й пехотной дивизии в Митрофановке, 168-й и неустановленной пехотной дивизии – в Россоши. Оборона противника представляла собой систему опорных пунктов, оборудованных окопами полного профиля и блиндажами. В населенных пунктах дома были приспособлены под огневые точки. На направлениях вероятного наступления советских войск были установлены минные поля.

Перед началом операции 12 января в полосе 40-й армии была проведена разведка боем силами передовых отрядов, которые вклинились в оборону противника на 6 км по фронту и более чем на 3 км в глубину. На рассвете 13 января после мощной артиллерийской подготовки войска первого эшелона армии перешли в наступление и к 14 ноября осуществили прорыв тактической зоны обороны противника, создав благоприятные условия для активных действий войск левого фланга 60-й армии.

Как же развивались события в полосе 3-й танковой армии?

Задержка сосредоточения войск 3-й танковой армии и артиллерии РГК, отсутствие требуемых для ведения наступления запасов боеприпасов, горючего и продовольствия привели к переносу начала наступления на утро 14 января. Из-за сильного тумана (видимость ограничивалась 5—10 метрами) командующий армией генерал Рыбалко вынужден был перенести начало артиллерийской подготовки с 8 часов на 10 часов 45 минут.

После артиллерийской подготовки, продолжавшейся полтора часа, стрелковые соединения 3-й танковой армии при поддержке 173-й и 179-й отдельных танковых бригад перешли в атаку.

Противник, невзирая на понесенные в ходе артиллерийской подготовки потери, оказал упорное сопротивление. В результате продвижение стрелковых частей было медленным. Поэтому около трех часов дня генерал Рыбалко принял решение ввести в сражение эшелон развития прорыва. Это позволило сломить сопротивление врага, который начал поспешно отходить в северном и северо-западном направлениях. К исходу дня 14 января 12-й танковый корпус под командованием полковника М.И. Зиньковича продвинулся до 18 км и овладел Шрамовкой, а 15-й танковый корпус генерала В.А. Копцова, преодолев 20 км, занял Жилино, где разгромил штабы 24-го танкового корпуса, 385-й и 387-й пехотных дивизий и двух полков СС. С выходом на этот рубеж корпуса вынуждены были остановиться, так как в баках танков не осталось горючего.

В ночь на 15 января продолжала наступать только 106-я танковая бригада (16 танков) 12-го танкового корпуса под командованием полковника И.Е. Алексеева. Обходя узлы сопротивления, она на рассвете ворвалась в Россось и освободила город. Однако в середине дня противник при поддержке авиации перешел в наступление. Бригада, израсходовав почти все горючее и боеприпасы, оказалась в окружении. Но танкисты не дрогнули. Стремительным ударом они пробились к станции и закрепились. Здесь в ожесточенном бою погиб командир бригады полковник И.Е. Алексеев.

Одновременно утром 15 января в наступление перешел 18-й отдельный стрелковый корпус, наносивший главный удар на Каменку. Часть сил (одна дивизия) корпуса наступала в направлении Марки, Старые Сагуны, чтобы во взаимодействии с 270-й стрелковой дивизией, наступавшей из района Павловска, уничтожить левофланговый корпус венгерской армии.

Утром 16 января к Россоши подошли главные силы 12-го танкового корпуса, и город вновь был освобожден от врага. В тот же день части 12-го танкового корпуса заняли Каменку, а 15-й танковый корпус – Ольховатку. В результате в окружении оказались итальянский корпус и часть сил 156-й пехотной дивизии. Оставалось только пленить или уничтожить эти части и соединения. Однако генерал Рыбалко допустил просчет: увлекшись, очевидно, первым успехом, он выделил для этой цели слишком мало сил – всего одну дивизию. Альпийские дивизии итальянцев смяли ее боевые порядки и начали отход на Валуйки, правда, без артиллерии и тылов.

17 января левофланговые соединения 40-й армии, наступавшие с севера, вышли к Острогожску. К исходу следующего дня 15-й танковый корпус и 305-я стрелковая дивизия 40-й армии вышли в район Алексеевки, замкнув кольцо окружения острогожско-россошанской группировки врага. Одновременно 12-й танковый и 18-й отдельный стрелковый корпуса встречными ударами с юга и севера в общем направлении на Карпенково рассекли окруженную группировку противника на две части. Одна из них (5 дивизий) была блокирована в районе Острогожск, Алексеевка, Карпенково, другая (8 дивизий) – в районе севернее Россоши. Из-за недостатка сил 3-я танковая армия и 18-й отдельный стрелковый корпус не смогли создать прочный внутренний фронт окружения. Несмотря на это, представитель Ставки ВГК генерал армии А.М. Василевский, командующий Воронежским фронтом генерал-полковник Ф.И. Голиков и член Военного совета фронта Ф.Ф. Кузнецов 18 января заверили И.В. Сталина в том, что «ликвидация противника, окруженного в районе восточнее Россошь, Подгорное (до пяти пд), и уничтожение отдельных групп в районе Каменка, Татарино потребуют еще два-

три дня»^[89]. Последующие события показали несбыточность такого прогноза.

Разгром острогожской группировки противника был завершен только 24 января, росошанской группировки – 27 января. Но полностью уничтожить их не удалось. Они, имея значительное численное превосходство, сумели прорваться на запад через неплотный внутренний фронт окружения. Всего в ходе Острогожско-Росошанской операции было разгромлено 12 дивизий группы армий «Б», уничтожено три, а шести дивизиям нанесены большие потери. Противник потерял свыше 140 тыс. солдат и офицеров, в т. ч. 86 тыс. пленными^[90]. Войска 3-й танковой армии, по данным ее штаба, уничтожили около 30 тыс. солдат и офицеров противника, 28 танков, 13 бронемашин, 78 орудий, захватили в плен около 73,2 тыс. человек, а также, в качестве трофеев, 44 танка, 13 бронемашин, 4517 грузовых, 196 легковых и 83 специальных автомобиля, 39 самолетов, 196 орудий. Потери армии составили 11902 человека, в том числе 3016 убитыми и умершими от ран, а также 58 танков и 60 орудий^[91].

В ходе операции войска 3-й танковой армии получили значительный опыт перегруппировок в условиях зимнего бездорожья, прорыва вражеской обороны и развития тактического успеха в оперативный, создания внешнего и внутреннего фронтов окружения. Однако недостаток горючего и боеприпасов привел к снижению темпов наступления, а недостаток сил не позволил создать прочный внутренний фронт окружения противника.

Харьковская наступательная операция (2 февраля - 3 марта 1943 г.)

После завершения Острогожско-Росошанской операции войска Воронежского фронта начали

подготовку к Харьковской наступательной операции. Ее цель – завершить разгром основных сил группы армий «Б» (до 15 пехотных и танковых дивизий 2-й армии и оперативной группы «Ланц») на харьковском направлении и освободить харьковский промышленный район. Общие контуры операции (условное наименование «Звезда») были изложены в докладе № 00179/оп представителя Ставки ВГК генерала армии А.М. Василевского и командующего Воронежским фронтом генерал-полковника Ф.И. Голикова, направленного 21 января И.В. Сталину^[92]. Они рассчитывали, что войска левого крыла фронта (3-я танковая армия и 18-й отдельный стрелковый корпус) после ликвидации росошанской группировки противника выйдут к 25 января на рубеж Новый Оскол, Валуйки, Покровское.

В течение трех дней намечалось завершить подготовку войск 3-й танковой армии к нанесению удара на Харьков. Она должна была основными силами нанести главный удар в направлении Валуйки, Ольховатка, Печенеги, Чугуев, Мерефа с задачей обойти и на пятый-шестой день овладеть Харьковом с юго-запада. Обеспечение наступления главных сил армии с юга, с направления Уразово, Двуречная, Шевченко, Андреевка, Алексеевское, станция Беспаловка предусматривалось возложить на 6-й гвардейский кавалерийский корпус генерал-майора С.В. Соколова^[93]. В направлении Волоконовка, Волчанск, Непокрытое, Харьков должен был наступать 18-й отдельный стрелковый корпус.

На правое крыло Воронежского фронта (60-я и 40-я армии) возлагалась задача после завершения Воронежско-Касторненской операции быть в готовности с 30 января к переходу в наступление с рубежа р. Оскол в направлении на Белгород, Харьков с расчетом выхода

на северо-западную окраину Харькова на 9—10-й день операции. Войскам 38-й армии предстояло обеспечить удар 60-й и 40-й армий со стороны Курска. Подвижная группа правого крыла Воронежского фронта (4-й танковый корпус, три танковые и три лыжные бригады) должна была наступать в направлении Старый Оскол, Боброво-Дворское, Белгород, Уды, северо-западная и западная окраины Харькова.

Для обеспечения операции с юга 6-я армия Юго-Западного фронта, проводившего Донбасскую операцию, наносила удар на Балаклею, Красноград. Одновременно левое крыло Брянского фронта должно было наступать в общем направлении на Курск и выйти на рубеж Курск, Обоянь.

23 января И.В. Сталин утвердил представленный план операции, которая должна была начаться 28 января^[94].

Войскам Воронежского фронта предстояло перейти в наступление без оперативной паузы. Они были утомлены в ходе почти 2,5-месячного наступления, имели большой некомплект в личном составе и боевой технике. Часть сил в тылу вела боевые действия по ликвидации 9 окруженных дивизий противника. Трудность усугублялась еще и тем, что наступала распутица. Кроме того, из-за большого отрыва от станций снабжения пришлось для подвоза горючего и боеприпасов использовать автотранспорт корпусов и бригад.

Общая глубина операции «Звезда» определялась в 200–250 км с выходом войск на рубеж Ракитное, Грайворон, Богодухов, Люботин, Мерефа. Она проводилась в два этапа. На первом этапе предусматривалось уничтожение войск противника по линии железной дороги Старый Оскол – Валуйки и выход к Северскому Донцу на рубеже Белгород,

Волчанск, Печенега. На втором этапе планировалось овладеть Харьковом и выдвинуться на рубеж, завершающий операцию.

«При разработке решения и планировании операции штаб фронта не избежал ошибок, – вспоминал генерал армии М.И. Казаков. – Наиболее существенная из них состояла в том, что наступление войск фронта предусматривалось в одном оперативном эшелоне и даже не создавались оперативные резервы. Командующий фронтом поставил себя в такое положение, при котором он фактически почти не мог влиять на ход операции. Не имели резервов и командующие армиями. Все надежды связывались с успешным и решительным продвижением войск. Очевидным просчетом являлось и то, что усилия трех армий, составлявших ударную группировку, направлялись к одному объекту – городу Харькову»^[95].

Армия насчитывала около 57,6 тыс. человек, 1223 миномета различных калибров, 588 орудий, 223 танка, из которых в строю были лишь 85 машин (в 12-м и 15-м танковых корпусах – по 20 танков, в 179-й отдельной танковой бригаде – 10, в 201-й отдельной танковой бригаде – 35 боевых машин)^[96]. Армия имела недостаточное материально-техническое обеспечение: от 0,2 до 3 боекомплектов артиллерийских боеприпасов, от 1,4 до 5 заправок дизтоплива, 0,7–2,5 заправки автобензина. «Что касается обеспеченности армии в целом, – говорилось в отчете штаба армии, – то надо отметить, что Воронежский фронт мало заботился о своевременном и полном удовлетворении армии ГСМ. Если бы не трофейные ГСМ, то вряд ли армия смогла пройти с боями и по бездорожью такое расстояние»^[97]. Потребности войск в продовольствии и фураже также обеспечивались за счет захваченных трофеев.

25 января 1943 г. офицер связи штаба Воронежского фронта вручил командующему 3-й танковой армией карту с нанесенной на ней боевой задачей. Армии предписывалось перейти в наступление на участке Козинки, Купянск с целью разгромить противостоящего противника и во взаимодействии с соседями справа (18-й отдельный стрелковый корпус и 40-я армия) не позднее 5—6-го дня операции овладеть г. Харьков. Главный удар требовалось нанести левым флангом в направлении Чугуев, Мерефа с выходом на рубеж Люботин, Валки, отрезая пути отхода противнику на Полтаву^[98]. Срок начала наступления – 27 января. Глубина задачи составляла 200 км.

Генерал Рыбалко, учитывая реальное состояние и возможности своих войск, а также возможность организации противником прочной обороны на рубеже р. Северский Донец, принял решение иметь оперативное построение армии в два эшелона с выделением резерва. В первом эшелоне находились четыре стрелковые дивизии (48-я, 62-я гвардейские, 160-я и 111-я) и одна отдельная стрелковая бригада (37-я). Во второй эшелон входили 12-й, 15-й танковые и 6-й гвардейский кавалерийский корпуса, 179-я и 201-я отдельные танковые бригады. В резерве командарма находились 184-я стрелковая дивизия и 1245-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк.

Согласно решению командующего 3-й танковой армией, предусматривалось силами 48-й гвардейской стрелковой дивизии при поддержке 265-го гаубичного артиллерийского полка и 293-го отдельного гвардейского минометного дивизиона нанести удар из района Козинки в общем направлении на Ольховатку, к исходу первого дня операции главными силами выйти в район Приколотное, а передовыми отрядами – на рубеж Гарбузовка, Дорошенково. Части 62-й гвардейской

стрелковой дивизии при поддержке 133-го гаубичного артиллерийского и 315-го гвардейского минометного полков должны были наступать из района Новопетровки в общем направлении на Великий Бурлук с задачей к исходу первого дня операции выйти главными силами в район Великий Бурлук, а передовыми отрядами – на рубеж Гнилица, Зеленый Гай. От 160-й стрелковой дивизии, поддерживаемой 206-м гаубичным артиллерийским полком, 294-м и 318-м гвардейскими минометными дивизионами, требовалось перейти в наступление из района Криничное, Каменка в направлении Колодезное, Рогозянка, Шиповатое, Шевченково и к исходу первого дня операции достичь главными силами района Шиповатое, а передовыми отрядами выйти на рубеж Ново-Александровка, Лозовое. На 111-ю стрелковую дивизию возлагалась задача по переходу в наступление из района Червоной Долины в направлении Смородьковка, Аркадьевка, овладению к исходу первого дня операции рубежом Гусинка, Смородьковка, поддержанию связи с наступающей слева 350-й стрелковой дивизией 6-й армии и обеспечению 3-й танковой армии от возможных контратак с юга и юго-запада.

6-му гвардейскому кавалерийскому корпусу (8-я и 13-я гвардейские кавалерийские дивизии^[99] с корпусными частями и приданной 201-й отдельной танковой бригадой) предстояло совершить глубокий обход Харькова с юга с целью соединения с частями 40-й армии, создания внешнего фронта окружения вражеской группировки, перехвата путей отхода противника и недопущения подхода его резервов.

Второй эшелон армии предназначался для ввода в сражение после выхода на непосредственные подступы к Харькову, с тем чтобы нанести внезапный стремительный удар на город с юга и юго-запада.

Танковым корпусам предстояло создать внутренний фронт окружения противника. По решению генерала Рыбалко 15-й танковый корпус получил в качестве усиления 368-й артиллерийский полк, 12-й танковый корпус – 1172-й легкий артиллерийский полк, а 6-й гвардейский кавалерийский корпус – 288-й артиллерийский полк, 388-й и 390-й отдельные гвардейские минометные дивизионы. В армейскую группу артиллерии дальнего действия (АДД) входили два пушечных артиллерийских полка 8-й артиллерийской дивизии.

Большое внимание было уделено организации противотанковой обороны. В стрелковых дивизиях и танковых бригадах за счет штатных средств истребительно-противотанковых артиллерийских дивизионов и батарей были созданы противотанковые резервы, а в танковых корпусах для этого использовались приданные артиллерийские полки.

Воздушную поддержку войск Воронежского фронта обеспечивала 2-я воздушная армия генерал-майора авиации К.Н. Смирнова. Непосредственное взаимодействие с 3-й танковой армией осуществляла Южная оперативная группа 2-й воздушной армии в составе 205-й истребительной и 227-й штурмовой авиационных дивизий, а также оперативно подчиненных ей двух полков 208-й ночной легкомомбардировочной дивизии – всего около 70 боеготовых самолетов^[100]. Руководство Южной группой осуществлял заместитель командующего 2-й воздушной армией с оперативной группой штаба, находившийся на выносном пункте управления, развернутом в непосредственной близости от штаба 3-й танковой армии.

В оперативном отношении командующему 3-й танковой армией были подчинены 46-й и 47-й

отдельные саперные батальоны 60-й инженерно-саперной бригады. Они были приданы танковым корпусам. Прокладку дорог фронтового значения в тылу армии и постройку переправ и мостов предполагалось осуществлять силами частей и подразделений, подчиненных начальнику инженерных войск фронта. Ввиду ограниченной численности саперных подразделений, для расчистки и ремонта дорог и колонных путей широко привлекалось местное население.

При разработке плана операции штаб 3-й танковой армии особое внимание уделял обеспечению флангов и организации взаимодействия с соседними соединениями. Обеспечение стыка с соседом справа – 180-й стрелковой дивизией 69-й армии – возлагалось сначала на правофланговую 48-ю гвардейскую стрелковую дивизию, а затем на 184-ю стрелковую дивизию. Поддерживать связь с левым соседом – 350-й стрелковой дивизией 6-й армии – должна была левофланговая 111-я стрелковая дивизия.

К установленному сроку (27 января) войска 3-й танковой армии не успевали сосредоточиться на исходных для наступления позициях. Части 15-го танкового корпуса, которые вели боевые действия в районе Алексеевки, смогли только утром 27 января начать марш в район сосредоточения, прибыв в него лишь 29 января. К этому же сроку прибыл и 12-й танковый корпус, которому пришлось во время марша принимать меры по уничтожению прорывающихся групп противника. Стрелковые дивизии, совершавшие марш своим ходом, завершили сосредоточение только 29–31 января. Учитывая все это, генерал Рыбалко обратился к командующему фронтом с просьбой перенести начало перехода в наступление на 2 февраля. Эта просьба была удовлетворена генералом Голиковым.

По данным штаба армии, в полосе предстоящих действий оборонялись полк «Великая Германия», части 320, 357 и 387-й пехотных дивизий общей численностью 4,5–5 тыс. активных штыков, до 50 танков и до 4 дивизионов артиллерии^[101]. «Противник отдельными гарнизонами занимал населенные пункты и высоты по западному берегу р. Оскол, – отмечал штаб армии, – приспособив здания и сооружения для обороны. Кратковременность не дала возможности противнику полностью произвести инженерные работы, и к началу операции противник имел в основном снежные окопы неполной профили, незначительное количество минированных участков, противотанковых и противопехотных препятствий»^[102].

Утром 2 февраля войска 3-й танковой и 69-й армий Воронежского фронта и 6-й армии Юго-Западного фронта перешли в наступление. Противник оказывал упорное сопротивление, в результате чего продвижение стрелковых соединений 3-й танковой армии было медленным. После прорыва ими обороны противника в сражение вступили танковые корпуса. 4 февраля стрелковые соединения вышли к Северскому Донцу и с ходу попытались его форсировать. Однако танковая дивизия СС «Адольф Гитлер», подошедшая из Харькова, сорвала эту попытку. 5 февраля осложнилось положение на правом фланге 3-й танковой армии. Части дивизии «Дас Райх», развернувшиеся в районе Белый Колодезь, нанесли контрудар в направлении Ольховатка, Великий Бурлук, где оборонялась 48-я гвардейская стрелковая дивизия. Для парирования этого удара генерал Рыбалко ввел в сражение 184-ю стрелковую дивизию при поддержке 179-й отдельной танковой бригады и 1245-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка. В течение четырех дней на правом фланге армии велись упорные

бои с контратакующими частями противника. Только 6-й гвардейский кавалерийский корпус сумел выйти к Новой Водолаге, оказавшись на фланге харьковской группировки врага. 9 февраля атаки дивизии «Дас Райх» прекратились, ее части стали отходить на западный берег Северского Донца.

Войска 60-й и 40-й армий начали наступление 3 февраля. Соединения 40-й армии 7 февраля освободили Корочу. В тот же день Верховное Главнокомандование вермахта (ОКХ), оценивая замыслы советского командования, пришло к выводу, что оно на Юго-Западном фронте стремится отрезать и уничтожить группу армий «Дон» ударом во фланг из района Лисичанск, Изюм в общем направлении на юг.

«На Брянском фронте намечается операция 13-й русской армии против южного фланга центральной группы армий, – отмечалось в докладе ОКХ, – где, судя по попытке тактического окружения 55-го армейского корпуса, целью армии является продвижение в направлении Орла, левым крылом – вдоль дороги Курск – Орел, при одновременном опрокидывании южного фланга центральной группы армий. (Переброска сил из района центра Сталинграда.)

В. На Воронежском фронте – широкое прикрытие активными действиями обеих этих операций на запад в находящемся между ними районе Изюм, Харьков, Курск 3-й танковой армией, 40-й и предположительно также 60-й армиями с одновременной целью уничтожения стоящих здесь немецких сил.

При этом выявляются две частичные операции:

Г. Окружение германских дивизий, находящихся в районе Харьков, Белгород, 3-й танковой армией с юга, 40-й армией, предположительно также 60-й армией с северо-востока и севера.

Д. Окружение германских сил в районе Курска с юга, востока и севера предположительно 38-й русской

армией, которая одновременно должна быть частично использована для уничтожения отбивающихся германских частей в районе южнее и восточнее Тима»[\[103\]](#).

8 февраля войска 60-й армии освободили Курск. На следующий день соединения 40-й армии заняли Белгород, а 69-й армии – Волчанск. В связи с успешным продвижением фланговых группировок Воронежского фронта над харьковской группировкой противника нависла угроза окружения. В ночь на 10 февраля она оставила рубеж у Северского Донца и начала отходить к Харькову. Используя выгодную обстановку, 3-я танковая армия освободила Печенеги, Чугуев и развивала успех на Харьков. Однако с ходу овладеть городом не удалось, так как на внешнем оборонительном обводе, в районе Рогани (20 км юго-западнее Харькова), противник оказал упорное сопротивление. Гитлер требовал от группы Ланца «во что бы то ни стало удержать Харьков, потеря которого могла отразиться на престиже Германии, как своего рода новый Сталинград». Не ограничившись этим, он 13 февраля издал еще один строгий приказ, в котором приказывал «при всех обстоятельствах удерживать Харьков», что, несомненно, означало и оборону в условиях окружения[\[104\]](#).

Только к исходу 14 февраля части 3-й танковой армии сумели выйти к внутреннему оборонительному обводу Харькова. К этому времени к северо-восточной окраине города подошли соединения 69-й армии.

В полосе наступления 40-й армии противник оказывал слабое сопротивление. С севера к Харькову продвигалась танковая группа (116-я танковая бригада, 59, 60 и 61-й отдельные танковые полки) полковника В.Г. Романова. Одновременно в наступление перешел 5-й гвардейский танковый корпус (20 танков), который

прибыл из района Касторное. 13 февраля они освободили Дергачи и Ольшаны, охватив Харьков с северо-запада. Используя успех танковых соединений, стрелковые дивизии 40-й армии подошли к северной и северо-западной окраинам Харькова.

Утром 15 февраля войска 40, 69 и 3-й танковой армий начали штурм Харькова. Город удерживал 2-й танковый корпус СС, имевший 200 танков. На всем фронте завязались ожесточенные бои. Преодолевая яростное сопротивление противника, соединения 3-й танковой и 69-й армий прорвали внутренний обвод и проникли в город, а 5-й гвардейский танковый корпус совместно с 340-й стрелковой дивизией ворвался на его западную окраину. Видя бесперспективность сопротивления и опасаясь окружения, 2-й танковый корпус СС начал отходить в юго-западном направлении. К 12 часам 16 февраля Харьков был полностью очищен от врага.

После освобождения Харькова 3-я танковая и 69-я армии получили задачу наступать на Полтаву, а остальные силы фронта – на запад. К этому времени 3-я танковая армия насчитывала 49 663 человека, 110 танков, 1044 минометов различных калибров, 318 орудий и 189 противотанковых пушек^[105]. Войска были сильно переутомлены непрерывными боями и понесли большие потери: 11,5 тыс. человек убитыми, ранеными, контуженными и пропавшими без вести, 66 орудий, 40 противотанковых пушек и 45 танков^[106]. В этой связи генерал Рыбалко докладывал Военному совету Воронежского фронта: «Войска требуют хотя бы суточного, трехсуточного отдыха и приведения себя в порядок, приема пополнения. За эти дни части понесли очень большие потери в людском составе и матчасти, особенно большие потери в командном составе». Ответ командующего фронтом от 19 февраля гласил: «До

выхода за р. Коломак на рубеже Константиновка, Артемовка предоставлять войскам дневку не разрешаю. Голиков». В новой шифровке от того же числа подчеркивалось:

«До Киева осталось около 400 км, до разлива рек, приведения в труднопроходимое состояние дорог осталось 25 суток. Крепко учтите это и обеспечьте всеми мерами такие темпы продвижения, чтобы р. Днепр до распутицы была, безусловно, за нами. На основе Ваших расчетов предъявите требования войскам. Используйте гидрометеотделение Вашего штаба и постоянно держите в курсе метеобстановки войска»^[107].

Войска 3-й танковой армии, преодолевая сопротивление арьергардов противника, медленно продвигались на запад, производя в то же время перегруппировку для планировавшегося наступления на Полтаву. Однако к этому времени обстановка резко изменилась. Противник, перейдя 19 февраля в контрнаступление, отбросил войска Юго-Западного фронта к Северскому Донцу. В результате левое крыло Воронежского фронта оказалось неприкрытым. В этой связи 3-й танковой армии было приказано прекратить подготовку к наступлению на Полтаву, после подхода частей 69-й армии передать им занятые рубежи и форсированным маршем занять район Карловка, Красноград. На Южную группу войск (6-й гвардейский кавалерийский корпус, 184, 219 и 350-я стрелковые дивизии, 201-я отдельная танковая бригада), созданную 24 февраля под командованием генерала С.В. Соколова, возлагалась задача по уничтожению противника и овладению рубежом Козачий Майдан, Шляховая, Ленинский Завод.

12-й танковый корпус, преодолевая упорное сопротивление противника, совместно с 25-й

гвардейской стрелковой дивизией и частью сил 305-й стрелковой дивизии 69-й армии 25 февраля овладел Валками. 27 февраля танковые корпуса 3-й танковой армии вышли к Варваровке, где встретили упорное сопротивление противника и были остановлены. Тогда было принято решение овладеть Красноградом ударом с востока. 15-й танковый корпус, имея 19 танков, занял Кегичевку, сюда же 28 февраля вышел и 12-й танковый корпус, в котором было 20 танков. Здесь танковые соединения вынуждены были ожидать машины с горючим.

Пока части 3-й танковой армии ждали горючее, ее оперативное предназначение было изменено. Согласно директиве № 30059 Ставки ВГК от 28 февраля она, включая подвижную группу генерала С.В. Соколова, с 22 часов передавалась в состав войск Юго-Западного фронта. Командующему фронтом предписывалось использовать армию и подвижную группу генерала Соколова для нанесения флангового удара по наступающему противнику. Командующему войсками Воронежского фронта до подхода войск из резерва Ставки приказывалось перебросить несколько дивизий с других участков фронта и направить их на подкрепление левого крыла фронта [\[108\]](#).

К этому времени 3-я танковая армия по сравнению с 1 февраля 1943 г. дополнительно получила одну стрелковую дивизию, один истребительно-противотанковый артиллерийский полк и инженерную минную бригаду.

Вечером 28 февраля командующий 3-й танковой армией принял решение перейти частью сил к обороне на достигнутых рубежах, все танковые соединения и часть пехоты свести в оперативную группу под командованием командира 12-го танкового корпуса генерал-майора Зиньковича.

Противник, воспользовавшись остановкой частей 3-й танковой армии, утром 2 марта оттеснил 6-ю армию за Северский Донец, а затем нанес удар по 3-й танковой армии силами 2-го танкового корпуса СС с востока и подошедшей из Киева танковой дивизии СС «Мертвая голова» с запада. Отражая непрерывные удары превосходящих сил врага, соединения армии отошли за боевые порядки стрелковых дивизий, перешедших к обороне на рубеже Новая Водолага, Тарановка. При отходе погиб командир 15-го танкового корпуса Герой Советского Союза генерал В.А. Копцов.

Командующий оперативной группой генерал Зинькович в половине десятого вечера 2 марта докладывал в штаб армии:

«ГСМ совершенно нет. Вся артиллерия и малые танки стоят. Доставить колесным транспортом невозможно. Дорога Медведовка – Шляховая противником отрезана. Без обеспечения горючего перейти в наступление нельзя. Противник ведет с утра наступление из Павловка, Краснополье. Обеспечение горючим во всех соединениях тяжелое. Прошу подать горючего первого и второго сорта»^[109].

Генерал Зинькович предложил вывести оперативную группу на соединение с войсками армии. В этой связи генерал Рыбалко приказал группе под прикрытием ночной темноты оторваться от противника и выйти в район Тарановка, Рябухино, Охочее.

К 4 часам 3 марта соединения группы генерала Зиньковича, оторвавшись от противника, попытались прорваться к Лозовой. Потерпев неудачу, они предприняли попытку обойти ее справа.

«Противнику удалось сильным артминометным огнем вывести из строя большое количество автомашин и орудий частей группы, – докладывал в штаб армии генерал Зинькович. – Большое количество автомашин,

орудий и несколько танков были уничтожены в пути движения из-за отсутствия горючего. Попытка буксировать орудия и автомашины за танками не увенчалась успехом, так как глубокий снежный покров и целый ряд глубоких балок с крутыми подъемами не давал возможности двигаться ввиду перегревов моторов. Радиостанции соединений прекратили работу после первого боя с противником, так как часть из них была выведена из строя полным уничтожением, а часть имела повреждения. Попытки установить связь с соединениями группы через офицеров связи на танках также успеха не имели»^[110].

К исходу дня 3 марта 160-я стрелковая дивизия под давлением превосходящих сил противника оставила Ландышево. На левом фланге 3-й танковой армии 350-я стрелковая дивизия, не выдержав удара противника, отошла к 10 часам до Борков, что привело к окружению группы генерала Зиньковича. За оставление оборонительного рубежа без приказа командующего армией командир 350-й стрелковой дивизии генерал-майор Гриценко был отстранен от должности и предан суду Военного трибунала. 6-й гвардейский кавалерийский корпус отошел на рубеж Рябухино, Охочее.

К утру 5 марта основные силы группы генерала Зиньковича вышли к войскам армии в районе Охочее, Рябухино. Части группы, потеряв материальную часть транспортных машин и тяжелое оружие, были не боеспособны и нуждались в доукомплектовании. Из 26 исправных танков 12-го танкового корпуса из окружения вышло только 13 машин, а 15-й танковый корпус потерял все 25 исправных танков. Остатки обоих танковых корпусов были выведены в тыл, где их свели под общее командование командира 195-й танковой бригады 15-го танкового корпуса. В 179-й отдельной

танковой бригаде, оборонявшейся в районе Тарановки, имелось всего 22 танка. Войска 3-й танковой армии фактически утратили возможность вести активные наступательные действия.

В то время как 3-я танковая армия вела боевые действия южнее Харькова, соединения 40-й армии освободили 21 февраля Тростянец, а 23-го – Ахтырку и Опошню. Войска 60-й армии 3 марта заняли Льгов.

1 марта командующий Воронежским фронтом обратился в Ставку ВГК с просьбой разрешить перейти к временной обороне с целью обеспечения устойчивости войск фронта^[111]. На следующий день Сталин удовлетворил эту просьбу. 3 марта войска фронта, не располагая резервами и исчерпав наступательные возможности, перешли к обороне. Соединения 3-й танковой армии с 24 часов 3 марта были переданы из Юго-Западного фронта вновь в состав Воронежского фронта, имея задачей не допустить прорыва противника в Харьков. Начальником обороны города был назначен заместитель командующего Воронежским фронтом генерал Д.Т. Козлов. В его непосредственное подчинение вошли 62-я гвардейская стрелковая дивизия, 17-я бригада войск НКВД, затем 3 истребительно-противотанковых артиллерийских полка, дивизион РС, 86-я танковая бригада и 19-я стрелковая дивизия.

В результате Харьковской операции войска Воронежского фронта продвинулись на 100–260 км и нанесли тяжелое поражение противнику. По оценке штаба 3-й танковой армии, ее войска уничтожили около 17 тыс. солдат и офицеров противника, захватили в плен 27038 человек, в качестве трофеев – 12 танков, 4 бронемашины, 1376 грузовых и 15 легковых машин, 35 орудий. Армия потеряла почти 19,3 тыс. человек, в том числе 5804 убитыми^[112].

Особенностью операции было то, что она готовилась в ходе преследования противника и была начата без оперативной паузы, осуществлялась тем же составом войск, что и предыдущая операция. Наступление велось на широком фронте. Однако успех, достигнутый в наступлении на харьковском направлении, закрепить не удалось. «Нам не удалось окружить и полностью уничтожить харьковскую группировку немецко-фашистских войск, – отмечал К.С. Москаленко. – Это произошло в значительной мере потому, что Мерефа не была занята 6-м гвардейским кавкорпусом: своих сил у него для этого не хватало, а усиление от 3-й танковой армии он так и не получил. Противник воспользовался этим единственным оставшимся у него выходом на запад (пути на Полтаву перекрыли войска 40-й армии) и бежал в направлении Краснограда»^[113].

Харьковская оборонительная операция (4—25 марта 1943 г.)

Наступление советских войск зимой 1942/43 г. и выход их к середине февраля на подступы к Днепропетровску и Запорожью создали угрозу расчленения всего Восточного фронта противника. Спасти положение он рассчитывал путем отвода войск в Донбассе, переброски резервов с запада и создания ударных группировок с целью перехода в контрнаступление. Вначале предусматривалось разгромить выходившие к Днепру войска Юго-Западного фронта и отбросить их за р. Северский Донец, затем осуществить удар по войскам Воронежского фронта в районе Харькова и вновь захватить Харьков и Белгород. После этого намечалось встречными ударами с юга от Белгорода и с севера от Орла в общем направлении на Курск нанести поражение действовавшим в этом районе советским

войскам. Эта задача возлагалась на созданную 13 февраля 1943 г. группу армий «Юг» (4-я и 1-я танковые армии, оперативные группы «Кемпф» и «Холлидт»; командующий – генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн). Она имела в своем составе 30 дивизий, из них 13 танковых и моторизованных. Поддержка наземных войск осуществлялась 4-м воздушным флотом.

Как уже отмечалось, 19 февраля противник перешел в контрнаступление против войск правого крыла Юго-Западного фронта в Донбассе и вынудил его ослабленные в предыдущих наступательных боях соединения 3 марта отойти за Северский Донец. Это значительно ухудшило оперативное положение войск Воронежского фронта, осуществлявших в то время своим левым крылом Харьковскую наступательную операцию. Их левый фланг оказался открытым. Командующий группой армий «Юг», перегруппировав свои войска, создал в районе юго-западнее Харькова против левого крыла Воронежского фронта (40-я, 69-я, 3-я танковая армии) сильную группировку войск (4-я танковая армия и оперативная группа «Кемпф»). Противник превосходил советские войска в личном составе в 2 раза, в артиллерии – в 2,6, в танках – в 11,4, а в самолетах более чем в 3 раза.

Соединения Воронежского фронта в предыдущих наступательных боях понесли значительные потери, резервы отсутствовали, не хватало горючего, боеприпасов, вооружения, тылы растянулись на 250–300 км.

4 марта соединения 4-й танковой армии противника нанесли удар по 3-й танковой армии Воронежского фронта. Несмотря на недостаток сил, она оказала упорное сопротивление противнику, которому в течение двух дней удалось вклиниться в ее оборону всего на 6–8 км. Тогда он 6 марта перенес направление главного

удара в стык 69-й и 3-й танковой армий. Под давлением противника войска 3-й танковой армии отошли на рубеж Просяное, Новая Водолага, Московка, Рябухино.

7 марта противник, осуществив перегруппировку, нанес главный удар в направлении Валки, Новая Водолага, Мерефа и вспомогательный – в направлении Знаменка, Старая Водолага, Одринка. Части ослабленной в предыдущих боях 48-й гвардейской стрелковой дивизии не смогли сдержать натиск противника и отошли в район Мануилово. Два полка дивизии попали в окружение и были вынуждены самостоятельно пробиваться к своим войскам. 104-я стрелковая бригада удерживала рубеж Паньково, Старая Водолага. 253-я стрелковая бригада со 195-й танковой бригадой получила приказ отойти на северный берег р. Мжа, на рубеж Ракитное, Утковка. 6-й гвардейский кавалерийский корпус и 350-я стрелковая дивизия отошли на северный берег р. Мжа в район Кравцово, Тимченков, Миргород. В связи с обострением обстановки севернее Харькова распоряжением командующего войсками Воронежского фронта 6-й гвардейский кавалерийский корпус был выведен из состава 3-й танковой армии и направлен в район Дергачи.

9 марта на усиление 3-й танковой армии прибыли 86-я танковая бригада и 303-я стрелковая дивизия, занявшая оборону в районе Коротич, Березовка, Буды, а также 2-й гвардейский танковый корпус (до 120 танков). Но уже в 4 часа утра 10 марта командир корпуса получил приказ о выходе из состава армии и переброске к северу от Харькова. В состав армии был введен 18-й танковый корпус, имевший всего 6 боеготовых малых танков ^[114]. В этот же день противник вышел с юга к Богодухову, обошел Харьков с севера и прорвал оборону 6-го гвардейского кавалерийского

корпуса в районе Дергачей. После этого вражеские части стали развивать наступление в северном и северо-восточном направлениях, создав угрозу окружения всей группировки советских войск, оборонявшейся в районе Харькова. К исходу дня пехота противника начала отдельными группами просачиваться в город со стороны северных окраин.

11 марта в Харьков прорвались танки противника, а его передовые отряды дошли до центра города и заняли дом Госпрома. Начальник обороны Харькова генерал Козлов, не имея связи с войсками, передал управление гарнизоном командующему 3-й танковой армией, а сам выехал из города в неизвестном направлении. После ожесточенных боев защитники Харькова к исходу дня 12 марта отошли за р. Лопань, оставив северную и северо-восточную части города. В документах штаба 3-й танковой армии отмечалось:

«Построенная оборона принесла мало пользы, хотя сил и средств на нее потрачено было много. Построенные огневые точки и баррикады были не использованы из-за отсутствия расчета огневых средств на их прикрытие и просто из-за отсутствия достаточного количества огневых средств у начальника обороны. Частям, обороняющим город Харьков, схемы оборонительных сооружений штаб обороны не дал, в силу чего и не все укрепления были частями использованы. Заблаговременно эти укрепления никем не занимались, а отходящие части в лучшем случае случайно на них натыкались и использовали. В большинстве же случаев не использовались вовсе. Передача обороны Харькова 3-й танковой армии начальником обороны была произведена по причинам отсутствия у него надлежащих средств управления обороняющимися частями и в момент, когда уже штабу 3-й танковой армии было поздно изучать участки обороны, рубежи и части, обороняющие город. Поздно

было заниматься и перегруппировкой сил, хотя это и диктовалось обстановкой»^[115].

Противник, наращивая усилия, к исходу дня 14 марта занял Терновую, Лизогубовку, Боровое и Водяное, прервав все пути подвоза. К этому моменту в Харькове продолжали обороняться части 19-й стрелковой дивизии и 17-й бригады войск НКВД при поддержке 179-й отдельной и 86-й танковых бригад. 62-я гвардейская стрелковая дивизия и остатки 303-й и 350-й стрелковых дивизий занимали оборону в районе Жихар, Безлюдовка, 104-я стрелковая бригада удерживала район Лялюки, а 253-я стрелковая бригада – Кулинич. Утром 15 марта, получив разрешение штаба фронта на оставление Харькова, командующий 3-й танковой армией отдал приказ о прорыве частей в направлении Малиновка, Граково с последующим выходом на восточный берег р. Северский Донец на рубеж Старый Салтов, Волчанск.

Несмотря на то что Харьков был потерян, Ставка ВГК не теряла надежды на разгром харьковской группировки противника. 15 марта представитель Ставки Маршал Советского Союза А.М. Василевский представил И.В. Сталину соответствующий план^[116]. Он отмечал, что наступление подвижной группы противника из района Борисовки, стремившейся захватить Белгород и во взаимодействии с ударом частью сил из района Липцев на север окружить советские войска южнее города, остановлено. Направления от Харькова на север по Белгородскому шоссе и северо-восточнее Харькова в обход Белгорода с востока прикрывает 69-я армия, усиленная 2-м гвардейским танковым корпусом (до 120 танков). Войска 3-й танковой армии в тяжелых условиях продолжают выход на восточный берег р. Северский Донец на рубеж Мартовая, Печенег, Чугуев,

Шелудьковка. Противник, преследуя соединения армии, подошел к западной окраине Чугуева. Соединения 21-й армии должны были к утру 16 марта завершить развертывание на р. Псел в районе Обояни.

Маршал Василевский, учитывая сложившуюся обстановку, предлагал к утру 17 марта выдвинуть 21-ю армию на рубеж Пены (15 км восточнее Белого), Покровка, Гостищево и с этого рубежа 18-19 марта перейти в наступление в общем направлении через Борисовку, Золочев в обход Харькова и харьковской группировки противника с запада. С выходом армии южнее Борисовки намечалось усилить ее 3-м гвардейским танковым корпусом. Войска 40-й армии должны были прикрыть выход 21-й армии на указанный рубеж, а затем ударом на Ахтырку обеспечить фланг этой армии. Одновременно 69-й армии, усиленной 2-м гвардейским танковым корпусом, предстояло нанести удар по Харькову с севера и северо-востока. Общая цель операции – вырвать инициативу у противника севернее и северо-западнее Харькова, разбить харьковскую группировку противника и тем самым еще до подхода 1-й танковой армии ликвидировать угрозу наступления противника на север, в тыл армиям Воронежского фронта или на восток. 3-ю танковую армию планировалось с 16 марта передать в состав Юго-Западного фронта, которому предстояло прочно оборонять восточный берег р. Северский Донец. Одновременно предполагалось по мере прибытия дивизий 64-й армии выдвигать их на р. Северский Донец на рубеж Белгород, Волчанск. 1-ю танковую армию планировалось, по мере прибытия в Курск ее корпусов, сосредоточить в районе Обоянь, Медвенское, чтобы прочно обеспечить как сумское, так и конотопское направления.

Сталин, утвердив план маршала Василевского, подписал директиву № 30076 Ставки ВГК о передаче с 6

часов 16 марта 1943 г. 3-й танковой армии из Воронежского фронта в состав войск Юго-Западного фронта^[117].

В ночь на 16 марта соединения 3-й танковой армии начали прорыв к своим войскам. Остатки 253-й стрелковой бригады, 179-й отдельной танковой бригады и один батальон 17-й бригады войск НКВД, будучи отрезаны от основной группировки войск, были объединены под командованием командира 179-й отдельной танковой бригады полковника Рудкина. Они прорвались в северо-восточном направлении и вышли к своим войскам на восточный берег Северского Донца южнее Волчанска. Остальные соединения армии прорывались в общем направлении на Скрипай. В ходе прорыва погибли командир 17-й бригады войск НКВД полковник Тонкопий и командир 62-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор Зайцев. К исходу 17 марта выход частей 3-й танковой армии из боя в основном завершился.

18 марта противник овладел Белгородом. Однако его попытки развить наступление на Волчанск и Обоянь были отражены перегруппированными на эти направления 64-й (из-под Сталинграда) и 21-й (с Центрального фронта) армиями. Кроме того, в районе Обояни сосредоточивалась 1-я танковая армия. В результате принятых Ставкой ВГК мер направление на Курск с юга было надежно прикрыто. 25 марта войска Воронежского фронта, отойдя в ходе оборонительных сражений на 100–150 км, остановили противника на рубеже Краснополье, Белгород и далее по р. Северский Донец до Чугуева, образовав здесь южный фас так называемого Курского выступа.

В результате Харьковской оборонительной операции были сорваны планы противника на окружение советских войск в районе Харькова, и тем

самым разбиты его надежды взять реванш за Сталинград. Он не сумел вернуть стратегическую инициативу и перейти к третьему этапу контрнаступления – совместными действиями групп армий «Юг» и «Центр» окружить и уничтожить советские войска под Курском. На исходе операции отрицательно сказалась ошибочная оценка командующими фронтами замысла противника и переоценка сил и возможностей своих войск. Немаловажное значение имело и то, что западные союзники СССР, несмотря на просьбы советского Верховного Главнокомандования активизировать свои боевые действия, в феврале – марте, по существу, прекратили активные действия в Северной Африке, что позволило противнику перебросить на Восточный фронт силы с других театров военных действий.

В ходе операции 3-я танковая армия понесла тяжелые потери. Вот что по этому поводу отмечалось в документах штаба армии:

«Преодолевая сопротивление противника, части армии вышли в южном направлении до 5000 чел. и в северо-восточном направлении до 3500 чел. 62-я гвардейская стрелковая дивизия вышла, имея без тылов около 2500 чел... 350-я стрелковая дивизия кроме тылов, ранее выведенных из боя, вышла единицами. 17-я бригада войск НКВД вышла в составе свыше 1000 активных штыков и направлена на оборону по восточному берегу р. Северский Донец на участке Старый Салтов, Хотомля. 303-я и 19-я стрелковые дивизии имеют свыше 1000 активных штыков»^[118].

В 48-й гвардейской стрелковой дивизии осталось всего 200 активных штыков. Войска армии потеряли 175 45-мм противотанковых пушек, 362 орудия, 845 минометов, 30 37-мм зенитных пушек. Общие

безвозвратные потери танков с 14 января по 12 марта 1943 г. составили 293 боевые машины.

Генерал П.С. Рыбалко, оценивая итоги операции, отмечал:

«В ходе напряженных боевых действий, особенно если операции следуют одна за другой, не должно увлекаться «войной до последнего солдата». Необходимо после одной-двух наступательных операций делать на выгодных рубежах и в соответствующей обстановке оперативные паузы для приведения частей в порядок, для их перегруппировки, для отдыха уставших войск, для принятия и освоения вливающегося пополнения, для подтягивания и налаживания службы тыла. Такие паузы с закреплением на достигнутых рубежах необходимы и для организации активной обороны против новых и свежих контратакующих сил противника, уничтожая их авиацией на дальних подступах. В необходимых случаях, исходя из обстановки, продолжать преследование противника незначительными резервами.

С выходом на рубеж Валки, Новая Водолага все элементы обстановки настоятельно диктовали переход армии к обороне, хотя бы временно, так как противник показал свою стойкость и упорство, подбросил свежие силы, а войска армии в непрерывных упорных боях были ослаблены. Став на оборону, армия имела бы время сделать оборонительные рубежи неприступными, во-вторых, измотав контратакующего противника, перейти к дальнейшему наступлению и выполнению дальнейшей операции. В этом случае вряд ли и Харьков был бы сдан противнику обратно»^[119].

17 марта Военный совет 3-й танковой армии направил Военному совету бронетанковых и

механизированных войск Красной Армии рапорт, в котором говорилось:

«3-я танковая армия в составе 12-го, 15-го танковых корпусов, 179-й отдельной танковой бригады, 48-й гвардейской стрелковой дивизии, 184-й стрелковой дивизии и других штатных частей и соединений в составе Воронежского фронта участвует в боевых операциях с 8 января 1943 г. непрерывно.

За этот период армия в целом прошла от станции выгрузки до района сосредоточения 200 км и, ведя наступательные бои, 800 км. Всего армия прошла 1000 км по кривой, освободила территорию страны с востока на запад на глубину 300 км в полосе шириной 50-90 км.

Армия успешно провела Россошанско-Валуйскую и Харьковскую операции. За время обеих операций армией освобождены города Харьков, Россошь, Чугуев, Валуйки, Люботин, Валки, Мерефа, до 35 районных центров и несколько тысяч населенных пунктов Воронежской области и УССР. За время обеих операций армия захватила 54 000 пленных солдат и офицеров противника, уничтожила более 65 000 солдат и офицеров противника, разгромила не менее 13 дивизий противника.

На протяжении всех боевых действий все части и соединения армии дрались с исключительным упорством и успешно выполняли поставленные боевые задачи с значительно меньшими потерями по сравнению с противником.

Военный совет армии не знает ни одного случая, который бы порочил в бою какую-либо часть или соединение армии»^[120].

Далее отмечалось, что части и соединения армии «естественным ходом событий сильно истощились и в настоящее время по своему составу и

укомплектованности не способны к дальнейшим боевым действиям». В 15-м танковом корпусе насчитывалось всего около 1 тыс. человек, в 12-м танковом корпусе – около 3 тыс., из них 85 % призванных в освобожденных районах, без оружия, необученных и необмундированных. В корпусах не было ни одного боееспособного танка. В целях сохранения, быстреего восстановления и доукомплектования армии Военный совет просил возбудить ходатайство перед наркомом обороны Маршалом Советского Союза И.В. Сталиным о немедленном выводе армии в резерв Ставки ВГК.

Командование 3-й танковой армии можно понять, ведь она просуществовала почти 11 месяцев, накопив значительный боевой опыт. Несмотря на это ее участь была предрешена. Приказом № 46125 Ставки ВГК она с 24 часов 26 апреля 1943 г. была переименована в 57-ю армию^[121]. Это было обусловлено следующими причинами. Во-первых, армия по своему составу уже не отвечала своему наименованию и предназначению. Во-вторых, стало очевидным, что танковые армии смешанного состава себя не оправдывают. В-третьих, в конце января 1943 г. было принято принципиальное решение о создании танковых армий однородного состава, о чем речь пойдет во втором разделе данного труда.

Четвертая танковая армия

Рождение 4-й танковой армии, как и 1-й, было обусловлено тяжелой обстановкой, сложившейся в июле 1942 г. на сталинградском направлении. По решению А. Гитлера от 23 июля войска 6-й армии генерал-полковника Ф. Паулюса должны были овладеть Сталинградским промышленным районом и выйти к Волге. Для того чтобы остановить противника, Ставка ВГК, как уже говорилось, приняла решение нанести по нему контрудар силами танковых объединений. В соответствии с директивой № 994125 Ставки ВГК от 22 июля в составе Сталинградского фронта предстояло к 28 июля сформировать 1-ю танковую армию, а по директиве № 994124 – к 1 августа 4-ю танковую армию. В ее состав включались: управления 28-й армии со всеми армейскими частями, учреждениями и тылами, переименовав управление этой армии в управление 4-й танковой армии; два танковых корпуса (22-й и 23-й); три стрелковых дивизии из числа прибывающих с Дальневосточного фронта; два полка ПТО 76-мм калибра; два полка ПВО; один гвардейский минометный полк.

Командующим 4-й танковой армией назначался генерал-майор В.Д. Крюченкин с освобождением его от обязанностей командующего 28-й армией. Он, как и генералы К.С. Москаленко и П.С. Рыбалко, не был танкистом по образованию (см. приложение № 3). Заместителем командующего 4-й танковой армией по танковым войскам стал генерал-майор танковых войск Новиков^[122]. Членом Военного совета армии был назначен бригадный комиссар Ф.П. Лучко, а начальником штаба – полковник Е.С. Полозов.

Сталинградская оборонительная операция (17 июля - 18 ноября 1942)

23 июля 1942 г. противник, используя подавляющее превосходство в силах, прорвал оборону правофланговых дивизий 62-й армии и стал развивать успех в восточном направлении. Попытка командующего Сталинградским фронтом генерал-лейтенанта В.Н. Гордова силами 13-го танкового корпуса 1-й танковой армией, переданного в подчинение командующего 62-й армии, нанести контрудар по прорвавшейся группировке врага успеха не имела. И.В. Сталин в разговоре по прямому проводу с генералом Гордовым потребовал обратить особое внимание на удержание оборонительного рубежа западнее Дона от Клецкой через Рожковскую до Нижне-Калиновки, категорически запретив отход от указанного оборонительного рубежа.

В соответствии с этим требованием генерал Гордов незамедлительно приказал войскам 1-й танковой армии переправиться через Дон в районе Калача и 25 июля перейти в наступление в направлении на Майоровский, уничтожить противостоящего врага и к исходу дня овладеть рубежом Верхнебузиновка, Манойлин. В последующем предписывалось развивать наступление в направлении Перелазовский и там соединиться с 4-й танковой армией. Ее войска не успевали сосредоточиться на исходных позициях к 25 июля, поэтому им приказывалось начать боевые действия 27 июля, наступая из района Трехостровской в направлении Перелазовского. Слева от 1-й танковой армии удар наносила частью сил 62-я армия во взаимодействии с 13-м танковым корпусом. Из района Серафимовича в южном направлении, в тыл группировке противника, предстояло наступать трем стрелковым дивизиям 21-й армии. Вечером 24 июля начальник Генерального штаба генерал-полковник А.М.

Василевский, находившийся на командном пункте 1-й танковой армии, подтвердил решение командующего фронтом.

К началу наступления 4-я танковая армия располагала всего одним танковым корпусом, двумя стрелковыми дивизиями, отдельной истребительной бригадой, истребительно-противотанковым и зенитным артиллерийскими полками, инженерным и двумя саперными батальонами.

Наступление 28-го танкового корпуса 1-й танковой армии, начатое 25 июля, успеха не имело. Ему удалось лишь отбросить противника на 6–8 км от Калача. Противник, воспользовавшись тем, что армия вела боевые действия, по существу, одна, сосредоточил против нее большую часть огневой мощи своей артиллерии, а также крупные силы мотопехоты, танков и авиации. Части 28-го танкового корпуса, возобновив наступление 27 июля, снова продвинулись незначительно – на 6–7 км. К этому времени на западный берег Дона переправились только 17 танков одной из бригад 22-го танкового корпуса 4-й танковой армии. Естественно, что он не мог оказать ощутимую помощь 28-му танковому корпусу.

Противник, убедившись, что ему не удастся с ходу прорваться на Сталинград через Калач, решил осуществить свой замысел в том же направлении, но с юго-запада, из района Нижнечирской. Ценою тяжелых потерь противник захватил 27 июля Нижнечирскую, Новомаксимовский и Ближнеосиновский и создал угрозу удара на Сталинград с юго-запада.

Ставка ВГК, учитывая сложившуюся обстановку, приказала командующему Сталинградским фронтом переключить главные усилия на юго-западное направление, становившееся наиболее угрожающим. В директиве № 170535, направленной около пяти часов вечера 28 июля генералу Гордову, требовалось

полностью уничтожить противника в районе Верхнебузиновки. Одновременно предписывалось не позднее 30 июля силами частей 64-й армии, а также подошедших в район Калача и южнее 204-й и 321-й стрелковых дивизий и 23-го танкового корпуса 4-й танковой армии разгромить противника, вышедшего южнее Нижнечирской на западный берег р. Дон, полностью восстановить здесь оборону по Сталинградскому рубежу, отбросив в дальнейшем врага на запад за р. Цимла^[123].

К моменту получения директивы Ставки ВГК командующий Сталинградским фронтом, как уже отмечалось, решил повернуть часть сил 1-й танковой армии на юго-запад и разгромить вражескую группировку, которая оттуда угрожала выходом на кратчайшее направление к Сталинграду. Для усиления армии в ее состав из 4-й танковой армии был передан 23-й танковый корпус (99-я, 189-я танковые и 9-я мотострелковая бригады; всего 75 танков и 254 активных штыка) генерала А.М. Хасина. Кроме того, армия была усилена пятью гвардейскими минометными полками, 204-й стрелковой дивизией, 397-м и 398-м легкими артиллерийскими полками.

В четыре часа утра 28 июля в сражение вступил 22-й танковый корпус генерала А.А. Шамшина. Он нанес удар из района Трехостровской и двинулся к Верхнебузиновке с востока. Одновременно в наступление перешел 13-й танковый корпус 1-й танковой армии, который встретил упорное сопротивление врага. Когда между частями обоих корпусов осталось не более 10 км, встал вопрос о согласовании их дальнейших усилий. Начальник штаба 4-й танковой армии полковник И.И. Шитов-Изотов сообщил в штаб 1-й танковой армии, что 22-й танковый корпус уже получил задачу наступать на

Верхнебузиновку по кратчайшему маршруту - через хутор Осиновский и совхоз «Заготскот». Однако части 13-го танкового корпуса полковника Т.И. Танасчишина тщетно в течение 10 часов ожидали подхода 22-го танкового корпуса. 13-й танковый корпус по решению командующего 1-й танковой армией был повернут на Оськинский, которым овладел в девять часов вечера 30 июля. Сюда же с северо-востока вскоре вышли части 22-го танкового корпуса 4-й танковой армии. После этого сильно поредевшие части 13-го танкового корпуса свели в одну 169-ю танковую бригаду, вошедшую в состав 22-го корпуса.

В главе, посвященной 1-й танковой армии, приведены оценки контрудара войск Сталинградского фронта. Мы не будем повторяться. Отметим лишь, что причинами того, что контрудар не имел успеха, являлись: превосходство противника в силах и средствах; абсолютное господство в воздухе вражеской авиации; отсутствие тесного взаимодействия между танками, пехотой и артиллерией; недостаток артиллерии для борьбы с противотанковыми средствами врага; быстрое и резкое изменение обстановки и несвоевременное реагирование на это командующего Сталинградским фронтом; переход в наступление танковых армий в разное время и не всеми силами; действия танковых корпусов изолированно друг от друга и др.

Как уже отмечалось, противник, потерпев неудачу в районе Калача, перенес основные усилия на юго-западное направление. 6 августа части немецкой 4-й танковой армии вышли к внешнему оборонительному обводу Сталинграда, занятому соединениями 64-й армии. Противнику удалось прорваться на южном фланге оборонительного обвода и выйти в район Абганерово. Для обороны этого направления из состава Сталинградского фронта согласно директиве № 170554

Ставки ВГК от 5 августа был выделен новый Юго-Восточный фронт (64-я, 51-я, 1-я гвардейская, 57-я армии, 13-й танковый корпус). В Сталинградском фронте остались 63, 21, 62-я и 4-я танковая армии, 28-й танковый корпус^[124]. Этот фронт в соответствии с директивой № 170562 Ставки ВГК с 6 часов 10 августа был подчинен командующему Юго-Восточным фронтом генерал-полковнику А.И. Еременко.

На Сталинградский фронт директивой № 170554 Ставки ВГК от 5 августа возлагалась задача по разгрому противника, прорвавшегося на стыке 21-й и 62-й армий, восстановлению обороны на Сталинградском рубеже и прочному прикрытию Сталинграда с северо-запада и запада. В дальнейшем предполагалось наступать на Морозовский. Войскам Юго-Восточного фронта приказывалось во что бы то ни стало приостановить дальнейшее выдвижение противника к южному фасу Сталинградского внешнего обвода с юга, не допустить прорыва этого обвода и выхода противника к Волге южнее Сталинграда. В последующем намечалось занять Жутово и Котельников и отбросить противника за р. Сал^[125].

С целью ликвидации вклинившейся вражеской группировки в районе Абганерова войска 64-й армии 9 августа нанесли контрудар, в котором принял участие и 13-й танковый корпус^[126]. В результате положение было восстановлено, противник на этом направлении перешел к обороне. Одновременно велись ожесточенные бои на правом берегу Дона. 6-я армия противника, перегруппировав силы, с утра 7 августа возобновила наступление в полосе 62-й армии, оборонявшей выступ в малой излучине Дона. Уже вечером 8 августа танковые дивизии врага, прорвавшиеся с севера и юга, соединились западнее Калача. Войска 62-й армии с упорными боями отступали

на восток, их отход прикрывал 23-й танковый корпус [\[127\]](#), имевший в своем составе всего 20 танков, 30 орудий и минометов и около 200 стрелков. Эти силы были сведены в отряд, который до 10 августа удерживал правый берег Дона южнее Калача, обеспечивая переправу войск 62-й армии. 22-й танковый корпус 4-й танковой армии под давлением превосходящих сил противника отошел за Дон и занял оборону на его левом берегу. В конце августа 22-й танковый корпус был выведен в резерв и переформирован в 5-й механизированный корпус.

12 августа в штабе Юго-Восточного фронта состоялось заседание Военного совета фронта с участием члена ГКО, секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова, начальника Генерального штаба генерала А.М. Василевского, командующего ВВС Красной Армии генерала А.А. Новикова. Начальник Генштаба особо выделил значение устойчивости обороны плацдарма, занимаемого за Доном 4-й танковой армией генерала Крюченкина, потребовав усилить ее танками, артиллерией и минировать подступы к ней. Генерал Василевский считал необходимым также всемерно упрочить оборону в полосе 62-й армии, а для обеспечения левого крыла фронта передать командующему 4-й танковой армией целиком или частично 1-ю гвардейскую армию. Ее войска должны были создать вторую полосу обороны в тылу танковой армии. Однако генерал А.И. Еременко возразил, заметив, что надо сохранить 1-ю гвардейскую армию как самостоятельное объединение, находящееся в резерве командующего фронтом. В результате было решено передать в подчинение командующему 4-й танковой армией две стрелковые дивизии (37-я и 39-я гвардейские). Начальник Генштаба сообщил, что для усиления 64-й и 57-й армий Юго-Восточного фронта из

резерва Ставки ВГК придут две стрелковые дивизии (35-я и 36-я гвардейские) и три артиллерийско-пулеметных батальона 77-го укрепрайона.

На основе этого решения командующий Юго-Восточным фронтом генерал Еременко^[128] поставил войскам следующие задачи. Соединения 63-й армии должны были прочно оборонять левый берег Дона на рубеже Бабка, устье р. Хопер. Войскам 21-й армии предстояло оборонять полосу шириной 140 км от устья р. Хопер до Мело-Клетской. Правофланговым соединениям 62-й армии приказывалось прочно оборонять позиции около Песковатки и Калача. На 4-ю танковую армию возлагалась задача по обороне полосы шириной 50 км. Она, находясь на направлении главного удара 6-й армии противника, должна была стрелковыми соединениями удерживать плацдарм на правом берегу Дона на участке Мело-Клетская, Большенабатовский, прикрывая подступы к Сталинграду с северо-запада, и, кроме того, оборонять важнейший участок железной дороги Поворино – Сталинград.

Для выполнения поставленной задачи 4-я танковая армия располагала тремя стрелковыми дивизиями, которые были выделены в первый эшелон. В резерве в районе Родионова находился 22-й танковый корпус, где он пополнялся личным составом и техникой.

13 августа части 376-й и 100-й пехотных дивизий противника нанесли удар по 321-й стрелковой дивизии подполковника А.И. Валюгина, оборонявшейся на левом фланге 4-й танковой армии. «Мы ожидали удара по данной армии, но не по левому флангу, а по центру, ибо отсюда лежал прямой путь к Сталинграду, – вспоминал генерал армии С.П. Иванов. – Были все основания предположить, что это отвлекающий удар, а за ним последует главный и именно там, где мы его ждали. Когда же я спросил у Полозова (начальник штаба 4-й

танковой армии. – *Прим. авт.*), какие меры приняты, он ответил, что командарм усиливает левофланговое направление, перебрасывая сюда 5-ю истребительно-противотанковую артиллерийскую бригаду и 1253-й истребительно-противотанковый артполк, снимая их с центрального участка армейской полосы обороны»^[129].

Полковник С.П. Иванов, возглавлявший в то время оперативный отдел штаба Юго-Восточного фронта, сказал, что этого нельзя делать. Когда об этом доложили начальнику Генштаба, он не стал отменять решение командующего 4-й танковой армией, а приказал оказать ему помощь артиллерией. Командующий фронтом генерал Еременко выделил для этого два полка артиллерии РКК, два отдельных танковых батальона, гвардейские минометные полки и несколько истребительно-противотанковых артиллерийских полков. Но они были расположены на правом фланге 21-й армии, и для их переброски требовалось не менее суток-полутора.

15 августа, едва рассвело, по всему фронту 4-й танковой армии противник начал массированную артиллерийскую и авиационную подготовку, продолжавшуюся полтора часа. В 6 часов 30 минут под прикрытием авиации противник силами пяти дивизий нанес удар по центру оперативного построения армии в направлении Оськинский, Сиротинская. Одновременно три дивизии вели наступление на вспомогательном направлении – Большенабатовский, Трехостровская. Части 4-й танковой армии оказали упорное сопротивление, но к исходу дня противнику все же удалось преодолеть их оборону.

Рано утром 16 августа 14-й танковый корпус (16-я танковая, 3-я и 60-я моторизованные дивизии) генерала Виттерсгейма возобновил наступление в общем направлении на Трехостровскую. Правофланговые

соединения 4-й танковой армии (321, 205 и 343-я стрелковые дивизии), сдерживая наступающего врага, с тяжелыми боями вынуждены были отходить на северо-восток. Попытка начальника штаба Сталинградского фронта в полдень 16 августа связаться со штабом 4-й танковой армии успеха не имела: в расположение командного пункта армии вышли вражеские танки. Управление ее войсками было потеряно.

К исходу дня 16 августа войска 4-й танковой армии сумели совместно с подошедшими 38-й и 40-й гвардейскими стрелковыми дивизиями 1-й гвардейской армии остановить дальнейшее продвижение противника на рубеже Кременская, Сиротинская. На левом фланге 4-й танковой армии 184, 92 и 18-я стрелковые дивизии и 22-й танковый корпус поначалу отразили удары превосходящих сил противника. Однако командующий 6-й армией генерал Паулюс перебросил сюда четыре полнокровные пехотные дивизии (389, 384, 295 и 76-ю) и нанес несколько массированных ударов с воздуха. После этого левофланговая группировка 4-й танковой армии, прикрываясь арьергардами, стала отходить на восток к Дону. Под удар вражеских танков и авиации попали также 37-я и 39-я гвардейские стрелковые дивизии, выходившие на правый берег Дона для занятия обороны. Пулеметно-артиллерийские батальоны 54-го укрепленного района, оборонявшиеся на левом берегу Дона, своим огнем остановили врага и к исходу дня обеспечили переправу левофланговых соединений 4-й танковой армии на левый берег Дона.

Генерал армии С.П. Иванов, вспоминая об этих событиях, писал: «Много было также нареканий в адрес генералов В.Д. Крюченкина и В.Н. Гордова в связи с отходом войск 4-й танковой армии. Но мы понимали, что главной причиной этого являлось большое превосходство врага. Ведь соединения 4-й танковой из-за значительных потерь в людях и вооружении были

малочисленны, не имели достаточного количества артиллерии и минометов. В боевых порядках 205, 321 и 343-й стрелковых дивизий насчитывалось всего по 700–800 человек. В 22-й мотострелковой бригаде осталось 200 человек, в 182-й танковой бригаде 22-го танкового корпуса – 7 танков»^[130].

В сложившейся обстановке начальник Генштаба генерал А.М. Василевский принял решение утром 17 августа нанести контрудар по прорвавшимся частям противника для восстановления положения в полосе 4-й танковой армии. Для участия в контрударе на правом фланге армии намечалось привлечь четыре стрелковые дивизии (321, 205, 343-ю и 40-ю гвардейскую) дивизии, а на левом – три стрелковые дивизии (37-ю и 39-ю гвардейские, 18-ю) и 22-й танковый корпус^[131].

Командующему 62-й армией генералу А.И. Лопатину было приказано силами переданной ему из резерва фронта 98-й стрелковой дивизии с приданными 193-й танковой бригадой и 5-м гвардейским минометным полком в ночь на 16 августа форсировать Дон около Вертячего. После этого ударом в направлении Родионова во взаимодействии с частями 4-й танковой армии нанести поражение фланговым соединениям ударной группировки противника. Командующий 21-й армией генерал А.И. Данилов тоже одной стрелковой дивизией должен был форсировать Дон и к утру 17 августа овладеть Мело-Клетской. Резерв фронта, 214-ю стрелковую дивизию генерала Н.И. Бирюкова, намечалось к исходу дня 16 августа вывести на участок хутор Вертячий, Песковатка в готовности к оказанию помощи 4-й танковой армии. Главные силы 8-й воздушной армии нацеливались для удара по танковым и моторизованным войскам противника и прикрытия развертывания соединений 1-й гвардейской армии. Непосредственное командование 4-й танковой армией

было возложено на заместителя командующего Сталинградским фронтом генерала В.Н. Гордова.

Однако реализовать это решение не удалось. Противник с утра 17 августа провел разведку боем усиленными пехотными батальонами в полосах 62-й, 4-й танковой и 1-й гвардейской армий, стремясь на широком фронте от Хлебного до Нижнего Герасимова найти слабые места для переправы на левый берег Дона своих главных сил. 19 августа генерал Паулюс подписал приказ «О наступлении на Сталинград». Войскам 6-й армии предстояло форсировать Дон между Песковаткой и Трехостровской и нанести удар главными силами в район севернее Сталинграда до Волги. Этот удар должен был сопровождаться на южном фланге продвижением части сил через р. Россошка в ее среднем течении, с тем чтобы юго-западнее Сталинграда соединиться с продвигающимися с юга соединениями 4-й танковой армии.

Главную роль в предстоящем наступлении предстояло сыграть 14-му танковому корпусу. Он должен был после выхода к Волге повернуть часть своих сил на юг и занять северную часть Сталинграда. Для обеспечения его северного фланга другая часть сил должна была выдвинуться к высотам юго-западнее Ерзовки. Кроме того, северный фланг корпуса обеспечивался продвижением 8-го армейского корпуса с плацдарма юго-восточнее Трехостровской в направлении на юго-восток. После чего 8-й армейский корпус должен был перейти к обороне фронтом на север на рубеже Кузьмичи, станция Качалино. Южный фланг 14-го танкового корпуса обеспечивался 51-м армейским корпусом, который после форсирования р. Россошка наносил удар в юго-восточном направлении с целью захвата центра и южной части Сталинграда. На правом фланге 6-й армии действовал 24-й танковый корпус, который имел задачу занять плацдарм по обе

стороны от Калача и с этого плацдарма усиленной 71-й пехотной дивизией наступать в восточном направлении.

В два часа ночи 21 августа противник начал массированную артиллерийскую и авиационную подготовку в полосах 62-й и 4-й танковой армий. Через час 76-я и 295-я пехотные дивизии форсировали Дон на участке Нижний Герасимов, Лученский. Сразу же началась наводка мостов, по которым на левый берег переправились танки. Потеснив 98-ю стрелковую дивизию и 28-й танковый корпус 62-й армии, противник к исходу дня овладел плацдармом на левом берегу реки на участке Верхнегниловский, Песковатка. С целью локализовать успех вражеских войск, переправившихся через Дон на фронте 4-й танковой армии и правом фланге 62-й армии, командующий Сталинградским фронтом решил нанести контрудар. Для участия в нем привлекались прибывшие из резерва Ставки ВГК три дивизии, а также одна дивизия и одна танковая бригада 62-й армии. Но осуществить задуманное в полной мере не удалось, так как противник имел громадное превосходство в силах.

23 августа 14-й танковый корпус противника прорвал оборону войск Сталинградского фронта в районе Вертячего и вышел к Волге севернее Сталинграда. В результате Сталинградский фронт оказался расчлененным на две части. Для усиления войск, действовавших в районе Сталинграда, Ставка ВГК спешно перебросила в междуречье Дона и Волги новые части и соединения, в том числе 4, 7 и 16-й танковые корпуса.

Не ожидая полного сосредоточения резервов, командующий Сталинградским фронтом во второй половине 23 августа создал в районе Котлубани ударную группу. В ее состав вошли 28-й танковый корпус, 169-я танковая бригада, три стрелковые дивизии. Эта группа, возглавляемая генералом К.А.

Коваленко, должна была нанести удар из района Котлубани на юго-запад. Одновременно 62-я армия получила задачу частями 87-й стрелковой дивизии нанести удар в северном направлении. С целью окружения и уничтожения противника, прорвавшегося к Волге, планировался также удар из района Орловки на север силами 2-го и 23-го танковых корпусов, действиями которых руководил начальник автобронетанковых войск фронта генерал А.Д. Штевнев.

Наступление группы генерала К.А. Коваленко, начатое в шесть часов вечера 23 августа, успеха не имело. Группа генерала А.Д. Штевнева, перейдя в наступление 24 августа, не сумела отрезать части 14-го танкового корпуса противника, прорвавшиеся к Волге.

В конце августа и начале сентября обстановка в районе Сталинграда еще более осложнилась – противник вышел к внутреннему оборонительному обводу. Создалась угроза его прорыва в город. В связи с этим необходимо было принять срочные меры, чтобы отвлечь часть сил врага от города, ослабить его нажим на 62-ю и 64-ю армии и выиграть время для организации непосредственной обороны Сталинграда, а также для подтягивания резервов из-за Волги. С этой целью Ставка ВГК приняла решение силами 1-й гвардейской армии генерала К.С. Москаленко нанести с утра 2 сентября контрудар по прорвавшейся к Волге группировке противника, а затем соединиться с 62-й армией. Туда же направлялись 66-я армия генерала Р.Я. Малиновского и 24-я армия генерала Д.Т. Козлова. Однако контрудар 1-й гвардейской армии, начатый утром 3 сентября, из-за упорного сопротивления противника не привел к успеху. Не достигло своих целей и наступление войск 24-й, 66-й и 1-й гвардейской армий, предпринятое 5 сентября и в последующие дни.

28 сентября Ставка ВГК с целью улучшения управления войсками приняла решение образовать в районе Сталинграда два самостоятельных фронта с непосредственным подчинением каждого из них Ставке. Из состава Сталинградского фронта создавался Донской фронт (63, 21, 24, 66-я, 4-я танковая, 1-я гвардейская армии), а из состава Юго-Восточного фронта – Сталинградский фронт (62, 64, 57, 51 и 28-я армии). Командующим войсками Сталинградского фронта был назначен генерал-полковник А.И. Еременко, а Донским фронтом – генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский, освобожденный от должности командующего Брянским фронтом^[132].

На Сталинградский фронт была направлена комиссия Ставки ВГК во главе с заместителем начальника Генштаба генералом Ф.Е. Боковым с задачей очищения войск и штабов от непригодного командного и политического состава. В результате деятельности комиссии был откомандирован с фронта командующий 4-й танковой армией генерал В.Д. Крюченкин, а также намечались к откомандированию и другие командиры. «Чем руководствовалась комиссия Ставки, мне так и не удалось установить, – вспоминал Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский. – Но все же пришлось вмешаться и с разрешения Верховного Главнокомандующего ее работу приостановить. В той обстановке посылка Ставкой такой комиссии была не только нецелесообразной, но и вредной. Кроме того, этот факт убеждает, насколько сильны были тенденции Ставки вмешиваться в прямые функции командующих фронтами. Во всяком случае, решать такие вопросы надлежало бы тому, кто непосредственно руководит вверенными ему войсками и несет за их действия ответственность, то есть командующему фронтом»^[133].

Войска Донского фронта, в том числе 4-я танковая армия, вели активную оборону. Они все время держали противника в напряжении, атакуя его то в одном, то в другом месте и не давая возможности перегруппировывать силы. 14 октября командующим 4-й танковой армией был назначен генерал-лейтенант П.И. Батов. Он, как и командующие других танковых армий смешанного состава, не был профессиональным танкистом (см. приложение № 3). Да и нужды, как мы увидим, в этом не было.

Генерал армии П.А. Батов, вспоминая о своем назначении, писал, что член Военного совета Донского фронта генерал А.С. Желтов отозвался о 4-й танковой армии с уважением, которая «была крепкой закалки, хотя до сих пор на ее долю выпадала преимущественно горечь неудач». Армия включала три стрелковые дивизии, танковую и мотострелковую бригады, отдельный дивизион бронепоездов, три истребительно-противотанковых артиллерийских, два зенитных артиллерийских и один гвардейский минометный полк^[134]. Всего имелось 4 танка.

– Должно быть, потому наша армия и называется четвертой танковой? – в порядке шутки спросил генерал Батов начальника штаба полковника И.С. Глебова.

– Да, – принял шутку начальник штаба, – четыре танка, и те на охране КП... словом, «четырехтанковая» армия!

Докладывая ночью К.К. Рокоссовскому о вступлении в командование, генерал П.И. Батов рассказал и эту историю. Командующий фронтом рассмеялся:

– На войне всякое бывает. Очевидно, армия получит новое наименование.

Действительно, 21 октября 1942 г. была издана директива № 170677 Ставки ВГК о переименовании с 22

октября 4-й танковой армии в 65-ю армию^[135]. Так завершился боевой путь 4-й танковой армии, просуществовавшей всего три месяца.

Пятая танковая армия

Пятая танковая армия была сформирована в Московском военном округе второй по счету после 3-й танковой армии.

В директиве Ставки ВГК № 994021, подписанной 25 мая 1942 г. И.В. Сталиным и генералом А.М. Василевским, говорилось:

См.: Бабаджанян А., Кравченко И. 1-я танковая армия в Житомирско-Бердичевской операции // Военно-исторический журнал. 1972. № 9. С. 27.

«Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Сформировать 5-ю танковую армию в составе: 2-го и 11-го танковых корпусов, одной отдельной танковой бригады, 340-й стр. дивизии, одного лап РГК пушек УСВ, одного гвардейского минометного полка смешанного типа в составе двух дивизионов М-8 и одного дивизиона М-13, одного зенитного дивизиона.

Дислокация управления 5-й танковой армии г. Елец»[\[136\]](#).

Командующим 5-й танковой армией был назначен генерал-майор А.И. Лизюков, освобожденный от должности командира 2-го танкового корпуса, начальником штаба армии полковник П.И. Другов.

Генерал А.И. Лизюков был единственным из командующих танковыми армиями смешанного состава, кто имел специальное образование и, наряду с генералом П.Л. Романенко, опыт командования танковыми подразделениями, частями и соединениями (см. приложение № 3). «Говоря здесь о 5-й танковой армии, – писал Маршал Советского Союза А.М. Василевский, – я не могу не сказать несколько теплых слов об ее доблестном командаре генерал-майоре А.И.

Лизюкове. Моя личная встреча с ним 4 июля 1942 года была первой, но он был хорошо известен руководству Вооруженными Силами как энергичный, волевой, быстро растущий военачальник. Это и позволило Ставке уже в июне 1942 года поставить его во главе одной из первых формируемых танковых армий, возложив к тому же на него выполнение ответственных заданий. А.И. Лизюков – один из первых Героев Советского Союза, получивших это звание в начальный период войны. К великому сожалению, описываемое сражение на воронежской земле было последним в его славной полководческой деятельности»^[137].

26 мая издается еще одна директива Ставки ВГК за № 994023 о формировании в Ельце к 5 июня управления 5-й танковой армии за счет выделения начсостава распоряжением начальников соответствующих главных и центральных управлений наркомата обороны СССР. Состав управления 5-й танковой армии был идентичен составу управления 3-й танковой армии^[138]. Из 58-й армии, согласно директиве № 170411 Ставки ВГК от 26 мая, в распоряжение командующего 5-й танковой армией передавалась 340-я стрелковая дивизия^[139]. Все части и соединения, включенные в состав армии, приказывалось сосредоточить: 340-ю стрелковую дивизию – в районе Телегино, Тросна; 2-й танковый корпус, один легкий артиллерийский полк РГК пушек УСВ и один гвардейский минометный полк – в Ельце; 11-й танковый корпус и одну мотострелковую бригаду из состава 2-го танкового корпуса – в районе станции Долгоруково. Одну танковую бригаду 2-го танкового корпуса требовалось оставить в Ельце. 15 июня Ставка ВГК своей директивой № 170451 приказала направить 5-ю танковую армию в распоряжение командующего войсками Брянского фронта и сосредоточить ее в районе северо-западнее Ефремова^[140]. Соединениям

армии предстояло принять участие в Воронежско-Ворошиловградской стратегической оборонительной операции.

Воронежско-Ворошиловградская стратегическая оборонительная операция (28 июня - 24 июля 1942 г.)

В конце марта 1942 г. на совместном совещании ГКО и Ставки ВГК после долгих споров было решено провести в мае крупную наступательную операцию на юго-западном направлении силами Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов. На остальных направлениях намечалось перейти к стратегической обороне и одновременно осуществить ряд частных наступательных операций с ограниченными целями. В дальнейшем предполагалось развернуть общее наступление по всему фронту от Балтики до Черного моря.

На это решение повлияло заявление главнокомандующего войсками Юго-Западного стратегического направления маршала С.К. Тимошенко о том, что его войска сейчас в состоянии и, безусловно, должны нанести упреждающий удар с целью расстроить наступательные планы противника против Южного и Юго-Западного фронтов. В итоге И.В. Сталин приказал предложенную маршалом Тимошенко стратегическую операцию перепланировать в частную. Однако содержание доклада главкома Юго-Западного направления заставляет усомниться в ее частном характере^[141]. «Основная задача Юго-Западного фронта в весенне-летней кампании, по мнению Военного совета, должна состоять в овладении на левом крыле районами Харьков и Красноград, а на правом крыле и в центре – Курском и Белгородом, – отмечал Тимошенко. – В дальнейшем, наступая в общем

направлении на Киев, предусматривалась задача выйти на Днепр». Войска Южного фронта должны были «до наступления весенней распутицы и до вступления в операцию крупных резервов занять Краматорск, Славянск, овладеть таганрогским плацдармом, а в ходе весенне-летней кампании – окружить и уничтожить Донбасскую и Таганрогскую группировки противника, выйти на Днепр».

Наиболее детально стратегический план был разработан на первый этап операции – апрель – июнь. Вторая часть плана, связанная с переходом в общее наступление, намечалась лишь в общих чертах. Ее предусматривалось уточнить по конкретным результатам военных действий весной. Тем не менее сохранилась карта Генерального штаба с наметками наступательных операций до конца года. В соответствии с ней предполагалось нанести главные удары сначала на юго-западном, а затем на западном направлениях и далее выйти на Государственную границу СССР^[142]. Следовательно, в силе оставалась прежняя идея Сталина: 1942 год должен стать годом полного разгрома врага и окончательного освобождения советской земли от немецкой оккупации.

В Ставке противника практически в это же время шла разработка плана весенне-летней кампании. И здесь не обошлось без борьбы мнений: А. Гитлер и начальник штаба Верховного Главнокомандования генерал-фельдмаршал В. Кейтель настаивали на проведении наступательной операции на юге; начальник Генерального штаба Сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер добивался нанесения удара на Москву. Но в конечном итоге он вынужден был уступить. 5 апреля Гитлер подписал директиву № 41, в которой ставилась задача «захватить инициативу в свои руки и навязать противнику свою волю». Цель

предстоящего наступления заключалась в том, чтобы «уничтожить оставшиеся еще в распоряжении Советов силы и лишить их по мере возможности важнейших военно-экономических центров». Главная задача состояла в том, чтобы, сохраняя положение на центральном участке, на севере взять Ленинград и установить связь на суше с финнами, а на южном фланге осуществить прорыв на Кавказ. При этом намечалось все имеющиеся в распоряжении силы сосредоточить для проведения основной операции на южном участке с целью уничтожения противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет^[143].

Для того чтобы скрыть направление главного удара в летней кампании, штаб группы армий «Центр» по указанию руководства вермахта разработал дезинформационную операцию под кодовым наименованием «Кремль». С этой целью был подготовлен, а 29 мая подписан приказ о наступлении на Москву^[144]. Он имел гриф «Совершенно секретно» и был размножен в 22 экземплярах, в то время как другие приказы составлялись в 10-16 экземплярах. Естественно, что его содержание стало известно советскому командованию – об этом позаботились. В соответствии с планом операции «Кремль» проводились мероприятия, имитирующие подготовку наступления группы армий «Центр»: аэрофотосъемка московских оборонительных позиций, радиодезинформация, перегруппировки войск, размножались планы столицы и крупных городов.

Анализ планов двух Ставок показывает, что они ставили перед собой решительные цели, но для их осуществления были избраны различные способы.

План германского командования строился на нанесении упреждающего удара с последовательным разгромом противостоящих советских войск и сосредоточением всех усилий на одном решающем стратегическом направлении.

План Ставки ВГК основывался на принципе одновременно и обороняться, и наступать. Такое решение усугублялось и рядом других просчетов. Во-первых, неверно оценивался возможный план действий противника, прежде всего направление его главного удара. Исходя из того, что германские войска будут вновь наступать на Москву, осуществлялась группировка сил, в том числе стратегических резервов. Во-вторых, игнорировались дезинформационные действия противника. В результате его ложный план «Кремль», призванный прикрыть главную операцию, достиг своей цели. Генеральный штаб Красной Армии считал, что основные события летом развернутся на московском направлении. В-третьих, ошибочно оценивалось состояние своих войск и реально складывавшееся соотношение сил, так как считалось, что уже достигнуто существенное превосходство (выделено нами. – *Прим. авт.*) над врагом. Действительно, к 1 мая 1942 г. общая численность Советских Вооруженных Сил по сравнению с декабрем 1941 г. увеличилась на 2 млн человек и составляла уже 11 млн. На их вооружении имелось 83 тыс. орудий и минометов, более 10 тыс. танков и 11,3 тыс. боевых самолетов. Однако в составе действующих фронтов к весне находились только 5,6 млн человек, 41 тыс. орудий и минометов, около 5 тыс. танков, 4,2 тыс. боевых самолетов^[145].

У противника к этому времени имелось 9 млн солдат и офицеров, 82 тыс. орудий и минометов, около 7 тыс. танков, 10 тыс. боевых самолетов. Из них на Восточном

фронте находилось 5,5 млн, а с учетом союзников – 6,5 млн человек, 57 тыс. орудий и минометов, более 3 тыс. танков, 3,4 тыс. боевых самолетов^[146]. Следовательно, противник имел превосходство в 1,1 раза в живой силе и в 1,4 раза в орудиях и минометах, а советские войска – в 1,6 раза в танках и в 1,2 раза в самолетах. Такое соотношение предопределило высокую напряженность предстоящей борьбы.

Наступательная операция, планировавшаяся германским командованием летом 1942 г. на южном участке Восточного фронта, получила кодовое наименование «Блау» («Синий»). Она планировалась в три этапа. Первый этап («Блау-I») – прорыв на Воронеж, второй («Блау-II») – наступление по сходящимся направлениям вдоль правого берега Дона и из района Таганрога в общем направлении на Сталинград, третий («Блау-III») – вторжение всеми силами на Кавказ. Для участия в операции предполагалось привлечь все силы группы армий «Юг» (900 тыс. человек, 1,2 тыс. танков и штурмовых орудий, более 17 тыс. орудий и минометов; генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок) при поддержке 1640 самолетов 4-го воздушного флота^[147].

Замысел первого этапа операции «Блау» состоял в том, чтобы ударами по сходящимся направлениям из района Курска на Воронеж силами армейской группы «Вейхс» (немецкие 2-я и 4-я танковая и венгерская 2-я армии) и 6-й армии из района Волчанска на Острогожск окружить и уничтожить войска Брянского и Юго-Западного фронтов, действовавшие на воронежском направлении. С выходом в район Воронежа намечалось повернуть подвижные соединения на юг, где они должны были в районе Кантемировки соединиться с войсками, наносившими удар от Славянска. Для окружения советских войск, прикрывавших воронежское направление, были созданы две ударные

группировки. Первая группировка в районе Щигры включала 12 пехотных, 4 танковых и 3 моторизованных дивизии, вторая – в районе Волчанска имела 12 дивизий, в том числе 2 танковые и одну моторизованную. Всего на воронежском направлении противник имел около 900 танков.

Войска Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов насчитывали 1715 тыс. человек, около 2,3 тыс. танков, 16,5 тыс. орудий и минометов, 758 боевых самолетов^[148]. Они превосходили войска группы армий «Юг» в живой силе и танках в 1,9 раза, имели равное с ней соотношение по артиллерии и минометам и в 2,2 раза уступали ей в количестве боевых самолетов.

Войска Брянского фронта (3, 48, 13, 40-я и 2-я воздушная армии; генерал-лейтенант Ф.И. Голиков), обороняясь в 350-километровой полосе от Белева до верховьев р. Сейм, непосредственно прикрывали воронежское направление. В состав фронта входили два танковых корпуса (1-й и 16-й) и 9 отдельных танковых бригад с общим количеством около 700 боевых машин, половину которых составляли легкие танки Т-60 и Т-70^[149]. Далее до Красного Лимана в полосе шириной 300 км располагался Юго-Западный фронт (21, 28, 38, 9, 57-я и 8-я воздушная армии; Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко). Оборону от Красного Лимана до Таганрогского залива (ширина полосы 250 км) занимал Южный фронт (37, 12, 18, 56, 24-я и 4-я воздушная армии; генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский).

Утром 28 июня армейская группа «Вейхс» (командующий – генерал-полковник М. Вейхс) перешла в наступление на левом крыле Брянского фронта между верховьем р. Сосна в районе Щигры. 30 июня началось наступление 6-й армии генерала Ф. фон Паулюса. Тогда же операция «Блау» была переименована в

«Брауншвейг». К 3 июля подвижные группы противника соединились в районе Старого Оскола и окружили основные силы 21-й армии Юго-Западного фронта и 40-й армии Брянского фронта, которые сумели частично вырваться из окружения.

В результате успешного продвижения противника значительно ухудшилось положение советских войск на воронежском направлении. Резервы Брянского и Юго-Западного фронтов, находившиеся на этом направлении, были втянуты в сражение. На стыке двух фронтов образовалась брешь. Для восстановления положения на рубеж Дона на участок Задонск, Клетская были выдвинуты резервные 3, 6 и 5-я армии, переименованные, соответственно, в 60-ю (генерал-лейтенант М.А. Антонюк), 6-ю (генерал-майор Ф.М. Харитонов) и 63-ю (генерал-лейтенант В.И. Кузнецов) армии. В районе Ельца сосредоточивалась недавно сформированная 5-я танковая армия и 1-я истребительная авиационная армия резерва Ставки.

Для восстановления положения командующий Брянским фронтом по требованию Сталина планировал нанести контрудар по противнику, используя переданные ему из состава Юго-Западного фронта 4-й и 24-й танковые корпуса и из резерва Ставки ВГК – 17-й танковый корпус. К участку прорыва противника по решению генерала Голикова стягивались 1-й и 16-й танковые корпуса, 115-я и 116-я отдельные танковые бригады. Для управления танковыми соединениями намечалось создать специальную оперативную группу. Сталин 3 июля одобрил решение генерала Голикова, но не разрешил создавать эту группу, приказав использовать для этой цели «Лизюкова с его штабом, подчинив ему танковые корпуса, действующие на этом направлении»^[150]. С 8 часов 4 июля командующему Брянским фронтом был подчинен 18-й танковый корпус,

который запрещалось вводить в бой без разрешения Ставки ВГК^[151]. Однако генерал Голиков нарушил это указание и вводил корпус в сражение по частям, по мере подхода железнодорожных эшелонов.

Итак, генерал Лизюков по прибытии на Брянский фронт попал сразу же в самое пекло сражения. К этому времени в состав 5-й танковой армии, по данным Генштаба Красной Армии, входили одна стрелковая дивизия, два танковых корпуса, одна танковая бригада, один легкий артиллерийский, один гвардейский минометный полки и отдельный инженерный.

Действия 5-й танковой армии могли быть усилены не потерявшими боеспособность частями 1-го и 16-го танковых корпусов, а также стрелковыми дивизиями из состава 3-й и 48-й армий. Этому благоприятствовала и оперативная обстановка. Танковые и моторизованные соединения противника при выходе к Дону растянулись на широком фронте. Все они уже понесли значительные потери и были связаны боями у Касторного и на подступах к Воронежу. А развернувшиеся фронтом на север части 13-го армейского корпуса, так же как и части 55-го корпуса, не имели успеха: их сдерживали 1-я гвардейская стрелковая дивизия и 8-й кавалерийский корпус, выдвинутые из резерва фронта.

Утром 4 июля на командный пункт 5-й танковой армии прибыл начальник Генштаба генерал А.М. Василевский. Он поставил ей задачу не позже 5-6 июля нанести контрудар из района Дубровское в направлении Землянк, Хохол с целью перехватить коммуникации противника, прорвавшегося к Воронежу, и оказать помощь выходящим из окружения частям 40-й армии. Операцию было приказано начать не позднее 15-16 часов 5 июля, не ожидая полного сосредоточения всех сил армии. Танковым корпусам армии предстояло наступать не по направлениям их главных ударов, а как

общевоинскими соединениям – с указанием полос наступления, разграничительных линий и мест расположения командных пунктов, перемещение которых разрешалось осуществлять только по распоряжению штаба армии. Это вело к нарушению принципа массированного применения танков, растягивало корпус по фронту, усложняло организацию их взаимодействия. Однако генерал Лизюков вынужден был пойти на такое нарушение, так как приказ на наступление был разработан с участием представителя штаба Брянского фронта и обсуждению или изменению не подлежал.

К этому времени противник, продолжая наращивать свои усилия, вышел к Дону, форсировал его на некоторых участках и завязал бои за Воронеж. Советское командование начало перебрасывать в район города подкрепление. Это вынудило командующего 4-й танковой армией генерала Г. Гота отказаться от атаки Воронежа. Однако генерал Вейхс считал необходимым возобновить с утра 6 июля наступление на город. С ним был солидарен и генерал-фельдмаршал фон Бок. Но командование Сухопутных войск вермахта решило осуществить его позже. Оно потребовало вывести из сражения 24-ю танковую дивизию и моторизованную дивизию «Великая Германия» и заменить их одной из моторизованных дивизий^[152]. Обе дивизии намечалось использовать для наступления в южном направлении.

Наступление 5-й танковой армии развивалось не в соответствии с замыслом командующего фронтом. К назначенному сроку к исходному рубежу вышел только 7-й танковый корпус генерала П.А. Ротмистрова, переданный на усиление армии. Ее главные силы в это время перевозились по железной дороге, подвергаясь массированным ударам вражеской авиации. Поэтому пришлось осуществить контрудар только силами

одного, 7-го танкового корпуса, усиленного 19-й танковой бригадой. Ему приказывалось к полудню 5 июля выйти в район Каменки и, не ожидая полного сосредоточения главных сил 5-й танковой армии, с утра следующего дня нанести в своей полосе удар на Землянск, разгромить противостоящего противника и овладеть Землянском^[153]. В штабе армии отсутствовали конкретные данные о противнике. Было известно только, что для прикрытия своей группировки, наступавшей на Воронеж, вражеское командование продолжает выдвигать к северу значительные силы. Поэтому генерал Ротмистров приказал выдвинуть в полосе предстоящего наступления корпуса подвижные разведывательные группы, которые установили, что в район Красной Поляны на елецком направлении выдвигается до 200 танков противника. Местность на этом направлении была труднопроходимой. Несмотря на это, генерал Ротмистров принял решение нанести внезапный удар именно по этой танковой группировке.

Утром 6 июля соединения 7-го танкового корпуса перешли в наступление. В результате в районе Красной Поляны произошло встречное сражение корпуса с частями 11-й танковой дивизии 24-го танкового корпуса противника. Всего в сражении с обеих сторон участвовало по 170 танков^[154]. К исходу дня противник был остановлен и отброшен за р. Кобылья Снова, по правому берегу которой он успел организовать прочную оборону и усилить ее подтянутыми из глубины резервами. В этом сражении 7-й танковый корпус понес большие потери в людях и боевой технике.

Ставка ВГК, стремясь не допустить окружения противником советских войск южнее Воронежа, 6 июля приказала отвести войска Юго-Западного и правого крыла Южного фронтов на новые рубежи. С целью улучшения управления войсками Ставка ВГК вечером

следующего дня приняла решение разделить Брянский фронт на два фронта: Брянский и Воронежский. В состав Брянского фронта (командующий – генерал-лейтенант Н. Е. Чибисов, затем генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский) вошли 3, 48, 13-я и 5-я танковая армии, 1-й и 16-й танковые и 8-й кавалерийский корпуса, авиационная группа генерала Г.А. Ворожейкина. В состав Воронежского фронта (командующий – генерал-лейтенант Ф.И. Голиков) были включены 40, 60 и 6-я армии, 4, 17, 18 и 24-й танковые корпуса и 2-я воздушная армия^[155].

Войска Брянского фронта должны были силами 3, 48 и 13-й армий прочно удерживать занимаемый рубеж. На 5-ю танковую армию, усиленную 7-м танковым корпусом и одной стрелковой дивизией за счет 3-й резервной армии, возлагалась задача активными действиями на юг по западному берегу р. Дон в направлении на Хохол перехватить пути подвоза и тылы танковой группы противника, прорвавшейся на Дон у Воронежа^[156].

Для оказания помощи в организации обороны в район Воронежа прибыли представители Ставки: начальник Главного автобронетанкового управления Красной Армии генерал-лейтенант танковых войск Я.Н. Федоренко, заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин и член Военного совета ВВС армейский комиссар 2 ранга П.С. Степанов.

Выполняя приказ Ставки ВГК, командующий 5-й танковой армией 7 июля ввел в сражение еще один танковый корпус (11-й). Однако ни он, ни 7-й танковый корпус не добились успеха. Противник, имея превосходство в воздухе, оказывал упорное сопротивление. Вражеские бомбардировщики группами по 12-20 машин бомбили объекты армии по 7-9 раз в день^[157]. Очень сильно страдала от бомбежек пехота (2-я и 12-я мотострелковые бригады), которая

временами вообще вынуждена была прекращать боевые действия. Генерал Лизюков настойчиво требовал от командующего Брянским фронтом надежного авиационного прикрытия. В критическую минуту боя он не сдержался и резко заявил заместителю командующего фронтом генерал-лейтенанту Н.Е. Чибисову: «Прикройте нас с воздуха, и мы сделаем все, что необходимо. Вы не дали мне нанести удар железным кулаком, заставили вводить армию в бой по частям, так хоть теперь сделайте по-моему – дайте авиацию, иначе все погибнет»^[158]. В ответ Чибисов назвал Лизюкова трусом, не имея к тому никаких оснований.

Недоволен действиями Лизюкова был и Сталин. 9 июля по его указанию генерал Василевский направил командующим войсками Брянского фронта и 5-й танковой армией директиву № 170488, в которой говорилось:

«5-я танковая армия, имея перед собой противника не более одной танковой дивизии, третий день топчется на одном месте. Части армии из-за нерешительности действий ввязались в затяжные фронтальные бои, потеряли преимущество внезапности и не выполнили поставленную задачу.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

«Немедленно приступить к выполнению поставленной задачи и категорически потребовать от командиров корпусов решительных действий, смело обходить противника, не ввязываться с ним во фронтальные бои и к исходу 9.07 выйти к югу от Землянска на тылы группировки немецких частей, действующих против Воронежа»^[159].

После ожесточенных боев 11-й танковый корпус генерала А.Ф. Попова и 7-й танковый корпуса сломали

сопротивление противника и, потеснив его на 4–5 км, вышли к исходу дня 10 июля к р. Сухая Верейка. В тот же день в наступление перешел 2-й танковый корпус генерала И.Г. Лазарева. Однако добиться существенных результатов войска 5-й танковой армии не смогли. В то же время командующий армейской группой «Вейхс» не смог выполнить приказ генерал-фельдмаршала фон Бока, так как был вынужден повернуть на север выдвигавшиеся в район Воронежа 24-й танковый корпус и три пехотные дивизии и тем самым ослабить удар на Воронеж. В сражение были втянуты значительные силы противника, в том числе 4-я танковая армия. Они были лишены возможности принять участие в развитии наступления вдоль Дона. С целью улучшения руководства войсками группа армий «Юг» 9 июля была разделена на группу армий «Б» (6-я армия и армейская группа «Вейхс»; генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок) и группу армий «А» (немецкие 1-я танковая, 11-я и 17-я армии, итальянская 8-я армия; генерал-фельдмаршал В. Лист).

12 июля в наступление перешли войска Воронежского фронта с целью очистить от противника восточный берег р. Дон, прочно закрепиться на реке, обеспечив за собой переправы. Однако, встретив упорное сопротивление противника, они сумели занять только небольшой район в северной части Воронежа. Не добились успеха и войска Брянского фронта, пытавшиеся разгромить противника, прорвавшегося на восточный берег р. Олым, а затем продвигаться на Волово.

15 июля Ставка ВГК своей директивой № 170511 приказала вывести 5-ю танковую армию во фронтовой тыл и «как армию ликвидировать». Командующему Брянским фронтом были подчинены 2, 7 и 11-й танковые корпуса, входившие в состав армии, а ее командующий генерал-майор А.И. Лизюков назначен

командиром 2-го танкового корпуса. Штаб армии требовалось вывести в тыл Брянского фронта с передачей его в резерв Ставки^[160].

Воронежско-Ворошиловградская оборонительная операция из-за просчетов Ставки ВГК в определении направления главного удара противника и нерешительных действий командующих фронтами и армиями завершилась поражением войск левого крыла Брянского и правого крыла Юго-Западного фронтов. Ударные группировки врага прорвали их оборону на фронте более 250 км и на глубину 150–170 км, вышли на Дон в районе Воронежа и южнее, глубоко охватив правое крыло Юго-Западного фронта. Потери советских войск составили: безвозвратные – почти 371 тыс., санитарные – 197,8 тыс. человек^[161].

Генерал армии М.И. Казаков, возглавлявший в то время штаб Брянского фронта, вспоминал: «Первый опыт боевого применения танковой армии оказался неудачным. Начались разговоры о непригодности такого оперативного объединения вообще. Истинные же причины неудачи, на мой взгляд, были в другом: в неумении. Это умение пришло позднее. Руководство действиями 5-й танковой армии осуществлял непосредственно Генеральный штаб, и формально мы не несли ответственности за ее неудачи. Но справедливости ради не могу не заметить здесь, что, если бы командованию и штабу Брянского фронта была отведена в данном случае иная роль, если бы нас тоже привлекли к руководству контрударом, ход событий от этого вряд ли изменился. Судьба Воронежа была предрешена еще 3–4 июля, когда передовые части 48-го немецкого танкового корпуса вышли к реке Дон и без особых затруднений форсировали ее. После же упорных боев 5–7 июля немецкая 4-я танковая армия фактически овладела городом. В наших руках остались лишь

городские предместья Отрожка и Придача, расположенные на восточном берегу реки Воронеж, а также студенческий городок на северной окраине города»[\[162\]](#).

Был ли виновен генерал А.И. Лизюков в том, что 5-я танковая армия не справилась с поставленной задачей? Ответим однозначно: нет. Да, он допустил ошибки при организации контрудара, взаимодействия и управления, но к тому времени ни Лизюков, ни кто-либо другой в Красной Армии не имел опыта командования танковыми объединениями. Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский отмечал: «Он был хорошим командиром танковой бригады, мог бы быть неплохим командиром корпуса. Но танковая армия ему была не по плечу. Соединение новое, наспех сформированное, к тому же у нас еще и опыта не было применения такой массы танков. Армия впервые участвовала в бою, да еще в столь сложной обстановке, и, конечно, все это не могло не отразиться на ее действиях. Было от чего впасть в отчаяние командарму»[\[163\]](#).

* * *

Ликвидированная 5-я танковая армия, в отличие от других танковых армий смешанного состава, восстала как птица Феникс из пепла. 28 июля 1942 г. начальник Генштаба генерал А.М. Василевский направил командующему войсками Брянского фронта директиву № 994129 о сохранении управления 5-й танковой армии с частями обеспечения. Весь начсостав, работающий не по назначению, а также тыловые части и учреждения армии, переданные в 4-ю резервную армию, предписывалось немедленно возвратить в 5-ю танковую армию. Начальникам центральных управлений НКО

приказывалось немедленно возвратить в армию изъятые из ее управления отделы связи, санитарный, ветеринарный, политотдел. В директиве отмечалось, что указания по дальнейшему использованию управления армии будут даны дополнительно [\[164\]](#).

17 августа командующему Брянским фронтом, начальнику штаба 5-й танковой армии и заместителю командующего 3-й танковой армией генералу П.С. Рыбалко направляется директива № 1036031 о переброске в район Самозвановка, Скуратово в распоряжение генерала Рыбалко управления 5-й танковой армии (509-й отдельный батальон связи, 51-я отдельная кабельно-шестовая и 241-я отдельная телеграфно-эксплуатационная роты, тыловые учреждения). 30 августа следует новая директива Ставки ВГК за № 994176, в которой командующему войсками Брянского фронта приказывалось к 3 сентября восстановить 5-ю танковую армию и сосредоточить ее в районе Косая Гора, Крапивна, станция Щекино. Армия подчинялась командующему фронтом. Командующим армией назначался генерал-майор П.С. Рыбалко, который был освобожден от должности заместителя командующего 3-й танковой армией. В состав 5-й танковой армии включались 1-й и 26-й танковые корпуса, 119-я стрелковая дивизия, управление 5-й танковой армии с частями обеспечения, учреждениями обслуживания и всеми армейскими тылами. Оперативное использование 5-й танковой армии без разрешения Ставки не допускалось [\[165\]](#).

В должности командующего 5-й танковой армией генерал П.С. Рыбалко пробыл недолго. Уже 22 сентября директивой № 994202 Ставки ВГК он был назначен командующим 3-й танковой армией. Этой же директивой генерал-лейтенант П.Л. Романенко был освобожден от обязанностей заместителя

командующего войсками Западного фронта и командующего 3-й танковой армией и назначен заместителем командующего Брянским фронтом и командующим 5-й танковой армией. Он, как мы уже отмечали, в декабре 1940 г. на совещании комсостава Красной Армии ратовал за массированное применение танков в современной войне. «В дальнейшем, когда мы довольно близко познакомились с Романенко, – вспоминал генерал армии С.П. Иванов, – он говорил мне, что И.В. Сталин запомнил это и главным образом потому и поручил ему командование 5-й танковой армией в первой в истории войны операции, когда появилась возможность по-настоящему массированного удара танками при мощной поддержке авиации и артиллерии»^[166].

Одновременно заместитель командующего 3-й танковой армией генерал-майор А.П. Панфилов назначался заместителем командующего 5-й танковой армией^[167]. 22 сентября директивой № 994203 5-я танковая армия из резерва Ставки была передана в резерв командующего войсками Брянского фронта. Армию предписывалось сосредоточить в район Плавска, а в ее состав из 3-й танковой армии передавались 154-я стрелковая дивизия, 105-я танковая бригада и мотоциклетный полк^[168]. Через месяц – 22 октября – 5-я танковая армия, наряду с 63-й и 21-й армиями, вошла в состав созданного по директиве № 994273 Юго-Западного фронта. Командующим фронтом был назначен генерал-лейтенант Н.Ф. Ватулин, а начальником штаба – генерал-майор Г.Д. Стельмах^[169]. На этом организационные мероприятия для воссозданной 5-й танковой армии не завершились. По директиве № 994279 от 1 ноября начальником штаба армии был назначен генерал-майор А.И. Данилов, заместителем командующего армией – генерал-майор

Я.С. Фоканов, освобожденный от должности командира 47-й гвардейской стрелковой дивизии. Полковник И.И. Другов был освобожден от должности начальника штаба 5-й танковой армии и зачислен в распоряжение заместителя наркома обороны генерала Я.Н. Федоренко^[170].

5-й танковой армии было суждено принять участие в одной из крупнейших наступательных операций Великой Отечественной войны – контрнаступлении под Сталинградом.

Сталинградская стратегическая наступательная операция (19 ноября 1942 г. - 12 февраля 1943 г.)

В ходе оборонительных сражений на сталинградском направлении в Ставке ВГК и Генеральном штабе Красной Армии была проведена большая работа по планированию и подготовке контрнаступления под Сталинградом. Его инициаторами были генерал армии Г.К. Жуков и генерал-полковник А.М. Василевский, о чем они подробно рассказывают в своих мемуарах.

К началу контрнаступления Юго-Западный (1-я гвардейская, 21-я, 5-я танковая, 17-я воздушная армия и с декабря 1942 г. 2-я воздушная армия), Донской (65, 24, 66-я, 16-я воздушная армии) и Сталинградский (62, 64, 57, 51, 28-я, 8-я воздушная армии) фронты насчитывали 1 103 тыс. человек, 15 500 орудий и минометов, 1463 танка и САУ, 1350 боевых самолетов. По другим данным, в трех фронтах насчитывалось около 979 танков, из которых более 80 % находилось на Юго-Западном и Сталинградском фронтах^[171]. Им противостояли итальянская 8-я, румынские 3-я и 4-я армии, немецкие 6-я полевая и 4-я танковая армии группы армий «Б» (командующий – генерал-полковник М. Вейхс); всего более 1 011,5 тыс. человек, 10 290

орудий и минометов, 675 танков и штурмовых орудий, 1216 боевых самолетов. По живой силе соотношение сил сторон было равным. По артиллерии и минометам советские войска превосходили противника в 1,5 раза, по танкам и САУ – в 2,1, по самолетам – в 1,1 раза.

Операция получила кодовое наименование «Уран». Ее замысел состоял в том, чтобы ударами войск Юго-Западного фронта с плацдармов на южном берегу Дона, в районах Серафимовича и Клетской, и левого крыла Сталинградского фронта, из района Сарпинских озер южнее Сталинграда, в северо-западном направлении разгромить войска, прикрывавшие фланги ударной группировки противника. В последующем, развивая наступление по сходящимся направлениям на Калач, Советский, намечалось окружить и уничтожить его главные силы, действовавшие непосредственно под Сталинградом. На долю войск Донского фронта выпадало нанесение двух вспомогательных ударов. Первый удар – силами 65-й и 21-й армий из района восточнее Клетской на юго-восток с целью свертывания обороны противника на правом берегу Дона. Второй удар – войсками 24-й армии вдоль левого берега Дона на юг, чтобы отсечь группировку противника, находившуюся в малой излучине Дона. Одновременно соединения 66-й армии должны были сковывать противостоящие вражеские части, ведя активные действия.

По решению Ставки ВГК в состав Юго-Западного фронта, игравшего главную роль в операции, 25 октября были переданы из Донского фронта четыре стрелковые дивизии (226, 293, 333 и 277-я), 4-й танковый и 3-й кавалерийский корпуса, несколько артиллерийских и истребительно-противотанковых артиллерийских полков и другие части.

Войска 5-й танковой армии по состоянию на 1 ноября 1942 г. включали 5 стрелковых дивизий, два

танковых корпуса, одну танковую бригаду, один мотоциклетный полк, отдельный мотоциклетный батальон, артиллерийские, зенитные и инженерные части и подразделения.

3 ноября 1942 г. на командном пункте Юго-Западного фронта под руководством генерала армии Г.К. Жукова и при участии генералов А.М. Василевского, Н.Н. Воронова, А.А. Новикова и Я.Н. Федоренко состоялось совещание руководящего состава 5-й танковой и 63-й армий. Присутствовали командармы, начальники их штабов, а также командиры корпусов и ряда дивизий. Командующий фронтом генерал Н.Ф. Ватутин доложил, что главный удар с плацдарма юго-западнее Серафимовича в общем направлении на Калач будут наносить 5-я танковая и 21-я армии. Им предстояло прорвать оборону румынской 3-й армии на двух участках (5-я танковая армия на участке шириной 10 км, 21-я армия – 12 км), развить подвижными соединениями наступление в юго-восточном направлении, разгромить оперативные резервы врага, выйти во фланг и в тыл его главной группировки, действовавшей в районе Сталинграда. На третий день операции предусмотрено соединение танковых корпусов ударной группировки в районе Калач, Советский с войсками Сталинградского фронта и завершение окружения противника.

Действия ударной группировки Юго-Западного фронта намечалось поддержать с запада вспомогательным ударом тремя стрелковыми дивизиями 63-й армии с линии Рубежинский, Ягодный в общем направлении на Боковскую, а с востока – 65-й армией Донского фронта с рубежа Клетская, Мело-Меловский в общем направлении на Вертячий.

При обсуждении оперативного построения войск 5-й танковой армии между участниками совещания возникла дискуссия. Вот что по этому поводу

вспоминает генерал армии С.П. Иванов: «П.Л. Романенко считал целесообразным двухэшелонное построение не только в дивизиях, но в отдельных случаях и в полках. Против этого выступили Н.Н. Воронов и А.А. Новиков, казалось бы, не имевшие прямого отношения к действиям пехоты, но аргумент их был, как говорится, железным. Они сослались на то, что совсем недавно издан приказ НКО № 306 об одноэшелонном боевом порядке во всех тактических звеньях. Николай Николаевич весьма дотошно, как это ему было свойственно, объяснил, что стрелковая дивизия, построенная в два эшелона для атаки переднего края обороны противника, имела в первом всего 8 стрелковых рот из 27. Остальные 19 рот, располагаясь за первым эшелоном на глубину до двух километров, полностью лишались возможности использовать свои огневые средства. На это Прокофий Логвинович возразил, что необязательно строить в два эшелона боевые порядки батальонов, ведь лишь при этом получается та порочная картина, которую нарисовал начальник артиллерии Красной Армии. Командарма 5-й танковой поддержал А.С. Желтов. Однако ни Г.К. Жуков, ни А.М. Василевский в эту дискуссию не вступили, а генерал Н.Ф. Ватутин сказал, что, поскольку прорыв обороны стрелковыми соединениями предусматривается всего на фронте 8—12 километров, они сумеют выполнить задачу и в одноэшелонном построении. Как выяснилось потом, правы оказались А.С. Желтов и П.Л. Романенко: наша пехота именно из-за одноэшелонного построения не справилась со своей задачей и танкам пришлось «допрорывать» оборону противника, что вызвало лишние потери»^[172].

Таким образом, оперативное построение войск 5-й танковой армии было предreshено – в один эшелон с выделением подвижной группы и резерва. Первый

эшелон (47-я и 14-я гвардейские, 119-я и 124-я стрелковые дивизии) предназначался для прорыва главной полосы обороны противника и обеспечения ввода в прорыв подвижной группы (1-й, 26-й танковые корпуса, 8-й кавалерийский корпус и 8-й мотоциклетный полк). Ее планировалось ввести в сражение в первый день операции после прорыва стрелковыми дивизиями главной полосы обороны противника на глубине 8—10 км от переднего края. 1-й танковый корпус генерала В.В. Буткова получил задачу нанести удар в направлении Липовский, Тузов и к исходу второго дня операции овладеть районом Тузова. Передовыми частями корпус должен был захватить переправы через Дон южнее Тузова и перерезать железную дорогу в районе Суровикино. 26-му танковому корпусу, которым командовал генерал А.Г. Родин, было приказано стремительно развить наступление в направлении Перелазовский, Калач и к исходу третьего дня операции во взаимодействии с 4-м танковым корпусом 21-й армии, 4-м механизированным и 13-м танковым корпусами Сталинградского фронта завершить окружение вражеской группировки в районе Сталинграда и быть готовыми к ее уничтожению. Глубина задачи подвижной группы составляла 140 км. Это расстояние предусматривалось преодолеть в течение трех суток со среднесуточным темпом 40–45 км.

Вслед за 1-м танковым корпусом намечалось ввести 8-й кавалерийский корпус и 8-й мотоциклетный полк. При этом мотоциклетный полк должен был обогнать части танкового корпуса и к исходу первого дня операции выйти к р. Чир, в 30 км западнее Суровикино, перерезав железную дорогу на участке Сталинград – Лихая. Кавалерийскому корпусу наступлением в южном направлении предстояло обеспечить действия ударной группировки 5-й танковой армии с запада и юго-запада.

В резерве командарма оставались два полка 346-й стрелковой дивизии.

В некоторых работах говорится о двухэшелонном построении 5-й танковой армии. В первом эшелоне – 47-я гвардейская, 119-я и 124-я стрелковые дивизии, во втором эшелоне – 159-я стрелковая дивизия, в эшелоне развития успеха (подвижной группе) – 1-й и 26-й танковые корпуса, 8-й кавалерийский корпус и 8-й мотоциклетный полк. Кроме того, была создана скользящая группа (14-я гвардейская стрелковая дивизия и 1166-й стрелковый полк 346-й стрелковой дивизии).

4-й танковый корпус генерала А.Г. Кравченко, действовавший в составе 21-й армии Юго-Западного фронта, получил задачу развить наступление в общем направлении на Манойлин, Голубинский и к исходу второго дня операции захватить переправы через Дон севернее Калача. В дальнейшем корпусу предстояло наступать на Советский с задачей совместно с 26-м танковым корпусом 5-й танковой армии и 4-м механизированным корпусом Сталинградского фронта завершить окружение противника в районе Сталинграда. 16-му танковому корпусу генерала А.Г. Маслова Донского фронта предписывалось развивать наступление 24-й армии в направлении Вертячий, Песковатка и к исходу первого дня во взаимодействии с 3-м гвардейским кавалерийским корпусом окружить задонскую группировку противника.

13-й танковый корпус (командир – генерал Т.И. Танасчишин)^[173] Сталинградского фронта намечалось в первый день операции ввести в сражение в полосе 57-й армии. Ему предстояло стремительным броском к исходу дня выйти в район Рокотина (глубина задачи – 60–65 км) с целью не допустить отхода противника из Сталинграда в юго-западном направлении. 4-й

механизированный корпус (командир – генерал В.Т. Вольский) этого же фронта получил задачу стремительно развить наступление 51-й армии в западном направлении, к исходу второго дня операции выйти в район Советского (глубина задачи – до 90 км) и во взаимодействии с подвижными соединениями Юго-Западного фронта завершить окружение противника в районе Сталинграда.

Отдельные танковые бригады, полки и батальоны всех армий планировалось использовать в тесном взаимодействии с пехотой для ее непосредственной поддержки. В связи с тем, что танков для этого было мало, их плотность на участках прорыва не превышала 5-6 единиц на 1 км фронта. Поэтому для усиления пехоты командующие фронтами были вынуждены использовать танки танковых и механизированных корпусов: на Юго-Западном фронте – 216-я танковая бригада 26-го танкового корпуса 5-й танковой армии; в 51-й армии – два танковых полка 4-го механизированного корпуса; в 57-й армии – танковый полк 13-го танкового корпуса. Это позволило несколько повысить плотность танков НПП, в частности, в 5-й танковой армии – до 12-14 боевых машин на 1 км фронта.

Задача артиллерийского обеспечения ввода в сражение танковых и механизированного корпусов возлагалась на армейские артиллерийские группы и артиллерию стрелковых дивизий, в полосах наступления которых планировался их ввод. В 5-й танковой армии были созданы артиллерийские группы в каждом стрелковом полку первого эшелона, а также армейская артиллерийская группа дальнего действия и армейская группа реактивных установок. Управление огнем артиллерии в ходе наступления предусматривалось осуществлять артиллерийскими корректировщиками из радиальных танков. Основной

задачей авиационного обеспечения являлось прикрытие корпусов с воздуха, а также содействие их продвижению путем нанесения ударов по наземному противнику. Для лучшего взаимодействия авиации с наземными войсками один авиационный корпус 17-й воздушной армии был оперативно подчинен командующему 5-й танковой армией.

В период подготовки к операции в штабах частей и соединений проводились военные игры на картах и на ящиках с песком, штабные тренировки и поездки командного состава в район предстоящих действий для ознакомления с местностью. В войсках состоялись специальные тренировочные занятия, на которых особое внимание уделялось взаимодействию танков с пехотой, артиллерией, авиацией и инженерными войсками. Запасы материальных средств составляли 2–3 боекомплекта, 2–3 заправки горючего и 9–15 суточных дач продовольствия [\[174\]](#).

С целью обеспечения скрытности подготовки к операции передвижение частей и соединений осуществлялось только ночью, а радиостанции работали лишь на прием. С планом операции был ознакомлен лишь узкий круг командиров, и только в необходимом объеме. Остальному командному составу конкретные задачи ставились лишь за сутки или двое до начала наступления. Танковые корпуса Юго-Западного фронта к началу наступления были скрытно сосредоточены на правом берегу Дона на удалении 15–20 км от переднего края. Соединения и части, предназначенные для непосредственной поддержки пехоты, заняли выжидательные позиции за 2–3 дня до перехода в наступление в 4–6 км от переднего края. В результате принятых мер противник, внимательно следивший за любым перемещением, не заметил нависшей над ним опасности. Соединения 6-й армии и

основные силы 4-й танковой армии врага продолжали бои в Сталинграде. На направлении главных ударов советских войск по-прежнему оборонялись румынские части и соединения.

Утром 19 ноября повалил густой крупный снег, который смешивался с туманом. Видимость не превышала 250 метров. В таких условиях действия артиллерии очень затруднены. Несмотря на это, она в установленный срок приступила к проведению артиллерийской подготовки. В полосе Юго-Западного фронта оборона румынской 3-й армии была подавлена на двух участках. «Мощная канонада нанесла врагу немалый урон и произвела на него сильное моральное воздействие, – вспоминал С.П. Иванов. – Однако из-за плохой видимости далеко не везде оборона была сокрушена, особенно на фланговых участках прорыва»^[175].

Стрелковые соединения 5-й танковой и 21-й армий быстро взломали передний край обороны противника и устремились вперед. Вначале они встретили относительно слабое сопротивление. Сказались результаты мощной артиллерийской подготовки. Однако по мере продвижения сопротивление противника возрастало. В связи с тем, что стрелковые дивизии, имевшие одноэшелонное построение, не имели сил для наращивания удара, командующие 5-й танковой и 21-й армий с целью завершения прорыва ввели в сражение между 12 и 13 часами дня 1, 26 и 4-й танковые корпуса. Они вводились в двухэшелонном построении по нескольким заранее подготовленным маршрутам: 1-й и 26-й – по четырем, а 4-й – по двум. Решение о движении 1-го и 26-го танковых корпусов по четырем маршрутам было обусловлено условиями местности – наличием рек и глубоких оврагов.

В полосе действий 1-го танкового корпуса события развивались следующим образом. Разведывательные дозоры, высланные к боевым порядкам стрелковых частей, не смогли в густом тумане быстро сориентироваться на ровной, заснеженной местности и установить местонахождение пехоты. Из-за этого танковые бригады, вышедшие к 10 часам на южную и юго-восточную окраины хутора Калмыковский, вынуждены были задержаться здесь. Тем временем выяснилось, что враг готовится к отходу в полосе 119-й стрелковой дивизии полковника М.М. Данилова. В связи с этим генерал П.Л. Романенко приказал вводить 159-ю танковую бригаду несколько восточнее ранее намеченного маршрута. Командир бригады подполковник С.П. Хайдуков в спешке не выслал разведки и не назначил отряда обеспечения движения. Шедшие впереди два танка непосредственного охранения наскочили на минное поле и подорвались. При попытке головного батальона на большой скорости преодолеть этот участок было повреждено еще 5 танков. Следовавшие позади батальоны пошли в обход минного поля, но у них также вышли из строя 5 танков. С разрешения командира корпуса бригада вынуждена была вернуться, чтобы возобновить выдвижение по первоначально намеченному маршруту.

Генерал С.П. Иванов, прибывший на КП 1-го танкового корпуса, посоветовавшись с генералом В.В. Бутковым, обратился к командарму с просьбой разрешить готовить к вводу в сражение второй эшелон корпуса, так как 159-й танковой бригаде, потерявшей 12 танков, требовалось время, чтобы привести себя в порядок.

К двум часам дня 19 ноября 117-я и 89-я танковые бригады подполковников Д.М. Федорова и А.В. Жукова, обогнав пехоту, продвинулись на 4 км и вышли в район хутора Клиновыи и фермы № 2. Здесь находились

огневые позиции двух артиллерийских полков и до батальона пехоты противника. Было решено уничтожить их ударом 117-й танковой бригады с северо-запада, а с фронта сковать врага силами 159-й танковой бригады. К этому времени к восточной и северо-восточной окраинам фермы № 2 подошла 157-я танковая бригада (подполковник А.С. Шевцов) 26-го танкового корпуса. Организовав взаимодействие, все четыре танковые бригады с различных направлений энергично атаковали противника, который не оказал сопротивления и сдался в плен.

8-й мотоциклетный полк полковника П.А. Велика, пытавшийся ночной атакой ворваться в поселок совхоза «Усть-Медведицкий», был остановлен огнем вражеских танков. В результате выяснилось, что в районе совхоза располагается 22-я танковая дивизия (около 45 танков, большей частью легких), а в самом поселке – штаб 48-го танкового корпуса, который усиленно, пренебрегая элементарной маскировкой, разыскивает по радио свою румынскую 1-ю танковую дивизию (около 40 трофейных чешских танков)^[176]. Корпусу было приказано занять исходное положение в районе Перелазовский, Большая Донщинка, Петровка, так как предполагалось, что советские войска нанесут главный удар с плацдарма у Клетской. Корпусу предстояло нанести контрудар в двух направлениях: на Клетскую и на Серафимовичи.

В районе совхоза «Усть-Медведицкий» части 1-го танкового корпуса вновь встретились со 157-й танковой бригадой 26-го танкового корпуса, которая также сбилась с маршрута. Мотоциклисты вывели ее на правильный путь в сторону высоты 204,6, куда ей надлежало двигаться.

Обо всем этом генерал С.П. Иванов доложил начальнику штаба фронта, а тот, в свою очередь, генералу Н.Ф. Ватутину. Немедленно были приняты

решительные меры для ускорения движения 26-го танкового корпуса на Перелазовский, где оставался теперь лишь штаб румынского 5-го армейского корпуса. Одновременно 1-му танковому корпусу было приказано сковать немецкую 22-ю танковую дивизию непрерывными атаками до подхода 8-го кавалерийского корпуса.

Командир 26-го танкового корпуса, узнав об отсутствии у врага танков, решил овладеть Перелазовским с ходу. Эту задачу он возложил на 157-ю танковую и 14-ю мотострелковую бригады. Разгромив части 14-й пехотной дивизии противника, правофланговые бригады корпуса к рассвету 20 ноября вышли к Перелазовскому, пройдя 35 км. Подразделения 157-й танковой бригады подполковника А.С. Шевцова стремительно атаковали противника с фронта, а 14-я мотострелковая бригада подполковника Г.Н. Филиппова стала обходить Перелазовский с востока и запада. Удар был настолько внезапным и сильным, что ошеломленный противник (тыловые части румынской 1-й танковой дивизии и штаб 5-го армейского корпуса) начал большими группами сдаваться в плен. Однако на левом фланге 26-го танкового корпуса его 19-я танковая бригада, втянувшись в бои за отдельные опорные пункты, отстала и присоединилась к корпусу лишь 21 ноября. Быстрое продвижение в первые сутки, ограниченное количество радиостанций и малый радиус их действия явились причиной временной потери связи штаба корпуса с бригадами. В результате корпус задержался в Перелазовском на целые сутки, что сказалось на общих темпах наступления.

Успешно действовал и 4-й танковый корпус А.Г. Кравченко, введенный в сражение в полосе 21-й армии. Он, стремительно завершив прорыв главной полосы вражеской обороны, к исходу дня 19 ноября продвинулся на 30–35 км.

Командующий 6-й армией генерал Паулюс сразу почувствовал надвигающуюся угрозу, но своевременных контрмер не принял. Только в десять часов вечера 19 ноября командующий группой армий «Б» генерал-полковник М. фон Вейхс подписал следующий приказ:

«Обстановка, складывающаяся на фронте 3-й румынской армии, вынуждает принять радикальные меры с целью быстрее высвобождения сил для прикрытия фланга 6-й армии и обеспечения безопасности ее снабжения по железной дороге на участке Лихая (южнее Каменск-Шахтинский), Чир. В связи с этим приказываю:

1. Немедленно прекратить все наступательные операции в Сталинграде, за исключением действий разведывательных подразделений, сведения которых необходимы для организации обороны.

2. 6-й армии немедленно выделить из своего состава два моторизованных соединения, одну пехотную дивизию и по возможности одно моторизованное вспомогательное соединение, подчинив их штабу 14-го танкового корпуса, и, кроме того, как можно больше противотанковых средств и сосредоточить эту группировку поэшелонно за своим левым флангом с целью нанесения удара в северо-западном или западном направлении»[\[177\]](#).

Генерал фон Вейхс, видимо, не до конца осознавал опасность, поскольку выделил незначительное количество сил для парирования удара советских войск.

К полудню 20 ноября части 1-го танкового корпуса 5-й танковой армии совместно с 8-м кавалерийским корпусом после ожесточенных боев овладели Песчаным. После этого 1-й танковый корпус по приказу командующего армией сдал свой участок кавалерийским соединениям и возобновил наступление в южном направлении.

Получив сообщение о вклинении советских войск южнее Клетской и об атаках в районе Серафимовичи, командующий группой армий «Б» приказал 48-му танковому корпусу наступать на Клетскую. Но уже вечером 20 ноября задача корпусу была изменена. В штаб группы армий «Б» поступил приказ Гитлера, в котором 48-му танковому корпусу была поставлена задача немедленно нанести удар по противнику в северном направлении и освободить «группу Ласкара», то есть румынскую 15-ю дивизию, окруженную на Дону у Распопинской. Однако в районе Жирков соединения 5-й танковой армии нанесли удар по румынской 1-й танковой дивизии, а южнее Усть-Медведицкого – по немецкой 22-й танковой дивизии. В результате обе дивизии оказались в полуокружении. Командующий группой армий «Б» вынужден был отдать 48-му танковому корпусу приказ в ночь на 21 ноября оторваться от противника и сосредоточиться южнее р. Куртлак.

Из-за того, что в это время была потеряна связь с румынской 1-й танковой дивизией, лишь 22-я танковая дивизия с наступлением темноты начала отрываться от противника. В это время в штаб дивизии поступил приказ о наступлении в новом направлении. Поэтому на рассвете 21 ноября части 22-й танковой дивизии начали двигаться на северо-восток, но в районе Большой Донщинки были атакованы 1-м танковым корпусом 5-й танковой армии. Его соединения, не втягиваясь в затяжные бои, обошли Большую Донщину и, громя отходящие части противника, к исходу 21 ноября овладели Липовским.

Части 26-го танкового корпуса возобновили наступление в час дня 21 ноября. Не встречая организованного сопротивления, они к исходу дня преодолели 60–70 км, захватили крупные опорные пункты в Плесистовском и Острове, куда в спешном

порядке выдвигалась 3-я моторизованная дивизия противника, получившая задачу во что бы то ни стало задержать выход советских войск к Дону. У р. Лиска завязались встречные бои. На этот раз роли переменялись по сравнению с тем, что происходило тут в последних числах июля. Под ударами 26-го танкового корпуса 3-я моторизованная дивизия вынуждена была отходить к Дону.

4-й танковый корпус генерала Кравченко, развивая наступление, к исходу дня 21 ноября вышел к Дону юго-восточнее хутора Липологовский и севернее хутора Рубежный. В результате пути отхода противника из излучины реки на юг оказались отрезанными.

Части 1-го танкового корпуса, развивая успех, к исходу дня 22 ноября вышли в район Тузова, пройдя за день до 80 км. Однако вместо того чтобы преследовать отходящего противника и главными силами освободить Суровикино и Рычковский, командир корпуса генерал Бутков выслал к этим станциям лишь небольшие отряды. Они не смогли захватить их с ходу, а противник получил возможность организовать здесь сильную оборону.

26-й танковый корпус, наступавший левее, в это время продвигался к переправам через Дон. Генерал Родин решил стремительным ударом разгромить противостоящие части 3-й моторизованной дивизии, форсировать Дон и захватить Калач. Для захвата единственной переправы севернее Калача командир корпуса выделил передовой отряд (две роты 14-й мотострелковой бригады, пять танков 157-й танковой бригады и бронемашины 15-го отдельного разведывательного батальона). Отряд возглавил командир 14-й мотострелковой бригады подполковник Г.Н. Филиппов. Умело маневрируя, отряд обошел узлы сопротивления противника и к рассвету 22 ноября с зажженными фарами на большой скорости подошел к

Дону западнее Калача. Однако переправы в этом районе не было. Тогда, воспользовавшись данными, полученными от местного населения, отряд быстро выдвинулся к Березовскому, уничтожил вражескую охрану, овладел мостом и вышел на левый берег Дона. Но с ходу овладеть Калачом не удалось. Поэтому отряд перешел к обороне и удерживал переправу до подхода главных сил корпуса. После этого 19-я танковая бригада переправилась на левый берег Дона и в ходе упорного боя в два часа дня 23 ноября овладела городом Калач. 25 ноября 26-й танковый корпус был переподчинен командующему 21-й армией. Наступая в восточном и северо-восточном направлениях, он совместно со стрелковыми дивизиями принимал участие в создании внутреннего фронта окружения противника.

Удар подвижных войск Юго-Западного фронта навстречу войскам Сталинградского фронта продолжал развивать 4-й танковый корпус. Его соединения, воспользовавшись переправой, захваченной 26-м танковым корпусом, вышли на левый берег Дона и стали наступать в юго-восточном направлении. 45-я танковая бригада в 16 часов 23 ноября вышла в район Советского и соединилась с 36-й механизированной бригадой 4-го механизированного корпуса Сталинградского фронта. В результате кольцо окружения вокруг группировки противника в междуречье Дона и Волги замкнулось. В последующем 4-й танковый корпус вел бои местного значения, а в конце ноября был выведен на доукомплектование.

Стрелковые дивизии 5-й танковой армии в период 23-25 ноября, наступая в юго-западном направлении, вышли на рубеж в 10-15 км восточнее Боковской, Суровикино, где создали внешний фронт окружения, обеспечивая действия танковых соединений с запада и юго-запада. Успешно действовал 8-й мотоциклетный полк подполковника П.А. Велика, который 22 ноября

продвинулся на 90 км и овладел Красным Селом (20 км севернее Обливской). Расположив в этом пункте главные силы, полк начал действовать в тылу противника отдельными отрядами в радиусе 35–50 км. Однако, увлекшись диверсиями, полк упустил благоприятный момент для овладения Обливской.

Тяжелые бои развернулись в полосе Донского фронта. Трудные условия местности сковывали маневр танковых частей и вынуждали их вести наступление в узком коридоре. Войскам фронта не удалось перерезать пути отхода на Сталинград группировки противника, действовавшей в малой излучине Дона. После того как 23 ноября войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов соединились в районе Калача, хутор Советский, войска Донского фронта получили возможность развивать наступление на Сталинград, сжимая внутреннее кольцо окружения противника. В окружении оказались 22 дивизии и более 160 отдельных частей общей численностью 330 тыс. человек. Это было значительно больше, чем предполагалось, поэтому возникла проблема с ликвидацией окруженной группировки, так как выделенных сил явно не хватало. Кроме того, нельзя было допустить прорыва войск 6-й полевой и 4-й танковой армий из котла, а для этого следовало провести сложные перегруппировки, усилить внешний и внутренний фронты окружения.

Командующий 6-й армией генерал Паулюс докладывал в шесть часов вечера 22 ноября генералу фон Вейхсу:

«Армия окружена. Вся долина р. Донская Царица, железная дорога от Советского до Калача, мост через Дон в этом районе, высоты на западном берегу реки до Голубинского, Оськинского и Крайнего, несмотря на героическое сопротивление, перешли в руки русских. Другие их силы продвигаются с юго-востока через

Бузиновку на север и особенно крупные силы – на запад.

Обстановка в районе Суровикино и на р. Чир неизвестна. В Сталинграде и на северном участке фронта отмечается усиленная деятельность разведывательных подразделений... Южный участок фронта восточнее Дона после прорыва еще не восстановлен. Стоит ли за счет значительного ослабления северного участка организовать оборону на узкой полосе на рубеже Карповка, Мариновка, Голубинский – сомнительно... Запасы горючего скоро кончатся, танки и тяжелое оружие в этом случае будут неподвижны. Положение с боеприпасами критическое. Продовольствия хватит на 6 дней. Командование армии предполагает удерживать оставшееся в его распоряжении пространство от Сталинграда до Дона и уже принимает необходимые меры... Прошу предоставить свободу действий на случай, если не удастся создать круговую оборону. Обстановка может заставить тогда оставить Сталинград и северный участок фронта, чтобы обрушить удары на противника всеми силами на южном участке фронта между Доном и Волгой и соединиться здесь с 4-й танковой армией. Наступление в западном направлении не обещает успеха в связи со сложными условиями местности и наличием здесь крупных сил противника»^[178].

К этому времени, по воспоминаниям генерала армии С.П. Иванова, обострились отношения между командующим фронтом генералом Н.Ф. Ватутиным и командующим 5-й танковой армией генералом П.Л. Романенко. Командарм был обижен тем, что фронт, по существу, отобрал у него руководство танковыми корпусами. Он считал также, что кольцо окружения по праву должны замкнуть танкисты Филиппенко и 14-я мотострелковая бригада подполковника Филлипова.

Генерал Н.Ф. Ватутин при молчаливой поддержке генерала А.М. Василевского обвинил командарма в том, что его нельзя застать на армейском КП, что он непрерывно «прыгает» из соединения в соединение, поэтому его штаб предоставлен сам себе. Романенко был высказан также упрек в потере управления 1-м танковым и 3-м кавалерийским корпусами. «На это обычно молчаливый Г.Д. Стельмах заметил, – пишет С.П. Иванов, – что армия в целом неплохо выполняет свою трудную задачу, а огрехи в управлении войсками при столь маневренных действиях неизбежны. Николай Федорович, однако, судя по его хмурому виду, остался при своем мнении. Так отношения командующего фронтом, да и представителя Ставки, с генералом П.Л. Романенко обострились до предела, хотя и до этого между ними довольно часто возникали трения»^[179].

26 ноября генерал Н.Ф. Ватутин направил И.В. Сталину донесение № 1492 о необходимости немедленного развития наступления на внешнем фронте окружения^[180]. В этом документе отмечалось, что румынская 3-я армия полностью разгромлена. Ее остатки (9, 11, 7-я пехотные дивизии и части 1-й моторизованной дивизии) обороняются на участке Верхний Калининский, Верхний Кривский, Ильин. Войска противника, оборонявшиеся на западном берегу в излучине р. Дон, под ударами частей 21-й и 65-й армий отходят с боем на восточный берег Дона. С выходом 4-го и 26-го танковых корпусов и части сил 3-го гвардейского кавалерийского корпуса на восточный берег Дона на участке Советский, Сокаревка, Песковатка и установлением боевого взаимодействия с 4-м механизированным корпусом завершено окружение сталинградской группировки противника. Он с 24 ноября начал усиленную переброску войск автотранспортом, сосредоточив в районе Солин,

Боковская, Поповка до трех новых дивизий, а в районе Тормосин, Нижнечирская – более пехотной дивизии, усиленной танками.

Командующий Юго-Западным фронтом, оценивая действия противника, полагал, что он намеревается нанести контрудары от Тормосина через Нижнечирскую на север вдоль р. Дон с целью разорвать кольцо, замыкающее его сталинградскую группировку, и от Боковской на восток с целью выхода в тыл советских войск. По мнению генерала Ватутина, «противник успел подбросить еще мало сил и не создал еще сплошного фронта». Поэтому предлагалось одновременно с решением главной задачи по ликвидации сталинградской группировки противника продолжать наступление войск Юго-Западного фронта в западном и юго-западном направлениях. В первую очередь планировалось окружить и уничтожить группировку противника в районе Нижнечирская, Тормосин, Морозовская и захватить этот район, чтобы надежно изолировать сталинградскую группировку противника и воспретить какой бы то ни было доступ к ней. Эту задачу командующий фронтом намечал возложить на 5-ю танковую армию, в состав которой после овладения Песковаткой предусматривалось перебросить 3-й кавалерийский корпус. Армия должна была перейти в наступление 29 ноября и к 3-5 декабря выполнить поставленную задачу. В последующем ей предстояло наступать из района Морозовского на запад. Для усиления 5-й танковой армии генерал Ватутин просил выделить один механизированный или один танковый корпус.

В свою очередь представитель Ставки ВГК генерал армии Г.К. Жуков 29 ноября направил И.В. Сталину предложения по ликвидации войск, окруженных под Сталинградом. Жуков предполагал, что противник, видимо, будет стараться удержать в своих руках

позиции в районе Сталинград, Вертячий, Мариновка, Карповка, совхоз Горная Поляна. Одновременно он намерен в кратчайший срок собрать в районе Нижнечирская, Котельниково ударную группу для прорыва фронта советских войск в общем направлении на Карповку, чтобы образовать коридор для питания окруженной группы, а в последующем и вывода ее по этому коридору. При благоприятных условиях такой коридор может быть образован на участке Мариновка, Ляпичев, Верхнечирская фронтом на север. Вторая сторона этого коридора, фронтом на юго-восток, будет создана по линии Цыбенко, Зеты, Гниловская, Шебалин.

С целью не допустить соединения нижнечирской и котельниковской группировок противника со сталинградской группировкой и образования коридора, Жуков предусматривал как можно быстрее отбросить первые две группировки и создать плотный боевой порядок на линии Обливская, Тормосин, Котельниково. В районе Нижнечирская, Котельниково намечалось держать две группы танков, не меньше 100 танков в каждой в качестве резерва. Окруженную группировку противника под Сталинградом предлагалось рассечь на две части ударом в направлении Большая Россошка, а навстречу ему нанести удар в направлении Дубининский, высота 135,0. На всех остальных участках перейти к обороне и действовать лишь отдельными отрядами в целях истощения и изматывания противника. После того как окруженная группировка будет рассечена на две части, целесообразно в первую очередь уничтожить более слабую группу, а затем всеми силами ударить по группе в районе Сталинграда^[181]. С этим предложением согласился и начальник Генштаба генерал Василевский.

Командующий Донским фронтом генерал Рокоссовский несколько раз обращался в Ставку ВГК,

аргументируя необходимость приостановки боевых действий для перегруппировки и усиления войск фронта перед ликвидацией 6-й армии. Сталин прислушался к мнению Рокоссовского. 4 декабря он обязал командующих Донским и Сталинградским фронтами не позднее 18 декабря завершить подготовку новой наступательной операции по разгрому окруженной группировки врага. Операция получила кодовое наименование «Кольцо». Для усиления войск Донского фронта направлялась только что укомплектованная 2-я гвардейская армия генерала Р.Я. Малиновского. 11 декабря Сталин потребовал от представителя Ставки ВГК генерала Василевского провести операцию «Кольцо» в два этапа. Первый этап – выход в район Басаргино, Воропоново и не позже 23 декабря – ликвидация западной и южной групп противника. Второй этап – общий штурм всех армий обоих фронтов для ликвидации основной массы вражеских войск к западу и северо-западу от Сталинграда^[182]. Одновременно намечалось силами Юго-Западного фронта и левого крыла Воронежского фронта провести операцию под кодовым наименованием «Сатурн». Ее замысел заключался в том, чтобы разгромить на Среднем Дону основные силы итальянской 8-й армии, оперативной группы «Холлидт» и остатки румынской 3-й армии и развить контрнаступление на сталинградско-ростовском направлении.

Каковы же были планы противника? Командующий группой армий «Дон» генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн намечал с целью деблокады 6-й армии провести операцию «Винтергевиттер» («Зимняя гроза»)^[183]. В соответствии с ее замыслом, 4-я танковая армия должна была начать наступление основными силами из района Котельниково восточнее р. Дон. Почему здесь?

Ответ на этот вопрос дал Э. фон Манштейн: «... Противник меньше всего будет ожидать такое наступление на восточном берегу Дона, так как при существовавшей на фронте обстановке сосредоточение в этом районе крупных сил было бы связано для немцев с большим риском. Поэтому противник вначале выдвинул только относительно слабые силы в направлении на Котельниково для прикрытия внутреннего фронта окружения». Если же, полагал Манштейн, количество войск противника перед Котельниковом значительно возрастет, тогда «приказом был предусмотрен следующий запасный вариант: танковые дивизии 4-й танковой армии должны были быть срочно и скрытно для противника переброшены по западному берегу Дона на север, на донско-чирский плацдарм у Нижнечирской и наносить главный удар отсюда».

Операция «Винтергевиттер» началась 12 декабря. Армейская группа «Гот» нанесла удар вдоль железной дороги Котельниково – Сталинград на участке 51-й армии. Противник имел 13 дивизий, 124 тыс. человек, 650 танков, 852 орудия и миномета, 500 самолетов^[184]. Ему противостояли 5-я ударная и 51-я армии Сталинградского фронта, насчитывавшие 115 тыс. человек, 329 танков, 1133 орудия и миномета и 220 самолетов. Оказалось, что предостережения Жукова не были должным образом учтены. Потребовались героические усилия, срочная переброска резервов, чтобы задержать продвижение войск генерала Манштейна на помощь 6-й армии.

Ставка ВГК, учитывая сложившуюся обстановку, 13 декабря внесла изменение в план операции «Сатурн»^[185]. В директиве, подписанной Сталиным, отмечалось, что операция «Сатурн» была задумана при благоприятной для советских войск обстановке, когда у

противника не было еще резервов в районе Боковский, Морозовский, Нижнечирская, а 5-я танковая армия успешно наступала в сторону Морозовского. Кроме того, предполагалось, что удар с севера будет поддержан одновременным ударом с востока, в сторону Лихой, а 1-я гвардейская армия будет переброшена в район Калача и использована для развития успеха в направлении Ростов, Таганрог. Однако теперь обстановка изменилась не в пользу советских войск. Войска 5-й танковой и 1-й гвардейской армий «стоят в обороне и не могут двигаться вперед, так как за это время противник успел подвести с запада ряд пехотных дивизий и танковых соединений, которые сдерживают их». Поэтому наступление в сторону Каменск, Ростов не может получить успеха. Исходя из этого, намечалось внести изменения в план операции «Сатурн». Главный удар предусматривалось нанести не на юг, а на юго-восток в сторону Нижнего Астахова и с выходом на Морозовский, с тем чтобы взять в клещи боковско-морозовскую группировку противника, пройти по ее тылам и ликвидировать ее одновременным ударом с востока силами 5-й танковой и 1-й гвардейской армий и с северо-запада силами 3-й гвардейской армии и приданных ей подвижных частей. Прорыв требовалось произвести в тех же районах, в которых он был задуман по операции «Сатурн». После прорыва предписывалось развернуть наступление на юго-восток в направлении Нижний Астахов, Морозовский, нанести удар по тылам противника, действовавшего против 5-й танковой и 2-й гвардейской армий. Войска 6-й армии Воронежского фронта должны были обеспечить действие главной ударной группировки с запада^[186]. Для поддержки наземных войск выделялось более 300 самолетов 2-й и 17-й воздушных армий. Благодаря решительному массированию сил и средств на участках прорыва

удалось создать 2—3-кратное превосходство над противником. Операция, которая должна была начаться 16 декабря, получила теперь наименование «Малый Сатурн» (Среднедонская операция).

В ночь на 14 декабря состоялось совещание командующих Воронежским и Юго-Западным фронтами с представителем Ставки, на котором были обсуждены последние изменения в плане «Сатурна». При этом генерал Н.Ф. Ватутин в резкой форме выразил несогласие с сокращением масштабов операции и потребовал от командующего Воронежским фронтом проводить ее по прежнему плану, то есть с выходом к Азовскому морю. В случае отказа от этого плана он просил передать Юго-Западному фронту 17-й танковый корпус. В конце концов спор был решен прямым вмешательством Сталина, который приказал четко исполнить приказ.

К началу операции «Малый Сатурн» 5-я танковая армия включала восемь стрелковых дивизий, два кавалерийских и один танковый корпуса, отдельную истребительную и две танковые бригады, мотоциклетный, три пушечных, восемь истребительно-противотанковых, гаубичный, армейский артиллерийский, три минометных и три гвардейских минометных полка, два отдельных танковых, мотоциклетный, автоброневой, четыре инженерных и пять понтонно-мостовых батальонов, зенитную артиллерийскую дивизию, отдельный зенитный артиллерийский дивизион, инженерную бригаду специального назначения. По своему составу она более напоминала общевойсковую, нежели танковую армию.

По решению командующего Юго-Западным фронтом войска 5-й танковой армии наносили вспомогательный удар в направлении Морозовск, Тацинская. Она во взаимодействии с 5-й ударной армией Сталинградского фронта должна была уничтожить противника в районе

станции Нижнечирской и Тормосино, не допуская прорыва неприятеля из этих районов на соединение с окруженной вражеской группировкой. В дальнейшем 5-й танковой армии предстояло развивать наступление на Морозовск, Ильинку, Тацинскую, Лихую^[187].

Три танковых корпуса (18, 24, 25-й) были включены в состав 1-й гвардейской армии. 25-й и 18-й танковые корпуса намечалось ввести в сражение в первый день операции с задачей совместно с пехотой завершить прорыв обороны противника и к исходу второго дня операции во взаимодействии с 3-й гвардейской армией окружить главные силы итальянской 8-й армии. В последующем они должны были наступать в юго-восточном направлении. 24-й танковый корпус планировалось ввести в прорыв для развития успеха в общем направлении на Тацинскую. Чтобы усилить удар танковой группировки 1-й гвардейской армии, Ставка ВГК приказала ввести в сражение в ее полосе в направлении Кантемировка, Волошино также и 17-й танковый корпус, находившийся до этого в составе 6-й армии Воронежского фронта. 1-й гвардейский механизированный корпус, действовавший в составе 3-й гвардейской армии, в первый день операции должен был наступать в западном направлении – на Поповку, содействуя окружению противника южнее Вешенской. В дальнейшем намечалось повернуть корпус на юго-восток для овладения районом Морозовска.

В связи с изменившейся обстановкой Сталин 14 декабря потребовал от генерала Василевского отложить осуществление первого этапа операции «Кольцо». 2-ю гвардейскую армию, в первую очередь механизированные части, приказывалось форсированным маршем двинуть на юг и расположить в тылу частей, действующих против котельниковской группировки противника. Главная задача – разгромить

эту группировку в течение ближайших дней занять Котельниково и прочно там закрепиться. Войска Донского и Сталинградского фронтов должны продолжать систематическое истребление окруженных войск противника с воздуха и наземными силами, все более сжимать кольцо окружения, в корне пресекать попытки окруженных вырваться из этого кольца^[188].

Операция «Малый Сатурн» началась 16 декабря ударом войск правого крыла Юго-Западного фронта. Танковые корпуса фронта при поддержке артиллерии и авиации мощными таранными ударами прорвали оборону итальянской 8-й армии и за восемь дней продвинулись на 100–200 км, а 24 декабря овладели станцией Тацинская. Командующий группой армий «Дон» генерал фон Манштейн впоследствии отмечал: «15 декабря нами была обнаружена явная подготовка противника к наступлению перед левым флангом группы армий «Дон» и правым флангом группы армий «Б». 16 декабря здесь начались атаки противника небольшими силами на отдельных участках. Нельзя было еще определить, хотел ли он только прощупать наш фронт перед решающим наступлением с целью прорыва, как он это часто делал, или же он хотел только приковать наши силы к этому участку, чтобы не дать нам перебросить силы с этого фланга на восточный берег Дона. Однако радиоразведка установила наличие новой армии противника (3-я гвардейская армия), что позволило сделать вывод о намерении противника предпринять глубокий прорыв с далеко идущей целью (захват Ростова?)».

Манштейну пришлось отказаться от дальнейших попыток деблокировать окруженные под Сталинградом войска и, чтобы самому не оказаться в окружении, бросить все, что оказалось под рукой, для парирования ударов Юго-Западного фронта.

В результате были созданы благоприятные условия для окончательного разгрома группировки противника в районе Тормосина, находившейся в опасной близости от окруженных войск 6-й армии. В этой связи генерал Василевский предложил Сталину передать 5-ю ударную армию с 3-м гвардейским кавалерийским корпусом из Сталинградского фронта в состав Юго-Западного фронта. Силами 5-й ударной и 5-й танковой армий, включив в состав последней 23-й танковый корпус, Юго-Западный фронт должен был ликвидировать противника южнее Суровикина, чтобы спрямить линию фронта и отбросить вражеские войска от Чира к р. Россошь^[189].

Сталин принял предложение генерала Василевского. 25 декабря была издана директива № 994287 Ставки ВГК о передаче 1-го гвардейского танкового корпуса (бывший 26-й танковый корпус) из состава Донского фронта в состав 5-й танковой армии Юго-Западного фронта^[190]. На следующий день директивой № 170715 командующий 5-й ударной армией и заместитель командующего войсками Сталинградского фронта генерал-лейтенант М.М. Попов был назначен заместителем командующего Юго-Западным фронтом по руководству действиями 5-й танковой и 5-й ударной армий. Одновременно в состав 5-й танковой армии включался 23-й танковый корпус. Главной задачей войск левого крыла Юго-Западного фронта являлась ликвидация противника в районе южнее Суровикино и в районе Чернышковского, овладение районом Тормосин, Обливская, Чернышковский^[191].

Мы уже говорили о том, что между командующим Юго-Западным фронтом и командующим 5-й танковой армией существовали существенные трения. Они еще более обострились к концу декабря 1942 г. Об этом

стало известно Сталину, который ночью 28 декабря в разговоре по прямому проводу с генералом Ватутиным сказал:

– У нас есть несколько вопросов к вам.

1. Если Романенко плохо работает, мы можем его заменить генерал-лейтенантом Поповым, вашим заместителем с тем, чтобы он командовал 5-й танковой армией и вместе с тем оставался вашим замом.

2. Михайлов (псевдоним генерала А.М. Василевского. – *Прим. авт.*) думает направить завтра, в крайнем случае послезавтра, через Верхне-Курмоярскую переправу один механизированный корпус и одну или две дивизии для удара на Тормосин. Можете ли вы к этому сроку выставить какую-либо силу в сторону Тормосина, навстречу этому механизированному корпусу?

3. Романенко сообщает, что 2-й и 23-й танковые корпуса сидят будто бы без горючего. Верно ли это? Я проверил в ГАБТУ, и там сказали, что этого не может быть, так как оба корпуса при отгрузке к вам взяли с собой две заправки горючего. Кстати, Михайлов мне сказал, что в районе Качалинской можно достать сколько угодно горючего.

4. Как обстоит дело с Бадановым (командир 24-го танкового корпуса. – *Прим. авт.*)?

Ответ Ватутина гласил:

«1. Романенко на протяжении всего периода двух операций чаще всего не понимает общей обстановки и нередко действует вразрез с общим замыслом, стремясь достичь в лучшем случае частных интересов в ущерб общим. Кроме того, Романенко плохо организует бой и к тому же недисциплинирован, о противнике доносит явно преувеличенные данные, вводит в заблуждение, видимо, с целью получить то или другое усиление. Я считаю опасным иметь такого командующего и прошу

его заменить. Можно, безусловно, возложить командование 5-й танковой армией на Попова.

2. Навстречу группе т. Михайлова я наметил выбросить на Тормосин 8-й кавалерийский корпус, усиленный артиллерией, танками и РС. Это немного слабоватая группировка, но я хотел 5-й механизированный корпус по овладении Чернышковским бросить на Морозовский с тыла, то есть с юга, и далее действовать им на запад. Таким образом, на Тормосин остается только 8-й кавалерийский корпус со средствами усиления. У Цветаева (командующий 5-й ударной армией. - *Прим. авт.*) имеется 3-й кавалерийский корпус, который я имел в виду использовать для обхода нижнечирской группы с востока с переправой корпуса через р. Дон в районе Суворовского, это усилит обходящую группу т. Михайлова. Этим корпусом я решил также наносить удар на фронте Тормосин, Верхне-Аксеновский навстречу 8-му кавалерийскому корпусу. Вместе с 3-м кавалерийским корпусом будет переправляться также 4-я гвардейская стрелковая дивизия. Как только они переправятся, Цветаев и левый фланг Романенко начнут действовать также с фронта.

3. Я получил два доклада от Романенко и его штаба. Первый доклад о том, что 2-й танковый корпус горючим обеспечен, а 23-й танковый корпус не обеспечен. Второй доклад, после того как я приказал 2-й танковый корпус немедленно выдвигать в район Милютинской, Романенко доложил, что корпус не имеет горючего. Я послал телеграмму Романенко с предупреждением о том, что, если приказ не будет выполнен, Романенко будет немедленно предан суду. Приказал Попову точно обеспечить выполнение приказа. На базе у Романенко горючее есть, и я ему сообщил, сколько у него имеется горючего, это же сообщил Попову. Считаю, что 2-й танковый корпус горючее имеет, 23-й танковый корпус

стоит без горючего, но может быть быстро обеспечен горючим, что я и приказал сделать. Рассчитываю, что это будет выполнено к утру 28 декабря, после чего 23-й танковый корпус наметил также выдвинуть к району южнее Милютинской для более глубокого удара по противнику».

Далее генерал Ватутин сообщил, что 24-й танковый корпус (39 танков Т-34 и 15 танков Т-70) генерала Баданова ведет бой в Тацинской, севернее которой противник находится в 10-15 км. Кроме того, отдельные группы врага ведут боевые действия вокруг всей Тацинской. К северу от Тацинской в районе Скосырская, Крюков, Ново-Марьевка, Верхне-Обливский обнаружены части противника, сумевшие вырваться из окружения. Для разгрома противника в этом районе и перехвата путей его отхода генерал Ватутин приказал 1-му гвардейскому механизированному корпусу генерала И.Н. Руссиянова и 25-му танковому корпусу генерала П.П. Павлова двигаться кратчайшим путем, форсированно на Тацинскую. Оба корпуса должен был заменить 14-й стрелковый корпус с задачей выйти на железную дорогу и преградить противнику пути отхода. С целью разгрома врага в Скосырской и наступления на Крюков, Михайлов была выдвинута 266-я стрелковая дивизия 3-й гвардейской армии, за которой продвигалась 203-я стрелковая дивизия. 18-й танковый корпус в районе Миллерово был заменен стрелковыми частями и с 8 часов 28 декабря направлен через Большанку на Скосырскую. Для уничтожения противника в районе Тацинская, Скосырская намечалось с утра 28 декабря задействовать всю авиацию фронта. Для превращения операции «Малый Сатурн» в операцию «Большой Сатурн» требовалось значительное усиление фронта.

Генерал Ватутин также доложил Сталину:

– Все, что было ранее перед фронтом, то есть около 17 дивизий, можно считать совершенно уничтоженным, все вооружение и запасы захвачены нами. Нами взяты в плен свыше 60 000 человек, не менее этого убиты, таким образом, жалкие остатки этих бывших войск сейчас, за редким исключением, не оказывают почти никакого сопротивления.

Далее он сообщил, что противник продолжает упорно обороняться на рубеже Обливская, Верхнечирский. В районе Морозовского захвачены пленные 11-й танковой и 8-й авиационной полевой дивизий, которые раньше были перед 5-й танковой армией. Наибольшее сопротивление войскам 3-й гвардейской армии и подвижным соединениям фронта оказывают части противника, которые из района Котельниково переправились через р. Дон и далее через Тормосин выдвинулись на фронт Чернышковский, Морозовский, Скосырская и частью сил отходили на Тацинскую. Эти войска противника стремятся занять рубеж, прикрыться на нем, чтобы воспрепятствовать дальнейшему стремительному наступлению подвижных соединений Юго-Западного фронта и обеспечить тем самым возможность отхода своих войск. Кроме того, наиболее крупная и относительно свежая группировка противника (немецкие 4 пехотные и одна танковая дивизии, одна итальянская пехотная дивизия) находится перед 61-й армией, особенно в районе Старая Калитва, Митрофановка, Россошь. Генерал Ватутин полагал, что противник, видимо, готовит основной рубеж обороны по рекам Северский Донец и Деркул.

Сталин, выслушав доклад командующего Юго-Западным фронтом, приказал ему не допустить разгрома 24-го танкового корпуса и поскорее направить ему на помощь 1-й гвардейский механизированный и 25-й танковый корпуса. Встречный удар 8-го кавалерийского корпуса на Тормосин рекомендовалось

подкрепить какой-либо пехотной частью. Сталин также отметил:

- Для того чтобы превратить «Малый Сатурн» в «Большой Сатурн», мы уже передали вам 2-й и 23-й танковые корпуса. Через неделю получите еще два танковых корпуса (3-й и 10-й) на правом фланге и три или четыре стрелковые дивизии. Авиацией поможем. Советуем оставить 18-й танковый корпус в районе Миллерово для действий совместно с 17-м танковым корпусом. В противном случае вы ослабите район Миллерово, Тарасовка и сделаете невозможным «Большой Сатурн».

После завершения разговора в штаб Юго-Западного фронта поступил приказ № 00495 Ставки ВГК, в котором говорилось:

«Освободить генерал-лейтенанта Романенко П.Л. от должности командующего 5-й танковой армией и направить его в распоряжение Наркомата обороны. Назначить командующим 5-й танковой армией генерал-лейтенанта Попова М.М. с оставлением его в должности заместителя командующего войсками Юго-Западного фронта»^[192].

Ставка ВГК принимала все меры к тому, чтобы скорее покончить с окруженной группировкой противника и высвободить войска Донского и Сталинградского фронтов, необходимые для скорейшего разгрома вражеских войск на юге страны. 30 декабря Сталинградский фронт был ликвидирован, его 57, 64 и 62-я армии переданы в состав Донского фронта, на который возлагалась ликвидация окруженного противника^[193]. Для быстрейшего разгрома противника на ростовском направлении и лучшего управления армиями, действующими на этом направлении, 1 января 1943 г. был образован Южный

фронт (2-я гвардейская, 51-я и 28-я армии) под командованием генерал-полковника А.И. Еременко.

Основным силам Юго-Западного фронта, в том числе 5-й танковой армии, предстояло наступать на донбасском направлении.

Миллерово-Ворошиловградская наступательная операция (1 января - 22 февраля 1943 г.)^[194]

Войска Юго-Западного фронта, перейдя 1 января 1943 г. в наступление, встретили упорное сопротивление оперативной группы «Холлидт». Для того чтобы нарастить силу удара, Ставка ВГК усилила фронт 2, 3, 10 и 23-м танковыми корпусами. Однако они прибывали неодновременно, совершая 300—350-километровые марши от станций выгрузки, имели по 50–65 исправных танков.

8 января командующий войсками Юго-Западного фронта генерал-полковник Н.Ф. Ватутин представил И.В. Сталину доклад о продолжении наступательной операции в Донбассе^[195]. Исходя из цели операции «Большой Сатурн» и учитывая действия соседей, генерал Ватутин намечал до прибытия новых соединений в состав фронта окружить и уничтожить части противника севернее р. Северский Донец и восточнее р. Деркул, а также в районе Каменск, Красный Сулин, Усть-Белокалитвенская, овладеть этим районом и к исходу 14 января выйти на рубеж р. Деркул, Кружиловка, Михайловка, Аникин, Красный Сулин. Одновременно предусматривалось силами 6-й армии продолжать наступление в направлении Высочинов, Белолуцкая с целью оказать содействие войскам Воронежского фронта. Главный удар планировалось нанести войсками 3-й гвардейской армии, усиленной 2-м и 23-м танковыми корпусами и 346-й стрелковой дивизией, с участка Шарпаевка,

Гусынка в направлении Верхняя Тарасовка, Глубокий, Гундоровская, Красный Сулин. Вспомогательный удар предстояло нанести группе войск генерал-лейтенанта В.М. Баданова (2-й гвардейский танковый, 1-й гвардейский механизированный корпуса, 14-я гвардейская и 203-я стрелковые дивизии, 22-я мотострелковая бригада) с участка Ольховий, Погорелов в направлении Каменск, Лихая. Войска 3-й гвардейской армии должны были, окружая и уничтожая противника, овладеть районом Каменска и выйти к 14 января на рубеж Кружиловка, Михайловка, Аникин. Подвижным соединениям армии, усиленным стрелковыми дивизиями, предстояло занять район Красный Сулин, Зверево, Лихая, уничтожая противника южнее Каменска во взаимодействии с 5-й танковой и 5-й ударной армиями.

5-й танковой армии (без 346-й стрелковой дивизии и 25-го танкового корпуса) приказывалось нанести удар в направлении железной дороги на станцию Лихая и частью сил на Красный Сулин, свертывая боевые порядки противника по южному берегу р. Северский Донец. К исходу 14 января армии должна была выйти на рубеж Аникин, Красный Сулин.

Войска 6-й армии получили задачу перейти в наступление одновременно с соединениями Воронежского фронта с ближайшей задачей выйти на р. Айдар, Ново-Псков и с последующей задачей – на рубеж Тарасовка, Мостки, а в дальнейшем наступать в направлении Сватово, Купянск. На 1-ю гвардейскую армию до 14 января возлагалось последовательное уничтожение окруженных группировок противника в районе Чертково, Гартмашевка, Миллерово, Стрельцовка и выход всеми силами на р. Деркуль.

После прибытия усиления (7 стрелковых дивизий, одна стрелковая бригада, 3-й и 10-й танковые корпуса) планировалось концентрическими ударами основных

сил 1-й гвардейской армии в направлении Евсуг, Новоайдар, Родаково и 3-й гвардейской армией в направлении Лутугино, станция Родаково в тыл Ворошиловграду окружить и уничтожить ворошиловградскую группировку противника. Одновременно 6-й и 5-й танковым армиям предстояло нанести вспомогательные удары, которые в сочетании с вспомогательными ударами 1-й и 3-й гвардейских армий должны были привести к расширению фронта прорыва, к окружению и уничтожению дополнительных сил противника. При этом 5-й танковой армии приказывалось нанести ряд ударов в южном направлении, чтобы отрезать кавказскую группировку противника.

После окружения ворошиловградской группировки противника подвижные соединения, действуя попарно и будучи усиленными наиболее подвижными стрелковыми соединениями, получали задачу стремительно развивать успех в западном и юго-западном направлениях, овладеть всем районом Донбасса, выйти на рубеж Купянск, Славянск, Волноваха, полностью отрезая кавказскую группировку противника. При этом учитывалось, что Воронежский фронт своим левым флангом выйдет в район Валуйки, Двуречное, а Южный фронт своим правым флангом – в район Волноваха, Мариуполь, Таганрог. В случае, если Южный фронт не сможет выйти в этот район, намечалось часть сил Юго-Западного фронта повернуть на Таганрог.

Сталин 8 января утвердил план операции Юго-Западного фронта. 11 января он подписал директиву № 30011 Ставки ВГК, которая требовала нанести удар частью сил 5-й танковой армии с севера на юг во фланг противнику, атакующему части 5-й ударной армии^[196]. В подчинение командующего 5-й ударной армией из

состава 5-й танковой армии передавались 40-я гвардейская стрелковая дивизия и 8-я гвардейская танковая бригада.

Тем временем события на фронте развивались следующим образом. 9 января в районе Ильинки в сражение был введен 2-й танковый корпус генерала А.Ф. Попова, а 14 января в районе Шарпаевки (8 км северо-западнее Ильинки) – 23-й танковый корпус генерала Е.Г. Пушкина. В результате сопротивление группы «Холлидт» было сломлено, и 15–19 января войска левого крыла Юго-Западного фронта вышли к Северскому Донцу на участке Нижнее Луганское, Белая Калитва. В центре фронта к Северскому Донцу севернее Ворошиловграда вышел 18-й танковый корпус. Части 4-го гвардейского танкового корпуса во взаимодействии со 183-й танковой бригадой 10-го танкового корпуса генерала В.Г. Буркова овладели Старобельском и Нижней Астраханью. На этом рубеже войска центра и левого крыла фронта, встретив сильное сопротивление противника, вынуждены были временно перейти к обороне. Войска 6-й армии после ввода в сражение 3-го танкового корпуса генерала М.Д. Синенко, прибывшего из резерва Ставки ВГК, к исходу 25 января вышли на подступы к Покровскому. В результате сложились условия для нанесения удара на Мариуполь и окружения донбасской группировки противника.

В ходе наступления командующий и штаб Юго-Западного фронта разработали и 20 января 1943 г. представили в Ставку ВГК уточненный план дальнейших действий^[197]. В документе отмечалось, что к 22 января войска фронта должны выйти на рубеж Покровское, Тарасовка, Старобельск, р. Айдар, р. Северский Донец и овладеть районом Каменск, Лихая, Зверево, Красный Сулин. В этой связи намечалось внести в план дальнейших действий войск фронта

следующие поправки. Во-первых, сильной подвижной группой (3, 10 и 18-й танковые корпуса, три стрелковые дивизии, три истребительно-противотанковых артиллерийских, три гвардейских минометных полка и три артиллерийских полка ПВО, три лыжные бригады) нанести удар с участка Тарасовка (30 км северо-восточнее Сватово), Старобельск в общем направлении на Краматорскую, Артемовск, Сталино (Донецк), Волноваху, Мариуполь с задачей «отрезать всю территорию Донбасса, окружить и уничтожить войска противника на этой территории, забрать всю технику, запасы и прочие богатства на этой территории, не дав противнику ничего вывезти». Во-вторых, группа войск во главе с заместителем командующего войсками фронта генерал-лейтенантом М.М. Поповым должна была наступать в направлении Старобельск, Дебальцево, Макеевка. В-третьих, силами 3-й гвардейской армии нанести удар из района юго-западнее Каменска на Сталино с задачей своей подвижной группой (23-й, 2-й, 2-й гвардейский танковые и 1-й механизированный корпуса) на третий и четвертый день операции выйти на рубеж Дебальцево, Макеевка, Сталино, где соединиться с подвижной группой генерала Попова, окружив и уничтожив все войска противника в Донбассе. В-четвертых, 5-й танковой армии предстояло нанести удар из района западнее Красного Сулина на Волноваху и частью сил на Таганрог. На девятый день операции стрелковые соединения армии должны были овладеть рубежом Кураковка, Волноваха. В-пятых, силами 6-й армии планировалось нанести удар на Купянск и частью сил на Изюм. В-шестых, район Ворошиловграда предполагалось окружить двумя левофланговыми дивизиями 1-й гвардейской армии и двумя правофланговыми дивизиями 3-й гвардейской армии.

Всю операцию генерал Ватутин планировал завершить к 5 февраля, чтобы затем до окончания зимы провести еще одну операцию и выйти на более выгодный рубеж, а именно Ахтырка, Полтава, Переволочна, Днепропетровск, Запорожье, Мелитополь, а при благоприятных условиях захватить также район Каховка, Херсон, Перекоп, Геническ и отрезать Крым. Однако эта операция должна быть тесно увязана с действиями соседних фронтов, особенно с Воронежским фронтом.

Сосредоточение танковых корпусов в район Тарасовка, Старобельск ожидалось к 24 января. В связи с этим, а также из-за задержки переброски стрелковых дивизий и лыжных бригад переход в наступление намечался на 26-27 января. Выход в район Мариуполя предполагалось осуществить в течение семи дней.

В своем резерве командующий Юго-Западным фронтом оставлял 1-й, 4-й гвардейские танковые и 25-й танковый корпуса, но без материальной части. Всего в составе Юго-Западного фронта имелось 362 танка, из них 212 в подвижной группе^[198]. Генерал Ватутин просил утвердить представленный план, дать танки для пополнения полностью двух танковых корпусов, а также усилить фронт тремя полками РС М-13 и одной дивизией РС, одним кавалерийским корпусом. Кроме того, он ходатайствовал о назначении вместо генерала М.М. Попова командующим 5-й танковой армией генерал-майора И.Т. Шлемина, который возглавлял штаб 1-й гвардейской армии.

Сталин утвердил представленный план.

Перед войсками Юго-Западного фронта оборонялась оперативная группа «Фреттер-Пико», со 2 февраля – 1-я танковая армия и часть сил оперативных групп «Ланц» и «Холлидт» группы армий «Дон» (с 13 февраля – «Юг»; генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн). Сюда же

противник из-под Ростова и из Западной Европы в первой декаде января перебросил и включил в состав 1-й танковой армии 3 пехотные, одну моторизованную и 4 танковые дивизии.

29 января в наступление перешла 6-я армия генерал-лейтенанта Ф.М. Харитонова, а на следующий день – 1-я гвардейская армия генерал-лейтенанта В.И. Кузнецова и 3-я гвардейская армия генерал-лейтенанта Д.Д. Лелюшенко. Однако на левом крыле фронта 5-я танковая армия и 8-й кавалерийский корпус втянулись в затяжные бои с подошедшими резервами врага. К этому времени 5-я танковая армия по своему составу уже не отвечала своему назначению, так как почти не отличалась от общевойскового объединения.

С целью развития успеха командующий Юго-Западным фронтом ввел в сражение на стыке 6-й и 1-й гвардейской армий подвижную группу фронта. Наступление войск правого крыла фронта поддерживала авиация 17-й воздушной армии генерал-лейтенанта авиации С.А. Красовского. Подвижная группа фронта силами 3-го и 10-го танковых корпусов вышла к Северскому Донцу и с ходу форсировала его в районе Красного Лимана. В ночь на 2 февраля в сражение был введен 4-й гвардейский танковый корпус. 5 февраля он совместно с соединениями 3-го танкового корпуса освободил Краматорск. Подвижная группа 3-й гвардейской армии, обойдя Ворошиловград с юго-запада и запада, овладела Собошкой (5 км западнее Ворошиловграда) и перерезала железную дорогу, идущую на Сталино. Вражеский гарнизон, опасаясь окружения, стал отходить. Это позволило 14 февраля 18-му стрелковому корпусу 3-й гвардейской армии освободить Ворошиловград. К этому времени 2-й гвардейский танковый корпус овладел Георгиевкой, а 1-й гвардейский механизированный и 23-й танковый корпуса завязали бои за Краснодон.

Противник, упорно обороняясь, начал еще 9 февраля отвод своих войск с нижнего течения Северского Донца на подготовленные позиции на р. Миус. Одновременно из района Ростова в район Константиновка, Красноармейское перебрасывались танковые дивизии. Командующий Юго-Западным фронтом ошибочно воспринял все эти меры как оставление Донбасса и отход врага за Днепр. Исходя из этого, он поставил войскам явно невыполнимые задачи на продолжение стремительного наступления по всему фронту с целью упредить противника в выходе к Днепру. В своем докладе в Ставку ВГК от 9 февраля генерал Ватутин намечал отрезать пути отхода противника западнее Сталино, продолжая одновременно выдвижение на запад и юго-запад своего правого фланга. Кроме того, планировалось срочно подготовить сильную подвижную группу для нанесения более глубокого удара из района Краснопавловка, Лозовая в направлении Павлоград, Синельниково, Запорожье, Мелитополь, чтобы отрезать противника от переправ через Днепр и не допустить его отхода на запад. Одновременно на правом фланге предполагалось выйти в район Полтава, Кременчуг, Днепропетровск и захватить плацдарм на западном берегу р. Днепр на участке Кременчуг, Кривой Рог, Каховка. На левом крыле фронта намечалось после выхода подвижной группы в район Мелитополя быстро усилить ее, стремительно выйти на нижнее течение р. Днепр и захватить плацдарм в Крыму южнее Перекопа и Чонгара [\[199\]](#).

Главную роль в наступлении генерал Ватутин отводил вновь создаваемой подвижной группе фронта. В ее состав включались 1-й гвардейский танковый, 25-й танковый, 1-й гвардейский кавалерийский, 4-й гвардейский стрелковый корпуса, четыре

истребительно-противотанковых артиллерийских полка, одна дивизия ПВО. Командование группой возлагалось на командующего 6-й армией генерал-лейтенанта Ф.М. Харитонов. Она должна была перейти в наступление 17 февраля и к исходу 22 февраля выйти в район Мелитополя.

5-й танковой армии, ввиду ее слабого состава, отводилась вспомогательная роль. Ей предстояло преследовать противника в направлении Каменск, Куйбышево, а затем предполагалось вывести ее в резерв фронта.

Сталин, рассмотрев представленный план, 11 февраля предложил генералу Ватутину «принять другой план – с ограниченными, но более осуществимыми в данный момент задачами». На ближайшее время главным было не допустить отхода противника в сторону Днепропетровска и Запорожья, принять все меры к тому, чтобы зажать донецкую группу противника в Крыму, закупорить проходы через Перекоп и Сиваш и изолировать таким образом ее от остальных войск противника на Украине ^[200].

События, развернувшиеся на фронте, показали нереальность планов генерала Ватутина. 11 февраля 4-й гвардейский танковый корпус возобновил наступление. Он совместно с 9-й гвардейской танковой бригадой освободил Красноармейское. Противник, стремясь любой ценой сохранить занимаемые позиции, в спешном порядке стал подтягивать к этому району новые силы, в том числе моторизованную дивизию «Викинг» и 7-ю танковую дивизию. На рассвете 12 февраля они при поддержке авиации перешли в наступление и после ожесточенных боев 20 февраля снова заняли Красноармейское.

В полосе 3-й гвардейской армии оперативная группа (23-й танковый корпус, 203-я стрелковая дивизия, часть

сил 266-й стрелковой дивизии) под командованием генерала Е.Г. Пушкина заняла 14 февраля Краснодон. Войска 6-й армии, усиленные 115-й танковой бригадой, 127-м и 212-м танковыми полками, 17 февраля вышли на рубеж Красноград, Новомосковск, а 1-я гвардейская армия освободила Павлоград.

В тот же день, 17 февраля, генерал-полковник Н.Ф. Ватутин представил И.В. Сталину доклад № 128 плана операции, доработанный в соответствии с указаниями Верховного Главнокомандующего от 11 февраля^[201]. Но этому плану не суждено было воплотиться на практике. С утра 19 февраля противник перешел в контрнаступление против войск правого крыла Юго-Западного фронта, которые были вынуждены перейти к обороне. Для развития наступления 6-й армии генерал Ватутин ввел в сражение 1-й гвардейский танковый и 25-й танковые корпуса, прибывшие в район Павлограда из резерва Ставки ВГК. 1-й гвардейский танковый корпус главными силами 20 февраля овладел Хорошевым (10 км северо-западнее Синельниково) и развернул наступление на Днепропетровск, а его 16-я гвардейская танковая бригада совместно с 267-й стрелковой дивизией 6-й армии заняла Новомосковск. Однако в ночь на 20 февраля 2-й танковый корпус СС из района Краснограда нанес удар в южном направлении, прошел по тылам 6-й армии и овладел Павлоградом. Утром 22 февраля из района Чаплино на Павлоград в наступление перешел 48-й танковый корпус противника. К этому времени части 25-го танкового корпуса вышли в район, находившийся в 10-12 км северо-восточнее Запорожья. На этом наступательные возможности 1-го гвардейского и 25-го танковых корпусов были исчерпаны. Они, испытывая недостаток в горючем и боеприпасах, вынуждены были отойти за р. Северский Донец.

Части 2-го и 2-го гвардейского танковых корпусов, продвигаясь в юго-западном направлении, утром 21 февраля вышли в район Штеровки. Здесь они встретили упорное сопротивление противника, в том числе 17-й танковой дивизии, переброшенной из района Ростова. 23-й танковый корпус нанес удар в юго-западном направлении, овладел Ровеньками и 24 февраля подошел к Красному Лучу. В связи с тем, что в корпусах осталось мало исправных танков, они с подходом стрелковых дивизий были выведены в резерв фронта. Подвижная группа Юго-Западного фронта также оказалась в тяжелом положении, имея к 21 февраля всего 40 исправных танков. Противник же, перебросив 6-ю танковую и несколько пехотных дивизий, утром 22 февраля после мощной авиационной подготовки перешел в наступление и к началу марта оттеснил подвижную группу на левый берег Северского Донца.

В ходе Миллерово-Ворошиловградской операции войска Юго-Западного фронта нанесли поражение основным силам 1-й танковой армии противника, отбросили ее на 120–250 км, освободили северную часть Донбасса, вышли к днепровским переправам в районах Запорожья и Днепропетровска, создав серьезную угрозу флангу и тылу донбасской группировки врага. Однако полностью выполнить поставленные задачи войска фронта не смогли. Основными причинами незавершенности операции «Скачок» явились: просчеты командующего фронтом в оценке обстановки; большие потери и отсутствие резервов; отставание тылов (до 300 км), аэродромов базирования фронтовой авиации. Потери фронта, насчитывавшего к началу операции почти 265,2 тыс. человек, составили: безвозвратные – 38 049 и санитарные – 63 684 человека^[202], или 38,3 % от численности войск фронта.

После завершения Миллерово-Ворошиловградской операции войска 5-й танковой армии перешли к обороне на р. Миус в районе Красного Луча. 18 апреля 1943 г. была издана директива № 46117 Ставки ВГК о переименовании с 24 часов 20 апреля 5-й танковой армии в 12-ю армию [\[203\]](#). Она, как и 3-я танковая армия, просуществовала почти 11 месяцев. И, как в случае с этой армией, причиной переименования 5-й танковой армии было то, что по своему составу она уже не соответствовала своему названию и к этому времени было решено формировать танковые армии однородного состава. О том, как они создавались и применялись, мы расскажем в следующем разделе.

Раздел второй. Гвардейские танковые армии

Танковый план Сталина

И.В. Сталин, при всех своих недостатках, отличался здравым суждением и умением быстро оценивать обстановку. Мы помним, что 3 сентября 1942 г. он заявил, что «ничего с танковыми армиями не получилось». Еще продолжали действовать 3, 4 и 5-я танковые армии, но Иосиф Виссарионович уже уловил суть процесса – танковые армии смешанного состава себя не оправдывают. А потому, стремясь иметь в своем распоряжении, как Верховный Главнокомандующий, мощные подвижные соединения и объединения, Сталин 20 декабря 1942 г. дал указание заместителю командующего бронетанковыми войсками Красной Армии по политической части генералу Н.И. Бирюкову разработать и представить для утверждения предложения о сформировании к концу мая 1943 г. 20 механизированных корпусов и двух-трех механизированных армий. В каждой армии намечалось иметь два механизированных, один танковый корпус и средства усиления^[204].

Как видим, речь пока шла о механизированных армиях. При этом, в отличие от танковых армий смешанного состава, предусматривалось создать совершенно иное оперативное объединение – армию, состоявшую из подвижных соединений без стрелковых дивизий. Данная структура существенно упрощала и облегчала управление, снабжение и техническое обслуживание новых объединений и, следовательно, способствовала повышению искусства их боевого применения.

На этом сталинская мысль не остановилась. 19 января 1943 г. генерал Бирюков получает новое задание по расчету танков в танковой армии в двух

вариантах^[205]. Теперь Сталин остановился на ином объединении – танковом. По первому варианту в состав танковой армии должны были входить два танковых корпуса по 161 танку в каждом. Всего в армии 322 танка плюс 5 боевых машин для управления армией. По второму варианту в армии предполагалось иметь один механизированный корпус (219 танков, в том числе 163 Т-34 и 56 Т-70) и два танковых корпуса (в каждом 208 танков, в том числе 131 Т-34 и 77 Т-70). Всего в армии 640 танков (430 Т-34 и 210 Т-70).

Второй вариант больше всего устроил Сталина. Поэтому 23 января он принял решение иметь в танковой армии два танковых и один механизированный корпус. Но речь шла не об одной или двух армиях, генералу Бирюкову было приказано подготовить расчеты и проект постановления ГКО по формированию 12–15 танковых армий^[206]. Это, если бы удалось претворить в жизнь такой план, стало бы всесокрушающим оружием в руках Советского Верховного Главнокомандования! Однако расчеты, проведенные в Главном бронетанковом управлении, показали нереальность такого плана. Для формирования только 10 танковых армий требовалось иметь 20 танковых и 10 механизированных корпусов, 6400 танков (из них Т-34 – 4300 и Т-70 – 2100). По расчетам, с 1 января по 1 июля 1943 г. ожидалось следующее количество танков, бронетранспортеров и бронеавтомобилей.

На фронтах на 1 января 1942 г. имелось всего 2810 танков. В 1942 г. фронты получили 24014 танков, а в январе 1943 г. – 1924 боевые машины. Всего на 1 февраля 1943 г. во фронтах должно было находиться 28743 танков, а имелось лишь 10850. Следовательно, потери составляли 17898 танков, или 62 %^[207]. Генерал Бирюков, учитывая это, пришел к выводу, что при сохранении такого уровня потерь танковые армии скоро

утратят свои боевые преимущества над противником, что грозило самыми пагубными последствиями. Если же изъять из общевойсковых армий 6400 танков для формирования 10 танковых армий, то войска могли остаться без подвижных частей и соединений.

Не все благополучно обстояло и с танковыми и механизированными корпусами, которые можно было включить в состав танковых армий. Вместо 20 набиралось 10 танковых корпусов, а вместо 10 механизированных корпусов лишь 6.

Однако задание Сталина никто не осмеливался оспаривать. 28 января 1943 г. на основе предложений Главного автобронетанкового управления Государственный Комитет Оборона принял постановление № ГОКО-2791сс «О сформировании десяти танковых армий» в феврале – июне 1943 г. (см. приложение 7)^[208].

В танковую армию должны были входить:

- боевые части: управление армии; два танковых и один механизированный корпус, зенитная дивизия, мотоциклетный, истребительно-противотанковый, гаубичный артиллерийский, гвардейский минометный полки, авиационный полк связи У-2;

- части обслуживания: полк связи, автомобильный полк, инженерный, два ремонтно-восстановительных батальона (один танковый, один автомобильный);

- тыловые учреждения: политотдел танковых частей, редакция и типография, рота охраны полевого управления армии, рота Особого отдела НКВД (без одного взвода), штабная авторота, управления военного коменданта станции снабжения и полевой армейской базы, рота обслуживания полевой армейской базы, полевой артиллерийский склад, склады бронетанкового, автомобильного имущества, ГСМ, военно-технического снабжения, продовольственный,

вещевой, санитарный склады, артиллерийская мастерская, армейские мастерские по ремонту средств связи и ремонту вещевого имущества, эвакуационная и обмывочно-дезинфекционная роты, сборный пункт аварийных машин, полевые автохлебозавод и подвижной хирургический госпиталь, автосанитарный взвод, санитарно-эпидемический и полевой прачечный отряды, полевая почтовая станция, военно-почтовая база, полевая касса Госбанка, военторг-база, отделение полевой связи.

В танковой армии намечалось иметь 430 танков Т-34 и 210 танков Т-70, а всего 640 танков. Общая численность армии – 46 121 человек.

Формирование танковых армий возлагалось на Военный совет бронетанковых и механизированных войск Красной Армии, а десяти армейских управлений – на начальника Генерального штаба Красной Армии. Начальнику Главного управления формирования и укомплектования войск Красной Армии и командующему бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии поручалось пересмотреть части обслуживания и тыловые учреждения для танковых армий в сторону их соответствующего сокращения.

Сроки готовности для танковых армий устанавливались: в марте – две танковые армии, в апреле – три, в мае – три и в июне – две танковые армии.

С этой целью командующему бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии поручалось сформировать для танковых армий:

– 10 танковых корпусов: в каждом – управление корпуса, три танковые и одна мотострелковая бригады, минометный, самоходный артиллерийский полки, гвардейский минометный дивизион, бронеавтомобильный, мотоциклетный и саперный

батальоны, батальон связи, рота подвоза ГСМ, подвижные ремонтные базы (танковая и колесная), общая численность корпуса 9667 человек;

- 10 механизированных корпусов: в каждом – управление корпуса, три механизированные и одна танковая бригады, минометный, самоходный артиллерийский полки, гвардейский минометный дивизион, мотоциклетный, саперный, медико-санитарный батальоны, батальон связи, рота подвоза ГСМ, ремонтно-восстановительный батальон, полевой хлебозавод, полевая касса Госбанка, полевая почтовая станция, общая численность корпуса 15 740 человек;

- доукомплектовать 10 танковых корпусов, выводимых с фронтов, и включить их по одному в каждую танковую армию;

- на формирование танковых армий вывести с фронтов: 10 танковых корпусов, 45 танковых бригад, 15 танковых полков и 15 танковых батальонов.

Начальнику Главного управления формирования и укомплектования войск Красной Армии предписывалось сформировать для механизированных и танковых корпусов 30 механизированных бригад без танковых полков, 10 мотострелковых бригад, 40 мотострелковых, 30 саперных, 10 инженерных, 10 медико-санитарных батальонов, 20 полевых хлебозаводов, а также доукомплектовать 10 мотострелковых бригад и 30 мотострелковых батальонов. Механизированные и мотострелковые бригады следовало развернуть на базе стрелковых дивизий и стрелковых бригад, для чего в феврале – марте вывести с Карельского, Северо-Западного, Западного, Донского, Закавказского и Забайкальского фронтов, Дальневосточного военного округа и 7-й армии 10 стрелковых дивизий и 10 стрелковых бригад.

Начальник инженерных войск Красной Армии должен был передать Главупраформу к 10 февраля

1943 г. на укомплектование инженерных и саперных частей танковых и механизированных корпусов инженерные части численностью 15 200 человек, а начальник Генштаба Красной Армии и командующие фронтами - на укомплектование танковых и механизированных корпусов 25 500 человек из личного состава укрепрайонов.

Командующий артиллерией Красной Армии обязывался сформировать для танковых армий 10 зенитных дивизий в составе четырех зенитных артиллерийских полков каждая, 30 минометных, 30 самоходных артиллерийских, 20 истребительно-противотанковых артиллерийских, 10 гаубичных артиллерийских полков, а также доукомплектовать 70 истребительных противотанковых батарей.

Командующий гвардейскими минометными частями должен был сформировать 10 гвардейских минометных полков М-13 и 30 гвардейских минометных дивизионов М-13, командующий Военно-воздушными силами - 10 авиационных полков связи У-2, а начальник тыла Красной Армии - 10 автомобильных полков подвоза.

От начальника Главного управления кадров наркомата обороны, начальника Главного политического управления Красной Армии, командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии и начальников Главных управлений НКО требовалось полностью укомплектовать формируемые танковые армии за 25 дней до срока готовности лучшим, с боевым опытом командным и начальствующим составом своего рода войск и служб.

Начальник Главного артиллерийского управления Красной Армии должен был обеспечить формируемые танковые армии, танковые и механизированные корпуса артиллерийским и стрелковым вооружением, а начальники Главных управлений НКО - всеми видами

матчасти и имуществом в соответствии со сроками передачи сформированных частей командующему Бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии. Для формирования танковых армий требовалось 15 082 автомобиля и специальных машин.

Таким образом, постановление ГКО от 28 января 1943 г. предусматривало проведение в жизнь грандиозной программы – создание 10, а в перспективе 12 танковых армий. Однако эта программа не соответствовал возможностям того времени. Поэтому в 1943 г. были сформированы только пять танковых армий:

- по директиве № 46002 Ставки ВГК от 10 января 1943 г. – 2-я танковая армия;
- по директиве № 46021 Ставки ВГК от 30 января 1943 г. – 1-я танковая армия;
- по директиве НКО № 1124821 от 22 февраля 1943 г. – 5-я гвардейская танковая армия;
- по приказу № 46174 Ставки ВГК от 14 мая 1943 г. – 3-я гвардейская танковая армия;
- по приказу № 46194 Ставки ВГК от 26 июня 1943 г. – 4-я танковая армия.

20 января 1944 г. был издан приказ № 302001 Ставки ВГК о формировании еще одной – 6-й танковой армии.

По воспоминаниям генерала Н.И. Бирюкова, 14-16 октября 1944 г. было проведено совещание с участием командующих танковыми армиями. На совещании генерал П.С. Рыбалко поставил вопрос о создании «групп танковых армий под руководством командующего БТ и МВ фронта или одного танкового командарма»^[209]. Однако это предложение не нашло поддержки в Ставке ВГК.

Несмотря на то что постановление ГКО предусматривало формирование танковых армий

однородного состава, первые две армии (1-я и 2-я) были смешанного состава, как и армии, которые формировались в 1942 г. Позже в организационно-штатную структуру танковых армий вносились некоторые изменения, издавались директивы и приказы, касающиеся вопросов их боевого применения.

На практике состав танковых армий был неодинаковым, так как он определялся директивами (приказами) на их формирование, а также имевшимися силами и средствами. В 64 наступательных операциях, проведенных танковыми армиями однородного состава, в 32 случаях они действовали в двухкорпусном составе. Только одна танковая армия (3-я гвардейская) в ходе всей войны имела три корпуса (два танковых и один механизированный). Двухкорпусная организация танковой армии не полностью отвечала сложившимся к 1943 г. принципам ее применения. К концу войны такая организация практически изжила себя, и почти все танковые армии стали иметь по три корпуса.

В некоторых наступательных операциях командующие фронтами для более успешного решения поставленных танковым армиям боевых задач временно включали в их состав дополнительно один-два корпуса. Так, в состав 4-й танковой армии (трехкорпусного состава) в Орловской операции были включены два танковых корпуса, в 5-ю гвардейскую танковую армию (трехкорпусного состава) в Криворожской и Кировоградской операциях – механизированный корпус.

Кроме корпусов в состав танковых армий входили отдельные танковые (механизированные) бригады и танковые полки. В оперативном построении танковых армий они обычно составляли резерв, используемый в ходе операции для развития успеха, усиления корпусов, обеспечения флангов, действий в качестве передового отряда армии и парирования неожиданных ударов.

7 мая 1943 г. вышло постановление № ГОКО-3309сс, которое обязывало командующего БТ и МВ Красной Армии прекратить с 8 мая формирование новых танковых батальонов, полков, танковых и механизированных бригад, танковых и механизированных дивизий корпусов и танковых армий. Пополнение танковых и механизированных частей и соединений на фронте требовалось производить маршевыми ротами.

30 января 1943 г. ГКО принимает постановление «Об обеспечении танковых армий гвардейскими минометными частями». 10 апреля издается приказ наркома обороны о включении в состав танковых армий двух истребительно-противотанковых артиллерийских (по 20 76-мм пушек), двух минометных (по 36 120-мм минометов), двух самоходных артиллерийских (по 9 СУ-76 и 12 СУ-122) полков и гвардейского минометного полка (реактивной артиллерии) – 24 боевые установки М-13. В начале 1944 г. в состав танковой армии вводятся самоходная артиллерийская, легкая артиллерийская бригады (48 76-мм и 20 100-мм пушек), а затем истребительно-противотанковая артиллерийская (72 орудия) бригады и гвардейский минометный полк (24 БМ-13). Кроме того, в двух танковых и механизированном корпусах было свыше 500 орудий и минометов. Несмотря на издание ряда приказов, танковые армии к 1944 г. не получили полностью всех положенных им артиллерийских частей, кроме гвардейского минометного полка. Поэтому приходилось придавать им на усиление 1–2 истребительно-противотанковых артиллерийских, 1–3 гвардейских минометных полка, а иногда и другие артиллерийские части.

Возможности средств ПВО танковой армии были сравнительно ограниченными. Они первоначально имели один-два зенитно-артиллерийских полка (в полку

по 16 37-мм зенитных пушек и 16 12,7-мм зенитных пулеметов), что позволяло прикрыть лишь армейские пункты управления. Согласно приказу наркома обороны от 10 апреля 1943 г. в состав танковых армий были включены два зенитных артиллерийских полка (по 16 37-мм пушек и 16 ДШК). С середины этого года армия стала получать на усиление зенитную артиллерийскую дивизию РВГК четырехполкового состава (64 зенитных орудия, в том числе 16 85-мм и 64 12,7-мм пулемета). Дивизия могла прикрыть войска на площади 63 кв. км (9 км по фронту и 7 км в глубину) с плотностью 1,5 орудия на 1 кв. км. С учетом зенитных артиллерийских полков корпусов это обеспечивало прикрытие главной группировки войск вне движения. С началом же наступления, а также при перегруппировках эффективность зенитно-артиллерийского прикрытия резко снижалась вследствие недостаточной проходимости колесных машин зенитной артиллерии. Поэтому основные задачи по противовоздушной обороне танковых армий, особенно в ходе боевых действий, выполняла истребительная авиация. Количество выделяемых для этой цели истребительных авиационных соединений постоянно увеличивалось. Если в Белгородско-Харьковской операции 1-ю и 5-ю гвардейскую танковые армии прикрывали две истребительные авиационные дивизии, то в Белорусской операции прикрытие 5-й гвардейской танковой армии на отдельных этапах обеспечивалось силами до двух истребительных авиационных корпусов.

Из разведывательных частей танковые армии имели мотоциклетный полк, а некоторые из них и мотоциклетный или бронеавтомобильный батальон. К ведению разведки также привлекались мотоциклетные батальоны корпусов, роты (взводы) разведки механизированных (танковых) бригад. Из состава мотоциклетного полка, как правило, выделялись 1-2

разведывательных отряда (полоса ведения разведки 5–6 км, глубина до 50 км), а также несколько разведывательных групп и групп глубинной разведки. Мотоциклетные батальоны корпусов первого эшелона формировали 2–3 разведывательные группы (полоса ведения разведки 1,5–2 км, глубина 25–30 км). Из рот и взводов разведки бригад назначались разведывательные дозоры (полоса разведки – до 1,5 км, глубина – 10–15 км). Всего в танковой армии создавались 1–2 разведывательных отряда, 8–11 разведывательных групп, 17–20 разведывательных дозоров, 2–3 группы глубинной разведки. Они способны были решать задачи в полосе наступления армии и на ее флангах на глубину 25–30 км, что ограничивалось главным образом возможностями по дальности средств связи. Данными о противнике, находящемся на удалении 100–300 км и более, обеспечивала фронтовая авиация. Передача с середины 1944 г. в оперативное подчинение командующим танковыми армиями части авиационных средств фронта способствовала, наряду с поддержкой действий наземных войск, более эффективному сбору сведений о противнике. Для ведения разведки использовались и самолеты связи ПО-2 армейского полка связи.

Обеспеченность танковых армий инженерными силами и средствами была невысокой. Они, как правило, один-три инженерных или саперных батальона, а в корпусах – саперный батальон. Несколько возросли возможности армий с середины 1944 г., когда в их составе были сформированы моторизованные инженерные бригады (два моторизованных инженерных, один понтонно-мостовой батальон). В результате плотность инженерных войск возросла в два-три раза. Кроме того, армия имела штатный понтонный батальон с парком Н2П, который позволял оборудовать мост грузоподъемностью 16 т и

длиной 120 м или грузоподъемностью 60 т и длиной 50–60 м либо два паромы такой же грузоподъемности. На десантных лодках можно было перевезти одним рейсом 1,3–1,5 тыс. человек. В ряде случаев армия получала на усиление инженерно-танковый полк (22 танка Т-34 и 18 тралов), понтонно-инженерную бригаду или мотопонтонный мостовой полк. И все же в большинстве наступательных операций танковые армии нуждались в усилении инженерными войсками, и прежде всего тяжелыми понтонно-мостовыми частями.

Из автотранспортных частей и подразделений танковые армии имели по два-четыре автотранспортных батальона, по две-три автороты подвоза ГСМ (по количеству корпусов), а с 1945 г. по одному автотранспортному полку. Танковый (механизированный) корпус располагал ротой подвоза ГСМ. По типовому составу в армии насчитывалось: грузовых автомашин – 4380–5000, специальных – 465–740, легковых – 163–236^[210]. Такое количество должно было полностью удовлетворить потребности войск в материальных средствах. Однако армии имели не более 70–80 % автотранспорта от штатной потребности, что усложняло выполнение этой задачи^[211]. Еще хуже положение было с тракторами, которые боевым соединениям и частям почти не выделялись.

Из ремонтных и эвакуационных частей и подразделений танковые армии располагали двумя ремонтно-восстановительными батальонами, двумя-тремя эвакуаторными ротами и одним-двумя сборными пунктами аварийных машин. В танковом (механизированном) корпусе имелись танкоремонтная и подвижная авторемонтная базы, в танковой (механизированной) бригаде – рота технического обеспечения. С учетом войсковых ремонтных средств

танковые армии выполняли 85 % всех средних ремонтов^[212].

Танковые корпуса, входившие в состав армии, к началу 1944 г. имели по штату три танковые бригады (по 65 танков в каждой) и мотострелковую бригаду, три самоходных артиллерийских полка (СУ-152 – 12, СУ-122 – 16, СУ-76 – 21), минометный и зенитно-артиллерийский полки и другие части и подразделения. Всего в корпусе насчитывалось около 11 тыс. человек, 209 танков (КВ – 1, Т-34 – 208), 49 САУ, 152 орудия и миномета, 8 установок БМ-13 и 1295 автомашин. Механизированный корпус состоял из трех механизированных и одной танковой бригад, трех самоходных артиллерийских, минометного и зенитно-артиллерийского полков и других частей и подразделений. Корпус по штату имел более 16 тыс. человек, 197 танков (Т-34 – 176, Т-70 – 21), 49 САУ, 252 орудия и миномета, 8 установок БМ-13, 1835 автомашин^[213].

В целом развитие организационно-штатной структуры танковых армий в 1943-1945 гг. было направлено на увеличение огневой мощи, ударной силы, подвижности и маневренности танковых армий. По типовому штату танковая армия однородного состава имела около 800 танков и САУ. Однако боевой состав танковых армий не был постоянным, он зависел от ряда факторов, в том числе от обстановки и стоящих задач. Численность личного состава танковой армии чаще всего составляла 43-50 тыс. человек. Она имела 550-700 танков и САУ, а иногда и более. В конце войны танковая армия трехкорпусного состава, как правило, насчитывала свыше 50 тыс. человек, 850-920 танков и САУ, около 800 орудий и минометов, более 5 тыс. автомобилей^[214].

В своем труде «Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой

Отечественной войны» генерал армии А.И. Радзиевский приводит таблицу роста численности личного состава, вооружения и боевой техники танковых армий в годы войны, которой мы воспользуемся. Средние данные приведены по опыту 40 армейских наступательных операций.

Анализ таблицы показывает, что состав танковых армий с 1942 по 1945 г. увеличился примерно на одну треть по личному составу, примерно в два раза по танкам и САУ и в четыре раза по артиллерии. По сравнению с танковыми армиями смешанного состава армии однородного состава обладали большей ударной силой и огневой мощностью, а также мобильностью из-за отсутствия немоторизованных соединений. Значительно возросли и возможности по обеспечению боевых действий. Наличие отдельных танковых и самоходных артиллерийских бригад позволяло иметь сильный подвижный танковый резерв либо при необходимости быстро выделять передовой отряд.

Танковые армии, являясь мощным средством Ставки ВГК, предназначались для усиления фронтов, наносивших главные удары. Их предусматривалось использовать преимущественно для развития оперативного успеха в наступательных операциях. Не исключалось применение их и в обороне. Исходя из запаса хода по горючему танков и САУ (130-450 км), армия могла вести наступление с одной заправкой и дополнительными баками на глубину 150-250 км. Армия, насчитывая 550-700 танков и САУ, могла нанести поражение танковому корпусу противника, насчитывавшему 200-500 танков и штурмовых орудий. Наличие в армии до 850 орудий и минометов позволяло создавать среднюю плотность на направлении главного удара до 50-80 орудий и минометов на 1 км фронта. Артиллерия армии была способна осуществлять поддержку атаки танков и мотопехоты на глубину 4-

8 км. В целом артиллерийские возможности танковой армии обеспечивали успешные ее действия в качестве подвижной группы фронта.

Танковые и механизированные корпуса, являясь оперативно-тактическими соединениями, могли самостоятельно решать различные задачи: развивать успех в оперативной глубине, преследовать отходящего противника, захватывать важные рубежи и объекты, наступать против поспешно перешедшего к обороне противника, вести борьбу с его танковыми и моторизованными соединениями. При усилении стрелковыми соединениями, гаубичной и тяжелой артиллерией, тяжелыми танками и инженерными частями они, кроме того, могли решать задачи прорыва обороны, подготовленной в полевых условиях. С учетом боевой напряженности, обеспеченности горючим, боеприпасами и характера действий эти корпуса могли непрерывно наступать в течение 5–6 суток с темпом 50–60 км и более, находясь в отрыве от главных сил армии на удалении 30–40 км.

Отдельная танковая бригада (три танковых батальона, моторизованный батальон автоматчиков и другие подразделения), имея 65 танков Т-34, составляла, как правило, резерв командующего армией. Она часто действовала в качестве армейского передового отряда. Отдельная самоходная артиллерийская бригада (65 САУ) чаще всего выделялась в резерв командующего армией.

Танковая армия могла быть усилена отдельными танковыми полками (21–35 танков), тяжелыми танковыми полками (21 танк КВ), самоходными артиллерийскими полками (16–20 СУ-85, СУ-100, СУ-122) [215]. Они, как правило, придавались корпусам, действовавшим на главном направлении.

В ходе войны совершенствовались структура и техническое оснащение органов управления с учетом боевого опыта и роста экономических возможностей страны.

Первый штат полевого управления танковой армии был утвержден Ставкой ВГК в феврале 1943 г. По своей структуре оно было почти аналогично полковому управлению общевойсковой армии и танковых армий смешанного состава. Вместе с тем предстоящий характер действий танковых армий предопределил при их создании ряд особенностей состава органов управления. В частности, они были несколько подвижнее общевойсковых и танковых армий смешанного состава, имея на 15–20 % меньше личного состава. Кроме того, в составе полевого управления отсутствовало управление командующего БТ и МВ армии. В 1944–1945 гг. личный состав штаба был сокращен со 103 до 88 человек главным образом за счет лиц, не связанных непосредственно с руководством войсками. Удельный вес подразделений обеспечения и обслуживания снизился с 40 до 21 %. Укомплектованность штаба, по опыту 1, 3 и 4-й танковых армий, стала составлять 100 % и более вместо 60–65 % в 1943 г. [\[216\]](#).

Для бесперебойного управления войсками танковые армии имели отдельный полк связи (10–15 радиостанций, в том числе 3–4 большой мощности, 18 телеграфных аппаратов), две отдельные кабельно-шестовые роты, одну отдельную телеграфно-строительную роту или отдельную телеграфно-эксплуатационную роту. С середины 1943 г. танковой армии, как правило, придавался линейно-кабельный батальон, что расширило возможности использования проводных средств. В некоторых операциях танковые армии усиливались отдельными кабельно-шестовой и

телеграфно-строительными ротами, линейным батальоном и батальоном связи ВЧ. Они также получили авиационный полк связи (32 самолета По-2). В целом танковые армии достаточно хорошо были оснащены радиосредствами, подвижными и проводными средствами связи. Однако при ведении боевых действий в горно-лесистых районах (Трансильванские Альпы, районы юго-западнее и западнее Вены, горный хребет Большой Хинган) ощущалась необходимость в усилении танковых армий более мощными радиостанциями.

При формировании танковых армий на руководящие должности были назначены хорошо подготовленные в военном отношении генералы и офицеры, имевшие значительный боевой опыт (см. заключение). Несколько сложнее обстояло дело с комплектованием штабов и отделов полевых управлений армий. В результате нехватки кадров часть штабов и отделов укомплектовывалась в 1943 г. не полностью, нередко офицерами, не имевшими высшего военного образования, ранее не работавшими в армейском звене. В последующем степень укомплектованности органов управления танковых армий значительно возросла, достигая, как правило, к началу операции 100 %. Более того, с середины 1944 г. создавался резерв офицерского состава до 10 % штатной численности с целью восполнения потерь в ходе операции. Одновременно возросло количество офицеров штабов и отделов, имеющих высшее военное образование. Если в 1943 г. они составляли всего 15-18 %, то в 1945 г. – 40-45 %, а с учетом переподготовки на курсах при академиях – до 55 %^[217].

В 1943-1944 гг., как и в предыдущие годы, большое внимание уделялось изучению опыта боевого применения танковых и механизированных частей и соединений и доведению его до войск.

Как уже говорилось, 16 октября 1942 г. был издан приказ № 325 наркома обороны «О боевом применении танковых и механизированных частей и соединений». Он был положен в основу их действий в наступательных и оборонительных операциях, проводившихся с ноября 1942 г.

Кроме того, командиры и штабы танковых армий руководствовались и другими документами. Так, 20 декабря 1943 г. командующим бронетанковыми и механизированными войсками фронтов, командующим танковыми армиями, командирам танковых и механизированных корпусов были направлены указания штаба Бронетанковых и механизированных войск Красной Армии № 1106651 по организации взаимодействия танковых и механизированных войск с авиацией и артиллерией по опыту Белорусского фронта (приложение № 8)^[218]. Их суть сводилась к тому, чтобы вызов и перенацеливание авиации в полете осуществлялись с наблюдательного пункта командира танкового корпуса через радиостанцию офицера связи авиационного штаба. При организации взаимодействия с артиллерией рекомендовалось, чтобы управление огнем по заявкам танковых бригад осуществлялось через штаб поддерживающей артиллерийской дивизии, а вызов огня в интересах всего танкового корпуса по наиболее важным объектам – из штаба артиллерии танкового корпуса через штаб артиллерийского корпуса.

24 января 1944 г. издается директива штаба Бронетанковых и механизированных войск Красной Армии № 481509с о недочетах в боевых действиях танковых войск и мероприятиях по их устранению (см. приложение № 9)^[219]. К основным недостаткам в подготовке личного состава и частей в целом, а также в организации взаимодействия и боевых действий на

поле боя относились: недостаточное знание офицерским составом частей и штабов организации частей противника и способов его борьбы с танками; слабое ведение разведки противника и местности, особенно командирами рот и взводов; неконкретная постановка задач танковым экипажам; назначение исходных позиций танковым частям в 700–800 м от переднего края противника (вместо установленных 1–3 км) и их занятие в светлое время суток, что позволяло противнику обнаружить сосредоточение танковых частей и соединений; недостаточная подготовка механиков-водителей в вождении танков по незнакомой и изобилующей препятствиями местности; плохая организация наблюдения за полем боя и эвакуации подбитых и аварийных танков. С целью устранения этих недостатков предписывалось: до 1 марта 1944 г. всему офицерскому составу изучить организацию войск противника, тактико-технические данные его танков, противотанковых средств и методы их борьбы; обратить особое внимание на организацию и ведение разведки перед боем и в ходе боя; отработать боевые порядки и сигналы управления танковыми частями; обратить особое внимание на скрытность сосредоточения танков на исходных позициях; тренировать экипажи в ведении наблюдения за полем боя из танка, ведении огня с ходу, коротких остановок и вождении танков по резко пересеченной местности; обеспечить своевременную эвакуацию и восстановление подбитых и аварийных танков.

С учетом накопленного опыта был разработан «Боевой устав бронетанковых и механизированных войск Красной Армии» в двух частях. Он был подписан 13 февраля 1944 г. И.В. Сталиным и введен в действие соответствующим приказом наркома обороны. Первая часть устава касалась боевого применения танка, танкового взвода и роты, а вторая часть – батальона,

полка и бригады. Требования устава предписывалось применять, строго сообразуясь с обстановкой. При этом каждому начальнику и бойцу предоставлялась самостоятельность в выполнении поставленной задачи. С вводом в действие нового устава был отменен «Устав бронетанковых войск РККА, часть первая (УТВ-1-38 г.)».

Итак, начнем свой рассказ о 1-й гвардейской танковой армии.

Первая гвардейская танковая армия

В соответствии с постановлением № ГОКО-2791сс от 28 января 1943 г. И.В. Сталин и Маршал Советского Союза Г.К. Жуков 30 января подписали директиву № 46021 Ставки ВГК о формировании к 8 февраля 1-й танковой армии, назначении командующим армией генерал-лейтенанта танковых войск М. Е. Катукова, членом Военного совета армии – генерал-майора Н.К. Попеля, начальником штаба армии – генерал-майора Н.С. Дронова. На укомплектование армии предписывалось обратиться к полковому управлению 29-й армии с частями обеспечения и тыловыми учреждениями, переименовав это управление в управление 1-й танковой армии. В ее состав включались: 3-й механизированный и 6-й танковый корпуса; 112-я танковая бригада; две стрелковые и одна зенитная дивизия; четыре лыжные бригады; 62, 63, 64 и 7-й отдельные танковые, гаубичный артиллерийский, два истребительно-противотанковых артиллерийских полка; минометный полк РГК; авиаполк связи У-2^[220]. Для пополнения 3-го механизированного и 6-го танкового корпусов направлялись танки, 7,5 тыс. человек, 550 автомашин, по одному минометному полку, по одному отдельному батальону связи, а для 6-го танкового корпуса – дополнительно два гвардейских минометных полка, отдельный гвардейский минометный дивизион и саперный батальон. Всем начальникам главных управлений НКО предписывалось обеспечить формируемые части вооружением, материальной частью и всеми видами имущества, а также выделить специалистов по каждому роду войск.

Как видно, боевой состав новой танковой армии по-прежнему был смешанным. Армия сосредоточивалась в

районе Осташкова. Ее формирование осуществлялось медленно, так как снежное бездорожье затруднило прибытие частей и соединений. Кроме того, в районе формирования не было ни горючего, ни боеприпасов, ни продовольствия, ни фуража. Плечо подвоза – от пункта формирования до ближайшей базы снабжения – составляло 250 км. Начальник штаба генерал Н.С. Дронов и его ближайшие помощники слабо разбирались в специфике танковых соединений, а поэтому нередко возникали неувязки. Поэтому генерал М.Е. Катукوف срочно отозвал из 3-го механизированного корпуса своего боевого соратника М.Т. Никитина и назначил его начальником оперативного отдела штаба армии. Это позволило потихоньку нормализовать работу штаба армии. Вскоре по просьбе командарма по решению маршала Жукова на должность начальника штаба армии был назначен начальник штаба 22-й армии генерал-майор М.А. Шалин.

Несмотря на все трудности, к 17 февраля формирование 1-й танковой армии было завершено. По директиве № 30039 Ставки ВГК от 6 февраля 1943 г. ее намечалось включить в состав Особой группы войск генерала М.С. Хозина Северо-Западного фронта и использовать для разгрома ленинградско-волховской группировки противника^[221]. Однако наступление войск фронта, начатое 15 февраля, к успеху не привело. 1-й танковой армии так и не довелось принять участие в Демянской операции (кодовое наименование «Полярная звезда»). 23 февраля армия была выведена в резерв Ставки ВГК.

Вскоре 1-я танковая армия получила новую задачу. Согласно директиве № 30072 Ставки ВГК от 11 марта она перебрасывалась в район Обояни и с 13 марта вместе с 21-й армией передавалась в подчинение командующего Воронежским фронтом^[222]. Но уже 21

марта по директиве № 30079 Ставки ВГК 1-я танковая армия была передана в резерв представителя Ставки Маршала Советского Союза Г.К. Жукова. Ему разрешалось использовать армию на Воронежском фронте по своему усмотрению – в полном составе или по частям^[223].

Пока шло сосредоточение 1-й танковой армии в районе Обояни, войска Воронежского фронта, отойдя в ходе оборонительных сражений на 100–150 км, остановили 25 марта противника на рубеже Краснополье, Белгород и далее по р. Северский Донец до Чугуева, образовав здесь южный фас так называемого Курского выступа.

12 апреля, согласно директиве № 37903 Генерального штаба, из состава Северо-Западного фронта в подчинение командующего 1-й танковой армией передавалась 100-я танковая бригада^[224]. 25 апреля по директиве № 46126 Ставки ВГК армия с 28 апреля включалась в состав войск Воронежского фронта^[225].

Войска 1-й танковой армии совместно с другими армиями фронта готовились к Курской битве. Большое внимание уделялось инженерному оборудованию обороны. В ходе оборонительных работ были отрыты траншеи, ходы сообщения, сооружены капониры, дзоты, блиндажи, созданы искусственные препятствия. Одновременно была организована боевая и политическая подготовка. Экипажи учились метко стрелять из танка, стоящего в окопе или движущегося на противника. Много внимания уделялось вопросам взаимозаменяемости в экипажах. Совместно с частями 6-й гвардейской армии проводились совместные учения. Главный упор делался на овладение искусством непрерывного управления подчиненными в любой обстановке. В мае в 1-й танковой армии была проведена

двухдневная командно-штабная игра на тему «Контрудар танковой (механизированной) бригады во взаимодействии с другими родами войск», а в июне – на тему «Ввод танкового соединения в прорыв»^[226]. Под руководством командующего БТ и МВ Воронежского фронта генерала Н.Н. Радкевича проводились командно-штабные учения с привлечением штабов 1-й танковой армии, 2-го гвардейского и 5-го гвардейского танковых корпусов^[227]. Они выявили ряд недостатков в подготовке комсостава корпусного звена, связанный с разработкой боевых документов, организацией связи и разведки.

Одновременно происходили изменения в организационно-штатной структуре 1-й танковой армии. В соответствии с директивой № 39041 Генштаба от 4 июня, в состав 31-го танкового корпуса, формируемого в 1-й танковой армии, из 3-го механизированного корпуса передавались 1-я гвардейская и 49-я танковые бригады, а также 112-я танковая бригада. В состав 3-го механизированного корпуса включались 7-й и 62-й отдельные танковые полки. Еще два отдельных танковых полка (63-й и 64-й) 7 июня передавались в распоряжение командующего войсками Степного военного округа^[228]. Согласно директиве № 39175 Генштаба от 17 июня, состав 31-го танкового корпуса был изменен: вместо 112-й, 1-й гвардейской и 49-й танковых бригад он включал 100-ю танковую бригаду и вновь сформированные на базе 7, 62, 63 и 64-го танковых полков 237-ю и 242-ю танковые бригады^[229].

Несмотря на принятые меры, к 1 июля 1943 г. не удалось полностью выполнить план по комплектованию 1-й танковой армии. Во всех корпусах отсутствовали самоходные артиллерийские полки и полки ПВО, не доставало зенитно-пулеметных рот. Кроме того, 31-й танковый корпус не имел положенные по штату

истребительно-противотанковые артиллерийские и тяжелый минометный полки, мотострелковую бригаду, мотоциклетный батальон и авиазвено связи. В армии отсутствовал армейский мотоциклетный полк. Армейский 385-й авиационный полк легких бомбардировщиков имел некомплект 12 самолетов У-2. В оперативное подчинение командующему 6-й гвардейской армией были переданы 538-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк 6-го танкового корпуса, армейские 1008-й истребительно-противотанковый артиллерийский и 16-й гвардейский отдельные минометные полки.

Курская стратегическая оборонительная операция (5—23 июля 1943 г.)

13 марта 1943 г. А. Гитлер принял решение о разгроме основных сил Красной Армии на центральном участке советско-германского фронта в целях захвата вновь стратегической инициативы и изменения хода войны в свою пользу. В оперативном приказе № 5, подписанном фюрером, командующему группой армий «Юг» генерал-фельдмаршалу Э. фон Манштейну предписывалось к середине апреля сосредоточить мощную танковую группировку севернее Харькова, а командующему группой армий «Центр» генерал-полковнику Г. фон Клюге – ударную группировку южнее Орла. Обе группировки должны были встречным ударом в общем направлении на Курск окружить и уничтожить советские войска внутри Курского выступа. Этот выступ для обеих сторон имел важное стратегическое значение: советские войска могли нанести сильные удары по тылам и флангам орловской и белгородско-харьковской группировок противника, а он, в свою очередь, – провести встречные удары из районов Орла и Белгорода на Курск.

Задачи войск и мероприятия по их обеспечению в новой наступательной операции, получившей условное наименование «Цитадель», были изложены в оперативном приказе Гитлера за № 6 от 15 апреля^[230]. Цель наступления – «посредством массированного, беспощадно и быстро проведенного каждой из атакующих армий наступательного удара из района Белгорода и южнее Орла окружить находящиеся в районе Курска силы противника и концентрированным наступлением уничтожить их. В ходе этого наступления следует выйти на укороченную и сберегающую наши силы линию фронта...»^[231].

Для реализации плана операции «Цитадель» Верховное Главнокомандование вермахта создало две мощные группировки^[232].

Первая была развернута против войск Центрального фронта (48, 13, 70, 65, 60-я, 16-я воздушная и 2-я танковая армии, 9-й и 19-й отдельные танковые корпуса; генерал армии К.К. Рокоссовский). Здесь командующий группой армий «Центр» сосредоточил 26 дивизий 9-й и 2-й полевых армий, в том числе 6 танковых, одну моторизованную, отдельный батальон тяжелых танков и 7 дивизионов штурмовых орудий. Эта группировка имела 460 тыс. человек, около 6 тыс. орудий и минометов и до 1200 танков и штурмовых орудий. Войска Центрального фронта насчитывали свыше 710 тыс. человек, 5280 орудий всех калибров, свыше 5600 минометов, 1783 танка и САУ, около 1100 самолетов. Превосходство над противником составляло по живой силе, танкам и САУ в 1,5 раза, а по орудиям и минометам – в 1,8 раза.

Вторая группировка была создана против Воронежского фронта (6-я и 7-я гвардейские, 38, 40, 69-я, 2-я воздушная армии, 35-й гвардейский стрелковый корпус, 1-я танковая армия, 2-й и 5-й гвардейские

танковые корпуса; генерал армии Н.Ф. Ватутин). Здесь были развернуты 24 дивизии 2-й полевой, 4-й танковой армий и оперативной группы «Кемпф»^[233] групп армий «Центр» и «Юг», в том числе 8 танковых и одна моторизованная дивизии, два отдельных батальона тяжелых танков и дивизион штурмовых орудий. Эта группировка имела 440 тыс. человек, 4 тыс. орудий и минометов и до 1500 танков и штурмовых орудий^[234]. Войска Воронежского фронта насчитывали около 630 тыс. человек, свыше 4 тыс. орудий всех калибров, 4150 минометов, 1661 танк и САУ, около 1100 самолетов. Воронежский фронт превосходил противника по живой силе в 1,4 раза, в орудиях и минометах – в 2, а в танках и САУ – в 1,1 раза.

В тылу Центрального и Воронежского фронтов были развернуты стратегические резервы, объединенные в Степной военный округ (командующий – генерал-полковник И.С. Конев). В его состав входили 4-я и 5-я гвардейские, 27, 47, 53-я, 5-я гвардейская танковая, 5-я воздушная армии, один стрелковый и три кавалерийских, 3-й, 4-й гвардейские и 10-й танковые, 1, 2 и 3-й гвардейские механизированные корпуса. Войска округа насчитывали 573 тыс. человек, около 4 тыс. орудий, 4 тыс. минометов, 1550 танков и САУ^[235].

Если превосходство в танках и САУ в количественном отношении было на стороне Центрального, Воронежского фронтов и Степного военного округа, то в качественном отношении противник имел преимущество. Он располагал значительным количеством танков Т-V и Т-VI и штурмовых орудий «Фердинанд», обладавших мощным вооружением и броней. В бронетанковых и механизированных войсках советских фронтов более 30 % танков и САУ составляли легкие машины.

И.В. Сталин по предложению маршала Г.К. Жукова в середине апреля решил, укрепляя оборону на всех важнейших направлениях, сосредоточить основные усилия севернее и южнее Курска, где, как ожидалось, должны развернуться основные события. Здесь предполагалось создать сильную группировку войск, которая, отразив удары противника, должна была перейти в наступление, нанося главный удар на Харьков, Полтаву и Киев с целью освобождения Донбасса и всей Левобережной Украины. На маршала Жукова возлагалось общее руководство Центральным и Воронежским фронтами. «Таким образом, оборона наших войск была, безусловно, не вынужденной, – отмечал Жуков, – сугубо преднамеренной, и выбор момента для перехода в наступление Ставка поставила в зависимость от обстановки. Имелось в виду не торопиться с ним, но и не затягивать его»^[236].

Особенностью планирования применения бронетанковых и механизированных войск Центрального и Воронежского фронтов явилось то, что до 90 % танков было сосредоточено на вероятных направлениях главных ударов противника. Танковые армии находились во вторых эшелонах, а танковые корпуса – в резерве фронтов. Они предназначались для нанесения контрударов по нескольким вариантам в зависимости от направлений главных ударов противника. Так, 1-я танковая армия готовила пять вариантов контрударов. Главным считался контрудар в полосе 6-й гвардейской армии. 2-я танковая армия получила задачу быть готовой нанести контрудары на трех направлениях; основным из них считался контрудар в полосе 13-й армии.

Противник располагал сведениями о том, что советские войска готовятся встретить его наступление на Курской дуге упорной обороной. Гитлер несколько

раз переносил срок начала операции «Цитадель». И только 1 июля он окончательно решил начать ее 5 июля. О готовности противника к переходу в наступление было известно и органам советской разведки. При этом назывались разные сроки: сначала 10-12 мая, затем – 19-26 мая и 3-6 июля.

В ночь на 5 июля в штаб Центрального фронта позвонил командующий 13-й армией генерал Н.П. Пухов. Он доложил, что захваченный пленный сообщил о начале немецкими войсками наступления около 3 часов утра. Этому сообщению поверили, хотя противник не мог начать наступление крупными силами пехоты и танков в темноте, ведь время восхода солнца в этот день было в 4 часа 33 минуты. Просто не учли разницу по берлинскому (по нему жила германская армия) и московскому времени в один час. Тем не менее, в 2 часа 20 минут командующий фронтом генерал К.К. Рокоссовский с разрешения представителя Ставки ВГК маршала Г.К. Жукова отдал приказ о начале 30-минутной артиллерийской контрподготовки, в которой участвовало 2460 орудий и минометов. На Воронежском фронте артиллерийская контрподготовка началась в три часа утра. Ее эффективность оценивается по-разному. Так, Г.К. Жуков считал, что она «нанесла врагу большие потери и дезорганизовала управление наступлением войск, но мы все же ждали от нее больших результатов. Наблюдая ход сражения и опрашивая пленных, я пришел к выводу, что как Центральный, так и Воронежский фронты начали ее слишком рано: немецкие солдаты еще спали в окопах, блиндажах, оврагах, а танковые части были укрыты в выжидательных районах. Лучше было бы контрподготовку начать примерно на 30-40 минут позже»^[237].

Столь же реально оценивает результаты артиллерийской контрподготовки и маршал И.С. Конев. «Следует заметить, что на обоих фронтах первый мощный огневой удар был нанесен по главным средствам атаки. Однако сорвать наступление противника не удалось... Эффект контрподготовки мог бы быть выше, если бы более точно были определены места сосредоточения пехоты и танков врага в исходном положении в ночь на 5 июля, и если бы она была начата в тот момент, когда противник вышел из укрытий после ночного отдыха перед боем»^[238].

В отличие от Жукова и Конева маршал А.М. Василевский считал, что артиллерийско-авиационная контрподготовка дала исключительный эффект, так как противник с трудом смог начать наступление вместо 3 часов утра 5 июля тремя часами позже^[239].

Однако военачальники вермахта Э. Манштейн в своей книге «Утерянные победы» и Г. Гудериан в «Воспоминаниях солдата» артиллерийскую контрподготовку, проведенную 5 июля советскими войсками, почему-то даже не упомянули.

В 4 часа 30 минут 5 июля противник начал артиллерийскую и авиационную подготовку. В 5 часов 30 минут он силами четырех танковых (18, 9, 20, 12-я) и пяти пехотных (78, 86, 6, 7, 258-я) дивизий нанес удар в стык между 13-й и 70-й армиями Центрального фронта. После ожесточенных боев противнику удалось потеснить в районе Ольховатки части 15-й и 81-й стрелковых дивизий 13-й армии. Попытка командующего фронтом генерала Рокоссовского 6 июля контрударом силами 16-го танкового корпуса 2-й танковой армии, 19-го танкового корпуса^[240] и 17-го гвардейского стрелкового корпуса 13-й армии на Архангельское восстановить положение на левом фланге 13-й армии успеха не имела. В то же время

противник был остановлен перед второй полосой обороны и понес большие потери. Тогда он решил с утра 7 июля попытать счастье на других направлениях. Но контрудар врага вдоль железной дороги на Поныри к успеху не привел. И только в направлениях на Ольховатку и Теплое ему удалось к исходу дня продвинуться на 2–3 км. В последующем ценой больших потерь противник к исходу дня 10 июля сумел вклиниться в оборону войск Центрального фронта на ольховатском направлении на 12 км, а на вспомогательных направлениях – всего лишь на 1–3 км. За это время силы противника истощились, и он перешел к обороне.

Упорные сражения развернулись в эти дни и на Воронежском фронте. Главный удар силами 4-й танковой армии (около 1 тыс. танков и штурмовых орудий) генерала Г. Гота был нанесен 5 июля в полосе 6-й гвардейской армии генерала И.М. Чистякова. По войскам 7-й гвардейской армии генерала М.С. Шумилова нанесла удар армейская группа «Кемпф» (свыше 400 танков и штурмовых орудий)^[241]. Несмотря на упорное сопротивление войск 6-й гвардейской армии, противнику удалось на отдельных участках прорвать главную полосу ее обороны. Чтобы не допустить прорыва противника в направлении Обояни, командующий Воронежским фронтом генерал Н.Ф. Ватутин около шести часов вечера 5 июля приказал командующему 1-й танковой армией выдвинуть 6-й танковый и 3-й механизированный корпуса на второй оборонительный рубеж 6-й гвардейской армии. Им предстояло прочно закрепиться на рубеже Меловое, Яковлево. Одновременно предписывалось быть в готовности с рассветом 6 июля перейти в контрнаступление в направлении на Томаровку. В районы Тетеревино и Гостищево из резерва фронта

выдвигались 5-й и 2-й гвардейские танковые корпуса в готовности также с рассветом 6 июля нанести контрудар в направлении Белгорода. Оба корпуса в оперативном отношении были подчинены командующему 6-й гвардейской армией.

Соединения 1-й танковой армии, совершив ночной марш, утром 6 июля перешли к обороне на указанном рубеже. В первом эшелоне оборонялись 6-й танковый и 3-й механизированный корпуса (всего 419 танков и САУ), а во втором эшелоне – 31-й танковый корпус (196 танков). В резерве находилась 180-я танковая бригада, прибывшая из 38-й армии.

По данным штаба 1-й танковой армии, непосредственно против ее войск наступал 48-й танковый корпус (моторизованная дивизия «Великая Германия», 3-я, 11-я танковые и 332-я пехотная дивизии, танковая дивизия «Адольф Гитлер» 2-го танкового корпуса СС). В полосе обороны 5-го и 2-го гвардейских танковых корпусов действовали танковые дивизии СС «Мертвая голова», «Райх» и 167-я пехотная дивизия.

Утром 6 июля противник возобновил наступление, нанося два удара: один из района Черкасского на северо-восток в направлении на Луханино, второй из района Быковки вдоль шоссе на Обоянь. До 160 танков четыремя колоннами вышли на участок Чапаев, Шепелевка и пытались с ходу прорвать оборону. Но здесь они встретили мощный огонь стрелковых частей 6-го танкового корпуса генерала А.Л. Гетмана, а также отдельных танковых и артиллерийских соединений и частей. Противник группами по 40–50 танков четыре раза повторял атаки, но все они были отбиты. Вдоль Обояньского шоссе наступало до 400 танков. Их встретил 3-й механизированный корпус генерала С.М. Кривошеина, который в течение дня отразил 8 атак. «Уже первые донесения с поля боя под Яковлево

показывали, – пишет М.Е. Катуков, – что мы делаем совсем не то, что надо. Как и следовало ожидать, бригады несли серьезные потери. С болью в сердце я видел с НП, как пылают и коптят тридцатьчетверки. Нужно было во что бы то ни стало добиться отмены контрудара. Я поспешил на КП, надеясь срочно связаться с генералом Ватутиным и еще раз доложить ему свои соображения»^[242].

В это время генерала Катукова вызвал к прямому проводу Сталин. О том, какой между ними состоялся диалог, повествует Катуков в своих мемуарах «На острие главного удара»:

– Здравствуйте, Катуков! – раздался хорошо знакомый голос. – Доложите обстановку!

Катуков рассказал Сталину о том, что видел на поле боя собственными глазами.

– По-моему, – сказал Катуков, – мы поторопились с контрударом. Враг располагает большими неизрасходованными резервами, в том числе танковыми.

– Что вы предлагаете?

– Пока целесообразно использовать танки для ведения огня с места, зарыв их в землю или поставив в засады. Тогда мы могли бы подпускать машины врага на расстояние триста-четыре метра и уничтожать их прицельным огнем.

Сталин некоторое время молчал.

– Хорошо, – сказал он наконец. – Вы наносить контрудар не будете. Об этом вам позвонит Ватутин.

Вскоре командующий Воронежским фронтом сообщил генералу М.Е. Катукову об отмене контрудара. «Я вовсе не утверждаю, – пишет Михаил Ефимович, – что именно мое мнение легло в основу приказа. Скорее всего, оно просто совпало с мнением представителя Ставки и командования фронта»^[243].

Противник, не сумев прорваться через боевые порядки 6-го танкового и 3-го механизированного корпусов, перегруппировал силы и нанес удар по 5-му гвардейскому танковому корпусу генерала А.Г. Кравченко. Его части в это время совместно со 2-м гвардейским танковым корпусом наносили контрудар по правому флангу танковой группировки врага, рвавшейся на Обоянь. К утру 7 июля 5-й гвардейский танковый корпус, потеряв 110 боевых машин, под натиском превосходящих сил врага был вынужден отойти на новый оборонительный рубеж Беленихино, Тетеревино^[244]. Противник, захватив Лучки, продвигался к Ясной Поляне. 2-й гвардейский танковый корпус полковника А.С. Бурдейного сумел частью сил форсировать Липовый Донец севернее Шопино, но сломить сопротивление врага не смог. По приказу командующего Воронежским фронтом корпус отошел на восточный берег реки.

В ночь на 7 июля генерал Ватутин приказал командующему 1-й танковой армией выдвинуть 31-й танковый корпус генерала Д.Х. Черниенко в район Тетеревино, где враг прорвал оборону стрелковых частей. Корпусу предстояло уничтожить прорвавшегося противника. Для усиления корпуса командующий фронтом направил из своего резерва 29-ю истребительно-противотанковую артиллерийскую бригаду, 180-ю и 192-ю танковые бригады 38-й армии, а также два истребительно-противотанковых артиллерийских и один минометный полк, три истребительно-противотанковых артиллерийских дивизиона и два батальона противотанковых ружей^[245]. Одновременно из полосы 3-го механизированного корпуса на укомплектование выводились понесшие большие потери 52-я и 67-я гвардейские стрелковые дивизии 6-й гвардейской армии. На угрожаемом

направлении сосредоточивались усилия авиации фронта.

По просьбе командующего Воронежским фронтом Сталин распорядился выдвинуть в район севернее станции Прохоровка из состава 5-й гвардейской армии 10-й танковый корпус (185 танков и САУ) генерала В.Г. Буркова. Из состава Юго-Западного фронта начал выдвижение 2-й танковый корпус генерала А.Ф. Попова. Одновременно Ставка ВГК отменила ранее принятое решение о передаче 27-й армии Центральному фронту. Кроме того, на угрожаемое направление перебрасывались еще две общевойсковые армии. Воронежскому фронту была поставлена задача остановить стремительное наступление противника на рубеже р. Псел и захватить в свои руки инициативу.

На рассвете 7 июля части моторизованной дивизии «Великая Германия» и 11-й танковой дивизии нанесли удар вдоль обояньского шоссе по 3-му механизированному корпусу с целью охватить его левый фланг. Наступление поддерживала авиация группами по 60–80 самолетов. Противнику (до 700 танков и самоходных орудий) удалось потеснить соединения 3-го механизированного корпуса на 5–6 км. Для прикрытия своего левого фланга командующий 1-й танковой армией выдвинул 200-ю танковую бригаду 5-го танкового корпуса, а из резерва фронта была направлена 180-я танковая бригада.

Одновременно противник стремился выйти во фланг 31-му танковому корпусу, который противостоял танковой дивизии «Адольф Гитлер». Врагу удалось потеснить соединения корпуса на западную окраину Грезное и захватить Большие Маячки. В результате левый фланг 1-й танковой армии оказался отброшенным на северо-запад, а полоса ее обороны растянулась на 45 км. Для прикрытия этого направления генерал Ватутин приказал перебросить из

38-й и 40-й армий 309-ю стрелковую дивизию, три истребительно-противотанковые артиллерийские бригады, гаубичный, минометный и танковый полки, части 9-й зенитной дивизии. В свою очередь генерал Катукوف усилил 31-й танковый корпус 192-й танковой бригадой и истребительно-противотанковым артиллерийским полком из состава 40-й армии.

Тем временем командующий Воронежским фронтом принял решение по нанесению в 11 часов 30 минут 8 июля контрудара по правому флангу вклинившейся группировки противника. Для этого привлекались четыре танковых корпуса (2-й и 5-й гвардейские, 2-й и 10-й), три стрелковые дивизии (89-я гвардейская, 183-я и 375-я) 69-й армии, 6-й танковый корпус 1-й танковой армии и левофланговые соединения 40-й армии. Замысел состоял в том, чтобы одновременным ударом пяти танковых корпусов при поддержке стрелковых соединений окружить и уничтожить правофланговые соединения 4-й танковой армии противника. Остальным войскам 1-й танковой армии предстояло выполнять прежнюю задачу – не допустить противника к Обояни и быть в готовности нанести контрудар в южном направлении. В подчинение командующему армией передавались 86-я танковая, 33-я пушечная артиллерийская бригады, два истребительно-противотанковых и один минометный полк.

Противник упредил контрударную группировку Воронежского фронта. Утром 8 июля, прикрывшись со стороны выдвигавшихся танковых корпусов фронта частью сил и противотанковыми средствами, он возобновил наступление против 1-й танковой армии. Части 6-го танкового и 3-го механизированного корпусов сумели удержать занимаемые позиции. Однако в полосе 31-го танкового корпуса части танковой дивизии «Адольф Гитлер» сумели прорваться к р. Сухая Солотинка, где вошли в соприкосновение с

11-й танковой дивизией 48-го танкового корпуса. Это вынудило части 3-го механизированного корпуса отойти к Кочетовке. Несмотря на это, генерал Ватутин приказал соединениям контрударной группировки атаковать противника. Но контрудар не достиг своей цели. Войска Воронежского фронта потеряли 343 танка и САУ, а 2-й танковый корпус СС по сведениям его штаба – 17 танков, а около 100 нуждались в ремонте^[246]. В то же время положение 1-й танковой армии несколько упрочилось, а замысел противника по ее разгрому, выходу к р. Псел и форсированию реки с ходу был сорван. К исходу дня 8 июля на рубеже Красный Октябрь, Прохоровка, Козловка заняли оборону подразделения 11-й мотострелковой бригады 10-го танкового корпуса. Западнее оборонялась 237-я танковая бригада 31-го танкового корпуса. В район Прохоровки выдвигался из состава Юго-Западного фронта 2-й танковый корпус.

Утром 9 июля после массированных ударов авиации крупные силы вражеской пехоты и танков атаковали левый фланг 6-го танкового корпуса 1-й танковой армии, пытаясь захватить Сырцево и Верхопенье. Не добившись успеха на этом участке, противник двумя танковыми группами до 200 танков устремился на Кочетовку и Калиновку и прорвал боевые порядки 3-го механизированного и 31-го танкового корпусов. На следующий день противник силами моторизованной дивизии «Великая Германия» и 3-й танковой дивизии сумел прорвать оборону 67-й гвардейской стрелковой дивизии, оборонявшейся на стыке 6-го танкового и 3-го механизированного корпусов. После упорных боев противнику удалось прорваться на северо-запад и достичь населенных пунктов Новенькое, Новоселовка-2. В результате возникла угроза окружения 6-го танкового корпуса и 90-й гвардейской стрелковой дивизии,

оборонявшихся юго-западнее Верхопенья. В этой связи генерал Катуков приказал им отойти на запад и совместно с 10-м танковым корпусом и 184-й стрелковой дивизией создать прочную оборону. В результате этих мер наступление противника захлебнулось и на правом фланге армии.

За пять дней ожесточенных боев враг сумел вклиниться в оборону войск Воронежского фронта на глубину около 35 км. В связи с напряженной обстановкой, создавшейся на белгородско-курском направлении, по решению Ставки ВГК Воронежский фронт был усилен из состава Степного фронта^[247] 5-й гвардейской армией генерала А.С. Жадова и 5-й гвардейской танковой армией генерала П.А. Ротмистрова. При этом танковая армия сосредоточивалась в районе Бобрышево, Большая Псинка, Прелестное, Прохоровка с задачей быть в готовности отразить наступление противника, занявшего 8 июля Кочетовку. Армия генерала Жадова должна была выйти на р. Псел, занять оборону и не допустить дальнейшего продвижения противника на север и северо-восток.

По плану операции «Цитадель» предусматривалось, что ударные группировки групп армий «Центр» и «Юг» должны соединиться восточнее Курска на четвертый день, то есть 8 июля. Однако истек уже пятый день операции, а эта цель так и не была достигнута. После неудачных попыток прорваться к Курску вдоль шоссе на Обоянь противник решил сделать это восточнее, через Прохоровку. Войска, наступавшие на корочанском направлении, также получили задачу нанести удар на Прохоровку.

В свою очередь, советское командование решило разгромить вклинившиеся в оборону группировки противника на обояньском направлении. С этой целью

намечалось утром 12 июля силами 5-й гвардейской и 5-й гвардейской танковой армий нанести мощный контрудар из района Прохоровки, а силами 6-й гвардейской и 1-й танковой армий с рубежа Меловое, Орловка в общем направлении на Яковлево. К проведению контрудара привлекалась также часть сил 40-й, 69-й и 7-й гвардейской армий. С воздуха наземные войска прикрывали 2-я и 17-я воздушные армии.

В 8 часов 30 минут 12 июля после авиационной и артиллерийской подготовки войска 6-й и 5-й гвардейских армий, 1-й и 5-й гвардейской танковых армий перешли в наступление. Одновременно в наступление перешла и ударная группировка врага. Началось крупное встречное танковое сражение, в котором с обеих сторон участвовало 1160 танков и самоходных (штурмовых) орудий (с советской стороны – 670, со стороны противника – 490)^[248]. Соединения 5-й гвардейской танковой армии вместе с приданными 2-м и 2-м гвардейским танковыми корпусами сумели на отдельных направлениях продвинуться лишь от 1,5 до 3–4 км. 5-я гвардейская армия своими правофланговыми соединениями преодолела сопротивление вражеских войск и вышла к северной окраине Кочетовки, а на левом фланге вела оборонительные бои на р. Псел. Войска 6-й гвардейской и 1-й танковой армий имели незначительное продвижение. Причиной тому был недостаток времени для подготовки к контрудару, а также слабое артиллерийское и инженерное обеспечение.

Таким образом, войска Воронежского фронта не сумели разгромить группировку противника, вклинившуюся в его оборону. По уточненным данным противник 12 июля потерял 200 танков и штурмовых орудий из 420, а 5-я гвардейская танковая армия – 500 танков и САУ из 951-го^[249].

К этому времени Верховное Главнокомандование вермахта решило прекратить дальнейшее наступление на Курской дуге. 13 июля в ставке Гитлера состоялось совещание с участием командующих группами армий фон Манштейном и фон Клюге. В докладе фон Клюге отмечалось, что в связи с большими потерями наступление 9-й армии не может продолжаться и не может быть потом возобновлено. «Так как фельдмаршал фон Клюге считал исключенным возобновление наступления 9-й армии, – вспоминал Манштейн, – и более того, считал необходимым вернуть ее на исходные позиции, Гитлер решил, одновременно учитывая необходимость снятия сил для переброски их в район Средиземного моря, остановить осуществление операции «Цитадель»^[250].

Понеся большие потери (около 30 тыс. человек, свыше 700 танков) и опасаясь окружения своих войск, вклинившихся на глубину до 35 км, противник 16 июля начал планомерный отвод главных сил в исходное положение. Войска Воронежского, а в ночь на 19 июля и Степного фронтов перешли к его преследованию и к 23 июля вышли на рубеж Черкасское, (иск.) Задельное, Мелехово и далее по левому берегу р. Северский Донец. В основном это был рубеж, занимаемый советскими войсками до начала операции.

В ходе Курской стратегической оборонительной операции войска Центрального, Воронежского и Степного фронтов сумели остановить наступление ударных группировок противника на орловском и белгородско-харьковском направлениях. При этом потери советских войск составили: безвозвратные – 70 330 и санитарные – 105 517 человек^[251]. Замысел операции «Цитадель» был окончательно похоронен. Советское командование не только разгадало планы врага, но и достаточно точно определило место и время

нанесения его ударов. Переход к преднамеренной обороне сыграл свою роль.

Для 1-й танковой армии участие в операции закончилось еще 14 июля. Ее войска и приданные армии соединения и части в ночь на 16 июля были выведены в тыл. Командование и Военный совет Воронежского фронта, оценивая боевые действия 1-й танковой армии в оборонительных сражениях на Курской дуге, сообщали в Ставку ВГК:

«Командованием Воронежского фронта 1-й танковой армии была поставлена боевая задача разгромить наступающие войска на белгородском направлении. Несмотря на численное превосходство сил противника на ряде участков фронта, ни одна часть, ни одно соединение армии не дрогнуло и не отошло ни на один метр без приказа старшего командира. Весь личный состав армии стойко и героически сражался, героизм в этих боях был массовым явлением. В этих боях все соединения армии соревновались в мужестве и отваге. Каждый боец и командир стояли насмерть и не пропустили врага... Успех в этих боях явился результатом хорошей выучки бойцов, командиров и политработников, результатом массового героизма, проявленного личным составом всех частей и соединений армии. Имена многих бойцов, командиров и политработников стали известны своими боевыми подвигами далеко за пределами армии. Примеров доблести и героизма, совершенных бойцами и командирами 1-й танковой армии, можно привести множество. Все они говорят о том, что командиры и политработники, партийные и комсомольские организации проделали большую работу по боевому сколачиванию частей и соединений, отличному овладению первоклассной военной техникой,

воспитанию бойцов и командиров в духе советского патриотизма и жгучей ненависти к врагу»^[252].

Эту высокую оценку войскам 1-й танковой армии предстояло оправдать в Белгородско-Харьковской стратегической наступательной операции (кодовое наименование «Полководец Румянцев»).

Белгородско-Харьковская стратегическая наступательная операция (3—23 августа 1943 г.)

Белгородско-Харьковская операция являлась завершающей операцией Курской битвы. Ее замысел состоял в том, чтобы мощным фронтальным ударом смежных крыльев Воронежского и Степного фронтов прорвать оборону противника на 22-километровом участке северо-западнее Белгорода, затем рассечь вражескую группировку с последующим охватом и разгромом ее в районе Харькова. Одновременно предусматривалось нанести вспомогательный удар из района Готни на Ахтырку, чтобы обеспечить действия главных сил Воронежского фронта с запада, а наступлением правого крыла (57-я армия) Юго-Западного фронта из района Мартовой на Мерефу оказать содействие Степному фронту в освобождении Харькова.

К началу операции войска Воронежского и Степного фронтов насчитывали 980,5 тыс. человек, более 12 тыс. орудий и минометов, 2400 танков и САУ, 1300 боевых самолетов^[253]. Кроме того, для поддержки войск фронтов было выделено 200 самолетов авиации дальнего действия, часть сил 17-й воздушной армии Юго-Западного фронта и авиации Войск ПВО страны.

Советским войскам противостояли 4-я танковая армия, оперативная группа «Кемпф» (с 16 августа – 8-я армия) группы армий «Юг» (командующий – генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн) и авиация 4-го

воздушного флота. Всего противник насчитывал около 300 тыс. человек, до 600 танков и штурмовых орудий, 3 тыс. орудий и минометов, более 1 тыс. боевых самолетов^[254]. Он уступал советским войскам в 3,2 раза по живой силе, в 4 раза – по орудиям, минометам, танкам и САУ, в 1,5 раза – в авиации.

Противник прочно укрепил район Белгорода и Харькова. Тактическая зона обороны состояла из главной и вспомогательной полос общей глубиной до 18 км. Главная полоса (6–8 км) включала две позиции, опорные пункты и узлы сопротивления были соединены между собой ходами сообщения полного профиля. Вторая полоса простиралась на 2–3 км. Между первой и второй находилась промежуточная позиция. Населенные пункты были превращены в мощные крепости, а все каменные постройки подготовлены к круговой обороне.

Танковые армии Воронежского фронта планировалось использовать на главном направлении в качестве эшелона развития успеха в полосе наступления 5-й гвардейской армии. 1-я танковая армия получила задачу по развитию успеха правого фланга этой армии в направлении Томаровка, Богодухов, Валки, к исходу четвертого дня операции овладеть районом Богодухов, Валки, Новая Водолага и отрезать пути отхода харьковской группировки на юго-запад. Глубина задачи – до 120 км. 5-й гвардейской танковой армии предстояло развить успех в общем направлении на Золочев, Ольшаны, к исходу третьего дня операции овладеть районом Ольшаны, Люботин и отрезать пути отхода харьковской группировки на запад. Глубина задачи – около 100 км. Ввод обеих танковых армий намечалось осуществить в узких полосах: 1-я танковая армия в полосе шириной 4–6 км, а 5-я гвардейская танковая армия – около 5 км.

К началу операции произошли незначительные изменения в боевом составе 1-й танковой армии. В 3-м механизированном корпусе был добавлен зенитный артиллерийский полк и изъят мотоциклетный батальон, 6-й танковый корпус получил мотоциклетный батальон и самоходный артиллерийский полк, а 31-й танковый корпус – истребительно-противотанковый артиллерийский полк и отдельный истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион.

На подготовку к наступлению отводилось 10 суток. В течение этого времени танкисты изучали местность в полосе предстоящих действий, характер обороны противника, организовывали взаимодействие, готовили материальную часть и пополняли запасы материальных средств. Со всеми взаимодействующими частями и соединениями была организована телефонная и радиосвязь, а также связь с использованием подвижных средств. В армии и корпусах были созданы оперативные группы, которые должны были двигаться за первым эшелоном наступающих войск. С офицерами штабов проводились тренировки и занятия на ящиках с песком по отработке управления войсками. Большое внимание уделялось проведению мероприятий по дезинформации противника, что позволило привлечь его внимание к сумскому направлению и обеспечить внезапность ударов в районе Белгорода.

3 августа после мощной артиллерийской и авиационной подготовки ударные группировки советских фронтов перешли в наступление. Одновременно партизаны приступили к проведению в тылу врага операции «Рельсовая война». На Воронежском фронте 5-я и 6-я гвардейские армии к середине дня продвинулись всего на 4–5 км. Поэтому для наращивания удара в сражение были введены соединения первого эшелона танковых армий и 5-й гвардейский танковый корпус. Развивая успех

стрелковых дивизий, они завершили прорыв тактической зоны обороны, вышли передовыми частями на рубеж Томаровка, Орловка, продвинувшись на 12–26 км. В результате томаровский и белгородский узлы сопротивления противника были разобщены.

В полосе наступления 53-й и 69-й армий Степного фронта обстановка сложилась не столь благоприятно. Противник оказывал упорное сопротивление. Поэтому с целью ускорения прорыва обороны в сражение был введен 1-й механизированный корпус. Он завершил прорыв главной полосы обороны противника и вышел в район севернее Ракова.

Утром 4 августа войска ударной группировки Воронежского фронта перешли к преследованию противника. 6-й танковый корпус 1-й танковой армии был выведен из боев за Томаровку и направлен за 3-м механизированным корпусом, прорвавшим вторую полосу обороны противника. Соединения 69-й и 7-й гвардейской армий Степного фронта 5 августа штурмом овладели Белгородом и сразу же устремились к Харькову. В результате фронт прорыва вражеской обороны достиг 120 км. Танковые армии продвинулись до 100 км, а общевойсковые армии – на 60–65 км. Это вынудило противника начать выдвижение на белгородско-харьковское направление дивизий «Райх», «Мертвая голова», «Викинг», 3-й танковой дивизии из Донбасса и моторизованной дивизии «Великая Германия» из района Орла.

В свою очередь представитель Ставки ВГК маршал Г.К. Жуков и командующий Степным фронтом генерал И.С. Конев направили 6 августа И.В. Сталину предложения по дальнейшему развитию операции «Полководец Румянцев»^[255]. В состав Степного фронта намечалось передать из Воронежского фронта 5-ю гвардейскую танковую армию, которая должна была

выйти в район Ольшаны, Старый Мерчик, Огульцы. 1-ю танковую армию планировалось сосредоточить в районе Ковяги, Алексеевка, Мерефа. Командующим Воронежским фронтом и 1-й танковой армией 6 августа была направлена директива № 13449 Генштаба об использовании ударной группировки армии компактно, не распыляя ее усилий в нескольких направлениях [\[256\]](#).

Войска 1-й танковой армии, развивая наступление в юго-западном направлении, силами 6-го танкового корпуса 7 августа внезапным ударом освободили Богодухов. 5-я гвардейская танковая армия, обойдя узлы сопротивления врага в районе Орловки, ворвалась в Золочев. Войска 6-й гвардейской армии овладели сильным узлом обороны – Томаровкой, окружили и уничтожили борисовскую группировку противника.

К 10 августа главные силы 1-й танковой армии вышли к р. Мерчик. 5-я гвардейская танковая армия была переподчинена Степному фронту. Войска 6-й гвардейской армии вышли в район Краснокутска, а соединения 5-й гвардейской армии охватили Харьков с запада. Степной фронт подошел к внешнему оборонительному обводу Харькова и навис над ним с севера. Соединения 57-й армии, переданной 8 августа в Степной фронт, подходили к Харькову с юго-востока.

10 августа Сталин дал маршалу Жукову указания об использовании танковых армий для изоляции харьковской группировки противника «путем скорейшего перехвата основных железнодорожных и шоссейных путей сообщения в направлениях на Полтаву, Красноград, Лозовую и тем самым ускорить освобождение Харькова». Для этой цели 1-я танковая армия (260 танков) должна была перерезать основные пути в районе Ковяги, Валки, а 5-я гвардейская танковая армия, обойдя Харьков с юго-запада, – перерезать пути в районе Мерефы [\[257\]](#).

Генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн, стремясь ликвидировать прорыв советских войск, подтянул к Харькову 3-й танковый корпус (около 360 танков), который намеревался использовать совместно с оперативной группой «Кемпф» для удара по восточному флангу вклинившихся советских войск. «Одновременно, – пишет Манштейн, – по западному флангу должна была нанести удар 4-я танковая армия силами двух танковых дивизий, возвращенных группой «Центр», и одной мотодивизии. Но было ясно, что этими силами и вообще силами группы нельзя было далее удерживать линию фронта»^[258].

Передовые танковые бригады (49-я, 112-я и 1-я гвардейская) 1-й танковой армии 11 августа вышли к железной дороге Харьков – Полтава, оторвавшись от главных сил корпусов на удаление около 20 км. В районе южнее Богодухова они встретились с передовыми частями 3-го танкового корпуса врага, выдвигавшегося на рубеж развертывания для нанесения контрудара. В результате завязалось встречное сражение, продолжавшееся весь день. «Напор врага нарастал с каждым часом, – вспоминал М.Е. Катуков. – Теперь наша армия оборонялась в одноэшелонном построении. Все три корпуса развернулись на переднем крае и, организовав подвижные засады на высотах, опушках рощиц, окраинах населенных пунктов, вели тяжелые изнурительные бои. Фашистские атаки не прекращались. Гитлеровцы вели непрерывный артиллерийский и минометный огонь, бомбили наши боевые порядки, не такие уж плотные к этому времени. Так, например, пять танковых бригад, оборонявшихся на рубеже Александровка – Сухина – Крысино, имели всего 40 танков, причем половина из них легкие»^[259].

Противнику удалось превосходящими силами окружить передовые отряды 1-й танковой армии в районе Ковяги, которые в ночь на 12 августа были вынуждены прорываться на соединение с главными силами корпусов. В этой сложной обстановке командующий Воронежским фронтом приказал 1-й танковой армии и одному стрелковому корпусу 6-й гвардейской армии нанести удар по прорвавшимся к Мерчику войскам противника и прочно обеспечить правый фланг основной ударной группировки фронта.

Утром 12 августа 1-я танковая армия возобновила наступление. Одновременно противник ввел в сражение под Богодуховом основные силы 3-го танкового корпуса, чтобы разгромить войска Воронежского фронта, вышедшие в район Богодухова, и освободить дорогу Харьков – Полтава. В результате развернулось встречное танковое сражение, в котором со стороны 1-й танковой армии участвовало 134 танка, а со стороны противника – около 400 танков. Противнику удалось потеснить соединения 1-й танковой армии на 3–4 км. На помощь им в середине дня 12 августа пришли части 5-й гвардейской танковой армии и 32-й гвардейский стрелковый корпус. Они совместными усилиями остановили противника. На следующий день в сражение вступили соединения 6-й и 5-й гвардейских армий. При поддержке фронтовой авиации наземные войска нанесли врагу большие потери, а затем и отбросили его в исходное положение. 1-я танковая армия хотя и остановила противника, но разгромить его не смогла и в ночь на 14 августа перешла к обороне.

Переход к обороне осуществлялся в тех боевых порядках, в которых соединения 1-й танковой армии вели наступательные действия, стараясь сосредоточить основные усилия на закреплении занятого рубежа. Поэтому вторые эшелоны и резервы корпусов располагались на удалении 2–3 км от переднего края, а

затем глубина обороны постепенно возрастала. Оборона носила очаговый характер с созданием системы танковых засад, противотанковых районов и минно-взрывных заграждений. Засады располагались в шахматном порядке на глубину 2–3 км совместно с подразделениями автоматчиков и противотанковой артиллерии. Противотанковые районы создавались в корпусном и армейском звеньях на особо важных направлениях в составе истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона или полка каждый. Армия имела одноэшелонное построение и низкие плотности сил и средств. Оборонительные действия она вела совместно с 23-м гвардейским стрелковым корпусом 6-й гвардейской армии. Успеху организации обороны способствовали надежное управление и четко организованное взаимодействие во всех звеньях. Командиры соединений принимали решения по карте, уточняли его на местности, а затем быстро доводили задачи до войск, широко практикуя личное общение с подчиненными.

Пока войска занимались организацией обороны, Ставка ВГК 12 августа приняла решение по развитию Белгородско-Харьковской операции^[260]. В директиве № 10165 Воронежскому фронту предписывалось ударом 1-й танковой армии в общем направлении Валки, Новая Водолага совместно с 5-й гвардейской танковой армией отрезать пути отхода харьковской группировке на юг и юго-запад. После разгрома этой группировки и овладения г. Харьков предписывалось продолжать наступление в общем направлении Полтава, Кременчуг и к 23–24 августа выйти главными силами на линию станция Ярески, Полтава, (иск.) Карловка. В дальнейшем предстояло наступать к р. Днепр и выйти к нему на участке Кременчуг, Орлик, предусмотрев захват переправ через реку подвижными частями. Для

обеспечения наступления ударной группировки требовалось правым крылом фронта к 23-24 августа выйти на р. Псел, где прочно закрепиться.

Степной фронт должен был после овладения Харьковом продолжать наступление в общем направлении Красноград, Верхнеднепровск и к 24-25 августа выйти главными силами на линию Карловка, Красноград, станция Кегичевка. В дальнейшем развивать наступление к р. Днепр, предусмотрев захват переправ через реку подвижными частями.

По данным штаба 1-й танковой армии, на рубеже Трефиловка, Фастов, Бутово, Триречное, выс. 233, 2 в первой линии оборонялись три пехотные дивизии (255, 332, 167-я) и две танковые дивизии (3-я и предположительно 6-я) противника, которые были укомплектованы в среднем на 40-50 % личным составом, 35-40 % танками и до 70 % артиллерией. На участке Трефиловка, (иск.) Новая Горянка, Ямное, Пушкарное, Заготскот заблаговременно была создана оборонительная полоса глубиной до 7 км с сильно развитой системой противотанковых и противопехотных препятствий, по всему переднему краю расположены проволочные заграждения в 2-3 кола и траншеи полного профиля. На переднем крае и в глубине сооружены ДЗОТы, укрепленные наблюдательные пункты, на обратных скатах - убежища. В среднем на 1 км фронта приходился один ДЗОТ, 3-4 убежища, до 0,8 батальона живой силы. На этом же участке противник имел 25-30 орудий полковой артиллерии, до 12 батарей 105-мм. Танкоопасные направления были перекрыты минными полями. Начертание истинного переднего края обороны противника разведка 1-й танковой армии не сумела установить. На втором оборонительном рубеже Борисовка, Бессоновка располагались предположительно танковый корпус СС и танковая

дивизия СС «Великая Германия». На основном и втором рубежах предполагалось наличие, кроме штатной артиллерии, трех пехотных дивизий и трех танковых дивизий, четырех артиллерийских полков РКК (40, 54, 70 и 52-й полки шестиствольных минометов).

Тем временем противник не отказался от своего замысла прорвать оборону войск Воронежского фронта. В течение двух дней, 15 и 16 августа, он пытался это осуществить на левом фланге 5-й гвардейской танковой армии, но успеха не имел. Тогда был предпринят удар утром 18 августа из района Ахтырки силами двух танковых и двух моторизованных дивизий и отдельным танковым батальоном, оснащенным танками «Тигр» и «Пантера». Им удалось прорвать оборону 27-й армии. Одновременно из района южнее Краснокутска танковая дивизия «Мертвая голова» нанесла удар на Каплуновку. Командующий Воронежским фронтом выдвинул навстречу контрударной группировке врага 4-ю гвардейскую армию с 3-м гвардейским танковым корпусом, а также 3-й механизированный и 6-й танковый корпуса 1-й танковой армии, 4-й и 5-й гвардейские танковые корпуса. Ударами во фланг противника они приостановили его продвижение к Богодухову. Надежно прикрыв ахтырское направление, генерал Ватутин решил нанести удар в тыл ахтырской группировки врага силами 40-й и 47-й армий, 2-го и 10-го танковых и 3-го гвардейского механизированного корпусов.

2-й танковый корпус генерала А.Ф. Попова, развивая удар на юг, 19 августа совместно с 52-м стрелковым корпусом 40-й армии овладел Лебедином. После этого главные силы 2-го танкового корпуса вышли к Тарасовке, а 4-й гвардейский танковый корпус генерала П.П. Полубоярова – к Ахтырке. 10-й танковый корпус генерала В.М. Алексеева совместно с 100-й стрелковой дивизией 40-й армии Воронежского фронта освободил

Тростянец, перерезал железную дорогу Сумы – Богодухов, сорвав планомерную переброску моторизованной дивизии «Великая Германия» с орловского плацдарма в район Ахтырки. Используя успех танковых соединений, войска 40-й и 27-й армий вышли на рубеж Боромля, Тростянец, Ахтырка, Котельва.

Однако противнику удалось остановить наступление войск Воронежского фронта и даже в отдельных местах потеснить их. Соединения 1-й танковой армии понесли большие потери в личном составе и технике. Это вынудило командующего армией к 22 августа отвести в тыл шесть танковых бригад.

23 августа войска Степного фронта освободили Харьков. На этом завершилась Белгородско-Харьковская стратегическая наступательная операция, а вместе с ней и вся Курская битва. Были созданы предпосылки для перехода в общее наступление, освобождения Левобережной Украины и выхода к Днепру. Генерал-полковник Г. Гудериан констатировал: «В результате провала наступления «Цитадель» мы потерпели решительное поражение... Инициатива полностью перешла к противнику»^[261].

В ходе операции потери войск Воронежского и Степного фронтов составили: безвозвратные – 71 611, санитарные – 183 955 человек, 1864 танка и САУ, 423 орудия и миномета, 153 боевых самолета^[262]. Противник потерял более 500 тыс. человек, 3 тыс. орудий и минометов, свыше 1,5 тыс. танков и штурмовых орудий, более 3,7 тыс. самолетов^[263].

* * *

После завершения Белгородско-Харьковской наступательной операции 1-я танковая армия (6-й, 31-й танковые корпуса, 1547-й самоходный артиллерийский, 79-й гвардейский минометный полки, 385-й отдельный авиаполк связи) согласно директиве № 40717 Генштаба от 8 сентября 1943 г. была выведена в резерв Ставки ВГК в район г. Сумы^[264]. За два ночных перехода армия сосредоточилась в указанном районе. Здесь войска приводились в порядок, получили пополнение, занимались боевой подготовкой. В октябре 6-й танковый корпус за проявленные героизм, отвагу, стойкость, мужество, организованность и умелое выполнение боевых задач был преобразован в 11-й гвардейский танковый корпус. За отличное проведение операции на белгородском направлении все части, входившие в 3-й механизированный корпус, были награждены орденами Красного Знамени и корпусу присвоено наименование 8-й гвардейский механизированный корпус.

26 ноября 1943 г. в штаб армии поступила новая директива Генштаба за № 42690 об ее переброске с утра 29 ноября по железной дороге в район Бровары, Дарница. Переброске подлежали управление армии, 8-й гвардейский механизированный, 11-й гвардейский танковые корпуса, армейские части усиления и обеспечения, тыловые учреждения. 31-й танковый корпус выводился из состава армии и переходил в непосредственное подчинение Ставки ВГК^[265].

Через день, 28 ноября, следует новая директива Генштаба, в которой отмечалось, что по приказу наркома обороны прибывающие в резерв Ставки ВГК 18-я и 1-я танковая армии с 24.00 29 ноября включались в состав войск 1-го Украинского фронта. Соединения 1-й танковой армии должны были сосредоточиться на правом берегу р. Днепр в районе Святошино, Тарасовка,

Жуляны. Армию требовалось доукомплектовать за счет прибывающих для этой цели пополнений, танков, вооружения, транспорта и других видов имущества. Танки, материальная часть и тяжелые грузы предписывалось выгружать в районе Святошино, Боярка, а остальные эшелоны – в районах Дарница, Бровары и Дарница, Борисполь с дальнейшим сосредоточением походным порядком^[266]. 9 декабря директивой № 30263 Ставки ВГК район сосредоточения армии был изменен на район Колонщина, Башев, Шнитки^[267].

К 10 декабря боевые части 1-й танковой армии по железной дороге были переброшены из района Сумы на правый берег Днепра и сосредоточены в районе Святошино. Тылы прибыли сюда к 20 декабря. В ночь на 11 декабря началось выдвижение корпусов, а затем и армейских частей в район Мышева. Войскам армии предстояло принять участие в Бердичевской наступательной операции. К этому времени она включала один механизированный и один танковый корпуса, отдельную танковую бригаду, самоходный артиллерийский и гвардейский минометный полки, два инженерных батальона. Армия насчитывала более 42 тыс. человек, 546 исправных танков и САУ, 585 орудий и минометов, 31 реактивную установку и 3432 автомашины^[268].

Житомирско-Бердичевская наступательная операция (24 декабря 1943 г. - 14 января 1944 г.)

Верховное Главнокомандование вермахта, не сумев остановить Красную Армию на Днепре, планировало в конце 1943 г., опираясь на каневский выступ и никопольский плацдарм, отбросить ее за реку и восстановить сухопутные коммуникации с отрезанными в Крыму немецкими войсками. На Украине оборонялись

группы армий «Юг» (6-я, 8-я, 4-я танковая, 1-я танковая армии; генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн) и «А» (немецкая 17-я и румынская 3-я армии; генерал-фельдмаршал Э. Клейст). Они насчитывали (без учета 17-й армии, блокированной в Крыму) около 1,8 млн человек, 16 800 орудий и минометов, 2200 танков и штурмовых орудий. Их поддерживала авиация немецкого 4-го воздушного флота и румынских ВВС (всего 1460 самолетов). Им противостояли войска 1, 2, 3-го и 4-го Украинских фронтов, имевшие более 2,2 млн человек, 28 654 орудия и миномета, 2015 танков и САУ, 2600 самолетов [\[269\]](#).

Ставка ВГК, стремясь выйти на западные границы СССР, сосредоточила главные усилия на Украине. Замысел состоял в том, чтобы мощными ударами на ряде направлений расчленил силы противника на южном крыле стратегического фронта, разгромить их по частям, освободить Правобережную Украину и создать благоприятные условия для последующего наступления. Действия Украинских фронтов координировали представители Ставки ВГК – маршалы Г.К. Жуков (1-го и 2-го) и А.М. Василевский (3-го и 4-го).

Этот замысел лег в основу Днепровско-Карпатской стратегической наступательной операции. Ее составной частью явилась Житомирско-Бердичевская наступательная операция войск 1-го Украинского фронта (генерал армии Н.Ф. Ватутин). Они насчитывали 831 тыс. человек, около 11 400 орудий и минометов, 1125 танков и САУ, 529 самолетов. Войска фронта занимали рубеж восточнее Мозыря, восточнее Коростеня, западнее Фастова, Ржищев. Им противостояла 4-я танковая армия группы армий «Юг», которая имела 574 тыс. человек, 6960 орудий и минометов, 1200 танков и штурмовых орудий. Их поддерживали 500 самолетов 4-го воздушного флота.

Анализ этих цифр показывает, что войска 1-го Украинского фронта превосходили противника по живой силе в 1,4 раза, по орудиям и минометам – в 1,6 раза, незначительно уступали ему в танках и САУ и имели почти равное количество самолетов.

По замыслу Ставки ВГК главный удар наносился в центре полосы 1-го Украинского фронта силами 1-й гвардейской, 18-й и 38-й армий, 3-й гвардейской и 1-й танковых армий на Радомышль, Житомир, Бердичев, Жмеринку. Вспомогательные удары предусматривалось осуществить войсками, располагавшимися на крыльях фронта: 13-й армией с 25-м танковым корпусом – на Сарны, 60-й армией с 4-м гвардейским танковым корпусом – в обход Житомира на Шепетовку, а 40-й, в которую входил 5-й гвардейский танковый корпус, и 27-й армиями – на Христиновку.

Командующий 1-м Украинским фронтом, учитывая ограниченное время на подготовку операции (9 суток), слабую укомплектованность стрелковых дивизий после напряженных предшествующих боев, недостаточную плотность танков НПП (8–9 на 1 км участка прорыва, и то не во всех дивизиях), а также очаговый характер обороны противника, планировал 1-ю и 3-ю гвардейскую танковые армии ввести в сражение в первый день наступления для завершения прорыва главной полосы обороны [\[270\]](#).

14 декабря 1943 г. генерал армии Н.Ф. Ватутин поставил 1-й танковой армии задачу войти в сражение юго-восточнее Брусилова после прорыва стрелковыми соединениями 38-й армии главной полосы обороны, к исходу второго дня операции форсировать р. Ирпень и овладеть рубежом Ходорков, Кривое, а в дальнейшем наступать на Казатин. Одновременно армии предстояло быть в готовности оказать стрелковым дивизиям помощь в завершении прорыва главной полосы

обороны. Глубина задачи первых двух дней наступления не превышала 30 км. Это объясняется тем, что в полосе наступления армии действовали хотя и потрепанные в предыдущих боях, но сохранившие боеспособность 19-я и 25-я танковые дивизии. Поддержка армии возлагалась на 291-ю штурмовую и 8-ю гвардейскую истребительную авиационные дивизии, а для прикрытия флангов выделялись два истребительно-противотанковых артиллерийских полка.

При подготовке к операции во всех звеньях армии была проведена рекогносцировка местности и маршрутов выдвижения к переднему краю, изучались оборона и группировка вражеских войск. После чего командующий армией генерал М.Е. Катукوف принял решение и поставил задачи войскам. Он решил ввести армию в сражение на 8-километровом участке, имея на правом фланге 11-й гвардейский танковый корпус, а на левом – 8-й гвардейский механизированный корпус. В резерве оставались 64-я гвардейская танковая бригада, 81-й мотоциклетный батальон, 79-й гвардейский минометный полк и оба приданных истребительно-противотанковых артиллерийских полка. Боевые порядки корпусов строились в два эшелона. При этом в первом эшелоне находилось по две бригады.

С целью достижения более тесного взаимодействия с артиллерией 38-й армии, обеспечивавшей ввод в сражение танковой армии, от каждой бригады первого эшелона корпуса выделялось по одному радиному танку. Эти танки с офицерами-корректировщиками находились при командирах бригад и по их указаниям корректировали огонь приданной и поддерживающей артиллерии.

В ночь на 24 декабря войска 1-й танковой армии вышли в исходный район для наступления, находившийся в 5 км от переднего края обороны.

Утром 24 декабря после 50-минутной артиллерийской и авиационной подготовки главные силы 1-го Украинского фронта перешли в наступление. Пехота с танками НПП при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации в первой половине дня прорвала главную полосу обороны противника на глубину до 4 км. Командующий фронтом, стремясь быстрее завершить прорыв обороны, ввел в сражение в полосе 18-й армии 3-ю гвардейскую танковую армию, а в полосе 38-й армии – 1-ю танковую армию.

Соединения 1-й танковой армии с ходу атаковали противника и к исходу дня 24 декабря продвинулись на 10-15 км. На следующий день ее корпуса с ходу форсировали р. Ирпень и в районах Ходоркова и Кривое перерезали железную дорогу Житомир – Фастов. В этот день отличилась 1-я гвардейская танковая бригада 8-го гвардейского механизированного корпуса под командованием полковника В.М. Горелова. Она во взаимодействии с 21-й гвардейской механизированной бригадой в 19 часов 30 минут овладела Липками. За деревней Кривое танкисты настигли вражескую колонну из 200 автомашин и разгромили ее. Это были тылы 25-й танковой дивизии противника. А спустя полтора часа под удар попал и штаб этого соединения. Командиру дивизии удалось бежать, но его машина с ценными документами досталась гвардейцам. В девять часов вечера бригада ворвалась в районный центр Попельня и уничтожила его гарнизон. На станции находились пять эшелонов с советскими гражданами, предназначенными для отправки в Германию.

За полтора суток войска 1-й танковой армии продвинулись на 30-35 км, выполнив поставленную задачу. Однако из-за неблагоприятной погоды (оттепель) темп продвижения был невысоким. В ночь на 26 декабря корпуса закрепились на достигнутых рубежах и готовились к продолжению наступления:

подтягивалась артиллерия, подвозились горючее и боеприпасы, велась разведка, уточнялись задачи, организовывалось взаимодействие.

В два часа дня 26 декабря 1-я танковая армия возобновила наступление. Преодолевая ожесточенное сопротивление частей 25-й танковой дивизии, 11-й гвардейский танковый корпус генерал-лейтенанта танковых войск А.Л. Гетмана к утру следующего дня овладел Андрушевкой. 8-й гвардейский механизированный корпус под командованием генерал-лейтенанта танковых войск С.М. Кривошеина, преследуя отходившие части 19-й танковой дивизии, главными силами вышел на рубеж Бровки, Хорлеевка, а передовым отрядом – 21-й гвардейской механизированной бригадой – овладел Вчерайше. 1-я гвардейская танковая бригада, наступавшая на левом фланге, заняла Паволочь. С выходом на этот рубеж армия из-за отсутствия горючего вынуждена была приостановить наступление.

Генерал Катуков приказал корпусам с подвозом горючего и боеприпасов возобновить наступление. 11-й гвардейский танковый корпус должен был частью сил (44-я гвардейская танковая бригада) прикрыть в районе Андрушевки правый фланг армии от ударов противника с запада, а главными силами наступать на Белополье, Глуховцы и перерезать железную дорогу Бердичев – Казатин. Необходимость обеспечения правого фланга армии была вызвана тем, что 3-я гвардейская танковая армия после разгрома брусиловской группировки наступала на северо-запад. 8-му гвардейскому механизированному корпусу предстояло наступать вдоль железной дороги и к утру 28 декабря овладеть Казатином.

25—28 декабря в наступление перешли войска 13, 60, 40 и 27-й армий. Генерал-фельдмаршал Манштейн, опасаясь разгрома своих войск, предложил Гитлеру 27

декабря частично отвести войска из большой излучины Днепра и эвакуировать Никополь. Однако это предложение было отклонено.

В ночь на 27 декабря 1-я танковая армия возобновила наступление. Наибольший успех имели 19-я и 21-я гвардейские механизированные бригады 8-го гвардейского механизированного корпуса, наступавшие на правом фланге. Передовые отряды бригад (67-й и 69-й гвардейские танковые полки с десантом мотопехоты), уничтожая мелкие группы противника, за ночь продвинулись на 30 км. В 10 часов утра 28 декабря они ворвались в Казатин. Разведывательная группа 19-й гвардейской механизированной бригады (2 танка с десантом разведчиков-автоматчиков) под командованием старшего лейтенанта В.Н. Подгорбунского сумела отбить у охраны эшелоны с военнопленными и гражданским населением, подготовленные к отправке в Германию. В 14 часов в Казатин вступили мотострелковые батальоны бригад, и к исходу дня город был полностью освобожден от врага. После этого танкисты в течение полутора суток отражали яростные атаки врага, пытавшегося выбить их из Казатина.

В эти дни также отличились 1-я гвардейская танковая и 20-я гвардейская механизированная бригады 8-го гвардейского механизированного корпуса. Наступая на Казатин, они в районе Чернорудик столкнулись с усиленным моторизованным полком 20-й моторизованной дивизии противника, брошенным на помощь 19-й танковой дивизии. В ходе ожесточенного встречного боя бригады решительным ударом с применением двустороннего охвата разгромили вражеские силы и к исходу дня 29 декабря вступили в Казатин.

Успешно наступал и 11-й гвардейский танковый корпус. К исходу дня 28 декабря он овладел Глуховцами

и перерезал железнодорожную магистраль Бердичев – Казатин. К шести часам вечера следующего дня главные силы корпуса овладели Великими Низгурами, а 44-я гвардейская танковая бригада, прикрывавшая армию от ударов врага с запада, освободила Червонное. Однако на этом наступление корпуса на Бердичев было приостановлено. Войска 1-й танковой армии закрепились на рубеже Закутинцы, Туровка, Нефедовка, Большая Чернявка.

Овладев Казатином, 1-я танковая армия рассекла вражеские войска, действовавшие против 1-го Украинского фронта, на две части. Противник решил любой ценой возвратить город. Он начал выдвигать в район Казатина свежие силы и наносить непрерывные удары по 8-му гвардейскому механизированному корпусу. 30 декабря командующий фронтом приказал генералу Катукову силами 8-го гвардейского механизированного корпуса продолжать прочно удерживать Казатин. Для наступления на Бердичев требовалось 44-ю гвардейскую танковую бригаду подполковника И.И. Гусаковского придать 305-й стрелковой дивизии 18-й армии, а главными силами 11-го гвардейского танкового корпуса нанести удар в юго-восточном направлении, на Комсомольское, Самгородок, и разгромить противника на ближних подступах к Казатину^[271].

Передав занимаемый рубеж стрелковым дивизиям 38-й армии, 11-й гвардейский танковый корпус 31 декабря перешел в наступление, овладел Комсомольским и Кордышевкой и к исходу дня 3 января 1944 г. вышел в район Самгородка, где перешел к обороне, прикрывая Казатин с юга.

Войска 60-й, 1-й гвардейской, 18-й, 3-й гвардейской танковой армий, 4-й и 5-й гвардейские танковые корпуса при поддержке 2-й воздушной армии 31

декабря 1943 г. освободили Житомир. К этому времени 44-я гвардейская танковая бригада 11-го гвардейского танкового корпуса вышла к восточной окраине Бердичева. Гарнизон, оборонявший город, спешно пропускал свои отступавшие подразделения через минные поля и противотанковые рвы. Воспользовавшись темнотой, 123-й и 125-й танковые батальоны бригады (22 танка), которыми командовали майор П.П. Орехов и капитан А.А. Карабанов, с частью десантников пристроились в хвост вражеской танковой колонне. Вместе с нею вошли в город, а затем устремились по его улицам, уничтожая огнем и гусеницами метавшегося в панике врага. Противник быстро опомнился и сумел окружить оба батальона. Попытки подошедшей 305-й стрелковой дивизии и остальных сил 44-й гвардейской танковой бригады овладеть Бердичевом и оказать им помощь успеха не имели. Батальоны в течение пяти суток сражались в окружении. 4 января 1944 г. 3-я гвардейская танковая армия вышла в тыл бердичевской группировки. Опасаясь окружения, враг 5 января оставил город.

Соединения 13-й армии 3 января заняли Новоград-Волынский, а 40-й армии 4 января освободили Белую Церковь. В тот же день командующий 1-м Украинским фронтом приказал генералу Катукову передать позиции в районе Казатина подошедшим соединениям 38-й армии и к исходу дня выйти в район юго-западнее Погребищенского. С утра 5 января требовалось перейти в наступление, во взаимодействии с главными силами 38-й армии разгромить противника и к вечеру овладеть рубежом Липовец, Ильинцы, находясь в готовности к развитию наступления на Умань.

Наступление войск 1-й танковой армии и 38-й армии началось в 11 часов утра 5 января. Истребительная авиация фронта из-за медленного перебазирования аэродромов не могла прикрыть наземные войска. В силу

этого корпуса вынуждены были наступать главным образом ночью. Несмотря на это, к исходу дня 6 января войска 1-й танковой армии разгромили противостоявшего противника, получив возможность развивать наступление на Умань. Части 11-го гвардейского танкового корпуса заняли Липовец, а 8-й гвардейский механизированный овладел рубежом Ильинцы, Дашев.

К этому времени командующему 1-м Украинским фронтом стало известно, что в районах Винницы и Жмеринки противник начал сосредоточивать крупные силы для нанесения удара во фланг и в тыл 1-й танковой и 38-й армий. Генерал армии Ватутин решил повернуть обе армии на запад, силами 1-й танковой армии нанести удар на Винницу, а 38-й армии – на Жмеринку и сорвать замысел врага.

7 января войска 1-й танковой армии совершили поворот и к исходу дня уже наступали на Жмеринку с задачей главными силами к исходу 8 января выйти к Южному Бугу на рубеже Селище, Могилевка, Ворошиловка, Тывров и захватить переправы. Это позволяло перерезать коммуникации 8-й и 6-й армий противника. На правом фланге 1-й танковой армии двигался 11-й гвардейский танковый корпус генерала А.Л. Гетмана, а на левом – 8-й гвардейский механизированный корпус генерал-майора танковых войск И.Ф. Дремова, сменившего С.М. Кривошеина. В качестве передовых отрядов действовали 1-я и 40-я гвардейские танковые бригады. Силы армии были истощены предшествовавшими боями. В некоторых бригадах имелось не более полутора десятков танков.

Части 1-й гвардейской танковой бригады (17 танков и САУ с десантом мотопехоты), обходя опорные пункты врага, вышли к плотине у Сутиски и захватили ее. После этого рано утром 10 января бригада внезапной атакой овладела Жуковцами и, развивая успех, стремительно

ворвалась в Жмеринку с юга. Противник, бросая технику, обратился в бегство. Но уже на следующее утро он пришел в себя и яростно атаковал 1-ю гвардейскую танковую бригаду. Она, не имея связи со штабом 11-го гвардейского танкового корпуса, стала отходить к Сутиске, а после восстановления связи получила приказ отойти к Ильинцам.

Части 40-й гвардейской танковой бригады (17 танков с десантом мотопехоты) полковника Н.Г. Веденичева, наступавшей на Жмеринку через Гнивань, втянулись в тяжелые бои с подразделениями 101-й горнострелковой дивизии противника. Хотя бригаде и удалось захватить железнодорожный мост через Южный Буг, переправиться на левый берег она не смогла: враг успел подтянуть к мосту танки и артиллерию.

10 января 1-я танковая армия главными силами вышла на рубеж Гуменное, Барышевка, Сутиски, Тывров в готовности развить успех передовых отрядов и овладеть Жмеринкой. Однако обстановка сложилась так, что пришлось от наступления перейти к обороне и отражать удары врага.

Решение на поворот 38-й и 1-й танковой армий на Винницу и Жмеринку было принято с опозданием. Противник успел сосредоточить в районе Винницы крупную группировку войск. Из Италии прибыла 19-я танковая, из Югославии – 371-я пехотная, из-под Ленинграда – 1-я и 254-я пехотные дивизии, а с юга – 4-я и 101-я горнопехотные дивизии. Восточнее Винницы были сосредоточены 16-я танковая, 1-я и 254-я пехотные и 4-я горнопехотная дивизии. Они в 10 часов 10 января при поддержке массированных ударов авиации перешли в наступление, сломили сопротивление ослабленных 100-й и 241-й стрелковых дивизий 38-й армии и к исходу дня овладели Михайловкой, Счастливой и Лозоватой. Противник

намеревался ударом во фланг и в тыл 1-й танковой армии отрезать ее от остальных сил фронта и разгромить. В этой обстановке генерал Катуков приказал корпусам закрепиться на достигнутых рубежах в готовности к отражению ударов. Для прикрытия правого фланга армии в район Липовца он выдвинул из своего резерва 64-ю гвардейскую танковую бригаду полковника А.Х. Бабаджаняна. Во второй половине дня, когда несколько вырисовался масштаб удара врага, генерал Катуков потребовал от командира 8-го гвардейского механизированного корпуса форсированным маршем выдвинуть в район Ободное 19-ю и 21-ю гвардейские механизированные бригады. 11-му гвардейскому танковому корпусу было приказано срочно вывести из боя за Гнивань 40-ю гвардейскую танковую бригаду и сосредоточить ее вблизи Ободное. Эти силами намечалось остановить противника, а затем разгромить его и восстановить положение.

К исходу дня 10 января механизированные бригады в назначенных районах перешли к обороне и приостановили продвижение врага в восточном направлении. Тогда противник нанес удар в южном направлении и 11 января захватил Ободное. В этот же день из района Жмеринки перешла в наступление 371-я пехотная дивизия и стала теснить 20-ю гвардейскую механизированную и 1-ю гвардейскую танковую бригады. Одновременно противник атаковал позиции 45-й гвардейской танковой бригады в районе Ярышевки.

В сложившейся обстановке генерал Катуков решил отвести главные силы корпусов на рубеж р. Воронка. 27-й гвардейской мотострелковой бригаде было приказано удерживать занимаемые позиции, а 45-й гвардейской танковой бригаде – отойти в Вороновицу и там перейти к обороне. 20-й гвардейской механизированной бригаде предписывалось взорвать

переправы через Южный Буг, отойти и занять прочную оборону у Вороновицы. 1-я гвардейская танковая бригада, передав имевшиеся у нее 5 танков 20-й гвардейской механизированной бригаде, была выведена из боя.

Чтобы выиграть время и дать возможность корпусам отойти на новый рубеж, в ночь на 12 января 64-я гвардейская танковая бригада нанесла удар по врагу, отбросила его от Липовца и после ожесточенного боя овладела Лозоватой. Однако, прежде чем 45-я гвардейская танковая бригада сумела отойти к Вороновице, вражеские части вышли на тылы 11-го гвардейского танкового корпуса.

В связи с захватом противником Вороновицы генерал Катукوف приказал 11-му гвардейскому танковому корпусу отойти на восток, обходя местечко с юга. 20-й гвардейской механизированной бригаде ставилась задача прочной обороной в районе Кордышевки обеспечить отход танкового корпуса. К исходу 13 января танковый корпус отошел на восток и совместно с 8-м гвардейским механизированным корпусом перешел к обороне по р. Соб. 20-я гвардейская механизированная бригада в течение 13 января вела тяжелые оборонительные бои. В ночь на 14 января она стремительным ударом вырвалась из окружения.

По решению Ставки ВГК войска 1-го Украинского фронта 15 января перешли к обороне. Соединения 1-й танковой армии, отойдя за р. Соб и перейдя к обороне, отражали непрерывные удары превосходящих сил врага. 29 января соединения 38-й армии и 8-й гвардейский механизированный корпус оставили липовецкий выступ и совместно с войсками 2-й танковой армии закрепились на рубеже Константиновка, Богдановка, Оратов. В ночь на 31 января, после того как все попытки врага прорваться на

восток были отражены, 1-ю танковую армию вывели в резерв фронта.

В результате Житомирско-Бердичевской операции войска 1-го Украинского фронта разгромили 6 дивизий противника, продвинулись в полосе шириной 700 км на глубину 80—200 км к западу от Днепра и вышли на рубеж западнее Сарны, Костополь, Казатин, южнее Жашкова, нависая с севера над группировкой противника, действовавшей на Правобережной Украине. Почти полностью были освобождены Киевская и Житомирская области и ряд районов Винницкой и Ровенской областей. В ходе операции войска 1-й танковой армии уничтожили 19 тыс. солдат и офицеров противника, 423 орудия и миномета, 1075 автомашин и два бронепоезда, уничтожили и подбили 650 танков и штурмовых орудий, пленили 1300 человек, захватили 32 танка и штурмовых орудия, 178 орудий и минометов, 1354 автомашины и много военного имущества^[272]. За ратные подвиги тысячи воинов армии были награждены орденами и медалями, а 12 наиболее отличившимся было присвоено высокое звание Героя Советского Союза, в том числе А.Ф. Бурде, И.К. Захарову, И.Н. Бойко, В.Н. Подгорбунскому, Г.С. Петровскому, П.И. Орехову.

Корсунь-Шевченковская наступательная операция (24 января - 17 февраля 1944 г.)

В Корсунь-Шевченковской операции принимала участие только часть сил 1-й танковой армии – 11-й гвардейский танковый корпус и 64-я гвардейская танковая бригада^[273]. Поэтому об обстановке, сложившейся к началу операции, ее замысле и задачах войск 1-го и 2-го Украинских фронтов мы расскажем подробнее в главе, посвященной 5-й гвардейской танковой армии.

В ходе подготовки к операции 14 января 1944 г. резко осложнилась обстановка в полосе 40-й армии, соседа 1-й танковой армии слева. Противник, стремясь срезать занятый 40-й армией уманьский выступ, силами танкового корпуса и нескольких пехотных дивизий нанес сильный удар из Христиновки на Звенигородку, навстречу действовавшей в районе Корсунь-Шевченковского своей крупной группировке. После ряда неудачных попыток врагу удалось прорвать оборону 50-го стрелкового корпуса 40-й армии, создав угрозу левому флангу 38-й и 1-й танковой армий. Командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Н.Ф. Ватутин немедленно выдвинул в район Монастырище 11-й гвардейский танковый корпус (55-я и 64-я гвардейская танковые бригады) 1-й танковой армии^[274]. На усиление корпуса были направлены 874-й истребительно-противотанковый и 978-й зенитный артиллерийские полки.

Части 11-го гвардейского танкового корпуса, передав свои позиции соединениям 38-й армии, совершили фланговый марш и к утру 21 января вышли на рубеж Цибулив, Ивахны. Здесь они заняли оборону совместно с 340-й стрелковой дивизией 40-й армии. В это время противник, сосредоточив две танковые и пехотную дивизии, перешел в наступление на Ивахны и на Цибулив. Части 40-й армии и 11-го гвардейского танкового корпуса оказали упорное сопротивление, но противнику удалось прорваться к Ивахнам и захватить переправу через р. Горный Тикич, отрезав пути отхода части сил корпуса. 22 января контратакой враг был отброшен от переправы, а соединения 11-го гвардейского танкового корпуса перешли к обороне на более выгодном рубеже Собаровка, Княже-Криница, Шуляки, Лукашовка.

24 января противник силами трех танковых дивизий нанес новый, более мощный удар, стремясь прорваться в районе Лукашовки в северо-западном направлении, навстречу своим войскам, одновременно возобновившим наступление на винницком направлении. После ожесточенных боев противнику удалось несколько продвинуться на винницком направлении и вклиниться в оборону 40-й армии на уманьском направлении. Но к тому времени обстановка здесь резко изменилась в результате наступления войск левого крыла 1-го Украинского и правого крыла 2-го Украинского фронтов. 27 января соединения 20-го танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии освободили Шполу, а на следующий день совместно с танковой группой 1-го Украинского фронта заняли Звенигородку. В результате был охвачен правый фланг противника в корсунь-шевченковском выступе. Это вынудило его прекратить контрудары против войск 1-го Украинского фронта восточнее Винницы и севернее Умани, а все танковые дивизии перебросить на спасение окруженных войск. Внешний фронт окружения был создан 6-й и 5-й гвардейской танковыми армиями, усиленными стрелковыми соединениями, противотанковой артиллерией и инженерно-саперными частями. Одновременно общевойсковые армии (27-я, 4-я гвардейская) и 5-й гвардейский кавалерийский корпус образовали сплошной внутренний фронт окружения. Всего в окружении оказались части 10 дивизий и одна бригада, около 80 тыс. солдат и офицеров врага, до 1600 орудий и минометов, более 230 танков и штурмовых орудий^[275].

Противник предпринимал отчаянные попытки, чтобы вырваться из окружения. 4 февраля он частью сил, в том числе до 100 танков 16-й танковой дивизии, нанес удар на Павловку и Красиловку^[276]. В отражении

этого удара принимал участие и 11-й гвардейский танковый корпус, переданный в оперативное подчинение командующему 40-й армией^[277]. По приказу командарма к исходу дня он был выдвинут на рубеж Красиловка, Станиславчик, где занял оборону фронтом на восток. Части корпуса, взаимодействуя со 104-м стрелковым корпусом, в течение двух недель вели упорные бои в районе Тыновка, Беседка, Гайсиха, Станиславчик и на прилегающих к ним дорогах. Противник был остановлен. Тогда он попытался прорваться к окруженным войскам в полосе 5-й гвардейской танковой армии, но успеха не имел.

14 февраля войска 2-го Украинского фронта, сжимая кольцо окружения, освободили Корсунь-Шевченковский. К этому времени сила деблокирующих войск противника истощилась, а окруженные корпуса получили приказ пробиваться самостоятельно в южном направлении.

Проскуровско-Черновицкая наступательная операция (4 марта - 17 апреля 1944 г.)

Войска 1-го Украинского фронта, завершив Ровно-Луцкую наступательную операцию и совместно со 2-м Украинским фронтом Корсунь-Шевченковскую операцию, стали готовиться к проведению Проскуровско-Черновицкой наступательной операции.

Верховное Главнокомандование вермахта к началу марта 1944 г. перегруппировало войска на Правобережной Украине, чтобы укрепить северное крыло группы армий «Юг» и создать там сильный резерв из двух танковых корпусов и трех пехотных дивизий, прибывших из резерва ОКХ. Генерал-фельдмаршал фон Манштейн считал такие силы недостаточными и просил Гитлера сосредоточить за левым крылом группы армий «Юг» до двух армий в

составе 15–20 дивизий. Однако возможности ОКХ для этого были исчерпаны, а эвакуацию 17-й армии из Крыма Гитлер безоговорочно отвергал.

Перед 1-м Украинским фронтом оборонялись 4-я и 1-я танковые армии противника, поддерживаемые 4-м воздушным флотом. Советские войска превосходили противника в живой силе в 1,6 раза, в орудиях и минометах – в 2,1, в танках – в 1,3 раза; силы сторон в авиации были равными.

Цель и задачи войскам 1-го Украинского фронта были определены в директиве № 220029 Ставки ВГК от 18 февраля^[278]. Она легла в основу плана операции, разработанного 23 февраля командующим и штабом фронта при активном участии представителя Ставки ВГК маршала Г.К. Жукова^[279].

Цель операции заключалась в разгроме группировки противника в районе Кременец, Старо-Константинов, Тарнополь и овладении рубежом Киселин, Горохув, Радзехув, Красне, Золочев, Тарнополь, Проскуров, Хмельники. В дальнейшем намечалось нанести удар в общем направлении на Чертков, чтобы отрезать южной группе войск противника пути отхода на запад в полосе севернее р. Днестр.

Главный удар планировалось нанести с рубежа Дубно, Шепетовка, Любар силами 13-й, 61-й, 1-й гвардейской армий, 3-й гвардейской танковой и 4-й танковой армий при поддержке авиации фронта в южном направлении на Проскуров. Ближайшая задача – к исходу третьего дня операции овладеть рубежом Берестечко, Кременец, Вязовец, Антонины, Старо-Константинов, Мотовиловка. В дальнейшем, развивая наступление в южном направлении, предусматривалось к исходу двенадцатого дня операции выйти на рубеж Берестечко, Броды, Тарнополь, Проскуров, Хмельники. На правом крыле фронта с рубежа Луцк, Броды

планировалось продолжать наступление и главными силами овладеть рубежом Киселин, Радзехув, Красне, Зборов, где и закрепиться с задачей жесткой обороной обеспечить правое крыло фронта от атак противника с запада. По выходе на рубеж Тарнополь, Проскуров, Хмельники войска ударной группы фронта должны быть готовы к продолжению наступления в общем направлении на Чертков.

Танковые армии фронта намечалось использовать следующим образом.

4-я танковая армия вводилась в прорыв с рубежа Садки, Ляховцы с задачей нанести удар в юго-восточном направлении на Ямполь, Святец, Базалия, Черный Остров, Проскуров и во взаимодействии с 3-й гвардейской танковой армией к исходу 6–8 дня операции овладеть районом Проскурова и выйти в район Черный Остров, Немычинцы, Гречаны. К исходу 28 февраля армия должна была сосредоточиться в районе Острог, Спивак, Комаровка, Кривин.

3-ю гвардейскую танковую армию намечалось ввести в прорыв с рубежа Малая Шкаровка, Воробьевка с задачей, нанося удар в направлении на Старо-Константинов, Проскуров, к исходу второго дня операции овладеть районом Старо-Константинова. К исходу 6—8-го дня операции ей предстояло во взаимодействии с 4-й танковой армией выйти в район Проскуров, Деражня, Ярмолинцы. Войска 1-й танковой армии должны были выйти в район Тернополя, сосредоточиться восточнее его в полосе 60-й армии в готовности нанести удар на юг, форсировать Днестр и освободить Северную Буковину^[280].

На направлениях главных ударов армий предусматривались следующие плотности артиллерии (с учетом 82-мм минометов) на 1 км фронта: в 13-й армии – 80 орудий, в 60-й – до 150 орудий (с учетом

артиллерии 4-й танковой армии), в 1-й гвардейской – до 180–200 орудий (с учетом артиллерии 3-й гвардейской танковой армии). Продолжительность артиллерийской подготовки – 1,5 часа. В связи с необходимостью осуществления перегруппировки значительных сил с левого крыла на правое крыло 1-го Украинского фронта намечалось начать наступление на главном направлении не ранее 3 марта.

Сталин 25 февраля утвердил план операции 1-го Украинского фронта. При этом было указано 3-ю гвардейскую и 4-ю танковые армии использовать с фронта главной группировки 60-й армии с задачей овладения районом Проскурова. 1-ю гвардейскую армию требовалось усилить танками и самоходными орудиями за счет имеющихся во фронте танковых бригад и самоходных полков. Наступление начать 3–5 марта^[281].

4 марта войска 1-го Украинского фронта^[282] перешли в наступление. Передовые части 60-й армии 7 марта вышли к Тернополю, создав серьезную угрозу железной дороге Львов – Одесса – главной коммуникации всего южного стратегического крыла противника. Командующий группой армий «Юг», стремясь не допустить захвата войсками фронта этой дороги, выдвинул на рубеж Тернополь, Проскуров 9 танковых и 5 пехотных дивизий.

Штаб 1-го Украинского фронта сумел заблаговременно вскрыть сосредоточение контрударной группировки противника. 7 марта она нанесла удар. В развернувшемся сражении с обеих сторон участвовало до 1300 танков, САУ и штурмовых орудий. Тяжелые бои в районе Тернополя и Проскурова истощили главные силы 1-го Украинского фронта, которые 12 марта были вынуждены перейти к обороне. Они в ожесточенных боях, длившихся до 20 марта,

отразили все удары врага и одновременно вели подготовку к новому наступлению.

Еще 10 марта командующий войсками 1-го Украинского фронта маршал Г.К. Жуков представил И.В. Сталину доклад № 7210 плана наступательной операции на черновицком и львовском направлениях^[283].

По выполнении ближайшей задачи фронта, т. е. по овладении Тарнополем, Проскуровом, планировалось после пяти-шестидневного перерыва продолжать наступление с целью выхода на р. Днестр и тем самым отрезать южной группе войск противника пути отхода на запад в полосе севернее Днестра. Главный удар силами 1-й и 4-й танковых армий, 1-й гвардейской и 60-й армий, усиленных артиллерией и при поддержке всей авиации фронта, намечалось нанести из района Тарнополь, Волочиск, Проскуров в общем направлении на Чертков, Каменец-Подольск. При этом 1-я танковая армия должна была к 16-17 марта завершить доукомплектование и сосредоточение в районе Тарнополя. Из этого района ей предстояло нанести удар в направлении Трембовля, Чертков и овладеть районом Чертков, Цаповка, Торское, Заболотовка. Войскам 4-й танковой армии предписывалось нанести удар параллельно 1-й танковой армии из района Волочиска в направлении на Гусятин, Каменец-Подольск и овладеть районом Каменец-Подольск, Хотин.

Вспомогательный удар должны были нанести 18-я и 38-я армии с рубежа Проскуров, р. Южный Буг до Райгорода в общем направлении на Новую Ушицу, Могилев-Подольский. В резерв командующего 1-м Украинским фронтом выделялись 3-я гвардейская танковая армия, 106-й стрелковый и 11-й танковый (без матчасти) корпуса. Всю операцию планировалось проводить в тесном взаимодействии со 2-м Украинским

фронтом. Для доукомплектования 11-го и 31-го танковых корпусов маршал Жуков просил отпустить фронту 250–300 танков. Начало наступления – 20 марта, так как необходимо было подтянуть артиллерию, провести перегруппировку войск, подвезти горючее и боеприпасы.

11 марта Ставка ВГК, рассмотрев представленный план, своей директивой № 220052 приказала изменить направление наступления 18-й и 38-й армий, подняв их к северо-западу и нацелив на Каменец-Подольский в соответствии с новой левой разгранлинией фронта, установленной директивой Ставки № 220051^[284]. Одновременно требовалось не ограничиваться выходом левого крыла фронта на Днестр, а форсировать его с ходу, развивая удар на Черновцы с целью занятия этого пункта и выхода на Государственную границу СССР. После овладения рубежом Берестечко, Броды, Городище, Бучач предписывалось продолжать наступление с целью овладеть районом Львов, Перемышль и выйти правым крылом фронта на р. Западный Буг. В ускоренном порядке приказывалось доукомплектовать 3-ю гвардейскую танковую армию, а находившийся в резерве Ставки 11-й танковый корпус – во вторую очередь^[285].

Перегруппировка войск 1-й танковой армии из района Погребище, где она находилась в резерве фронта, в выжидательный район была проведена в два этапа. На первом этапе армия совершила комбинированный 200-километровый марш до Белгородки. Танки и часть грузов перевозились по железной дороге, автотранспорт и артиллерия следовали своим ходом. От Белгородки войска совершили своим ходом 100-километровый марш. Из-за рано наступившей весенней распутицы танки шли со скоростью не более 1–2 км в час. Одновременно им

приходилось тянуть на буксире от одной шоссейной дороги к другой колесные машины. Несмотря на все сложности, главные силы армии к 17 марта вышли в район восточнее Тернополя. Отстали лишь тылы, понтонный парк и часть артиллерии.

В ночь на 21 марта соединения 1-й танковой армии выдвинулись в первый эшелон 60-й армии и развернули по две бригады. Им предстояло вместе с артиллерией произвести короткий огневой налет по вражеской обороне при поддержке штурмовой авиации. Вслед за танками в атаку должна была перейти пехота.

Утром 21 марта войска 1-го Украинского фронта возобновили наступление. Его 60-я и 1-я гвардейская армии, 1-я, 4-я и 3-я гвардейская танковые армии нанесли главный удар на юг, а 18-я и 38-я армии – на юго-запад и запад. Это положило начало одному из крупнейших в истории Великой Отечественной войны маневру на окружение. «После нашего первого совместного удара в обороне гитлеровцев образовалась брешь шириной до 10 километров по фронту, – вспоминал М.Е. Катук. – В нее-то и вошли танкисты, пехотинцы и стали преследовать отходившие разрозненные фашистские части. На правом фланге армии наступал 8-й гвардейский механизированный корпус, а на левом – 11-й гвардейский танковый корпус. Затем мы расширили брешь до 60 километров. Фронт 4-й немецкой танковой армии был разорван надвое. Преодолевая сопротивление противника, танкисты в непогоду за трое суток продвинулись на 120 километров и захватили важный узел магистральных дорог – город Чертков. К исходу 25 марта головные части армии вышли к Днестру»^[286].

Соединения 4-й танковой армии заняли 26 марта Каменец-Подольский. 3-я гвардейская танковая армия,

действуя совместно с 1-й гвардейской армией, вышла к городу с севера.

Передовой отряд 1-й танковой армии (64-я гвардейская танковая бригада подполковника И.Н. Бойко), преодолев за семь часов около 80 км, форсировал Днестр. После этого отряд внезапной ночной атакой овладел железнодорожной станцией Могли (севернее Черновиц). Днем 28 марта он преодолел вброд Прут и вышел на подступы к Черновицам (Черновцы) с юго-востока. Удар 64-й гвардейской танковой бригады нарастил 11-й гвардейский танковый корпус. Его 45-я гвардейская танковая бригада под командованием полковника Н.В. Моргунова и приданная корпусу 24-я стрелковая дивизия генерала Ф.А. Прохорова форсировали Прут северо-западнее Черновиц и приступили к охвату города с запада. Стремясь предотвратить угрозу окружения, части черновицкого гарнизона начали отходить на юг. 29 марта советские войска освободили Черновицы. Многие участники штурма города были награждены орденами и медалями, а И.Н. Бойко первым среди советских танкистов получил звание дважды Героя Советского Союза. Соединения и части, отличившиеся при освобождении города, удостоились почетного наименования «Черновицкие».

Пока шла напряженная борьба за Черновицы, соединения 8-го гвардейского механизированного корпуса развивали стремительное наступление на Коломыю, Станислав. Части 1-й гвардейской танковой бригады 28 марта заняли железнодорожную станцию Коломыя. После этого они, развивая наступление, в ночь на 31 марта с юга ворвались в Станислав, обратив в бегство вражеский гарнизон. Но удержаться в городе не удалось. Противник, подтянув до 30 танков, свыше 15 орудий, группы автоматчиков и истребителей танков с фаустпатронами, предпринял контратаку и вынудил

части бригады после упорного боя к 10 часам утра покинуть Станислав.

С потерей Черновиц противник лишился последнего связующего звена между своими войсками, действующими к северу и югу от Карпат. В то же время 1-я танковая армия противника была окончательно отсечена от 4-й танковой армии, а с выходом 30 марта правофланговых соединений 2-го Украинского фронта к г. Хотин в районе севернее Каменец-Подольского было окружено до 18 дивизий противника.

К этому времени войска 1-го Украинского фронта понесли большие потери. Кроме того, между 1-й гвардейской и действовавшей правее 4-й танковой армиями образовался разрыв шириной около 30 км, для прикрытия которого фронт не имел сил.

Командующий немецкой 1-й танковой армией генерал-полковник Х. – В. Хубе, сосредоточив к концу марта главные силы севернее Каменец-Подольского, предпринял дерзкий прорыв на северо-западном направлении. Одновременно в наступление перешла деблокирующая группа противника. 7 апреля в районе Бучача она соединилась с войсками, наносившими удар из кольца окружения. По оценке маршала Жукова, окруженная группировка понесла огромные потери, от некоторых соединений остались только штабы. «Сколько гитлеровцев прорвалось из окружения, – отмечал он, – ни я, ни штаб фронта точно установить так и не смогли. Назывались разные цифры. Как потом оказалось, вышли из окружения не десятки танков с десантом, как тогда доносили войска, а значительно больше»^[287]. Оценивая действия войск 1-го Украинского фронта, маршал Жуков писал: «На уничтожение окруженной группировки двигались с востока 18-я и 38-я армии; часть соединений 1-й гвардейской армии; 4-я и 1-я танковые армии (за исключением 8-го мехкорпуса)

вышли на Днестр, отрезав пути противнику на юг. Наши войска, действовавшие на внутреннем фронте, к решительной схватке подошли в крайне ослабленном состоянии, не имели необходимого количества артиллерии, боеприпасов, которые отстали от войск из-за полного бездорожья. 3-я гвардейская танковая армия, имевшая в своем строю малое количество танков, была выведена по указанию Верховного Главнокомандующего в резерв на пополнение, 4-я танковая армия к исходу марта находилась в районе Каменец-Подольска (Каменец-Подольский) также в значительно ослабленном состоянии. Все это, вместе взятое, не обеспечивало энергичных действий войск по расчленению и уничтожению окруженной группировки. Сейчас, анализируя всю эту операцию, считаю, что 1-ю танковую армию следовало бы повернуть из района Черткова, Толстое на восток для удара по окруженной группировке. Но мы имели тогда основательные данные, полученные из различных источников, о решении окруженного противника прорваться на юг через Днестр в районе Залещиков. Такое решение казалось вполне возможным и логичным. В этом случае противник, переправившись через Днестр, мог занять южный берег реки и организовать там оборону. Этому способствовало то обстоятельство, что правофланговая 40-я армия 2-го Украинского фронта 30 марта все еще не подошла к Хотину. Мы считали, что в этих условиях необходимо было охватить противника 1-й танковой армией глубже, перебросив ее главные силы через Днестр, и захватить район Залещики – Черновицы – Коломыя. Но когда немецкому командованию группы армий «Юг» стало известно о перехвате советскими войсками отхода в южном направлении, оно приказало окруженным войскам пробиваться не на юг, а на запад, через Бучач и Подгайцы»^[288].

Немецкому командованию в результате прорыва 1-й танковой армии из окружения удалось уплотнить свои войска на львовском направлении. Это не позволило войскам 1-го Украинского фронта прорваться к Львову, как это планировал маршал Жуков и требовал Сталин, так как ни фронт, ни Ставка ВГК не имели в своем распоряжении необходимых резервов. К тому же часть резервных сил фронта (танковый корпус, кавалерийская дивизия и ряд других соединений) была задействована в борьбе с отрядами украинских националистов. 17 апреля войска 1-го Украинского фронта в соответствии с директивой Ставки ВГК перешли к жесткой обороне.

В ходе Проскуровско-Черновицкой наступательной операции войска 1-го Украинского фронта освободили значительную часть территории Правобережной Украины, нанесли поражение 1-й и 4-й танковым армиям противника. Советские войска вышли к предгорьям Карпат, разрезав стратегический фронт южной группировки противника на две части.

Существенный вклад в достижение этих побед внесли танковые войска. В трудных условиях распутицы, бездорожья и разлива рек они наносили врагу большие потери. 25 апреля 1944 г. был издан приказ № 0016 наркома обороны о преобразовании 1-й танковой армии в гвардейскую^[289]. В этой связи армии вручалось гвардейское знамя, генералам, офицерскому и сержантскому составу устанавливался полуторный, а рядовому составу – двойной оклад содержания. 11-й гвардейский танковый и 8-й гвардейский механизированный корпуса были удостоены почетного наименования Прикарпатских. Командующему армией М.Е. Катукову было присвоено звание генерал-полковника танковых войск, он также был награжден орденом Суворова 1-й степени.

Особенностью операции явилось то, что впервые за годы Великой Отечественной войны были использованы три танковые армии на направлении главного удара фронта, советские войска получили первый опыт окружения противника в оперативной глубине. Причем окружение крупной группировки врага было достигнуто силами одного фронта – 1-го Украинского – в ходе преследования в оперативной глубине, что было новым в искусстве ведения операций на окружение. Внешний фронт окружения был создан путем перехода к обороне 1-й танковой армии, усиленной стрелковым корпусом и 351-й стрелковой дивизией. Однако первоначальный успех здесь не завершился достижением поставленной цели, так как окруженная 1-я танковая армия не была уничтожена. Это обуславливалось рядом причин: отсутствием танкового резерва у командующего 1-м Украинским фронтом; недостатком танков и артиллерии у наступавших армий; большой растянутостью коммуникаций; отставанием штабов и тыловых органов в условиях весенней распутицы; плохой организацией разведки, несвоевременным принятием мер командующим фронтом по усилению 4-й танковой армии и созданию прочного внутреннего фронта окружения с запада и др. [\[290\]](#).

* * *

Войска 1-й гвардейской танковой армии после завершения Проскуровско-Черновицкой операции были выведены во второй эшелон 1-го Украинского фронта. Это позволило организовать боевую и политическую подготовку, пополнить запасы оружия, боеприпасов и продовольствия. На 1 июля 1944 г. армия включала один механизированный, один танковый корпуса, зенитную артиллерийскую дивизию, отдельные

танковую бригаду, танковый, самоходный артиллерийский, мотоциклетный, гвардейский минометный полки, мотоциклетный и два инженерных батальона.

Львовско-Сандомирская наступательная операция (13 июля - 29 августа 1944 г.)

В ходе Проскуровско-Черновицкой операции командующий 1-м Украинским фронтом маршал Г.К. Жуков 25 марта 1944 г. представил И.В. Сталину доклад № 007/оп плана развития наступления на львовском направлении^[291]. Этот план 28 марта был утвержден Ставкой ВГК. Однако, как уже отмечалось ранее, в начале апреля обстановка в полосе 1-го Украинского фронта резко изменилась, и его войска 17 апреля получили приказ Ставки ВГК о переходе к жесткой обороне. Поэтому план, разработанный под руководством маршала Жукова, пришлось временно отложить.

В конце апреля на совещании в Кремле был обсужден план летне-осенней кампании. Задачи Красной Армии были сформулированы в первомайском приказе И.В. Сталина. Их суть состояла в том, чтобы завершить изгнание противника с советской территории, восстановить государственную границу СССР на всем протяжении, вывести из войны на стороне Германии ее европейских союзников и освободить из немецкой неволи поляков, чехов, словаков и другие народы Западной Европы^[292]. Для решения этой задачи намечалось подготовить и последовательно провести силами нескольких фронтов ряд стратегических наступательных операций на огромном пространстве – от Заполярья до Черного моря. На первом этапе кампании (июнь – август) планировалось нанести три мощных удара и поочередно разгромить крупные

группировки противника: вначале на Карельском перешейке и в Южной Карелии, потом на центральном участке фронта – в Белоруссии, а затем в западных областях Украины на львовско-сандомирском направлении. На втором этапе (сентябрь – ноябрь) предусматривалось проведение наступательных операций на Балканах, в Прибалтике и на Крайнем Севере.

15 мая И.В. Сталин принял решение об изменениях в руководстве фронтами. Маршал Г.К. Жуков был освобожден от временного командования 1-м Украинским фронтом, чтобы дать ему возможность руководить в будущем действиями нескольких фронтов. Командующим этим фронтом, по предложению Г.К. Жукова, был назначен Маршал Советского Союза И.С. Конев. Войска 2-го Украинского фронта возглавил генерал армии Р.Я. Малиновский, а 3-го Украинского фронта – генерал армии Ф.И. Толбухин [\[293\]](#).

К летне-осенней кампании готовилось и Верховное Главнокомандование вермахта. Оно планировало упорной обороной на Восточном фронте не допустить дальнейшего продвижения Красной Армии, а на Западном фронте – вторжения американско-английских войск во Францию, захватить инициативу и изменить ход войны в свою пользу. Однако при оценке возможных действий Красной Армии был допущен серьезный просчет. Верховное Главнокомандование вермахта полагало, что основные события развернутся не на центральном, а на юго-западном направлении. Этим промахом умело воспользовались Ставка ВГК и Генеральный штаб Красной Армии.

Задачи войскам 1-го Украинского фронта были определены в директиве № 220122 Ставки ВГК от 24 июня [\[294\]](#). Она требовала подготовить и провести операцию по разгрому львовской и рава-русской

группировок противника и выходу на рубеж Грубешув, Томашув, Яворув, Миколаев, Галич. С этой целью следовало прорвать оборону противника, нанося два удара. Первый удар – силами 3-й гвардейской и 13-й армий из района юго-западнее Луцка в общем направлении на Сокаль, Рава-Русская с задачей разгромить рава-русскую группировку противника и овладеть Томашувом, Рава-Русской. С выходом на западный берег р. Западный Буг приказывалось частью сил наступать на Грубешув, Замостье, содействуя продвижению левого крыла 1-го Белорусского фронта. Второй удар наносили 60, 38 и 5-я армии из района Тарнополя в общем направлении на Львов с задачей разгромить львовскую группировку противника и овладеть Львовом. С целью обеспечения удара на Львов со стороны Стрыя и Станислава намечалось выдвинуть на р. Днестр войска 1-й гвардейской армии.

В состав 1-го Украинского фронта к началу операции входили семь общевойсковых (1, 3 и 5-я гвардейские, 13, 60, 38, 18-я), три танковые (1-я и 3-я гвардейские, 4-я), две воздушные (2-я, 8-я – с 16 июля) армии, две конно-механизированные группы и 1-й Чехословацкий армейский корпус. Всего фронт насчитывал 1,1 млн человек, 16100 орудий и минометов, 2050 танков и САУ, 3250 самолетов. По другим данным фронт имел около 2200 танков и САУ^[295].

Перед войсками фронта оборонялась группа армий «Северная Украина» (генерал-полковник Й. Гарпе) в составе немецких 4-й и 1-й танковых армий, венгерской 1-й армии, поддерживаемых 4-м воздушным флотом. Противник насчитывал 900 тыс. человек, 6300 орудий и минометов, свыше 900 танков и штурмовых орудий, 700 самолетов^[296]. Войска 1-го Украинского фронта на направлениях главных ударов превосходили

противника в живой силе почти в 5 раз, в артиллерии – в 6–7, в танках и САУ – в 3–4, а в самолетах – в 4,6 раза.

Противник опирался на хорошо оборудованную в инженерном отношении оборону, которая включала три полосы глубиной примерно до 50 км. Города Броды, Губегаув, Рава-Русская, Львов, Галич, Бучач были превращены в сильно укрепленные оборонительные узлы. Несмотря на постоянное изучение группировки противника, командованию фронта к началу наступления не удалось в полной мере вскрыть систему огня и дислокацию его резервов, в том числе танковых дивизий на львовском направлении.

Замысел маршала Конева состоял в том, чтобы нанести удары по вражеской обороне на двух направлениях – на рава-русском и львовском. На рава-русском направлении должны были наступать 3-я гвардейская, 13-я армии, 1-я гвардейская танковая армия и конно-механизированная группа генерала В.К. Баранова. На Львов наступали 60-я и 38-я армии, 3-я гвардейская и 4-я танковая армии и конно-механизированная группа генерала С.В. Соколова.

Задачи войскам были определены в приказе № 00596/239/оп от 7 июля командующего 1-м Украинским фронтом [\[297\]](#). Ввод в сражение танковых армий предусматривался на второй или третий день операции. Войска 1-й гвардейской танковой армии намечалось ввести в сражение на участке прорыва 3-й гвардейской и 13-й армий в целях стремительного развития наступления в направлении Сокаль, Рава-Русская, форсирования с ходу к исходу первого дня операции Западного Буга и овладения районом Городловице, Опульско, Крыстынополь, Копылув. В дальнейшем армии предстояло наступать в направлении Мошкув, Пшеводув, Ярчув и ударом с севера и северо-запада на четвертый день операции

овладеть Рава-Русской и районом Мосты Малы, Верхрата, Домбрувка, Фарыны, Жички. Передовыми отрядами следовало захватить Немиров, Магеров, перерезать шоссе Любачув – Жолкев и не допустить отхода противника на запад. В районе Жолкева приказывалось войти в боевое взаимодействие с 3-й гвардейской танковой армией, а в районе Рава-Русской – с конно-механизированной группой генерала Соколова.

Обеспечение ввода танковой армии в прорыв и ее действий в глубине обороны противника возлагалось на 2-ю воздушную армию. Для поддержки 13-й и 1-й гвардейской танковой армий выделялся 5-й штурмовой авиационный корпус. Готовность войск к наступлению – к 20.00 12 июля.

Успех прорыва обеспечивался сосредоточением свыше 77 % артиллерии, более 90 % танков и САУ и 100 % авиации на участках, составлявших всего 6 % полосы, занимаемой фронтом. На участках прорыва на 1 км фронта приходилось 236–255 орудий и минометов и 14 танков и САУ^[298]. Артиллерийскую подготовку планировалось провести в течение 1 часа 40 минут. Атаку пехоты и танков предусматривалось обеспечить огневым валом.

Чтобы скрыть замысел операции и перегруппировку войск, штаб 1-го Украинского фронта по указанию маршала Конева разработал план оперативной маскировки. Им предусматривалось имитировать сосредоточение двух танковых армий и танкового корпуса на левом крыле фронта. С этой целью осуществлялись ложные перевозки танков по железной дороге, имитировались районы выгрузки танковых соединений, обозначалось их выдвижение в районы сосредоточения и велись открыто радиопередачи. В ложных районах сосредоточения было выставлено большое количество макетов танков, автомашин,

орудий и другой техники. «И все же нам, к сожалению, не удалось полностью обмануть противника, – вспоминал маршал Конев, – несмотря на принятые меры маскировки. Однако перегруппировка 1-й гвардейской танковой армии в район южнее Луцка и 4-й танковой армии в район Тарнополя все же осталась в тайне, что было очень важно для операции»^[299].

Вечером 12 июля на рава-русском направлении была проведена разведка боем. Она установила, что противник начал отвод своих войск, оставив на переднем крае боевое охранение. В связи с этим маршал Конев принял решение немедленно перейти в наступление передовыми батальонами дивизий, находившихся на направлениях главных ударов 3-й гвардейской и 13-й армий. В течение 13 июля передовые батальоны преследовали противника, а сутки спустя в наступление перешли главные силы обеих армий. Им пришлось иметь дело с противником, отошедшим на вторую, заранее подготовленную полосу обороны. Чтобы сломить его сопротивление перед 13-й армией, командующий 1-й гвардейской танковой армией решил ввести в бой свой передовой отряд – 1-ю гвардейскую танковую бригаду полковника В.М. Горелова. Вплотную за стрелковыми частями двинулся и недавно прибывший в армию 6-й мотоциклетный полк. К исходу дня 13-я армия, преодолев систему вражеских укреплений, продвинулась на 15–20 км.

Преодолевая сопротивление противника, 1-я гвардейская танковая бригада первой вырвалась к р. Западный Буг неподалеку от Сокаля. К этому времени 44-я гвардейская танковая бригада полковника И.И. Гусаковского и 399-й гвардейский тяжелый самоходный артиллерийский полк полковника Д.В. Кобрин прорвались к Западному Бугу немного южнее Сокаля. Здесь оборона противника оказалась сравнительно

слабой. Поэтому генерал Катукон принял решение нанести главный удар на участке 44-й гвардейской танковой бригады. Туда спешно перебрасывались основные силы армии. Они 17 июля форсировали Западный Буг и вошли в сражение в полосе шириной 10 км на глубине 40 км от бывшего переднего края обороны противника.

На львовском направлении прорыв проходил в более сложной обстановке, так как противник, опираясь на заранее подготовленную вторую полосу обороны, оказывал ожесточенное сопротивление. Несмотря на это войска 60-й армии при поддержке передовых бригад 3-й гвардейской танковой армии за три дня ожесточенных боев прорвали оборону противника на глубину до 18 км, образовав так называемый колтовский (колтувский) коридор шириной 4-6 км. В него маршал Конев 16 июля направил 3-ю гвардейскую танковую армию, не ожидая выхода стрелковых войск к намеченному рубежу. На следующий день командующий фронтом принял необычное и весьма рискованное решение – ввести в сражение через узкую горловину прорыва еще одну, 4-ю танковую, армию. Ей предстояло, не ввязываясь во фронтальные бои за Львов, обойти его с юга и отрезать пути выхода противника на юго-запад и запад. Ввод танковых армий обеспечивался действиями двух штурмовых, двух бомбардировочных и двух истребительных авиационных корпусов. С целью расширения горловины прорыва и обеспечения танковых частей с флангов использовались войска 60-й армии и крупные силы артиллерии, а также выдвинутые в район коридора 4-й гвардейский и 31-й отдельные танковые корпуса.

Последовательный ввод в сражение двух танковых армий с целью быстрейшего выхода к Львову позволил развить тактический успех, достигнутый в начале операции, в оперативный. К исходу дня 18 июля

соединения 3-й гвардейской танковой армии совместно с конно-механизированной группой генерала Баранова завершили окружение до 8 дивизий бродской группировки противника, а главные силы 4-й танковой армии вышли в район Ольшанцы и устремились к Львову.

Войска 1-й гвардейской танковой армии, продолжая наступление, 18 июля установили взаимодействие с конно-механизированной группой генерала Баранова. Упорные бои развернулись на рубеже Сокаль, Крыстынополь. Но войска армии сломили сопротивление противника и, преследуя его, двинулись к берегам р. Сан, к древнему городу Ярославу. Общеармейские соединения, продвигаясь за танковыми бригадами, отрезали пути отхода вражеским дивизиям, засевшим под Бродами.

20 июля маршал Конев приказал повернуть 1-ю гвардейскую танковую армию на юго-запад и стремительно развивать наступление к р. Сан с тем, чтобы, форсировав ее, перехватить пути отхода противника на запад. В связи с поворотом 1-й гвардейской танковой армии на Ярослав и Перемышль и некоторой задержкой 3-й гвардейской армии образовался разрыв между войсками 3-й гвардейской и 13-й армий. Поэтому конно-механизированная группа Соколова получила задачу из района Рава-Русской нанести фланговый удар на Фрамполь и, действуя по вражеским тылам, облегчить продвижение войск 3-й гвардейской армии. С выходом в район Красник, Вильколаз конно-механизированная группа должна была установить взаимодействие с соединениями 1-го Белорусского фронта. В дальнейшем форсировать с ходу Вислу и захватить плацдармы.

Пока корпуса 3-й гвардейской танковой армии безуспешно пытались прорваться к Львову с севера, возле устья колтувского коридора, в районе Сасов,

Золочев, продолжались бои с частями окруженной бродской группировки противника. К полудню 22 июля ее остатки сложили оружие. Потери противника составили около 20 тыс. убитыми, около 13 тыс. человек сдались в плен. Было захвачено 28 танков и САУ, 180 орудий, 269 минометов, около полутора тысяч автомобилей^[300]. В тот же день 1-я гвардейская танковая армия во взаимодействии с конно-механизированной группой генерала Баранова форсировала с ходу р. Сан в районе Ярослава и захватила плацдарм на западном берегу реки. При этом танковые части оторвались от соединений 13-й армии на 50–55 км, вступив на территорию Польши.

В это время в стане противника происходили следующие события. 20 июля была предпринята попытка покушения на Гитлера. Однако он уцелел и жестоко расправился не только с заговорщиками, но и со всеми заподозренными в нелояльности режиму. Начальником Генерального штаба Главного командования Сухопутных войск был назначен генерал Г. Гудериан. Приняв дела, он пришел к выводу, что «положение группы армий «Центр» после 22 июля 1944 г. было просто катастрофическим; худшего ничего и не придумаешь... Русские, казалось, неудержимым потоком хлынули к р. Висла от Сандомира до Варшавы... Единственные имевшиеся в нашем распоряжении силы находились в Румынии, в тылу группы армий «Южная Украина». Уже одного взгляда на карту железных дорог было достаточно, чтобы понять, что переброска этих резервов займет много времени»^[301].

Генерал Гудериан принял энергичные меры для восстановления фронта обороны по западному берегу Вислы. Сюда спешно выдвигались резервы из глубины и с других участков фронта. В действиях войск противника стало проявляться еще больше упорства.

Однако и Гудериану оказалось не под силу остановить продвижение советских войск.

В ночь на 22 июля войска 4-й танковой армии начали штурм Львова. Соединения 3-й гвардейской танковой армии к утру 24 июля вышли в районы Яворова и Судовой Вишни, отрезав пути отхода львовской группировки на запад.

23 июля Сталину был представлен план разгрома львовской группировки противника, разработанный под руководством представителя Ставки ВГК маршала Жукова^[302]. В нем предлагалось использовать танковые армии для захвата переправ на Висле. Однако Сталин 24 июля направил маршалам Жукову и Коневу директиву № 220152, в которой говорилось: «Ставка Верховного Главнокомандования считает ваш план использования танковых армий и кав. корпусов преждевременным и опасным в данный момент, поскольку такая операция не может быть сейчас материально обеспечена и приведет только к ослаблению и распылению наших ударных группировок»^[303]. Исходя из этого, Сталин потребовал в первую очередь разгромить львовскую группировку противника и не допустить ее отхода за р. Сан или на Самбор. В этой связи 1-я гвардейская танковая армия и 1-й гвардейский кавалерийский корпус должны были овладеть районом Ярослав, Перемышль, а 3-я гвардейская и 4-я танковые армии разгромить львовскую группировку противника и овладеть Львовом во взаимодействии с 60-й армией. «Имейте в виду, что, не овладев Львовом, – отмечал Сталин, – как важным железнодорожным узлом, мы не можем развить серьезное наступление дальше на запад, в сторону Кракова». Силами 6-го гвардейского кавалерийского корпуса предписывалось нанести удар в направлении Томашув, Красник по тылам красноставской

группировки противника с целью ее разгрома во взаимодействии с 3-й гвардейской армией и левым крылом 1-го Белорусского фронта. Наступление на запад на ближайшие дни предписывалось ограничить выходом на р. Сан с захватом переправ и плацдармов на западном берегу реки. 26 июля требовалось представить план дальнейших наступательных действий после овладения Львовом.

В указанный срок маршал Конев направил соответствующий план Сталину^[304]. В плане предусматривалось после овладения Львовом и выхода войск фронта правым флангом на р. Висла, центром – на западный берег р. Сан и овладения плацдармами на рубеже Ежово, Соколув, Жолыня, Каньчуга, Бабице и левым крылом – Перемышль, Ходоров, Долина развить дальнейшее наступление. Для этого создать ударную группировку в составе 3-й гвардейской, 13-й, 5-й гвардейской, 60-й, 38-й армий, 1-й гвардейской, 3-й гвардейской и 4-й танковых армий, конно-механизированных групп генералов Соколова и Баранова – всего 51 стрелковая и 6 кавалерийских дивизий, 10 танковых и механизированных корпусов, вся артиллерия усиления фронта и авиация. Ближайшая цель операции – завершить разгром львовско-станиславской группировки противника, выбросив ее остатки на юго-запад в Карпаты, разбить подходящие танковые и пехотные резервы противника, форсировать р. Висла и овладеть районом Ченстохова, Краков. При этом 1-я гвардейская танковая армия должна была наступать из района северо-западнее Перемышля, южнее Жешува на Тарнув, Бохня в обход Кракова с юга и юго-запада. Начало операции – ориентировочно 3-5 августа.

Пока разрабатывались и рассматривались планы, войска 1-го Украинского фронта продолжали

наступление. Разведывательные подразделения 1-й гвардейской танковой армии захватили плацдарм на противоположном берегу р. Сан. На него переправился 6-й мотоциклетный полк. В ночь на 24 июля удалось навести два моста и переправить на плацдарм часть артиллерии 8-ю гвардейского механизированного корпуса. Однако днем авиация противника разбомбила мост. Маршал Конев в тот же день направил командующему армией следующее распоряжение:

«Львовско-Станиславская группировка противника отходит в направлении Перемышль и Самбор. С целью отрезать основные пути отхода львовской группировки противника на запад во изменение моей директивы от 23.7.44 за № 76/нш приказываю:

1. Закончить форсирование р. Сан и нанести удар в общем направлении на Перемышль с задачей к исходу 24.7 овладеть переправами Дубецко, Кшевча, западной частью Перемышль, где организовать прочную оборону фронтом на восток и юго-восток; не допустить отхода противника за р. Сан.

2. Одновременно овладеть Ярослав и для обеспечения себя с запада овладеть Пшевурск, Каньчуга, Яворник-Польски.

3. Иметь подвижной резерв в районе Быстровице, Боратын.

4. Установить боевое взаимодействие с группой генерала Баранова, имеющей задачу овладеть переправами через р. Сан на участке Санок, Дынув»^[305].

К исходу дня 24 июля главные силы 1-й гвардейской танковой армии форсировали Сан севернее и южнее Ярослава. Войска 1-й гвардейской армии заняли Галич. 27 июля 121-я гвардейская стрелковая дивизия 13-й армии и части 8-го гвардейского механизированного корпуса после упорных боев овладели Ярославом, а 1-я гвардейская армия – Станиславом. Одновременно

соединения 60-й, 38-й армий, 3-й гвардейской и 4-й танковых армий завершили освобождение Львова. 18-я армия вышла в район южнее Калуша. Войска 13-й и 3-й гвардейской танковой армий при содействии 11-го гвардейского танкового корпуса 1-й гвардейской танковой армии и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса заняли Перемышль (Пшемысль).

В результате успешных действий войск 1-го Украинского фронта к концу июля группа армий «Северная Украина» была рассечена на две части: остатки ее 4-й танковой армии откатывались к Висле, а войска немецкой 1-й танковой армии и венгерской 1-й армии – на юго-запад, к Карпатам. Разрыв между ними достигал до 100 км.

Ставка ВГК, учитывая успехи войск 1-го Украинского фронта, 27 и 28 июля своими директивами № 220155 и № 220163 внесла некоторые изменения в план его дальнейших действий^[306]. Основные усилия фронта требовалось сосредоточить на сандомирском направлении. Войскам 13-й и 1-й гвардейской танковой армий предписывалось не позже 1-2 августа форсировать Вислу и захватить плацдарм на ее западном берегу на участке Сандомир, устье р. Вислока. Плацдарм приказывалось использовать для удара на север с целью помочь 3-й гвардейской армии форсировать р. Висла и выйти на ее западный берег. В центре фронта к тому же времени предстояло выйти на р. Вислока и овладеть районом Санок, Дрогобыч, Долина. Соединения 1-й гвардейской и 18-й армий должны были захватить и прочно удерживать перевалы через Карпатский хребет на направлениях Гуменнэ, Ужгород, Мукачево с целью последующего выхода в Венгерскую долину. В дальнейшем предусматривалось наступать в общем направлении на Ченстохову и Краков.

29 июля Ставка ВГК издала специальную директиву № 220166, которая касалась командующих 1-м Украинским и 1-м Белорусским фронтами. В ней подчеркивалось:

«Придавая большое значение делу форсирования Вислы, Ставка обязывает вас довести до сведения всех командармов вашего фронта, что бойцы и командиры, отличившиеся при форсировании Вислы, получат специальные награды орденами вплоть до присвоения звания Героя Советского Союза»^[307].

Одновременно Сталин возложил на маршала Жукова не только координацию, но и руководство операциями, проводимыми войсками 1-го Украинского, 1-го и 2-го Белорусских фронтов.

Войска 1-й гвардейской танковой армии, передав занимаемый рубеж войскам 13-й армии, 28 июля совершили 90-километровый марш вдоль фронта на северо-запад, а затем устремились к Висле. Армейский передовой отряд (6-й гвардейский мотоциклетный полк) вечером 29 июля овладел важным пунктом Баранув, вышел на правый берег Вислы и приступил к ее форсированию на подручных средствах. Одновременно форсировали Вислу и передовые подразделения 350-й стрелковой дивизии 13-й армии. Вслед за ними в район форсирования подошли передовые отряды корпусов, мотострелковые подразделения которых также начали переправляться на противоположный берег. К утру 30 июля, когда к Висле начали выходить главные силы корпусов первого эшелона 1-й гвардейской танковой армии, на противоположном берегу уже были захвачены два плацдарма глубиной 2-3 км и созданы условия для переправы танков. К 3 часам 31 июля был собран первый 50-тонный паром, и началась переправа танков. Она осуществлялась под сильным воздействием авиации противника, так как истребительная авиация

фронта еще не успела перебазироваться и действовала ограниченными силами. Во 2-й воздушной армии, кроме того, ощущался недостаток горючего. Чтобы прикрыть переправы, командующий фронтом приказал слить часть горючего из баков бомбардировщиков и штурмовиков и передать истребителям. Это позволило несколько улучшить авиационное прикрытие переправ в районе Баранува.

Утром 1 августа главные силы 1-й гвардейской танковой армии были уже за Вислой. Используя их успех, через реку стали переправляться подошедшие части 3-й гвардейской танковой армии. Действуя смело и решительно, войска 1-й гвардейской танковой армии наступали в северном и северо-восточном направлениях, а 3-й гвардейской танковой армии – на запад и юго-запад. К исходу дня 4 августа плацдарм в районе Сандомира был расширен до 45 км по фронту и до 25 км в глубину.

Противник предпринимал отчаянные попытки отбросить войска фронта, вышедшие в район Сандомира. Он из районов Тарнобжега и Мельца нанес ряд контрударов по флангам войск, находившихся на правом берегу Вислы. Однако соединения 1-й и 3-й гвардейских танковых армий при поддержке стрелковых и артиллерийских частей отразили удар врага. Не удалось ему добиться успеха и на левом берегу Вислы, где в шестидневных ожесточенных боях соединения 5-й гвардейской, 3-й гвардейской танковой армий и 31-го отдельного танкового корпуса отразили все его атаки. К району боевых действий из-под Самбора были переброшены соединения 4-й танковой армии, что позволило еще больше укрепить оборону на плацдарме.

Одновременно с отражением контрударов противника маршал Конев принимал меры по расширению захваченного плацдарма. 14 августа он

приказал войскам 1-й гвардейской танковой и 13-й армий повернуть на восток и юго-восток с тем, чтобы соединиться с войсками 3-й гвардейской армии и окружить сандомирскую группировку противника. Реализуя этот приказ, генерал Катукوف решил оставить на внешнем фронте 1-ю гвардейскую танковую, 19-ю гвардейскую механизированную бригады и 6-й мотоциклетный полк. Командующий 13-й армией выделил для этой же цели две стрелковые дивизии. Все эти части и соединения должны были держать жесткую оборону. Остальные силы армий поворачивались на юго-восток, чтобы окончательно окружить и уничтожить сандомирскую группировку врага.

15 августа 21-я гвардейская механизированная бригада 8-го гвардейского механизированного корпуса совместно с частями 13-й армии перерезала последнюю дорогу, соединяющую Сандомир с западом. Теперь окруженные войска противника могли снабжаться только по воздуху. Разгром этой группировки продолжался еще почти неделю. 18 августа соединения 13-й и 3-й гвардейской армий овладели Сандомиром, расширив плацдарм за Вислой до 75 км по фронту и до 50 км по глубине. 20 августа 1-я гвардейская танковая армия была выведена в резерв фронта.

В ходе Львовско-Сандомирской операции войска 1-го Украинского фронта освободили западные области Украины и юго-восточные районы Польши. Они нанесли поражение главным силам группы армий «Северная Украина»: восемь ее дивизий были уничтожены, а тридцать две потеряли от 50 до 70 % личного состава. Войска 1-й гвардейской танковой армии во взаимодействии с другими армиями уничтожили и пленили свыше 34 тыс. солдат и офицеров противника, подбили и захватили 461 танк и штурмовых орудия, 187 бронетранспортеров и бронемашин, 887 орудий и минометов, 683 автомашины, 864 пулемета и 88

самолетов^[308]. Потери советских войск составили: безвозвратные – 65 тыс. и санитарные – 224,3 тыс. человек^[309].

Особенностью операции было использование значительных сил бронетанковых и механизированных войск, что придало боевым действиям маневренный и ожесточенный характер, позволяло в короткое время перенести главные усилия с одного направления на другое. В связи с тем, что общевойсковые армии не располагали достаточным количеством танков НПП, им не удалось прорвать вражескую оборону в нужном темпе. Поэтому одновременно ввести в сражение три танковые армии не удалось. Более того, для повышения темпа прорыва обороны были привлечены передовые отряды подвижных соединений. Это позволило на четвертый день операции начать ввод в сражение главных сил эшелона развития успеха. Выдвижение двух танковых армий в оперативную глубину по одному маршруту на львовском направлении продолжалось четверо суток, что позволило противнику навязать войскам фронта затяжные бои в районе Львова. Одной из труднейших задач танковых объединений и соединений при развитии успеха явилось форсирование рек, особенно таких, как Западный Буг, Сан, Висла. На их преодоление затрачивалось до двух-трех суток.

* * *

После завершения Львовско-Сандомирской операции 1-я гвардейская танковая армия (11-й гвардейский танковый, 8-й гвардейский механизированный корпуса, 64-я гвардейская танковая бригада, армейские части усиления и тылы) согласно директиве № 29580 Генштаба Красной Армии от 29

августа 1944 г. была выведена в резерв Ставки ВГК. Ее требовалось к 10 сентября сосредоточить в районе Немирова. Части и соединения предписывалось отправить в полном составе, кроме танков и САУ, которые обращались на доукомплектование танковых частей, остающихся в 1-м Украинском фронте. С армией разрешалось отправить по 10 танков на корпус, по одной САУ на каждый самоходный артиллерийский полк, командирские танки и все самоходные артиллерийские установки СУ-57. Перед отправкой приказывалось обеспечить части горючим на весь путь следования, продовольствием и фуражом – по 1 октября. Марш следовало совершать исключительно в темное время. Всю переписку и переговоры по этому вопросу вести только с Генеральным штабом^[310].

В указанный срок соединения 1-й гвардейской танковой армии перебазировались на восток и расположились в лесах, возле небольших украинских городов Немиров, Яворов, что северо-западнее Львова. В резерве Ставки ВГК армия находилась почти три месяца. По директиве Генштаба № 297876 от 21 ноября ей предстояло своим ходом, кроме танков, САУ и тяжелых грузов, которые перевозились по железной дороге, выйти к 29 ноября в район Люблина. Марш требовалось совершать в темное время с соблюдением мер маскировки, а переписку вести только с Генштабом и начальником штаба 1-го Белорусского фронта^[311]. В указанный срок войска армии, преодолев более 500 км, сосредоточились в лесах юго-восточнее Люблина, где начали подготовку к Варшавско-Познаньской наступательной операции.

***Варшавско-Познаньская наступательная
операция (14 января - 3 февраля 1945 г.)***

После выхода войск Красной Армии к Висле, захвата плацдармов на западном берегу реки и отражения контрударов противника линия фронта от Балтики до Карпат стабилизировалась на четыре месяца. Обе стороны готовились к решающим боям.

Верховное Главнокомандование вермахта планировало в 1945 г. упорной обороной задержать наступление Красной Армии и не допустить ее продвижения в глубь территории Германии. На Западном фронте предусматривалось ударами по войскам союзников вынудить США и Великобританию изменить свою политику по отношению к Германии и способствовать достижению сепаратных сделок. Немецкое командование полагало, что Красная Армия нанесет два удара: главный – через Венгрию и Чехию и второй – в Восточной Пруссии. Одновременно оно ожидало и наступления войск Красной Армии, находившихся на рубеже Вислы, но с ограниченными целями.

Ошибка в определении направления главного удара советских войск привела к тому, что на варшавско-берлинском направлении плотность сил и средств противника оказалась в полтора-два раза меньше, чем на других участках советско-германского фронта.

Ставка ВГК в ходе зимней кампании 1945 г. намечала осуществить одновременное наступление на всем советско-германском фронте в целях разгрома вермахта и взятия Берлина. Главный удар планировалось нанести на варшавско-берлинском направлении силами 1-го, 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов. Разгром противника в Восточной Пруссии возлагался на войска 3-го и 2-го Белорусских фронтов. После отсечения восточно-прусской группировки от центральных районов Германии главные силы 2-го Белорусского фронта должны были продолжить наступление на запад. Ликвидацию

прижатых к морю войск противника планировалось осуществить 3-м Белорусским фронтом и частью сил 2-го Белорусского фронта. Войскам 1-го Белорусского, 1-го и 4-го Украинских фронтов предстояло разгромить группировку врага в Западной Польше и в Чехословакии. Перед войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов стояла задача завершить разгром противника в Венгрии и в южных районах Чехословакии, после чего развернуть наступление на Вену. В результате сражений первого этапа кампании фронты должны были выйти на рубеж устье р. Висла, Быдгощ, Познань, Бреслау, Моравска-Острава, Вена, Надьканижа, Осиек. В дальнейшем предусматривалось развернуть наступление на Берлин и Прагу.

В начале января 1945 г. завершилось создание стратегических группировок. Наиболее мощная из них находилась на направлении главного удара – в полосе 1-го, 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов. Здесь, в полосе протяженностью 550 км, составлявшей около 25 % всего советско-германского фронта, было сосредоточено 45 % личного состава, 70 % танков и САУ, 43 % орудий, минометов и боевых самолетов, имевшихся в составе действующей армии^[312]. Особенно сильной была группировка подвижных войск. В нее входили 5 танковых армий из 6, 10 отдельных танковых и механизированных корпусов из 19. Это в значительной степени предопределило высокую маневренность войск и динамичность наступательных операций.

Составной частью зимней кампании являлась Висло-Одерская стратегическая наступательная операция, проводившаяся силами 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Она включала Варшавско-Познаньскую и Сандомирско-Силезскую фронтовые наступательные операции. Первую операцию проводили

войска 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Г.К. Жукова. К ее началу они насчитывали около 800 тыс. человек, свыше 14 тыс. орудий и минометов, 3220 танков и САУ, 2190 самолетов. Им противостояла 9-я армия группы армий «А» (с 26 января – группа армий «Центр». – *Прим. авт.*), имевшая около 143 тыс. человек, свыше 2 тыс. орудий и минометов, более 700 танков и штурмовых орудий. Противник заблаговременно создал глубокую, сильно укрепленную в инженерном отношении оборону, которая включала одерско-нейсенский рубеж глубиной 20–40 км, имевший три полосы, и Берлинский оборонительный район, состоявший из трех кольцевых обводов – внешнего, внутреннего и городского.

Задачи войскам 1-го Белорусского фронта были определены в директиве № 220275 Ставки ВГК от 28 ноября 1944 г. [\[313\]](#). Ближайшая задача фронта заключалась в разгроме варшавско-радомской группировки противника и в овладении не позднее 11–12-го дня наступления рубежом Петрувек, Жихлин, Лодзь. В дальнейшем планировалось развивать наступление в общем направлении на Познань. Главный удар силами четырех общевойсковых армий, двух танковых армий, одного кавалерийского корпуса предписывалось нанести с плацдарма на р. Пилица в общем направлении на Бялобжеги, Скерневице, Кутно. Частью сил (не менее одной общевойсковой армии и одного или двух танковых корпусов) приказывалось наступать в северо-западном направлении с целью свернуть оборону противника перед правым крылом фронта и при содействии 2-го Белорусского фронта разгромить варшавскую группировку противника и овладеть Варшавой. Оборону противника следовало прорвать силами трех армий на участке шириной 16 км, привлекая для этого четыре артиллерийские дивизии.

Плотность артиллерии и минометов (от 76-мм и выше) должна была составлять не менее 240 стволов на 1 км участка прорыва.

Второй удар намечалось нанести силами двух общевойсковых армий, двух танковых корпусов и одного кавалерийского корпуса с плацдарма юго-западнее Пулав в общем направлении на Радом, Томашов (Томашув-Мазовецки), Лодзь. Частью сил предстояло наступать в направлении Шидловца, навстречу удару 1-го Украинского фронта с целью во взаимодействии с последним разгромить кельце-радомскую группировку врага. Его оборону предписывалось прорвать на участке шириной 12 км, привлечь для прорыва две артиллерийские дивизии, создать плотность артиллерии и минометов (от 76-мм и выше) не менее 215 стволов на 1 км участка прорыва.

Во втором эшелоне фронта следовало иметь одну армию и использовать ее для развития успеха после прорыва вражеской обороны на главном направлении. С началом наступления главных сил фронта войска 47-й армии во взаимодействии с левым крылом 2-го Белорусского фронта должны были очистить междуречье рек Висла и Буг. В дальнейшем армию использовать, в зависимости от обстановки, для развития успеха на главном направлении или для удара в обход Варшавы с северо-запада. 1-ю польскую армию предусматривалось первоначально использовать для обороны по восточному берегу Вислы в районе Варшавы и после прорыва ввести в сражение для овладения Варшавой. Танковые армии предписывалось использовать для развития успеха после прорыва обороны противника на главном направлении, отрезая пути отхода его варшавской группировки на запад. Операцию приказывалось обеспечить 4-6 боекомплектами боеприпасов, 15 заправками авиационного и 8 заправками автомобильного горючего.

С учетом директивы Ставки ВГК штаб 1-го Белорусского фронта разработал план разгрома варшавско-радомской группировки противника, который маршал Жуков 25 декабря представил Сталину^[314].

При разработке плана операции штаб фронта учитывал, что в полосе протяженностью 235 км противник имел в первой линии до 9 пехотных дивизий, одну танковую дивизию, один отдельный охранный полк и 11 отдельных батальонов, усиленных двумя артиллерийскими полками РГК, 9 артиллерийскими дивизионами РГК, 5 бригадами штурмовых орудий РГК, одним танковым батальоном РГК, 4 противотанковыми дивизионами РГК, 3 минометными полками РГК и 2 минометными дивизионами РГК. Во второй линии предполагалось наличие 4 танковых дивизий, одного отдельного пехотного полка и 10 отдельных батальонов, а в резерве – свыше 7 дивизий. Кроме того, предусматривалось, что против войск фронта противник может использовать резервы, находящиеся в районах Плоцка (432-я запасная дивизия) и Вежбника, Любени (восточнее Вежбника) – 16-я танковая дивизия.

Замысел Варшавско-Познаньской операции состоял в том, чтобы путем нанесения двух рассекающих ударов расчленив противостоящую группировку противника и разгромить ее по частям. Главный удар намечалось нанести с магнушевского плацдарма в направлении Кутно, Познань силами 61-й, 5-й ударной, 8-й гвардейской, 1-й и 2-й гвардейских танковых армий и 2-го гвардейского кавалерийского корпуса. Другой удар наносился с пулавского плацдарма в направлении Радом, Лодзь силами 69-й и 33-й армий. Кроме того, ударом частью сил на Шидловец во взаимодействии с войсками правого крыла 1-го Украинского фронта планировалось окружить и уничтожить группировку

противника в районе Радом, Островец. Вспомогательный удар наносила 47-я армия севернее Варшавы. 1-я армия Войска Польского должна была на 4-й день операции перейти в наступление и во взаимодействии с 47-й, 61-й и 2-й гвардейской танковой армиями овладеть Варшавой. 3-я ударная армия – второй эшелон фронта – получила задачу развивать успех на познаньском направлении, а резерв фронта (7-й гвардейский кавалерийский корпус) – на лодзинском направлении.

В соответствии с замыслом 1-й гвардейская танковая армия должна была с выходом пехоты и танков 8-й гвардейской армии на рубеж Бобрек, Романув, Лисув во второй день операции войти в прорыв на участке Урбанув, Лисув. После этого, развивая удар в общем направлении Ждзар, Млодыне-Дольна, Нове-Място, Рава Мазовецка, Скерневице, Лович, Кутно, овладеть районами: на второй день ввода в прорыв – Железна-Нова (6 км севернее Нове-Място), Немглувы (17 км северо-западнее Нове-Място), Бартошувка, Нове-Място; на третий день ввода в прорыв – Компина, Лович, Лышковице, Белхув, Болимув; на четвертый день ввода в прорыв – Кутно, Ленчица, Пионтек. В дальнейшем развивать удар на Клодава, Коло, Конин, Познань. Артиллерийское и инженерное обеспечение ввода в прорыв 1-й гвардейской танковой армии возлагалось на командующего 8-й гвардейской армией, а авиационное обеспечение – на командующего 16-й воздушной армией. С вводом в прорыв командующему 1-й гвардейской танковой армией подчинялись 2-я, 11-я гвардейские штурмовые, 282-я и 286-я истребительные авиационные дивизии.

29 декабря 1944 г. Ставка ВГК директивой № 11001 утвердила план маршала Жукова. 2 января 1945 г. он уточнил задачу 1-й гвардейской танковой армии. Он требовал «стремительным выходом на северный берег

реки Пилица, а в дальнейшем к реке Бзура в район Ловича обеспечить успех 1-го Белорусского фронта по окружению и уничтожению варшавской группировки противника: уничтожить подходящие с запада резервы и не допустить их на соединение с окруженной варшавской группировкой. С выходом армии в район Кутно занять исходное положение для развития наступления на Познань»^[315]. От рубежа, с которого войскам армии предстояло входить в прорыв, до конечного пункта наступления необходимо было за четыре дня пройти с боями 180-190 км.

С целью обеспечения успешного прорыва вражеской обороны на участках прорыва, составляющих в общей сложности всего 13 % от общей ширины полосы наступления, было сосредоточено 54 % стрелковых дивизий, 53 % артиллерии и минометов, свыше 90 % танков и САУ, почти вся авиация. Из 3220 танков и САУ в качестве танков НПП выделялось 1488 бронеединиц (46 %). Средняя плотность танков НПП в армиях ударной группировки фронта была 25 бронеединиц на 1 км участка прорыва (в 8-й гвардейской, 5-й ударной и 33-й армиях – около 30)^[316]. В соответствии с указаниями Ставки ВГК создавались высокие плотности артиллерии на 1 км участка прорыва: в 61-й армии – 226 стволов, в 5-й ударной и 8-й гвардейской армиях – 250, в 69-й – 220, в 33-й – 212, а в 47-й армии – 151 ствол.

К началу операции 1-я гвардейская танковая армия включала один механизированный и один танковый корпуса, отдельные танковую, легкую артиллерийскую, самоходную артиллерийскую и моторизованную инженерную бригады, отдельный танковый и мотоциклетный полки, мотоциклетный батальон, авиационный полк связи.

Исходные позиции войск 1-го Белорусского фронта находились на двух небольших плацдармах на

западном берегу Вислы, которые простреливались противником. В целях скрытного сосредоточения войск движение по мостам через реку осуществлялось только ночами. На плацдармах для каждого орудия и танка в землю вбивался колышек с отметкой – расчеты и экипажи в темноте находили эти места, устанавливали пушки и машины, тщательно маскировали их. К утру плацдарм снова выглядел так, словно тут находилось несколько батальонов. С целью дезинформации противника был проведен «план обмана». На левом крыле 1-го Белорусского фронта имитировалась подготовка прорыва. Для этого были выставлены макеты сотен танков, орудий и автомашин, сооружены ложные аэродромы, создавалась видимость усиленного железнодорожного движения. И противник поверил. Из-под Варшавы и Радома он перебросил сюда танковую и моторизованную дивизии, ослабив свою группировку на главном направлении.

В половине восьмого утра 14 января 1945 г. началась артиллерийская подготовка, а через двадцать пять минут войска 1-го Белорусского фронта перешли в наступление. Соединения 61-й, 5-й ударной и 8-й гвардейской армий, наступавшие с магнушевского плацдарма, прорвали оборону и углубились на 8—12 км. В это время части 1-й и 2-й гвардейских танковых армий переправлялись через Вислу на плацдарм, а их передовые отряды продвигались за боевыми порядками стрелковых соединений.

Удар войск 69-й и 33-й армий с пулавского плацдарма был еще более эффективным. Здесь в первый день наступления была прорвана не только главная, но на некоторых участках и вторая оборонительная полоса, а глубина продвижения составляла 22 км. Части 11-го танкового корпуса генерала И.И. Ющука, действовавшего в полосе 69-й армии, совместно с ее стрелковыми частями овладели

городом Зволень. К утру 16 января 9-й танковый корпус генерала И.Ф. Кириченко, наступавший в полосе 33-й армии, во взаимодействии с соединениями 69-й армии занял Радом.

15 января в полосе 8-й гвардейской армии на глубине 12-15 км в сражение по четырем маршрутам в одноэшелонном оперативном построении была введена 1-я гвардейская танковая армия. 11-й гвардейский танковый корпус генерала А.Х. Бабаджаняна, действовавший на правом фланге армии, стремительно продвигался к р. Пилица севернее Нове-Място, а 8-й гвардейский механизированный генерала И.Ф. Дремова, наступавший на левом фланге, не ввязываясь в мелкие бои, устремился на Лодзь. Километрах в пятидесяти правее 1-й гвардейской танковой армии наступала 2-я гвардейская танковая армия, а левее, километрах в тридцати, – 11-й танковый корпус.

Утром 16 января передовой отряд 11-го гвардейского танкового корпуса (44-я гвардейская танковая бригада) по льду форсировал Пилицу, захватив на противоположном берегу плацдарм. Силами 20-го отдельного понтонно-мостового батальона был наведен мост из парка Н2П грузоподъемностью 60 т. Одновременно саперы 134-го гвардейского саперного батальона оборудовали брод, начав пропускать танки передового отряда.

Передовой отряд 8-го гвардейского механизированного корпуса (1-я гвардейская танковая бригада полковника А.М. Темника) совместно с подразделениями 19-й гвардейской механизированной бригады в это время форсировал Пилицу в районе Нове-Място. Еще при подходе к реке был выслан небольшой отряд – несколько танков, самоходно-артиллерийских установок и мотострелковых подразделений – для захвата моста в Нове-Място. Внезапной атакой утром 16 января отряд выполнил задачу и завязал бой за город.

Однако гвардейцы допустили оплошность – не разминировали мост, и противник взорвал его. Основная масса танков корпуса переправилась по понтонному мосту грузоподъемностью 50 т, наведенному к вечеру по льду саперами 1-го отдельного моторизованного понтонно-мостового полка. Части 8-го гвардейского механизированного корпуса переправились через Пилицу за 29 часов, а 11-й гвардейский танковый корпус – за 31 час. Всего было переправлено 182 танка, 11 бронетранспортеров, 55 орудий, 94 автомашины и 700 человек мотопехоты [\[317\]](#).

В это время передовые отряды были уже далеко от Пилицы. 44-я гвардейская танковая бригада 11-го гвардейского танкового корпуса 17 января продвинулась на 70 км и при содействии частей 1-го механизированного корпуса после короткого боя овладела важным узлом дорог Ловичем. Противник настолько был деморализован, что не смог даже оказать сопротивления на р. Равка. Танкисты преодолели реку вброд. 1-я гвардейская танковая бригада 8-го гвардейского механизированного корпуса к этому времени прорвалась в район Поддембице (35 км северо-западнее Лодзи), пройдя более чем 100 км. Главные силы корпусов, преодолев Равку, успешно продвигались за передовыми отрядами. В результате были созданы условия для стремительного преследования остатков войск противника на познаньском направлении.

Войска 2-й гвардейской танковой армии были введены в прорыв утром 16 января после захвата соединениями 5-й ударной армии на левом берегу Пилицы плацдарма. К исходу дня главные силы 2-й гвардейской танковой армии вышли к Сохачеву в тыл варшавской группировки врага и отрезали ей пути

отхода на запад. Эффективную помощь танковым армиям оказывали летчики 16-й воздушной армии.

Успешные действия танковых армий способствовали освобождению 17 января войсками 1-й армии Войска Польского, 61-й и 47-й армий столицы Польши – Варшавы. Общеармейские армии после преодоления тактической зоны обороны и ввода в сражение танковых армий стремились расширить фронт прорыва и быстрее ликвидировать очаги сопротивления врага. Кроме того, чтобы не допустить отрыва от танковых армий, вслед за ними были направлены подвижные отряды из танковых частей, ранее поддерживавшие пехоту.

И.В. Сталин, получив от маршала Г.К. Жукова донесение о взятии Варшавы, в 23 часа 17 января приказал ему «продолжать наступление в общем направлении на Познань и не позднее 2-4 февраля овладеть рубежом Быдгощ (Бромберг), Познань»^[318]. Войскам 1-го Украинского фронта была поставлена задача главными силами выйти на Одер и захватить плацдармы на его западном берегу, а левым крылом – овладеть Краковом и также продвинуться к Одру в обход Домбровского угольного бассейна.

Немецкое командование было вынуждено в спешном порядке перебросить на восток пять пехотных дивизий, в том числе две – из числа действовавших против англо-американских войск.

Вечером 17 января передовые отряды 8-го гвардейского механизированного корпуса вышли к предместью Лодзи. В ночь на 18 января 19-я гвардейская механизированная бригада ворвалась в Згеж, в боях за который погиб командир бригады полковник Ф.П. Липатенков. Тем временем отряд 8-го гвардейского механизированного корпуса под командованием старшего лейтенанта В. Бочковского

беспрепятственно вошел в Лодзь. Генерал Катукон запретил Бочковскому вести бои в городе, чтобы не подвергать его разрушению. 19 января в Лодзь вошли соединения 8-й гвардейской, 33-й, 69-й армий, а также 8-й гвардейский механизированный корпус и 197-я отдельная легкая артиллерийская бригада 1-й гвардейской танковой армии.

Войска 2-й гвардейской танковой армии, прорвав вартовский оборонительный рубеж, 22 января вышли к познаньскому оборонительному рубежу, где встретили ожесточенное сопротивление противника. В районе Шубина армия вынуждена была остановиться из-за отсутствия горючего.

Соединения 1-й гвардейской танковой армии, обойдя Лодзь с севера, пять суток стремительно преследовали противника и, продвинувшись на 240 км, подошли 22 января к р. Варта в районе Познани. Здесь они также остановились из-за отсутствия горючего. Южнее действовали 9-й и 11-й отдельные танковые корпуса. Они, используя переправы 1-й гвардейской танковой армии в районе Унеюва, форсировали Варту и вели бои южнее Познани.

В результате успешного наступления войск 1-го Белорусского фронта становится достигаемым Берлин. В этой связи маршал Жуков требует от командующих танковыми армиями любой ценой опередить противника и не дать ему закрепиться на мощных оборонительных рубежах – железобетонных сооружениях, возведенных вдоль границы Германии по северному берегу р. Нейсе и западному берегу Одера.

Однако выполнить приказ командующего фронтом оказалось непросто. К исходу дня 25 января передовые отряды 1-й гвардейской танковой армии вышли к р. Обра, вдоль которой проходили мощные пограничные укрепления противника. Мезеритцкий район, или одерский треугольник, представлял собой, по

выражению маршала бронетанковых войск М.Е. Катуква, «целый город из железобетона и стали с подземными железными дорогами, заводами и электростанциями», который мог вместить в своих недрах по крайней мере армию. Бронированные шахты уходили на 30–40 метров в глубину, а на поверхности дорогу преграждали цепи надолб, протянувшиеся на многие километры. Системы плотин на соседних озерах были сконструированы таким образом, что в случае необходимости можно было затопить любой участок этого укрепленного района.

26 января маршал Жуков представил Сталину доклад плана развития наступления и форсирования Одера^[319]. До 30 января намечалось выйти на рубеж Вальдау, Прейсс Фридланд, Ратцебур, Циппнов, Фройденфир, Шенланке, Рунау, Гульч, Шарфенорт, Опаленица, Грец, Велихово, Ключево. К этому же времени 2-я гвардейская танковая армия должна была овладеть районом Берлинхен, Ландсберг, Фридеберг, а 1-я гвардейская танковая армия – Мезеритц, Швибус, Тирштигель. На этом рубеже планировалось подтянуть войска (особенно артиллерию), тылы, пополнить запасы, привести в порядок материальную часть боевых машин. Развернув 3-ю ударную и 1-ю польскую армии, предусматривалось с утра 1–2 февраля продолжать наступление с ближайшей задачей с ходу форсировать р. Одер. В дальнейшем намечалось развивать стремительный удар на Берлин, направляя главные усилия в обход города с северо-востока, севера и северо-запада.

В докладе маршала Жукова подробно излагались задачи армий. 1-й гвардейской танковой армии предстояло нанести удар в общем направлении Мезеритц, Циленциг, Дроссен, Геритц, Гузов, Вернойхез и охватить Берлин с севера и северо-востока. В случае

упорной обороны противника на подступах к р. Одер южнее Кюстрина и при успешных действиях армий севернее Кюстрина предполагалось повернуть 1-ю гвардейскую танковую армию для форсирования реки севернее Кюстрина, параллельно 2-й гвардейской танковой армии, с прежней задачей.

Сталин 27 января утвердил решение маршала Жукова, указав иметь за правым крылом фронта в резерве одну армию, усиленную не менее чем одним танковым корпусом, для надежного обеспечения правого крыла от возможных ударов противника с севера или северо-востока.

Указания Сталина о надежном обеспечении правого крыла 1-го Белорусского фронта были весьма своевременными. Немецкое командование создало 26 января в Померании из соединений, прибывших из центральных районов Германии, резерва группы армий «Юг» и остатков войск, разгромленных под Варшавой, группу армий «Висла» во главе с рейхсфюрером СС Г. Гиммлером. Ее основные силы были сосредоточены как раз против войск правого крыла 1-го Белорусского фронта для нанесения контрудара.

Тем временем наступление войск 1-го Белорусского фронта развивалось успешно.

27 января к р. Обра вышел 11-й гвардейский танковый корпус, которому генерал Катуков поставил задачу в ночь на 28 января форсировать реку в направлении Хохвальде. Однако лишь в ночь на 29 января передовой отряд корпуса (44-я гвардейская танковая бригада полковника И.И. Гусаковского) форсировал р. Обра, сломил упорное сопротивление частей армейского корпуса генерала Пертпеля и утром 30 января вышел во вражеский тыл, где два дня вел ожесточенные бои в отрыве от главных сил армии. Затем отряд нанес удар в направлении Кюстрина с юга, вышел к Одеру и овладел плацдармом на его левом

берегу в районе Геритца. Однако успех передового отряда не был своевременно использован. Главные силы 11-го гвардейского танкового корпуса вышли к участку прорыва отряда с большим опозданием, и противник успел его закрыть. Момент внезапности был упущен. Поэтому войскам 1-й гвардейской танковой и 8-й гвардейской армий пришлось затратить на прорыв Мезеритцкого укрепленного района почти двое суток. За исключительное мужество и отвагу весь личный состав 44-й гвардейской танковой бригады был награжден орденами и медалями, а 11 солдат и офицеров удостоены звания Героя Советского Союза. Командир бригады полковник И.И. Гусаковский получил вторую медаль «Золотая Звезда»^[320].

Соединения 2-й гвардейской танковой армии 28 января с ходу преодолели укрепления Померанского вала и передовыми частями 1-го механизированного корпуса подошли утром 31 января к Одеру. До Берлина оставалось 60–80 км. Севернее Кюстрина, в районе Кинитца, части корпуса форсировали Одер и захватили небольшой плацдарм. Позднее были захвачены еще два небольших плацдарма на левом берегу реки.

Главные силы 1-й гвардейской танковой армии форсировали р. Варта и развернули наступление на Познань с нескольких направлений. Попытка овладеть крупным городом с гарнизоном около 62 тыс. человек успеха не имела. Поэтому захват Познани был возложен на 8-ю гвардейскую и 69-ю армии. Обе танковые армии по приказу маршала Жукова были выведены из сражения и перегруппированы на правое крыло 1-го Белорусского фронта, где приняли участие в разгроме померанской группировки противника.

В ходе Варшавско-Познаньской операции войска 1-го Белорусского фронта нанесли крупное поражение немецкой 9-й армии, освободили столицу Польши –

Варшаву и значительную часть ее территории, вышли на территорию Германии, захватили на левом берегу Одера плацдармы и создали условия для последующего наступления на берлинском направлении.

Восточно-Померанская стратегическая наступательная операция (10 февраля - 4 апреля 1945 г.)

В Восточной Померании оборонялась 2-я полевая армия группы армий «Висла», которой командовал рейхсфюрер СС Г. Гиммлер. Она насчитывала 230 тыс. человек, 2,9 тыс. орудий и минометов, 382 танка и штурмовых орудия, 300 самолетов^[321]. Наземные войска поддерживали 6-й воздушный флот и силы германского флота на Балтике. Противник в Восточной Померании создал так называемую «линию Померанских укреплений» (Померанский вал), построенную в 1933 г. вдоль бывшей польско-германской границы фронтом на восток и юго-восток. Эта линия проходила по рубежу Штольп (Слупск), Руммельсбург (Мястко), Нойштеттин (Щецинск), Шнайдемюль (Пила). Левый фланг Померанского вала примыкал к приморским укреплениям в районе Штольпмюнде и обеспечивался ими, а правый – к укреплениям на реках Варта и Одер. Основу померанских укреплений составляли долговременные оборонительные сооружения (доты, железобетонные капониры и полукапониры), рассчитанные на гарнизоны силой от взвода до роты. Эти сооружения были усилены фортификационными сооружениями полевого типа. Они и подступы к долговременным сооружениям прикрывались развитой сетью противотанковых и противопехотных заграждений в виде минных полей, железобетонных надолб, проволочных заборов, противотанковых рвов, заполненных водой. Города Штольп, Руммельсбург,

Нойштеттин, Шнайдемюль, Дойч-Кроне являлись узловыми опорными пунктами в системе померанских укреплений. Вокруг них имелось большое количество долговременных огневых сооружений (точек), сооружений полевого типа, противотанковых и противопехотных препятствий. На побережье в районе Данцига (Гданьск) и Гдыни и на косе Путцигер-Нерунг в районе Хель противник имел приморские укрепленные районы, а в районе Леба, Штольпмюнде, Рюгенвальдемюнде и Кольберг (Колобжег) – оборудованные артиллерийские позиции полужакематированного типа для тяжелой береговой артиллерии. Кроме того, в систему обороны входили сильно укрепленные Данцигский и Гдыньский оборонительные районы, построенные фронтом на юго-запад.

Первоначально разгром противника в Восточной Померании возлагался на войска 2-го Белорусского фронта. Однако они, перейдя 10 февраля в наступление, имели незначительное продвижение, так как им приходилось преодолевать сильно укрепленную оборону. В это же время войска 1-го Белорусского фронта отражали яростные контрудары 11-й армии противника. Сталин, осознав, что сил одного фронта недостаточно для разгрома получившей значительное усиление восточно-померанской группировки врага, подключил к операции войска правого крыла 1-го Белорусского фронта (2-й гвардейский кавалерийский корпус, 1-я армия Войска Польского, 3-я ударная, 61-я, 47-я армии, 1-я и 2-я гвардейские танковые и 16-я воздушная армии; всего 770 тыс. человек, 16,8 тыс. орудий и минометов, 2050 танков и САУ, 965 самолетов). Противник в составе 2-й, 11-й армий (с 25 февраля – 3-я танковая армия) и части сил 6-го воздушного флота имел 605 тыс. человек, 6,5 тыс. орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий, 850 самолетов.

Замысел Ставки ВГК состоял в том, чтобы ударами 2-го Белорусского фронта на Кезлин (Кошалин) и войсками правого крыла 1-го Белорусского фронта на Кольберг расчленив группу армий «Висла», отсечь ее главные силы от остальных войск и уничтожить во взаимодействии с Балтийским флотом. В последующем войскам 2-го Белорусского фронта предстояло наступать на Данциг и Гдыню, очистить от противника восточную часть Померании и овладеть побережьем Балтийского моря.

С учетом замысла Ставки ВГК командующий войсками 1-го Белорусского фронта маршал Г.К. Жуков 16 февраля представил И.В. Сталину доклад № 00318/оп плана наступления на штеттинском направлении^[322]. Главный удар предусматривалось нанести силами 61-й армии, 2-й гвардейской танковой армии, 7-го гвардейского кавалерийского и 9-го танкового корпусов при поддержке двух артиллерийских дивизий с рубежа Реетц, Браллентин, Пиритц, Бан через Штаргард в северо-западном направлении. Им предстояло отбросить противника в северном направлении и, выйдя на рубеж Бланкехаген (6 км юго-западнее Вангерина), Канненберг (6 км северо-западнее Фрайенвальде), Массов, Голлнов (Голенюв), Штеттин, перерезать пути отхода померанской группировки противника на запад. Вспомогательный удар наносился силами 1-й польской армии и двумя стрелковыми корпусами 3-й ударной армии с рубежа Редеритц, Меркиш-Фридланд, Каллис, (иск.) Реетц с целью во взаимодействии с войсками 2-го Белорусского фронта отбросить противника в северном направлении и выйти на рубеж Лубов, Темпельбург, Фалькенбург, Драмбург, Вангерин.

12-й гвардейский стрелковый корпус 3-й ударной армии и 2-й гвардейский кавалерийский корпус должны были удерживать занимаемые позиции. По мере

продвижения левого фланга 2-го Белорусского фронта 2-му гвардейскому кавалерийскому корпусу предписывалось последовательно справа налево перейти от обороны к наступлению в западном направлении.

Операцию планировалось начать с утра 19 февраля и завершить ее в течение 6–7 дней.

17 февраля Ставка ВГК своей директивой № 11024 утвердила представленный план. При этом предписывалось 47-ю и 1-ю гвардейскую танковую армии иметь в резерве ближе к правому крылу 1-го Белорусского фронта с тем, чтобы при необходимости использовать их на стыке со 2-м Белорусским фронтом^[323].

Танковые армии предусматривалось ввести в сражение после прорыва стрелковыми дивизиями главной полосы обороны противника. 1-я гвардейская танковая армия должна была развивать успех на север и овладеть Кольбергом, а 2-я гвардейская танковая армия – наступать в северо-западном направлении и захватить Каммин (Камень-Поморски) и Голлнов.

В боевом составе 1-й гвардейской танковой армии по сравнению с 1 января 1945 г. произошли некоторые изменения. Она получила дополнительно самоходную артиллерийскую и истребительно-противотанковую артиллерийскую бригады, гвардейский минометный полк, зенитную артиллерийскую дивизию и моторизованный понтонно-мостовой полк. Армия насчитывала около 550 танков и САУ^[324].

Утром 24 февраля в наступление перешли войска 2-го Белорусского фронта. Его 19-я армия прорвала оборону противника и к исходу дня продвинулась на 10–12 км. Утром 25 февраля в полосе армии был введен в сражение 3-й гвардейский танковый корпус (274 танка и САУ) генерала А.П. Панфилова, усиленного 313-й

стрелковой дивизией. Развивая наступление, передовой отряд корпуса (3-я гвардейская танковая бригада) утром 26 февраля овладел Бальденбергом (Бялы-Бур). Однако войска 19-й армии имели незначительное продвижение, так как им приходилось вести тяжелые бои с вражескими опорными пунктами, которые обходил танковый корпус. Войска 70-й армии к вечеру 25 февраля продвинулись на своем левом фланге всего на 6 км. Соединения 49-й, 65-й и 2-й ударной армий вели упорные оборонительные бои. 28 февраля части 3-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала Н.С. Осликовского 28 февраля овладели Нойштеттином, встретившись западнее города с разведывательным отрядом 2-го гвардейского кавалерийского корпуса 1-го Белорусского фронта. К этому времени войска 70-й армии продвинулись на 12 км в северо-западном направлении. 4 марта 3-й гвардейский танковый корпус совместно с 310-й стрелковой дивизией 134-го стрелкового корпуса занял Кезлин (Кошалин). В результате 10-й корпус СС и корпусная группа «Теттау» были окружены западнее Нойштеттина.

Наступление войск правого крыла 1-го Белорусского фронта началось 1 марта. Противник оказывал ожесточенное сопротивление соединениям 3-й ударной армии. В сложившейся обстановке маршал Жуков приказал генералу Катукову ввести в действие передовые отряды 1-й гвардейской танковой армии – 1-ю и 44-ю гвардейские танковые бригады. Они, оторвавшись от пехоты и минуя опорные пункты врага, к 5 часам вечера прорвали всю тактическую зону обороны противника и продвинулись на глубину до 15 км.

Для развития успеха генерал Катуков решил в полдень 2 марта ввести в сражение основные силы армии. Мощный удар танков расширил горловину прорыва. К 8 часам 4 марта 45-я гвардейская танковая

бригада 11-го гвардейского танкового корпуса прорвалась к Балтийскому морю и завязала бои за Кольберг, а 40-я гвардейская танковая бригада подполковника М.А. Смирнова захватила Трептов (Тшебятув).

Маршал бронетанковых войск М.Е. Катуков в этой связи приводит следующий любопытный факт.

Вечером 4 марта в штаб 1-й гвардейской танковой армии прибыл офицер связи из 11-го гвардейского танкового корпуса, усталый молодой лейтенант:

– Разрешите доложить, товарищ командующий! От подполковника Смирнова.

Лейтенант распахнул плащ-палатку и протянул командарму бутылку с мутной жидкостью.

– Что это? – не понял Катуков.

Офицер довольно улыбнулся:

– Вода, товарищ командующий. Балтийская. Подполковник Смирнов зачерпнул собственноручно и приказал доставить вам. Можно сказать, это его боевое донесение.

Соединения 8-го гвардейского механизированного корпуса генерала И.Ф. Дремова, сломив сопротивление вражеских войск, 5 марта овладели Бельгардом (Бялогард) и Кеслином.

Успешно наступала и 2-я гвардейская танковая армия генерала С.И. Богданова. Ее 9-й гвардейский танковый корпус 5 марта вышел на побережье Балтийского моря и овладел Каммином и Тессином. Части 12-го гвардейского танкового корпуса совместно с соединениями 3-й ударной армии 7 марта заняли Голлнов.

Войска 2-го Белорусского фронта возобновили наступление с утра 6 марта. На правом крыле они заняли город Прейсиш-Старгард (Старогард-Гданьски), а на левом крыле вышли на рубеж Альтенхаген, Рютцов, Фритцов, Альтлюльфиц, Дарков. 3-й гвардейский

кавалерийский корпус занял оборону на побережье Балтийского моря на участке Рюгенвальде, Гроссмелен, (иск.) Кольберг.

Таким образом, войска 2-го и 1-го Белорусских фронтов добились крупных успехов – вышли на побережье Балтийского моря, рассекли восточно-померанскую группировку на две части и окружили несколько дивизий. Войска обоих фронтов начали подготовку к боевым действиям с целью ликвидации 2-й и 3-й танковой армий противника. Войска 1-й гвардейской танковой армии получили задачу совместно с 1-й армией Войска Польского и частью сил 19-й и 3-й ударной армий уничтожить вражеские войска, окруженные западнее Нойштеттина, а 2-я гвардейская танковая армия должна была совместно с 61-й и 47-й армиями разгромить альтдаммскую группировку.

В результате одновременных ударов по сходящимся направлениям войск 1-й гвардейской танковой армии с севера, 2-го гвардейского кавалерийского корпуса, 1-й армии Войска Польского с востока и юго-востока и 7-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии с юга и с запада к исходу 7 марта окруженная группировка противника в составе пяти дивизий 10-го корпуса СС противника была уничтожена. При этом были взяты в плен более 8 тыс. солдат и офицеров, в том числе командир 10-го корпуса СС со своим штабом [\[325\]](#).

С разгромом альтдаммской группировки боевые действия правого крыла 1-го Белорусского фронта в Восточной Померании закончились. Началась подготовка к Берлинской наступательной операции.

В то же время темпы продвижения войск 2-го Белорусского фронта заметно снизились. Для более активных действий не хватало подвижных соединений. Поэтому маршал Рокоссовский обратился к Сталину с

просьбой передать в его распоряжение хотя бы временно одну из двух танковых армий 1-го Белорусского фронта. 5 марта Сталин приказал не позднее 8 марта временно (до 24 марта) передать маршалу Рокоссовскому 1-ю гвардейскую танковую армию, включив в ее состав танковую бригаду 1-й польской армии. Одновременно войскам 2-го Белорусского фронта предписывалось разгромить группировку противника в районе Данциг, Штольп, овладеть городами Данциг, Гдыня и не позднее 20 марта выйти на побережье Балтийского моря. 1-ю гвардейскую танковую армию и танковую бригаду 1-й польской армии приказывалось использовать для развития удара на левом крыле фронта [\[326\]](#).

С целью быстрее развития наступления войск левого крыла 2-го Белорусского фронта, где предполагалось в скором времени ввести в сражение 1-ю гвардейскую танковую армию, маршал Рокоссовский ввел в сражение 3-й гвардейский танковый корпус. Это, а также глубокое вклинение войск правого крыла фронта в расположение противника резко изменило обстановку и на центральном участке фронта. Противник, убедившись, что здесь не удастся удержать оборонительные позиции, начал спешно отводить главные силы 2-й армии на позиции Данцигско-Гдыньского укрепленного района. Отвод войск прикрывали сильные арьергарды.

8 марта части 3-го гвардейского танкового и 132-го стрелкового корпусов 19-й армии овладели городом Штольп (Слупск). С целью ускорения продвижения войск маршал Рокоссовский приказал 8-му и 1-му гвардейским танковым корпусам на плечах противника дерзким ударом захватить Данциг. 3-й гвардейский танковый корпус должен был занять Гдыню. Войскам 1-й гвардейской танковой армии предстояло, обогнав

соединения 19-й армии, захватить переправы через р. Леба и канал Бренкенхоф, разгромить противостоящие вражеские части и не позднее 12 марта выйти на побережье Данцигской бухты. Войска 2-й ударной армии должны были наступать на Данциг с юга.

Рейхсфюрер СС Гиммлер, требуя любой ценой отстоять Данциг, грозил офицерам, проявлявшим трусость, жесткими карами. Эти меры возымели действие. Противник отчаянно сопротивлялся, переходил в контратаки, бросая в бой десятки танков. Однако танковые соединения и неотступно следовавшие за ними стрелковые части 2-го Белорусского фронта с ходу прорвали оборону врага на рубеже Цукау, Картхауз, Витцков, Шуров, Шмользин. Части 3-го гвардейского танкового корпуса первыми форсировали р. Леба в районе города Лауенбург (Лемборк) и совместно с соединениями 19-й армии освободили 10 марта этот город.

1-я гвардейская танковая армия с польской танковой бригадой перешла в наступление 9 марта, имея 455 танков и САУ. Передовые отряды армии под командованием полковника В.И. Землякова и подполковника В.Н. Мусатова северо-западнее Лауенбурга захватили мосты через р. Леба. Пользуясь благоприятной обстановкой, через Лебу переправились головные танковые бригады и стали продвигаться к Данцигской бухте. 8-й гвардейский механизированный корпус во взаимодействии с частями 19-й армии 12 марта занял Нойштадт (Вейхерово). В тот же день 11-й гвардейский танковый корпус вышел к побережью Данцигской бухты.

Несмотря на принятые маршалом Рокоссовским меры, противнику все же удалось отойти на Гдыньско-Данцигский укрепленный район. Отступая, он разрушал и минировал дороги, спустив плотины, затоплял целые районы. Продвижению войск 2-го Белорусского фронта

мешали и беженцы, которые забили шоссе и проселочные дороги. Маршал Рокоссовский, стремясь не дать противнику времени на организацию обороны, принял решение не производить сложных перегруппировок, а с подходом армий сразу же начинать штурм укреплений. При этом он учитывал, что полоса наступления значительно сузилась. Если в начале Восточно-Померанской операции она составляла 240 км, то теперь не превышала 60. Ширина полосы каждой из армий, действовавшей на главном направлении, составляла всего 10-12 км.

Главный удар силами 2-й ударной и 65-й армий наносился в направлении на Цоппот в стыке Данцигского и Гдыньского оборонительных районов с тем, чтобы рассечь оборонявшуюся группировку противника и уничтожить ее по частям. Войскам правого крыла фронта предстояло нанести удар по Данцигу с юга и запада. На левом крыле планировалось силами 1-й гвардейской танковой армии во взаимодействии с 19-й армией овладеть городом Гдыня, частью сил занять район Оксхефт, Мехлинкен, Казимир, а отдельным отрядом содействовать стрелковым частям в овладении косой Путцигер-Нерунг. Командующему 4-й воздушной армией предписывалось бомбово-штурмовыми ударами по боевым порядкам оборонявшегося противника содействовать продвижению наступающих войск и вести борьбу с вражескими кораблями.

14 марта войска 2-го Белорусского фронта начали наступление против данцигско-гдыньской группировки врага, который оказывал упорное сопротивление. Несмотря на это, войска 70-й армии, прорвав три линии вражеских укреплений, совместно с 3-м гвардейским танковым корпусом и частью сил 49-й армии 25 марта заняли Цоппот. После этого они устремились на Оливу – предместье Данцига.

В это время соединения 1-й гвардейской танковой армии, опрокинув заслоны противника, достигли залива Путцигер-Вик. После этого они стали продвигаться вдоль берега бухты, чтобы ударить по Гдыне с севера. Вместе с танкистами наступали здесь и части 19-й армии. К 23 марта войска генерала Катуква пробивались к последнему рубежу обороны противника. Попытки с ходу ворваться в Гдыню успеха не имели. Танкистов встретили плотный огонь противотанковых орудий, истребители танков, мины, металлические «ежи».

С выходом войск 2-го Белорусского фронта к Данцигскому заливу группировка противника была рассечена на три части: одна из них удерживала Данциг, вторая – Гдыню, третья – косу Путцигер-Нерунг.

Ликвидацию гдыньской группировки маршал Рокоссовский возложил на 70-ю, 19-ю, 1-ю гвардейскую танковую армии, которым оказывала поддержку 4-я воздушная армия. Преодолевая оборонительные сооружения противника, войска этих армий подошли к Гдыне и завязали уличные бои. Решением генерала Катуква были созданы штурмовые отряды, каждый из которых включал мотострелковый батальон, танковую роту, батарею САУ, дивизион 76-мм орудий, батарею 152-мм гаубиц, по взводу М-13, М-31 и бронетранспортеров, а также саперную роту. Штурмовые отряды в ожесточенных боях освобождали дом за домом, квартал за кварталом. 28 марта город был полностью освобожден от противника. 30 марта войска 2-й ударной, 65, 49 и 70-й армий заняли Данциг. Остатки немецкой 2-й армии, блокированные в районе Гдыни, были разгромлены к 4 апреля войсками 19-й армии. Данцигская группировка капитулировала 9 мая.

В ходе Восточно-Померанской наступательной операции войска 2-го Белорусского фронта и правого крыла 1-го Белорусского фронта разгромили 21 дивизию и 8 бригад противника, освободили Восточное

Поморье и надежно обеспечили правое крыло советских войск, действовавших на берлинском направлении. Противник потерял только пленными более 100 тыс. солдат и офицеров. Советскими войсками было захвачено около 3000 орудий, около 2000 минометов, до 1000 танков и самоходных орудий, более 8000 пулеметов, несколько боевых кораблей, 50 подводных лодок (неисправных)^[327]. Потери войск 2-го Белорусского фронта и правого крыла 1-го Белорусского фронта, принимавших участие в операции, составили: безвозвратные – 55, 3 тыс., санитарные – 179 тыс. человек, 1027 танков и САУ, 1005 орудий и минометов, 1073 боевых самолета^[328].

Успех в операции явился результатом стремительных и непрерывных боевых действий, правильного выбора направления главного удара, своевременного ввода в сражение дополнительных сил как за счет резервов Ставки ВГК, так и путем широкого маневра войсками, особенно танковыми и механизированными соединениями. Их стремительные действия в оперативной глубине не позволили противнику организовать оборону на заблаговременно подготовленных рубежах. В ходе преследования противника широко применялись передовые отряды.

За образцовое выполнение заданий командования орденом Ленина были награждены 40-я и 45-я гвардейские танковые бригады, орденом Суворова 2-й степени – 11-й гвардейский танковый и 8-й гвардейский механизированный корпуса 1-й гвардейской танковой армии. Многим частям и соединениям были присвоены почетные наименования Померанских, Гдыньских и Гданьских.

8 марта 1945 г. командующий бронетанковыми и механизированными войсками 1-го Белорусского

фронта генерал-лейтенант танковых войск Г.Н. Орел подписал наградной лист следующего содержания:

«...1-я гв. танковая армия, руководимая Гв. генерал-полковником т/в тов. КАТУКОВЫМ, в 1945 году участвовала в двух больших боевых операциях войск 1-го Белорусского фронта, показав при этом образцы смелых и стремительных ударов по противнику.

В Варшавской операции 1-го Белорусского фронта 1-я гв. танковая армия после ввода в прорыв с Варкинского плацдарма форсировала р. Пилица в р-не Нове-Място и, развивая стремительное наступление, овладела городом Лодзь. В дальнейшем, форсировав р. Варта, армия тов. КАТУКОВА вышла к городу Познань и, отрезав пути отхода Познаньской группировке противника, не задерживаясь, устремилась к границам Германии. Вторгшись в пределы Бранденбургской провинции и преодолевая ожесточенное сопротивление врага, 1-я гв. танковая армия под руководством тов. КАТУКОВА первой вышла к реке Одер.

В Померанской операции войск 1-го Белорусского фронта /1—7 марта 1945 года/ войска 1-й гв. танковой армии, войдя в прорыв стремительным ударом, рассекли оборону 11-й немецкой армии и решительно устремились на пути отхода ее. Преодолевая упорное сопротивление противника и развивая стремительное наступление, на 4-й день операции армия, руководимая тов. КАТУКОВЫМ, вышла к Балтийскому морю в районе города Кольберг, блестяще выполнив тем самым поставленную ей задачу.

ВЫВОД: За умелое и успешное проведение наступательной операции, в результате чего противник был дезорганизован и лишен возможности произвести перегруппировку своих сил, и нанесение при этом противнику большого урона в живой силе и технике, Гв. генерал-полковник танковых войск тов. КАТУКОВ

достоин награждения орденом «СУВОРОВА ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ...»^[329].

Военный совет 1-го Белорусского фронта, рассмотрев это ходатайство, сделал свое заключение: «Достоин присвоения звания дважды Героя Советского Союза». В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1945 г. говорилось: «За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками, дающее право на получение звания Героя Советского Союза, наградить М.Е. Катукowa второй медалью «Золотая Звезда».

Берлинская стратегическая наступательная операция (16 апреля - 8 мая 1945 г.)

Верховное Главнокомандование вермахта, ожидая решительного наступления Красной Армии на Берлин, сосредоточило на этом направлении значительную группировку своих войск. В ее состав входили 3-я танковая и 9-я армии группы армий «Висла» (генерал-полковник Г. Хейнрици, с апреля 1945 г. – генерал пехоты К. Типпельскирх), а также 4-я танковая и 17-я армии группы армий «Центр» (генерал-фельдмаршал Ф. Шернер). Они насчитывали около 1 млн человек, 10 400 орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий. Действия наземных сил поддерживали с воздуха 3300 боевых самолетов 6-го воздушного флота и воздушного флота «Рейх»^[330]. В резерве Главного командования Сухопутных войск находилось 8 дивизий, а в самом Берлине было сформировано около 200 батальонов фольксштурма.

На подступах к столице Германии была создана мощная система оборонительных сооружений от Одера до Берлина общей глубиной до 90 км, включая оборонительные обводы вокруг столицы. Для их возведения были привлечены войска, местное

население, военнопленные и иностранные рабочие. Три оборонительные полосы вдоль Одера и обводы Берлина были плотно насыщены огневыми средствами, минными заграждениями, бетонированными сооружениями для огневых средств, противотанковыми и противопехотными препятствиями, мощными опорными пунктами, приспособленными к круговой обороне. Местность между Одером и Берлином была выгодна для обороны. Зееловские высоты, реки Одер, Нейсе, Даме, Шпрее, густая сеть каналов, железных и шоссейных дорог, большое количество городов с каменными зданиями – все это крайне усложняло действия наступавших войск. Используя шлюзы на Одере и каналах, противник готовил к затоплению значительные районы. Берлинский оборонительный район имел три обвода, а сам город делился на девять оборонительных секторов. Здания в центре подготавливались к упорной обороне, на улицах сооружались баррикады.

По решению Ставки ВГК к проведению Берлинской операции привлекались войска 1-го и 2-го Белорусских, 1-го Украинского фронтов, часть сил Балтийского флота, 18-я воздушная армия, три корпуса войск ПВО страны, Днепровская военная флотилия. Общая численность советских войск составляла 2,5 млн человек. На их вооружении находилось 41,6 тыс. орудий и минометов, 6250 танков и САУ, 7500 боевых самолетов^[331]. Они превосходили противника по живой силе в 2,5 раза, по орудиям и минометам – в 4, по танкам и САУ – в 4,2, по боевым самолетам – в 2,3 раза.

По замыслу Ставки ВГК предусматривалось мощными ударами войск 1-го и 2-го Белорусских, 1-го Украинского фронтов прорвать вражескую оборону по Одеру и Нейсе и, развивая наступление в глубину, окружить основную группировку противника,

расчленив ее и уничтожить по частям, а в дальнейшем выйти на Эльбу.

Войска 1-го Белорусского фронта, которым командовал маршал Г.К. Жуков, согласно директиве № 11059 Ставки ВГК от 2 апреля 1945 г., должны были овладеть Берлином и не позднее чем через 12-15 суток выйти на Эльбу^[332]. Главный удар наносился с кюстринского плацдарма силами пяти общевойсковых (47-я, 3-я, 5-я ударные, 8-я гвардейская, 3-я) и двух танковых (1-я и 2-я гвардейские) армий. В первый день операции предусматривалось прорвать первую и вторую полосы обороны и обеспечить ввод в сражение 1-й гвардейской танковой армии (с 11-м танковым корпусом) и 2-й гвардейской танковой армии (после того как общевойсковые армии захватят опорные пункты на Зееловских высотах). Одновременно намечалось, если сила удара первого эшелона фронта окажется недостаточной для быстрого преодоления тактической обороны противника и возникнут опасения, что наступление задержится, ввести танковые армии в сражение с целью усилить удар общевойсковых армий и помочь им завершить прорыв тактической зоны обороны. На шестой день операции основные силы фронта должны были овладеть Берлином, после чего 3-й ударной армии с 9-м танковым корпусом предстояло на восьмые сутки выйти в район западнее Берлина, а 47-й армии на одиннадцатые сутки – на рубеж Эльбы. Вспомогательные удары севернее Кюстрина наносили 61-я армия и 1-я армия Войска Польского, южнее – 69-я, 33-я армии и 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Атаку пехоты и танков намечалось начать за 1,5-2 часа до рассвета, после 30-минутной артиллерийской подготовки. Для освещения местности и ослепления противника во время атаки было подготовлено 143 прожектора. Днепровская военная флотилия,

оперативно подчиненная командующему 1-м Белорусским фронтом, должна была оказать содействие его войскам в прорыве обороны, обеспечить переправы и противоминную оборону по Одеру. С воздуха войска 1-го Белорусского фронта поддерживали 16-я воздушная армия (генерал-полковник авиации С.И. Руденко) и соединения 18-й воздушной армии (главный маршал авиации А.Е. Голованов). Непосредственная авиационная подготовка намечалась в полосе 1-го Белорусского фронта в течение 30 минут до начала атаки.

За четыре дня до начала операции задача 1-й гвардейской танковой армии была изменена. Вместо обхода Берлина с севера она должна была наступать на Берлин с востока и затем обходить его с юга. В отечественной историографии вопрос о целесообразности применения танковых армий в битве за Берлин вызывает полемику. Одни исследователи подвергают сомнению решение командующего 1-м Белорусским фронтом, согласно которому 1-я гвардейская танковая армия наносила удар по городу не с северо-востока, а с юго-запада^[333]. Другие оправдывают это решение необходимостью усилить группировку войск, отсекающих основные силы 9-й армии от берлинского гарнизона^[334]. Член Военного совета Группы советских оккупационных войск в Германии генерал-лейтенант К.Ф. Телегин, выступая на научной конференции по изучению Берлинской операции^[335], следующим образом объяснял причины ввода в сражение 1-й и 2-й гвардейских танковых армий: «Пехота, безусловно, была способна и дальше вести бои, но командование фронта не считало возможным терять ни одного часа, ни одного дня. Мы знали, что вывода танковых войск на оперативный простор осуществить будет почти невозможно. Было

решено ввести все танковые войска, чтобы задавить противника массой техники, уничтожить максимум сил и средств его, деморализовать его и тем самым облегчить задачу взятия Берлина. Было совершенно ясно, что противник на подступах будет драться, не жалея сил. Если бы мы ждали, когда пехота прорвет оборону и создаст условия для ввода танков в прорыв, то ждать нам этого пришлось бы до выхода на Эльбу. Да, мы считались с тем, что придется при этом понести потери в танках, но знали, что даже если потеряем и половину, то все же еще до 2 тыс. бронеединиц мы введем в Берлин, и этого будет достаточно, чтобы взять его. Берлин был конечной стратегической целью операций Красной Армии в Великой Отечественной войне, и выход на Эльбу уже преследовал цель захвата пространства, заранее обговоренного на Ялтинской конференции. Все это было целиком оправдано ходом операции»^[336].

Конечно, вариант ввода 1-й гвардейской танковой армии в полосе 8-й гвардейской армии имел и свои отрицательные стороны. Танковой армии предстояло наступать там, где оборона противника была особенно сильна, что затрудняло возможность прорыва ее с ходу. Это заранее обрекало части армии к действиям в качестве танков НПП, к чему они не были в достаточной степени подготовлены.

К началу операции в боевом составе 1-й гвардейской танковой армии произошли некоторые изменения. Из ее состава были исключены моторизованный понтонно-мостовой полк, истребительно-противотанковая артиллерийская бригада, один гвардейский минометный полк, отдельный моторизованный батальон ОСНАЗ. В то же время армии был придан 11-й танковый корпус. С его учетом она насчитывала 497 танков и 212 САУ, что

составляло 87,6 % укомплектованности от штатных норм^[337]. По данным М.Е. Катукова, армия имела 854 боевые машины.

При подготовке к наступлению проводились перегруппировки войск 1-го Белорусского фронта, их пополнение личным составом и боевой техникой, боевая и политическая подготовка. Особое внимание уделялось совершенствованию навыков форсирования водных преград, ведения боевых действий ночью и в крупном городе, организации взаимодействия с другими родами войск и авиации.

Наиболее детально вопросы взаимодействия рассматривались в планах операций 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армий на первые два дня наступления. При организации взаимодействия с артиллерией были установлены рубежи последовательного сосредоточения огня, порядок обеспечения флангов, вызова и прекращения огня. После преодоления третьей полосы обороны противника вопросы взаимодействия определялись в общих чертах и уточнялись в ходе операции. При организации взаимодействия штабы артиллерии 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армий руководствовались следующими документами: «План взаимодействия артиллерии с танками», «План артиллерийского наступления», «Указания по артиллерийскому обеспечению ввода танковой армии в прорыв» с приложением карты или схемы огней. Для поддержания взаимодействия на подвижных наблюдательных пунктах в радиальных танках и САУ находились артиллерийские корректировщики.

Штаб 1-й гвардейской танковой армии по указанию генерала Катукова разработал инструкцию по действиям штурмовых отрядов и групп. Топографы штаба фронта сделали в нескольких экземплярах

точный макет Берлина. По этому макету танкисты, пехотинцы, артиллеристы, включенные в штурмовые группы, проводили занятия, прослеживая каждый шаг своего будущего продвижения по улицам и кварталам Берлина. Большое значение придавалось работе с молодым пополнением. Опытные механики-водители учили новичков, как вести наступательный бой, как преодолевать препятствия и заграждения.

5—6 апреля в штабе 1-го Белорусского фронта была проведена военная игра с участием командующих армиями. После ее завершения маршал Жуков поставил им конкретные задачи и дал указание о порядке подготовки к операции. 12 апреля командующие 5-й ударной, 8-й гвардейской армиями, 1-й и 2-й гвардейскими танковыми армиями получили директиву № 00539/оп командующего фронтом о переходе в наступление^[338]. В директиве отмечалось, что на рубеже Золиканте, Рефельд, Зофиенталь, Гольцов, Альт-Тухебанд, Подельциг, (иск.) Лебус обороняются части 309, 303, 169, 712-й пехотных, 9-й авиадесантной дивизий, моторизованной дивизии «Мюнхеберг», 20-й и 25-й моторизованных дивизий, танковой дивизии «Фюрер», усиленные 5-м и 408-м артиллерийскими корпусами РГК, дивизионом 411-й артиллерийской бригады РГК, 292-м и 770-м противотанковыми дивизионами РГК и батальоном 26-го танкового полка «Бранденбург». Резервы противника располагались в районах: 25-я танковая дивизия – Буков, Мюнхеберг; до танковой дивизии – восточная часть Берлина; до двух пехотных дивизий – лагерь Дебериц.

1-й гвардейской танковой армии с 11-м танковым корпусом и 4-й гвардейской зенитной артиллерийской дивизией приказывалось с выходом пехоты 8-й гвардейской армии на рубеж (иск.) Гузов, Зеелов, Долгелин, Альтмалиш войти в прорыв на участке

станция Гузов, Долгелин и, развивая удар в общем направлении Зеелов, Оберсдорф, Гарцин, Альтландсберг, Карлсхорст, на второй день ввода в прорыв овладеть районом Марцан, Карлсхорст, Шеневейде, Копеник, Фридрихсхаген, Ноенхаген. В дальнейшем ударом на юго-запад, во взаимодействии со 2-й гвардейской танковой армией, овладеть районом Шарлоттенбург, Вильмерсдорф, Целендорф, Лихтенраде, Рудов, пригород Трептов, Нейкельн. Артиллерийское и инженерное обеспечение ввода в прорыв 1-й гвардейской танковой армии возлагалось на командующего 8-й гвардейской армией, а авиационное обеспечение – на командующего 16-й воздушной армией. С момента ввода 1-й гвардейской танковой армии в прорыв 9-й штурмовой авиационный корпус с прикрывающими его истребителями переподчинялся командующему армией.

Подготовку к наступлению, перегруппировку и выход войск в исходное для наступления положение требовалось проводить скрытно от противника, с соблюдением всех мер маскировки, стремясь при этом обязательно достигнуть внезапности действий. Главные силы 1-й гвардейской танковой армии должны были накануне наступления занять исходные районы на правом берегу р. Одер в непосредственной близости от переправ. Выход на плацдарм планировалось осуществить передовыми отрядами в ночь перед наступлением. Значительная часть артиллерии армии выделялась для проведения артиллерийской подготовки по плану командующего 8-й гвардейской армией. С директивой разрешалось ознакомить начальника штаба, начальника оперативного отдела штаба армии и командующего артиллерией армии, а остальным исполнителям ставить задачи в пределах выполняемых ими обязанностей. Командирам полков письменных распоряжений давать не разрешалось, а

задачи следовало поставить устно за три дня. По службе тыла общих директив не давать, а ограничиться устными распоряжениями. Всему личному составу предписывалось разъяснить, что задачей войск фронта является упорная оборона на длительное время. Младшему комсоставу и красноармейцам задачу на наступление разрешалось объявить за два часа до атаки. Время начала наступления – согласно личным указаниям командующего фронтом.

14 апреля командующий 1-й гвардейской танковой армией поставил задачи корпусам. Учитывая небольшую глубину операции, было решено ввести в сражение все силы армии в одноэшелонном построении^[339]. В резерв выделялись 64-я гвардейская танковая бригада и 11-й тяжелый танковый полк. В связи с тем, что армия должна была двое суток вести боевые действия в Берлине самостоятельно (подход общевойсковых армий ожидался на четвертые сутки операции), генерал Катукوف для прикрытия левого фланга армии выделил 8-й гвардейский механизированный корпус. Это в определенной степени ограничивало возможности по наращиванию удара в ходе наступления.

К исходу второго дня операции передовым бригадам 11-го гвардейского танковых и 8-го гвардейского механизированного корпусов предстояло во взаимодействии со стрелковыми соединениями с ходу форсировать р. Шпрее, овладеть плацдармом и создать выгодные условия для ввода в прорыв главных сил 1-й гвардейской танковой армии. С утра третьего дня операции главные силы армии должны были оторваться от общевойсковых соединений и к исходу дня овладеть районом Калау, Фюрстлих-Дрена, Финстервальде. В дальнейшем, продолжая параллельное наступление в северо-западном

направлении, к исходу пятого дня операции предполагалось выйти в район конечной задачи фронта.

В отличие от общевойсковых армий, которым задача была поставлена на первые три дня наступления (на глубину до 50 км), штаб 1-й гвардейской танковой армии планировал боевые действия на всю глубину фронтовой операции (150–160 км). Общая глубина задач главных сил армии составляла 115–120 км (от рубежа обгона пехоты), что требовало от них наступления с темпом 35–38 км в сутки.

14 и 15 апреля в полосе 1-го Белорусского и в ночь на 16 апреля на 1-м Украинском фронте была проведена разведка боем. В ходе двухдневных боев подразделения и части 1-го Белорусского фронта местами вклинились в оборону врага на глубину до 5 км. Однако полученные в результате разведки боем данные о мероприятиях, проводимых противником, в полной мере учесть и проанализировать не удалось. Противник во время разведки боем часть войск отвел на вторую полосу – на Зееловские высоты, где сосредоточил основные силы. Маршал Жуков, переоценив результаты разведки боем и не заметив отвода войск противника, сократил продолжительность артиллерийской подготовки с 30 до 20–25 минут.

В ночь на 16 апреля 1-я гвардейская танковая армия по заранее подготовленным переправам перебралась на левый берег Одера на участке Альт-Малиш, Долгелин, Зеелов, где в это время находились части 8-й гвардейской армии генерала В.И. Чуйкова. В 5 часов утра в полосе 1-го Белорусского фронта мощным залпом 9 тыс. орудий и минометов и более 1,5 тыс. установок М-13 и М-31 началась артиллерийская подготовка. В 5 часов 25 минут прожектора включили полный свет и направили свои лучи на расположение противника. Одновременно с этим пехота поднялась в

атаку. Артиллерия впервые в ночных условиях начала сопровождение пехоты огнем вала.

Пехота, используя результаты артиллерийской подготовки, продвинулась до наступления рассвета на 1,5–2 км, не встречая серьезного сопротивления со стороны подавленного противника. Одновременно 745 бомбардировщиков 18-й воздушной армии нанесли удар по Зееловским высотам. С утра начала действовать 16-я воздушная армия, нанося удары небольшими группами самолетов, так как погода затрудняла массированное использование авиации. С рассветом сопротивление противника стало возрастать. Для повышения темпов наступления были введены вторые эшелоны стрелковых дивизий, а в 10 часов – подвижная группа 3-й ударной армии – 9-й гвардейский танковый корпус.

Однако чем ближе подходили войска 1-го Белорусского фронта к Зееловским высотам, тем сильнее нарастало сопротивление врага. По решению маршала Жукова в сражение были введены 1-я и 2-я гвардейские танковые армии. Однако теснота на плацдарме, бесчисленные рвы, минные поля резко ограничивали маневренность танков. Поэтому одновременно ввести основные силы армий не удалось. С большим трудом, неся тяжелые потери, танкисты вгрызались в оборону противника и не продвинулись дальше позиций, занятых пехотой. Лишь к исходу дня 16 апреля стрелковые соединения завершили прорыв главной полосы обороны, выйдя к переднему краю второй оборонительной полосы. Однако прорвать сильно укрепленную оборону на Зееловских высотах не удалось. Необходимо было перегруппировать артиллерию и провести новую артиллерийскую и авиационную подготовку, а это планом предусмотрено не было. Не был отработан и вариант до прорыва танковыми армиями тактической обороны врага. Преждевременный ввод танковых объединений привел

к нарушению тыловых коммуникаций общевойсковых армий и управления войсками. Весьма противоречивыми оказались оценки эффективности примененного войсками тактического приема – использования прожекторов для ослепления противника.

«Когда мы вышли к Зееловским высотам, развернулись и устремились вперед, все наши попытки успеха не имели, – вспоминал М.Е. Катуков. – Все, кто высунулся вперед, моментально горел, потому что на высотах стоял целый артиллерийский корпус противника, а оборона немцев на Зееловских высотах сломлена не была. Когда же потребовалось развертывать всю армию, конечно, мы не могли дать полных результатов через 2 часа, а отсюда страсти разгорелись, шел бой, создалось серьезное положение и, естественно, были нелестные отзывы по нашему адресу»^[340].

Вечером 16 апреля маршал Жуков приказал армиям продолжать наступление ночью и к утру 17 апреля прорвать вторую полосу обороны, для чего сосредоточить на участках прорыва 250–270 орудий и минометов на 1 км фронта и провести 30–40-минутную артиллерийскую подготовку. Одновременно Военный совет 1-го Белорусского фронта дал указание военным советам 5-й ударной, 8-й гвардейской, 69-й армий, 1-й и 2-й гвардейских танковых армий об изготовлении красных боевых стягов для водружения над правительственными зданиями в Берлине^[341].

В полосе 1-го Украинского фронта общевойсковые армии после мощной артиллерийской подготовки форсировали Нейсе и успешно продвигались вперед. Однако в середине дня 16 апреля сопротивление противника усилилось, и темпы наступления стрелковых дивизий начали падать. С целью

быстрейшего завершения прорыва обороны командующий фронтом маршал И.С. Конев в два часа ввел в сражение передовые отряды танковых и механизированных корпусов 3-й и 4-й гвардейских танковых армий (всего шесть бригад). Они совместно с общевойсковыми армиями к вечеру завершили прорыв второй полосы обороны.

Оценивая результаты, достигнутые войсками обоих фронтов в первые два дня операции, Сталин пришел к выводу, что медленное наступление войск 1-го Белорусского фронта может сорвать намеченные сроки окружения берлинской группировки противника. В связи с этим командующему 1-м Украинским фронтом было приказано ускорить форсирование Шпрее и обеими танковыми армиями наступать на Берлин с юга.

Выполняя задачу, 3-я и 4-я гвардейские танковые армии 18 апреля форсировали Шпрее, прорвали третью оборонительную полосу противника и, сосредоточившись к утру 19 апреля на плацдармах, заняли выгодное положение для удара на Берлин с юга. Об этом маршал Конев доложил Сталину, который предложил через образовавшийся прорыв на участке 1-го Украинского фронта пустить и подвижные войска 1-го Белорусского фронта. Но маршал Конев посчитал, что это займет много времени и создаст большое замешательство, а поэтому будет лучше повернуть две танковые армии 1-го Украинского фронта на Берлин в направлении на Цоссен (в 25 км южнее Берлина). Сталин с этим предложением согласился. Маршал Конев сразу же приказал 3-й и 4-й гвардейским танковым армиям повернуть на Берлин. При этом он подчеркивал: «Наши войска должны быть в Берлине первыми, они это могут сделать и с честью выполнить приказ Великого Сталина»^[342].

В свою очередь маршал Жуков был недоволен действиями своих войск. В приказе, подписанном в половине девятого вечера 17 апреля, он отмечал:

«1. Хуже всего проводят наступательную Берлинскую операцию 69-я армия под командованием генерал-полковника Колпакчи, 1 ТА под командованием генерал-полковника Катуква и 2 ТА под командованием генерал-полковника Богданова. Эти армии, имея колоссальнейшие силы и средства, второй день действуют неумело и нерешительно, топчась перед слабым противником. Командарм Катуква и его командиры корпусов Ющук, Дремов, Бабаджанян за полем и за действиями своих войск не наблюдают, отсиживаясь далеко в тылах (10–12 км). Обстановки эти генералы не знают и плетутся в хвосте событий.

2. Если допустить медлительность в развитии Берлинской операции, то войска истощатся, израсходуют все материальные запасы, не взяв Берлин».

Маршал Жуков приказал не медля развить стремительное наступление. 1-й и 2-й танковым армиям и 9-му танковому корпусу предписывалось прорваться при поддержке 3-й, 5-й ударной и 8-й гвардейской армий в тыл обороны противника и стремительно продвинуться в район Берлина. Все крупные населенные пункты и узлы дорог следовало обходить, а танковым армиям «действовать кулаком». Всю артиллерию, в том числе большой мощности, приказывалось подтянуть к первому эшелону и держать ее не далее 2–3 км за эшелоном, ведущим бой. Действия артиллерии предписывалось концентрировать на тех участках, где решается задача на прорыв. В приказе особо подчеркивалось: «Бейте беспощадно немцев и двигайтесь вперед днем и ночью на Берлин, тогда

Берлин будет очень скоро наш»^[343]. Одновременно было запрещено выдавать водку личному составу^[344].

Однако войска 1-го Белорусского фронта по-прежнему медленно продвигались вперед. Это, по мнению старшего офицера Генштаба полковника Соловьева, находившегося в 1-й гвардейской танковой армии, было обусловлено рядом причин: сильно укрепленной обороной противника; отсутствием должного взаимодействия между стрелковыми, артиллерийскими, авиационными и танковыми частями не только в передовых частях, но и в штабах корпусов; отставанием артиллерии от танков и пехоты^[345]. В результате были случаи обстрела и нанесения ударов с воздуха по своим войскам. Так, 18 апреля в 1-й гвардейской танковой армии из-за отсутствия передового наблюдательного пункта артиллерия неоднократно в течение дня вела огонь по боевым порядкам 44-й гвардейской танковой бригады, а в пять часов вечера было произведено два дивизионных залпа РС с большими потерями в живой силе и технике.

В десять часов вечера 18 апреля маршал Жуков направил командующим 1-й и 2-й гвардейскими танковыми, 5-й ударной, 8-й гвардейской и 33-й армиями приказ № 00566/оп. В нем говорилось:

«1. Наступление на Берлин у вас развивается недопустимо медленно. Если так будет операция и дальше проходить, то наступление может захлебнуться.

2. Основная причина плохого наступления кроется в неорганизованности, отсутствии взаимодействия войск и отсутствия требовательности к лицам, не выполняющим боевых задач».

Командующий фронтом потребовал от командармов, командиров корпусов, дивизий и бригад выехать в передовые части и лично разобраться с обстановкой, до

12 часов 19 апреля привести части в порядок, уточнить задачи, организовать взаимодействие, пополнить боеприпасы. После этого предписывалось в 12 часов по всему фронту начать артиллерийскую и авиационную подготовку и, в зависимости от ее результатов, атаковать противника и стремительно развить наступление согласно плану. Все транспортные машины следовало немедленно убрать с дорог и отвести в укрытия. В дальнейшем мотопехота должна была действовать в пешем порядке. Для поддержания взаимодействия между стрелковыми дивизиями и танковыми бригадами танковых армий военным советам 5-й ударной и 8-й армий приказывалось иметь своих ответственных командиров со средствами связи в каждой танковой бригаде, а военным советам танковых армий – соответственно своих представителей в стрелковых дивизиях. Всех командиров, проявивших неумение выполнять задачи и нерешительность, следовало заменить умелыми и отважными командирами [\[346\]](#).

Немного позднее маршал Жуков строго предупредил командира 11-го гвардейского танкового корпуса полковника Бабаджаняна о неполном служебном соответствии за плохую и нерешительную работу.

Все эти меры действовали на командующих армиями и командиров соединений. После ожесточенных боев войска 1-го Белорусского фронта к исходу дня 19 апреля прорвали одерский оборонительный рубеж в полосе шириной до 70 км на глубину около 30 км. Ударной группировке открылся путь для развития наступления на Берлин. К этому времени все острее становилось соревнование между командующими 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами. В шестом часу вечера 20 апреля маршал

Конев требует от командующего 3-й гвардейской танковой армией возможно быстрее преодолеть рубеж Барут, Лукенвальде. Через два часа он приказывает командующим 3-й и 4-й гвардейскими танковыми армиями «обязательно сегодня ночью ворваться в Берлин первыми»^[347]. Чуть позднее маршал Жуков направляет командующему 1-й гвардейской танковой армией приказ следующего содержания:

«1-й гвардейской танковой армии поручается историческая задача – первой ворваться в Берлин и водрузить Знамя Победы. Лично вам поручается организовать исполнение. Пошлите от каждого корпуса по одной лучшей бригаде в Берлин и поставьте им задачу не позднее 4 часов утра 21.4 любой ценой прорваться на окраину Берлина»^[348].

Аналогичный приказ получил командующий 2-й гвардейской танковой армией.

Выполнить приказ командующего фронтом генерал Катуков поручил лучшим танковым бригадам армии – 1-й и 44-й гвардейским. Впереди бригад двигались мотострелки и уничтожали засады. В ночь на 21 апреля бригады продвинулись на 25 км и, наступая через Эркнер, завязали бой на внешнем обводе германской столицы. 11-й гвардейский танковый корпус обошел Карлсхорст, а 8-й механизированный корпус вместе с пехотой 8-й гвардейской армии ворвался в Кепеник. Это уже были предместья Берлина. Одновременно к северным окраинам Берлина прорвались части 2-й гвардейской танковой и 5-й ударной армий.

Соперничество между командующими фронтами стало выходить за пределы мудрости и взвешенности в принятии решений. Танковые соединения обоих фронтов с огромным трудом преодолевали сильно укрепленную оборону на подступах к Берлину. «В тесном взаимодействии с общевойсковыми эти армии

прорывали 3 оборонительные полосы одерско-нейссенского рубежа, – отмечал Маршал Советского Союза А.М. Василевский, – действовали самостоятельно при осуществлении маневра на окружение берлинской группировки с севера и юга; участвовали в штурме Берлина, сохраняя собственные полосы действий. Опыт этой операции еще раз убедительно показал нецелесообразность применения крупных танковых соединений в сражении за большой населенный пункт; они теряют здесь свои главные преимущества – ударную силу и маневренность»[\[349\]](#).

Тем временем сражение за Берлин продолжалось. Части 6-го гвардейского танкового корпуса 3-й гвардейской танковой армии к полудню 21 апреля овладели Цоссеном. Успешные действия войск 1-го Украинского фронта вынудили германское командование повернуть против него 12-ю армию, предназначавшуюся для сдерживания американских войск. Она должна была в районе Иутербога соединиться с пробивавшимися на запад войсками немецкой 9-й армии и частью сил 4-й танковой армии. Для нанесения удара по советским соединениям, обходившим Берлин с севера, намечалось использовать армейскую группу обергруппенфюрера СС Ф. Штейнера.

С 20 по 26 апреля части 2-й армии Войска Польского и 52-й армии, наступавшие на дрезденском направлении, отразили сильный контрудар трех пехотных, двух танковых и одной моторизованной дивизий из района Герлица, чем обеспечили дальнейшее наступление главных сил 1-го Украинского фронта.

На 1-м Белорусском фронте события развивались следующим образом. 21 апреля части 3-й ударной, 2-й гвардейской танковой и 47-й армий, преодолевая ожесточенное сопротивление противника, прорвались

на окраины Берлина и завязали сражение в городе. К исходу того же дня 8-я гвардейская и 1-я гвардейская танковая армии также вклинились в городской оборонительный обвод. Маршал Жуков 22 апреля потребовал немедленно организовать штурмовые подразделения, в состав которых включить танки и танковые подразделения, а «ночью для подсвета применить прожектора». 3-й ударной армии в качестве танков НПП был придан 9-й гвардейский танковый корпус, 5-й ударной армии – 11-й танковый корпус, 8-й гвардейской армии – танковая бригада, тяжелый танковый и тяжелый самоходный артиллерийский полки из состава 1-й гвардейской танковой армии^[350].

В первом часу ночи 23 апреля маршалы Конев и Жуков получили директиву Ставки ВГК за № 11074, которая требовала не позднее 24 апреля завершить окружение и разгром франкфуртско-губенской группировки противника^[351]. Однако к этому сроку задачу не удалось решить из-за сильного сопротивления противника. 23 апреля командующий 1-м Белорусским фронтом предложил гарнизону Берлина сдаться, но ответа не последовало. Одновременно маршал Жуков приказывает командующему 1-й гвардейской танковой армией создать специальный отряд (15–25 танков с десантом), которому предстояло прорваться перед рассветом к аэропорту, чтобы не допустить бегства Гитлера, Геббельса и Гиммлера^[352].

Войска 3-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта, завершив прорыв внешнего обвода Берлинского оборонительного района, 24 апреля форсировали канал Тельтов и завязали бой непосредственно в Берлине. 9-й механизированный корпус, наступавший на правом фланге армии, юго-восточнее Берлина в районе Бонсдорфа вошел в соприкосновение с войсками 8-й гвардейской и 1-й

гвардейской танковой армий 1-го Белорусского фронта. Окружение франкфуртско-губенской группировки противника было завершено.

25 апреля передовые части 4-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта соединились в районе Кетцина, северо-восточнее Бранденбурга, с передовыми частями 47-й армии 1-го Белорусского фронта и замкнули кольцо окружения вокруг Берлина. Передовые части 5-й гвардейской армии в тот же день в районе Торгау вышли к Эльбе, где встретились с войсками американской 1-й армии.

Войска 2-го Белорусского фронта, перейдя в наступление 20 апреля, форсировали Одер и к исходу 25 апреля прорвали главную полосу обороны противника. Они, продвинувшись на 20-22 км, сковали немецкую 3-ю танковую армию, лишив ее возможности нанести контрудар с севера по советским армиям, окружившим Берлин. В связи с выходом войск 1-го Белорусского фронта к северо-западу от Берлина Сталин приказал 2-му Белорусскому фронту развивать наступление в западном и северо-западном направлениях.

Отказ берлинского гарнизона сложить оружие дорого обошелся жителям столицы Германии. Днем 25-го и в ночь на 26 апреля более 2 тыс. бомбардировщиков 16-й и 18-й воздушных армий нанесли по Берлину три массированных удара.

Между тем события в Берлине развивались следующим образом. 3-я гвардейская танковая армия, форсировав с ходу р. Шпрее, с ожесточенными боями продвигалась к центру Берлина. Так как разграничительная линия между войсками фронтов была изменена и проходила примерно по центру города, части армии оказались в тылу боевых порядков 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армий 1-го Белорусского фронта. Началась неразбериха. Прошло

почти двое суток, прежде чем маршал Конев около девяти часов вечера 28 апреля обратился к маршалу Жукову с просьбой изменить направление наступления 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армий^[353].

Выход войск 1-го Украинского фронта в тыл этих армий весьма озаботил маршала Жукова. Он, оставив без внимания обращение маршала Конева, направил Сталину телеграмму, в которой просил установить разграничительную линию между войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов или разрешить Жукову сменить части 1-го Украинского фронта в Берлине. Он планировал встречным ударом 2-й гвардейской танковой армии и правого фланга 3-й ударной армии в юго-восточном направлении, всеми силами 5-й ударной, 1-й гвардейской танковой и 8-й гвардейской армий в северо-западном направлении «расколоть окруженную группировку в Берлине на две части, после чего оставшиеся очаги обороны уничтожить по частям»^[354]. Эти группы войск разделяло всего 1,5 км.

Лишь осознав, что путаница в управлении фронтами может привести к тяжелым последствиям, Сталин с 24 часов 28 апреля определил новую разграничительную линию в Берлине между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами: до Мариендорфа прежняя, затем станция Темпельхоф, Виктор-Луизе плац, станция Савиньи, далее по железной дороге на станции Шарлоттенбург, Весткройц, Рулебен (все пункты для 1-го Украинского фронта включительно)^[355].

28 апреля 11-й гвардейский танковый корпус 1-й гвардейской танковой армии во взаимодействии с 9-м стрелковым корпусом 5-й ударной армии, наступавшим с востока, полностью очистил от противника Ангальтский вокзал. Части 8-го механизированного корпуса совместно с соединениями 8-й гвардейской

армии наступали в северо-западном направлении навстречу 3-й ударной армии, выходившей в район Рейхстага.

29 апреля командующий 1-й гвардейской танковой армией приказал 8-му гвардейскому механизированному корпусу во взаимодействии с частями 8-й гвардейской армии захватить зоологический сад, а 11-му гвардейскому танковому корпусу – Потсдамский вокзал и имперскую канцелярию. Оба корпуса к 1 мая должны были соединиться с частями 3-й ударной и 2-й гвардейской танковой армий [\[356\]](#).

Зоологический сад был сильно укреплен, а все улицы, ведущие к нему, перекрыты баррикадами, которые простреливались артиллерийско-пулеметным огнем. Гарнизон сада насчитывал до 5 тыс. человек. Под прикрытием сильного артиллерийского огня и дымовой завесы саперы подобралась к кирпичной стене зоосада, подложили под нее взрывчатку и проделали в нескольких местах бреши. Пехота, танки, артиллерия, укрываясь за развалинами и завалами, накапливались у зоосада. Огонь был открыт из всех орудий. Зоосад заволкло пылью и гарью. Бомбардировщики, развернувшись над зоосадам, обрушивали на него бомбовый удар. После упорных боев вся территория зоосада к 1 мая была очищена от противника.

К этому времени воины 3-й ударной армии водрузили знамя на крыше Рейхстага [\[357\]](#). 2 мая к трем часам дня остатки берлинского гарнизона (более 134 тыс. человек) сдались в плен. С 3 по 8 мая войска 1-го Белорусского фронта, уничтожая отдельные группы противника, пробивавшиеся на запад, вышли к Эльбе. 1-й Украинский фронт приступил к освобождению Чехословакии. Войска 2-го Белорусского фронта 2 мая

заняли Варнемюнде на побережье Балтийского моря и на следующий день вышли в район Грабова.

В ходе Берлинской стратегической наступательной операции советские войска разгромили 70 пехотных, 23 танковые и моторизованные дивизии, уничтожили большую часть авиации вермахта. По данным штаба 1-го Белорусского фронта, было уничтожено 218 691 солдат и офицер противника, 1030 танков и самоходных орудий, 3218 орудий разных калибров, 1702 миномета, 42 бронемашины, 266 бронетранспортеров, 1253 самолета, 6700 автомашин. В качестве трофеев захвачено 5362 орудия, 1398 минометов, 151 бронетранспортер, 20 бронемашин, 2173 самолета, 35 703 автомобиля и много другой техники [\[358\]](#).

Потери войск 1-го, 2-го Белорусского, 1-го Украинского фронтов, Балтийского флота, Днепровской военной флотилии составили: безвозвратные – 78 291, санитарные – 274 184 человека; в технике – 1997 танков и САУ, 2108 орудий и минометов, 917 самолетов [\[359\]](#). Высокие потери в танках и САУ были обусловлены тем, что танки участвовали в допрорыве мощной обороны противника и в уличных боях. Характерно, что советское командование понимало неизбежность тяжелых потерь в технике и живой силе, но сознательно шло на это. Все списывалось на необходимость скорейшего взятия Берлина, хотя не последнюю роль при этом играли стремление опередить западных союзников, личные амбиции советских военачальников и другие факторы.

В Берлинской операции, по данным М.Е. Катукова, 1-я гвардейская танковая армия потеряла 8 тыс. человек, в том числе 4 командира бригад, 22 командира батальона, несколько командиров полков, две сотни танков. Начальник политического отдела армии генерал-майор А.Г. Журавлев привел следующие

данные о потерях: безвозвратные потери материальной части составили 45,3 %, а боевые повреждения – 47 % [\[360\]](#).

С завершением Берлинской операции окончился боевой путь 1-й гвардейской танковой армии. 29 мая 1945 г. была издана директива № 11095 Ставки ВГК о переименовании 1-го Белорусского фронта в Группу советских оккупационных войск в Германии во главе с маршалом Г.К. Жуковым. В ее состав включались 2-я, 3-я и 5-я ударные, 8-я гвардейская, 47-я, 16-я воздушная, 1-я гвардейская танковая (11-й гвардейский танковый, 9-й танковый, 8-й гвардейский механизированный корпуса) и 2-я гвардейская танковая армии [\[361\]](#).

Вторая гвардейская танковая армия

В главе, посвященной 1-й гвардейской танковой армии, отмечалось, что ее формирование осуществлялось на основании постановления ГКО от 28 января 1943 г. Несколько по-иному шел процесс, связанный с созданием 2-й танковой армии. По свидетельству генерала Н.И. Бирюкова, во время разработки плана зимней кампании И.В. Сталин 8 января поручил ему приступить к формированию 2-й танковой армии в районе Ефремова и представить проект директивы об этом. Сначала предусматривалось иметь в армии два танковых корпуса и три танковые дивизии, а затем Сталин остановился на другом варианте – два танковых корпуса, одна танковая бригада, три стрелковые дивизии, два автомобильных батальона по 200 автомашин, один полк самоходной артиллерии^[362]. В окончательном виде был принят следующий вариант: два танковых корпуса; девять гвардейских танковых бригад; два гвардейских танковых полка прорыва; три стрелковые дивизии; один полк самоходной артиллерии; один истребительный артиллерийский полк; один истребительный артиллерийский полк 152-мм; дивизия ПВО; один мотоциклетный батальон; два саперных батальона; один батальон связи; две кабельно-шестовые роты; штаб; политотдел; особый отдел; прокуратура и трибунал^[363]. Командующим 2-й танковой армией назначался генерал П.Л. Романенко (см. приложение № 3). Одновременно Сталин потребовал подобрать на пост члена Военного совета армии человека, который не только был бы хорошим политработником, но и «понимал танковое дело». Членом Военного совета стал генерал-майор танковых войск П.М. Латышев.

Указания Сталина, как мы знаем, выполнялись неукоснительно. И уже 10 января он вместе с генералом армии Г.К. Жуковым подписал директиву № 46002 Ставки ВГК командующему войсками Брянского фронта о формировании 2-й танковой армии к 1 февраля в районе Ефремов, станция Россошная, Елец. В состав армии включались: управление 3-й резервной армии с частями обеспечения, учреждения обслуживания и армейскими тылами, которое переименовывалось в управление 2-й танковой армии; 11-й и 16-й танковые корпуса; 11-я отдельная гвардейская танковая бригада; 29-й и 30-й отдельные гвардейские танковые полки прорыва, 8-я и 211-я стрелковые дивизии; три лыжные бригады; один мотоциклетный батальон; два истребительно-противотанковых артиллерийских и один гвардейский минометный полк; два бронетранспортных, два инженерных и три автомобильных батальона^[364]. 7 февраля Сталин дал указание генералу Бирюкову представить директиву на введение во 2-ю танковую армию третьего автомобильного батальона для подвоза одной полной армейской заправки горючего, а также о введении в состав корпусов и армии минометных полков 120-мм минометов^[365].

К 1 февраля 1943 г. главные силы 2-й танковой армии находились в районе Любовша, Верховье, Соловьевка, Простор, где были проведены двусторонние тактические учения с целью слаживания частей и подразделений. Армия по-прежнему была смешанного состава. Она была включена в состав Центрального фронта, которым командовал генерал-полковник К.К. Рокоссовский.

12 февраля армия получила приказ на срочное перебазирование к 17 февраля в район Фатежа, двигаясь по маршруту Россошное, Ливны, Новый Тим,

Коссоржа, Золотухино, Сергеевское. Армии предстояло принять участие в Дмитриев-Севской наступательной операции.

Дмитриев-Севская наступательная операция (23 февраля - 24 марта 1943 г.)

В главе «Первая гвардейская танковая армия» уже говорилось о замысле Ставки ВГК расширить фронт наступления Красной Армии после успешного завершения Сталинградской стратегической наступательной операции. В этой связи на западном стратегическом направлении намечалось провести операцию по разгрому группы армий «Центр» путем нанесения мощных ударов по ее флангам: один – на Орел, Брянск, Смоленск, другой – на Витебск, Смоленск. Кроме того, предусматривалось нанести удар в центре, в направлении Рославль, Смоленск. Для осуществления этого замысла привлекались армии Калининского, Западного, Брянского и Центрального фронтов.

Задача войскам Центрального фронта была определена в директиве № 30043 Ставки ВГК от 6 февраля 1943 г.^[366] Цель операции – развитие успеха Брянского и Воронежского фронтов и выход в тыл ржевско-вяземско-брянской группировки противника. Для этого требовалось провести перегруппировку войск: 2-ю танковую армию к 12 февраля сосредоточить в районе Долгого^[367]; 2-й кавалерийский корпус с тремя лыжными бригадами, двумя танковыми полками – в районе Черемисиново; 65-ю армию – в районе севернее Долгого, южнее Ливны. Из этих районов предписывалось все войска к исходу 14 февраля вывести на рубеж развертывания Фатеж, Курск.

С утра 15 февраля 2-я танковая и 65-я армии при поддержке авиации 16-й воздушной армии должны были перейти в наступление в общем направлении на

Севск, станцию Унеча с ближайшей задачей перерезать железную дорогу Брянск – Гомель. Конно-стрелковую группу генерала В.В. Крюкова (2-й гвардейский кавалерийский корпус, усиленный двумя лыжнострелковыми бригадами и танковым полком) предписывалось развернуть на левом крыле и направить через Новгород-Северский, Старый Быхов, Могилев, где переправиться на западный берег Днепра и, обеспечив за собой переправы, выйти в район Орши. По выходе армий на линию Брянск, Гомель главный удар следовало нанести через Климовичи, Хисловичи на Смоленск с задачей захвата района Смоленска и отрезания путей отхода вяземско-ржевской группировки противника. С выходом главных сил в район станции Унеча приказывалось захватить Гомель силами двух стрелковых дивизий и западный берег Днепра на участке Речица, Жлобин. Одновременно в наступление переходили войска Западного фронта на Рославль, Смоленск, а Калининский фронт – на Витебск, Оршу и частью сил на Смоленск, навстречу главному удару Центрального фронта.

Времени на подготовку к новой операции было в обрез. «Начало этой красивой по замыслу операции намечалось на 15 февраля, – вспоминал маршал К.К. Рокоссовский. – Но для того чтобы ее начать, надо было прежде всего сосредоточить войска, основная масса которых со своими тылами находилась в районе Сталинграда. Мои доводы о нереальности этого срока не убедили Ставку. Конечно, хотелось бы начать операцию как можно скорее, пока противник не успел подтянуть силы с других участков и из глубины. Но в сложившейся обстановке перегруппировка войск была чрезвычайно затруднена»^[368].

И все-таки 15 февраля начать операцию не удалось. К этому времени штаб Центрального фронта успел

только разработать план наступательной операции на смоленском направлении, который в виде доклада № 0020 был представлен Сталину [\[369\]](#).

На первом этапе предусматривалось сломить сопротивление противника на рубеже Никольское, Высокое, Карманово, Генеральшино, Машкина Белица, Ольшанка и выйти на железную дорогу Брянск – Конотоп на участке станций Святое, Хутор Михайловский. В дальнейшем, нанося главный удар на Севск, станцию Унеча, перерезать железную дорогу Брянск – Гомель на участке станций Рассуха, Клинцы, Новозыбков. Конно-стрелковой группе Крюкова предстояло наступать на левом фланге ударной группы фронта через Новгород-Северский, Семеновку и овладеть районом Новозыбкова. После завершения первого этапа операции предусматривалось в течение трех суток привести в порядок войска, подтянуть артиллерию и тылы, пополнить запасы.

Второй этап включал нанесение главного удара в направлении Климовичи, Хисловичи с задачей овладеть районом Смоленска и отрезать пути отхода вяземско-ржевской группировке противника на запад и юго-запад. Конно-стрелковая группа генерала Крюкова должна была, продолжая наступление на левом фланге ударной группы фронта через станцию Быхов на Могилев, переправиться на западный берег Днепра и, обеспечивая за собой переправы, главными силами выйти в район Орши. С выходом главных сил первого эшелона фронта на рубеж Святое, Трубчевск, Новгород-Северский намечалось выдвинуть из состава второго эшелона две стрелковые дивизии в направлении Семеновка, Гомель с задачей овладеть районом Гомеля и западным берегом Днепра на участке Жлобин, Речица.

Глубина операции составляла 500 км. Это расстояние Рокоссовский предполагал преодолеть с учетом оперативных пауз за 42 дня. Учитывая глубокий снежный покров и отсутствие годных для движения автотранспорта и артиллерии дорог, наступление планировалось вести в первый день операции с темпом 10 км в сутки, а в дальнейшем – 15 км в сутки. По расчетам штаба фронта на весь период операции требовалось 42 сутодачи продовольствия и фуража, 4 боекомплекта боеприпасов, 12 заправок горючего. Из этого количества к началу операции намечалось иметь 10 сутодач продовольствия и фуража, 2 боекомплекта боеприпасов и 2–3 заправки горючего.

В плане подробно излагались задачи каждой армии. Войска 2-й танковой армии должны были с утра 24 февраля перейти в наступление с задачей сломить сопротивление противника на участке Копенки, Зорино, Михайловка, Карманово, Генеральшино, Обуховка и, развивая успех на Генеральшино, Дмитриев-Льговский, к исходу дня овладеть рубежом Михайловка, Ротманово, Стежа, Новое Першино. В дальнейшем, развивая удар на Севск, Погар, станцию Унеча, перерезать 2 марта железную дорогу Брянск – Конотоп на участке станций Холмечи, Суземка и 10 марта – железную дорогу Брянск – Гомель на участке станций Рассуха, Клинцы. В последующем наступать в общем направлении на Климовичи, Хисловичи, Смоленск.

Во второй эшелон были выделены 70-я и 21-я армии. Соединения 16-й воздушной армии должны были оказать содействие 2-й танковой армии в овладении рубежом р. Свапа, не допустить контратак противника по правому флангу первого эшелона фронта с севера и северо-востока и по левому флангу – с юга и юго-запада. Кроме того, авиации предписывалось вести непрерывную разведку и наблюдение за

передвижениями и перегруппировками противника на флангах и в полосе наступления фронта.

Ставка ВГК, ознакомившись с планом генерал-полковника Рокоссовского, потребовала внести в него некоторые коррективы. 19 февраля командующий Центральным фронтом представил Сталину доклад дополнений к плану наступательной операции^[370]. В чем же заключалась суть этих дополнений?

Во-первых, с выходом войск первого эшелона Центрального фронта на рубеж Дмитровск-Орловский, Верхняя Кубань, Фатеевка (30 км юго-западнее Дмитриев-Льговского) намечалось сосредоточить три стрелковые дивизии 70-й армии в районе Трофимовка, Речица, Плоское. Им предстояло 27 февраля перейти в наступление в общем направлении на Карачев с задачей перерезать железную дорогу и шоссе Орел – Брянск на участке восточнее Карачева. После выхода главных сил фронта в район Карачева войска 70-й армии должны были развивать успех в общем направлении на Брянск, Рославль, Смоленск.

Во-вторых, с выходом войск первого эшелона фронта на рубеж Святое, Трубчевск, Новгород-Северский предусматривалось выдвинуть из 2-й танковой армии две стрелковые дивизии в направлении Семеновка, Гомель с задачей к 20 марта овладеть районом Гомеля и к 27 марта – западным берегом р. Днепр на участке Жлобин, Речица. Дивизии намечалось усилить танками за счет 2-й танковой армии и артиллерией распоряжением фронта. Для управления действиями этих двух дивизий генерал-полковник Рокоссовский полагал необходимым иметь корпусное управление. Учитывая, что фронт не имел сил и средств для формирования этого управления, он предлагал возложить обязанности командира корпуса и его штаба

на командира и штаб одной из этих дивизий, усилив его командным составом и средствами связи.

В полосе предстоящего наступления в тылу противника вели активные действия партизанские отряды, подчиненные начальнику штаба партизанского движения на Брянском фронте старшему майору госбезопасности А.П. Матвееву. Он разработал к 1 марта план взаимодействия партизанских бригад с войсками Центрального фронта^[371]. Перед ними были поставлены следующие задачи: перерезать железные и шоссейные дороги на участках Брянск – Карачев, Жуковка – Брянск, железную дорогу на участке Брянск – Унеча и прекратить движение вражеских эшелонов, автоколонн и обозов; взорвать железнодорожный мост через р. Десна в районе станции Выгоничи; подготовить рубеж на правом и левом берегах р. Десна на участке Уручье – Витемля для прохода наступающих частей Красной Армии; вести разведку противника. К выполнению этих задач привлекались 8 партизанских бригад, 5 отдельных отрядов и Северная группа партизанских отрядов – всего более 6,7 тыс. человек^[372].

19 февраля в половине седьмого вечера штаб Центрального фронта направил командующему 2-й танковой армией распоряжение № 022. В нем требовалось к утру 21 февраля занять исходное положение на рубеже Михайловка, Ротманово, Старый Город, Сухой Ровец для наступления в общем направлении Дмитриев-Льговский, Севск, Трубчевск. Готовность к наступлению – с утра 22 февраля^[373].

Таким образом, 2-й танковой армии предстояло совершить марш протяженностью 250–270 км, двигаясь ночными переходами всего по одной труднопроходимой для транспорта дороге, при высоком снежном покрове и

постоянных заносах, а вдобавок – в условиях недостатка ремонтных средств и запасных частей.

Как и следовало ожидать, времени на решение всех вопросов не хватило. Графики переброски войск не выдерживались. Единственная железная дорога Касторное – Курск, с короткой рокадой Ливны – Мармыжи, работала лишь до станции Щигры и не справлялась с перевозкой большого количества войск, техники, военного имущества, а район сосредоточения оказался неподготовленным для их приема. Кроме того, в спешке дорожные части и техника были оставлены на Волге, и это еще более затрудняло продвижение войск к фронту. Части, выгруженные из вагонов в Ельце и Ливнах, должны были сделать пеший переход в 150–200 км по единственной автогужевой дороге Елец – Ливны – Золотухино. Весь февраль бушевали метели. Заносы были настолько велики, что на некоторых участках приходилось вместо грунтового пути использовать железнодорожную насыпь. В районах, только что освобожденных от противника, очень трудно было и с жилищем, и с питанием, а службы тыла фронта не успевали снабжать войска всем необходимым.

К утру 24 февраля, день предполагаемого перехода в наступление, положение и состояние войск Центрального фронта было следующим. Четыре стрелковые дивизии 65-й армии (69, 149, 354-я и 37-я гвардейская) с рубежа Поныри, Ленинский продолжали 60-километровый марш на исходный рубеж Дуброва, Моховое, Андросово. Их выход на этот рубеж ожидался только к исходу 25 февраля. К этому же времени должны были подойти 1-я артиллерийская дивизия и 84-й отдельный танковый полк. Пришлось снова внести коррективы в план операции. Генерал-полковник Рокоссовский приказал войскам 65-й армии начать с утра 26 февраля активные действия усиленными передовыми отрядами (по одному стрелковому полку от

каждой стрелковой дивизии), а с утра 27 февраля перейти в наступление главными силами первого эшелона. Второй эшелон армии (193, 112, 246-я стрелковые дивизии, 42-я стрелковая бригада) еще продолжал марш.

В движении также находились соединения 70-й армии, 255, 240, 40 и 30-й отдельные танковые полки, 210, 226, 143 и 218-й минометные полки, 1188, 567 и 563-й истребительно-противотанковые артиллерийские полки, 30, 28 и 29-я лыжные бригады. Войска 21-й армии продолжали выгрузку из эшелонов. 251-й и 259-й отдельные танковые полки стояли в Ливнах без горючего. Гаубицы всех артиллерийских частей из-за отсутствия тракторов отстали.

Мотострелковые части 2-й танковой армии в пешем строю к исходу 23 февраля вышли на исходный рубеж р. Свапа и с утра 24 февраля вели разведку боем. Выход на исходный рубеж 16-го, 11-го танковых корпусов, 11-й отдельной гвардейской танковой бригады, 29-го гвардейского отдельного танкового полка ожидался только к исходу 26 февраля. Танковые соединения и части армии не были полностью укомплектованы. В 11-м танковом корпусе в строю насчитывалось 102 танка (из них КВ – 11, Т-34 – 1), в 16-м танковом корпусе – 47 (из них Т-34 – 33), в 11-й отдельной гвардейской танковой бригаде – 40 (из них Т-34 – 25), в 29-м гвардейском отдельном танковом полку – 15 танков КВ^[374]. Для пополнения танковых соединений по железной дороге перебрасывалось еще 85 танков. Большую потерю материальной части в 16-м танковом корпусе генерал-полковник Рокоссовский объяснял плохим управлением со стороны командира корпуса генерал-майора А.Г. Маслова (бывший начальник штаба 9-го механизированного корпуса) и его начальника штаба – полковника Пупко. Горючего к исходу 23 февраля

имелось всего до одной заправки. Не успевала в исходный район и конно-стрелковая группа генерала Крюкова. В группе не хватало горючего и овса, конский состав был изнурен. Учитывая все это, командующий Центральным фронтом планировал с утра 26 февраля начать активные действия только передовыми частями конно-стрелковой группы, а главными силами перейти в наступление с утра 27 февраля.

24 февраля командующий 2-й танковой армией принял решение на наступление и поставил боевые задачи войскам^[375]. Замысел генерала Родина состоял в том, чтобы силами двух стрелковых дивизий, мотопехотой танковых корпусов и частью сил 132-й стрелковой дивизии Брянского фронта во взаимодействии с 65-й армией и конно-стрелковой группой генерала Крюкова прорвать оборону противника, уничтожить его живую силу в тактической зоне. После этого ввести в сражение танковые корпуса с целью разъединения брянской и южной группировок противника, овладения железной дорогой на участке Кокоревка – Суземка. Ближайшая задача армии – выход на рубеж Кокоревка, Суземка; последующая – на северо-западный берег р. Десна и овладение Трубчевском. Общая глубина операции – 120 км. Темп наступления для танковых соединений и мотопехоты на третий день – 40–45 км, для пехоты – 25–30 км после уничтожения противника в тактической зоне.

Перегруппировку войск армии и их боевое развертывание намечалось провести за одни сутки до прорыва. Оперативное построение армии в три эшелона: в первом – две стрелковые дивизии, мотопехота, два полка 132-й стрелковой дивизии, вся артиллерия стрелковых дивизий и мотострелковых бригад; во втором – два танковых корпуса и один

танковый полк; в третьем – одна танковая и одна стрелковая бригады.

Операцию предусматривалось провести в три этапа. Подготовительный этап (двое суток) включал выход в исходный район для наступления, проведение дополнительной рекогносцировки, доразведки противника и дозаправки машин первого эшелона. Первый этап: для танковых соединений – 3-4 дня, а для пехоты – 5-6 дней. Второй этап, предположительно в почепском и унечском направлении: для танковых соединений – 2-3 дня, для пехоты – 3-4 дня.

Главное командование Сухопутных войск вермахта, оценивая планы советского командования, пришло к 22 февраля к выводу, что возможны два варианта действий Красной Армии [\[376\]](#):

«1. Наступление с востока, северо-востока и с севера против центральной группы армий в направлении на Смоленск, при возможном развитии успешного наступления против 2-й танковой армии, с целью разгромить центральный участок германского фронта, этим самым исключить угрозу южному флангу русских наступающих сил и создать предпосылки для глубокого удара через Минск на запад, а в зависимости от ситуации на юге – и на юго-запад для поддержки действующих там войск.

2. Наступление из района Великие Луки, Холм, и если русским удастся завоевать себе свободу действий в районе южнее Ладожского озера и Ленинграда, то нанести оттуда удар в юго-западном направлении с ближайшей задачей: захватив Псков и Кингисепп, отрезать группу армий «Север» от ее тыловых коммуникаций, окружить и уничтожить эту группу армий и с последующей задачей: продвигаться дальше в направлении на Ригу и этим самым создать

предпосылку для разгрома центрального участка германского фронта».

В то же время, не доверяя полностью своему агентурному источнику, Главное командование Сухопутных войск полагало:

«...Из множества донесений, а также из оценки их источников с некоторой вероятностью можно заключить, что в настоящее время противник отдает предпочтение указанной в пункте 2 крупной операции русских северо-западных вооруженных сил против группы армий «Север» и северного фланга центральной группы армий, а не приведенному в пункте 1 наступлению на центральном участке фронта. Под впечатлением многократных неудач при повторных атаках, проводимых крупными силами против центральной группы армий, и, по-видимому, под впечатлением успехов на Юге в решениях противника главенствующую роль будет играть мысль – уничтожением обоих германских флангов вызвать крушение всего фронта».

Несмотря на то что войска Центрального фронта запаздывали с сосредоточением, пришлось начать наступление имевшимися силами. К этому вынуждала обстановка, сложившаяся на Брянском, Воронежском и Юго-Западном фронтах. Войска Воронежского фронта овладели 16 февраля Харьковом и продолжали продвигаться к Днепру. Однако 19 февраля противник силами танкового корпуса СС, 40-го и 48-го танковых корпусов нанес контрудар по войскам правого крыла Юго-Западного фронта, создав угрозу прорыва во фланг и в тыл Воронежского фронта. Войска Брянского фронта, возобновив 12 февраля наступление, стремились обойти Орел с юга и юго-востока. К этому времени немецкое командование перебросило в район к югу от Орла несколько дивизий. В результате войска Брянского фронта встретили сильное сопротивление и

за две недели смогли продвинуться всего на 10-30 км, достигнув рубежа Новосиль, Малоархангельск. Не добилась успеха и левофланговая 16-я армия Западного фронта, наносившая удар во взаимодействии с войсками Центрального фронта.

25 февраля войска Центрального фронта перешли в наступление. Противник, усилив свою 2-ю танковую армию на орловском плацдарме семью пехотными и моторизованными дивизиями, оказывал упорное сопротивление. Пленные показывали, что немецкое командование тоже готовило наступление от Орла навстречу своей 4-й танковой армии (район Харькова).

В полосе 2-й танковой армии первым в наступление перешел 11-й танковый корпус генерал-майора И.Г. Лазарева. Вечером 24 февраля 3-й батальон 12-й мотострелковой бригады и батальон 53-й танковой бригады пересекли замерзшую р. Свапа и начали атаку на село Фатеевка в 10 км за рекой. После ожесточенных боев противник в 14 часов 30 минут 26 февраля был вынужден оставить Фатеевку. К утру следующего дня мотострелковые части 11-го танкового корпуса вышли на западную опушку леса в 6 км от Фатеевки, заняв населенные пункты Ульяновка, Новинки, Зеленая Роща, Ясная Поляна, Луговой, Дворики. В течение двух дней они отражали неоднократные атаки противника, пытавшегося восстановить положение.

В то же время севернее, из района Карманово, наконец-то началось наступление 16-го танкового корпуса. Опасаясь окружения, противник оставил Дмитриев-Льговский. Вслед за корпусом была выдвинута 60-я стрелковая дивизия. В тылу, на восточном берегу Свапы, сосредоточивалась 194-я дивизия. Южнее 2-й танковой армии успешно наступала конно-стрелковая группа генерала Крюкова. Севернее соединения 65-й армии не смогли быстро прорвать

вражескую оборону, ввязавшись в затяжные фронтальные бои.

27 февраля генерал Родин приказал 11-му танковому корпусу утром 28 февраля нанести удар в направлении Доброводья, к исходу дня овладеть Севском, а в дальнейшем наступать на станцию Суземка.

Однако наступление удалось начать лишь в шесть часов утра 1 марта. 160-я танковая бригада нанесла удар в направлении Ясная Поляна, Доброводье, северо-восточная окраина Севска. За ней уступом справа прямо на Севск наступала 12-я мотострелковая бригада. 59-я танковая бригада должна была обойти город с юга и атаковать его юго-западную окраину. 53-я танковая бригада находилась в резерве и двигалась вторым эшелоном за 160-й танковой бригадой.

Части 160-й танковой и 12-й мотострелковой бригад, овладев к вечеру 1 марта селами Сенное и Доброводье, атаковали Севск. Город обороняли венгерская 108-я легкопехотная дивизия 8-го армейского корпуса, немецкий 747-й пехотный полк, «5-я белогвардейская бригада изменника Каминского» и различные подразделения.

59-я танковая бригада, выйдя на южную и западную окраины Севска, перехватила дороги на Суземку и Середина-Буду, отрезав противнику пути к отступлению. После тяжелого боя к 10 часам вечера 1 марта Севск был освобожден. После этого части 11-го танкового корпуса, не встречая больше серьезного сопротивления, продвинулись еще на 30 км и заняли станцию Суземка. Противник отступил на юг, и в 6 утра 2 марта командир корпуса выслал для его преследования отряд под командованием командира 160-й танковой бригады полковника Н.В. Давыденко. К девяти вечера 3 марта отряд Давыденко занял

железнодорожную станцию Середина-Буда, пленив около 600 деморализованных солдат противника.

Тем временем части 59-й танковой бригады, выведенной на правый фланг 11-го танкового корпуса, установили связь с действующей в этом районе партизанской бригадой «За власть Советов!» (1-1,5 тыс. человек) под командованием полковника Д.В. Емлютина. Совместно с партизанами танкисты 3 марта выбили противника из сел Война и Селечня, вышли к р. Усожа, заняв село Игрицкое на ее северном берегу. Однако днем 4 марта в ходе ожесточенных контратак противнику удалось вновь занять Игрицкое и выбить части 59-й танковой бригады с плацдарма за Усожей.

Наступление 16-го танкового корпуса на правом фланге армии развивалось медленно. Заняв Дмитриев-Льговский, корпус к 4 марта смог продвинуться только на 10-15 км до села Дерюгино. Лишь 7 марта части корпуса заняли южную часть Литижа, выйдя на левый берег р. Усожа.

Медленное продвижение войск Центрального фронта вынудило Ставку ВГК вмешаться в ход событий. 7 марта генералу Рокоссовскому была направлена директива № 30067, в которой отмечалось, что продвижение войск Центрального фронта в сторону Рославля невозможно без предварительной ликвидации дмитровско-орловской группы войск противника. Исходя из этого, Ставка приказала:

«1. Временно замедлить продвижение войск Центрального фронта в сторону Унеча, Почеп, организовав в северо-западном и западном направлениях разведку усиленными отрядами.

2. Повернуть войска армий генералов Батова, Тарасова и Чистякова^[377] с запада в северном и северо-восточном направлениях с задачей объединенными силами этих армий разбить дмитровско-орловскую

группу войск противника, прервать железнодорожную линию между Брянском и Орлом где-либо восточнее Карачева и помочь тем самым Брянскому фронту ликвидировать орловскую группу войск противника.

3. После выполнения этой задачи войскам Центрального фронта продолжать с новой силой совместно с частями Брянского фронта стремительное наступление в сторону Рославля.

4. К исполнению приступить немедленно»^[378].

Получив новую задачу, генерал Рокоссовский приступил к перегруппировке войск, сосредоточивая основные силы на орловском направлении – направлении главного удара. 8 марта он подписал приказ № 0074, в котором с учетом директивы Ставки были определены задачи войскам фронта^[379]. От 2-й танковой армии требовалось продолжать стремительное наступление двумя сильными группами. Первая группа (16-й танковый корпус, 11-я отдельная гвардейская танковая бригада, 194-я стрелковая дивизия) должна была наступать на Комаричи, Радогощ, Гремучее. Второй группе (11-й танковый корпус, 60-я стрелковая дивизия, 115-я стрелковая бригада) предстояло наступать на Бобрик, Локоть, Брасово с задачей во взаимодействии с частями 65-й армии уничтожить противника в районе Чернено, Радогощ, Локоть, Игрицкое, Угреевичи, станция Усожа и главными силами выйти на рубеж Нижнее Городище, Столбово, Брасово. В дальнейшем армии (без 194-й, 60-й стрелковых дивизий, 115-й стрелковой бригады) предписывалось развивать удар в направлении Веребск, Сомово, Карачев с задачей перерезать шоссе и железную дорогу Орел – Брянск и овладеть районом Карачева.

Однако вскоре в планы генерала Рокоссовского пришлось внести изменения. Противнику удалось

севернее Харькова прорваться в район Казачьей Лопани. В результате возникла угроза его выхода через Белгород к Курску и соединения со своей орловской группировкой для нанесения удара в тыл Центральному фронту. Для ликвидации этой угрозы Ставка ВГК приказала 11 марта выдвинуть на север 1-ю танковую армию, которой предстояло совместно с 21-й армией разгромить прорвавшуюся группировку противника. С 13 марта обе армии передавались в подчинение командующего Воронежским фронтом [\[380\]](#).

Таким образом, генерал Рокоссовский для выполнения поставленной задачи располагал только двумя общевойсковыми (65-я, 70-я), одной танковой (2-я) армиями и конно-стрелковой группой. Их положение было тяжелым.

Командующий 2-й танковой армией докладывал генералу Рокоссовскому, что 2-я танковая армия противника, усиленная 72-й и 137-й пехотными дивизиями и 75—100 самолетами, прочно удерживает оборонительный рубеж по р. Усожа на левом крыле и ряд населенных пунктов севернее Усожи на правом крыле. Одновременно он переходит в частные контратаки, стремясь отбросить части 2-й танковой армии на южный берег р. Усожа, а в дальнейшем, во взаимодействии с дмитровско-орловской группировкой, перейти в общее наступление в юго-восточном направлении.

Генерал Родин отмечал, что его войска с 23 февраля по 12 марта ведут непрерывные бои. Они понесли большие потери в пехоте и мотопехоте, испытывают затруднения в связи с нехваткой горючего и боеприпасов, отставания артиллерии и танков. В результате в наступлении приняли участие менее половины танков и артиллерии, всего две стрелковые дивизии (194-я и 60-я), три бригады (115-я стрелковая,

12-я и 15-я мотострелковые) и мотострелковые батальоны танковых бригад, которые потеряли до 40 % личного состава. Армия не в состоянии имеющимися силами выполнить поставленную задачу до подтягивания всех годных танков, артиллерии и пополнения мотострелковых и стрелковых соединений личным составом. Отсутствие армейских артиллерийских полков не позволяет подавить основные узлы сопротивления и артиллерию противника. Учитывая все вышеизложенное, генерал Родин просил не начинать операцию до обеспечения армии горючим и боеприпасами, пополнить мотострелковые и стрелковые соединения личным составом, усилить армию одной стрелковой дивизией и артиллерией РГК, поддержать наступление бомбардировочной и истребительной авиацией^[381].

Не все благополучно обстояло и в полосе действий конно-стрелковой группы, на обоих флангах которой враг накапливал войска. Генерал Рокоссовский потребовал от генерала Крюкова приостановить продвижение на запад, закрепиться на рубеже р. Сев, удерживать Севск до подхода частей 65-й армии и вести усиленную разведку в северном и южном направлениях. Но Крюков уже ничего не успел сделать.

12 марта противник силами шести танковых и моторизованных дивизий нанес удар с севера и юга по флангам, рассчитывая отрезать конно-стрелковую группу и соединения 2-й танковой армии. Они стали отходить на восток, к Севску. На следующий день противник, перебросив с ржевского плацдарма войска и подтянув свежие силы, нанес контрудар по левому флангу 2-й танковой армии с целью оттеснить ее соединения и 2-й гвардейский кавалерийский корпус от р. Десна, закрыть брешь между флангами групп армий «Центр» и «Юг». Одновременно был нанесен удар во

фланг конно-стрелковой группе генерала Крюкова, которая начала отход к Севску. 15 марта она под давлением частей 4-й танковой дивизии противника оставила Середину-Буду.

По распоряжению генерала Рокоссовского на южную окраину Севска к утру 16 марта была переброшена 11-я гвардейская танковая бригада (46 танков, 3 орудия) 2-й танковой армии. Здесь она поступила в оперативное подчинение командира 2-го гвардейского кавалерийского корпуса. Бригада совместно с 3-й гвардейской кавалерийской дивизией заняла оборону на рубеже Борисово, Буковище, Морицкий Хутор, Стрелецкая в 5 км от Севска с задачей не допустить прорыва танков и пехоты противника на Севск.

Командующий Центральным фронтом, несмотря на просьбы генерала Родина, приказал продолжать наступление на брянском направлении. Утром 17 марта войска 2-й танковой армии возобновили наступление: 16-й танковый корпус – на Октябрьский (10–15 км юго-западнее Комаричи), 11-й танковый корпус – на село Апажа с целью дальнейшего выхода в район Локтя. Одновременно перешел в наступление и противник, нанося удар на Севск. Отсутствие поддержки частей 16-го танкового корпуса со стороны пехоты привело к тому, что они оказались отрезанными в районе Октябрьского и были вынуждены выходить из окружения. Не имел успеха и 11-й танковый корпус. 19 марта по приказу генерала Рокоссовского наступление было прекращено, войска 2-й танковой армии отводились на исходные рубежи по р. Усожа.

По решению Ставки ВГК войска Центрального фронта с 21 марта перешли к обороне на рубеже Городище, Малоархангельск, Тросна, Лютеж, Коренево, образовав вместе с войсками Брянского фронта северный фас Курского выступа.

В районе Севска события развивались следующим образом. 27 марта после упорных и продолжительных боев части 82-й пехотной и 4-й танковой дивизий захватили город. Конно-стрелковая группа без приказа командующего фронтом отошла на южную окраину Юрасова Хутора. Генерал Рокоссовский, получив сообщение о падении Севска, немедленно выдвинул на левое крыло фронта 65-ю армию, подчинив ее командующему конно-стрелковую группу и 115-ю стрелковую бригаду. 2-я танковая армия выводилась в район Фатежа, в резерв фронта.

Для оценки действий конно-стрелковой группы генерала Крюкова был собран Военный совет 2-й танковой армии. «Выводы были в основном правильные: подвижная группа подверглась сильному контрудару танковых и механизированных дивизий противника при воздействии авиации, – вспоминал генерал армии П.И. Батов. – Удар наносился по флангам. Создавалась угроза окружения. Выход из «мешка» с боем был единственно правильным решением. Но Родин необъективно оценивал действия кавалеристов и стрелковой бригады. Он обвинял их в самовольном отходе. На самом же деле они успешно прикрывали отступление всей группировки и помогли вывести из-под угрозы окружения значительные силы. В конце концов Военный совет признал, что он не правомочен выносить решение о Санковском и Крюкове, поскольку они переданы в оперативное подчинение 65-й армии»[\[382\]](#).

Командующий 65-й армией немедленно выехал к командующему фронтом и доложил существо дела. По решению Военного совета фронта была создана специальная комиссия, которая установила, что 2-й кавалерийский корпус и 115-я стрелковая бригада Санковского занимали оборону на широком фронте без

резервов при низкой плотности сил и средств и подверглись контрударам численно превосходящего противника. Отход войск был неизбежен. Ознакомившись с материалами расследования, Рокоссовский написал: «С выводами согласен. Предавать суду нет оснований»^[383].

Таким образом, Ставка ВГК, поставив Центральному фронту задачи без учета состояния его войск, да еще лишив его двух армий, фактически обрекла фронт на неудачу. Им жертвовали ради спасения левого соседа – Воронежского фронта, с участка которого были отвлечены значительные силы противника. Потери Центрального фронта составили: безвозвратные – 30 439, санитарные – 39 968 человек^[384].

В ходе операции войска 2-й танковой армии не сумели выполнить поставленные задачи: вместо 250 км они продвинулись лишь на 80-90 км от р. Свапа до железной дороги Брянск – Хутор Михайловский. Потери армии с 22 февраля по 20 марта составили 13 695 человек, в том числе 3520 убитыми, 128 танков, или 31,4 % от первоначального количества боевых машин. При этом 11-й танковый корпус потерял 44 танка подбитыми, сожженными и оставленными на территории противника, 16-й танковый корпус – безвозвратно 51 танк, подбитыми 54 боевые машины, 11-я гвардейская танковая бригада – безвозвратно 33 танка. По данным штаба 2-й танковой армии, потери противника за период с 23 февраля по 23 марта составили убитыми 6040 солдат и офицеров, 146 орудий, 7 танков, 3 самолета, 273 миномета, 16 автомашин^[385].

* * *

Войска 2-й танковой армии, находясь во втором эшелоне фронта, получили возможность привести себя в порядок, пополнить запасы и организовать боевую учебу. 21 апреля 1943 г. согласно директиве № 46122 Ставки ВГК из состава армии в резерв Ставки отправлялся 11-й танковый корпус. Взамен армия получила 3-й танковый корпус^[386]. С целью отработки вариантов нанесения контрударов и контратак проводились совместные учения на местности стрелковых, танковых и артиллерийских соединений и частей. Большое внимание уделялось организации отражения крупных танковых атак, взаимодействию между родами войск, осуществлению широкого маневра силами и средствами, материально-техническому обеспечению войск. Личный состав осваивал способы использования боевой техники и вооружения, изучал сильные и слабые стороны тактики противника.

Несмотря на принятые меры, уровень и состояние боевой подготовки во 2-й танковой армии оставляли желать лучшего. В директиве № 12768 Генштаба от 21 июня, посвященной проверке войск армии, отмечалось «низкое состояние боевой подготовки одиночного бойца, отделения, экипажа и мелких подразделений» в танковых корпусах. Неудовлетворительную оценку получила огневая подготовка экипажей, пулеметных расчетов и стрелковых отделений во всех частях, 164-й и 50-й танковых бригадах. Недостаточной была признана маршевая подготовка стрелковых взводов, низкой – тактическая подготовка проверенных подразделений, неналаженной – командирская подготовка среднего комсостава. В директиве подчеркивалось, что «штабы бригад, корпусов, штаб 2 ТА не руководят конкретно и повседневно боевой подготовкой войск и не наладили должного воинского порядка, дисциплины и учебы»^[387].

Войска 2-й танковой армии, устраняя выявленные недостатки, напряженно готовились к обороне Курской дуги. В состав армии к 1 июля 1943 г. входили два танковых корпуса, отдельная танковая бригада, гвардейский минометный полк, мотоциклетный и инженерный батальоны.

Курская стратегическая оборонительная операция (5—23 июля 1943 г.)

Все вопросы, связанные с подготовкой вермахта и Красной Армии к сражению на Курской дуге, были подробно освещены в предыдущей главе. Поэтому, чтобы избежать повторов, напомним лишь основные моменты.

В соответствии с замыслом Верховного Главнокомандования вермахта по плану операции «Цитадель» намечалось силами групп армий «Юг» и «Центр» нанести встречные удары в общем направлении на Курск, окружить и уничтожить советские войска внутри Курского выступа. В свою очередь, советская Ставка ВГК планировала, укрепляя оборону на всех важнейших направлениях, сосредоточить основные усилия севернее и южнее Курска, где создать сильную группировку войск, которая, отразив удары противника, должна была перейти в наступление, нанося главный удар на Харьков, Полтаву и Киев с целью освобождения Донбасса и всей Левобережной Украины.

Одна из группировок врага, как известно, была развернута против войск Центрального фронта. Здесь командующий группой армий «Центр» сосредоточил 26 дивизий 9-й и 2-й полевых армий, в том числе 6 танковых, одну моторизованную, отдельный батальон тяжелых танков и 7 дивизионов штурмовых орудий. Эта группировка имела 460 тыс. человек, около 6 тыс. орудий и минометов и до 1200 танков и штурмовых

орудий. Войска Центрального фронта насчитывали свыше 710 тыс. человек, 5280 орудий всех калибров, свыше 5600 минометов, 1783 танка и САУ, около 1100 самолетов^[388]. В состав фронта входили 48, 13, 70, 65, 60-я, 16-я воздушная и 2-я танковая армии, 9-й и 19-й отдельные танковые корпуса, 2 танковые бригады, 15 танковых и 6 самоходных артиллерийских полков. Превосходство над противником составляло по живой силе, танкам и САУ в 1,5 раза, а по орудиям и минометам – в 1,8 раза. Однако в качественном отношении противник имел преимущество в танках и самоходных орудиях. Он располагал значительным количеством танков Т-V и Т-VI «Тигр» и штурмовых орудий «Фердинанд», обладавших мощным вооружением и броней.

В 2 часа 30 минут 5 июля в полосе Центрального фронта была проведена 30-минутная артиллерийская контрподготовка, об эффективности которой говорилось выше. В 4 часа 30 минут началась артиллерийская и авиационная подготовка противника. Через час он, введя в бой до 800 танков и самоходных орудий, перешел в наступление на 45-километровом участке от Панской до Морозихи. Главный удар, в котором принимали участие четыре танковые (18, 9, 20, 12-я) и пять пехотных (78, 86, 6, 7, 258-я) дивизий, пришелся по войскам 13-й армии и правому флангу 70-й армии. Во втором эшелоне врага продвигались в готовности к развитию успеха две танковые (2-я, 4-я) и две пехотные (31-я и 292-я) дивизии. Противнику после ожесточенных боев удалось в районе Ольховатки потеснить части 15-й и 81-й стрелковых дивизий 13-й армии.

Вечером 5 июля командующий Центральным фронтом генерал К.К. Рокоссовский, стремясь восстановить положение на левом фланге 13-й армии,

принял решение на рассвете 6 июля силами 16-го танкового корпуса 2-й танковой армии, 19-го танкового корпуса [\[389\]](#) и 17-го гвардейского стрелкового корпуса 13-й армии нанести контрудар на Архангельское. Общее руководство этими силами было возложено на командующего 13-й армией генерала Н.П. Пухова [\[390\]](#).

Однако за короткую июльскую ночь танковые соединения не успели сосредоточиться на исходных позициях. Рассвет застал их в движении, и они подверглись ожесточенным атакам немецких бомбардировщиков. Командиры дивизий не смогли провести тщательную рекогносцировку местности, не были своевременно проделаны проходы в минных полях. Да тут еще Ставка ВГК сообщила, что 27-я армия передается Воронежскому фронту, в полосе которого обострилась обстановка в районе Обояни.

В пять часов утра 6 июля соединения 16-й воздушной армии генерала С.И. Руденко нанесли удар по изготавившимся к наступлению войскам противника. В десятом часу утра противник перешел в наступление. В это время на него снова обрушилась авиация 16-й воздушной армии. Войска 2-й танковой армии, приступив к проведению контрудара, действовали не совсем удачно. 107-я танковая бригада 16-го танкового корпуса (командир – генерал В.Е. Григорьев) попала под огонь артиллерии и 18 танков Т-VI, которые действовали из засады. В результате бригада потеряла 69 танков. Не имело успеха и наступление 164-й танковой бригады. Части 17-го гвардейского стрелкового корпуса, продвинувшись на 2-3 км, пришли на выручку подразделениям 15-й и 81-й стрелковых дивизий, сражавшимся уже вторые сутки в окружении. Противнику удалось вводом в бой свежих сил оттеснить части корпуса на исходные позиции, но ворваться во вторую полосу обороны он не смог.

19-й танковый корпус, которым командовал генерал И.Д. Васильев, сосредоточился в исходном районе только утром 6 июля. На организацию взаимодействия со стрелковыми дивизиями и разминирование проходов было затрачено значительное время. Поэтому соединения корпуса нанесли удар в направлении Подольяни только в пять часов вечера, то есть когда бригады 16-го танкового корпуса уже вынуждены были отойти в исходное положение. Встреченный сильным огнем артиллерии, танков и авиации противника, 19-й танковый корпус понес потери и отошел в исходное положение.

Итак, контрудар 2-й танковой армии не достиг цели. В то же время противник был остановлен перед второй полосой обороны и понес большие потери. Генерал Рокоссовский приказал 2-й танковой армии перейти к обороне. 3-й танковый корпус закрепился на рубеже Березовец, северо-западнее Брусового; 16-й танковый корпус – в районе Ольховатки, а 11-я отдельная гвардейская танковая бригада – на рубеже Ендовище, Молотычи (на стыке 16-го и 19-го танковых корпусов). Части 19-го танкового корпуса перешли к обороне утром 7 июля на участке Теплое, Красавка. Командующий армией генерал Родин дал указание корпусам окопать танки на занимаемых рубежах, прикрыть их пехотой и организовать систему огня.

Противник, потерпев неудачу на ольховатском направлении, решил с утра 7 июля попытать счастье на других направлениях: вдоль железной дороги на Поныри – в полосе обороны 3-го танкового корпуса; западнее железной дороги на Ольховатку – в полосе обороны 16-го танкового корпуса и на Теплое – в стыке 16-го и 19-го танковых корпусов. Для достижения этой цели противник пополнил резервными танками потрепанные дивизии 41-го танкового корпуса и

дополнительно ввел в сражение свежую 9-ю танковую дивизию.

Основные усилия (до 300 танков) противник сосредоточил в направлениях Ольховатки и Теплового. Здесь они были встречены сильным огнем пехоты 17-го гвардейского стрелкового корпуса, танков 16-го и 19-го танковых корпусов, отдельных танковых частей и противотанковой артиллерии. К исходу дня 7 июля противнику удалось продвинуться всего на 2-3 км. К этому времени командующий Центральным фронтом использовал почти все свои резервы, а командующий 9-й армией генерал-полковник В. Модель продолжал вводить все новые и новые силы на направлении главного удара. Генерал Рокоссовский считал, что он попытается бросить в бой все, что у него имеется, пойдет даже на ослабление своих частей на второстепенных участках фронта. Учитывая это, командующий Центральным фронтом пошел на большой риск: послал на главное направление свой последний резерв – 9-й танковый корпус генерала С.И. Богданова, который располагался в районе Курска, прикрывая город с юга. При этом генерал Рокоссовский понимал, что в случае неудачи планируемого контрудара противник может нанести удар с севера в тыл Центрального фронта.

8 июля противник, подтянув резервы, вновь нанес удары на прежних направлениях. Особенно упорные и тяжелые бои развернулись в районе Поньрей, где до 80 танков врага несколько раз атаковали этот населенный пункт. Однако 307-я стрелковая дивизия совместно с 51-й и 103-й танковыми бригадами 3-го танкового корпуса, артиллерией и саперами каждый раз отбрасывала противника в исходное положение. На ольховатском направлении противник в этот день предпринял 13 мощных атак, но все они были отражены сильным огнем пехоты, артиллерии и соединениями 16-

го танкового корпуса, поддержанными ударами авиации. В течение последующих двух дней на правом фланге 13-й армии и в полосе действий 3-го танкового корпуса продолжалась борьба за удержание станции Поныри. Натиск был особенно сильным на стыке 13-й и 70-й армий в направлении на Теплое. Утром 10 июля около 300 танков и до пехотной дивизии атаковали советские войска. Однако соединения левого фланга 13-й и правого фланга 70-й армий, 101-я и 79-я танковые бригады 19-го танкового корпуса^[391] во взаимодействии с 3-й гвардейской артиллерийской бригадой отбили все атаки, уничтожив при этом 60 танков.

За шесть дней враг ценой больших потерь вклинился в оборону войск Центрального фронта на ольховатском направлении на 12 км, а на вспомогательных направлениях – на 1-3 км. За это время силы противника истощились, и он вынужден был перейти к обороне, не достигнув цели.

Упорные сражения развернулись в эти дни и на Воронежском фронте. Здесь 4-я танковая армия (около 1 тыс. танков и штурмовых орудий) и армейская группа «Кемпф» (свыше 400 танков и штурмовых орудий) в ходе пятидневных ожесточенных боев вклинились в оборону на глубину около 35 км. 12 июля в районе Прохоровки состоялось крупное встречное танковое сражение, в котором с обеих сторон участвовало 1160 танков и самоходных и штурмовых орудий (с советской стороны – 670, со стороны противника – 490)^[392]. В ходе сражения ни одной из сторон не удалось добиться ощутимого успеха. По уточненным данным, противник потерял 200 танков и штурмовых орудий из 420, а 5-я гвардейская танковая армия – 500 танков и САУ из 951-го^[393].

К этому времени Верховное Главнокомандование вермахта решило прекратить дальнейшее наступление на Курской дуге. Понеся большие потери (около 30 тыс. человек, свыше 700 танков) и опасаясь окружения своих войск, вклинившихся на глубину до 35 км, противник 16 июля начал планомерный отвод главных сил в исходное положение. Войска Воронежского, а в ночь на 19 июля и Степного фронтов перешли к его преследованию и к 23 июля вышли на рубеж Черкасское, (иск.) Задельное, Мелехово и далее по левому берегу р. Северский Донец. В основном это был рубеж, занимаемый советскими войсками до начала Курской стратегической оборонительной операции. Войска Центрального, Воронежского и Степного фронтов сумели остановить наступление ударных группировок противника на орловском и белгородско-харьковском направлениях. При этом потери советских войск составили: безвозвратные – 70 330 и санитарные – 105 517 человек, 1614 танков и САУ, 3929 орудий и минометов, 459 боевых самолетов [\[394\]](#).

Орловская стратегическая наступательная операция «Кутузов» (12 июля - 18 августа 1943 г.)

12 июля 1943 г., когда на прохоровском направлении развернулось встречное танковое сражение, войска левого крыла Западного фронта, Брянский и Центральный фронты перешли в наступление, положившее начало Орловской стратегической наступательной операции (кодовое наименование «Кутузов»).

Операция проводилась в целях разгрома орловской группировки противника и ликвидации орловского выступа, где оборонялись 2-я танковая и 9-я армии группы армий «Центр». Они насчитывали 37 дивизий, в том числе 8 танковых и 2 моторизованные, до 600 тыс.

человек, более 7 тыс. орудий и минометов, около 1,2 тыс. танков и штурмовых орудий, свыше 1,1 тыс. боевых самолетов^[395]. Войска Брянского, Центрального фронтов и левого крыла Западного фронта имели 1 286 тыс. человек, более 21 тыс. орудий и минометов, 2400 танков и САУ и более 3 тыс. боевых самолетов. Превосходство над противником составляло в живой силе в 2 раза, в артиллерии и минометах – в 3, в танках – более чем в 2, а в авиации – почти в 3 раза.

Замыслом операции «Кутузов» предусматривалось четырьмя ударами по сходящимся направлениям на Орел расчленить группировку противника и разгромить ее по частям. При этом 50-я и 11-я гвардейская армии Западного фронта должны были прорвать оборону врага юго-западнее Козельска, совместно с 61-й армией Брянского фронта окружить и уничтожить его группировку в районе Болхова. В последующем намечалось развивать наступление на Хотынец, не допустить отхода противника из района Орла на запад и во взаимодействии с войсками Брянского и Центрального фронтов уничтожить его. С воздуха действия ударной группировки поддерживали соединения 1-й воздушной армии.

3-я и 63-я армии Брянского фронта наносили удар из района Новосиля на Орел, охватывая противника с севера и юга. Авиационную поддержку осуществляли соединения 15-й воздушной армии.

Войска Центрального фронта утром 15 июля должны были перейти в контрнаступление в общем направлении на Кромы и далее на северо-запад для охвата Орла с юга, чтобы во взаимодействии с войсками Западного и Брянского фронтов разгромить орловскую группировку противника. В соответствии с решением командующего фронтом генерала Рокоссовского войскам 48, 13, 70-й и 2-й танковой армий

предписывалось к исходу 17 июля выйти главными силами на рубеж Нагорный, Преображенское, Шамшин, Новополево, Рождествено, Каменка (12 км северо-западнее станции Малоархангельск), Веселый Поселок, Лебедиха, Воронеж, Морозиха, Катомки. В дальнейшем намечалось развивать наступление в общем направлении на Старое Горохово, Философово, Плоское, Нестерово^[396].

Главную роль в предстоящем контрнаступлении предстояло играть 13-й и 70-й армиям, усиленным, соответственно, 9-м и 19-м танковыми корпусами. 2-ю танковую армию намечалось ввести в сражение после выхода войск 13-й армии на рубеж Согласный, Бузулук, Широкое Болото, Саборовка. Соединениям 2-й танковой армии ставилась задача нанести главный удар в направлении Снова, Сеньково, Гремячево, овладеть к исходу дня 17 июля районом Ольгино, Гнилуша, Шушерово, а в дальнейшем развивать наступление на Никольское, Нестерово. Авиация 16-й воздушной армии должна была поддержать атаку пехоты и танков ударной группы 13-й армии, а затем оказать содействие 13-й и 2-й танковой армиям, не допуская отхода противника к северу и северо-западу от рубежа Новополеново, Гремячево, Воронеж. Соединениям 60-й армии предписывалось упорно обороняться на занимаемых позициях, обеспечивая действия главных сил фронта.

Наступление войск левого крыла Западного фронта и армий Брянского фронта началось 12 июля после мощной артиллерийской и авиационной подготовки. К исходу дня 19 июля 1-й и 5-й танковые корпуса Западного фронта обошли Болхов с запада и юго-запада и, вклинившись глубоко в расположение противника, создали угрозу его главным коммуникациям, соединявшим Орел и Брянск.

В полосе Брянского фронта войска 61-й армии во взаимодействии с 20-м танковым корпусом 18 июля завершили прорыв обороны противника и, продвинувшись до 20 км, создали угрозу обхода Болхова с юго-востока. Войска 3-й и 63-й армий вышли к р. Олешня, где встретили упорное сопротивление противника и были вынуждены перейти к обороне. Для наращивания силы удара и ускорения прорыва вражеской обороны 19 июля в сражение была введена 3-я гвардейская танковая армия (800 танков и САУ). Она к вечеру 20 июля вышла к Оке, форсировала ее в районе Отрады и захватила плацдарм. В результате были созданы благоприятные условия для наступления Брянского фронта. Его 3-я армия в этот же день овладела Мценском. 24 июля соединения 3-й гвардейской танковой армии заняли Становой Колодезь, а войска 3-й и 63-й армий вышли к рекам Ока и Оптуха, где находился передний край тыловой полосы обороны противника, прикрывавшей подступы к Орлу с востока.

На левом крыле Западного фронта 26 июля была введена в сражение 4-я танковая армия. Она оказала большую помощь войскам 61-й армии в освобождении 28 июля Болхова. Выход советских войск в район Болхова, и особенно 4-й танковой армии к железной дороге Орел – Брянск, предопределил устойчивость всего орловского плацдарма.

Войска правого крыла Центрального фронта перешли в наступление 15 июля. Противник, сосредоточив в полосе наступления главных сил фронта семь пехотных дивизий (216, 78, 86, 292, 31, 7, 258-я), 10-ю моторизованную и 4-ю танковую дивизии, часть сил 2-й танковой дивизии и три егерских батальона (8, 13 и 9-й), упорно сопротивлялся, часто контратаковал танками. Генерал-лейтенант артиллерии Г.С. Надысев, анализируя причины медленного продвижения ударной

группировки фронта, писал: «После ожесточенных боев противник 12 июля перешел к обороне и до 15 июля производил перегруппировку войск и всех огневых средств сообразно характеру предстоявших ему боевых действий. За двое-трое суток наша артиллерийская разведка и корректировочно-разведывательная авиация не смогли достаточно полно вскрыть всю систему немецкой обороны. Поэтому удар артиллерии во время огневого налета пришелся не по всем целям. В ночь на 15 июля многие из разведанных ранее целей оказались совсем в другом месте. Виноваты и мы, штабы артиллерии фронта и армий, для которых не была секретом недостаточность разведанных о противнике. Видимо, по-иному следовало в таком случае строить боевое применение артиллерии. Полагаю, что в условиях ускоренной подготовки наступления необходимо было выделить больше орудий на прямую наводку – для разгрома конкретных целей в первой позиции обороны гитлеровцев»^[397].

В течение трех дней 2-я танковая армия, 9-й и 19-й танковые корпуса совместно с соединениями 48, 13 и 70-й армий Центрального фронта после упорных боев полностью восстановили утраченное в оборонительных сражениях положение и продолжали продвигаться в общем направлении на Кромы. Генерал Рокоссовский, стремясь сломить сопротивление противника, приказал войскам 13-й, 70-й и 2-й танковой армий возобновить с утра 19 июля наступление при поддержке всей авиации 16-й воздушной армии. Они должны были нанести главный удар по западному берегу р. Ока в общем направлении на Кромы, к исходу 20 июля выйти на рубеж р. Крома на участке Шумаково, Большая Колчева, Кутафино, Красная Роща. В дальнейшем предполагалось развивать наступление в направлении на Орел, Нарышкино.

В 7 часов утра 19 июля войска Центрального фронта после короткого артиллерийского налета возобновили наступление. Сломив сопротивление противника вдоль шоссе Курск – Орел, они продвинулись до 6 км. Противник, подтянув резервы, стал оказывать все более упорное сопротивление, особенно в полосе 13-й армии. Это вынудило генерала Рокоссовского в десятом часу вечера 20 июля принять решение о переходе ее войск к обороне. Упорная оборона противника срывала все планы командующего Центральным фронтом по выходу к установленному сроку в район Кромы. Ему пришлось перенести его на конец дня 22 июля.

Существенное влияние на ход событий на белгородско-харьковском направлении оказало начавшееся 17 июля наступление войск Юго-Западного и Южного фронтов. Командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн по требованию Генерального штаба Сухопутных войск был вынужден отдать приказ о выводе из боя на участке Воронежского фронта 2-го и 3-го танковых корпусов и переброске их на юг, на усиление 6-й полевой армии, действовавшей против Южного фронта.

Генерал Рокоссовский тем временем продолжал попытки выйти в район Кромы. С этой целью войска Центрального фронта с утра 25 июля возобновили наступление. На этот раз соединения 70-й армии, преодолев сопротивление противника, стали успешно продвигаться в общем направлении на Чувардино. На следующий день командующий фронтом принимает решение ввести в прорыв 2-ю танковую армию с задачей выйти к исходу дня 26 июля в район Красная Роща, Гнездилово, Чувардино. По решению Ставки ВГК в распоряжение генерала Рокоссовского с 24 часов 26 июля из Брянского фронта передавалась 3-я гвардейская танковая армия, которую требовалось

использовать на правом крыле Центрального фронта во взаимодействии с войсками 48-й армии^[398].

К исходу дня 27 июля войска правого крыла Центрального фронта при поддержке авиации 16-й воздушной армии прорвали промежуточный оборонительный рубеж противника и продвинулись на 35–40 км. Противник начал отвод своих войск на запад перед левым крылом Брянского и правым крылом Центрального фронтов. В этой связи генерал Рокоссовский принял решение с утра 28 июля ввести на левом фланге 48-й армии в прорыв 3-ю гвардейскую танковую армию с задачей прорвать оборону противника на р. Малая Рыбница и выйти в район Хмелевой (15–20 км севернее Кромы).

Утром 28 июля 3-я гвардейская танковая армия перешла в наступление. Ее соединения форсировали Малую Рыбницу и вышли на подступы к Философово. Однако противник контратаками вынудил некоторые части армии отойти на правый берег реки. Генерал Рокоссовский, стремясь избежать неоправданных потерь, обратился в Ставку ВГК с просьбой вывести из сражения 3-ю гвардейскую танковую армию. Кроме того, он вечером 30 июля принял решение прекратить наступление силами 48-й и 3-й гвардейской танковой армий и прочно закрепиться на достигнутых рубежах.

Противник, воспользовавшись медленным продвижением правого крыла Центрального фронта, поспешно отводил свои части на северный берег р. Крома и на западный берег р. Неживка, где намеревался перейти к обороне и не допустить прорыва советских войск в северном и северо-западном направлениях. Генерал Рокоссовский, пытаясь сорвать замысел врага, приказал 48-й и 3-й гвардейской танковой армиям с утра 1 августа возобновить наступление и выполнить ранее поставленные задачи.

Одновременно в наступление предстояло перейти 70-й и 2-й танковой армиям, которые должны были обойти орловскую группировку противника с юга.

Сталин, наблюдавший за развитием событий на орловском направлении, был недоволен действиями генерала Рокоссовского. Около трех часов ночи 1 августа он направил ему директиву № 30158, в которой говорилось:

«За последнее время в связи с наступлением войск Брянского и левого крыла Западного фронтов противник значительно ослабил свою группировку, действующую перед Центральным фронтом, сняв с этого участка пять танковых дивизий, две мотодивизии и до двух-трех пехотных дивизий. В то же время Центральный фронт значительно усилился танками, получив в свой состав 3 ТА Рыбалко. Все это привело к улучшению положения войск фронта и создало благоприятные условия для решительных наступательных действий. Однако эти условия до сего времени командованием фронта использованы недостаточно»^[399].

Сталин потребовал незамедлительно подготовить и нанести решительный удар силами 70-й и 2-й танковой армий в общем направлении Чувардино, Красная Роща, Апальково. Одновременно 13-й армии предписывалось прорвать оборону противника западнее Короськово, подготовив условия для ввода в прорыв 3-й гвардейской танковой армии. Ей предстояло к 4-5 августа закончить сосредоточение в районе южнее Короськово с задачей развить успех 13-й армии и ударом в общем направлении на Кромы свернуть оборону противника по западному берегу р. Ока и содействовать тем самым продвижению 48-й армии. В дальнейшем приказывалось действовать силами 2-й и 3-й гвардейской танковых армий в обход Орла с запада, содействуя Брянскому

фронту в разгроме орловской группировки противника и овладении г. Орел.

Командующий Центральным фронтом, получив директиву Ставки ВГК, вынужден был приостановить наступление 48-й армии, которой ставилась задача перейти к обороне на занимаемых позициях. Войска 3-й гвардейской танковой армии выводились из сражения и к утру 3 августа перебрасывались в район 24-25 км юго-западнее Рыбницы. Командиру 9-го танкового корпуса приказывалось с вечера 1 августа начать преследование противника и не дать ему закрепиться на р. Крома.

4 августа Рокоссовский уточнил задачи войскам правого крыла фронта. Соединения 70-й армии должны были активизировать боевые действия, а 2-я танковая армия и 9-й танковый корпус – нанести удар в тыл противнику в общем направлении Колки, Красная Ягода и оказать содействие войскам 70-й армии в свертывании обороны противника. Командующему 3-й гвардейской танковой армией предписывалось в час дня перейти в наступление с задачей переправиться через р. Крома на участке Колки, Красная Роща. После этого ей предстояло развивать удар в общем направлении на Хмелевую, Гнилое Болото, Хотьково, чтобы отрезать пути отхода противника на запад и юго-запад из района Кромы, Орел, Нарышкино. Войска 13-й армии должны были огневыми средствами пехоты и артиллерии содействовать переправе 3-й гвардейской танковой армии через р. Крома, а затем, используя ее успех, стремительно продвигаться вперед с задачей к исходу дня 4 августа выйти на рубеж Марьинский, Красный Пахарь, Красная Нива, Долженки.

Тем временем войска 3-й и 63-й армий Брянского фронта освободили 5 августа Орел. Ставка ВГК, стремясь закрепить достигнутый успех, своей директивой № 30159 приказала 6 августа

командующему Брянским фронтом сосредоточить главные усилия на быстрейшем овладении Хотынцом и Карачевом. Командующему Центральным фронтом предписывалось «использовать 2-ю и 3-ю танковые армии для удара в направлении Шаблыкино с задачей во взаимодействии с правым крылом Брянского фронта, наступающим на Карачев, уничтожить противника, отходящего от Орла на запад»^[400]. Всеми силами авиации Брянского и Центрального фронтов предписывалось содействовать выполнению этой задачи.

Однако войска 2-й и 3-й гвардейской танковых армий не сумели выполнить поставленные задачи. Их действия вызвали недовольство со стороны генерала Рокоссовского, который около полуночи 6 августа подписал приказ № 00525/оп следующего содержания:

«Противник отходит в западном направлении и, цепляясь за случайные, неподготовленные рубежи, стремится задержать наступление наших войск и этим обеспечить планомерный отход орловской группировки.

3-я гвардейская танковая армия и 2-я танковая армия, вопреки благоприятно сложившейся для нас обстановке и вопреки моему приказу, в течение трех суток топтались на месте и своих задач не выполнили. Это явилось следствием того, что командиры танковых частей и соединений проявляют нерешительность, не умеют заставить своих подчиненных выполнить задачи и исключительно плохо управляют боем своих частей, соединений и армий. Приказываю:

1. 3-й гвардейской танковой армии и 2-й танковой армии – с утра 7.8.1943 г. всеми силами армий прорваться через фронт обороны противника и, развивая удар в общем направлении на Шаблыкино, отрезать пути отхода его орловской группировки на

запад и юго-запад от рубежа Нарышкино, Останино, Коровье Болото, Нижняя Федотовка;

а) 3-й гвардейской танковой армии – прорвать фронт обороны частей прикрытия противника на участке Красный Пахарь, Долженки и, развивая удар на Маслово, Сосково, к исходу дня 7.8.1943 г. овладеть районом Троицкий, Сосково, Звягинцево, Маслово; в дальнейшем наступать на Шаблыкино и овладеть Шаблыкино, Новоселки, Герасимово, Волково, Робье.

б) 2-й танковой армии – прорвать фронт обороны частей прикрытия противника на участке (иск.) Красная Роща, (иск.) Волобуево и, развивая удар на Гнездилово, к исходу дня 7.8.1943 г. овладеть районом Ефимовка, Гончаровка, Гнездилово, Городище; в дальнейшем наступать в общем направлении на Жихарево, Лобки, Колосок и овладеть районом Гаврилово, Турищево, Колосок.

2. 16-й воздушной армии – всеми силами армии содействовать наступлению 3-й гвардейской танковой армии выполнять поставленные мною задачи.

3. Командующим 3-й гвардейской танковой армией и 2-й танковой армией категорически потребовать от всего офицерского состава точного и безусловного выполнения задач. Ни в коем случае не допускать наступления разрозненными группами, требуя наступления всей массой танков и мотопехоты корпусов и армий.

4. Командиров частей и соединений, не выполняющих задач, привлекать к суровой ответственности вплоть до предания суду Военного трибунала»^[401].

Несмотря на принятые меры, наступление войск Центрального фронта шло медленно. На правом крыле они продвинулись всего на 10 км. Войска 65-й и 70-й армий при поддержке авиации 16-й воздушной армии

освободили 12 августа Дмитровск-Орловский. Соединения 13-й армии в этот же день, встретив организованное сопротивление противника с западного берега рек Водоча и Локна, вынуждены были перейти к обороне.

К этому времени 3-я гвардейская танковая армия понесла значительные потери. Поэтому она (без 7-го гвардейского механизированного корпуса) 13 августа директивой № 40202 Генштаба выводилась из состава Центрального фронта в резерв Ставки ВГК. Все танки и САУ предписывалось оставить в составе Центрального фронта, а 7-й гвардейский механизированный корпус включить в состав 2-й танковой армии ^[402].

К 18 августа войска Брянского, Западного и Центрального фронтов вышли к передовым позициям сильно укрепленного оборонительного рубежа «Хаген» и были остановлены на линии восточнее Людиново, в 25 км восточнее Брянска, западнее Дмитровска-Орловского. На этом завершилась операция «Кутузов», в ходе которой войска трех фронтов продвинулись до 150 км, ликвидировав орловский плацдарм противника. Вместе с тем при проведении операции были допущены существенные недостатки. При подготовке операции Ставка ВГК проявила поспешность в определении сроков ее начала. В результате войска перешли в наступление, не завершив полностью его подготовку, не была создана более сильная группировка на левом крыле Западного фронта. Танковые армии и корпуса использовались для последовательного прорыва нескольких оборонительных рубежей противника, что резко снижало их возможности по развитию наступления в оперативной глубине. Фронтная авиация не смогла полностью решить задачи по изоляции района боевых действий от подхода оперативных резервов противника. В результате вместо

стремительного удара операция приняла затяжной характер. Противник, по существу, медленно выдавливался из орловского выступа, что позволило ему перегруппировать войска и организованно отвести их из района Орла. Все это обусловило низкие темпы наступления (до 4 км в сутки) и значительные потери советских войск: безвозвратные – 112 529, а санитарные – 317 361 человек; 2586 танков, 892 орудия и миномета, 1014 боевых самолета^[403]. Соединения 2-й танковой армии, вынужденные прорывать глубоко эшелонированную оборону, потеряли более 300 танков, имея к концу операции в строю лишь 36 машин^[404].

Черниговско-Припятская наступательная операция (26 августа - 30 сентября 1943 г.)

Поражение войск групп армий «Центр» и «Юг» под Курском создало благоприятные предпосылки для развертывания нового большого наступления Красной Армии. 12 августа 1943 г. Ставка ВГК поставила войскам Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов задачи по выходу к р. Днепр. Более конкретно план дальнейших действий Красной Армии был рассмотрен 25 августа на совещании в Кремле. Замысел состоял в том, чтобы в летне-осенней кампании нанести главный удар на юго-западном направлении с целью освобождения Донбасса и богатых районов Украины. Для достижения этой цели планировалось привлечь войска Центрального (генерал армии К.К. Рокоссовский), Воронежского (генерал армии Н.Ф. Ватутин), Степного (генерал армии И.С. Конев), Юго-Западного (генерал армии Р.Я. Малиновский) и Южного (генерал-полковник, с 21 сентября – генерал армии Ф.И. Толбухин) фронтов. На юге сухопутным войскам должна была содействовать Азовская военная флотилия. Одновременно войска Западного (генерал армии В.Д.

Соколовский) и левого крыла Калининского (генерал армии А.И. Еременко) фронтов, а также Брянского фронта (генерал-полковник М.М. Попов) получили задачу наступать на смоленском и брянско-гомельском направлениях с целью лишить противника возможности перебрасывать силы на Украину. На юге предполагалось очистить от врага Таманский полуостров и овладеть плацдармами на Керченском полуострове.

Координация действий Воронежского и Степного фронтов была возложена на представителя Ставки ВГК маршала Г.К. Жукова, а Юго-Западного и Южного фронтов – на маршала А.М. Василевского.

К началу битвы за Днепр в составе Центрального, Воронежского, Степного, Юго-Западного и Южного фронтов насчитывалось 2 633 тыс. человек, свыше 51 200 орудий и минометов, более 2400 танков и САУ, 2850 боевых самолетов. Советским войскам противостояли 2-я армия группы армий «Центр» (командующий – генерал-фельдмаршал Г. фон Клюге), 4-я и 1-я танковые, 8-я и 6-я армии группы армий «Юг» (командующий – генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн). Они имели 1 240 тыс. человек, 12 600 орудий и минометов, 2100 танков и штурмовых орудий и 2100 боевых самолетов^[405]. Советские войска превосходили противника в 2,1 раза в живой силе, в 4 раза в орудиях и минометах, в 1,4 раза по самолетам и незначительно – в 1,1 раза – в танках и САУ.

Верховное Главнокомандование вермахта после провала операции «Цитадель» решило перейти к стратегической обороне на всем Восточном фронте в надежде остановить наступление советских войск и сохранить за собой важнейшие районы Левобережной Украины и Донбасс. С этой целью в глубоком тылу с весны 1943 г. велось строительство стратегического

оборонительного рубежа «Ostwall» («Восточный вал») на линии р. Нарва, Псков, Витебск, Орша, рек Сож, Днепр, Молочная. Основой «Восточного вала» был мощный водный рубеж – р. Днепр и укрепления по реке.

К моменту выхода советских войск к Днепру противнику не удалось выполнить весь объем намеченных инженерных мероприятий. В середине сентября южная оконечность «Восточного вала» в полосе обороны групп армий «Юг» и «А» получила наименование позиция «Вотан»^[406]. Передний край обороны проходил по ряду командных высот, прикрытых р. Молочная с обрывистым западным берегом. На севере, в районе Васильевки, позиции упирались в днепровские плавни. На юге они примыкали к озеру Молочное, вытянувшемуся почти на 30 км до Азовского моря. Рубеж включал две-три полосы обороны с развитой системой траншей, опорных пунктов, противотанковых и противопехотных заграждений. Северная оконечность «Восточного вала» в полосе обороны групп армий «Север» и «Центр» стала именоваться «Пантерой». Противник, используя лесисто-болотистую местность, создал на витебско-лепельском и оршанском направлениях укрепленный оборонительный рубеж глубиной 20–45 км, тянувшийся вдоль восточных берегов рек Нарва и Великая.

Битва за Днепр включала четыре стратегические наступательные (Донбасская, Черниговско-Полтавская, Нижнеднепровская, Киевская), одну фронтовую наступательную (Гомельско-Речицкая) и одну фронтовую оборонительную (Киевская) операции.

В то время как войска Юго-Западного и Южного фронтов проводили Донбасскую операцию, армии Центрального, Воронежского и Степного фронтов 13 августа приступили к проведению Черниговско-Полтавской стратегической наступательной операции.

Она включала Черниговско-Припятскую, Сумско-Прилукскую и Полтавско-Кременчугскую фронтовые наступательные операции.

Черниговско-Припятскую операцию проводил Центральный фронт, насчитывавший 579,6 тыс. человек^[407]. Ему противостояли 2-я армия и часть сил 9-й армии группы армий «Центр», а также часть сил 4-й танковой армии группы армий «Юг».

Подготовка и планирование операции осуществлялись в ходе Орловской операции. Впервые задачи войскам Центрального фронта на ее проведение были поставлены директивой № 30162 Ставки ВГК от 10 августа, а 16 августа они были уточнены директивой № 30168^[408].

Замысел операции состоял в том, чтобы нанести главный удар на новгород-северском направлении силами 65-й, 2-й танковой армий, а также частью сил 48-й и 60-й армий. Вспомогательный удар наносили остальные силы 60-й армии на конотопском направлении. Наступление планировалось начать утром 24 августа и на 15-й день операции выйти на рубеж Трубчевск, Шостка, Глухов, Рыльск. После этого войска 13-й и 48-й армий должны были перейти к обороне по Десне на участке (иск.) Трубчевск, Новгород-Северский, Чеплеевка, обеспечивая ударную группировку Центрального фронта от контрударов противника с запада и северо-запада. Ударной группировке предстояло развивать наступление в общем направлении на Глухов, Конотоп, Бахмач. Резерв фронта (70-ю армию) при успешном развитии операции и отсутствии угрозы контрударов противника со стороны Локоть, Комаричи намечалось ввести в сражение в стык между 65-й и 60-й армиями на участке Барановка, Сопыч с целью уплотнить боевые порядки 60-й армии, развить успех и на шестой день операции

овладеть рубежом Степановка, Вольная Слобода, Суходол. В дальнейшем войска 70-й армии должны были развивать наступление на Глухов и выйти на рубеж Слоут, Глухов, Сварково. Если же угроза контрудара противника со стороны Локоть, Комаричи сохранялась и невозможно было ввести в сражение 70-ю армию на этом направлении, то предусматривалось продолжать наступление только 60-й армией, усиленной 9-м танковым корпусом для развития успеха в общем направлении на Познятовку, Глухов. На войска 2-й танковой армии, после выхода 65-й армии на рубеж Ново-Ямское, Княгинино, Морицкий, Сосница, возлагалась задача по форсированию р. Сев на участке Ново-Ямское (южнее), Севск и захвату переправ на р. Десна в районе Новгород-Северского.

Войска 2-й танковой армии к началу операции, по сравнению с 1 июля, были усилены 7-м гвардейским механизированным корпусом генерал-лейтенанта танковых войск И.П. Корчагина.

К началу операции войска Центрального фронта не успели отдохнуть после ожесточенных боев на Курской дуге и восполнить потери. Их необходимо было обеспечить продовольствием, боеприпасами, фуражом и горючим. С этой целью все базы и склады были приближены к войскам. В связи с тем, что предстояло форсировать такие крупные реки как Десна, Сож и Днепр, был создан необходимый резерв переправочных средств. Однако все мероприятия не удалось завершить к началу наступления, намеченному на 24 августа. Для полной подготовки войск потребовалось еще двое суток.

26 августа Центральный фронт после мощной артиллерийской и авиационной подготовки перешел в наступление. Противник, имея данные о возможном наступлении войск фронта, сразу же оказал ожесточенное сопротивление. Войска 65-й армии после

упорных боев прорвали его оборону, форсировали р. Сева и захватили плацдарм, который к утру 27 августа был расширен по фронту до 20 км и в глубину до 10 км. В тот же день части 60-й и 193-й стрелковых дивизий при поддержке 103-й танковой и 68-й пушечной артиллерийской бригад освободили Севск.

Противник, стремясь остановить продвижение 65-й армии, перебросил в район Севска две пехотные и две танковые дивизии из 9-й армии и резерва. Это вынудило командующего армией генерала П.И. Батова принять решение о временном переходе к обороне и переброске всех резервов на помощь 18-му стрелковому корпусу. К угрожаемому участку подтягивались части 2-й танковой армии, которые должны были разгромить контратакующую группировку врага. Однако командующий Центральным фронтом вечером 28 августа изменил задачу 2-й танковой армии, перегруппировав ее в полосу 60-й армии.

Чем же было вызвано такое решение? В полосе 60-й армии события развивались стремительно. 27 августа командующий армией генерал И.Д. Черняховский для развития оперативного успеха ввел в сражение 9-й танковый корпус генерал-майора танковых войск Г.С. Рудченко. Он совместно с частями 17-го гвардейского стрелкового корпуса при поддержке огня артиллерии и ударов авиации начал быстрое продвижение вперед. В результате войска 60-й армии преодолели промежуточный рубеж обороны противника, продвинувшись к исходу дня более чем на 15 км.

Ввод в сражение новых сил вынудил противника ослабить сопротивление перед войсками 65-й армии. Они через Брянские и Хинельские леса устремились вперед, создавая вместе с соседями угрозу окружения вражеской группировки западнее р. Сев. 30 августа соединения 60-й армии с участием 23-й танковой бригады 9-го танкового корпуса освободили Глухов. На

следующий день части 121-й стрелковой дивизии 60-й армии вступили в Рыльск. К исходу дня 1 сентября 9-й танковый корпус занял г. Кролевец, 2 сентября соединения 60-й армии вступили в Путивль, а на следующий день – в Белополье.

К этому времени было принято решение о выводе в резерв Ставки ВГК полевого управления 2-й танковой армии с 3-м и 16-м танковыми корпусами, 11-й гвардейской отдельной танковой бригадой, 51-м отдельным мотоциклетным батальоном, 14-м отдельным разведывательным батальоном, 86-м гвардейским минометным полком, с частями боевого обеспечения, учреждениями обслуживания и армейскими тылами. Войска армии по директиве № 40616 Генштаба от 2 сентября должны были с 4 по 7 сентября сосредоточиться в районе г. Львов. Части и соединения предписывалось отправить со всем личным составом, вооружением, транспортом и имуществом. Все танки и САУ, кроме командирских танков, были переданы 7-му гвардейскому механизированному корпусу, остающемуся в распоряжении командующего 60-й армией. Перегруппировку войск требовалось совершать ночными маршами с соблюдением мер маскировки^[409].

Войска 2-й танковой армии, как того требовала директива Генштаба, к исходу дня 7 сентября сосредоточились в районе Львова^[410]. На этом ее участие в Черниговско-Полтавской операции завершилось. Войска Центрального фронта, уже без 2-й танковой армии, продолжили наступление. Они форсировали Днепр и к концу сентября 1943 г. закрепились на захваченных плацдармах на реках Днепр, Припять, Сож.

В резерве Ставки ВГК 2-я танковая армия находилась продолжительное время, которое было

использовано для пополнения войск и обучения личного состава. 19 декабря 1943 г. в штаб армии поступила директива № 43118 Генштаба о переброске армии к 15 января 1944 г. из района Льгова в район Чернобыль, Горностайполь. Штаб армии должен был расположиться в Губине. Переброску предписывалось провести: из района Льгова до станций Нежин, Кобыжча – по железной дороге; из района Нежин, Кобыжча – своим ходом (на автомашинах) по маршруту Козелец, Остер, Горностайполь, Чернобыль. Армия по-прежнему оставалась в резерве Ставки ВГК^[411]. 30 декабря 1943 г. директивой Генштаба был изменен пункт выгрузки 2-й танковой армии – вместо станций Нежин, Кобыжча разгрузку следовало произвести в районе станции Дарница. После этого армии предстояло сосредоточиться в районе Ирпень, Белгородка, Святошино. На станции Святошино предписывалось осуществить выгрузку танков и тяжелых грузов. На командующего 1-м Украинским фронтом возлагалось обеспечение размещения армии в указанном районе^[412].

9 января 1944 г. Нарком обороны приказал сосредоточить 2-ю танковую армию из района Святошино к 15 января в лесах восточнее Житомира^[413]. Не успела она прибыть в указанный район, как директивой № 291245 Генштаба от 15 января ей было приказано в полном составе своим ходом к 20 января выйти в район Фастова, где войти в подчинение командующего 1-м Украинским фронтом^[414]. Армии предстояло принять участие в Корсунь-Шевченковской наступательной операции.

***Корсунь-Шевченковская наступательная
операция (24 января - 17 февраля 1944 г.)***

Обстановка, сложившаяся к началу Корсунь-Шевченковской наступательной операции, ее замысел и задачи войск будут изложены в главе, посвященной 5-й гвардейской танковой армии.

Как известно, 4 февраля 1944 г. противник, стремясь ликвидировать прорыв войск 1-го Украинского фронта, силами шести танковых дивизий нанес контрудар. Ему ценой больших потерь удалось вклиниться в оборону войск фронта. Обстановка требовала немедленного ввода новых сил. К месту прорыва была переброшена еще не закончившая доукомплектование 2-я танковая армия. Ее соединения насчитывали немногим более 160 исправных танков, а штабы корпусов были укомплектованы на 40-50 %^[415].

Соединения и части 2-й танковой армии вводились в сражение 11 февраля по мере их прибытия в новый район. Они совместно с 6-й танковой армией, 104-м стрелковым корпусом 40-й армии вели боевые действия против лысянской группировки противника, пытавшейся вырваться из кольца окружения. Для этого командующий окруженной группировкой генерал Штеммерман создал две колонны – левую и правую. В левую (головную) колонну входили остатки танковой дивизии СС «Викинг», моторизованной бригады СС «Валлония», 72-я и 112-я пехотные дивизии. Она должна была пробиться через Комаровку на Лысянку. Правая колонна состояла из остатков 57, 82 и 167-й пехотных дивизий. Ей предписывалось наступать через Журжинцы на Лысянку.

Однако намерениям противника не сбылись. Несмотря на непогоду, авиация 1-го Украинского фронта нанесла удары по районам сосредоточения левой и правой колонн. Одновременно усилила огонь артиллерия. Части 29-го танкового корпуса генерала И.Ф. Кириченко, 11-й гвардейской танковой бригады 2-й

танковой армии под командованием полковника Т.П. Абрамова и два полка тяжелых танков ИС-2 оказали упорное сопротивление противнику. Особенно ожесточенная схватка произошла в ночь с 16 на 17 февраля, когда вражеские колонны в снежный буран попытались пробиться к Лысянке. По воспоминаниям участников боев, дороги, поля, овраги и перелески были усеяны тысячами убитых солдат и офицеров противника, брошенными вооружением и машинами. В ходе боев погиб и генерал Штеммерман.

После завершения Корсунь-Шевченковской операции директивой № 220028 Ставки ВГК от 18 февраля из 1-го Украинского фронта в состав 2-го Украинского фронта передавались 40-я армия, 2-я танковая (3-й, 16-й танковые корпуса, 11-я отдельная гвардейская танковая бригада) и 6-я танковая армии, 13-я артиллерийская дивизия и 94-я самоходная артиллерийская бригада СУ-76 из 33-й армии^[416]. Войскам 2-й танковой армии предстояло принять участие в Уманско-Ботошанской наступательной операции.

Уманско-Ботошанская наступательная операция (5 марта - 17 апреля 1944 г.)

Противник, потерпев поражение в Корсунь-Шевченковской операции, все еще упорно цеплялся за оставшиеся районы Правобережной Украины. Ставка ВГК, несмотря на неблагоприятные условия весенней распутицы, предусматривала развернуть в начале марта 1944 г. новое широкое стратегическое наступление силами 1, 2-го и 3-го Украинских фронтов с целью окончательного разгрома врага на Правобережной Украине.

В полосе 2-го Украинского фронта оборонялись 8-я армия и часть сил 6-й армии группы армий «Юг»

(командующий – генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн), насчитывавшие 20 дивизий, в том числе 4 танковые и 2 моторизованные. Наиболее сильная группировка войск противника действовала на уманском направлении. В первом эшелоне располагались 17 дивизий, в резерве – 5 дивизий, из которых 3 танковые, находившиеся на доукомплектовании, были сосредоточены к северо-востоку от Умани, в 20–60 км от линии фронта. Более глубокие резервы противник имел на удалении 80–150 км от линии фронта на важном естественном рубеже, проходившем по Южному Бугу, в районах восточнее Брацлава и Тульчина. Всего вражеская группировка насчитывала до 400 тыс. солдат и офицеров, около 3,5 тыс. орудий и минометов, до 450 танков и штурмовых орудий и около 500 самолетов^[417]. Хотя войска противника были сильно потрепаны в период Корсунь-Шевченковского сражения, они все-таки сохранили боеспособность.

Войска 2-го Украинского фронта (командующий – Маршал Советского Союза И.С. Конев) насчитывали 691 тыс. человек, 8890 орудий и минометов всех калибров (в том числе 836 зенитных орудий), 670 исправных танков и САУ, 551 самолет^[418]. Они превосходили противника в людях и танках в 1,5 раза, в артиллерии – в 2,5 раза; силы авиации были примерно равны.

18 февраля 1944 г. маршалу Коневу была направлена директива № 22003 ° Ставки ВГК, в которой предписывалось подготовить наступательную операцию с включением в состав ударной группы фронта 27-й, 52-й, 4-й гвардейской армий, 5-й гвардейской танковой, 2-й и 6-й танковых армий. Этой группе предстояло нанести удар с фронта Виноград, Звенигород, Шпола в общем направлении на Умань с

задачей разбить уманскую группировку противника и овладеть рубежом Лодыжин, Гайворон, Ново-Украинка. В дальнейшем продолжать наступление с целью выхода на р. Днестр на участке (иск.) Могилев-Подольский, (иск.) Ягорлык. Начало наступления – 8—10 марта^[419].

Эта директива легла в основу планирования Уманско-Ботошанской наступательной операции. 26 февраля представитель Ставки маршал Г.К. Жуков и командующий войсками 2-го Украинского фронта маршал И.С. Конев представили И.В. Сталину доклад № 00191/оп плана наступательной операции на уманско-ботошанском направлении^[420].

Замыслом операции предусматривалось разгромить 8-ю армию противника, расцечь войска группы армий «Юг» и отрезать пути отхода 1-й танковой армии в южном направлении, содействуя 1-му Украинскому фронту в ее разгроме. Главный удар планировалось нанести с рубежа Виноград, Звенигородка, Шпола в направлении на Умань, вспомогательный удар – из района Кировограда в направлении на Новоукраинку.

В состав главной группировки включались 27-я, 52-я, 4-я гвардейская армии, 2-я, 5-я гвардейская и 6-я танковые армии; всего 788 танков и САУ, 3132 орудия и миномета. Ширина участка прорыва – 28–30 км. Общевойсковые армии составляли первый оперативный эшелон фронта и должны были порвать вражескую оборону и обеспечить ввод в прорыв танковых армий: 27-я армия – 2-й танковой; 4-я гвардейская армия – 5-й гвардейской танковой.

Войска 2-й танковой армии намечалось ввести в прорыв в первый день операции с задачей на второй день главными силами овладеть районом Христиновка, Ягубец, Голяковка и выбросить передовые отряды на р. Южный Буг в районы Бершади и Осиевки. Одновременно вводилась в прорыв и 5-я гвардейская

танковая армия, которой предстояло на второй день операции главными силами овладеть районом Умань, Кочержинцы, Громы, Степковка и выбросить передовые отряды на р. Южный Буг в район Юзефполь, Голосково.

Вспомогательный удар предусматривалось нанести силами 5-й и 7-й гвардейских армий. Во втором эшелоне фронта находилась 6-я танковая армия, а в резерве – 5-й гвардейский кавалерийский корпус.

Основная часть артиллерии (до 71 %) была сосредоточена на направлении главного удара^[421]. Здесь на участке прорыва Чемерисское, Ольховец на 1 км фронта приходилось 148 орудий с учетом 82-мм минометов. К артиллерийской подготовке продолжительностью 1 час 36 минут привлекалась артиллерия 40-й, 53-й, 2-й танковой и 5-й гвардейской танковой армий. Для непосредственной поддержки и сопровождения танковых армий было выделено 219 орудий, в том числе 125 для 2-й танковой армии.

Авиация 5-й воздушной армии получила следующие задачи: штурмовыми и бомбардировочными ударами содействовать 27-й, 52-й и 4-й гвардейской армиям в прорыве обороны; уничтожать артиллерийские и минометные батареи, танки и живую силу противника в тактической глубине; не допустить подхода танковых частей противника к участку прорыва от Христиновки и Умани; с началом развития прорыва поддержать наступление 2-й и 5-й гвардейской танковых армий штурмовой авиацией; прикрыть главную группировку войск фронта в районе Шубенный Став, Звенигородка, Лисянка.

Операцию планировалось провести в два этапа: первый этап (23 февраля – 5 марта) – подготовка и перегруппировка войск, с 3 по 5 февраля – действия авангардов с задачей вскрыть оборону противника и улучшить исходное положение; второй этап (с 6 по 18-

20 марта) – прорыв обороны противника и овладение рубежом Ладыжин, Гайворон, Ново-Украинка.

27 февраля Ставка ВГК своей директивой утвердила план операции, указав 6-ю танковую армию на Ново-Украинку не направлять, а использовать ее для развития удара на правом фланге главной группировки противника в общем направлении на Христиновку^[422]. Начало наступления – 6 марта.

К началу операции боевой состав 2-й танковой армии несколько изменился. Армия получила одну стрелковую дивизию, два отдельных танковых и три самоходных артиллерийских полка.

По данным маршала И.С. Конева, по состоянию на 4 марта во 2-й танковой армии насчитывалось 174 танка и 57 САУ, в 5-й гвардейской танковой – 169 танков и 27 САУ, в 6-й танковой – 121 танк и 32 САУ. Таким образом, к началу наступления фронт имел всего 670 танков и САУ^[423]. По существу, в танковых армиях недоставало 75 % боевых машин. Из общего числа танков и САУ на направлении главного удара использовалась 631 машина, а остальные в качестве танков НПП. В результате на 1 км участка прорыва (ширина 25 км) приходилось всего две боевые машины^[424]. Поэтому из состава 2-й и 5-й гвардейской танковых армий предусматривалось выделить передовые отряды с группами по 20–30 танков, которые должны были перейти в атаку совместно с пехотой и фактически выполнять задачи танков НПП, а одновременно и роль передовых отрядов своих армий.

Танковые армии имели от 2,6 до 5 заправок дизтоплива и от 0,2 до 2,1 заправок автобензина. Этих запасов, конечно, было недостаточно для операции большого размаха.

Перед началом наступления 4 марта была проведена разведка боем с целью уточнения переднего

края обороны противника, его огневых средств и некоторого улучшения исходного положения для наступления. В результате удалось подтвердить прежние данные о группировке противника, а также получить ряд дополнительных сведений об огневых средствах противника и о системе его огня.

5 марта в 6 часов 54 минуты началась артиллерийская подготовка на направлении главного удара. Погода в этот день была теплой. Утренний туман был настолько плотным, что местность просматривалась не далее чем на 100 м. В этих условиях действия авиации были исключены, а эффективность артиллерийской подготовки была несколько снижена, но вполне достаточной для обеспечения успеха атаки. Она оказалась неожиданной для противника. Его первая позиция была прорвана в первый же день на протяжении 30–35 км. После этого маршал Конев ввел в сражение 2-ю и 5-ю гвардейскую танковые армии.

Ввод 2-й танковой армии был осуществлен на участке Рубаный Мост, Рыжановка в полосе 27-й армии, а 5-й гвардейской танковой армии – в полосе 4-й гвардейской армии на участке Рыжановка, Ольховец. Такое использование танковых армий было обусловлено неглубоким построением обороны противника, низкими плотностями танков НПП, а также условиями весенней распутицы, когда замедление с их вводом могло привести к задержке развития прорыва. В результате ввода в сражение обеих танковых армий оборона противника была взломана, и к исходу дня 5 марта ударная группировка фронта, продвинувшись на 13 км, вышла на рубеж Рубаный Мост, Ризино, Кобыляки, Гусаково. Соединения 40-й армии, развивая успех 27-й армии, овладели рядом населенных пунктов и окраиной села Кишенцы. Войска 27-й армии вышли на рубеж южнее села Кишенцы.

Соединения 2-й танковой армии, сломив сопротивление противника на южном берегу р. Горный Тикич, к исходу дня 7 марта вели боевые действия в районе Поташа у железной дороги южнее и юго-западнее Желудькова. Командующий и начальник штаба армии уверенно управляли своими войсками. «С.И. Богданов, с которым мне пришлось впервые встретиться в Уманско-Ботошанской операции, – пишет маршал И.С. Конев, – произвел на меня большое впечатление сначала своим внешним видом, а потом и деловыми качествами. Это был высокий, представительный, красивый человек. Во всех его действиях, в разговоре, в командах чувствовались высокая требовательность, сильная воля и организованность. После принятия решения и отдачи распоряжений он, как правило, лично выезжал в войска и действовал спокойно и без суетливости. Штаб 2-й танковой армии, возглавляемый генералом А.И. Радзиевским, производил впечатление очень слаженного организма, на который командарм мог полностью положиться. В действиях штаба не допускалось осечек и ошибок. Сплоченным и организованным был во 2-й танковой армии и Военный совет, членом которого был генерал П.М. Латышев. Это была хорошая слаженная армия, в боевом отношении подготовленная, организованная, а в действиях отличавшаяся смелостью, напористостью и большой активностью»^[425].

6 марта в сражение была введена еще одна танковая армия (6-я) с целью обходным маневром с северо-запада овладеть важным железнодорожным узлом и опорным пунктом противника – Христиновкой. В дальнейшем она должна была наступать в юго-западном направлении на Вапнярку, не давая

возможности противнику отходить в южном и юго-западном направлениях^[426].

Противник предпринимал отчаянные попытки для того, чтобы остановить наступление войск 2-го Украинского фронта. 7 марта он нанес контрудар силами 13, 14 и 11-й танковых дивизий, усиленных 228-й и 261-й бригадами штурмовых орудий. Однако войска фронта отбили натиск врага. К исходу дня они на направлении главного удара расширили прорыв до 80 км и продвинулись до 50 км. В результате был прорван оборонительный рубеж по р. Горный Тикич и созданы условия для успешного наступления на Христиновку и Умань. В течение 8 и 9 марта войска, наступавшие на уманском направлении, продвинулись еще на 25–30 км, расширив фронт наступления до 170 км. Войска левого крыла 2-го Украинского фронта, перешедшие 8 марта в наступление на Ново-Украинку, сумели прорвать вражескую оборону на участке шириной 12 км и продвинуться всего до 7 км. Такое незначительное продвижение объяснялось малой плотностью артиллерии 5-й и 7-й гвардейских армий и почти полным отсутствием у них танков НПП.

На направлении главного удара 2-го Украинского фронта события развивались стремительно. К исходу дня 10 марта 29-й танковый корпус 5-й гвардейской танковой армии ворвался на юго-восточную окраину Умани. В тот же день войска 2-й танковой армии во взаимодействии с 5-й гвардейской танковой и 52-й армиями полностью овладели Уманью, захватив свыше 500 исправных танков и более 350 орудий^[427]. Одновременно войска 6-й танковой армии и 27-й армий стремительным ударом с двух сторон овладели Христиновкой. За образцовое «выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и

геройство» генералу С.И. Богданову 11 марта 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Обстановка на соседних фронтах была следующей. Войска 1-го Украинского фронта к исходу дня 9 марта овладели городом и железнодорожным узлом Старо-Константинов, ворвались в Тернополь, где завязали уличные бои. 3-й Украинский фронт на левом фланге и в центре успешно форсировал р. Ингулец, вышел в район Новый Буг, Казанка и перерезал железную дорогу Долинское – Николаев.

11 марта Ставка ВГК своей директивой № 220049 потребовала от командующего 2-м Украинским фронтом, преследуя отходящего противника, не дать ему возможности организовать оборону на р. Южный Буг и овладеть рубежом Муровано-Куриловцы, Могилев-Подольский, р. Днестр, захватив на Днестре переправы. Главную группировку фронта предписывалось вывести в район Могилев-Подольский, Ямполь. Одновременно левым крылом приказывалось наступать в направлении Ново-Украинка, Первомайск, Рыбница. В дальнейшем овладеть районом Бельцы, Кишинев и выйти на р. Прут на государственную границу СССР^[428].

В соответствии с этим маршал Конев приказал войскам 2-й и 5-й гвардейской танковых армий смелыми и стремительными действиями отрезать части противника от переправ, захватить переправы и плацдармы на правом берегу Южного Буга. 2-й танковой армии предстояло форсировать реку у Джулиники и, развивая наступление в направлении на Жабокричку, Вапнярку, совместно с 6-й танковой армией 14 марта овладеть Вапняркой. Дальнейшая задача армии состояла в том, чтобы развивать удар в направлении Дзыговки и захватить переправу на

Днестре у Ямполья. Для успешного решения этой задачи предписывалось создать отряды преследования, состоящие из пехоты на подводах, артиллерии на конной тяге, автомашин высокой проходимости, а также танков и саперных частей. Они должны были выходить на тылы и фланги отходящего врага, отрезая ему пути отхода. Командующим армиями приказывалось силами передовых частей смело с ходу форсировать Южный Буг на подручных средствах, не ожидая подхода инженерных средств.

В 23 часа 11 марта к Южному Бугу вышел передовой отряд 2-й танковой армии с десантом стрелков и саперов на танках, имевший задачу захватить мост юго-западнее Джулинки. В это время по мосту переправлялись отступавшие части противника. Врезавшись в его колонны и разделившись на две группы, танки отрезали противника от переправы и завязали бой. Одна группа танков с пехотой занялась уничтожением вражеского гарнизона в районе Джулинки и подходивших арьергардных частей противника, а другая – направилась к мосту для его захвата. Головной танк прорвался к мосту, но мост оказался минированным и был подорван противником. Его удалось восстановить только 13 марта. Части 2-й танковой армии не растерялись в сложившейся обстановке. Они в районе Шумилова нашли относительно мелкое место глубиной до 2 м. Место было тщательно промерено и оборудовано подъездами и указателями. Выхлопные трубы танков были выведены наверх, все люки наглухо задраены, законопачены и промазаны солидолом. К середине дня 12 марта семь танков, преодолев по дну реку, неожиданно появились перед противником. Он вынужден был отступить, что позволило расширить захваченный плацдарм на участке Шумилово, Березки. Это дало возможность инженерным частям приступить

к восстановлению разрушенного 60-тонного моста, построенного немцами в Березках. В ночь на 14 марта по восстановленному мосту были переправлены подошедшие главные силы 2-й танковой армии и начали переправу войска 52-й армии. 15 марта в Джулинках было начато строительство второго моста длиной 109 м, грузоподъемностью в 10 тонн. В тяжелых условиях во время снежного бурана, разыгравшегося ночью, к утру 18 марта мост был построен. В этот же срок был построен мост в Шумилове такой же грузоподъемности, но длиной 144 м. Мосты в Березовке, Джулинках и Шумилове полностью обеспечили переправу войск 52-й и 2-й танковой армий.

Главные силы 5-й гвардейской танковой армии в связи с разрушением моста у Хоцевато были направлены в полосу 52-й армии и переправились через Южный Буг в районе Березки. Успешно преодолели реку и войска 4-й гвардейской и 40-й армий.

После форсирования Южного Буга танковые армии устремились к Днестру. Э. фон Манштейн в своих мемуарах, оценивая сложившуюся обстановку, писал: «Обстановка продолжала изменяться все быстрее и быстрее. К 15 марта противнику удалось нанести сильный удар по левому флангу 8-й армии. Между этой армией и 1-й танковой армией образовалась широкая брешь от Умани до Винницы. Противник, продвигаясь дальше на юго-запад, выдвинул за Буг на участке 8-й армии передовые отряды пяти армий, в том числе одной танковой армии»^[429]. Далее он отмечает, что 8-я армия не в состоянии была удержать на широком фронте Южный Буг и снова установить связь с 1-й танковой армией.

Сосед 2-го Украинского фронта справа, 38-я армия 1-го Украинского фронта, 15 марта также вышел на Южный Буг в районе Винницы на 60-километровом

фронте от слободы Мизяковская до Михайловки. Одна из дивизий этой армии форсировала Южный Буг и овладела плацдармом южнее Винницы в районе Ворошиловка, Шершни, Гута. Этот успех 38-й армии надежно обеспечивал правый фланг 2-го Украинского и способствовал ускорению темпов преследования противника войсками 40-й армии. На проскуровском направлении войска 1-го Украинского фронта отбивали контратаки крупных сил пехоты и танков противника, нанося ему большие потери. 3-й Украинский фронт к исходу дня 16 марта, разгромив противника в районе Березнеговатое, Снигиревка, овладел Бобринцом и Новой Одессой.

16 марта соединения 5-го механизированного корпуса 6-й танковой армии ударом с востока и 16-го танкового корпуса 2-й танковой армии с юго-востока освободили Вапнярку. На следующий день передовые части войск правого крыла 2-го Украинского фронта захватили плацдармы на правом берегу Днестра южнее Могилева-Подольского. В результате возникла реальная угроза как для 1-й танковой армии противника, так и для группы армий «А», остановившей войска 3-го Украинского фронта на р. Южный Буг.

Командующий 2-м Украинским фронтом 17 марта приказал армиям левого крыла (53-й, 5-й и 7-й гвардейской) стремительно развивать наступление к Днестру, захватить переправы в районах Рыбницы и Дубоссар, а частью сил двинуться на Бендеры. Теперь могилев-подольское направление, как того требовала Ставка ВГК, стало для 2-го Украинского фронта более важным, чем первомайское. В связи с этим войскам правого крыла фронта предстояло захватить и прочно закрепить за собой плацдармы на правом берегу Днестра.

Выполняя поставленные задачи, войска 2-го Украинского фронта устремились к Днестру. К исходу

дня 17-го и днем 18 марта к реке на участке Яруга, Сороки протяженностью 50 км вышли передовые отряды 52-й и 2-й танковой армий. На этом участке противник имел два понтонных моста. Один из них был разобран и большей частью вывезен, а оставшиеся элементы сосредоточены на правом берегу р. Косауц. Второй понтонный мост был взорван противником. В ночь на 18 марта саперы 2-й танковой армии, вышедшие к реке вместе с передовыми отрядами, восстановили понтонный мост. За ночь под огнем противника мотопехота передовых отрядов переправилась на правый берег реки, вступила в бой с частями противника и к утру 18 марта захватила плацдарм. Используя этот успех, саперы захватили понтонный мост у противника и собрали 18 полупонтонов. К 10 часам первый понтон под грузы в 30 тонн стал действовать. На нем началась переправа артиллерии передовых отрядов 2-й танковой армии. С 20 марта саперы приступили к строительству постоянного моста грузоподъемностью 45 тонн, по которому переправлялись танки, артиллерия и транспорты с боеприпасами.

В ночь на 19 марта в районе Серебря, Яруга через Днепр переправился передовой отряд 6-й танковой армии. Передовые отряды и главные силы 27-й армии форсировали реку 20 марта по десантно-паромным переправам, построенным инженерными частями. 53-я армия двумя дивизиями форсировала в это время Южный Буг в районе Завалье и вела бой в районе Пужайково, Осички. 21 марта к реке подошли соединения 7-й гвардейской армии, начавшие боевые действия за переправы. Войска 5-й гвардейской армии 22 марта овладели важным железнодорожным узлом и сильным опорным пунктом врага в среднем течении Южного Буга – Первомайском, форсировали в этом районе реку и вели бои по расширению плацдарма.

К этому времени генерал-фельдмаршал фон Манштейн принял чрезвычайные меры для воссоздания группировки перед 2-м Украинским фронтом. Для удержания оборонительных позиций, кроме танковых, моторизованных и пехотных дивизий, были задействованы части артиллерийских дивизий, охранные, штурмовые, полицейские, строительные и саперные батальоны, учебные полки, зенитные и противотанковые дивизионы.

Сталин, ошибочно полагая, что для окружения 1-й танковой армии вполне хватит сил 1-го Украинского фронта, принял решение оказать силами 2-го Украинского фронта помощь отставшим войскам 3-го Украинского фронта. В директиве № 220054 Ставки ВГК от 22 марта ставилась задача левым крылом 2-го Украинского фронта, включая 5-ю гвардейскую танковую армию, нанести удар с рубежа Кодыма, Песчана, Первомайск на юг, по восточному берегу р. Днестр, овладеть рубежом Бендеры, Тирасполь, Раздельная, отбрасывая противника к Черному морю и не допуская его отхода за Днестр. Правое крыло фронта должно было выйти на р. Прут, нанося одновременно удар силами одной-двух общевойсковых армий с двумя танковыми армиями на юг, по западному берегу Днестра с задачей овладеть рубежом Унгены, Кишинев. Для развития удара на Кишинев по западному берегу Днестра требовалось использовать 5-й гвардейский кавалерийский корпус. Начало наступления – не позднее 24-25 марта. Одновременно предписывалось продолжать наступление по восточному берегу реки [\[430\]](#).

Этот план создавал возможность полностью прижать 6-ю армию противника к морю. Маршал Конев, выполняя директиву Ставки ВГК, 22 марта приказал армиям правого крыла фронта продолжать наступление

с тем, чтобы выйти на Прут на фронте Липканы, Яссы. Армиям центра и левого крыла ставилась задача продолжать наступление по обоим берегам Днестра в общем направлении на Бендеры с целью совместно с войсками 3-го Украинского фронта сжать группировку противника между Днестровским лиманом и Черным морем. Ближайшая цель состояла в том, чтобы отрезать пути отхода противнику на запад, захватить переправы через Днестр у Рыбницы, Дубоссар, Бендер и овладеть Яссами, Кишиневом, Бендерами, Тирасполем и Раздельной. 2-й танковой армии предписывалось с утра 24 марта перейти в наступление из района Шеткевич, Сороки и, развивая удар в направлении Бельцы, Фолешты, Пырлица, к исходу дня овладеть районом и городом Бельцы, а к вечеру 26 марта – Пырлица, Корнешти, Стар, Нигурень. Дальнейшая задача армии состояла в том, чтобы продолжать наступление в направлении Тузора, Кишинева, к исходу 29 марта при содействии 6-й танковой армии овладеть Кишиневом и развить удар на Бендеры с целью отрезать противника от переправ на Днестре^[431].

23 марта противник начал отвод своих войск из района Котовска. Войска 2-го Украинского фронта, изменив направление наступления, 25 марта вышли на р. Прут. На следующий день передовые отряды 27-й и 52-й армий уже занимали 85-километровый участок вдоль советско-румынской границы. Тогда же маршал Конев получил директиву № 220058 Ставки ВГК, в которой говорилось:

«С выходом войск правого крыла фронта на р. Прут захватить переправы и обеспечить эти переправы занятием на правом берегу р. Прут предмостных плацдармов, каждый протяжением по фронту 15–25 км и в глубину не менее 10–12 км, которые прочно за собой закрепить. Главным силам правого крыла фронта

закрепиться на левом берегу р. Прут и организовать оборону, подтянуть артиллерию усиления, тылы и своим устойчивым положением на р. Прут обеспечивать наступление главных сил фронта на юг по обоим берегам р. Днестр. Наступление к западу от р. Прут начинать только по особому приказу Ставки»^[432].

В ночь на 28 марта войска правого крыла 2-го Украинского фронта форсировали Прут и заняли ближние подступы к Яссам и Кишиневу, где встретили ожесточенное сопротивление противника. К этому времени состояние танковых армий фронта было плачевным. Во 2-й танковой армии насчитывалось всего 36 танков и 12 САУ, в 5-й гвардейской танковой – 9 танков и 7 САУ, а в 6-й танковой – 40 танков и 6 САУ^[433].

Противник, сдерживая наступление 3-го Украинского фронта, перебрасывал свободные силы на кишиневское направление, т. е. против войск 2-го Украинского фронта. К 5 апреля на этом направлении были сосредоточены четыре пехотные (123-я, 62-я, 46-я, 79-я) и одна танковая (24-я) дивизии, а также несколько частей, снятых с левого берега Днестра. Этими силами противник стремился организовать прочную оборону и задержать выход войск 2-го Украинского фронта в тыл немецкой 6-й армии.

Ставка ВГК, несмотря на тяжелое положение подвижных войск 2-го Украинского фронта, своей директивой № 220072 от 5 апреля потребовала «выдвинуть, возможно, быстрее правое крыло фронта на рубеж р. Сирет, р. Бахлуй и овладеть районом Дорохой, Батошани, Яссы»^[434]. В тот же день маршал Конев направил Сталину доклад № 00281/оп плана развития наступления на южном направлении. С целью создания охватывающего оперативного положения основной южной группировки противника предусматривалось 8 апреля перейти в наступление

правым крылом фронта в составе 40-й, 27-й армий, усиленных 3-м гвардейским танковым корпусом. В последующем намечалось нарастить силу удара вводом 7-й гвардейской и 5-й гвардейской танковой армий. Войска левого крыла фронта (53-я, 4-я и 5-я гвардейские, 2-я и 6-я танковые армии) должны были продолжать наступление с целью овладения районом Кишинева и выхода на р. Прут. В дальнейшем планировалось наносить удар по Фокшанам [\[435\]](#).

6 апреля Ставка ВГК директивой № 220073 утвердила представленный план, потребовав незамедлительно перевести на западный берег р. Прут одну танковую армию (2-ю или 6-ю). Для наступления на Кишинев, считалось, будет достаточно двух танковых армий (5-й гвардейской и 6-й или 2-й). 7-ю гвардейскую армию надлежало перегруппировать в район западнее Рыбницы [\[436\]](#).

Войска 2-го Украинского фронта, выполняя поставленные задачи, вышли на р. Серет и захватили плацдарм на ее западном берегу. Командующий 2-й танковой армией принимал все меры к тому, чтобы овладеть Кишиневом, но, имея в армии всего лишь 20 танков, выполнить задачу было нелегко. Тем более что противник усилил кишиневское направление переброшенными из полосы 3-го Украинского фронта танковыми и пехотными дивизиями и мобилизовал все свои войска, отдельные части, находящиеся в тылу групп армий «Юг» и «А». Кроме того, местность, изобиловавшая большим количеством балок, высот, речек и оврагов, серьезно затруднила продвижение частей танковой армии. Поэтому маршал Конев приостановил ее дальнейшее продвижение. Он пришел к выводу, что для освобождения Кишинева и полного разгрома всей южной группировки противника, находящейся в Румынии, необходимо подготовить и

провести новую операцию. С этим согласилась и Ставка ВГК. 17 апреля войска 2-го Украинского фронта перешли к обороне на занимаемых рубежах.

В ходе Уманско-Ботошанской операции была разгромлена 8-я армия, а также частично 1-я танковая армия и рассечен фронт группы армий «Юг». 10 дивизий противника потеряли 50–75 % личного состава и почти все тяжелое вооружение. Войска 2-го Украинского фронта продвинулись на 200–250 км, освободили значительную территорию Правобережной Украины и Молдавии, вышли в северо-восточные районы Румынии. Операция характерна применением в составе главной группировки фронта в узкой полосе одновременно трех танковых армий, гибким управлением, быстрым реагированием командования на изменения обстановки и четкой организацией взаимодействия между армиями и авиацией фронта.

* * *

После перехода войск 2-го Украинского фронта к обороне началось их пополнение личным составом, оружием и боевой техникой. Одновременно была организована боевая подготовка. Во 2-й танковой армии был издан ряд приказов по этому поводу. Так, приказ № 0217 от 30 апреля 1944 г. содержал указания о подготовке соединений и частей к предстоящим активным боевым действиям^[437]. Особое внимание обращалось на правильную организацию разведки, обеспечение быстрого и решительного наступления пехоты с танками, четкое взаимодействие танков с пехотой, саперами и артиллерией, инженерное обеспечение боя. В приказе № 0230 от 6 мая

требовалось устранить недостатки в управлении войсками^[438].

10 июня 1944 г. директивой Генштаба было приказано с 14 июня перебросить 2-ю танковую армию по железной дороге к новому месту дислокации, где она должна была войти в состав 1-го Белорусского фронта. Переброске подлежали 3-й и 16-й танковые корпуса, части усиления и боевого обеспечения, учреждения обслуживания и армейские тылы, но без танков и САУ. Вся переписка и переговоры по вопросам, связанным с отправкой армии, разрешалось вести только с Генштабом. Всему личному составу приказывалось строго запретить кому бы то ни было говорить, откуда следует эшелон. Всю технику, транспорт и имущество на платформах следовало замаскировать. После выгрузки эшелонов войска требовалось немедленно уводить в укрытые районы^[439]. 13 июня командующему 1-м Белорусским фронтом была направлена директива № 294210 Генштаба, в которой говорилось, что в район Маневичи в период с 19 июня по 4 июля прибудет по железной дороге 2-я танковая армия. Для ее пополнения распоряжением командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии направлялись танки и САУ^[440]. В составе 1-го Белорусского фронта армии предстояло принять участие в Люблин-Брестской наступательной операции.

Люблин-Брестская наступательная операция (18 июля - 2 августа 1944 г.)

23 июня 1944 г. началась Белорусская стратегическая наступательная операция, на первом этапе которой (23 июня - 4 июля) советские войска вышли на рубеж Полоцк, озеро Нарочь, Молодечно, западнее Несвижа. В результате в стратегическом

фронте противника образовалась 400-километровая брешь, которую он безуспешно пытался закрыть отдельными дивизиями, перебрасываемыми с различных участков советско-германского фронта и с Запада. На втором этапе (5 июля – 29 августа) были проведены Шяуляйская, Вильнюсская, Каунасская, Белостокская и Люблин-Брестская наступательные операции.

Люблин-Брестскую операцию проводили войска 1-го Белорусского фронта под командованием маршала К.К. Рокоссовского. Замыслом операции предусматривалось ударами в обход Брестского укрепрайона с севера и юга разгромить противостоящие группировки противника и, развивая наступление на варшавском направлении, выйти к Висле. Основные усилия фронт сосредоточивал на левом крыле, в которое входили 70-я, 47-я, 8-я гвардейская, 69-я, 2-я танковая, 1-я польская армии, два кавалерийских и один танковый корпус. Их поддерживала авиация 6-й воздушной армии. В этой группировке насчитывалось 7600 орудий и минометов, 1743 танка и САУ, около 1500 самолетов. Она должна была разгромить противостоящего противника и, форсировав на 3—4-й день операции р. Западный Буг, развивать наступление в северо-западном и западном направлениях, чтобы к концу июля главными силами выйти на рубеж Лукув, Люблин.

Главный удар наносили 47-я, 8-я гвардейская и 69-я армии с задачей прорвать оборону противника западнее Ковеля, обеспечить ввод в сражение подвижных войск и во взаимодействии с ними развивать наступление на Седльце и Люблин. После форсирования Западного Буга намечалось силами 8-й гвардейской и 2-й танковой армий развивать наступление на Лукув, Седльце (Седлец), а 69-й и 1-й польской армиями – на Люблин, Михув. На флангах танковой армии предусматривалось использовать 2-й и 7-й гвардейские кавалерийские

корпуса. Войска 47-й армии должны были наступать на Бяла-Подляска и не допустить отхода к Варшаве войск противника, действовавших к востоку от рубежа Седльце, Лукув. 70-я армия наносила удар на Брест с юга.

Правое крыло фронта (48, 65, 28, 61-я армии, конно-механизированные группы генералов П.А. Белова и И.А. Плиева), поддерживаемое авиацией 16-й воздушной армии, имело задачу нанести удар на варшавском направлении, обходя брестскую группировку с севера^[441]. Войскам правого крыла предстояло овладеть районом Барановичи, Лунинец и не позже 10-12 июля выйти на рубеж Слоним, р. Шара, Пинск. В дальнейшем овладеть Брестом и выйти на р. Западный Буг, захватив плацдармы на его левом берегу.

Решающая роль в операции отводилась войскам левого крыла 2-го Белорусского фронта. Перед ними на участке от Ратно до Вербы оборонялись 9 пехотных дивизий и 3 бригады штурмовых орудий, немецкая 4-я танковая армия (1550 орудий и минометов, 211 танков и штурмовых орудий). Для успешного прорыва сильной обороны противника ударная группировка фронта имела глубокое оперативное построение: первый эшелон составляли 70-я, 47-я, 8-я гвардейская и 69-я армии; второй эшелон – 1-я польская армия; для развития успеха предназначались 2-я танковая армия, два кавалерийских и один танковый корпус. Кроме того, на левом крыле действовали 3 отдельные и одна самоходная артиллерийская бригады, 26 танковых и самоходных артиллерийских полков и самоходный артиллерийский дивизион. Всего 1765 танков и САУ^[442].

Оперативное построение 2-й танковой армии было в два эшелона, что обуславливалось необходимостью осуществления маневра на втором этапе операции, когда армия могла встретиться с глубокими резервами

противника, а также небольшой шириной участка ввода в сражение (12 км). В первом эшелоне армии наступали 3-й танковый корпус под командованием генерала Н.Д. Веденеева и 8-й гвардейский танковый корпус, которым командовал генерал А.Ф. Попов; во втором эшелоне – 16-й танковый корпус генерала И.В. Дубового. Каждый танковый корпус первого эшелона получил на усиление легкий пушечный артиллерийский, истребительно-противотанковый артиллерийский полк, дивизион гвардейских минометов, инженерно-саперный батальон, батальон тяжелого мостового парка и два взвода кабельно-шестовой роты. Такое усиление танковых корпусов преследовало цель повысить их самостоятельность при решении задач в оперативной глубине.

Армейская зенитная артиллерийская группа включала 24-ю зенитную артиллерийскую дивизию РВГК под командованием генерала И.Г. Лярского. В артиллерийский резерв были выделены два гвардейских минометных полка, в артиллерийско-противотанковый резерв – один полк и дивизион истребительно-противотанковой артиллерии, а в инженерный – инженерный батальон^[443].

На участках прорыва создавались высокие плотности сил и средств: 1 стрелковая дивизия, до 247 орудий и минометов и около 15 танков НПП на 1 км фронта. На период прорыва обороны противника в оперативное подчинение командующих 47-й и 69-й армиями было передано по одной дивизии, а 8-й гвардейской армии – корпус штурмовой авиации.

Наступление началось утром 18 июля. Соединения 8-й гвардейской армии, прорвав главную полосу обороны, вышли к р. Рыжовка. Ее берега были сильно заболоченными и представляли серьезное препятствие для танков. В связи с этим было принято решение 11-й

танковый корпус использовать после того, как стрелковые дивизии прорвут вторую полосу обороны противника, а 2-ю танковую армию ввести в сражение после захвата плацдарма на Западном Буге.

19 июля в сражение был введен 11-й танковый корпус генерала И.И. Ющука. Преследуя противника, он с ходу форсировал Западный Буг и закрепился на его левом берегу. Вслед за танковым корпусом на плацдарм начали переправляться передовые части 8-й гвардейской армии и 2-й гвардейский кавалерийский корпус.

21 июля И.В. Сталин потребовал от представителя Ставки ВГК маршала Г.К. Жукова и командующего 1-м Белорусским фронтом маршала К.К. Рокоссовского не позже 26–27 июля овладеть городом Люблин, для чего в первую очередь использовать 2-ю танковую армию и 7-й гвардейский кавалерийский корпус. В директиве № 220149 подчеркивалось: «Этого настоятельно требуют политическая обстановка и интересы независимой демократической Польши»^[444].

В тот же день войска 2-й танковой армии вышли к Западному Бугу и по трем наведенным мостам, а также вброд стали переправляться на его левый берег. 107-я танковая бригада 16-го танкового корпуса, которой командовал полковник Т.П. Абрамов, прикрывавшая левый фланг армии, совместно с частями 7-го кавалерийского корпуса 22 июля освободила Хелм. Соединения 3-го и 8-го гвардейского танковых корпусов перешли в наступление на Люблин. Слева продвигался 7-й гвардейский кавалерийский корпус.

Части 3-го танкового корпуса, пройдя за 13 часов 75 км, обошли Люблин с севера и завязали бои за его северо-западную и западную окраины. При этом 50-я танковая бригада полковника Р.А. Либермана, действовавшая в передовом отряде корпуса, с ходу

ворвалась в центр города. Однако закрепиться не смогла и под нажимом превосходящих сил врага отошла на западную окраину Люблина.

Утром 23 июля, после 30-минутной артиллерийской подготовки, главные силы 2-й танковой армии начали штурм Люблина. При этом был применен маневр 3-го танкового корпуса на северо-запад. С юга обошел город 7-й гвардейский кавалерийский корпус. Удар с востока наносил 8-й гвардейский танковый корпус. На север в качестве заслона был выдвинут 16-й танковый корпус. Несмотря на упорное сопротивление противника, к исходу дня значительная часть Люблина была освобождена, при этом взяты в плен до 3 тыс. солдат и офицеров противника. В ходе штурма автоматной очередью был тяжело ранен командарм генерал С.И. Богданов. В командование вступил начальник штаба армии генерал А.И. Радзиевский.

За освобождение Люблина, героизм и мужество, проявленные в боях, почетное наименование Люблинских было присвоено 59-й гвардейской танковой бригаде, 62-му гвардейскому тяжелому танковому, 1107-му и 1219-му самоходным артиллерийским полкам.

После освобождения Люблина маршал Рокоссовский приказал 2-й танковой армии овладеть районом Демблин, Пулавы и захватить переправы через р. Висла, а в последующем развивать успех в направлении Варшавы. Во второй половине 24 июля в сражение был введен второй эшелон армии – 16-й танковый корпус, который штурмом овладел Демблином и вышел к Висле. Левее, овладев Пулавами, к реке вышел 3-й танковый корпус. Однако противник успел взорвать переправы через Вислу и в целях прикрытия подступов к Варшаве начал спешно перебрасывать свои резервы с западного берега реки в район Праги (предместье Варшавы). Учитывая создавшуюся обстановку, командующий фронтом повернул 2-ю танковую армию с запада на

север. Она должна была, наступая вдоль шоссе в общем направлении Гарволин, Прага, овладеть предместьем польской столицы и захватить в этом районе переправу через Вислу.

Генерал Радзиевский решил оставить 16-й танковый корпус на Висле до смены его подходившими общевойсковыми соединениями, а в заданном направлении наступать силами двух танковых корпусов (3-го и 8-го гвардейского). 16-й танковый корпус после смены должен был следовать за 8-м гвардейским танковым корпусом в готовности к вводу в сражение на подступах к Варшаве. В резерв армии выделялись танковая бригада, армейская истребительно-противотанковая артиллерийская бригада и полк реактивной артиллерии.

Войска 2-й танковой армии, развивая наступление в направлении Гарволин, Прага, дважды самостоятельно прорывали вражескую оборону, поспешно занятую противником. Рубеж Сточек, Гарволин, на котором осели только передовые подразделения подходивших резервов противника, был прорван 27 июля с ходу на широком фронте (29 км) силами передовых отрядов и головных бригад танковых корпусов без артиллерийской подготовки и развертывания главных сил. Рубеж же Сенница, Карчев (на ближних подступах к Варшаве), занятый главными силами резервов врага, прорвать с ходу не удалось. Поэтому пришлось в течение 10 часов провести подготовку атаки. Прорыв этого рубежа осуществлялся танковыми корпусами на трех самостоятельных участках, что привело к дроблению противостоящих сил противника и уничтожению их по частям.

Конно-механизированная группа генерала В.В. Крюкова (2-й гвардейский кавалерийский, 11-й танковый корпуса), развивая наступление на северо-запад, 23 июля овладела городами Парчев и Радзынь. В

ночь на 25 июля она завязала бой за Седльце. После упорных боев город 31 июля был занят совместными усилиями пехоты, кавалерии и танков.

Соединения 65-й и 28-й армий, отразив 23 июля контрудар противника в районе Черемхи, к исходу дня 26 июля вышли к Западному Бугу, охватив брестскую группировку врага с севера и северо-запада. В это время 70-я армия форсировала реку южнее Бреста и обошла город с юго-запада. С востока к нему подходили войска 61-й армии. 28 июля соединения 28-й, 70-й армий и 9-й гвардейский стрелковый корпус 61-й армии заняли Брест, а на следующий день в лесах западнее города завершили разгром до 4 дивизий противника. После этого 61-я и 70-я армии были выведены в резерв.

Войска 47-й армии 27 июля вышли на рубеж Мендзыжец, Лукув, 8-я гвардейская армия – западнее Лукува, Демблин, а передовые части 69-й армии подошли к Висле. Введенная 28 июля в сражение на стыке 8-й гвардейской и 69-й армий 1-я польская армия вышла к Висле в районе Демблина, где приняла от 2-й танковой армии ее участок.

К исходу дня 28 июля основные силы 1-го Белорусского фронта, встретив упорное сопротивление усиленной резервами немецкой 2-й армии на рубеже южнее Лосице, Седльце, Гарволин, вынуждены были развернуться фронтом на север. Противник спешно перебрасывал к Варшаве с юга 19-ю танковую дивизию, танковые дивизии СС «Мертвая голова» и «Викинг», а также недавно прибывшую с итальянского фронта дивизию «Герман Геринг» и ряд пехотных соединений немецкой 2-й армии. Одновременно активизировала свою деятельность вражеская авиация.

В то время как противник в районе Варшавы значительно усилился, войска 2-й танковой армии 1-го Белорусского фронта утратили свою боевую мощь. Они, действуя в полосе шириной 60 км, не сумели 31 июля с

ходу прорвать Пражский укрепленный район. Поэтому генерал Радзиевский отдал войскам приказ о временном переходе к обороне. Это решение утвердил командующий фронтом, ибо, по уточненным разведывательным данным, вражеская группировка превосходила силы армии в 1,5–2 раза. Армия заняла оборону в одноэшелонном оперативном построении. В первом эшелоне находились 3-й, 16-й и 8-й гвардейский танковые корпуса. В общий резерв были выделены 109-я танковая бригада и 87-й мотоциклетный полк, в артиллерийско-противотанковый резерв – 1239-й самоходный артиллерийский, 1960-й истребительно-противотанковый артиллерийский полки, в инженерный – 357-й инженерно-саперный батальон. Подвижной отряд заграждения составляла инженерно-саперная рота с запасом мин. Корпуса занимали оборону в полосах шириной до 15 км и в глубину до 7 км.

Переход 2-й танковой армии к обороне оказался своевременным. 1 августа противник предпринял активные действия. Его авиация господствовала в воздухе. Танковые корпуса отражали до 10–12 атак в сутки. 2 августа частям 19-й танковой дивизии противника удалось вклиниться на стыке 3-го и 8-го гвардейского танковых корпусов. Командующий армией принял решение нанести контрудар во фланг и в тыл прорвавшимся частям врага. В 10 часов после мощного огневого налета реактивной артиллерии соединения и части 2-й танковой армии нанесли удар по правому флангу 19-й танковой дивизии. В результате прорвавшийся противник был отрезан от остальных сил и к 12 часам уничтожен. Между танковыми корпусами армии была восстановлена тесная локтевая связь, а вклинение вражеских войск в оборону ликвидировано.

Особенно тяжелое положение сложилось 3 августа, когда противник нанес сильный удар по правому флангу армии. Однако благодаря своевременному вводу

в бой армейских резервов, героизму и выдержке воинов-танкистов все попытки врага отбросить армию с занимаемых позиций были отражены. Находясь в отрыве от основных сил фронта на 20–30 км, она самостоятельно вела оборону в течение трех суток при недостаточном авиационном прикрытии – всего один истребительный авиационный полк 6-й воздушной армии. Об ожесточенности боев можно судить по тем потерям, которые понесли соединения армии – 284 танка и САУ, из них 40 % безвозвратно^[445]. С подходом соединений 47-й армии 2-я танковая армия была выведена в резерв фронта.

Войска 8-й гвардейской и 69-й армий 29 июля—2 августа форсировали Вислу южнее Варшавы и захватили на ее западном берегу магнушевский и пулавский плацдармы. К исходу дня 2 августа войска фронта вышли на рубеж западнее Суража, Цехановец, севернее Калушина, Радзымина, восточнее Праги, далее на юг по Висле и продолжали бои по расширению плацдармов на ее западном берегу и за Прагу.

В результате Люблин-Брестской операции было завершено освобождение юго-западных областей Белоруссии и освобождены восточные районы Польши. Войска 1-го Белорусского фронта, продвинувшись на 260 км, форсировали с ходу Вислу, захватили плацдармы на ее западном берегу, создали благоприятные условия для последующего наступления на варшавско-берлинском направлении. В ходе операции широко применялись маневр подвижными войсками, сочетание различных способов разгрома вражеских группировок: брестской – путем окружения и последующего уничтожения, а люблинской – нанесением глубоких рассекающих ударов, умело осуществлялось форсирование с ходу крупных водных преград с захватом и расширением плацдармов.

После завершения Люблин-Брестской операции директивой № 295802 Генштаба от 29 августа 1944 г. было приказано отправить 2-ю танковую армию своим ходом к 10 сентября в район Ковеля. Перегруппировке подлежали 3-й танковые корпус (10 танков Т-34, радиальные танки, 39 САУ), 9-й танковый корпус, 11-я гвардейская танковая бригада, армейские части усиления и тылы. Остальные танки и САУ приказывалось оставить на доукомплектование танковых войск фронта. В состав армии дополнительно был включен 1-й механизированный корпус (122 танка). Отправляемые части следовало обеспечить: горючим – на весь путь следования, продовольствием и фуражом – по 1 октября. Марш следовало совершать исключительно в темное время. Всю переписку и переговоры по этому вопросу вести только с Генштабом^[446].

19 октября поступает новая директива за № 297199 об отправке 2-й танковой армии в полном составе своим ходом (за исключением танков и САУ) к 25 октября в распоряжение командующего 1-м Белорусским фронтом в район Кшивды (20 км юго-западнее Лукува). Для перевозки танков, САУ и тяжелых грузов выделялось 26 эшелонов. Командующему фронтом предписывалось обеспечить движение армии на дорогах фронта и размещение ее в районе Кшивды, а также доукомплектовать танками, прибывающими распоряжением командующего БТ и МВ Красной Армии^[447].

Войска 2-й танковой армии, преобразованной за боевые заслуги 20 ноября 1944 г. во 2-ю гвардейскую танковую армию, готовились к участию в Варшавско-Познаньской наступательной операции.

Варшавско-Познаньская наступательная операция (14 января - 3 февраля 1945 г.)

В главе, посвященной 1-й гвардейской танковой армии, подробно говорится об обстановке, сложившейся к 14 января 1945 г., планах сторон и задачах войск. Поэтому здесь будем освещать только те вопросы, которые имеют отношение ко 2-й гвардейской танковой армии.

К началу операции войска 1-го Белорусского фронта насчитывали около 800 тыс. человек, свыше 14 тыс. орудий и минометов, 3220 танков и САУ, 2190 самолетов. Им противостояла 9-я армия группы армий «А» (с 26 января – «Центр». – *Прим. авт.*), имевшая около 143 тыс. человек, свыше 2 тыс. орудий и минометов, более 700 танков и штурмовых орудий^[448]. Противник заблаговременно создал глубокую, сильно укрепленную в инженерном отношении оборону, которая включала одерско-нейсенский рубеж глубиной 20–40 км, имевший три полосы, и Берлинский оборонительный район, состоявший из трех кольцевых обводов – внешнего, внутреннего и городского.

Замысел операции состоял в том, чтобы путем нанесения рассекающих ударов расчленил противостоящую группировку противника и разгромить ее по частям. Главный удар намечалось нанести с магнусшевского плацдарма в направлении Кутно, Познань силами 61-й, 5-й ударной, 8-й гвардейской, 1-й и 2-й гвардейских танковых армий и 2-го гвардейского кавалерийского корпуса. Другой удар наносился с пулавского плацдарма в направлении Радом, Лодзь силами 69-й и 33-й армий. Кроме того, ударом частью сил на Шидловец во взаимодействии с войсками правого крыла 1-го Украинского фронта планировалось окружить и уничтожить группировку противника в

районе Радом, Остролец. Вспомогательный удар наносила 47-я армия севернее Варшавы. 1-я армия Войска Польского имела задачу на 4-й день операции перейти в наступление и во взаимодействии с 47-й, 61-й и 2-й гвардейской танковой армиями овладеть Варшавой. 3-я ударная армия – второй эшелон фронта – получила задачу развивать успех на Познань, а 7-й гвардейский кавалерийский корпус – резерв фронта – предусматривалось использовать на лодзинском направлении.

С выходом войск 5-й ударной армии на рубеж Гневице, Заборув, Гоцин, Пшибышев планировалось на третий день операции ввести в прорыв 2-ю гвардейскую танковую армию. Она должна была, развивая удар в общем направлении на Мщонув, Сохачев, Гомбин в тыл варшавской группировки противника, отрезать ей пути отхода на юго-запад и запад из района Варшавы и на пятый день операции выйти в район Гуры (5 км юго-западнее Плоцка), Гостынин, Стшельце (10 км севернее Кутно), Санники. В дальнейшем армии предстояло наступать на Коваль, Бжесьць-Куявски, Радзеюв, Иновроцлав. С вводом ее в прорыв намечалось переподчинить командарму 6-й штурмовой и 6-й истребительный авиационные корпуса.

Оперативное построение 2-й гвардейской танковой армии было в два эшелона: в первом – два корпуса, во втором – один корпус. Для захвата подготовленных в глубине обороны противника рубежей от каждого корпуса первого эшелона были выделены передовые отряды.

При подготовке к операции с целью достижения четкого взаимодействия танковых армий с общевойсковыми соединениями и авиацией командующий войсками фронта маршал Г.К. Жуков провел занятия с командующими армиями, а начальник штаба фронта генерал-полковник М.С. Малинин – с

начальниками штабов, оперативных отделов и начальниками родов войск армий. В последующем такие занятия состоялись в армиях, корпусах и бригадах, а в заключение – командно-штабные учения на местности со средствами связи и войсковые учения с боевой стрельбой.

В целях дезинформации противника был проведен «план обмана». На левом крыле 1-го Белорусского фронта имитировалась подготовка прорыва. Для этого были выставлены макеты сотен танков, орудий и автомашин, сооружены ложные аэродромы, создавалась видимость усиленного железнодорожного движения. В результате противник был введен в заблуждение и перебросил сюда из-под Варшавы и Радомы танковую и моторизованную дивизии, ослабив свою группировку на главном направлении.

В семь тридцать утра 14 января 1945 г. началась артиллерийская подготовка, а через двадцать пять минут войска 1-го Белорусского фронта перешли в наступление. Соединения 61-й, 5-й ударной и 8-й гвардейской армий, наступавшие с магнушевского плацдарма, прорвали оборону противника и углубились на 8—12 км. 15 января в полосе 8-й гвардейской армии на глубине 12-15 км в сражение была введена 1-я гвардейская танковая армия. Она в ходе трехдневных боев разгромила резервные части противника, успешно преодолела вражеские позиции на реках Пилица и Равка и, продвинувшись на 100-120 км главными силами и на 140-160 км передовыми отрядами, создала условия для стремительного преследования остатков вражеских войск на познаньском направлении.

Войска 69-й и 33-й армий, наступавшие с пулавского плацдарма, прорвали не только главную, но на некоторых участках и вторую оборонительную полосу. Части 11-го танкового корпуса генерала И.И. Ющука совместно с пехотой 69-й армии овладели г. Зволень.

Утром 16 января он во взаимодействии с 9-м танковым корпусом генерала И.Ф. Кириченко занял Радом. Одновременно в полосе 5-й ударной армии в сражение была введена 2-я гвардейская танковая армия. Ее передовые отряды к этому времени проникли в тыл противника на 30-40 км. Так, 47-я гвардейская танковая бригада полковника Н.В. Копылова – передовой отряд 9-го гвардейского танкового корпуса – к утру 16 января овладела городом Мщонув, а затем, стремительно продвигаясь, преодолела с боями более 50 км. Внезапным ночным ударом передовой отряд захватил г. Груец (Груец) и в полночь 16 января завязал бой за Сохачев, перерезав пути отхода противника из Варшавы на запад. Действуя преимущественно ночью, бригада прошла за сутки с боями до 90 км. 49-я гвардейская танковая бригада полковника Т.П. Абрамова – передовой отряд 12-го гвардейского танкового корпуса – к исходу 16 января вышла к р. Бзура южнее Сохачева и захватила небольшой плацдарм на ее левом берегу. Главные силы 2-й гвардейской танковой армии, преодолевая сопротивление отдельных групп противника, к исходу дня также достигли Сохачева, вышли в тыл варшавской группировки врага и отрезали ей пути отхода на запад.

Стремительный маневр 2-й гвардейской танковой армии с целью обхода варшавской группировки с запада и глубокий прорыв 1-й гвардейской танковой армии в тыл врага способствовали освобождению 17 января войсками 1-й армии Войска Польского, 61-й и 47-й армий столицы Польши – Варшавы. В боях при разгроме варшавской группировки противника отличились 48-я и 49-я гвардейские танковые бригады, 6-й гвардейский тяжелый танковый и 341-й гвардейский тяжелый самоходный артиллерийский полки 2-й гвардейской танковой армии.

Немецкое командование было вынуждено в спешном порядке перебросить на восток пять пехотных дивизий, в том числе две – из числа действовавших против англо-американских войск.

И.В. Сталин, получив от маршала Г.К. Жукова донесение о взятии Варшавы, в 23 часа 17 января приказал 1-му Белорусскому фронту «продолжать наступление в общем направлении на Познань и не позднее 2-4 февраля овладеть рубежом Быдгощ (Бромберг), Познань»^[449]. Войскам 1-го Украинского фронта предписывалось главными силами выйти на Одер и захватить плацдармы на его западном берегу, а левым крылом – овладеть Краковом и также продвинуться к Одру в обход Домбровского угольного бассейна.

19 января соединения 8-й гвардейской, 33-й, 69-й и 1-й гвардейской танковой армий 1-го Белорусского фронта заняли Лодзь. Войска 2-й гвардейской танковой армии, сломив сопротивление противника на рубеже Бзуры, в течение двух суток совершили стокилометровый бросок и подошли к вартовскому оборонительному рубежу. С целью достижения непрерывности преследования противника, командиры корпусов периодически меняли части, действовавшие в передовых отрядах. Например, в 1-м механизированном корпусе с 18 по 30 января передовые отряды менялись шесть раз через 1-4 суток.

В результате успешного развития Варшавско-Познаньской операции, как уже отмечалось, становится досягаемым Берлин. В этой связи маршал Жуков потребовал от командующих 1-й и 2-й гвардейскими танковыми армиями любой ценой опередить противника и не дать ему закрепиться на мощных оборонительных рубежах – железобетонных сооружениях, возведенных вдоль границы Германии по

северному берегу р. Нейсе и западному берегу Одера. Однако 22 января из-за отсутствия горючего основные силы 2-й гвардейской танковой армии остановились в районе Шубина. Одновременно в районе Познани также из-за отсутствия горючего встали соединения 1-й гвардейской танковой армии. Южнее Познани находились 9-й и 11-й отдельные танковые корпуса.

Противник любой ценой стремился остановить наступление советских войск на берлинском направлении. С 23 января войска 2-й и 1-й гвардейских танковых армий несколько дней вели напряженные бои по прорыву познаньского оборонительного рубежа, Померанского вала и Мезеритцкого укрепленного района. В ходе этих боев на 12-й гвардейский танковый корпус генерала Н.М. Телякова была возложена задача по нанесению удара на Шнайдемюль (Пила) и обеспечению открытого фланга 1-го Белорусского фронта до подхода общевойсковых армий. Поэтому 2-я гвардейская танковая армия вела наступление к Одера двумя корпусами.

26 января, как говорилось в предыдущей главе, маршал Жуков представил Сталину доклад плана развития наступления и форсирования Одера. В соответствии с планом войска 2-й гвардейской танковой армии должны были нанести удар с рубежа Берлинхен, Ландсберг в общем направлении Нойдами, Ортвиг, Хекельберг, Визенталь и к 30 января овладеть районом Берлинхен, Ландсберг, Фридеберг. Соединениям 1-й гвардейской танковой армии предстояло занять район Мезеритц, Швибус, Тирштигель. С утра 1-2 февраля намечалось продолжать наступление с ближайшей задачей с ходу форсировать Одер. В дальнейшем предусматривалось развивать стремительный удар на Берлин, направляя главные усилия в обход города с северо-востока, с севера и северо-запада ^[450].

Сталин 27 января, как мы знаем, утвердил решение Жукова, потребовав для надежного обеспечения правого крыла фронта от возможных ударов противника с севера или северо-востока иметь в резерве одну армию, усиленную не менее чем одним танковым корпусом. К тому времени немецкое командование создало в Померании группу армий «Висла» во главе с рейхсфюрером СС Г. Гиммлером. В ее состав вошли соединения, прибывшие из центральных районов Германии, резерва группы армий «Юг» и остатков войск, разгромленных под Варшавой. Основные силы группы армий «Висла» были сосредоточены как раз против войск правого крыла 1-го Белорусского фронта для нанесения контрудара.

Войска 1-го Белорусского фронта продолжили успешное наступление. 28 января соединения 2-й гвардейской танковой армии с ходу преодолели укрепления Померанского вала. Утром 31 января передовой отряд 1-го механизированного корпуса – 219-я танковая бригада полковника Е.Г. Вайнруба – вышел к Одру севернее Кюстрина, в районе Кинитца. Мотострелковый батальон майора Н.И. Ильина форсировал реку и захватил небольшой плацдарм. В середине дня сюда подошел передовой отряд 5-й ударной армии и оказал содействие мотострелковым подразделениям в расширении плацдарма. Главные силы армии, вышедшие к Одру на фронте около 40 км, очистили правый берег от противника, при этом было захвачено еще два небольших плацдарма на левом берегу. Войска 1-й гвардейской танковой армии после тяжелых боев 29 января преодолели р. Обра, вступив на территорию Германии. Передовой отряд 11-го гвардейского танкового корпуса – 44-я гвардейская танковая бригада, вышел к Одру и захватил плацдарм на его левом берегу в районе Геритца. С подходом к реке общевойсковых армий 1-я и 2-я гвардейские

танковые армии были выведены из сражения и перегруппированы на правое крыло фронта, где приняли участие в разгроме померанской группировки противника.

В ходе Варшавско-Познаньской операции было нанесено крупное поражение немецкой 9-й армии, освобождена Варшава и значительная часть территории Польши. Войска 1-го Белорусского фронта вышли на территорию Германии, захватили на левом берегу Одера плацдармы, создав благоприятные условия для последующего наступления на берлинском направлении.

Восточно-Померанская стратегическая наступательная операция (10 февраля - 4 апреля 1945 г.)

Снова возвращаем читателя к предыдущей главе, где изложены все вопросы, связанные с обстановкой к началу Восточно-Померанской операции, целью операции и задачами войск. Наступление войск 2-го Белорусского фронта, начавшееся 10 февраля 1945 г., развивалось медленно, так как им приходилось преодолевать сильно укрепленную оборону. Поэтому Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин решил для разгрома восточно-померанской группировки противника подключить правое крыло 1-го Белорусского фронта (2-й гвардейский кавалерийский корпус, 1-я армия Войска Польского, 3-я ударная, 61-я, 47-я армии, 1-я и 2-я гвардейские танковые и 16-я воздушная армии; всего 770 тыс. человек, 16,8 тыс. орудий и минометов, 2050 танков и САУ, 965 самолетов). Противник в составе 2-й, 11-й армий (с 25 февраля – 3-я танковая армия) и части сил 6-го воздушного флота имел 605 тыс. человек, 6,5 тыс. орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий, 850 самолетов [\[451\]](#).

Замысел Ставки ВГК состоял в том, чтобы ударами 2-го Белорусского фронта на Кезлин (Кошалин) и войсками правого крыла 1-го Белорусского фронта на Кольберг (Колобжег) расчленив группу армий «Висла», отсечь ее главные силы от остальных войск и уничтожить во взаимодействии с Балтийским флотом. В последующем войскам 2-го Белорусского фронта предстояло наступать на Данциг и Гдыню, очистить от противника восточную часть Померании и овладеть побережьем Балтийского моря.

Командующий войсками 1-го Белорусского фронта маршал Г.К. Жуков, исходя из замысла Ставки ВГК, планировал нанести удар по противнику, отбросить его на север, выйти правым флангом на рубеж Лубов, Темпельбург, Фалькенбург, Драмбург, Вангерин, Массов, Голлнов, Штеттин, перерезать пути отхода померанской группы войск противника на запад и помочь левому флангу 2-го Белорусского фронта быстрее выйти в район Штеттина^[452]. Главный удар наносили 61-я армия, 2-я гвардейская танковая армия, 7-й гвардейский кавалерийский и 9-й танковый корпуса при поддержке двух артиллерийских дивизий, а вспомогательный удар – 1-я армия Войска Польского и два стрелковых корпуса 3-й ударной армии. Начало наступления – утром 19 февраля.

Решение маршала Жукова было утверждено 17 февраля Ставкой ВГК, которая требовала иметь 47-ю и 1-ю гвардейскую танковую армии в резерве ближе к правому крылу 1-го Белорусского фронта с тем, чтобы при необходимости использовать их на стыке со 2-м Белорусским фронтом^[453]. Войска 2-й гвардейской танковой армии (300 танков и САУ) должны были наступать в северо-западном направлении и захватить Каммин (Камень-Поморски) и Голлнов (Голенюв).

К началу операции 2-я гвардейская танковая армия включала два танковых и один механизированный корпуса, отдельные танковый, мотоциклетный, два гвардейских минометных и моторизованный понтонно-мостовой полки, мотоциклетный батальон, моторизованный батальон ОСНАЗ, зенитную артиллерийскую дивизию, легкую артиллерийскую и моторизованную инженерную бригады.

Наступление войск 2-го Белорусского фронта началось утром 24 февраля. Оно развивалось успешно. 28 февраля части 3-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала Н.С. Осликовского заняли Нойштеттин (Щецинек), западнее которого разведка корпуса встретила разведывательный отряд 2-го гвардейского кавалерийского корпуса 1-го Белорусского фронта. 4 марта соединения 3-го гвардейского танкового корпуса совместно с 310-й стрелковой дивизией 134-го стрелкового корпуса заняли Кезлин (Кошалин). В результате 10-й корпус СС и корпусная группа «Теттау» были окружены западнее Нойштеттина.

1 марта в наступление перешли войска правого крыла 1-го Белорусского фронта. Оно также развивалось успешно. 4 марта 11-й гвардейский танковый корпус 1-й гвардейской танковой армии прорвался к Балтийскому морю и завязал бои за Кольберг (Колобжег), овладев Трептовом (Тшебятув). На следующий день передовые бригады 8-го гвардейского механизированного корпуса заняли Бельгард (Бялоград) и Кеслин.

Войска 2-й гвардейской танковой армии, стремясь развить успех в направлении Голлнов, Каммин, встретили упорное сопротивление противника на участке Фрайенвальде, Мариенфлисс. В этой связи командующий армией генерал С.И. Богданов решил использовать успех 3-й ударной и 1-й гвардейской танковой армий. Для этого, оставив часть сил на

прежнем участке, армия главными силами (9-й гвардейский танковый корпус без двух бригад и 12-й гвардейский танковый корпус) в течение 2 и 3 марта совершила обходный маневр в полосе 3-й ударной армии в направлении Неренберг, Вангерин (Венгожево), Наугард (Новогард).

В ходе маневра отличились 50-я гвардейская танковая бригада 9-го гвардейского танкового корпуса и 16-й гвардейский отдельный мотоциклетный батальон, которые 3 марта совершили смелый и быстрый бросок на фланг армии. Они проникли на значительную глубину обороны противника, вышли на его тылы в районе Вангерин, Дабер, Наугард и обеспечили общий успех армии. В то же время 49-я гвардейская танковая бригада 12-го гвардейского танкового корпуса, продвигаясь в колонне без разведки, восточнее Клавитца наткнулась на засаду противника и потеряла четыре танка.

В результате успешного маневра 2-я гвардейская танковая армия к 5 марта совершенно неожиданно для врага овладела городом Наугард и вышла на подступы к Каммину и Голлнову, в тыл группировке противника, оказывавшей сопротивление войскам 61-й армии 1-го Белорусского фронта. Противник вынужден был спешно снимать свои части, действовавшие против соединений 61-й армии из района Штаргард (Штаргард-Щецинский), и перегруппировывать их навстречу 2-й гвардейской танковой армии. Воспользовавшись этим, войска 61-й армии ударом с фронта в сочетании с обходным маневром с востока и при содействии 2-й гвардейской танковой армии, нанесшей удар по противнику с тыла, сломали сопротивление врага и 5 марта овладели г. Штаргард. В тот же день 9-й гвардейский танковый корпус генерала Н.Д. Веденеева вышел на побережье Балтийского моря и овладел Каммином и Тессинном.

Войска 2-го Белорусского фронта, возобновив наступление с утра 6 марта, освободили город Прейсиш-Старгард (Старогард-Гданьски) и вышли на побережье Балтийского моря на участке Рюгенвальде, Гроссмелен, (иск.) Кольберг.

Таким образом, войска 2-го и 1-го Белорусских фронтов добились крупных успехов – вышли на побережье Балтийского моря, рассекли восточно-померанскую группировку на две части и окружили несколько дивизий. Войска обоих фронтов начали подготовку с целью ликвидации 2-й и 3-й танковой армий противника. Соединения 1-й гвардейской танковой армии получили задачу совместно с 1-й армией Войска Польского и частью сил 19-й и 3-й ударной армий уничтожить вражеские войска, окруженные западнее Нойштеттина, а 2-я гвардейская танковая армия должна была совместно с 61-й и 47-й армиями разгромить альтдаммскую группировку.

7 марта 10-й корпус СС и корпусная группа «Теттау» были ликвидированы, и 1-я гвардейская танковая армия сосредоточилась в районе Бельгарда. 2-я гвардейская танковая армия ударом 9-го и 12-го гвардейских танковых корпусов овладела Голлновом и обрушилась на Альтдамм (Домбе) с севера. Однако противник, опиравшийся на укрепленные рубежи, сдерживал наступление подвижных соединений. В связи с этим 2-я гвардейская танковая армия была перегруппирована на юг, а 15 марта совместно с войсками 61-й и 47-й армий перешла в наступление на новом направлении. В ожесточенных боях сопротивление врага было сломлено, и войска 61-й армии 20 марта овладели Альтдаммом.

С разгромом альтдаммской группировки боевые действия правого крыла 1-го Белорусского фронта в Восточной Померании закончились. Началась подготовка к Берлинской наступательной операции.

Заслуги 2-й гвардейской танковой армии и ее командующего получили высокую оценку. 8 марта 1945 г. командующий бронетанковыми и механизированными войсками 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенант танковых войск Г.Н. Орел подписал наградной лист следующего содержания:

«...Войска 2-й гв. танковой армии, руководимые гв. генерал-полковником танковых войск тов. БОГДАНОВЫМ, в наступательных операциях войск 1-го Белорусского фронта в 1945 году показали образцы смелых, дерзких и стремительных ударов по противнику.

2-я гвардейская танковая армия, будучи введенной в прорыв с Варкинского плацдарма, 16.1.1945 года стремительным ударом разгромила подходившие из района г. Варшава резервы противника, вышла двумя танковыми корпусами в район г. Сохачев и завершила оперативное окружение Варшавской группировки противника. Преследуя разгромленные войска противника, части 2-й гв. танковой армии первыми вышли к границам Померании, успешно форсировали р. Нетце и вторглись в пределы Германии. За этот период боевых действий войска 2-й гв. танковой армии освободили города: Груец, Жерад, Сохачев, Кутно, Иновроцлав, Бромберг, Вонгровец, Кольмар и тысячи др. населенных пунктов.

Ведя бои в Померании, армия тов. БОГДАНОВА первой вышла к реке Одер и обеспечила захват чрезвычайно важных для последующих операций плацдармов на западном берегу реки Одер.

В феврале месяце 1945 года войска гв. армии провели успешные бои юго-восточнее города Штеттин, измотав и уничтожив отборные части противника, пытавшиеся вести наступление из района юго-восточнее Штеттин.

1.3.1945 года 2-я гв. танковая армия, войдя в прорыв в р-не Арнсвальда, успешно выполнила свою задачу – вышла к побережью Балтийского моря в р-не г. Каммин.

В Ы В О Д: За умелое и искусное руководство войсками армии, в результате чего противник был разгромлен и лишен возможности произвести какого-либо рода перегруппировку сил, генерал-полковник т/в тов. БОГДАНОВ достоин награждения орденом СУВОРОВА I степени...»[\[454\]](#).

Однако командование 1-го Белорусского фронта приняло иное решение: «Достоин присвоения звания дважды Героя Советского Союза». 6 апреля 1945 г. Президиум Верховного Совета СССР «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками, дающее право на получение звания Героя Советского Союза», наградил генерала С.И. Богданова второй медалью «Золотая Звезда».

Берлинская стратегическая наступательная операция (16 апреля - 8 мая 1945 г.)

Как уже отмечалось, замысел Берлинской стратегической наступательной операции состоял в том, чтобы мощными ударами войск 1-го и 2-го Белорусских, 1-го Украинского фронтов прорвать вражескую оборону по Одере и Нейсе и, развивая наступление в глубину, окружить основную группировку противника, расчленить ее и уничтожить по частям, а в дальнейшем выйти на Эльбу. В соответствии с этим замыслом войска 1-го Белорусского фронта должны были овладеть Берлином и не позднее чем через 12-15 суток выйти на Эльбу[\[455\]](#). Главный удар наносился с кюстринского плацдарма силами пяти общевойсковых (47-я, 3-я ударная, 5-я ударная, 8-я

гвардейская, 3-я) и двух танковых (1-я и 2-я гвардейские) армий. В первый день операции предусматривалось прорвать первую и вторую полосы обороны и обеспечить ввод в сражение 1-й гвардейской танковой армии (с 11-м танковым корпусом) и 2-й гвардейской танковой армии (после того как общевойсковые армии захватят опорные пункты на Зееловских высотах). На шестой день операции основные силы фронта должны были овладеть Берлином, после чего 3-й ударной армии с 9-м танковым корпусом предстояло на восьмые сутки выйти в район западнее Берлина, а 47-й армии на одиннадцатые сутки – на рубеж Эльбы. Вспомогательные удары севернее Кюстрина наносили 61-я армия и 1-я армия Войска Польского, южнее – 69-я, 33-я армии и 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Атаку пехоты и танков намечалось начать за 1,5–2 часа до рассвета после 30-минутной артиллерийской подготовки. Для освещения местности и ослепления противника во время атаки было подготовлено 143 прожектора. Днепровская военная флотилия, оперативно подчиненная командующему 1-м Белорусским фронтом, должна была оказать содействие его войскам в прорыве обороны, обеспечить переправы и противоминную оборону по Одеру.

В полосе наступления 2-й гвардейской танковой армии на участке Карлсбизе, Франкфурт (ширина 50 км) оборонялись 309, 303, 169, 712-я пехотные дивизии, 9-я авиационная дивизия, моторизованная дивизия «Мюнхеберг», 20-я и 25-я моторизованные дивизии, усиленные 5-м и 408-м артиллерийскими корпусами РК, дивизионом 411-й бригады РК, 292-м противотанковым дивизионом, батальоном 26-го танкового полка «Бранденбург». Всего противник имел до 1500 орудий минометов (с учетом противотанковых орудий) и 245 танков и самоходных орудий, что составляло 23–25

стволов и 4–5 танков и самоходных установок на 1 км фронта.

На плацдарме западнее Кюстрина на участке Карлсбизе, Рейтвен была оборудована главная полоса обороны с тремя позициями глубиной до 13 км. Второй оборонительный рубеж проходил по линии Врицен, далее по высотам южнее Врицен, Мюнхеберг, Фюрстенвальде. Вся оборона противника строилась главным образом по принципу опорных пунктов и узлов сопротивления. Все узлы дорог и населенные пункты были превращены в противотанковые районы, а каменные дома использовались как ДОТы и ДЗОТы. На подступах к Берлину и в самом городе, главным образом на улицах и перекрестках дорог, были возведены баррикады и в некоторых местах противотанковые рвы, шлагбаумы и другие препятствия. Для обороны использовались крупные каменные (особенно угловые) строения.

К началу операции в боевом составе 2-й гвардейской танковой армии произошли некоторые изменения. В армии не стало зенитной артиллерийской дивизии, одного гвардейского минометного полка, моторизованного понтонно-мостового полка, отдельного моторизованного батальона ОСНАЗ. Армия насчитывала 513 танков и 154 САУ, что составляло 82,4 % укомплектованности от штатных норм [\[456\]](#).

При подготовке к наступлению особое внимание уделялось совершенствованию навыков форсирования водных преград, ведения боевых действий ночью и в крупном городе, организации взаимодействия с другими родами войск и авиации. Командующий армией 5–6 апреля принимал участие в военной игре, проведенной в штабе 1-го Белорусского фронта под руководством маршала Г.К. Жукова.

12 апреля 1945 г. в штаб 2-й гвардейской танковой армии поступила директива № 00539/оп командующего 1-м Белорусским фронтом о переходе в наступление^[457]. Армии с 24-й зенитной артиллерийской дивизией ставилась задача с выходом пехоты 5-й ударной армии на рубеж Лечин, Гузов войти в прорыв на участке Лечин, (иск.) Гузов и, развивая удар в общем направлении Ной-Харденберг, Илов, Претцель, Бернау, на второй день ввода в прорыв выйти в район Биркенвердер, Хейлигензе, Розенталь, Шенвальде. В дальнейшем – одним корпусом захватить переправы через Гогенцоллерн-канал на участке Ораниенбург, Геннигсдорф и овладеть плацдармом на его западном берегу. Главными силами армии ударом на юг, во взаимодействии с 1-й гвардейской танковой армией, овладеть северо-западной частью г. Берлина до линии железной дороги Бернау, Панков, Шарлоттенбург, станция 1 км восточнее Ваннзее. Артиллерийское и инженерное обеспечение ввода армии в прорыв возлагалось на командующего 5-й ударной армией, а авиационное обеспечение – на командующего 16-й воздушной армией. С момента ввода в прорыв командующему 2-й гвардейской танковой армией подчинялся 6-й штурмовой авиационный корпус с прикрывающими его истребителями.

Главные силы 2-й гвардейской танковой армии должны были накануне наступления занять исходные районы на правом берегу р. Одер в непосредственной близости от переправ. Переправу передовых отрядов было намечено провести во время артиллерийской подготовки, а главных сил – после вклинения общевойсковых армий в оборону противника на 2–3 км. Значительная часть артиллерии танковой армии выделялась для проведения артиллерийской

подготовки по плану командующего 5-й ударной армией.

Командующий 2-й гвардейской танковой армией генерал-полковник танковых войск С.И. Богданов решил ввести армию в сражение в двухэшелонном построении по четырем маршрутам. В первый эшелон были выделены 9-й и 12-й гвардейские танковые корпуса, во второй эшелон – 1-й механизированный корпус. В резерве находились 198-я отдельная легкая артиллерийская бригада, 86-й и 94-й гвардейские минометные, 6-й гвардейский тяжелый танковый полк и 6-й гвардейский отдельный мотоциклетный батальон.

Главный удар наносился на правом фланге армии силами 9-го гвардейского танкового корпуса. Он получил на усиление зенитный, минометный, два истребительно-противотанковых артиллерийских полка, два инженерных батальона и роту переправочно-десантных средств. 12-й гвардейский танковый корпус, действовавший на левом фланге армии, был усилен одним зенитным и одним истребительно-противотанковым артиллерийскими полками^[458].

Прорыв второй полосы обороны противника планировалось осуществить с ходу во взаимодействии с 5-й ударной армией. Дальнейшее стремительное продвижение предусматривалось обеспечить действиями передовых отрядов корпусов, наступающих в первом эшелоне армии. К исходу второго дня операции они во взаимодействии со стрелковыми соединениями должны были форсировать р. Шпрее, овладеть плацдармом и создать выгодные условия для ввода главных сил армии в прорыв. После их выхода в район Биркенвердера намечалось силами двух танковых корпусов нанести удар в южном направлении с целью во взаимодействии с 1-й гвардейской танковой армией овладеть северо-западной частью Берлина. 1-й

механизированный корпус должен был захватить переправы через Гогенцоллерн-канал и плацдарм на рубеже Ораниенбург, Геннигсдорф. В ходе наступления 1-й механизированный корпус предполагалось использовать для отражения возможных контрударов противника и для развития наступления из-за правого фланга 9-го гвардейского танкового корпуса.

При подготовке к операции было заранее расписано, по каким улицам Берлина пойдут части 2-й гвардейской танковой армии, сформированы штурмовые отряды, на большом плане и на ящике с песком несколько раз отработаны действия войск. Большое внимание уделялось организации взаимодействия с 5-й ударной армией. С этой целью командующий и начальник штаба 2-й гвардейской танковой армии встречались с руководящим составом 5-й ударной армии: генералами Н.Э. Берзариным, А.М. Куцевым, Ф.Е. Боковым. Наиболее детально вопросы взаимодействия рассматривались в планах операций обеих армий на первые два дня наступления. При организации взаимодействия с артиллерией были установлены рубежи последовательного сосредоточения огня, порядок обеспечения флангов, вызова и прекращения огня. После преодоления третьей полосы обороны противника вопросы взаимодействия определялись в общих чертах и уточнялись в ходе операции.

Наступление войск 1-го Белорусского фронта началось в 5 часов 25 минут 16 апреля после мощной артиллерийской подготовки. При подходе к Зееловским высотам они встретили все усиливавшееся сопротивление противника. Поэтому командующий фронтом маршал Жуков решил ввести в сражение 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии.

2-й гвардейской танковой армии вместо «чистого» ввода в прорыв пришлось допрорывать глубоко эшелонированную оборону противника. Передовые

отряды танковых корпусов (усиленные танковые бригады) следовали в боевых порядках стрелковых соединений и совместно с ними взламывали вражескую оборону. Местность, на которой развернулись боевые действия, была крайне неблагоприятна для действий подвижных соединений. Система стариц, мелких озер, речек, ручьев и бесчисленных каналов делал маневр танков затруднительным. Они были вынуждены часто совершать обходные маневры в поисках возможных мест переправы через водные преграды, что в значительной степени замедляло темп продвижения. Это позволяло противнику принимать меры для организации обороны. Он, используя водные преграды, взорвал мосты и, сосредоточив все огневые и особенно противотанковые средства в местах возможных переправ и дефиле, оказывал упорное сопротивление.

Части 47-й гвардейской танковой бригады 9-го гвардейского танкового корпуса, выйдя на р. Фридляндерин (юго-восточнее Блисдорфа), из-за невозможности переправы в этом районе совершили обходной маневр на юг через Ной Треббин и Ной Фридланд, где снова были остановлены взорванной переправой. Построив мост в районе Бушхофа, бригада, а затем и главные силы 9-го гвардейского танкового корпуса смогли продолжить движение в направлении Готтесгабе, Шульцендорф. Части 12-го гвардейского танкового корпуса, наступавшие на Кваппендорфер, достигнув канала, также были вынуждены совершить обходной маневр на юг в район Платкова, где к этому времени части 1-го механизированного корпуса произвели переправу через Альт Одер. 12-й гвардейский танковый корпус, переправившись через Альт Одер, вышел к населенному пункту Кермерсдорф, где снова был повернут на север для переправы в районе Карлсдорфа.

Ввод танковых армий позволил значительно нарастить силу удара, и стрелковые соединения к исходу 16 апреля завершили прорыв главной полосы вражеской обороны и подошли к переднему краю второй оборонительной полосы. Однако прорвать оборону на Зееловских высотах не удалось. Маршал Жуков приказал армиям продолжать наступление ночью и к утру 17 апреля прорвать вторую полосу обороны, для чего сосредоточить на участках прорыва 250–270 орудий и минометов на 1 км фронта и провести 30—40-минутную артиллерийскую подготовку. Военный совет 1-го Белорусского фронта дал указание военным советам 5-й ударной, 8-й гвардейской, 69-й, 1-й и 2-й гвардейских танковых армий об изготовлении красных боевых стягов для водружения над правительственными зданиями в Берлине [\[459\]](#).

Войска 1-го Украинского фронта действовали более успешно, чем армии 1-го Белорусского фронта, завершив к исходу дня 16 апреля прорыв второй полосы обороны. В этой связи Сталин приказал командующему 1-м Украинским фронтом маршалу Коневу ускорить форсирование Шпрее и обеими танковыми армиями наступать на Берлин с юга. 18 апреля 3-я и 4-я гвардейские танковые армии форсировали Шпрее и прорвали третью оборонительную полосу противника. Сосредоточившись на плацдармах к утру 19 апреля, они заняли выгодное положение для наступления на Берлин с юга. Маршал Конев с разрешения Сталина повернул обе танковые армии на германскую столицу, требуя, чтобы они первыми были в Берлине.

Командующий 1-м Белорусским фронтом, как уже говорилось, был недоволен действиями 69-й армии, 1-й и 2-й гвардейских танковых армий. 17 апреля он потребовал от обеих танковых армий и 9-го танкового корпуса при поддержке 3-й, 5-й и 8-й гвардейской

армий прорваться в тыл обороны противника и стремительно продвинуться в район Берлина^[460]. При этом 2-я гвардейская танковая армия в течение ночи должна была выйти в район Илов, Предиков, Грунов и с утра 18 апреля продолжать выполнение ранее поставленной задачи^[461].

Однако войска 1-го Белорусского фронта по-прежнему медленно продвигались вперед. Только к исходу дня 18 апреля части 2-й гвардейской танковой армии, преодолев с боями систему озер и каналов, вышли на более благоприятную для маневра местность, достигнув рубежа Шульцендорф, Бацлов, Райхенберг. Поэтому маршал Жуков приказал до 12 часов 19 апреля привести части в порядок, уточнить задачи, организовать взаимодействие и пополнить боеприпасы. После этого предписывалось начать артиллерийскую и авиационную подготовку и, в зависимости от ее результатов, атаковать противника и стремительно развить наступление согласно плану. Для поддержания взаимодействия между стрелковыми дивизиями и танковыми бригадами Военному совету 5-й ударной армии приказывалось иметь при этих бригадах своих ответственных командиров со средствами связи^[462]. Координация действий на участке 5-й ударной и 2-й гвардейской танковой армий возлагалась на командарма 5-й ударной. Немного позднее Г.К. Жуков объявил выговор командиру 9-го гвардейского танкового корпуса генералу Н.Д. Веденееву «за плохие действия» и к исходу дня 19 апреля приказал любой ценой выйти в район Фройденберга.

Развивая наступление и ведя упорные бои с противником, стремившимся не допустить выхода танков за лесной массив севернее Штраусберга, передовые отряды 9-го гвардейского танкового корпуса в 9 часов 19 апреля прорвали вражескую оборону и

развернули наступление на Штернебек. Части 47-й гвардейской танковой бригады, пройдя 24 км, к 2 часам ночи 20 апреля вышли в район севернее Байерсдорфа. Это коренным образом улучшило положение 2-й гвардейской танковой армии. Генерал Богданов немедленно доложил об этом маршалу Жукову, который потребовал от него возможно быстрее выйти на подступы к Берлину.

Части 1-го механизированного корпуса, ведя тяжелые бои за Претцель, также прорвались в лес и к 4 часам 20 апреля вышли в район Латбуша. В это время 12-й гвардейский танковый корпус совместно с 26-м стрелковым корпусом вел тяжелые бои на рубеже Клостердорф, Грунов. Генерал Богданов приказал 12-му гвардейскому танковому корпусу к 9 часам 20 апреля сосредоточиться в лесу юго-западнее Тифензее. Из этого района он должен был нанести удар по противнику, выйти в район Вернойхез, Вегендорф, Хиршфельде и оказать помощь 5-й ударной армии в выходе в район западнее Штраусберга.

Выполняя поставленные задачи, войска 2-й гвардейской танковой армии к исходу дня 20 апреля овладели Бернау, Альт Ландсбергом и вышли в пригородные районы Берлина. Маршал Жуков тут же направил генералу Богданову приказ следующего содержания:

«2-й гвардейской танковой армии поручается историческая задача: первой ворваться в Берлин и водрузить знамя Победы. Мною Вам поручено организовать исполнение. Пошлите от каждого корпуса по одной лучшей бригаде в Берлин и поставьте им задачу: не позднее 4 часов утра 21 апреля любой ценой прорваться на окраину Берлина и не медля донести для доклада т. Сталину и объявление в прессе»⁴⁶⁵.

Аналогичный приказ был отдан командующему 1-й танковой армией.

Преодоление 2-й гвардейской танковой армией лесного массива позволило увеличить темпы наступления. 22 апреля соединения 3-й ударной, 2-й гвардейской танковой и 47-й армий, преодолевая ожесточенное сопротивление противника, прорвались на окраины Берлина и завязали сражение в городе. К этому времени в городской оборонительный обвод вклинились войска 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армий. Маршал Жуков потребовал от командующих 47-й и 2-й гвардейской танковой армиями выделить силы и средства для наступления на Потсдам. В распоряжение командующего 47-й армией была направлена одна танковая бригада 9-го гвардейского танкового корпуса^[463]. Остальным силам 2-й гвардейской танковой армии было приказано нанести удар из района Витенау, Рейникендорф и 24 апреля выйти в район Шарлоттенбург, Дален, (иск.) Вильгельмштадт^[464].

23 апреля в Берлин прорвались соединения 3-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта. Юго-восточнее Берлина в районе Бонсдорфа 9-й механизированный корпус этой армии вошел в соприкосновение с войсками 8-й и 1-й гвардейской танковой армий 1-го Белорусского фронта. В результате было завершено окружение франкфуртско-губенской группировки противника.

Вечером 24 апреля к Бранденбургу вышла 4-я гвардейская танковая армия 1-го Украинского фронта. Маршал Жуков, стремясь первым овладеть Бранденбургом, потребовал 25 апреля в 1 час ночи от командира 7-го гвардейского кавалерийского корпуса немедленно повернуть одну кавалерийскую дивизию и одну танковую бригаду для стремительного удара на юг

с задачей занять к утру Бранденбург до подхода 6-го гвардейского механизированного корпуса 4-й гвардейской танковой армии. Командующему 2-й гвардейской танковой армией было приказано немедленно выдвинуть одну танковую бригаду 9-го гвардейского танкового корпуса из района Науена в Швенебек (7 км юго-западнее Науена) и передать ее во временное подчинение командира 7-го гвардейского кавалерийского корпуса для удара на Бранденбург. Одновременно оставалось в силе ранее отданное распоряжение о передаче одной танковой бригады 9-го гвардейского танкового корпуса во временное подчинение командующего 47-й армией для наступления на Потсдам. Остальным силам этого корпуса предписывалось нанести удар из района Науена на Потсдам и к утру 25 апреля занять Потсдам^[465].

25 апреля передовые части 4-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта соединились в районе Кетцина, северо-восточнее Бранденбурга, с передовыми частями 47-й армии 1-го Белорусского фронта и замкнули кольцо окружения вокруг Берлина. В самом городе возникла неразбериха из-за того, что 3-я гвардейская танковая армия вышла в тылы боевых порядков 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армий 1-го Белорусского фронта. Маршал Конев около девяти часов вечера 28 апреля обратился к маршалу Жукову с просьбой изменить направление наступления 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армий. Однако командующий 1-м Белорусским фронтом, как уже говорилось, добился у Сталина решения об установлении с 24 часов 28 апреля новой разграничительной линии в Берлине между двумя фронтами: до Мариендорфа прежняя, затем станция Темпельхоф, Виктор-Луизе плац, станция Савиньи,

далее по железной дороге на станции Шарлоттенбург, Весткройц, Рулебен (все пункты для 1-го Украинского фронта включительно)^[466].

Тем временем боевые действия в Берлине не прекращались ни днем ни ночью. Противник, стремясь остановить 2-ю гвардейскую танковую армию, ввел в действие спецчасти 9-й армии, наспех сформированные батальоны фольксштурма, полицейские отряды, батальоны летного состава и прочие формирования из различных родов войск. Они оказывали упорное сопротивление, сдерживая продвижение войск армии. Это вызвало недовольство у маршала Жукова. В своем распоряжении № 11708 от 1 мая он отмечал:

«Части 2-й гв. танковой армии ведут наступление исключительно плохо. За последние 3 дня армия не имеет вообще никаких результатов. Я вынужден строго лично вас предупредить и требую:

1. Организовать лучше бой, чем вы организовывали до сих пор.

2. Вылезти из подвалов и видеть лично бой.

3. Подготовить три-четыре танковые бригады и под личным командованием комбригов прорваться бригадам в тыл противника. За бригадами пустить главные силы корпусов и армии.

4. Проявить больше решительности. Действия 12 тк увязать с действиями авиации.

5. Результат донести 2.5.45 г. лично мне»^[467].

Ко времени отдачи этого распоряжения ситуация в Берлине коренным образом изменилась. К трем часам дня 2 мая остатки берлинского гарнизона (более 134 тыс. человек) сдались в плен. В последующем войска 1-го Белорусского фронта, уничтожая отдельные группы противника, пробивавшиеся на запад, вышли к Эльбе.

Итоги Берлинской стратегической наступательной операции подведены нами в главе «Первая гвардейская танковая армия». Поэтому здесь мы отметим лишь, что войска 2-й гвардейской танковой армии в ходе боевых действий уничтожили 121 самолет, 16 761 солдата и офицеров, 65 танков, 61 самоходное орудие, 574 орудия, 78 бронетранспортеров, 121 миномет, 8 бронемашин, 668 автомашин. В плен были захвачены 7020 солдат и офицеров, в качестве трофеев – 15 танков, одно самоходное орудие, 190 орудий, 47 противотанковых ружей, 7 бронетранспортеров, 48 минометов, 385 пулеметов, 4371 фаустпатрон, 56 складов, 25 эшелонов, 479 автомашин. Освобождены пленные и ранее угнанные на работу в Германию (граждане Советского Союза, чехи, французы, поляки) – 10 500 человек. Потери армии составили 1518 человек убитыми и 6039 ранеными, 214 танков и 26 САУ^[468].

Генерал С.И. Богданов в своем докладе № 0226/оп от 15 мая 1945 г. командующему войсками 1-го Белорусского фронта о ходе боевых действий армии с 15 апреля по 3 мая отмечал:

«Несмотря на неблагоприятную для наступающих войск местность, изобилующую бесчисленными старицами, озерами и каналами в районе р. Одер и постепенно переходящую в холмисто-лесистую местность, и наконец, на наличие в черте Берлина многочисленных каналов, войска армии умелым маневром, обойдя сильно укрепленные узлы сопротивления противника, на четвертый день наступления преодолели с боями все естественные и искусственные рубежи обороны противника, вышли в тыл группировке противника, сдерживавшей наступательный порыв 3 и 5 уд. А, овладели мощными опорными пунктами на ближних подступах к Берлину – г. Альт Ландсберг, Бернау и, завязав бои в пригородных

районах Берлина, способствовали быстрому продвижению частей 3 и 5 уд. А к черте Берлина»^[469].

В докладе были сделаны следующие выводы из опыта боевых действий 2-й гвардейской танковой армии. Во-первых, если после прорыва первой оборонительной полосы противника невозможен ввод танковой армии в прорыв по причине глубоко эшелонированной и заранее занятой войсками обороны и танковая армия вводится в сражение для допрорыва всей глубины обороны, то в этом случае целесообразна нарезка ей самостоятельной полосы допрорыва обороны. Армию следует усилить стрелковыми частями и тяжелой артиллерией из расчета одна стрелковая дивизия и артиллерийская бригада на один танковый корпус. Во-вторых, ввиду создания противником сильной огневой системы по типу огневой системы ДОТ в укрепленном районе, обязательно усиление артиллерии танковой армии тяжелой артиллерией, не менее 2-3 артиллерийскими бригадами. В-третьих, выявилась потребность в реорганизации инженерных войск танковой армии, особенно в их техническом оснащении. В-четвертых, в связи с применением противником в массовом масштабе реактивных средств борьбы с танками (фаустпатроны, офиореры) необходимы средства защиты брони танков в виде защитных сеток или иных технических приспособлений, ослабляющих и защищающих броню от действий фаустмин (экранировка танков, действующих в составе штурмовых групп). В-пятых, в целях наиболее эффективного использования танковых бригад необходимо моторизованный батальон автоматчиков иметь на бронетранспортерах, тогда танки получат возможность во всех случаях вести контрборьбу с фаустниками и закреплять достигнутые рубежи^[470].

Позднее, выступая на научной конференции по изучению Берлинской операции войск 1-го Белорусского фронта, которая проводилась в период с 9 по 12 апреля 1946 г. в здании штаба Группы советских оккупационных войск в Германии (г. Бабельсберг), С.И. Богданов отмечал:

«Современные танковые армии могут самостоятельно вести разного рода бои и даже самостоятельно вести боевые действия в крупных населенных пунктах, каким является Берлин... Нельзя говорить, что для самостоятельных действий в уличных боях нецелесообразно использование танковой армии и что в этих случаях целесообразным является метод использования танковой армии децентрализованно, придав танки пехотным соединениям»^[471].

С окончанием Берлинской операции завершился боевой путь 2-й гвардейской танковой армии. В составе 9-го, 12-го гвардейских танковых и 1-го механизированного корпусов она, по упоминавшейся уже нами директиве № 11095 Ставки ВГК от 29 мая 1945 г., была включена в Группу советских оккупационных войск в Германии^[472].

Третья гвардейская танковая армия

14 мая 1943 г. И.В. Сталин дал указание заместителю начальника Главного бронетанкового управления по политической части генералу Н.И. Бирюкову о восстановлении к 5 июня 3-й гвардейской танковой армии. Одновременно И.В. Сталин и маршал Г.К. Жуков подписали соответствующий приказ за № 46174 Ставки ВГК. Командующим армией назначался генерал-лейтенант П.С. Рыбалко, членом Военного совета – генерал-майор танковых войск С.И. Мельников, начальником штаба – полковник В.А. Митрофанов. В состав армии вошли 12-й и 15-й танковые корпуса, 91-я отдельная танковая бригада, 50-й мотоциклетный полк, 138-й полк связи, 182-й отдельный моторизованный инженерный и 39-й отдельный бронетранспортерный разведывательный батальоны, 29-я штабная авторота, 31-я отдельная рота охраны, 737-я отдельная кабельно-шестовая рота, 372-й авиаполк связи и тыловые подразделения и службы^[473]. К 10 июня все танковые части и соединения были укомплектованы согласно штату.

В то же время в армии не хватало вспомогательных машин и автотранспорта. Экипажи танков были укомплектованы выпускниками училищ и учебных полков, из которых только 70 % механиков-водителей имели по 2-3 часа вождения. Это потребовало организации в ускоренном темпе боевой учебы. В результате принятых мер механики-водители в течение месяца получили 25-30 моточасов практического вождения. Однако из-за недостатка времени личный состав неполностью освоил правила эксплуатации и ухода за матчастью, а также вопросы преодоления труднопроходимых участков и переправ.

Войскам 3-й гвардейской армии предстояло принять участие в Орловской стратегической наступательной операции (кодовое наименование «Кутузов»).

Орловская стратегическая наступательная операция («Кутузов») (12 июля - 18 августа 1943 г.)

Цель, замысел операции «Кутузов» и задачи войск левого крыла Западного фронта, Брянского и Центрального фронтов изложены в главе, посвященной 2-й гвардейской танковой армии. Операция началась 12 июля 1943 г. ударом войск левого крыла Западного фронта и армий Брянского фронта. Противник, стремясь остановить их наступление севернее и восточнее Орла, начал спешно перебрасывать сюда 2, 9, 18 и 20-ю танковые дивизии 9-й армии, а также семь дивизий, в том числе три танковые, с других участков советско-германского фронта. По решению Ставки ВГК были приняты меры по усилению войск Брянского фронта, в состав которого по директиве № 39585 Генштаба Красной Армии с 24 часов 13 июля передавалась в полном составе 3-я гвардейская танковая армия с включением в нее 2-го механизированного корпуса^[474]. К 18 июля она насчитывала 475 танков Т-34 и 224 – Т-70, 32 СУ-122, 96 орудий и 364 миномета^[475]. Войска имели 2-3 боекомплекта боеприпасов, за исключением противотанковых ружей (1,1 боекомплекта), 37-мм и 85-мм снарядов к зенитным орудиям (1,7 и 1,3 боекомплекта соответственно), а также 2,5–3 заправки ГСМ и более 6 суточек продовольствия.

К исходу 15 июля соединения и части 3-й гвардейской танковой армии сосредоточились в районе Новосиля на восточном берегу р. Зуша, у слияния рек Зуша и Неручь. 2-й механизированный корпус в это время находился в полосе Западного фронта к северо-западу от Калуги, в 450 км от назначенного армии

района сосредоточения. Его прибытие ожидалось 16–17 июля. Начавшиеся за несколько дней до переброски армии сильные дожди затрудняли проведение марша. В результате в ходе 70-километрового марша из-за технических неисправностей вышли из строя 19 танков и 3 САУ. В течение двух дней войска армии приводили в порядок материальную часть, а комсостав производил рекогносцировку возможных направлений действий армии.

К этому времени события в полосе наступления Брянского фронта развивались следующим образом. 20-й танковый корпус генерала И.Г. Лазарева во взаимодействии с соединениями 61-й армии завершил прорыв обороны противника, продвинулся на глубину до 20 км и создал угрозу обхода Болхова с юго-востока. Части 1-го гвардейского танкового корпуса генерала М.Ф. Панова углубились в оборону врага на 22 км. Нарастив удар, войска 3-й и 63-й армий подошли к р. Олешня, где встретили упорное сопротивление противника и были вынуждены перейти к обороне.

Войска правого крыла Центрального фронта, перейдя в наступление 15 июля, в течение трех дней после упорных боев полностью восстановили утраченное в оборонительных сражениях положение и продолжали продвигаться в общем направлении на Кромы. В ходе этих боев 2-я танковая армия, потеряв более 300 танков, утратила свой наступательный потенциал. Это вынудило Ставку ВГК ввести в сражение свои резервы – 3-ю гвардейскую и 4-ю танковые армии. Однако запоздалое прибытие обеих армий в состав фронтов и ограниченное время на подготовку их к вводу в сражение наложили отпечаток на характер их использования.

Вначале 3-ю гвардейскую танковую армию намечалось ввести в сражение 18 июля после прорыва общевойсковыми армиями обороны противника по

западному берегу р. Олешня с целью развития наступления в обход Орла с севера и запада. Но утром 18 июля по указанию Ставки ВГК задача армии была уточнена. Ей предстояло с утра 19 июля войти в прорыв на стыке 3-й и 63-й армий на участке Панама, Заброды и наступать в направлении Бортное, Становая, Становой Колодезь, имея ближайшей задачей перерезать железную дорогу Орел – Курск и захватить переправы на р. Рыбница на участке Любаново, Змиево. Ввод армии в прорыв обеспечивался огнем артиллерии 3-й и 63-й армий и действиями авиации 15-й воздушной армии^[476]. Войскам 3-й гвардейской танковой армии противостояли 36-я моторизованная, 8-я и 262-я пехотная дивизии.

По решению командующего 3-й гвардейской танковой армией ввод ее в прорыв намечалось осуществить двумя эшелонами, имея впереди танковых корпусов передовые отряды по одной танковой бригаде. 12-й танковый корпус генерал-майора М.И. Зиньковича предусматривалось ввести в прорыв на участке Арсеньево, Кобяково с задачей наступать в направлении Сычи, Бычки, Лаутино, Становой Колодезь (севернее). К исходу дня 19 июля ему предстояло овладеть районом Пугачевка, Становой Колодезь, Ильинский, а передовыми отрядами захватить аэродромы противника в районе Грачевки и переправы через р. Рыбница в районе Любаново. 15-й танковый корпус генерал-майора Ф.Н. Рудкина вводился в прорыв на участке Алексеевка, Заброды для наступления в направлении Бортное, Козинка, Новая Деревня, Хотетово. К исходу дня 19 июля ему предписывалось овладеть районом Кулешовка, Оловянниково, Хотетово, а передовыми отрядами захватить переправы через р. Рыбница у Голохвастова, а также станцию Еропкино.

Во второй эшелон армии был выделен 2-й механизированный корпус с зенитным артиллерийским полком и 136-м понтонным батальоном. Ему приказывалось к исходу дня 19 июля выйти в район Домнино, Верхние Ожимки, Неплюево, обеспечивая армию от ударов противника с юга. Передовой отряд корпуса должен был захватить и удерживать Новопетровку. В резерве командарма находилась 91-я отдельная танковая бригада.

Ввод первого эшелона 3-й гвардейской танковой армии был осуществлен в 10 часов 40 минут 19 июля при поддержке основных сил 15-й воздушной армии. К исходу дня соединения 3-й гвардейской танковой армии совместно с частями 25-го стрелкового корпуса и 308-й стрелковой дивизией углубились в оборону противника на 8—12 км. В ходе боевых действий армия понесла большие потери. Так, в 15-м танковом корпусе из 202 танков осталось всего 74 боевые машины.

В два часа ночи 20 июля Ставка ВГК своей директивой № 30152 приказала армии с утра нанести удар в направлении Протасово, Отрада, к исходу дня перерезать шоссейную и железную дороги Мценск – Орел и, развивая наступление на Мценск с юга, совместно с 3-й армией Брянского фронта завершить 21 июля уничтожение мценской группировки противника и освободить г. Мценск. После выполнения этой задачи армия должна была повернуть на юг с целью перерезать железную дорогу Моховое – Орел и оказать содействие 63-й армии в выходе на р. Ока. В дальнейшем 3-й гвардейской танковой армии предстояло перерезать железную дорогу Орел – Курск и при благоприятных условиях овладеть Орлом. В случае если овладение городом не будет соответствовать обстановке, армия должна была двигаться дальше на запад в направлении на Кромы^[477].

С целью выполнения поставленной задачи генерал П.С. Рыбалко решил ввести в сражение второй эшелон – 2-й механизированный корпус, а затем перегруппировать основные силы армии. 2-му механизированному корпусу предстояло наступать с рубежа Калмыково, Большое Очкасово в направлении Богородицкое, Отрада, Новая Слободка с задачей к исходу дня 20 июля овладеть районом Жуково, Новая Слободка, Отрада. 15-му танковому корпусу предписывалось выйти из боя, с рубежа Алешня, Зыбино нанести удар в направлении Новокаменка, Высокое, к исходу дня 20 июля выйти на рубеж Ивановское, Новая Слободка и захватить переправы через Оку на участке Новая Слободка, Ивановское, Оптуха. 12-му танковому корпусу предписывалось, двигаясь за 15-м танковым корпусом, к исходу дня сосредоточиться в районе Протасово, а в дальнейшем наступать на Мценск.

В 9 часов утра 20 июля части 2-го механизированного и 15-го танкового корпусов перешли в наступление. Они, преодолевая упорное сопротивление противника, вынудили его начать отход из Мценска. К восьми часам вечера подразделения 43-й механизированной и 33-й танковой бригад 2-го механизированного корпуса оседлали шоссе Мценск – Орел, по которому сплошной вереницей передвигались машины, артиллерия, обозы. Части 15-го танкового корпуса, продвигаясь медленнее 2-го механизированного корпуса, сумели лишь к рассвету 21 июля перехватить шоссе и железную дорогу Мценск – Орел, а передовой отряд 52-й мотострелковой бригады форсировал Оку в районе Новой Слободки. 12-й танковый корпус вышел в район Доброводский, Грачики, Протасово, где занял круговую оборону. В результате 3-я гвардейская танковая армия обеспечила успешные действия войск Брянского фронта по

разгрому мценской группировки противника и овладению 20 июля соединениями 3-й армии Мценском.

В 3 часа ночи 21 июля командующий Брянским фронтом генерал-полковник М.М. Попов поставил перед 3-й гвардейской танковой армией новую задачу: «Сделать резкий поворот в юго-западном направлении и, наступая на Сухарево, Золотарево, Становой Колодезь, овладеть районом Большая и Малая Куликовка, Ивановка, Хотетово, Становой Колодезь. В дальнейшем иметь в виду действия или в северо-западном направлении на Нарышкино, или в юго-западном направлении на Кромы»^[478].

Генерал Рыбалко принял решение развернуть на новое направление наступления 12-й танковый корпус и свой резерв – 91-ю отдельную танковую бригаду. Частям 12-го танкового корпуса было приказано к утру 22 июля развернуться на рубеже Становое, Сухарево и наступать в направлении Гремячий, станция Становой Колодезь. 91-й отдельной танковой бригаде предстояло к исходу дня 22 июля занять район Становой Колодезь. 15-му танковому корпусу предписывалось передать занимаемые участки частям 63-й армии и сосредоточиться в районе Ермолаево для дальнейшего наступления на Малую Куликовку, Становой Колодезь. Во второй эшелон 3-й гвардейской танковой армии выводился 2-й механизированный корпус.

В 7 часов утра 21 июля 12-й танковый корпус и 91-я отдельная танковая бригада перешли в наступление. В четыре часа дня части 12-го танкового корпуса с боями вышли к р. Оптушка, где были встречены организованным артиллерийским и минометным огнем противника. Преодолев его сопротивление, 12-й танковый корпус захватил две переправы в районе Золотарева. 91-я отдельная танковая бригада, пройдя с боями около 10 км, подошла к Собакино, встретив здесь

сильное огневое противодействие врага. Только к полудню 22 июля она сломила сопротивление противника и овладела переправой через Оку. В связи с запаздыванием выхода стрелковых частей 63-й армии на рубеж р. Ока передача им занимаемых 15-м танковым и 2-м механизированным корпусами участков задерживалась. Соединения 15-го танкового корпуса вынуждены были отразить несколько контратак противника и в половине шестого вечера 22 июля вступили в бой с противником на западном берегу р. Оптушка. Для наращивания силы удара в сражение был введен 2-й механизированный корпус. Его 18-я механизированная бригада сумела форсировать р. Оптушка.

23 июля войска 3-й гвардейской танковой армии прорвали оборонительную позицию противника на р. Оптушка и начали его преследование. Однако из-за сильного сопротивления врага и недостатка артиллерии они в течение трех дней сумели продвинуться всего от 5 до 15 км, не выполнив поставленную задачу. Это вынудило командующего Брянским фронтом в ночь на 24 июля перегруппировать армию к югу. Она должна была силами 12-го танкового корпуса наступать в направлении на Хотетово, Становой Колодезь, к исходу дня 25 июля овладеть рубежом Хотетово, Становой Колодезь, Михайловка, Пилатовка, а передовым отрядом захватить аэродром в районе Грачевка. 2-й механизированный корпус должен был наступать в направлении Еропкино, Хотетово, Становой Колодезь и к исходу дня 25 июля занять рубеж на р. Стишь. Во второй эшелон армии был выделен 15-й танковый корпус.

В два часа дня 25 июля соединения 3-й гвардейской танковой армии возобновили наступление. Из-за того что стрелковые соединения 63-й армии не сумели прорвать оборону противника, частям 12-го танкового и

2-го механизированного корпусов пришлось принимать участие в ее преодолении. К исходу дня 26 июля они вышли на рубеж Дурново, Долгое, Еропкино, Хотетово. Это позволило активизировать действия войск 3-й и 63-й армий, которые вышли к рекам Ока и Оптуха, где находился передний край тыловой полосы обороны противника, прикрывавшей подступы к Орлу с востока.

Успешные действия войск 3-й гвардейской танковой армии были по достоинству оценены Наркомом обороны СССР. 26 июля приказом № 0404 за проявленные доблесть и храбрость личного состава 12-й и 15-й танковые и 2-й механизированный корпуса были преобразованы, соответственно, в 6-й гвардейский танковый, 7-й гвардейский танковый и 7-й гвардейский механизированный корпуса.

На левом крыле Западного фронта утром 26 июля в сражение была введена 4-я танковая армия генерала В.М. Баданова, которая оказала большую помощь войскам 61-й армии в освобождении 28 июля Болхова. Выход советских войск в район Болхова, и особенно 4-й танковой армии к железной дороге Орел – Брянск, предопределил устойчивость всего орловского плацдарма. В то же время упорное сопротивление врага в полосе Центрального фронта вынудило его командующего генерала К.К. Рокоссовского в десятом часу вечера 20 июля принять решение о переходе войск 13-й армии к обороне.

Существенное влияние на ход событий на белгородско-харьковском направлении оказало начавшееся 17 июля наступление войск Юго-Западного и Южного фронтов. Командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн по требованию Генерального штаба Сухопутных войск был вынужден отдать приказ о выводе из боя на участке Воронежского фронта 2-го и 3-го танковых корпусов и переброске их

на юг, на усиление 6-й полевой армии, действовавшей против Южного фронта.

Войска Центрального фронта с утра 25 июля возобновили наступление с целью выхода в район Кромы. На следующий день в прорыв была введена 2-я танковая армия. Кроме того, по решению Ставки ВГК в распоряжение генерала Рокоссовского с 24 часов 26 июля с Брянского фронта передавалась 3-я гвардейская танковая армия, которую требовалось использовать на правом крыле Центрального фронта во взаимодействии с войсками 48-й армии^[479].

Генерал Рокоссовский в ночь на 27 июля приказал войскам 3-й гвардейской танковой армии выйти из боя и к полудню сосредоточиться в районе Аленовка, Ольгино, Борисоглебское. Однако выполнить этот приказ к установленному времени не удалось, так как сдача участков фронта стрелковым дивизиям 63-й армии затянулась до 6 часов вечера 27 июля. Кроме того, марш затруднялся выпавшими сильными дождями, размывшими лишенные твердого покрытия дороги. Поэтому войска 3-й гвардейской танковой армии (357 танков) сосредоточились в указанном районе лишь к 6 часам утра 28 июля^[480].

К этому времени войска правого крыла Центрального фронта прорвали промежуточный оборонительный рубеж противника и продвинулись на 35-40 км. Противник начал отвод своих войск на запад перед левым крылом Брянского и правым крылом Центрального фронтов. Около 12 часов ночи 27 июля командующий фронтом приказал 3-й гвардейской танковой армии с утра 28 июля перейти в наступление, прорвать оборону противника в районе Козьминское, выйти в район Новотроицкое, Большое Рыжково, Александровский, Плоты, Плоское. После этого форсировать р. Ока в районе устья р. Крома и овладеть

рубежом Самохвалово, Коровье Болото, Себякино, Хмелевая.

Однако наступление первого эшелона (6-й и 7-й гвардейские танковые корпуса, 91-я отдельная танковая бригада) 3-й гвардейской танковой армии началось не с утра, а в два часа дня 28 июля. Встретив упорное сопротивление арьергардов противника, войска армии к исходу дня продвинулись лишь до р. Малая Рыбница. Только 13-я мотострелковая бригада 6-го гвардейского танкового корпуса сумела форсировать реку и захватить Реутово с расположенной там переправой. Но на следующий день противник контратакой отбросил бригаду обратно на восточный берег Малой Рыбницы. Успешнее действовала 91-я отдельная танковая бригада, которая захватила Философово и расположенную в этом районе переправу через Малую Рыбницу.

Несмотря на неудачу войск 3-й гвардейской танковой армии, командующий Центральным фронтом в 23 часа 29 июля потребовал от нее с утра 30 июля возобновить наступление. Для усиления ударной мощи 6-го и 7-го гвардейских танковых корпусов генерал Рыбалко передал им из 7-го гвардейского механизированного корпуса, соответственно, 43-ю и 34-ю механизированные бригады. Кроме того, командиру 6-го гвардейского танкового корпуса придавалась 91-я отдельная танковая бригада [\[481\]](#).

С утра 30 июля соединения 3-й гвардейской танковой армии возобновили ожесточенные бои, но добиться ощутимого успеха не смогли. Противник, воспользовавшись медленным продвижением правого крыла Центрального фронта, поспешно отводил свои части на северный берег р. Крома и на западный берег р. Неживка, где намеревался перейти к обороне и не допустить прорыва советских войск в северном и

северо-западном направлениях. Это вынудило генерала армии Рокоссовского поздним вечером 30 июля отдать приказ войскам 48-й и 3-й гвардейской танковой армий о временном прекращении наступления и прочном закреплении на достигнутых рубежах. Соединения 3-й гвардейской танковой армии в ночь на 1 августа выводились из боя и к утру 3 августа были скрытно сосредоточены в районе Воронеж, Виннецкий, Корсаково, Саковинка, Муравль, Гнилец. Здесь армия приводила в порядок матчасть, подтягивала тылы и получала пополнение, в том числе 100 танков Т-34.

Мы уже отмечали, что И.В. Сталин около трех часов ночи 1 августа направил генералу Рокоссовскому директиву № 30158, в которой выражал свое недовольство действиями войск Центрального фронта. Он потребовал в полосе 13-й армии ввести в сражение 3-ю гвардейскую танковую армию с задачей ударом в общем направлении на Кромы свернуть оборону противника по западному берегу р. Ока и содействовать тем самым продвижению 48-й армии. В дальнейшем приказывалось действовать силами 2-й и 3-й гвардейской танковых армий в обход Орла с запада, содействуя Брянскому фронту в разгроме орловской группировки противника и овладении г. Орел^[482].

Командующий Центральным фронтом, получив директиву Ставки ВГК, приказал войскам 3-й гвардейской танковой армии к рассвету 4 августа выйти в район Ржава, Пузеево, Красниково, Гостомль. Из этого района в час дня перейти в наступление с задачей переправиться через р. Крома на участке Колки, Красная Роща и овладеть районом Апальково, Старое Гнездилово, Лешня. В дальнейшем, развивая удар в общем направлении на Хмелевую, Гнилое Болото, Хотьково, отрезать пути отхода противника на запад и юго-запад из района Кромы, Орел, Нарышкино.

Основные силы 16-й воздушной армии должны были содействовать переправе и наступлению 3-й гвардейской танковой армии. От 13-й армии требовалось всеми огневыми средствами пехоты и артиллерии оказать содействие переправе танковой армии через р. Кром и, используя ее успех, перейти в наступление и к исходу дня 4 августа выйти главными силами на рубеж Марьинский, Красный Пахарь, Красная Нива, Долженки^[483].

В связи с тем, что приказ командующего Центральным фронтом поступил в штаб 3-й гвардейской танковой армии с запозданием, она перешла в наступление только в половине четвертого вечера 4 августа. Действуя на практически танконедоступной местности под сильным артиллерийским огнем противника и ударами его авиации, войска армии сумели к исходу дня выйти только к южному берегу р. Крома на участке от Новотроицкого до Кутафина. Ночью они разминировали подступы к переправам и оборудовали проходы через болотистую долину р. Крома, однако захватить переправы не смогли. К 11 часам утра 5 августа мотострелковые подразделения 18-й и 34-й механизированных бригад 7-го гвардейского механизированного корпуса форсировали Крону у Новотроицкого и захватили плацдарм на противоположном берегу реки, но дальше продвинуться не смогли. Части 6-го и 7-го гвардейских танковых корпусов овладели Глинками. Противник, предприняв контратаку силами до пехотного полка с 10 танками, отбросил переправившиеся части обратно на южный берег Кромы. 88-я танковая бригада 7-го гвардейского танкового корпуса к исходу дня 5 августа овладела переправой у Кутафина и в ночь на 6 августа начала переправу танков на северный берег Кромы.

Тем временем войска 3-й и 63-й армий Брянского фронта освободили 5 августа г. Орел. Ставка ВГК, стремясь закрепить достигнутый успех, своей директивой № 30159 приказала 6 августа командующему Брянским фронтом сосредоточить главные усилия на быстрейшее овладение Хотынцом и Карачевом. Командующему Центральным фронтом предписывалось «использовать 2-ю и 3-ю танковые армии для удара в направлении Шаблыкино с задачей во взаимодействии с правым крылом Брянского фронта, наступающим на Карачев, уничтожить противника, отходящего от Орла на запад»^[484]. В соответствии с этой директивой генерал Рокоссовский потребовал от командующего 3-й гвардейской танковой армией преследовать противника в общем направлении Хмелевая, Мыцкое, Шаблыкино и овладеть Шаблыкином, Новоселками, Герасимовым, Волковым, Робье. Войска 2-й танковой армии должны были занять район Работьково, Березовка, Бородино, Лысое^[485].

Противник, упорно сопротивляясь, сорвал выполнение войсками танковых армий поставленных задач. Мы уже отмечали, что генерал Рокоссовский в своем приказе № 00525/оп, направленном около полуночи 6 августа командующим этими армиями, выразил недовольство их действиями. Он потребовал от 3-й гвардейской танковой армии с утра 7 августа прорвать оборону частей прикрытия противника на участке Красный Пахарь, Долженки и, развивая удар на Маслово, Сосково, к исходу дня овладеть районом Троицкий, Сосково, Звягинцево, Маслово. В дальнейшем предписывалось наступать на Шаблыкино и овладеть Шаблыкином, Новоселками, Герасимовом, Волковым, Робьем. При этом требовалось наступать всей массой танков и мотопехоты, привлекать к суровой ответственности вплоть до предания суду Военного

трибунала командиров частей и соединений, не выполняющих задач^[486].

Обвинения командующего фронтом были отчасти справедливы, но нельзя забывать и о том, что 3-я гвардейская танковая армия испытывала недостаток в боеприпасах и артиллерии. Кроме того, за три дня боевых действий на р. Крома она потеряла почти 2,5 тыс. убитыми и ранеными, 104 танка и 4 САУ^[487].

Несмотря на требования командующего Центральным фронтом, продвижение соединений 3-й гвардейской танковой армии было медленным. Части 7-го гвардейского механизированного корпуса сумели овладеть районом Троицкого только к исходу дня 9 августа. Одновременно 6-й танковый корпус занял Хмелевую, а 7-й гвардейский танковый корпус был остановлен на подступах к Соскову. Противник, опираясь на заблаговременно подготовленный оборонительный рубеж, оказывал ожесточенное сопротивление. К исходу дня 10 августа 3-я гвардейская танковая армия потеряла около 60 танков. Большие потери понесли и части 383-й и 6-й пехотных дивизий противника, которые начали отход к р. Водоча.

Большие потери войск армии были негативно восприняты в Генштабе Красной Армии. Вот что говорилось в директиве № 13551, направленной 13 августа командующим войсками Центрального фронта и 3-й гвардейской танковой армией:

«По данным Генштаба, танковая группа 3 г. ТА в количестве 110 танков 10.8 в боях за выс. 264, 6 потеряла 100 танков, т. е., по существу, была уничтожена противником. Этот из ряда вон выходящий случай произошел в условиях общего отхода противника и отсутствия у него заранее подготовленной обороны. При этом наша танковая группа была уничтожена противником, проникнув всего

на 2–3 км в его глубину, т. е. ей могла бы быть оказана всяческая помощь. Гибель такого большого количества наших танков в течение нескольких часов свидетельствует не только о полном отсутствии взаимодействия 3 гв. ТА и 13 А, но и о бездействии указанных командармов, бросивших танки на произвол судьбы без всякой поддержки. Для доклада народному комиссару обороны прошу назначить расследование и результаты донести в Генштаб»^[488].

В целом же потери войск 3-й гвардейской танковой армии с 28 июля по 12 августа составили 7729 человек, в том числе 2061 убитый, 350 танков, 5 САУ, или 42 % от общего количества боевых машин^[489]. По другим данным, армия потеряла 60,3 % танков Т-34 и 72,9 % танков Т-70^[490]. Генерал армии Рокоссовский, учитывая большие потери войск 3-й гвардейской танковой армии, решил вывести ее из боя и сосредоточить в районе Сухое, Торохово, Апальково. В 2 часа ночи 12 августа в штаб армии поступил приказ об ее подчинении командующему 13-й армией.

К.К. Рокоссовский в своих мемуарах, оценивая действия 3-й гвардейской танковой армии и ее командующего генерала П.С. Рыбалко, писал: «Командиром он был хорошим, боевым и решительным. Но ни он, ни его подчиненные еще не успели оправиться после трудных боев на Брянском фронте. Именно поэтому, несмотря на все усилия, танкистам не удалось преодолеть сопротивление противника. Чтобы избежать неоправданных потерь, я обратился в Ставку с просьбой вывести танковую армию Рыбалко в резерв»^[491].

Эта просьба была удовлетворена. 13 августа директивой № 40202 Генштаба 3-я гвардейская танковая армия (без 7-го гвардейского механизированного корпуса) со всеми частями

усиления, обеспечения и тыловыми учреждениями выводилась из состава Центрального фронта в резерв Ставки ВГК. Армия должна была к утру 17 августа сосредоточиться в районе Курска. Все танки и САУ предписывалось оставить в составе Центрального фронта, а 7-й гвардейский механизированный корпус передать 2-й танковой армии^[492]. На этом завершилось участие войск 3-й гвардейской танковой армии в Орловской наступательной операции. К 1 сентября намечалось доукомплектовать ее до штатов личным составом, танками, вооружением, автотранспортом и всеми видами имущества^[493].

Особенностями применения 3-й гвардейской танковой армии в операции «Кутузов» являлись: неоднократное изменение ей боевых задач; частые перегруппировки; осуществление прорыва вражеской обороны самостоятельно или во взаимодействии с общевойсковыми армиями.

Сумско-Прилукская наступательная операция (26 августа - 30 сентября 1943 г.)

Поражение войск групп армий «Центр» и «Юг» под Курском создало благоприятные предпосылки для нового большого наступления Красной Армии. Замысел Ставки ВГК, как говорилось ранее, состоял в том, чтобы в летне-осенней кампании нанести главный удар на юго-западном направлении с целью освобождения Донбасса и богатых районов Украины. Для достижения этой цели планировалось привлечь войска Центрального, Воронежского, Степного, Юго-Западного и Южного фронтов. На юге сухопутным войскам должна была содействовать Азовская военная флотилия. Одновременно войска Западного и левого крыла Калининского фронтов, а также Брянского фронта должны были наступать на смоленском и брянско-

гомельском направлениях с целью лишить противника возможности перебрасывать силы на Украину. На юге предполагалось очистить от врага Таманский полуостров и овладеть плацдармами на Керченском полуострове.

Составной частью новой кампании должна была стать Черниговско-Полтавская стратегическая наступательная операция, включавшая Черниговско-Припятскую, Сумско-Прилукскую и Полтавско-Кременчугскую фронтовые наступательные операции.

Проведение Сумско-Прилукской операции было возложено на войска Воронежского фронта, которые к 6 сентября 1943 г. рассекли 4-ю танковую армию противника на отдельные изолированные группы. Они вынуждены были отходить частью сил к киевским переправам, а частью – к переправам у Канева (южнее Киева). Учитывая важность киевского направления, Ставка ВГК вечером того же дня директивой № 30184 приняла решение усилить Воронежский фронт 3-й гвардейской танковой армией в составе 6-го и 7-го гвардейских танковых и 9-го механизированного корпусов^[494]. В соответствии с директивой № 40690 Генштаба от 6 сентября армия с частями боевого обеспечения, учреждениями обслуживания и армейскими тылами должна была к 15 сентября своим ходом сосредоточиться в районе Сумы, где войти в состав Воронежского фронта. Марш требовалось совершать только ночью, запрещалось ведение переписки по вопросам передислокации, а все вопросы следовало решать только через Генштаб^[495]. Согласно директиве № 40708 Генштаба от 8 сентября танки и тяжелую матчасть требовалось отправить по железной дороге из района Курска с 6 часов 8 сентября по 16 сентября, а 9-й механизированный корпус – из района Тулы с 6 часов 8 сентября по 15 сентября^[496].

К этому времени в 3-й гвардейской танковой армии насчитывалось 38,3 тыс. человек, 605 танков (в том числе 450 Т-34), 83 САУ, 137 бронемашин, 59 орудий, 44 противотанковые пушки и 245 минометов^[497]. По другим данным, в армии насчитывалось 700 танков и САУ, что составляло около 70 % бронетанковой техники, имевшейся в Воронежском фронте^[498]. До 70-80 % механиков-водителей, прибывших вместе с танками, имели не более 5-8 часов практического вождения. Это потребовало организации их доподготовки. В танковых бригадах отсутствовали полагающиеся по штату трактора, в автотранспортных батальонах вместо 459 грузовых автомобилей, полагающихся по штату, имелось всего 318 исправных машин. Армия располагала 3,7 заправками дизтоплива и 1,9 заправками автобензина, 2-3 боекомплектами боеприпасов и 20-25 суточными продовольствия^[499].

К 13 сентября части, совершавшие марш своим ходом, сосредоточилась в районе Сумы. Боевая техника, следовавшая по железной дороге, из-за ее большой загрузки еще не прибыла. В этой связи командующий Воронежским фронтом генерал армии Н.Ф. Ватутин решил изменить район сосредоточения армии. Ее войскам предстояло развернуться в районе Ромны, куда они и вышли к 19 сентября. Здесь приказом командующего фронтом в состав армии был введен 1-й гвардейский кавалерийский корпус.

Согласно приказу генерала Ватутина 3-й гвардейской танковой армии предстояло «... форсированным маршем, не отрываясь от отступающего противника, подойти к р. Днепр, форсировать ее на участке Трактомиров, Григоровка, овладеть г. Кагарлык, имея в дальнейшем задачу наступать в направлении Белая Церковь»^[500]. В соответствии с полученной задачей генерал П.С.

Рыбалко днем 19 сентября приказал войскам армии во взаимодействии с 38-й и 40-й армиями преследовать отходящего противника в общем направлении Прилуки, Туровка, Яготин, Переяслав и захватить плацдарм на правом берегу р. Днепр южнее Переяслава. К исходу 21 сентября войскам предстояло овладеть Яготином, с ходу форсировать Днепр и занять район Ходоров, Трактомиров, Зарубенцы, Григоровка, Бучак. Оперативное построение войск армии было в два эшелона: в первом – 6-й и 7-й гвардейские танковые и 9-й механизированный корпуса, во втором – 1-й гвардейский кавалерийский корпус. В резерв была выделена 91-я отдельная танковая бригада. Начало преследования противника – в 8 часов вечера 20 сентября.

В указанное время войска 3-й гвардейской танковой армии начали преследование разрозненных частей 52-го армейского корпуса. С целью не допустить занятия ими обороны Днепра и захвата переправы на реке, по решению генерала Рыбалко от танковых корпусов было выделено по одному, а от механизированного корпуса – два передовых отряда. Они, продвигаясь с темпом около 80 км в сутки, в полдень 21 сентября вышли к Днепру в районе букринской излучины. В ночь на 22 сентября 1-й батальон 69-й механизированной бригады 9-го механизированного корпуса в районе Зарубинцев форсировал реку на лодках, плотках и других подручных средствах. Вслед за ним переправились главные силы 69-й механизированной бригады полковника М.Д. Сиянина. На рассвете в районе Григоровки Днепр преодолел мотострелковый батальон 51-й гвардейской танковой бригады, а за ним – мотострелковый батальон 22-й гвардейской мотострелковой бригады. Они в течение трех суток удерживали небольшой плацдарм, отражая все атаки противника. В районе Монастырки внезапно форсировал Днепр и закрепился на правом

берегу мотострелковый батальон 54-й гвардейской танковой бригады.

22 сентября в распоряжение 3-й гвардейской танковой армии был передан 20-й понтонный батальон, ранее находившийся в составе 40-й армии. Батальон подготовил тридцатитонный паром с катером-буксиром для перевозки через Днепр частей 3-й гвардейской танковой и 40-й армий. К утру 24 сентября на правый берег Днепра были переправлены основные силы 69-й механизированной бригады. В тот же день распоряжением командующего фронтом 20-й понтонный батальон был вновь передан 40-й армии. В 7-м гвардейском танковом корпусе с помощью подручных средств с 23 по 26 сентября на западный берег Днепра были переправлены около 3,5 тыс. человек, 8 орудий 45-мм и 30 минометов 120-мм.

Левофланговый 6-й гвардейский танковый корпус наступал в общем направлении на Канев. В ночь на 25 сентября мотострелковый батальон 53-й гвардейской танковой бригадой трижды безуспешно пытался форсировать Днепр у Канева. Авиация противника непрерывно наносила удары по корпусу. При этом был смертельно ранен командир корпуса генерал-майор танковых войск М.И. Зинькович. На правом фланге армии 56-я гвардейская танковая бригада 7-го гвардейского танкового корпуса 23 сентября освободила Борисполь и на следующий день вышла в район западнее Княжици, где противник заранее создал сильно укрепленную оборонительную позицию.

1-й гвардейский кавалерийский корпус в ночь на 25 сентября предпринял попытку форсировать Днепр на участке Ржищев, Ходоров. К утру 26 сентября на западный берег реки переправились три эскадрона, которые, не получив поддержки, были уничтожены противником. 27 сентября распоряжением

командующего фронтом корпус был выведен в резерв фронта.

Инженерно-саперные части танковой армии, усиленные фронтовыми средствами, при участии местных жителей за две недели построили свайный мост длиной 750 м. К середине октября на букринский плацдарм переправились главные силы армии.

На букринском участке противник, широко привлекая местное население, создал оборонительный рубеж полевого типа глубиной 2–3 км, состоявший из окопов полного профиля с ходами сообщения, с наличием ДЗОТов на возвышенностях на правом берегу Днепра. В район плацдарма вражеское командование срочно перебрасывало из-под Канева подразделения 10-й моторизованной, 167-й пехотной и 19-й танковой дивизий.

Используя успех 3-й гвардейской танковой армии, 22 сентября к букринской излучине подошли части 8-го гвардейского и 10-го танковых корпусов. Они форсировали Днепр южнее Щучинки и захватили ряд плацдармов. Левее 3-й гвардейской танковой армии, на черкасском направлении, подвижная группа 47-й армии (3-й гвардейский механизированный корпус генерала В.Т. Обухова) с ходу форсировала Днепр севернее Канева. Так на правом берегу реки был захвачен еще один плацдарм, который впоследствии был объединен с букринским. Севернее Киева, в районе Лютежа, в конце сентября Днепр форсировали войска 38-й армии, усиленной 5-м гвардейским танковым корпусом.

Одновременно к Днепру продвигался и Степной фронт, проводивший Полтавско-Кременчугскую операцию. Его войска 19 сентября освободили Красноград, форсировали р. Ворскла, 23 сентября заняли Полтаву и 29-го – Кременчуг.

Несмотря на то что советские войска стремились не допустить отхода противника за Днепр, ему все-таки

удалось это сделать. Э. фон Манштейн вспоминал: «Противнику не удалось сорвать сосредоточения войск у немногих переправ через реку или отрезать их от этих переправ. Несмотря на его численное превосходство, он не сумел использовать благоприятной обстановки, которую создавало для него стягивание наших войск к переправам для того, чтобы форсировать Днепр крупными силами в стороне от этих переправ и тем самым не допустить создания намеченной оборонительной линии по ту сторону реки. То, что он захватил на нескольких участках плацдармы на противоположном берегу реки, при нехватке сил с нашей стороны нельзя было предотвратить»^[501]. Но Манштейн, видимо, забыл, что к отходу их вынудило успешное наступление советских войск.

В ходе Сумско-Прилукской операции войска Воронежского фронта вышли к Днепру и захватили плацдармы на его правом берегу. Особенностью операции являлись широкий маневр силами и средствами с целью наращивания силы удара, а также применение передовых отрядов.

Киевская стратегическая наступательная операция (3—13 ноября 1943 г.)

В конце октября 1943 г. центр событий на Днепре переместился в район Киева, который являлся важнейшим стратегическим узлом обороны врага. С его потерей вся южная группировка войск противника могла оказаться под угрозой с фланга и тыла, а Красная Армия получала возможность наступления в пределы Западной Украины и Южной Польши. Поэтому перед Воронежским (с 20 октября – 1-й Украинский) фронтом от Чернобыля до Канева были сосредоточены основные силы 4-й танковой и 8-й армий группы армий «Юг», 2-я танковая армия группы армий «Центр». В оперативной

глубине в резерве находились четыре венгерские легкие пехотные дивизии и одна резервная немецкая дивизия. Венгерские дивизии были заняты охраной тылов и коммуникаций, борьбой с партизанами и для боевых действий на фронте в ходе операции не привлекались. Всего эта группировка насчитывала до 500 тыс. человек, до 6 тыс. орудий и минометов, около 400 танков и штурмовых орудий и свыше 660 боевых самолетов^[502]. Наиболее сильные группировки противника сосредоточились против лютежского и букринского плацдармов.

Задача по разгрому противника в районе Киева, освобождению столицы Украины и созданию на правом берегу Днепра крупного плацдарма стратегического значения была возложена на войска 1-го Украинского фронта. В соответствии с указанием Ставки ВГК командующий фронтом генерал армии Н.Ф. Ватутин решил разгромить группировку противника в районе Киева и овладеть им, нанося главный удар с букринского плацдарма силами 40-й и 27-й армий с двумя танковыми и одним механизированным корпусом, а также 3-й гвардейской танковой армией – в направлении на Васильков и Фастов в обход Киева с юго-запада. Вспомогательный удар предполагался с плацдарма севернее Киева вдоль р. Ирпень в обход Киева с северо-запада силами 38-й армии (с танковым корпусом) и между реками Здвиж и Ирпень – 60-й армией с кавалерийским корпусом.

Войска 3-й гвардейской танковой армии должны были к исходу первого дня наступления выйти в район Поток, к исходу второго дня достичь Ставы, к исходу третьего дня овладеть Белой Церковью, к исходу четвертого дня выйти в район Фастов и на пятый день наступления занять Брусилів. С 3 октября соединения 3-й гвардейской танковой армии передавали свои

участки войскам 40-й и 27-й армий, вели разведку и рекогносцировку направлений наступления. Начало операции было назначено на 4 октября, но из-за недостаточного количества подвезенных на плацдарм боеприпасов и постоянных контратак противника она была перенесена на 12 октября. Однако все попытки вплоть до 22 октября преодолеть сопротивление противника успеха не имели. В результате соединения 3-й гвардейской танковой армии, потеряв на букринском плацдарме 377 танков и 34 САУ, вынуждены были перейти к обороне^[503].

Представитель Ставки ВГК Маршал Советского Союза Г.К. Жуков и командующий войсками 1-го Украинского фронта генерал армии Н.Ф. Ватутин в своем докладе И.В. Сталину от 24 октября к числу основных причин неудачного наступления с букринского плацдарма отнесли: трудные условия местности, не позволявшие эффективно применять танки; сильно укрепленную оборону противника; недостаток боеприпасов для ее подавления. Авторы доклада считали возможным при соответствующем усилении фронта, в первую очередь боеприпасами, осуществить прорыв обороны противника на плацдарме южнее Переяслав-Хмельницкого. Для прорыва же севернее Киева необходимо было усилить фронт одной общевойсковой и одной танковой армиями, а также предоставить 10 дней на подготовку наступления^[504].

Однако Сталин был иного мнения о причинах неудач войск фронта. В директиве № 30232 от 24 ноября отмечалось, что это произошло потому, что не были своевременно учтены условия местности, затрудняющие здесь действия войск, особенно танковой армии^[505]. Сталин приказал с целью усиления правого крыла 1-го Украинского фронта перегруппировать на участок севернее Киева на

лютежский плацдарм 3-ю гвардейскую танковую армию, три-четыре стрелковые дивизии за счет левого крыла фронта, имея ближайшей задачей разгром киевской группировки противника и овладение Киевом. На этом направлении требовалось использовать 135-ю и 202-ю стрелковые дивизии, передаваемые из 70-й армии, а также привлечь для наступления на Киев 60-ю и 38-ю армии. На букринском плацдарме требовалось остающимися здесь силами притянуть на себя возможно больше сил противника и при благоприятных условиях прорвать его оборону и двигаться вперед. Перегруппировку войск приказывалось завершить к 1-2 ноября с таким расчетом, чтобы 3-я гвардейская танковая армия начала наступление 3-4 ноября.

В соответствии с директивой Ставки ВГК командующий фронтом 25 октября приказал 3-й гвардейской танковой армии, «...оставив на занимаемых огневых позициях танки-макеты, действующие радиостанции и танки, требующие ремонта, произвести рокировку в район севернее Киева на Лютежский плацдарм для дальнейшего выполнения задачи по разгрому киевской группировки противника»^[506]. К исходу 30 октября войскам армии предстояло сосредоточиться на левом берегу Днепра, в районе Высшей и Низшей Дубечни.

Успеху перегруппировки во многом способствовал маневр переправочных средств с букринского плацдарма. К концу октября саперы с помощью местного населения навели два понтонных и построили два деревянных моста. Всего же в полосе фронта через Днепр к 1 ноября действовало 26 мостов, 66 паромов и 21 десантная переправа разной грузоподъемности^[507]. К 5 часам утра 28 октября войска 3-й гвардейской танковой армии полностью завершили переправу на левый берег Днепра. К исходу дня 30 октября они

вышли в район сосредоточения. В ходе марша из-за большого износа ходовой части и трансмиссии танков вышло из строя по техническим причинам 90 боевых машин. Всего на лютежском плацдарме было сосредоточено: 3-я гвардейская танковая и 38-я армии, 5-й гвардейский танковый корпус, 7-й артиллерийский корпус прорыва, большое количество артиллерии и частей других родов войск.

Однако перегруппировку войск полностью скрыть от противника не удалось. Его разведка в конце октября все же обнаружила передвижение войск на левом берегу Днепра. В связи с этим противник возвратил на киевское направление 7-ю танковую и выдвинул к Киеву 20-ю моторизованную дивизии. Но цель действий войск 1-го Украинского фронта, время перехода в наступление, а также сосредоточение 3-й гвардейской танковой армии на лютежском плацдарме противником не были установлены.

Замысел Киевской стратегической наступательной операции состоял в том, чтобы ударом 38-й и 3-й гвардейской танковой армий с лютежского плацдарма в обход Киева с запада разгромить киевскую группировку противника и освободить столицу Украины. В дальнейшем предполагалось выйти в глубокий тыл группы армий «Юг» и создать условия для освобождения всей Правобережной Украины. Войска 3-й гвардейской танковой армии вводились в прорыв на второй день наступления после прорыва пехотой 38-й армии обороны противника на всю глубину. Танковая армия должна была выйти в район Святошина, перерезать шоссе Киев – Житомир и к исходу дня овладеть районом Заборье, Малютянка, Глеваха, Вета Почтовая, перерезав тем самым железную дорогу и шоссе на Фастов и Белую Церковь, что приводило к окружению всей киевской группировки противника.

Севернее лютежского плацдарма удар на юго-запад наносила 60-я армия. Правофланговая 13-я армия должна была прочно удерживать занимаемый рубеж, а в последующем, используя успех главных сил, перейти в наступление своим левым флангом на Овруч, обеспечивая правый фланг 60-й армии. С букринского плацдарма, нанося вспомогательный удар, должны были наступать войска 40-й и 27-й армий. Поддержку наземных войск осуществляла авиация 2-й воздушной армии (генерал-лейтенант авиации С.А. Красовский). Украинские партизаны должны были нарушить оперативные перевозки врага на киевском направлении, усилить удары по железнодорожным узлам Коростень, Шепетовка, Сарны, Ровно, Казатин и др. После овладения Киевом войскам 1-го Украинского фронта предстояло развивать наступление на Житомир, Новоград-Волынский, Ровно и в юго-западном направлении на Казатин, Жмеринку.

К началу операции войска 1-го Украинского фронта насчитывали 660 тыс. человек, около 7 тыс. орудий и минометов, 680 танков и САУ, 700 боевых самолетов. Им противостояли 4-я танковая армия и часть сил 8-й армии группы армий «Юг», а также 2-я армия группы армий «Центр», поддерживаемые частью сил 4-го воздушного флота, – всего до 500 тыс. человек, около 6 тыс. орудий и минометов, 400 танков и штурмовых орудий, 665 самолетов^[508]. Оборона противника состояла из трех оборонительных рубежей, оборонительного обвода Киева с использованием уцелевших сооружений Киевского укрепрайона.

Войска 1-го Украинского фронта превосходили противника по живой силе в 1,3 раза, по орудиям и минометам – почти в 1,2, по танкам и САУ – в 1,8 раза. По самолетам соотношение было примерно равным.

К началу операции в состав 3-й гвардейской танковой армии вошли два полка самоходных артиллерийских установок СУ-85, прибыли на пополнение 124 танка Т-34, 60 танков Т-70 и 48 СУ-85. Армия на 1 ноября 1943 г. включала два танковых, один механизированный корпус, отдельную танковую бригаду, отдельный танковый, два самоходных артиллерийских, мотоциклетный, гвардейский минометный и два зенитных артиллерийских полка. Она насчитывала 256 танков различных типов, 122 бронемашины, 63 САУ и 61 орудие. Мотострелковые соединения имели большой некомплект личного состава. В 22-й гвардейской мотострелковой бригаде 6-го гвардейского танкового корпуса насчитывалось всего 650 активных штыков, в 23-й гвардейской мотострелковой бригаде 7-го гвардейского танкового корпуса – 450, а в 9-м механизированном корпусе – до 3 тыс. активных штыков. Приданный армии 1-й гвардейский кавалерийский корпус имел до 2 тыс. активных сабель [\[509\]](#).

По решению генерала Рыбалко ввод армии в прорыв осуществлялся в двухэшелонном оперативном построении: в первом эшелоне – 7-й гвардейский танковый и 9-й механизированный корпуса, во втором эшелоне – 6-й гвардейский танковый и 1-й гвардейский кавалерийский корпуса. В резерве оставалась 91-я отдельная танковая бригада. Ввод танковых корпусов в прорыв обеспечивали своим огнем 7-й артиллерийский корпус прорыва, артиллерия 38-й армии и фронтовая оперативная группа гвардейских минометных частей. Артиллерийскую поддержку планировалось осуществить последовательным сосредоточением огня от рубежа обгона пехоты до 6—10 км в глубину. С целью разминирования минных полей и преодоления

заграждений противника было создано 15 подвижных отрядов и групп разграждения.

1 ноября для отвлечения внимания противника от направления главного удара фронта первыми в наступление с букринского плацдарма перешли 40-я и 27-я армии. Несмотря на то что им не удалось прорвать оборону противника, они сковали до 10 дивизий и не позволили своевременно перебросить их на север, где решался исход сражения за Киев. Командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн вынужден был признаться: «В начале ноября противник крупными силами снова перешел в наступление на северный фланг группы армий – участок фронта 4-й танковой армии на Днепре. Было неясно, имеет ли это наступление далеко идущие цели или противник пока пытается занять западнее Днепра необходимый ему плацдарм»^[510].

Утром 3 ноября, после мощной 40-минутной артиллерийской подготовки, с лютежского плацдарма нанесла удар главная группировка 1-го Украинского фронта. К исходу дня войска 38-й армии генерала К.С. Москаленко, наступавшие совместно с 5-м гвардейским танковым корпусом, и соединения 60-й армии продвинулись на 5—12 км. Попытка противника силами 8-й танковой дивизии остановить передовые соединения 60-й армии генерала И.Д. Черняховского успеха не имела. Сталин директивой № 30236 потребовал от маршала Жукова и генерала армии Ватутина не затягивать наступление на правом крыле фронта, не позже 5 ноября перерезать железную дорогу Киев – Коростень восточнее или западнее р. Ирпень в зависимости от обстановки и не позже 5–6 ноября овладеть городом Киев. В дальнейшем, развивая наступление, не позже 9—10 ноября перерезать железную дорогу Киев – Фастов. «Решая эту задачу,

пойти на жертвы, – отмечалось в директиве, – имея в виду, что эти жертвы будут во много раз меньше тех, которые придется затратить, если эта операция затянется... Учесть, что киевский плацдарм является важнейшим и наивыгоднейшим плацдармом на правом берегу р. Днепр, имеющим исторически важное значение для изгнания немцев из Правобережной Украины»[\[511\]](#).

Сталин, требуя овладеть Киевом не позднее 5-6 ноября, хотел таким образом отметить 26-ю годовщину Октябрьской революции, а ради этого «можно было идти на жертвы».

Командующий 1-м Украинским фронтом выполнил требование Сталина. С утра 4 ноября войска 38-й армии возобновили наступление. В тот день погода ухудшилась, пошел моросящий дождь, из-за тумана видимость не превышала 1-3 км. Все это затрудняло использование артиллерии и совершенно исключало применение авиации. Дороги для автотранспорта стали труднопроходимыми. Вся надежда возлагалась на пехоту и танки. Для наращивания усилий генерал армии Ватутин ввел в сражение 3-ю гвардейскую танковую армию и 1-й гвардейский кавалерийский корпус.

Танки пошли в атаку с включенными фарами и сиренами, ведя интенсивный огонь из орудий и пулеметов. Этот прием атаки в сочетании со смелым маневром по лесным дорогам и просекам ошеломил противника, который начал поспешный отход. К исходу дня 4 ноября 55-я и 56-я гвардейские танковые бригады 7-го гвардейского танкового корпуса генерала К.Ф. Сулейкова заняли северную окраину Святошина и перерезали шоссе Киев – Житомир. В результате упорных боев основные силы 6-го и 7-го гвардейских танковых корпусов к 16 часам 5 ноября заняли район Беличи, а через два часа освободили Святошино. К

исходу дня 71-я механизированная бригада 9-го механизированного корпуса вышла к Петропавловской Борщаговке, а 69-я механизированная бригада, наступавшая вдоль восточного берега Ирпени, закрепились в районе Шевченко, в 4 км к югу от шоссе Киев – Житомир. Одновременно 54-я гвардейская танковая бригада (командир – генерал-майор танковых войск В.Г. Лебедев) 7-го гвардейского танкового корпуса внезапным ударом овладела г. Васильков, отрезав пути отхода противника из-под Киева в южном направлении. 5-й гвардейский танковый корпус генерала А.Г. Кравченко, наступавший совместно с соединениями 38-й армии, отразил на подступах к Киеву несколько контратак 20-й моторизованной дивизии и главными силами ворвался на улицы города с севера. Одновременно в бой вступили вторые эшелоны 38-й и 60-й армий.

С перехватом шоссе Киев – Житомир основным путем снабжения киевской группировки противника и ее возможного отхода стали шоссе и железная дорога Киев – Фастов. Командующий 3-й гвардейской танковой армией поставил задачу отряду в составе 6-го гвардейского танкового корпуса, одной бригады 9-го механизированного корпуса и 91-й отдельной танковой бригады 6 ноября овладеть Фастовом, а частям 7-го гвардейского танкового корпуса и 9-го механизированного корпуса занять Васильков.

Противник, стремясь избежать окружения, начал отвод своих войск из Киева. К утру 6 ноября город был освобожден советскими войсками. «После тяжелых боев, – отмечал Манштейн, – был оставлен Киев, так как действовавший здесь 7 ак (армейский корпус. – *Прим. авт.*) находился под угрозой окружения в городе. Корпус был отброшен из Киева на юг, и ему удалось задержать продвижение противника лишь в 50

километрах ниже города»^[512]. Левофланговые соединения 60-й армии сломали сопротивление противника и вышли на восточный берег р. Здвиж. Левее, на линию железной дороги Киев – Коростень, выдвинулся 1-й гвардейский кавалерийский корпус.

Приказом Верховного Главнокомандующего почетное наименование Киевских было присвоено 6-му и 7-му гвардейским танковым, 9-му механизированному корпусам 3-й гвардейской танковой армии.

Командующий группой армий «Юг» был вынужден отказаться от контрнаступления на криворожском направлении и бросить в сражение под Киевом все имевшиеся в его распоряжении силы. С этой целью в районах Фастова и Белой Церкви начала сосредоточиваться усиленная 100 танками «Тигр» 25-я танковая дивизия, прибывавшая из Франции. Одновременно с букринского плацдарма в район Гребенки была переброшена танковая дивизия СС «Рейх», а из-под Кременчуга – 198-я пехотная дивизия. Западнее Ржищева развернулись 3-я танковая и 10-я моторизованная дивизии, передислоцированные из-под Букрина. В район Белой Церкви было переброшено управление 48-го танкового корпуса с задачей объединить находившиеся здесь и вновь прибывавшие войска под общим командованием.

Командующий 1-м Украинским фронтом, стремясь не дать противнику организовать оборону, потребовал от войск продолжать стремительное преследование днем и ночью, путем искусного маневра выходить на тылы отходившего врага, окружать и уничтожать его. В соответствии с новыми задачами общий фронт наступления расширялся. 13-я армия начинала наступление южнее рек Уж и Припять на овручском направлении, 60-я – на коростеньском направлении, а 38-я – по двум расходящимся направлениям – на

западном на Житомир и южном на Белую Церковь. Сюда же должны были наступать 40-я и 27-я армии с букринского плацдарма. В центре полосы наступления 38-й армии удар на Фастов и Казатин наносила 3-я гвардейская танковая армия.

7 ноября войска 1-го Украинского фронта развернули преследование врага. Все его попытки сдержать войска фронта на промежуточных рубежах успеха не имели, и он вынужден был отходить на Житомир, Фастов, Кагарлык. В обороне противника имелись значительные разрывы, что позволяло вести наступление по отдельным направлениям. Наибольшего успеха добились части 23-го стрелкового корпуса 38-й армии и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, которые за три дня боев продвинулись на житомирском направлении более чем на 50 км. 91-я отдельная танковая бригада полковника И.И. Якубовского, отбрасывая со своего пути арьергарды противника, к шести часам вечера вышла к восточной окраине Фастова, а к 7 часам утра 7 ноября выбила врага из города и железнодорожной станции. Вслед за 91-й отдельной танковой бригадой к Фастову подошли части 6-го гвардейского танкового корпуса генерала А.П. Панфилова, которые до этого вели боевые действия за Плесецкое.

Приказом № 38 Верховного Главнокомандующего от 7 ноября войскам, отличившимся в боях за освобождение Фастова (91-я отдельная танковая бригада, 51, 52, 53-я гвардейские танковые бригады и 22-я гвардейская мотострелковая бригада 6-го гвардейского танкового корпуса), присваивалось почетное наименование «Фастовских». 6-й гвардейский Киевский танковый корпус был награжден орденом Красного Знамени [\[513\]](#). За мужество в боях за Фастов десять танкистов 91-й отдельной танковой бригады

были удостоены звания Героя Советского Союза, в том числе полковник И.И. Якубовский.

Потеря Фастова была тяжелым ударом для противника. Теперь войска 1-го Украинского фронта получили возможность вести наступление на Казатин и Белую Церковь. Однако все планы спутала погода. 7 ноября пошел дождь, который с перерывами продолжался до 12 ноября. Дороги стали труднопроходимыми для автотранспорта. Мотопехота и артиллерия отстали от танковых частей. Левофланговые корпуса 38-й армии (50-й и 51-й) задержались у Киева; их выдвижение на юг проходило медленно. Войска фронта удалились от переправ, у них начал ощущаться недостаток боеприпасов и горючего. Авиация ввиду нелетной погоды не действовала.

Тем временем противник подтягивал в район Установка, Гребенки свежую 25-ю танковую дивизию, намереваясь контрударом танковой дивизии в северном направлении и одновременно ударом пехотных частей из района Брусилова восстановить положение в районе Фастова. В течение 7 и 8 ноября в районе Фастова шли ожесточенные бои. С целью сломить сопротивление противника генерал Рыбалко ввел в сражение свой второй эшелон – 9-й механизированный корпус, который нанес удар по левому флангу контрударной группировки врага. Однако он усилил сопротивление и вынудил войска 3-й гвардейской танковой армии в районе Фастова частью сил перейти к обороне, отражая совместно с 50-м стрелковым корпусом удары 25-й танковой дивизии, танковой дивизии СС «Рейх» и 198-й пехотной дивизии.

Тем временем противник завершил развертывание своих главных сил и утром 9 ноября с рубежа Трилеса, Гребенки нанес удар по левому флангу 3-й гвардейской танковой армии. После упорного сражения она здесь также была вынуждена перейти к обороне. К исходу

дня противник сумел остановить наступление войск 1-го Украинского фронта на казатинском и белоцерковском направлениях. Одновременно осложнилась обстановка и в полосе наступления 60-й и 38-й армий. Фронт их наступления, первоначально составлявший всего 34 км, увеличился до 220 км при тех же силах и средствах. Наступление шло по расходящимся направлениям, что приводило к быстрому уменьшению оперативных плотностей. Для того чтобы усилить ударную группировку 38-й армии и высвободить 3-ю гвардейскую танковую армию, которая была связана боями с подошедшими резервами противника в районе Фастова, командующий фронтом приказал ускорить выдвижение стрелковых соединений 38-й армии в район Фастова. Здесь они должны были перейти к обороне вместо соединений 3-й гвардейской танковой армии, которым предстояло 11 ноября возобновить наступление на Казатин. Видя также бесперспективность дальнейшего наступления с букринского плацдарма, генерал армии Ватутин принял решение перегруппировать с него на правый берег Днепра сначала две стрелковые дивизии, а затем и всю 40-ю армию для того, чтобы не допустить прорыва противника к Киеву по кратчайшему пути вдоль реки.

Эти мероприятия позволили своевременно уплотнить боевые порядки войск фронта на рубеже Фастов, Стайки, а 3-й гвардейской танковой армии частью сил продолжать наступление. 10 ноября 9-й механизированный корпус овладел станцией Попельня, где разгромил штаб 25-й танковой дивизии, а части 7-го гвардейского танкового корпуса освободили Павлоч. Однако закрепить достигнутый успех не удалось. Противник ввел в сражение передовые части 1-й танковой дивизии и в течение 11-12 ноября отбросил соединения 3-й армии к Фастову, но захватить город ему не удалось. Поэтому он стал стягивать главные

силы своей танковой группировки в район Корнина, западнее Фастова.

С 11 ноября 3-я гвардейская танковая армия, усиленная 50-м стрелковым корпусом 38-й армии, получила задачу упорно оборонять полосу шириной до 35 км. Войска 60-й и 38-й армий, наступавшие на житомирском направлении, 12 ноября освободили Житомир. В тот же день Ставка ВГК, учитывая нарастающую активность противника, потребовала от командующего 1-м Украинским фронтом приостановить продвижение на запад и всемерно усилить левый фланг 38-й армии^[514]. В соответствии с этим генерал армии Ватутин приказал войскам 38-й, 40-й и 3-й гвардейской танковой армий перейти к обороне на рубеже Житомир, Фастов, Триполье. На этом Киевская наступательная операция завершилась.

В ходе операции войска 1-го Украинского фронта освободили столицу Украины, создали плацдарм стратегического значения 230 км по фронту (по линии Днепра) и до 145 км в глубину, сыгравший значительную роль в освобождении Правобережной Украины. В ходе операции были разгромлены 15 вражеских дивизий, в том числе 2 танковые и одна моторизованная. Противник потерял 41 тыс. солдат и офицеров, 1,2 тыс. орудий и минометов, 600 танков и штурмовых орудий и много другой боевой техники^[515]. Потери войск 1-го Украинского фронта составили: безвозвратные – 6491, а санитарные – 24 078 человек; 271 танк и САУ, 104 орудия и миномета, 125 боевых самолетов^[516]. Им не удалось уничтожить главные силы противника, не до конца была решена проблема наращивания усилий на направлении главного удара после прорыва обороны и в ходе его преследования. Усиление ударной группировки за счет высвобождения сил из других армий, в особенности с буковинского

плацдарма, шло медленно. В ходе наступления часто нарушалось взаимодействие артиллерии с пехотой и танками.

По данным штаба 3-й гвардейской танковой армии, ее потери к этому времени составили 504 танка и 64 САУ, в том числе по техническим причинам 48 танков и 13 САУ^[517]. Анализируя ход операции, штаб армии отмечал:

«В условиях, когда танковой армии пришлось совершать прорыв, общий темп наступления танковой армии в среднем равнялся 30–35 км в сутки, что нужно признать для армии нормальным, но такой темп наступления приводит к отрыву от общевойсковых армий и требует от танковой армии самостоятельного закрепления достигнутого успеха, а в создавшихся условиях слабое обеспечение автотранспортом мотопехоты, учитывая активные действия противника, принудило танковую армию к переходу в районе Фастов вообще к обороне. Танковую армию необходимо оснащать автотранспортом полностью и частично бронетранспортерами для пехоты. Бронетранспортеры должны быть гусеничного типа... При наличии автотранспорта, могущего поднять всю мотопехоту 3-й гвардейской танковой армии и ее артиллерию, наступательные действия танковой армии, безусловно, были бы продолжены и приостановка произошла бы не в Фастове, а примерно в Казатине. Такое выдвижение танковой армии было вполне возможно. 25-я танковая дивизия противника, выгружавшаяся для действий, 3-й танковой армией была бы захвачена и разгромлена на железнодорожных колесах»^[518].

Войска 3-й гвардейской танковой армии сыграли большую роль в успешном проведении операции. И не случайно, что 17 ноября 1943 г. «за успешное форсирование реки Днепр, прочное закрепление

плацдарма на западном берегу реки Днепр и проявленные при этом отвагу и героизм» генералу П.С. Рыбалко было присвоено звание Героя Советского Союза.

Киевская оборонительная операция (13 ноября - 22 декабря 1943 г.)

Верховное Главнокомандование вермахта, стремясь вновь овладеть инициативой и восстановить оборону по Днепру, отказалось от ранее планировавшегося удара в нижнем течении реки. С этой целью была проведена перегруппировка основных сил 4-й танковой армии и перенацелены выдвигавшиеся с запада стратегические резервы (5 дивизий) на киевское направление для проведения контрнаступления. В районах юго-западнее Фастова и южнее Житомира была сосредоточена ударная группировка в составе 48-го танкового, 13-го армейского корпусов и оперативной группы «Маттенклот». Этой группировке при поддержке авиации 4-го воздушного флота предстояло разгромить главные силы 1-го Украинского фронта, овладеть Киевом и ликвидировать плацдарм советских войск на правом берегу Днепра.

Ставка ВГК, как уже отмечалось, приказала 12 ноября 1943 г. войскам центра и левого крыла 1-го Украинского фронта временно перейти к обороне. Для усиления левого фланга 38-й армии на участке Фастов, Триполье требовалось перебросить дивизии, снимаемые со щучинского и букринского плацдармов, а также направить пять-шесть стрелковых дивизий за счет 60-й армии и правого фланга 38-й армии. По окончании этой перегруппировки и с подходом 1-й гвардейской армии и 25-го танкового корпуса приказывалось разгромить белоцерковскую группировку противника и левым крылом фронта овладеть районом Попельня, Белая

Церковь, Кагарлык, после чего вновь форсировать наступление на казатинском направлении^[519].

Командующий 1-м Украинским фронтом передал на усиление 38-й армии из состава 60-й армии 7-й артиллерийский корпус прорыва, 17-й стрелковый корпус и 7-ю гвардейскую истребительно-противотанковую артиллерийскую бригаду.

13 ноября противник, не сумев занять Фастов ударом с юго-востока, предпринял попытку обхода города с запада. Ему удалось занять Корнин. Для разгрома противника в районе Корнина генерал Рыбалко создал подвижную танковую группу (59 танков) в составе 51-й и 53-й гвардейских танковых бригад 6-го гвардейского танкового корпуса и 54-й и 56-й гвардейских танковых бригад 7-го гвардейского танкового корпуса под общим командованием командира этого корпуса генерал-майора Сулейкова. К утру 14 ноября она вышла в район Соловеевка, Турбовка. 22-я гвардейская мотострелковая бригада и 9-й механизированный корпус совместно с подошедшей пехотой 232-й и 340-й стрелковых дивизий к 15 часам очистили от противника Фастовец. Сдав в ночь на 16 ноября оборону Фастова частям 50-го стрелкового корпуса, 9-й механизированный корпус и 22-я гвардейская мотострелковая бригада направились в район Брусилова.

15 ноября ударная группировка противника (25-я танковая дивизия, дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер») перешла в контрнаступление, нанося главный удар из района юго-западнее Фастова на Брусилов, другой – из района южнее Черняхова на Радомышль. Войска 38-й армии, оборонявшиеся на участке Житомир, Фастов, под ударами превосходивших сил противника вынуждены были отходить на север. Подвижная танковая группа после упорных боев около 18 часов,

потеряв 24 танка и 3 САУ, отошла в район Морозовка, Краковщина. Генерал Рыбалко спешно направил на усиление группы 52-ю и 55-ю гвардейские танковые бригады.

В течение 16-17 ноября корнинская группировка противника продолжала развивать наступление в северо-восточном направлении, обходя Брусилов с востока. Подвижная танковая группа под вражеским нажимом вынуждена была отойти до шоссе Брусилов – Дедовщина. 17 ноября генерал Ватутин потребовал от генерала Рыбалко сосредоточить основные силы 3-й гвардейской танковой армии в районе Брусилова с целью не допустить дальнейшего развития противником прорыва в северо-восточном направлении и овладения Брусиловом. 6-й гвардейский танковый корпус занял оборону на западных и юго-западных подступах к Брусилову, 9-й механизированный корпус – на южных, а 7-й гвардейский танковый корпус – вдоль шоссе Брусилов – Дедовщина. В течение трех дней войска армии отражали неоднократные атаки противника. И только 23 ноября, сосредоточив на брусиловском направлении 6 танковых и одну моторизованную дивизии, он сумел после упорных боев захватить Брусилов. В район севернее и восточнее города был срочно переброшен 94-й стрелковый корпус 1-й гвардейской армии. С букринского плацдарма на участок Фастов, Триполье вслед за 40-й армией 14-20 ноября была перегруппирована часть сил 27-й армии. Против наступавших танков и пехоты противника направлены основные силы 2-й воздушной армии.

26 ноября войска 1-го Украинского фронта нанесли контрудар тремя стрелковыми корпусами по северному флангу брусиловской группировки противника и к 30 ноября сумели стабилизировать оборону на рубеже восточнее Черняхова, Радомышль, Ставише, Юровка. Однако для нанесения более серьезного удара по

противнику сил не имелось. Это признала и Ставка ВГК. Поэтому 28 ноября она приказала войскам фронта немедленно перейти «на жесткую оборону с задачей измотать силы противника силами нашей артиллерии и авиации при попытках его наступления или отдельных атак». Для этого требовалось создать три оборонительных рубежа с максимальным использованием противотанковых и других мин. С подходом 18-й, 1-й танковой армий и других сил предписывалось заняться подготовкой контрнаступления с задачей разгрома противника и выхода на Южный Буг^[520].

9 декабря Ставка ВГК своей директивой № 30263 уточнила задачу войск 1-го Украинского фронта. Силами 60-й армии, 4-го и 7-го гвардейских танковых корпусов, 25-го танкового и 11-го стрелкового корпусов 18-й армии требовалось не допустить прорыва противника к северу от р. Ирша и на восточный берег р. Тетерев. Не позднее утра 12 декабря следовало нанести контрудар главными силами 3-й гвардейской танковой армии (не менее двух танковых корпусов) с одним стрелковым корпусом из района Великой Рачи (5 км северо-восточнее Радомышля) в направлении Малина. Контрудар предписывалось обеспечить сильной артиллерийской поддержкой, используя для этого по возможности 17-ю артиллерийскую дивизию. Одновременно в наступление должны были перейти левофланговые соединения 60-й армии и танковые корпуса, действовавшие в районе Малин, станция Тетерев. Всю штурмовую, бомбардировочную и ночную авиацию фронта с утра 10 декабря необходимо было использовать для массированных ударов по танковой группировке противника, прорывающейся на Малин. В районе Колонщина, Башев, Шнитки следовало

сосредоточить по мере прибытия войска 1-й танковой армии^[521].

Меры, принятые Ставкой ВГК и командующим 1-м Украинским фронтом, сыграли свою роль. Все попытки 4-й танковой армии прорваться к Киеву в полосе 60-й армии успеха не имели. 22 декабря на киевском направлении наступило временное затишье. Противник в итоге почти полуторамесячных боев сумел на этом направлении продвинуться на 35–40 км, но его ударная группировка была измотана и обескровлена. Отражением контрнаступления противника завершилась Киевская оборонительная операция. Потери советских войск составили: безвозвратные – 26 443, а санитарные – 61 030 человек^[522].

Житомирско-Бердичевская наступательная операция (24 декабря 1943 г. - 14 января 1944 г.)

В Житомирско-Бердичевской наступательной операции войск 1-го Украинского фронта, как отмечалось ранее, наряду с 1-й танковой армией участвовала и 3-я гвардейская танковая армия. По замыслу Ставки ВГК главный удар наносился в центре полосы фронта силами 1-й гвардейской, 18-й и 38-й армий, 3-й гвардейской и 1-й танковых армий, на Радомышль, Житомир, Бердичев, Жмеринку. Вспомогательные удары наносили: 13-я армия с 25-м танковым корпусом – на Сарны, 60-я армия с 4-м гвардейским танковым корпусом – в обход Житомира на Шепетовку, а 40-я и 27-я армии – на Христиновку.

По сравнению с 1 ноября 1943 г. боевой состав 3-й гвардейской танковой армии к 1 января 1944 г. претерпел некоторые изменения. Она получила еще один гвардейский минометный полк и отдельный автобронетанковый батальон.

Войска армии, получив пополнение, насчитывали 244 танка (из них 207 Т-34), 104 САУ, 59 полевых, 16 противотанковых и 62 зенитных орудия, 172 миномета и 9573 активных штыка^[523].

19 декабря 1943 г. командующий 1-м Украинским фронтом поставил перед армией задачу, «...развивая успех наступления 18-й армии, совместно с ней и во взаимодействии с 1-й гвардейской армией уничтожить брусиловскую группировку противника и к исходу первого дня операции выйти на рубеж Вильня, Здвижка, Романовка, Карабачин». В дальнейшем предусматривалось, в случае успешного развития наступления соседей, продолжить наступление на Андрушовку, а в случае задержки наступления 38-й и 1-й гвардейской армий ударом в направлении Водотыи, Соловеевка, Турбовка содействовать им в разгроме брусиловской группировки противника^[524].

Генерал Рыбалко решил ввести армию в прорыв между Забелочьем и Высоким. Главный удар наносился правым флангом в направлении Озеряны. Оперативное построение армии предусматривалось в два эшелона: в первом – 6-й гвардейский танковый и 9-й механизированный корпуса, во втором – 7-й гвардейский танковый корпус.

Наступление главных сил 1-го Украинского фронта началось в 9 часов 24 декабря после мощной артиллерийской и авиационной подготовки. Они в первой половине дня прорвали главную полосу обороны противника на глубину до 4 км. Командующий фронтом, стремясь быстрее завершить прорыв обороны, ввел в сражение в полосе 18-й армии 3-ю гвардейскую танковую армию, а в полосе 38-й армии – 1-ю танковую армию.

Передовые отряды корпусов первого эшелона танковых армий во взаимодействии с пехотой быстро

завершили прорыв обороны и создали условия для стремительного развития наступления в оперативной глубине. Мощными ударами войска противника были рассечены на две части, управление деморализовано, и они начали отходить в западном направлении. На исходе дня 3-я гвардейская танковая армия получила новую задачу: с утра 25 декабря нанести удар в направлении Коростышева во фланг радомышльской группировке противника, во взаимодействии с правым соседом – 1-й гвардейской армией – разгромить эту группировку и к исходу дня выйти на рубеж Коростышев, Харитоновка.

После упорных боев соединения 3-й гвардейской танковой армии 27 декабря форсировали р. Тетерев на участке от Козиевки до Харитоновки и заняли Коростышев и Харитоновку. Передовой отряд 6-го гвардейского танкового корпуса овладел Смолвкой и восточной частью Левкова. Успешно развивалось и наступление 13, 60, 40 и 27-й армий. Командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал фон Манштейн, опасаясь разгрома своих войск, предложил Гитлеру частично отвести войска из большой излучины Днепра и эвакуировать Никополь. Однако это предложение было отклонено.

Войска 3-й гвардейской танковой армии, продвигаясь с утра 28 декабря на житомирском направлении, стали встречать все более усиливавшееся сопротивление противника. К исходу дня 9-й механизированный корпус остановился в районе Студеницы, 6-й гвардейский танковый корпус достиг железной дороги Житомир – Фастов у Тарасовки, а введенный в сражение 7-й гвардейский танковый корпус перерезал шоссе Житомир – Попельня у Волосова. Перед армией, в дополнение к 8-й танковой дивизии противника, были выявлены части 1-й, 19-й танковых дивизий, дивизии СС «Лейбштандарт Адольф

Гитлер» и 18-й артиллерийской дивизии. В тот же день части 11-го гвардейского танкового корпуса генерала А.Л. Гетмана и 8-го гвардейского механизированного корпуса генерала С.М. Кривошеина освободили Казатин.

С утра 29 декабря соединения 3-й гвардейской танковой армии, производя перегруппировку, возобновили наступление. К исходу дня 30 декабря 7-й гвардейский танковый корпус, тесня противника, перерезал железную и шоссейную дороги Житомир – Бердичев. На следующий день соединения 60-й, 1-й гвардейской, 18-й, 3-й гвардейской танковой армий, 4-й и 5-й гвардейские танковые корпуса при поддержке 2-й воздушной армии освободили Житомир^[525]. 2 января 1944 г. 9-й механизированный корпус генерал-майора танковых войск К.А. Малыгина занял Агатовку и Осыково, где встретил сильное сопротивление противника и вынужден был остановиться. 6-й гвардейский танковый корпус, очистив Солотвин, занял Рею и вел бой в районе Гвоздавы. 7-й гвардейский танковый корпус продолжал бои за Троянов. В тот же день задача 3-й гвардейской танковой армии была уточнена: ей предстояло танковыми корпусами нанести удар в направлении Рудно-Городище, Глубочок, Княжин и тем самым содействовать 1-й гвардейской армии в разгроме танковой группы противника, а затем наступать в южном направлении^[526].

В 10 часов 3 января 6-й и 7-й гвардейские танковые корпуса совместно с войсками 1-й гвардейской армии перешли в наступление в западном направлении и вышли к р. Пяток. В это время соединения 13-й армии совместно с 25-м танковым корпусом генерал-майора танковых войск Ф.Г. Аникушкина заняли Новоград-Волынский. На следующий день соединения 40-й армии освободили Белую Церковь, а 5 января войска 18-й, 38-й армий и 44-я гвардейская танковая бригада 11-го

гвардейского танкового корпуса 1-й танковой армии вступили в Бердичев.

Противник с целью ликвидации прорыва перебросил в полосу 1-го Украинского фронта 16 дивизий и крупные силы авиации. 11-12 января немецкие войска нанесли контрудары в районах Жмеринки и Христиновки, а с 14 января и на других направлениях. По решению Ставки ВГК войска 1-го Украинского фронта 15 января перешли к обороне. Днем ранее части 3-й гвардейской танковой армии получили задачу выйти из боя и организовать оборону на рубеже Певна, Жеребки, Буряки.

Итоги Житомирско-Бердичевской операции подведены нами в главе «Первая гвардейская танковая армия». Здесь же отметим, что соединения 3-й гвардейской танковой армии в ходе операции уничтожили около 9 тыс. солдат и офицеров противника, захватили 34 танка, 123 автомашины и 6 самолетов. Потери армии составили 5997 человек, в том числе 1379 убитыми, 314 танков и 61 САУ^[527]. Столь высокие потери в матчасти привели командование армии к выводу о том, что «...все прибывающие танковые эшелоны на доукомплектование армии ни в коем случае не разрешать вводить в бой с хода после разгрузки. Для ввода в строй и сколачивания прибывающих танков необходимо отводить от 10 до 15 дней»^[528].

После завершения Житомирско-Бердичевской операции войска 3-й гвардейской танковой армии получили почти полуторамесячную передышку, которая была использована для подготовки к участию совместно с 1-й и 4-й танковыми армиями в Проскуровско-Черновицкой операции.

Проскуровско-Черновицкая наступательная операция (4 марта - 17 апреля 1944 г.)

В главе, посвященной 1-й гвардейской танковой армии, изложены все вопросы, связанные с подготовкой и планированием Проскуровско-Черновицкой операции. Поэтому заострим внимание только на тех моментах, которые касаются 3-й гвардейской танковой армии.

По плану, разработанному представителем Ставки ВГК маршалом Г.К. Жуковым и командующим 1-м Украинским фронтом, предусматривалось главный удар с рубежа Дубно, Шепетовка, Любар нанести силами 13-й, 61-й, 1-й гвардейской армий, 3-й гвардейской и 4-й танковых армий при поддержке авиации фронта в южном направлении на Проскуров. Ближайшая задача – к исходу третьего дня операции овладеть рубежом Берестечко, Кременец, Вязовец, Антонины, Староконстантинов, Мотовиловка. В дальнейшем, развивая наступление в южном направлении, намечалось к исходу двенадцатого дня операции овладеть рубежом Берестечко, Броды, Тарнополь, Проскуров, Хмельники. Войска правого крыла фронта должны были занять рубеж Киселин, Радзехув, Красне, Зборов, перейти здесь к обороне и не допустить атак противника с запада. С выходом на рубеж Тарнополь, Проскуров, Хмельники войскам ударной группировки фронта предстояло быть готовыми к продолжению наступления в общем направлении на Чертков.

Согласно плану, предполагалось ввести 3-ю гвардейскую танковую армию в прорыв с рубежа Малая Шкаровка, Воробьевка. Задача – нанося удар в направлении на Староконстантинов, Проскуров, к исходу второго дня операции овладеть районом Староконстантинова. К исходу 6—8-го дня операции предписывалось во взаимодействии с 4-й танковой армией занять Проскуров и выйти в район Проскуров, Деражня, Ярмолинцы. Действия танковых армий поддерживала авиация 2-й воздушной армии. В связи с необходимостью осуществления перегруппировки

значительных сил с левого на правое крыло фронта намечалось начать наступление на главном направлении не ранее 3 марта.

Как известно, Ставка ВГК своей директивой № 220036 от 25 февраля утвердила план операции 1-го Украинского фронта. При этом требовалось 3-ю гвардейскую и 4-ю танковые армии использовать с фронта главной группировки 60-й армии с задачей овладения районом Проскурова. Переход в наступление был назначен на 3-5 марта [\[529\]](#).

К началу операции войска 3-й гвардейской танковой армии частью сил вели бои местного значения в районе Шепетовки. Основные силы армии находились в районе Барановка, Мирополь, Полонное, пополняясь личным составом и материальной частью и ведя сколачивание частей и соединений. 26 февраля было получено распоряжение командующего фронтом о выдвижении армии в выжидательный район Перерослое, Плужное. В течение двух суток соединениям предстояло преодолеть 120 км. Из-за недостатка автотранспорта мотострелковые и механизированные бригады совершали марш своим ходом. К утру 29 февраля 6-й гвардейский танковый корпус сосредоточился в районе Мякоты, 7-й гвардейский танковый корпус – в районе Корытного, а 9-й механизированный корпус – в районе Перерослое.

В полосе предстоящего наступления 3-й гвардейской танковой армии оборонялись бригада СС «Лангемарк», части танковой дивизии СС «Дас Райх», 68, 96, 291, 323 и 340-й пехотных и 147-й охранной дивизий. Оборона противника проходила по южному берегу р. Горынь, где спешно возводились полевые укрепления. Резко пересеченная местность допускала движение танковых частей только по грунтовым

дорогам, которые в связи с наступившей весенней распутицей стали труднопроходимыми.

К началу операции боевой состав 3-й гвардейской танковой армии несколько изменился. Из ее состава были выведены один гвардейский минометный, отдельный танковый и два самоходных артиллерийских полка.

Армия насчитывала 38 036 человек, 323 танка и 66 САУ, из них исправных 245 танков и 39 САУ, 96 полевых, 15 противотанковых орудий и 263 миномета^[530]. В 7-м гвардейском танковом корпусе, в связи с малой численностью танкового парка, все танки 55-й гвардейской танковой бригады были переданы в 54-ю и 56-ю гвардейские танковые бригады. Армия испытывала недостаток в автотранспорте. Так, 6-й гвардейский танковый корпус при штатной численности 1445 автомобилей всех типов имел всего 391 исправный автомобиль, 7-й гвардейский танковый корпус – 436, а 9-й механизированный корпус при штате 1665 автомобилей – 627 исправных машин^[531].

Генерал Рыбалко принял решение заблаговременно развернуть армию на исходном рубеже для ввода в прорыв, для чего форсировать Горынь в ночь, предшествующую атаке. Оперативное построение войск армии было в один эшелон. С выходом 6-го гвардейского танкового корпуса в район Чухели, Богдановка намечалось вывести во второй эшелон армии 9-й механизированный корпус. В резерве командарма находились 91-я отдельная танковая бригада, одна танковая бригада 6-го гвардейского танкового корпуса и одна механизированная бригада 9-го механизированного корпуса.

Утром 4 марта войска 1-го Украинского фронта перешли в наступление. Вначале оно развивалось успешно, однако из-за распутицы артиллерия и танки

вскоре стали отставать от пехоты. Несмотря на это, соединения 60-й и 1-й гвардейской армий быстро прорвали оборону противника, продвинувшись на 12 км. С целью развития наступления на тарнопольском направлении в полосе 60-й армии в сражение была введена армейская подвижная группа – 4-й гвардейский танковый корпус. Почти одновременно в 1,5 км восточнее в сражение вошла подвижная группа фронта (4-я и 3-я гвардейская танковые армии), которая стала продвигаться на Волочиск, Проскуров.

Противник оказывал незначительное сопротивление. Тем не менее 9-й механизированный корпус 3-й гвардейской танковой армии действовал нерешительно и не выполнил задачи дня. 69-я механизированная бригада растянулась, а с выходом к Базалии остановилась на его северной окраине. Этим воспользовался противник, который привел свои части в порядок и контратакой выбил бригаду с занимаемого рубежа. Не лучше обстояло дело и в полосе наступления 70-й механизированной бригады. Она, испытывая недостаток в горючем, боеприпасах и продовольствии, вышла в район севернее Елизаветполь, где перешла к обороне.

Более успешно действовал 6-й гвардейский танковый корпус, который около полудня 5 марта форсировал р. Случь в районе Малые Жеребки и к исходу дня вышел на рубеж Глядки, Копачевка, 51-я гвардейская танковая бригада достигла района Крачки. 54-я гвардейская танковая бригада 7-го гвардейского танкового корпуса к 17 часам вышла к Староконстантинову, где встретила организованное сопротивление противника. К исходу дня в район Староконстантинова вышли основные силы 7-го гвардейского танкового корпуса, которому генерал Рыбалко приказал главными силами повернуть вдоль

шоссе на Проскуров, 6 марта овладеть городом и перейти к жесткой обороне.

Противник, воспользовавшись медленным продвижением войск 3-й гвардейской танковой армии, успел привести в порядок свои войска и подтянуть части танковой дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Утром 6 марта он нанес контрудар по 9-му механизированному корпусу, вновь занял Елизаветполь и Базалию, отбросив бригады корпуса на рубеж Медисовка, Малый Лазучин. Части 6-го гвардейского танкового корпуса, не встречая сопротивления противника, развивали наступление на Проскуров и к исходу дня заняли Грузевицы. Его 53-я гвардейская танковая бригада в связи с возросшей активностью противника в районе Базалии была развернута для нанесения удара на запад на Купель, во фланг атакующей немецкой группировке. В районе Староконстантинова противник также нанес контрудар и оттеснил части 7-го гвардейского танкового корпуса к Росоловцам.

В сложившихся условиях генерал Рыбалко решил в течение 7 марта силами 9-го механизированного и 6-го гвардейского танковых корпусов уничтожить группировку противника в районе Купель, Базалия, а затем возобновить наступление на Проскуров. 9-му механизированному корпусу было предписано во взаимодействии с подошедшими стрелковыми частями 60-й армии нанести удар в направлении Базалия, Богдановка, Купель и к исходу дня выйти в район Купель. В этом же направлении продолжала наступать 53-я гвардейская танковая бригада 6-го гвардейского танкового корпуса.

7 марта передовые части 60-й армии вышли к Тернополю, создав серьезную угрозу железной дороге Львов – Одесса – главной коммуникации всего южного стратегического крыла противника. Между его 4-й и 1-й

танковыми армиями был вбит глубокий клин. Командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн, стремясь не допустить захвата советскими войсками дороги, выдвинул на рубеж Тернополь, Проскуров 9 танковых и 5 пехотных дивизий. Они нанесли контрудар по войскам 1-го Украинского фронта. В развернувшемся сражении с обеих сторон участвовало до 1300 танков, САУ и штурмовых орудий. В течение двух дней части 9-го механизированного корпуса, преодолевая упорное сопротивление противника, медленно продвигались в южном направлении. В районах Черного Острова и Староконстантинова противник активности не проявлял, что позволило силами 7-го танкового корпуса в 18 часов 8 марта перейти в наступление в направлении Росоловцы, Лагодинцы, Красилов, а частью сил 6-го гвардейского танкового корпуса занять Николаев. 91-я отдельная танковая бригада к исходу дня 8 марта рассеяла окруженную группировку врага в районе Севрюки. В тот же день 3-я гвардейская танковая армия была усилена 62-й танковой бригадой, переданной из состава 4-й танковой армии. Одновременно к северным окраинам Староконстантинова вышли войска 1-й гвардейской армии.

Части 9-го механизированного корпуса, завершив разгром купельской группировки противника, 9 марта вышли в район Юхимовцы, станция Наркевичи, где соединились с частями 6-го гвардейского танкового корпуса. К вечеру совместными усилиями войск 1-й гвардейской и 3-й гвардейской танковой армий был освобожден Староконстантинов. 10 марта 9-й механизированный корпус, имевший всего 7 исправных танков и 10 САУ, вышел на подступы к Проскурову. 7-й гвардейский танковый корпус, в оперативное подчинение которого была передана 62-я танковая

бригада, к исходу дня форсировал р. Бужок у Мытинцы. В результате были созданы благоприятные условия для освобождения Проскурова.

10 марта, как уже говорилось в главе «Первая гвардейская танковая армия», командующий войсками 1-го Украинского фронта маршал Г.К. Жуков представил И.В. Сталину доклад № 7210 плана наступательной операции на черновицком и львовском направлениях^[532]. В этом плане 3-й гвардейской танковой армии отводилась роль резерва фронта совместно со 106-м стрелковым и 11-м танковым (без матчасти) корпусами. Ставка ВГК 11 марта утвердила документ, потребовав в ускоренном порядке доукомплектовать 3-ю гвардейскую танковую армии, осуществить перегруппировку сил с тем, чтобы возобновить общее наступление не позднее 20-21 марта^[533].

Пока же войска 3-й гвардейской танковой армии продолжали наступление на Проскуров. Однако оно успеха не имело. Не помогло и усиление армии временно 17-м стрелковым корпусом. Да и о каком успехе могла идти речь, если армия была обессилена. На 13 марта 6-й гвардейский танковый корпус насчитывал всего 45 танков, 9-й механизированный корпус – 6 танков и 10 САУ, а 7-й гвардейский танковый корпус – 16 танков и 4 САУ. Только с 13 марта в армию стали поступать танки «россыпью». К 24 марта она получила 133 танка Т-34, распределенных между 6-м гвардейским (19 машин), 7-м гвардейским (44 танка) танковыми и 9-м механизированным (70 танков) корпусами^[534].

Противник к 15 марта значительно усилил группировку своих войск в районе за счет 17-й танковой дивизии. 17 марта он крупными силами перешел в наступление вдоль шоссе Проскуров – Волочиск. После

тяжелых боев ему удалось прорвать оборону 17-го стрелкового корпуса в районе Павликовцы, Бокиевка, создав угрозу окружения 3-й гвардейской танковой армии. Для парирования этой угрозы генерал Рыбалко приказал 6-му гвардейскому танковому корпусу занять оборону в районе Дзеленцы, Трительники, Юхимовцы. Командарм потребовал не допустить прорыва противника вдоль шоссе в направлении станция Войтовцы и с рубежа р. Плоска в северном направлении. Войска армии выполнили поставленные задачи, сорвав все планы врага. Одновременно они завершали подготовку к наступлению.

В соответствии с приказом командующего 1-м Украинским фронтом соединения 3-й гвардейской танковой армии должны были во взаимодействии с частями 1-й гвардейской армии и 32-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригадой уничтожить танковую группу противника в районе Дзеленцы, Медведевка, Мочулинцы, Павликовцы, Чабаны и Водички. В дальнейшем, развивая наступление, овладеть Городком, Ярмолинцами и перейти к обороне^[535]. Оперативное построение войск армии было в два эшелона: в первом – 6-й и 7-й гвардейские танковые корпуса, во втором – 9-й механизированный корпус и по одной танковой бригаде от танковых корпусов. В резерве командарма находилась 91-я отдельная танковая бригада.

Утром 21 марта войска 1-го Украинского фронта возобновили наступление. Его 60-я и 1-я гвардейская армии, 1-я, 4-я и 3-я гвардейская танковые армии нанесли главный удар на юг, а 18-я и 38-я армии – на юго-запад и запад. Это положило начало одному из крупнейших в истории Великой Отечественной войны маневру на окружение.

Войска 1-й танковой армии генерала М.Е. Катукова, форсировав Днестр и Прут, 28 марта освободили Коломию, а на следующий день – Черновицы (Черновцы).

В полосе наступления 3-й гвардейской танковой армии происходили следующие события. Части 7-го гвардейского танкового корпуса к исходу дня 21 марта форсировали р. Плоска и вели боевые действия на ее южном берегу. По решению генерала Рыбалко второй эшелон армии (9-й механизированный корпус) в ночь на 22 марта был переброшен в район Гелетинцы и с утра введен в сражение из-за правого фланга 6-го гвардейского танкового корпуса в общем направлении на Городок. К исходу дня он завязал бои на подступах к Городку. 7-й гвардейский танковый корпус развивал успешное наступление в направлении на Ярмолинцы, создавая благоприятные условия для окружения оборонявшейся в районе Проскурова группировки немецких войск. Это вынудило противника начать постепенный отвод своих войск в южном и юго-восточном направлениях.

25 марта части 9-го механизированного корпуса очистили от противника Городок. Одновременно войска 1-й гвардейской армии и часть сил 18-й армии заняли Проскуров. Приказом Верховного Главнокомандующего № 93 от 25 марта за содействие в освобождении города Проскуров 69, 70 и 71-й механизированным бригадам 9-го механизированного корпуса было присвоено почетное наименование «Проскуровские»^[536].

26 марта соединения 4-й танковой армии генерала заняли Каменец-Подольский. 1-я гвардейская танковая армия форсировала Днестр в районе Городенки и вела бой за переправы через р. Прут в районе Черновцов. На следующий день 6-й и 7-й гвардейские танковые

корпуса и 91-я отдельная танковая бригада 3-й гвардейской танковой армии освободили Ярмолинцы.

28 марта 3-я гвардейская танковая армия, имевшая всего 30 % танков от первоначального состава, была выведена в резерв для укомплектования. Остальные войска 1-го Украинского фронта вели ожесточенные бои с 1-й танковой армией генерал-полковника Хубе, которая сумела прорваться из окружения и 7 апреля соединиться с деблокирующей группой. 17 апреля войска фронта в соответствии с директивой Ставки ВГК перешли к жесткой обороне. Несмотря на то что им не удалось полностью выполнить поставленные задачи, Проскуровско-Черновицкая операция ознаменовалась существенными результатами: была освобождена значительная часть территории Правобережной Украины, нанесено поражение 1-й и 4-й танковым армиям противника. Советские войска вышли к предгорьям Карпат, разрезав стратегический фронт южной группировки противника на две части. В ходе операции были выявлены следующие недостатки в действиях войск 3-й гвардейской танковой армии: неумение блокировать и уничтожать узлы сопротивления противника; слабое взаимодействие между стрелковыми и танковыми частями и соединениями; отставание артиллерии от танковых частей.

Львовско-Сандомирская наступательная операция (13 июля - 29 августа 1944 г.)

В Львовско-Сандомирской наступательной операции, о подготовке к которой говорилось в главе, касающейся 1-й гвардейской танковой армии, войскам 3-й гвардейской танковой армии отводилась одна из решающих ролей. По замыслу командующего 1-м Украинским фронтом Маршала Советского Союза И.С. Конева предусматривалось нанести удар на двух

направлениях – на рава-русском и львовском. На рава-русском направлении должны были наступать 3-я гвардейская, 13-я армии, 1-я гвардейская танковая армия и конномеханизированная группа генерала В.К. Баранова. На Львов наступали 60-я и 38-я армии, 3-я гвардейская танковая, 4-я танковая армии и конномеханизированная группа генерала С.В. Соколова.

В соответствии с приказом № 00596/239/оп маршала И.С. Конева от 7 июля 1944 г. 3-ю гвардейскую танковую армию намечалось первоначально ввести в прорыв в первый день операции в полосе 60-й армии в направлении Золочев, Фирлеювка, Буск, Каменка Струмилова, Жолкев, Янов с целью разгрома львовской группировки противника. Ей предстояло, развивая наступление, обходить Львов с севера и северо-запада, не допустить отхода противника из города на северо-запад и на четвертый день операции овладеть районом Крехув, Янов, Ямельна, Мокротын, Жолкев. Сильными передовыми отрядами предписывалось захватить Яворов и переправы через р. Сан в районе Ярослава и юго-восточнее. В районе Холоюва требовалось войти в боевое взаимодействие с 13-й армией, в районе Рава-Русской – с 1-й гвардейской танковой армией и конномеханизированной группой генерала Соколова, а в районе Велькополе, Суховоля – с 4-й танковой армией^[537].

Позднее маршал Конев принял решение ввести 3-ю гвардейскую танковую армию в прорыв на второй день операции после преодоления пехотой всей тактической зоны обороны противника и выхода на рубеж Подгорце, Сасов, Струтын, Плугув. К исходу второго дня операции приказывалось выйти в район Каменка-Струмилова, Дзибулки, Ременув, Жултаныце^[538]. Для поддержки 60-й и 3-й гвардейской танковой армий выделялись 1-й гвардейский штурмовой и 5-й истребительный

авиационные корпуса. С целью скрыть замысел операции и перегруппировку соединений фронта штаб по указанию маршала Конева разработал план оперативной маскировки. Им предусматривалось имитировать сосредоточение двух танковых армий и танкового корпуса на левом крыле фронта.

При подготовке к операции командующий 3-й гвардейской танковой армией провел занятия на ящике с песком с командирами частей и соединений. «Проигрыш предстоящей задачи П.С. Рыбалко проводил высококвалифицированно, – отмечал маршал И.С. Конев, – со знанием дела, предусматривая целый ряд возможных случаев и затруднений, которые могут возникнуть при выполнении армией боевых задач. В то же время он обращал внимание на организацию службы восстановления, ремонта и боевого питания танковых войск. Все это разбиралось на фоне задач, поставленных той или иной бригаде или корпусу. Особое внимание обращалось на организацию взаимодействия с авиацией, артиллерией и, конечно, с той армией, на участке которой корпус или бригада входили в прорыв»^[539].

По решению генерала Рыбалко построение войск армии было в два эшелона: в первом – 7-й гвардейский танковый и 9-й механизированный корпуса, во втором – 6-й гвардейский танковый корпус. В резерв командующего армией была выделена 91-я отдельная танковая бригада. На период прорыва обороны противника, по указанию командующего фронтом, в распоряжение 28-го стрелкового корпуса 60-й армии передавались 29-й тяжелый танковый полк 7-го гвардейского танкового корпуса и танковый батальон 6-го гвардейского танкового корпуса для использования в качестве танков НПП. После прорыва обороны они возвращались в корпуса. Исходное положение для

ввода в прорыв на западном берегу р. Серет войска первого эшелона армии должны были занимать во время артиллерийской подготовки.

К началу операции войска 3-й гвардейской танковой армии были доукомплектованы материальной частью и личным составом и усиленно занимались боевой подготовкой. В состав армии были дополнительно включены 10-я истребительно-противотанковая артиллерийская, 16-я самоходная артиллерийская бригады, один дивизион 33-й пушечной артиллерийской бригады и один дивизион 1251-го пушечного артиллерийского полка.

По состоянию на 15 июля армия насчитывала 41 862 человека, 222 полевых, 39 противотанковых и 80 зенитных орудий, 271 миномет, 72 реактивные установки, 379 танков и 119 САУ, в том числе 323 Т-34 и 42 ИС-122^[540]. Подготовка прибывших экипажей танков и САУ была низкой, что потребовало организации дополнительных занятий по изучению материальной части, обслуживанию и вождению боевых машин по пересеченной местности. Уязвимым местом армии была обеспеченность автотранспортом. Из 6575 автомашин различных типов на ходу было только 3969. Это не позволяло полностью обеспечить пехоту транспортом. Поэтому генерал Рыбалко приказал обратить особое внимание на подготовку мотострелковых частей. На тактических учениях механизированные бригады и мотострелковые батальоны проверялись в умении совершать 25-, 40- и 50-километровые марши в ограниченное время (25 км – 4 часа, 40 км – 6 часов, 50 км – 8 часов).

Обеспеченность армии основными видами снабжения была достаточной для ведения наступательных операций. Запасы дизтоплива составляли 4 заправки, автобензина – 3,3 заправки,

боеприпасов – в среднем более 3 боекомплектов, продовольствия – более 20 суток.

В полосе предстоящего наступления 3-й гвардейской танковой армии оборонялись 349-я и 357-я пехотные дивизии, имевшие, по оценкам штаба фронта, по 6 тыс. активных штыков. Каждая дивизия занимала участок обороны шириной около 20 км. В районе Сасов, Золочев в резерве находилась 8-я танковая дивизия, располагавшая примерно 120 танками и самоходными установками. Имелись сведения о прибытии в район Золочев, Красное 14-й дивизии СС «Галичина».

Противник, стремясь задержать продвижение войск 1-го Украинского фронта, создал развитую систему обороны, состоявшую из трех полос. Первая полоса включала непрерывную систему траншей, доходивших на некоторых участках до 3-4 линий. На ряде участков впереди первой траншеи в 50—200 м располагались позиции боевого охранения, имевшие окопы полного профиля с ходами сообщения к основной траншее. Траншея первой линии была связана ходами сообщения со второй линией. Вторая линия траншей проходила на удалении от первой на 200-300 м, а третья линия – в 1,5-2 км. Вторая полоса обороны была оборудована на глубине 6—10 км от переднего края. Она представляла собой сплошную траншею полного профиля. Кроме того, имелись сведения о наличии второго тылового оборонительного рубежа в 30-40 км от переднего края по линии Повоч, Сасов, хутор Дембица, Золочев и третьего рубежа – по р. Западный Буг, Красное, р. Пельтев.

Несмотря на постоянное изучение группировки противника, командованию фронта к началу наступления не удалось в полной мере вскрыть систему огня и дислокацию его резервов, в том числе танковых дивизий на львовском направлении.

Вечером 12 июля на рава-русском направлении была проведена разведка боем. Она установила, что противник начал отвод своих войск, оставив на переднем крае боевое охранение. В связи с этим маршал Конев принял решение немедленно перейти в наступление передовыми батальонами дивизий, находившихся на направлении главного удара 3-й гвардейской и 13-й армий. Вскоре они преодолели главную полосу обороны, продвинувшись на 8—12 км.

На львовском направлении прорыв проходил в более напряженной обстановке. 14 июля после полуторачасовой артиллерийской подготовки и массированных ударов авиации перешли в наступление главные силы 60-й и 38-й армий. Но к исходу дня они продвинулись лишь на 3–8 км, непрерывно отражая удары введенных противником в сражение оперативных резервов в составе двух танковых дивизий. Для оказания содействия войскам 60-й армии генерал Рыбалко решил ввести в сражение две бригады корпусов первого эшелона.

Утром 15 июля была проведена артиллерийская подготовка. Одновременно авиация 2-й воздушной армии нанесла удар с воздуха по противнику. В результате его танковые дивизии понесли значительные потери, а управление войсками было дезорганизовано. В 8 часов 30 минут 69-я механизированная бригада 9-го механизированного корпуса совместно с частями 15-го и 28-го стрелковых корпусов атаковала противника в районе Перепельники. 56-я гвардейская танковая бригада 7-го гвардейского танкового корпуса совместно с частями 28-го стрелкового корпуса вступила в бой в районе Гукаловце. К исходу дня 15 июля войска 60-й и 3-й гвардейской танковой армий прорвали оборону противника на глубину до 18 км, образовав так называемый колтовский (колтувский) коридор шириной

4-6 км. Эта узкая полоса местности между Колтовом и Тросцянец Малы, в междуречье Западного Буга и Золочувки, вытянутая на 20 км в северо-западном направлении, была единственной, с большим трудом пробитой брешью в обороне противника на львовском направлении. С обеих сторон она простреливалась артиллерийским, минометным и даже пулеметным огнем. Кроме того, противник пытался ударами по сходящимся направлениям перерезать колтовский коридор.

Перед маршалом Коневым стояла сложная проблема: вводить танковую армию через узкий коридор или продолжать борьбу по его расширению. Последнее приводило к потере драгоценного времени – вражеское командование могло подтянуть к этому участку дополнительные резервы и сорвать наступление войск фронта. После всесторонней оценки обстановки командующий фронтом решил ввести в сражение главные силы 3-й гвардейской танковой армии в полосе обозначившегося успеха. С утра 16 июля вслед за передовыми отрядами они начали выдвижение по одному маршруту. Для обеспечения их выдвижения было выделено шесть авиационных корпусов.

К утру 17 июля войска 3-й гвардейской танковой армии вышли к р. Злочувка и переправились на ее западный берег. Не встречая в дальнейшем организованного сопротивления противника, передовой отряд 7-го гвардейского танкового корпуса занял Куткож, перерезав железную дорогу Львов – Броды. Передовой отряд 9-го механизированного корпуса овладел Красным. Утром следующего дня началась переправа через р. Пельтев. 71-я механизированная бригада 9-го механизированного корпуса после упорного боя овладела Буском. Ее передовой отряд, продвигаясь в северо-восточном направлении, занял Деревляны, куда к исходу дня подошли части конно-

механизированной группы генерала Баранова, замкнув кольцо окружения вокруг бродской группировки противника. 19 июля стрелковые части 60-й армии взяли Колтув, ликвидировав попытки противника закрыть ворота прорыва в горловине коридора.

Противник, пытаясь избежать окружения, еще с утра 17 июля предпринял контратаки, чтобы ликвидировать образовавшийся прорыв и перехватить коммуникации 3-й гвардейской танковой армии. В этой сложной обстановке маршал Конев принял решение ввести в сражение через узкую горловину прорыва еще одну, 4-ю танковую, армию. Ее ввод обеспечивался действиями двух штурмовых, двух бомбардировочных и двух истребительных авиационных корпусов. Расширение прорыва возлагалось на 106-й стрелковый и 4-й гвардейский танковый корпус. Здесь же разворачивался 31-й танковый корпус.

В течение 17 и 18 июля соединения 4-й танковой армии преодолели колтовский коридор. Своевременные меры, предпринятые по удержанию коридора, сыграли в последующем решающую роль в отражении попыток противника деблокировать свои войска, окруженные под Бродами.

Ввод в прорыв двух танковых армий через узкий коридор, безусловно, является показателем смелости, риска, решительности, непреклонной воли и творческого подхода командующего фронтом к использованию крупных подвижных объединений в конкретных условиях обстановки. Вместе с тем нельзя не отметить, что при создавшемся сложном положении половину бронетанковых соединений (31-й танковый, 4-й гвардейский танковый и 6-й гвардейский механизированный корпуса) пришлось задействовать для обеспечения флангов коридора. Войска двигались сплошной колонной по размытой дождями лесной дороге. Кроме того, обе танковые армии фактически не

вводились в прорыв, а «проталкивались» через узкую брешь по одному маршруту, что затянуло их ввод.

В то же время последовательный ввод в сражение двух танковых армий с целью быстрее выхода к Львову позволил развить тактический успех, достигнутый в начале операции, в оперативный успех. Войска 3-й гвардейской танковой и 13-й армий находились в 20-30 км от города, а 10-й гвардейский танковый корпус 4-й танковой армии вышел в район Ольшаницы (40 км восточнее Львова). Командующий фронтом, стремясь развить успех, отдал следующий приказ:

«1. Командарму 3-й танковой не позднее утра 20.7 обходным маневром с севера и с северо-запада овладеть Львовом. Группе генерала Баранова приказываю овладеть Жолкев.

2. Командарму 4-й танковой стремительным ударом в обход Львова с юга во взаимодействии с 3-й танковой овладеть Львовом. Обеспечить операцию с юга с направлений Перемышляны, Миколаев. 93 тбр оставить в районе Колтув до ликвидации противника»^[541].

В соответствии с этим в 11 часов 19 июля генерал Рыбалко приказал частям 7-го гвардейского танкового и 9-го механизированного корпусов немедленно осуществить поворот на юго-запад и развить наступление в направлении на Львов. Однако сложные погодные условия не позволили корпусам быстро занять исходное положение для наступления. Авиация противника практически безнаказанно бомбила автомобили с боеприпасами и горючим, еле ползущие по грязи. Поэтому корпуса смогли перейти в наступление лишь с утра 20 июля.

Маршал Конев предвидел возможные трудности захвата Львова внезапным ударом с севера. Поэтому он в 4 часа 20 июля приказал командующему 3-й

гвардейской танковой армией: «В случае если встретите сильное сопротивление при атаке Львова с севера и северо-востока, обходите Львов глубже с запада»^[542]. 4-я танковая армия должна была нанести удар в обход города с юга, а войска 60-й и 38-й армий – наступать на Львов с востока.

Несмотря на все усилия, 20 июля войскам 3-й гвардейской танковой армии не удалось овладеть Львовом. Маршал Конев, вспоминая об этом, отмечал, что командующий допустил ошибку в оценке местности перед Львовом, не учел должным образом подступы к городу. Стремясь скорее взять Львов, генерал Рыбалко двинул свои войска на город прямо по дороге Красное – Львов и уперся в торфяное болото, что северо-восточнее Львова. Это было самое трудное место для действий танковых войск. А между тем в приказе фронта от 20 июля указывалось: обходить Львов глубже с запада. «Меня очень беспокоили действия 3-й гвардейской танковой армии, которая вместо глубокого обхода Львова ввязалась в затяжные бои за проходы на подступах к городу, – пишет Конев. – Ее стремительному броску я придавал особое значение. Но, к сожалению, П.С. Рыбалко, опытный командарм, всегда отличавшийся продуманностью своих оперативных решений, на сей раз втянулся в тяжелые бои под Львовом на очень неудобной местности, и выгодная обстановка для маневра армии в обход города с северо-запада и запада им не была использована»^[543].

А как же оценивал сложившуюся обстановку штаб 3-й гвардейской танковой армии? В «Отчете о боевых действиях 3-й гвардейской танковой армии в Львовско-Перемышльской операции с 14.7 по 28.7.44» отмечалось:

«Уже вечером 19.7 командующему стало ясно, что возможность внезапного удара на Львов с северо-

востока и захват города с ходу ускользнула. Оставалась лишь одна надежда – что противник еще не успел подтянуть к Львову крупных резервов и его небольшой гарнизон может быть разбит нашим ударом. В операции против Львова представлялся редкий случай – внезапным ударом с ходу смять небольшие группы противника на пути и стремительно ворваться в город танками с десантом, рассеять не успевший организовать оборону города гарнизон и быстро овладеть этим крупнейшим центром Западной Украины; это для 3-й гвардейской танковой армии вполне было возможно 17 и 18 июля, это было уже трудно осуществить 19 июля и почти невозможно позже. К 19.00 20.7 противник подтянул для обороны г. Львов частью уже потрепанные, но еще вполне боеспособные войска (20-я моторизованная дивизия, 16-я танковая дивизия, часть сохранившихся сил 340-й пехотной дивизии), а также из тыла свежую 101-ю горнострелковую дивизию, 68-ю и 168-ю пехотные дивизии и спец. части гарнизона г. Львов и занял удобные для обороны рубежи и опорные пункты. Кроме того, все, что было можно, противник снял с южного Львовского участка и перебросил к северу от Львова, почувствовав отсюда большую угрозу»^[544].

Как достаточно весомый фактор, противодействующий наступлению войск армии, оценивались действия авиации противника, имевшей полное господство в воздухе.

Пока корпуса 3-й гвардейской танковой армии безуспешно пытались прорваться к Львову с севера, войска 60-й армии при участии 91-й отдельной танковой и 16-й самоходной артиллерийской бригад к полудню 22 июля завершили разгром бродской группировки противника.

В ночь на 22 июля войска 4-й танковой армии начали штурм Львова. Вечером маршал Конев направил в штаб 3-й гвардейской танковой армии своего представителя с приказом следующего содержания:

«1-я гвардейская танковая армия овладела Олешеце, Любачев и стремительно наступает на Ярослав, чем создана выгодная обстановка для глубокого охвата львовской группировки противника и ее разгрома. Приказываю:

Первое. Прикрыться против Львова.

Второе. Главными силами армии обходить Львов глубже, имея задачей стремительно выйти в район Яворов, Мостиска, Судовая Вишня, отрезать пути отхода львовской группировке противника на запад. Яновский лесной массив обойти с севера. 31-й тк – уничтожить группировку противника в районе Стар. и Нов Ярычев, Дзедзилув и после выполнения задачи оставаться в районе Дзедзилув, Нов. Ярычев»[\[545\]](#).

Войска армии, выполняя приказ командующего фронтом, начали марш с целью обхода Яновского лесного массива. К исходу дня 23 июля 6-й гвардейский танковый корпус вышел в район Яворова, выслав одну бригаду в Мостиску, другую – в Янув. В это время к юго-западной окраине Львова подошел 6-й гвардейский механизированный корпус, который перехватил Стрыйское шоссе и отрезал пути отхода противника на юг и юго-запад. К утру 24 июля 7-й гвардейский танковый корпус 3-й гвардейской танковой армии главными силами занял Судовую Вишню и одной бригадой Грудек-Ягельонский. К трем часам дня в район Яворова главными силами вышел 9-й механизированный корпус.

В главе «Первая гвардейская танковая армия» подробно изложены все вопросы, касающиеся указаний Ставки ВГК по разгрому львовской группировки

противника, разработки планов штабом 1-го Украинского фронта и мероприятий врага по спасению своих войск в районе Львова.

Напомним, что противник сумел укрепить действовавшую под Львовом группировку переброшенными туда из района Станислава тремя дивизиями. Генерал Г. Гудериан, назначенный 20 июля начальником Генерального штаба Главного командования сухопутных войск, принял энергичные меры для восстановления фронта обороны по западному берегу Вислы. Сюда спешно выдвигались резервы из глубины и с других участков фронта.

В соответствии с планом, разработанным командующим и штабом 1-го Украинского фронта и представленным 23 июля Сталину, 3-й гвардейской танковой армии предстояло выйти к Висле в районе устья р. Вислока, форсировать ее и обойти Краков с севера. Однако Сталин 24 июля отклонил этот план, потребовав в первую очередь разгромить львовскую группировку противника и не допустить ее отхода за р. Сан или на Самбор. Он приказал использовать 1-ю гвардейскую танковую армию и 1-й гвардейский кавалерийский корпус для овладения районом Ярослав, Перемысль (Пшемысль) с целью отрезать основные пути львовской группировке противника на запад. Соединениям 3-й гвардейской и 4-й танковой армий предстояло разгромить львовскую группировку и овладеть г. Львов во взаимодействии с 60-й армией. Наступление на запад на ближайшие дни предписывалось ограничить выходом на р. Сан с захватом переправ и плацдармов на западном берегу этой реки.

Сталин потребовал представить ему 26 июля план дальнейших действий после овладения Львовом. О его содержании мы говорили в главе, посвященной 1-й гвардейской танковой армии. Здесь скажем только о

том, что 3-й гвардейской танковой армии предписывалось перейти в наступление из района Жолыня, Пшевурск, Гродзинско-Дольне на Стоберну, Сендзивуш, Домброву Тарновску, Опатовец (на р. Висла), Мехув в обход Кракова с севера и северо-запада. Начало операции – ориентировочно 3–5 августа.

Пока разрабатывались и уточнялись все эти планы, маршал Конев 24 июля потребовал от 3-й гвардейской танковой армии выйти главными силами в район Мостиска, Судовая Вишня, Яворов и разбить львовскую группировку противника. Частью сил предстояло наступать на Грудек-Ягельонский, Львов и содействовать 60-й и 4-й танковой армиям в овладении Львовом. В последующем войскам 3-й гвардейской танковой армии приказывалось захватить Медыка, Нижанковице и перерезать пути отхода противника на Перемышль ^[546]. По решению генерала Рыбалко соединения 6-го гвардейского танкового корпуса должны были наступать в западном направлении и захватить Перемышль. 7-му гвардейскому танковому корпусу приказывалось оказать содействие войскам 60-й и 4-й танковой армий в освобождении Львова. 9-й механизированный корпус и 91-я отдельная танковая бригада получили задачу наступать в южном направлении с целью перекрыть пути отхода львовской группировки противника на юго-запад.

К этому времени войска 13-й армии, действовавшие севернее 3-й гвардейской танковой армии, подходили к р. Сан. Соединения 1-й гвардейской танковой армии переправились через реку севернее Ярослава и вели боевые действия на северных окраинах Ярослава, а конномеханизированная группа генерала Баранова форсировала Сан у Радымно.

К 3 часам 25 июля передовой отряд 6-го гвардейского танкового корпуса генерала В.В. Новикова

вышел по шоссе Мостиска – Перемышль к р. Вяр, мост через которую был взорван противником, а берега реки заминированы. Поэтому главные силы 56-й гвардейской танковой бригады корпуса, сместившись к югу, форсировали Вяр у Негрыбка и к исходу дня вышли к юго-восточной окраине Перемышля. Однако внезапность действий была утеряна, и взять город с ходу не удалось. В этой связи генерал Рыбалко направил командиру корпуса письмо следующего содержания:

«Танками города Вам не взять, раз внезапность Вы потеряли. Необходимо подтянуть пехоту. Тщательно произвести разведку, особенно тщательно определить наиболее опасные огневые точки, расположенные внутри города. Для разведки необходимо использовать разведчиков-партизан, которые хорошо знают город. Просочить в город пехоту, автоматчиков, партизан. Только после тщательно произведенной разведки организовать бой за овладение городом, используя всю мощь артиллерийского огня. Вся тяжесть по овладению городом должна лечь на пехоту и артиллерию, танки же можно использовать в крайне ограниченном количестве в составе штурмовых отрядов (3–5 танков)»^[547].

В течение 26 июля на западный берег р. Вяр у Негрыбка переправились 51-я гвардейская танковая и 22-я мотострелковая бригады 6-го гвардейского танкового корпуса. Части 53-й гвардейской танковой бригады продолжали бои на южной окраине Перемышля и одновременно частью сил перехватили к западу от города шоссе Перемышль – Дынув, лишив противника возможности отводить войска на запад или перебрасывать подкрепления к Перемышлю. В 9 часов вечера, после мощного огневого налета артиллерии корпуса, 22-я мотострелковая бригада ночным штурмом

овладела высотой, господствовавшей над междуречьем Сана и Вьяра, а затем продолжила наступление к центру Перемышля. Этим воспользовалась 53-я гвардейская танковая бригада, которая вошла в город по Добромильскому шоссе. К 9 часам 27 июля Перемышль был полностью очищен от противника.

С утра 26 июля части 7-го гвардейского танкового корпуса начали наступление на Львов через Грудек-Ягельонский, а 52-я гвардейская танковая бригада и два мотострелковых батальона 9-го механизированного корпуса, сведенные в группу под командованием заместителя начальника штаба армии генерала Зиберова, – через Янув. В 2 часа в штурме Львова приняла участие 56-я гвардейская танковая бригада, а в 8 часов вечера – 280-я стрелковая дивизия 13-й армии, временно подчиненная командующему 3-й гвардейской танковой армией. К 10 часам утра 27 июля в город с севера и востока стали входить стрелковые части 60-й армии, а войска 4-й танковой армии продвинулись до центра города. К вечеру Львов был полностью очищен от противника.

9-й механизированный корпус, перекрывая пути отхода львовской группировки на юго-запад, силами одной бригады 25 июля занял Рудки и вышел к Днестру в районе Чайковичи. Утром следующего дня передовой отряд 7-го гвардейского танкового корпуса внезапным ударом захватил Самбор. Подразделения 91-й отдельной танковой бригады заняли Нижанковице, Нижевец, Гусаков, Добромиль и Хыров. Пути отступления противника из района Львова на Перемышль и за р. Сан были преграждены. Он предпринимал отчаянные попытки для того, чтобы прорваться к Перемышлю. Утром 28 июля противник вынудил передовой отряд 7-го гвардейского танкового корпуса оставить Самбор. 31 июля части 91-й отдельной

танковой бригады были выбиты из Хырува, но удержали Добромиль и Нижанковице.

В результате успешных действий войск 1-го Украинского фронта группа армий «Северная Украина» была рассечена на две части: остатки 4-й танковой армии откатывались к Висле, а 1-й танковой армии и венгерской 1-й армии – на юго-запад, к Карпатам. Разрыв между ними достигал до 100 км. В него по решению маршала Конева устремились конномеханизированная группа генерала Соколова и соединения 13-й армии.

27 июля Ставка ВГК своей директивой № 220155 потребовала от маршала Конева направить 1-ю гвардейскую танковую армию и кавалерийские соединения для захвата плацдармов на западном берегу Вислы на участке между Сандомиром и р. Вислока. Вслед за ними должна была продвигаться 3-я гвардейская танковая армия [\[548\]](#).

Во исполнение поставленной задачи маршал Конев 28 июля направил командующему 3-й гвардейской танковой армией директиву № 92/НШ следующего содержания:

«По выходе 60-й и 4-й танковой армий на рубеж Перемышль, Добромиль, Самбор приказываю:

1. Сосредоточить 3-ю гвардейскую танковую армию в районе Краковец, Медыка, Яворов для последующих действий в направлениях Ярослав, Жешув, Кольбушова, Мелец, Сташув.

2. Подготовить переправы через р. Сан для танков у Синява, Ярослав, Радымно и через р. Вислок севернее Пшевурск.

3. О начале наступления армии будет дан приказ дополнительно.

4. Привести матчасть в порядок, подвезти горючее и боеприпасы.

5. Получение, исполнение донести»[\[549\]](#).

Генерал Рыбалко принял решение в ночь на 29 июля переправиться основными силами армии через Сан и к исходу дня головным корпусом достичь Кольбушова. Учитывая возможное сопротивление противника в районе Жешува, планировалось обойти город с севера силами 6-го гвардейского танкового корпуса и с юга силами 9-го механизированного корпуса. Не успели войска армии приступить к выполнению поставленной задачи, как утром 29 июля в штаб поступила новая директива командующего фронтом:

«В целях недопущения противника занять рубеж обороны по р. Висла и овладения плацдармом на западном берегу р. Висла для дальнейших действий приказываю:

Из района сосредоточения согласно моей директиве № 92/НШ от 28.7.44 наступать с утра 29.7.44 авангардами и с утра 30.7.44 главными силами в направлении Жешув, Кольбушова, Мелец, во взаимодействии с 13-й и 1-й танковой армиями форсировать р. Висла на участке Баранув, устье реки Вислок и к исходу 2.8.44 овладеть плацдармом Сташув, Быдлова, Будзиска, Плиско Воля. Вести разведку на Шидлув, Стопница, Новы-Корчин»[\[550\]](#).

Тем временем передовые отряды 1-й гвардейской танковой и 13-й армий вечером 29 июля форсировали Вислу у Баранува, захватив к утру следующего дня на противоположном берегу два плацдарма глубиной 2–3 км. Утром 1 августа через Вислу переправились главные силы 1-й гвардейской танковой армии.

В полосе наступления 3-й гвардейской танковой армии события развивались следующим образом. Вечером 29 июля передовой отряд 6-го гвардейского танкового корпуса подошел к р. Вислок. Переправившись через реку, корпус к исходу

следующего дня вышел в район Кольбушова. Части 7-го гвардейского танкового корпуса, перевившись через Сан, вышли к занятому за сутки до этого войсками 13-й армии Ланьцуту, а 9-й механизированный корпус совместно с 117-й стрелковой дивизией 13-й армии завязал бой за Жешув. Однако командующий 1-м Украинским фронтом, стремясь нарастить успех 1-й гвардейской танковой армии, приказал генералу Рыбалко вывести корпус из боя и утром 31 июля его силами форсировать Вислу на участке Тарнобжег, Баранув. Части 6-го гвардейского танкового корпуса должны были преодолеть реку в районе Дурды, а 7-го гвардейского танкового корпуса – в районе Хмелева.

В указанный срок соединения 3-й гвардейской танковой армии приступили к форсированию Вислы. Оно обеспечивалось силами 18-го понтонного батальона, приданного армии распоряжением начальника инженерных войск фронта и входящего в состав армии 182-го моторизованного инженерного батальона. К вечеру 31 июля они навели через реку первую паромную переправу, по которой в ночь на 1 августа на западный берег Вислы было переправлено 23 танка и САУ и два мотострелковых батальона 7-го гвардейского танкового корпуса. Позднее были подготовлены еще две переправы. В ночь на 2 августа на Висле уже действовали 4 30-тонных и 2 60-тонных парома, которые к 10 часам 30 минутам обеспечили переправу на левый берег реки частей 6-го и 7-го гвардейского танковых корпусов.

После форсирования Вислы войска 1-й гвардейской танковой армии перешли в наступление в северном и северо-восточном направлениях, а 3-й гвардейской танковой армии – на запад и юго-запад. Противник предпринимал отчаянные попытки, чтобы отбросить войска фронта, вышедшие в район Сандомира. В первую очередь он нанес ряд контрударов по флангам войск,

находившихся на правом берегу Вислы, из районов Тарнобжега и Мельца. Встречными ударами с севера и юга в общем направлении на Баранув противник стремился выйти в район переправ, отсечь соединения 1-й и 3-й гвардейских танковых армий, находившиеся за Вислой, от остальных сил фронта и восстановить оборону по левому берегу.

Для отражения вражеских контрударов были привлечены находившиеся на правом берегу Вислы подразделения 11-го гвардейского танкового корпуса, 64-я гвардейская танковая бригада 1-й гвардейской танковой армии, 9-й механизированный корпус 3-й гвардейской танковой армии, а также некоторые стрелковые и артиллерийские соединения.

Особенно опасными были действия южной вражеской группировки, в которую входили две танковые и около двух пехотных дивизий. 3 августа противник нанес удар из района Мельца в направлении Баранува и прорвался к переправам. В ходе ожесточенных боев мелецкая группировка врага была разгромлена силами 9-го механизированного корпуса и 33-го гвардейского стрелкового корпуса 5-й гвардейской армии, которая выдвигалась на плацдарм из резерва фронта. Был также ликвидирован предмостный плацдарм врага в районе Тарнобжега.

К утру 4 августа к Барануву подошла 95-я стрелковая дивизия 5-й армии. Она совместно с 69-й механизированной бригадой при поддержке сводных групп танков 6-го и 7-го гвардейских танковых корпусов отбросила противника от переправ. К этому времени плацдарм в районе Сандомира был расширен до 45 км по фронту и до 25 км в глубину.

Кризис у баранувских переправ побудил командование фронта привлечь к очистке восточного берега Вислы от противника дополнительные силы из состава 5-й и 13-й армий, и к 7 августа восточные

берега рек Висла и Вислока были очищены от противника до района Жохуву.

Пока на правом берегу Вислы шли упорные бои, главные силы 6-го и 7-го гвардейских танковых корпусов, находившиеся на левом берегу реки, продолжали наступление. К полночи 2 августа части 7-го гвардейского танкового корпуса очистили от противника Сташув. 6-й гвардейский танковый корпус, не встречая сопротивления, вышел на рубеж Шидлув, Стопница. Утром 3 августа передовой отряд корпуса – 53-я гвардейская танковая бригада – подошел к Вислице на берегу р. Нида. Передовой отряд 51-й гвардейской танковой бригады попытался с ходу захватить Щуцинскую переправу, но успеха не имел. Не помогло и усиление передового отряда подразделениями 22-й гвардейской мотострелковой бригады и 71-го гвардейского тяжелого танкового полка. Противник непрерывно наращивал свои силы в районе переправы, упорно удерживая предмостный плацдарм, позволявший воздействовать на фланги 3-й гвардейской танковой армии. 7 августа противнику удалось потеснить 22-ю гвардейскую мотострелковую бригаду. На ее усиление решением генерала Рыбалко была направлена 91-я отдельная танковая бригада. 9 августа к переправе вышли основные силы 58-й стрелковой дивизии 5-й армии. Но все это не позволило сломить сопротивление противника.

Не имели успеха и попытки 3-й гвардейской армии расширить захваченный плацдарм севернее Сандомира. В сложившейся ситуации маршал Конев решил приостановить наступления на краковском направлении и перенести усилия 3-й гвардейской танковой армии на келецкое направление с целью расширения плацдарма к северу. 3 августа командующий 1-м Украинским фронтом приказал генералу Рыбалко с утра 4 августа перейти в наступление одним танковым корпусом из

района Сташува в направлении 1 км западнее Опатува, Денкув, Магонь с задачей совместно с 1-й гвардейской танковой армией уничтожить сандомирскую группировку противника. В случае слабого сопротивления противника в Островце предписывалось захватить этот город. Маршал Конев информировал, что на плацдарм, занятый войсками 3-й гвардейской танковой армии, к исходу 4 августа подойдут две стрелковые дивизии 5-й армии [\[551\]](#).

Однако стрелковые дивизии 5-й армии задерживались с подходом, а потому по согласованию с командующим фронтом сроки наступления и задачи 3-й гвардейской танковой армии были уточнены. Она должна была силами 6-го гвардейского танкового корпуса удерживать рубеж Шидлув, Стопница, а 7-м гвардейским танковым корпусом 5 августа перейти в наступление на Богорю, Иваниску, Островец и к исходу дня захватить Островец, где, по данным разведки, находился штаб 4-й танковой армии противника. Части 8-го механизированного корпуса 1-й гвардейской танковой армии получили задачу развивать наступление в направлении Опатув, Ожарув.

Наступление 7-го гвардейского танкового корпуса (37 танков, 3 САУ, 917 активных штыков) началось в 10 часов утра 5 августа. Передовой отряд корпуса (55-я гвардейская танковая бригада) к 9 часам утра 6 августа внезапным ударом захватила Бодзехув и перерезала шоссе Островец – Сандомир, вызвав тем самым у противника панику. Однако он вскоре оправился и контратаковал бригаду с разных направлений. Потеряв 14 танков, она вынуждена была оставить Бодзехув. Основные силы корпуса к исходу дня вышли в район Лагув, Нескужув. 8-й механизированный корпус продвижения не имел, поэтому 7-й гвардейский танковый корпус получил на 7 августа задачу нанести

удар в направлении Опатув, Ожарув. Но и ему не удалось овладеть районом Опатува. 8 августа в районе Сташува сосредоточился 9-й механизированный корпус, закончивший ликвидацию мелецкой группировки противника. Генерал Рыбалко принял решение, прикрывшись частью сил 9-го механизированного корпуса с направлений Кельце и Островец, главными силами армии нанести удар в обход Опатувского узла сопротивления с севера в общем направлении на Ожарув. Правофланговому 7-му гвардейскому танковому корпусу предписывалось продолжать наступление на Стодолы.

Противник, опираясь на заранее подготовленную оборону, в течение 10 августа отразил все атаки 9-го механизированного и 7-го гвардейского танкового корпусов. С утра 11 августа противник, подтянув свежие 3-ю танковую дивизию из Румынии и 16-ю танковую дивизию из-под Санок в район Хмельника, нанес удар в общем направлении Сташув, Баранув. Ему удалось прорвать оборону 112-й стрелковой дивизии 13-й армии и занять Ракув и Шидлув. Для противодействия возможному прорыву противника на Сташув командующий 3-й гвардейской танковой армией выдвинул к Ханьче форсированным маршем 91-ю отдельную танковую бригаду. Совместными усилиями 6-го гвардейского танкового корпуса, 91-й отдельной танковой бригады и 97-й стрелковой дивизии удар противника на Сташув удалось отразить. Тогда противник 13 августа нанес контрудар частями четырех танковых, одной моторизованной и нескольких пехотных дивизий из района Стопницы. В шестидневных ожесточенных боях соединения 5-й гвардейской, 3-й гвардейской танковой армий и 31-го отдельного танкового корпуса нанесли противнику большие потери, который вынужден был прекратить атаки. К району боевых действий из-под Самбора были

переброшены соединения 4-й танковой армии, что позволило еще больше укрепить оборону на плацдарме.

14 августа командующий 1-м Украинским фронтом предпринял еще одну попытку срезать опатувский и сандомирский выступы объединенными усилиями общевойсковых и танковых армий. В ходе четырехдневных упорных боев 7-й гвардейский танковый и 21-й стрелковый корпуса продвинулись на 5-6 км, заняв Стодолы. Наступление 9-го механизированного корпуса успеха не имело. Однако наступавшие правее 3-й гвардейской танковой армии соединения 1-й гвардейской танковой армии заняли Якубовце, Собутку и к исходу 17 августа установили связь с плацдармом 3-й гвардейской армии на западном берегу Вислы. В результате сандомирская группировка противника оказалась в окружении.

20 августа командующий 1-м Украинским фронтом приказал 3-й гвардейской танковой армии не допустить прорыва противника из опатувского выступа на юго-восток, юг и юго-запад. К этому времени армия понесла большие потери, насчитывая всего 102 танка, 46 САУ и 3701 активный штык. Запасы боеприпасов сократились до 1 боекомплекта и менее, а автобензина имелось лишь 0,1 заправки. Тем временем опатувская группировка противника заметно усилилась. В ее состав были дополнительно переброшены 3, 17 и 23-я танковые дивизии. С 20 по 31 августа противник предпринял более 40 ожесточенных атак на келецком направлении, пытаясь найти слабые места в обороне 3-й гвардейской танковой армии. Несмотря на все усилия, ему не удалось прорваться в районе Стопницы. Самым большим достижением врага явилось вытеснение войск армии к югу за дорогу Завихост – Стодолы – Опатув.

Одновременно с отражением контрудара противника в районе Стопницы войска 3-й гвардейской, 1-й гвардейской танковой и 13-й армий вели боевые

действия по расширению сандомирского плацдарма в северном направлении. 18 августа соединения 13-й и 3-й гвардейской армий овладели Сандомиром, расширив плацдарм за Вислой до 75 км по фронту и до 50 км по глубине. После этого 1-я гвардейская танковая армия была выведена в резерв фронта. Войска 3-й гвардейской танковой армии до конца августа продолжали отражать вражеские контрудары на северном участке плацдарма.

Об итогах Львовско-Сандомирской операции мы говорили в главе, посвященной 1-й гвардейской танковой армии. Скажем лишь, что боевые действия носили исключительно упорный и кровопролитный характер. Безвозвратные потери 3-й гвардейской танковой армии составили 381 танк и САУ [\[552\]](#).

* * *

После завершения Львовско-Сандомирской операции 29 августа 1944 г., согласно директиве № 29580 Генштаба Красной Армии, командующему 1-м Украинским фронтом было приказано направить походом в резерв Ставки ВГК 3-ю гвардейскую танковую армию (6-й и 7-й гвардейские танковые, 9-й механизированный корпуса, 91-я отдельная танковая бригада) со всеми армейскими частями усиления и тылами. Армия должна была сосредоточиться к 12 сентября в районе Равы-Русской. Части и соединения предписывалось отправить в полном составе, кроме танков и САУ. Разрешалось только отправить по 10 танков на корпус, по одной САУ на каждый самоходный артиллерийский полк, командирские танки и все самоходные артиллерийские установки СУ-57. Марш предписывалось совершать исключительно в темное

время. Всю переписку и переговоры по этому вопросу вести только с Генеральным штабом [\[553\]](#).

Войскам армии предстояло принять участие в Сандомирско-Силезской наступательной операции. С учетом этого была организована боевая и политическая подготовка. Под руководством генерала Рыбалко были проведены показательные армейские учения на тему: «Наступление мотострелковой бригады на заблаговременно подготовленный рубеж, поспешно занятый противником». В соединениях состоялись показательные занятия по отработке способов преодоления противотанковых рвов и инженерно-минных заграждений, методов скоростной постройки мостов из заранее заготовленных деталей. В каждой бригаде на р. Ленг, близкой по своим характеристикам к р. Нида, были проведены 2–3 учения по захвату реки и ее форсированию. Большое внимание уделялось маршевой подготовке пехоты. В боевой подготовке с прибывшими экипажами особое внимание было обращено на огневую подготовку и вождение. В инженерных частях были созданы и обучены 18 армейских и 40 корпусных подвижных отрядов заграждения, 70 групп истребителей танков, 15 штурмовых групп, 15 групп по разминированию мин замедленного действия, 20 отделений внештатных сапер. В предвидении форсирования рек Нида и Пилица каждый корпусной саперный батальон и батальон армейской инженерной бригады заготовили элементы моста под грузы 60 т длиной до 50 м. Одновременно войска армии были пополнены личным составом и боевой техникой.

19 октября 1944 г. командующий 3-й гвардейской танковой армией получил директиву № 297200 Генштаба о сосредоточении ее войск своим ходом, за исключением танков и САУ, к утру 27 октября в районе

Тарнобжега (10 км южнее Сандомира). Для перевозки танков, САУ и армейских запасов предоставлялось 40 эшелонов. Армия включалась в состав 1-го Украинского фронта^[554].

Сандомирско-Силезская наступательная операция (12 января - 3 февраля 1945 г.)

В главе «Первая гвардейская танковая армия» подробно говорится о планах Верховного Главнокомандования вермахта и советской Ставки Верховного Главнокомандования на зимнюю кампанию 1945 года. Ее составной частью, как уже отмечалось, являлась Висло-Одерская стратегическая наступательная операция, включавшая Варшавско-Познаньскую и Сандомирско-Силезскую фронтовые наступательные операции.

Сандомирско-Силезскую операцию проводили войска 1-го Украинского фронта (командующий – Маршал Советского Союза И.С. Конев), которые насчитывали 1,2 млн человек, 3660 танков и САУ, более 17 тыс. орудий и минометов, 2580 самолетов.

В полосе фронта оборонялись 4-я танковая и 17-я полевая армии группы армий «А» (с 26 января – «Центр», командующий – генерал-полковник Й. Гарпе). По данным генерала армии Д.Д. Лелюшенко, противник насчитывал 257 тыс. человек, 540 танков и САУ, 2702 орудия и миномета. Противник уступал войскам 1-го Украинского фронта в личном составе в 4,2 раза, по танкам – в 6, а по орудиям и минометам – в 5,9 раза^[555].

Войскам 1-го Украинского фронта, согласно директиве № 220271 Ставки ВГК от 25 ноября 1944 г., ставилась задача:

«Подготовить и провести наступательную операцию с целью, разгромив во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом кельце-радомскую группировку

противника, не позднее 10—11-го дня наступления овладеть рубежом Пиотркув, Радомско, Ченстохова, Заверце, Мехув, Бохня. В дальнейшем развивать наступление в общем направлении на Калиш»^[556].

Главный удар силами пяти общевойсковых, двух танковых армий, четырех танковых и механизированных корпусов предписывалось нанести с сандомирского плацдарма в общем направлении на Хмельник, Малогощ, Радомско. Оборону противника предусматривалось прорвать западнее Сташува силами трех армий (13-й, 52-й и 5-й гвардейской) на участке шириной 30 км. На участок прорыва требовалось привлечь шесть артиллерийских дивизий и создать плотность артиллерии и минометов (от 76-мм и выше) не менее 220 стволов на 1 км. Во втором эшелоне фронта следовало иметь две армии (3-я гвардейская и 21-я). Их намечалось использовать после прорыва вражеской обороны следующим образом: 3-ю гвардейскую армию с одним танковым корпусом ввести в сражение из-за правого фланга участка прорыва в направлении Скаржиско Каменна, Шидловец с задачей обойти с запада Островецкую систему обороны противника и помочь войскам 1-го Белорусского фронта выйти в район Радома; 21-ю армию после прорыва вести за центром главной группировки фронта и использовать ее для наращивания удара на главном направлении. Действия главной группировки войск необходимо было обеспечить: с севера, со стороны Островца, – обороной 6-й армии; с юга, со стороны Кракова, – 60-й и 59-й армиями. Танковые армии планировалось применить для развития успеха после прорыва на главном направлении. В резерве фронта иметь 1-й гвардейский кавалерийский корпус и один танковый или механизированный корпус^[557].

Директива Ставки ВГК легла в основу планирования Сандомирско-Силезской операции. Главный удар, как и предписывала Ставка, командующий 1-м Украинским фронтом планировал нанести с сандомирского плацдарма в общем направлении на Хмельник, Радомско, Бреслау (Вроцлав) с целью прорвать вражескую оборону и, введя в сражение танковые армии, расцечь на всю глубину противостоявшую группировку противника и уничтожить ее по частям во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом (проводил Варшавско-Познаньскую операцию).

При ширине полосы фронта в исходном положении до 230 км прорыв обороны осуществлялся на участке шириной 39 км силами 13-й, 52-й, 5-й гвардейской, частью сил 3-й гвардейской и 60-й армий. Правый фланг ударной группировки обеспечивался 6-й и 3-й гвардейской армиями, которые во взаимодействии с частью сил 1-го Белорусского фронта должны были окружить и уничтожить островерецко-опатувскую группировку противника. Обеспечение левого фланга возлагалось на 60-ю и 59-ю (вводилась в сражение на 2-й день операции) армии, наступавшие во взаимодействии с войсками 4-го Украинского фронта на Краков.

В связи с большим размахом операции войска фронта имели глубокое оперативное построение: в первом эшелоне – 13-я, 52-я, 5-я гвардейская и 60-я армии; во втором эшелоне – 21-я и 59-я армии, в резерве – 7-й гвардейский механизированный и 1-й гвардейский кавалерийский корпуса. 3-я гвардейская и 4-я танковые армии составляли подвижную группу фронта.

Задачи войск 1-го Украинского фронта были изложены в директиве № 001472(490)/оп от 23 декабря 1944 г. [\[558\]](#). Войска 3-й гвардейской танковой армии предусматривалось ввести в прорыв на участке 52-й

армии с целью стремительного развития наступления в направлении Дужа, Енджеюв, Влоцова, Радомско. Один корпус вести во втором эшелоне армии на уступе слева. Задача 3-й гвардейской танковой армии – уничтожать отходящего противника, громить подходящие его резервы, не допустить занятия противником подготовленных оборонительных рубежей на реках Нида и Пилица. На третий день операции овладеть районом Кружелев, Сецемин, Моджеве, а передовыми отрядами захватить переправы на р. Пилица на участке Мосты, Конецполь. В дальнейшем овладеть районом Радомско, Плавно, Цадув. С рубежа р. Пилица направить сильный боковой отряд на Ченстохова, а также вести разведку на Водзислав, Щекоцины, Лелюв, устанавливая боевое взаимодействие с 31-м танковым корпусом 5-й гвардейской армии.

В задачи артиллерии входило: уничтожение и подавление обороны противника на всю тактическую глубину; разрушение оборонительных сооружений противника; подавление штабов и узлов связи. Продолжительность артподготовки – 1 час 50 минут. Для поддержки 3-й гвардейской танковой армии выделялось по одной дивизии от 1-го гвардейского штурмового и 6-го гвардейского истребительного авиационных корпусов. На сандомирском плацдарме была создана достаточно высокая плотность на 1 км фронта – 230 орудий и минометов и 21 танк.

29 декабря 1944 г. Ставка ВГК своей директивой № 220290 утвердила план командующего 1-м Украинским фронтом, указав на то, что ввод танковых армий в прорыв производить не обязательно в первый день наступления, а только после того как будет прорвана тактическая зона обороны противника, получив на это предварительно разрешение Ставки ^[559].

К началу операции в состав 3-й гвардейской танковой армии входили два танковых и один механизированный корпус, легкая артиллерийская, самоходная артиллерийская и моторизованная инженерная бригады, два зенитных артиллерийских, гвардейский минометный, танковый, инженерный танковый и мотоциклетный полки, отдельный автобронетанковый батальон, армейский полк связи.

Кроме того, армии были приданы дивизионы 145-й и 194-й пушечных артиллерийских бригад РК, 207-й отдельный моторизованный инженерный, 79-й штурмовой инженерно-саперный батальоны и взвод собак-миноискателей. Она насчитывала около 55,7 тыс. человек, 661 танк, 22 танка-тральщика, 238 САУ, 346 орудий, 364 миномета и 48 реактивных установок М-13. Обеспеченность автотранспортом оставляла желать лучшего: из положенных по штату 7465 автомашин имелось всего 5496. Запас горючего составлял 3,3 заправки дизтоплива и 4,3 заправки автобензина, боеприпасов – от 2,1 боекомплекта (57-мм артвыстрелы) до 4,9 боекомплекта (120-мм мины), продовольствия – около 15 суток [\[560\]](#).

По решению генерала Рыбалко ввод 3-й гвардейской танковой армии в прорыв намечалось осуществить в двухэшелонном оперативном построении: в первом – 6-й гвардейский танковый и 9-й механизированный корпуса, во втором – 7-й гвардейский танковый корпус. С выходом корпусов первого эшелона на западный берег р. Нида он должен был развивать наступление в направлении Енджеюв, Нагловице, Сецемин, Плавно, а 9-й механизированный корпус выводился во второй эшелон. Исходный рубеж для ввода в прорыв корпуса первого эшелона должны были занимать во время артиллерийской подготовки, а остальные войска армии

начинали движение в прорыв из выжидательного района.

Вечером 30 декабря командующий 1-м Украинским фронтом приказал 3-й гвардейской танковой армии выйти в исходный район в леса восточнее Сташува. Переправа войск армии на сандомирский плацдарм началась в ночь на 3 января и завершилась к утру 5 января 1945 г.

По плану Ставки ВГК операция должна была начаться 20 января. Однако, учитывая тяжелое положение англо-американских войск на Западном фронте, Сталин дал войскам фронта указание перейти в наступление 12 января. Утром этого дня шел снег, видимость была плохой, авиация действовать не могла. Поэтому ограничились только артиллерийской подготовкой, после которой войска первого эшелона 1-го Украинского фронта перешли в наступление и овладели первыми двумя позициями главной оборонительной полосы врага. Для быстреего завершения прорыва тактической зоны обороны и разгрома оперативных резервов противника по решению маршала Конева в середине дня в сражение были введены 3-я гвардейская и 4-я танковые армии, 4-й гвардейский, 25-й и 31-й отдельные танковые корпуса. С улучшением погоды стала поддерживать наземные войска авиация 2-й воздушной армии.

Передовые отряды корпусов первого эшелона 3-й гвардейской танковой армии начали движение в прорыв в 12 часов 30 минут. Вслед за ними продвигались главные силы армии. Однако их ввод задержался примерно на 16 часов, так как все дороги и маршруты оказались забитыми артиллерией и транспортом общевойсковых армий. Для преодоления р. Вхходня в наличии имелось всего две переправы. Кроме того, передовым отрядам корпусов первого эшелона пришлось вести боевые действия преимущественно с

танками, самоходными орудиями и артиллерией противника, а также преодолевать заминированные участки местности. Все это отрицательно отразилось на темпах продвижения войск. Они к исходу дня сумели завершить прорыв лишь главной оборонительной полосы и продвинуться на 15–18 км. Второй эшелон армии отстал, а армейские части по-прежнему находились в выжидательных районах.

К 8 часам 13 января передовой отряд 6-го гвардейского танкового корпуса – 51-я гвардейская танковая бригада под командованием заместителя командира корпуса полковника И.И. Якубовского, вышел к р. Нида в районе Собкува. На западный берег реки переправился по льду батальон автоматчиков, который захватил небольшой плацдарм. К исходу дня передовой отряд расширил плацдарм в южном направлении до района Мокшко. В районе Собкува саперы передового отряда при помощи армейских саперов возвели мост длиной 105 м, шириной 4,5 м, грузоподъемностью 60 т, а для колесного транспорта разминировали мост у Бжеги.

Главные силы 6-го гвардейского танкового корпуса, двигаясь за передовым отрядом, в районе между Хмельником и Влошовице были атакованы частями немецкой 17-й танковой дивизии. Это задержало их выдвижение. В этой связи генерал Рыбалко в 2 часа 14 января направил командиру корпуса следующее распоряжение:

«Вы потеряли время и управление корпусом. Категорически приказываю к утру 14.1.45 главными силами быть на западном берегу р. Нида. Подтяните корпус в кулак, не разбрасывайтесь. Противник в худшем положении, его надо бить, а не уклоняться от него...»[\[561\]](#).

Выполняя поставленную задачу, главные силы 6-го гвардейского танкового корпуса к 16 часам переправились на западный берег Ниды, потеряв 13 танков.

Передовой отряд 9-го механизированного корпуса (70-я механизированная бригада) действовал более стремительно. Он внезапно для противника к 9 часам 13 января вышел к р. Нида, а к трем часам дня на ее западный берег в районе Мотковице по льду переправились один стрелковый батальон и часть артиллерии. Благодаря внезапности противник успел взорвать только один мост из пяти подготовленных к взрыву. К 8 часам утра 14 января саперы корпуса восстановили взорванный мост, а саперы 70-й механизированной бригады построили 60-тонный 37-метровый мост у Умяновице. К полудню главные силы корпуса вышли на западный берег Ниды, а по наведенным переправам стали переправляться части второго эшелона армии.

После форсирования Ниды 6-й и 7-й гвардейские танковые корпуса развивали наступление в западном и северо-западном направлениях, стремясь с ходу захватить переправы и плацдармы на западном берегу р. Пилица. Для этой цели от каждого корпуса было выделено по одной усиленной танковой бригаде в качестве передового отряда. Передовой отряд 6-го гвардейского танкового корпуса к исходу дня 14 января занял Влошовице, а главные силы корпуса достигли Венглешина. 7-й гвардейский танковый корпус овладел г. Енджеув и, оставив в городе одну бригаду, к исходу дня вышел на рубеж Окса, Нагловице.

Противник, пытаясь сдержать наступление войск 1-го Украинского фронта, ввел в сражение резервный 24-й танковый корпус, стремясь ударом 16-й танковой и 20-й моторизованной дивизий из района Кельце на юг и 17-й танковой дивизии из района южнее Хмельника на

северо-восток нанести поражение танковой группировке фронта. Удар основных сил 24-го танкового корпуса противника пришелся по войскам 4-й танковой армии. В результате завязалось встречное танковое сражение, в ходе которого соединения армии 15 января разгромили вражеские войска. Войска 3-й гвардейской и 13-й армий заняли Кельце. После этого 4-я танковая армия устремилась к р. Пилица, выйдя к ней к исходу дня 17 января юго-восточнее Пиотркува (Петркув-Трыбунальский).

Войска 3-й гвардейской танковой армии стремительно продвигались на запад, способствуя успеху 4-й танковой армии. К 11 часам 15 января передовой отряд 6-го гвардейского танкового корпуса (53-я гвардейская танковая бригада) достиг р. Пилица у Малюшина и к часу дня захватил плацдарм на ее западном берегу. После этого главные силы корпуса начали переправу через Пилицу у Малюшина, а передовой отряд, продолжая наступление, вышел к Сильнице. 56-я гвардейская танковая бригада – передовой отряд 7-го гвардейского танкового корпуса – в 5 часов вечера форсировала вброд р. Пилица в районе Околовице. В течение суток саперы корпуса построили 26-метровый 30-тонный мост у Околовице и 30-метровый 60-тонный мост у Радошевницы, по которым переправились главные силы корпуса.

Вечером 15 января командующий 1-м Украинским фронтом приказал командующему 3-й гвардейской танковой армией в течение дня 16 января овладеть городами Радомско и Ченстохова (они находились в 30–40 км западнее Пилицы. – *Прим. авт.*). Одновременно требовалось направить главные силы 6-го гвардейского танкового корпуса в район Пшедбужа и занять его к утру 16 января с целью оказать содействие соседним армиям, в том числе 4-й танковой армии, в выходе на рубеж р. Пилица и быстрой ликвидации кельце-

островецкой группировки противника^[562]. Остальным двум корпусам предстояло удерживать занимаемый по реке рубеж до подхода 52-й армии.

Такое решение не устраивало энергичного генерала Рыбалко, который докладывал командующему фронтом:

– В городах Ченстохове и Радомско нет противника. Поэтому прошу разрешения занять эти города.

Ответ пришел через несколько часов: наступление разрешалось продолжить, используя только две бригады.

В ночь на 16 января соединения 6-го гвардейского танкового корпуса генерала В.В. Новикова перешли в наступление. В тот же день 51-я гвардейская танковая бригада полковника Д.Г. Суховарова после упорных боев заняла г. Пшедбуж. Одновременно 53-я гвардейская танковая бригада полковника В.С. Архипова совместно с 1893-м самоходным артиллерийским полком майора Г.К. Хващинского освободила Радомско. На Ченстохову наступала часть сил 7-го гвардейского танкового корпуса генерала С.А. Иванова. Действуя стремительно, 54-я гвардейская танковая бригада полковника И.И. Чугункова на плечах отходящего противника к 17 часам вышла на левый берег р. Варта и ворвалась на северную окраину Ченстохова, где ее дальнейшее продвижение было приостановлено сильным огневым сопротивлением противника. Наступление было возобновлено в ночь на 17 января. Несмотря на упорное сопротивление противника, бригада во взаимодействии с 31-м танковым корпусом генерала Г.Г. Кузнецова и частью сил 13-й гвардейской стрелковой дивизии 5-й гвардейской армии очистила г. Ченстохова от противника. В тот же день 52-я гвардейская танковая бригада (подполковник Л.И. Курист) 6-го гвардейского танкового корпуса заняла г. Каменьск. После этого она

устремилась к Пиотркуву и 18 января совместно с 16-й гвардейской механизированной бригадой 6-го гвардейского механизированного корпуса 4-й танковой армии освободила город. За отличные боевые действия, проявленные при овладении городом Пиотркув, указом Президиума Верховного Совета СССР 52-я гвардейская танковая бригада была награждена орденом Ленина.

К исходу дня 17 января войска 1-го Украинского фронта разгромили основные силы 4-й танковой и во взаимодействии с 4-м Украинским фронтом нанесли поражение 17-й армии противника, продвинулись на 150 км и выполнили ближайшую задачу на 4-5 дней раньше срока.

17 января Ставка ВГК своей директивой № 11006 поставила войскам 1-го Украинского фронта следующую задачу:

«1. Главным силам войск фронта продолжать наступление в общем направлении на Велюнь, Бреслау с целью выйти не позднее 30.01 на реку Одер к югу от Лиссы (Лешно) и захватить плацдармы на западном берегу этой реки.

2. Левому крылу фронта (59-я и 60-я армии) не позднее 20-22.01 овладеть городом Краков, после чего продолжать наступление на Домбровский угольный район, обходя его с севера и частью сил с юга. 21-ю армию с 1-м гв. кавкорпусом использовать для обхода Домбровского угольного района с севера в общем направлении на Тарновиц, Козель (на р. Одер)»^[563].

В соответствии с этой директивой 18 января маршал Конев приказал войскам 3-й гвардейской танковой армии:

«...Стремительно преследовать противника, громить его подходящие резервы, тылы, штабы, не дать противнику возможности занять и закрепиться на оборонительном рубеже на восточной границе

Германии. Иметь в дальнейшем задачу форсировать р. Одер северо-западнее Бреслау. Главными силами наступать в направлении Крушина, Медзно, Явожно, Велюнь, Верушув, Гросс Вартенберг, Требнитц. Рубеж Медзно пройти 19.1.45. Бронетанковыми частями армии к исходу 25.1.45 овладеть районом Трахтенберг, Хозкирх, Кутцеки»[\[564\]](#).

Наступавшая справа 4-я танковая армия должна была к исходу дня 25 января овладеть районом Равич, Трахтенберг, Радунчев.

Выполняя поставленную задачу, войска правого крыла 1-го Украинского фронта развивали стремительное наступление на бреслауском направлении. На левом крыле войска 59-й и 60-й армий и 4-й гвардейский танковый корпус 19 января овладели Краковом и совместно с введенной в сражение на рубеже р. Варта 21-й армией завязали бой за Силезский промышленный район. Войска 4-й танковой армии, преследуя противника, утром 24 января вышли к Одру. В районе Кебена части 6-го гвардейского механизированного корпуса 25 января форсировали реку и захватили плацдарм до 30 км по фронту и до 15 км в глубину.

Войска 3-й гвардейской танковой армии, сдав занимаемые районы подошедшим частям 52-й армии, с утра 18 января возобновили наступление. 19 января 55-я гвардейская танковая бригада (полковник Д.А. Драгунский) 7-го гвардейского танкового корпуса, 53-я гвардейская танковая бригада (полковник В.С. Архипов) 6-го гвардейского танкового корпуса во взаимодействии с соединениями 52-й армии заняли Велюнь. Части 6-го гвардейского танкового корпуса овладели г. Верушув, а его 53-я гвардейская танковая бригада форсировала пограничную р. Просна и заняла к 5 часам 20 января населенный пункт Нальгемсбрюкк на

территории Германии. Попытки развить наступление в направлении Кемпно успеха не имели, так как противник оказывал сильное сопротивление. Передовой отряд 7-го гвардейского танкового корпуса – 56-я гвардейская танковая бригада – у р. Прашка перешел германскую границу и к исходу дня занял г. Питшен. В течение 20 января соединения 3-й гвардейской танковой армии вели упорные бои в пограничной полосе Германии, так как противник пытался не допустить продвижения ее войск в глубь своей территории.

В это время войска левого крыла 1-го Украинского фронта завязали бои за Силезский промышленный район. Чтобы ускорить его освобождение, маршал Конев в ночь на 21 января повернул 3-ю гвардейскую танковую армию на юго-запад в общем направлении Намслау (Намыслув), обходя Бреслау не с северо-запада, как первоначально планировалось, а с юго-востока. К исходу дня армия должна была овладеть районом Намслау, решительным ударом уничтожить противника восточнее р. Одер, к исходу 22 января перерезать пути отхода врага южнее и юго-восточнее Оппельна (Ополе), а в дальнейшем продолжать наступление в западном направлении.

Противник и на этом направлении оказал упорное сопротивление. Только к исходу дня 22 января танковые корпуса 3-й гвардейской танковой армии сумели выйти к р. Малапане, где были вынуждены остановиться ввиду уничтожения противником переправ. 9-й механизированный корпус к полудню занял Намслау.

23 января наступление возобновилось. Несмотря на ожесточенное сопротивление противника, части 22-й мотострелковой бригады полковника Х.С. Богданова форсировали по льду р. Малапане и во взаимодействии с 543-м стрелковым полком 120-й стрелковой дивизии 21-й армии к утру 24 января полностью овладели Оппельном. Противник отступил на западный берег

Одера, взорвав за собой все три моста в районе Оппельна. В это время 51-я и 53-я гвардейские танковые бригады сутки простояли в бездействии, упустив возможность переправиться через р. Малапане. Части 7-го гвардейского танкового корпуса, преодолев лесистую местность, с ходу ворвались в Грошовице и захватили шлюз на Одере. К полудню 23 января на западный берег реки переправились подразделения подошедшей 23-й мотострелковой бригады, заняв плацдарм шириной 4 и глубиной 2 км. На захваченные плацдармы стали переправляться части 5-й гвардейской армии.

После выхода к Одеру войска 3-й гвардейской танковой армии получили новую задачу. В ночь на 24 января командующий 1-м Украинским фронтом в целях быстрейшего овладения Силезским промышленным районом и разгрома силезской группировки противника приказал армии наступать главными силами в направлении Гросс Стрелитц, Бишофсталь, Штропдендорф (2 км западнее Глейвиц), Николаи. Армии предстояло стремительным ударом с тыла по силезской группировке противника совместно с 21, 59 и 60-й армиями овладеть Силезским промышленным районом. К полудню 24 января 3-я гвардейская танковая армия должна была главными силами овладеть районами Глейвиц (Гливице), Рыбник, Николаи, а в дальнейшем наступать в направлении Николаи, Явожно навстречу частям 59-й армии. Одновременно частью сил 3-й гвардейской танковой армии следовало продвигаться по восточному берегу р. Одер, вдоль железной дороги на Клодниц, Бухенау и далее на Рыбник с задачей перерезать коммуникации силезской группировки противника и воспрепятствовать подходу его резервов с запада и юго-запада [\[565\]](#).

Для выполнения поставленной задачи главным силам 3-й гвардейской танковой армии предстояло пройти 70-90 км, а передовым отрядам – около 100 км. К этому времени запасы дизельного топлива были почти полностью израсходованы, а растянувшиеся коммуникации исключали его немедленный подвоз. В сложившейся обстановке генерал Рыбалко принял решение передать оставшиеся запасы ГСМ действовавшему впереди 9-му механизированному корпусу. Командир корпуса генерал И.П. Сухов создал два передовых отряда в составе 69-й и 71-й механизированных бригад, усиленных артиллерией и танками.

На рассвете 24 января корпуса первого эшелона армии (7-й гвардейский танковый и 9-й механизированный) приступили к совершению марша. На рубеже р. Клодница они были остановлены упорно сопротивлявшимся противником. Наступавшему вдоль восточного берега Одера 7-му гвардейскому танковому корпусу лишь к 23 часам удалось преодолеть ожесточенное сопротивление противника на северном берегу р. Клодница, занять Бишофсталь, переправиться через реку и около 2 часов 25 января продолжить движение в направлении Рыбника. Наступавший левее 9-й механизированный корпус к 23 часам 24 января овладел Глейвицем. К этому времени в частях корпуса оставалось горючего всего 0,1-0,3 заправки.

25 января соединения первого эшелона 3-й гвардейской танковой армии продолжили наступление. Однако, ввязавшись во фронтальные бои с противником, они имели незначительное продвижение. Части 7-го гвардейского танкового корпуса были задержаны противником почти на 18 часов. Генерал Рыбалко, недовольный их действиями, утром 26 января направил командиру корпуса следующую радиограмму:

«Мой начальник, как и я, не находит слов для возмущения таким топтанием. Как будто мы специально даем противнику время на эвакуацию Силезского промышленного района и на организацию обороны. Надо понимать, что в лесу колонной не воюют. У нас получается всегда хорошо, когда мы не встречаем никакого сопротивления, а как только перед нами незначительные силы противника, останавливаемся на месте. Последние два дня я Вас не узнаю. Необходимо как можно быстрее сманеврировать на Граумандсдорф и далее на Гросс Рауден. По лесу просто вести прочесывание и тщательную разведку, чтобы не оставить танковую засаду противника, который может потом ударить во фланг и тыл... Имейте в виду, что, если мы сегодня не овладеем Рыбник, вся наша предыдущая работа пойдет насмарку»^[566].

Командир 7-го гвардейского танкового корпуса, подстегнутый такой грозной телеграммой, принял соответствующие меры. В ночь на 26 января он силами двух бригад обошел опорный пункт противника, вынудив его прекратить сопротивление и отойти. К 9 часам утра главные силы корпуса форсировали р. Беравка и стали продвигаться к Рыбнику. Преодолевая заминированные участки местности и ведя борьбу с засадами противника, они вышли к Рыбнику только к утру 27 января. Части 9-го механизированного корпуса, встретив упорное сопротивление противника, вынуждены были остановиться. Все это вынудило генерала Рыбалко ввести в сражение свой второй эшелон (6-й гвардейский танковый корпус), получивший задание к утру 27 января выйти на западную окраину Катовице.

27 января соединениям 9-го механизированного корпуса удалось сломить сопротивление противника и занять район Николаи, Выры. В результате были

перекрыты дороги, через которые выходили из окружения части силезской группировки противника. В ее состав входили 20-я танковая, 75, 344, 359-я и 375-я пехотные дивизии, 41-й моторизованный полк 10-й моторизованной дивизии, 25-й полицейский полк, различные запасные, учебные, охранные и саперно-строительные батальоны. Для выхода из наметившегося кольца окружения у противника оставалось теперь только направление Катовице, Тыхы и далее на юг и юго-запад. Однако окружение противника в промышленном районе было связано с затяжной борьбой против засевших в крупных каменных зданиях частей и требовало значительного количества войск для блокирования такого района. Поэтому маршал Конев решил оставить для противника проход, чтобы он смог выйти на юг и юго-запад, где планировалось его разгромить в полевом бою. В течение трех дней войска 3-й гвардейской танковой армии уничтожали отдельные группы противника в районах Рыбника и Николаи. 30 января по приказу командующего армией начался вывод 6-го и 7-го гвардейских танковых корпусов из боя в район Гросс Стрелиц для приведения в порядок матчасти.

В результате Сандомирско-Силезской операции войска 1-го Украинского фронта, продвинувшись до 400-400 км, разгромили 4-ю танковую и основные силы 17-й полевой армий. Во взаимодействии с 1-м Белорусским и 4-м Украинским фронтами они освободили южные районы Польши, в том числе ее важнейший Силезский промышленный район, и перенесли военные действия на территорию Германии. Успех операции был достигнут решительным массированием сил и средств и глубоким оперативным построением войск фронта и армий, что обеспечило нанесение мощного удара при прорыве и развитие наступления на большую глубину с форсированием

ряда водных преград. Операция отличалась искусным маневром подвижных войск с целью охвата и обхода группировок противника в тактической и оперативной глубине. С целью достижения непрерывности преследования в 3-й гвардейской танковой армии широко практиковалась периодическая замена передовых отрядов, действовавших на определенном направлении.

Нижне-Силезская наступательная операция (8 - 24 февраля 1945 г.)

После завершения Сандомирско-Силезской наступательной операции войска 1-го Украинского фронта приступили к подготовке новой операции в целях разгрома нижнесилезской группировки противника, выхода на рубеж р. Нейсе (Западная) и занятия выгодного положения для последующего наступления на берлинском, дрезденском и пражском направлениях. Перед войсками фронта оборонялись основные силы группы армий «Центр» (4-я танковая, 17-я армии и часть сил армейской группы «Хейнрици»; генерал-полковник Ф. Шернер). Большинство соединений противника, разбитых в предыдущих боях, было сведено в боевые группы. Оперативных резервов противник здесь не имел, но немецкое командование срочно перебрасывало на берлинское направление войска с Запада.

В связи с этим, несмотря на усталость войск фронта и отставание тылов в результате стремительного продвижения к Одеру, требовалось немедленно развить наступление, чтобы не позволить противнику закрепиться на левом берегу реки. Замысел операции, получившей наименование Нижне-Силезской, заключался в нанесении главного удара на правом крыле фронта силами четырех общевойсковых (3-я гвардейская, 13, 52, 6-я) и двух танковых (4-я, 3-я

гвардейская) армий, 25-го танкового и 7-го гвардейского механизированного корпусов с одерского плацдарма северо-западнее Бреслау в общем направлении на Котбус. Второй удар предусматривалось нанести в центре фронта силами 5-й гвардейской и 21-й армий, 31-го и 4-го гвардейского танковых корпусов с плацдарма юго-восточнее Бреслау в общем направлении на Герлиц. Третий удар с плацдарма северо-западнее Ратибора вдоль северных склонов Судетских гор наносился силами 59-й, 60-й армий и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса. Авиационную поддержку войск фронта осуществляла 2-я воздушная армия генерал-полковника авиации С.А. Красовского.

31 января 1945 г. командующий 1-м Украинским фронтом поставил войскам задачу 6 февраля перейти в решительное наступление, нанести главный удар в общем направлении Шпротлау, Котбус, Ютербог, разгромить бреславскую группировку противника и к 25 февраля главными силами выйти на р. Эльба. Правым крылом фронта во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом намечалось овладеть Берлином. Маршал Конев, учитывая, что противник опирался на заблаговременно подготовленную оборону, решил для первоначального удара на главном направлении привлечь максимум сил и средств. С этой целью оперативное построение войск фронта и общевойсковых армий (кроме 13-й) было в один эшелон.

На направлении главного удара войска 1-го Украинского фронта превосходили противника в пехоте в 2,3 раза, в орудиях и минометах – в 6,6, в танках и САУ – в 5,7 раза. Вторая ударная группировка превосходила врага в пехоте в 1,7 раза, в орудиях и минометах – в 3,3, а в танках и САУ – в 4 раза.

Войска 3-й гвардейской танковой армии намечалось ввести в сражение с плацдарма в районе Штейнау

(Сыцинава) к северо-западу от Бреслау. Она должна была во взаимодействии с 52-й армией прорвать оборону противника и к исходу первого дня операции передовыми отрядами овладеть переправами через р. Бобер. В дальнейшем, развивая наступление в западном и северо-западном направлениях, к исходу пятого дня операции занять Котбус, а затем продвигаться в западном направлении на Финстервальде.

При подготовке операции была проведена перегруппировка войск, в ходе которой они выдвигались в новые, суженные полосы наступления. Переброска войск с левого крыла и из центра на правое крыло фронта проходила в условиях напряженных боев за удержание и расширение плацдармов на Одере. Районы сосредоточения танковых армий назначались за общевойсковыми объединениями, в полосах которых они готовились к совместному прорыву обороны противника. Ввиду неготовности войск фронта, начало наступления было перенесено на 8 февраля.

Со 2 по 5 февраля 3-я гвардейская танковая армия (без 9-го механизированного корпуса) сосредоточилась в районе Волау, совершив 200-километровый марш. 9-й механизированный корпус до 5 февраля оставался в районе Ратибора, обеспечивая выход к Одеру войск 60-й армии. Корпуса первого эшелона 3-й гвардейской танковой армии днем 7 февраля и в ночь на 8 февраля переправились на западный берег Одера и заняли исходное положение для наступления. К началу операции армия насчитывала 48 027 человек, 301 орудие, 340 минометов, 47 реактивных установок М-13, 498 танков и 217 САУ^[567].

По решению генерала Рыбалко оперативное построение войск армии было в два эшелона: в первом – 6-й и 7-й гвардейские танковые корпуса, во втором – 9-й механизированный корпус. От каждого танкового

корпуса были выделены передовые отряды (усиленные танковые бригады), которым предстояло наступать непосредственно в боевых порядках войск 52-й армии и обогнать пехоту после прорыва обороны противника.

Операция началась 8 февраля при неблагоприятной погоде, помешавшей активным действиям авиации. В 9 часов 30 минут после 55-минутной артиллерийской подготовки войска 52-й и 3-й гвардейской танковой армий перешли в наступление. Они сразу же встретили ожесточенное сопротивление противника. Несмотря на это, главная группировка 1-го Украинского фронта в течение двух дней во всей полосе прорыва тактическую зону обороны противника: общевойсковые армии продвинулись в глубину на 10-15 км, а танковые – на 30-60 км. Однако в последующем соединениям 3-й гвардейской танковой армии пришлось медленно «прогрызать» вражескую оборону. Из-за начавшегося таяния снега почва в направлении действий войск армии вне дорог стала трудно проходимой даже для танков. Это снижало их маневренные возможности и вынуждало действовать преимущественно вдоль дорог. К исходу дня 10 февраля главным силам 6-го гвардейского танкового корпуса удалось лишь выйти к р. Бобер. 7-й гвардейский танковый корпус 12 февраля совместно с 31-й стрелковой дивизией 52-й армии занял г. Бунцлау (Болеславец). 9-й механизированный корпус, введенный в сражение из-за левого фланга 7-го гвардейского танкового корпуса, медленно продвигался к Яуеру (Явор).

Продвижение войск левого крыла фронта, форсировавших Одер в районе Оппельна, сдерживалось сильными контратаками противника. Поэтому маршал Конев приказал командующему 3-й гвардейской танковой армией силами 7-го гвардейского танкового и 9-го механизированного корпусов развивать наступление в юго-восточном направлении на Яуер,

Штригау (Стшегом). Им предстояло в районе юго-западнее Бреслау соединиться с частями 7-го гвардейского механизированного корпуса и окружить бреславскую группировку противника. 6-му гвардейскому танковому корпусу предписывалось продолжать наступление в западном направлении и к утру 13 февраля выйти в район Герлица^[568].

Стремительно развивая наступление в юго-восточном направлении, части 7-го гвардейского танкового и 9-го механизированного корпусов к исходу дня 12 февраля заняли Яуер и 13 февраля вышли в район Штригау. Наступление 6-го гвардейского танкового корпуса развивалось значительно медленнее – его части сумели лишь выйти к р. Квейс. К этому времени обстановка в полосе 1-го Украинского фронта существенно изменилась: в связи с поворотом 6-й армии фронтом на юго-восток для наступления на Бреслау левый фланг ударной группировки оказался слабо обеспеченным. Это вынудило маршала Конева развернуть на юг от Бунцлау до Лигница войска 52-й армии. Для удара на Бреслау, кроме двух корпусов 3-й гвардейской танковой армии, привлекалась часть сил 5-й гвардейской армии и 1-й гвардейский кавалерийский корпус.

Войска 3-й гвардейской танковой армии, совершив бросок из Бунцлау в сторону Бреслау, внезапным ударом с ходу сломили сопротивление вражеских войск, противостоявших 5-й гвардейской и 6-й армиям. В результате 40-тысячный гарнизон Бреслау был окружен. 4-я танковая армия, форсировав с ходу р. Бобер севернее Загана, 15 февраля вышла к р. Нейсе и вела боевые действия за захват плацдармов на ее левом берегу^[569]. Ее действия облегчили войскам 13-й армии форсирование Бобера и выход на Нейсе.

20 февраля соединения 3-й гвардейской танковой армии совместно с 25-м танковым корпусом вышли к р. Нейсе от ее устья до г. Губен. После этого танковая армия вновь развернулась и начала движение на запад, сосредоточиваясь для наступления на герлицком направлении. К этому времени корпуса армии понесли значительные потери. В 7-м гвардейском танковом корпусе осталось всего 55 танков, а в 9-м механизированном корпусе – 48 танков. Ввиду усилившейся активности танковых частей противника в районе Лаубана и восточнее, 21 февраля из резерва фронта армии были приданы 9-я и 26-я истребительно-противотанковые артиллерийские бригады, развернувшиеся на рубеже от Левенберга до Лаубана.

К 24 февраля все побережье Нейсе от устья до г. Пенциг (протяженностью 110 км) было занято войсками правого крыла 1-го Украинского фронта, которые вышли на одну линию с войсками 1-го Белорусского фронта. Между тем ситуация в районе Лаубана постоянно обострялась. Перед 3-й гвардейской танковой армии были отмечены части свежей, ранее не участвовавшей в боях танковой дивизии «Фюрербеглейт» и гренадерской дивизии «Фюрер». Противник предпринял обходной маневр, стремясь отрезать группировку войск 3-й гвардейской танковой армии, действующую в районе Лаубана. Для усиления 7-го гвардейского танкового корпуса 26 февраля была направлена 71-я механизированная бригада 9-го механизированного корпуса, а затем два истребительно-противотанковых артиллерийских полка. Продвижение противника удалось приостановить лишь ко 2 марта. Части 3-й гвардейской танковой армии, понесшие большие потери и израсходовавшие почти все моторесурсы, практически утратили боеспособность. Наступление армий левого крыла 1-го Украинского фронта в связи с недостатком сил развития не получило.

В результате Нижне-Силезской наступательной операции войска 1-го Украинского фронта, прорвав оборону противника на 250-километровом фронте, продвинулись правым крылом более чем на 100 км, овладели Нижней Силезией и вступили в германскую провинцию Бранденбург. Они отвлекли на себя значительную часть резервов противника и тем самым содействовали войскам 1-го и 2-го Белорусских фронтов в разгроме восточно-померанской группировки, а войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов – в ликвидации угрозы прорыва противника к Дунаю. Особенности операции являлись подготовка ее без оперативной паузы и в сжатые сроки, перегруппировка крупных сил внутри фронта и прорыв обороны противника танковыми армиями совместно с общевойсковыми объединениями. В ходе операции потери войск фронта составили: безвозвратные – 23 577 человек, санитарные 75 809 человек^[570]. Войска 3-й гвардейской танковой армии потеряли 268 танков, 81 САУ, 248 орудий и минометов, 342 автомашины, 8736 человек, в том числе 1883 убитыми^[571].

В ходе боевых действий воины 3-й гвардейской танковой армии проявили массовый героизм и самопожертвование. Деятельность командующего армией генерала П.С. Рыбалко получила высокую оценку. 6 апреля 1945 г. «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками, дающее право на получение звания Героя Советского Союза» он был награжден второй медалью «Золотая Звезда».

* * *

12 марта 1945 г. 3-я гвардейская танковая армия была выведена во второй эшелон 1-го Украинского фронта в район Бунцлау, Лигниц. Здесь ее войска занимались ремонтом танков, получали пополнение и вели боевую подготовку. Им предстояло принять участие в Берлинской стратегической наступательной операции. К ее началу армия имела 411 танков и 197 САУ^[572]. По другим данным, в армии имелось 453 танка и 215 САУ^[573]. Она насчитывала около 50,3 тыс. человек, 176 орудий, 48 реактивных установок М-13 и 237 минометов. На ее усиление были приданы один дивизион 40-й пушечной артиллерийской бригады РК (11 122-мм пушек) и 19-я гвардейская минометная бригада (36 установок М-31). Армия располагала 3,8 заправками дизтоплива, 3,3 заправками автобензина, 1,6 боекомплекта патронов крупнокалиберных пулеметов, 5,45 боекомплекта реактивных снарядов М-13^[574].

Берлинская стратегическая наступательная операция (16 апреля - 8 мая 1945 г.)

В главе, посвященной 1-й гвардейской танковой армии, подробно изложены все вопросы, относящиеся к подготовке и планированию Берлинской стратегической наступательной операции. Поэтому остановимся только на тех моментах, которые касаются 3-й гвардейской танковой армии.

В соответствии с замыслом Ставки ВГК войска 1-го Украинского фронта (Маршал Советского Союза И.С. Конев) должны были разгромить противника в районе Котбуса и южнее Берлина, не позднее 10—12-го дня операции овладеть рубежом Белиц, Виттенберг и далее по р. Эльба до Дрездена. Начало наступления – 16 апреля 1945 г.

В директиве № 11060 от 3 апреля 1945 г. Ставки ВГК командующему 1-м Украинским фронтом приказывалось главный удар силами пяти общевойсковых и двух танковых армий нанести из района Трибеля в общем направлении на Шпремберг, Бельциг. На участок прорыва требовалось привлечь шесть артиллерийских дивизий прорыва, создав плотность не менее 250 стволов, от 76-мм и выше, на 1 км. Для обеспечения главной группировки фронта с юга силами 2-й польской армии и частью сил 52-й армии следовало нанести вспомогательный удар из района Кольфурта в общем направлении Бауцен, Дрезден. Танковые армии и общевойсковые армии второго эшелона предписывалось ввести в сражение после прорыва обороны противника для развития успеха на направлении главного удара. На левом крыле фронта необходимо было перейти к жесткой обороне, обратив особое внимание на бреславльское направление. 5-ю гвардейскую армию следовало сменить и использовать для наступления на главном направлении^[575]. С воздуха войска фронта поддерживала 2-я воздушная армия генерал-полковника авиации С.А. Красовского. Непосредственная авиационная подготовка планировалась в течение 45 минут перед форсированием р. Нейсе.

Войскам 1-го Украинского фронта противостояли 4-я танковая и 17-я армии противника, входившие в группу войск «Митте». Они насчитывали, по данным штаба фронта, до 1200 минометов, 2500 орудий, около 540 танков и самоходных орудий, более 1000 самолетов. На участке прорыва главных сил фронта, по данным разведки, оборонялись 342-я пехотная и 545-я народногренадерская дивизии, поддерживаемые 542-м и 1413-м крепостными пулеметными, 233-м саперным, 440-м запасным, 442-м отдельным танковым

батальонами, 41-м батальоном фольксштурма и 79-м зенитным дивизионом. Всего противник насчитывал 13,5 тыс. человек, 155 орудий, до 30 танков^[576]. В резерве находилось несколько строительных и саперных батальонов, дивизия особого назначения «Маттершток» и запасная бригада «Великая Германия»; всего до 7,5 тыс. человек. Кроме того, предполагалось, что противник перебросит 2–3 дивизии с других участков фронта. В ходе наступления выяснилось, что информация об усилении соединений и о наличии резервов оказалась ложной.

Оборона противника состояла из двух сплошных траншей полного профиля: первая – непосредственно по дамбе западного берега р. Нейсе, вторая – в километре западнее. В глубине обороны на узлах дорог и в населенных пунктах был подготовлен ряд опорных пунктов, приспособленных к круговой обороне.

В 1-м Украинском фронте насчитывалось 2000 танков, 7500 орудий, 6000 минометов^[577]. Он превосходил противника по танкам, орудиям и минометам в 3,7 раза.

Маршал Конев решил, не ожидая прибытия 28-й и 31-й армий, сосредоточить основные силы на главном направлении, прикрыв весь остальной фронт жесткой обороной незначительных сил. Прорвав оборону противника на фронте 35–40 км и развивая успех подвижными войсками, на пятый день операции выйти в тыл коттбусско-берлинской группировки противника, изолировать ее от Берлина и, частью сил ворвавшись в город, соединиться с войсками 1-го Белорусского фронта. Для выполнения этого замысла намечалось привлечь пять общевойсковых, две танковые и одну воздушную армии, три танковых, один механизированный и один кавалерийский корпус и основную массу артиллерии.

Главный удар из района Трибеля планировалось нанести на участке (иск.) Форст-Мускау (ширина 24 км) в общем направлении Шпремберг, Бельциг тремя общевойсковыми армиями (3-я гвардейская, 13-я и 5-я гвардейская), двумя танковыми армиями (3-я и 4-я гвардейские), 25-м и 4-м танковыми корпусами. Вспомогательный удар из района западнее Кольфурта на участке Ротенбург (иск.), Пенцих (ширина 12 км) в направлении Бауцен, Дрезден предусматривалось нанести смежными флангами 2-й польской и 52-й армий, с развитием их успеха 1-м польским танковым, 7-м гвардейским механизированным и 1-м гвардейским кавалерийским корпусами. Остальной фронт шириной до 350 км оборонять силами 6-й армии. Во фронтовом резерве иметь подходящие 28-ю и 31-ю армии.

Ударным группировкам ставились следующие задачи: прорвать оборону противника на всю ее тактическую глубину и к исходу первого дня операции выйти в полосе главной группировки на рубеж Древиц, Вейсвассер, а в полосе вспомогательной группировки – Ротенбург, Ниски, Лангенау; вводом подвижных войск в первый день операции завершить прорыв обороны противника и, развивая наступление, не дать ему возможности занять подготовленный рубеж по р. Шпрее. В дальнейшем, энергично действуя подвижными войсками, дезорганизовать противника и ворваться в Берлин с юга, где соединиться с войсками 1-го Белорусского фронта, замкнув кольцо окружения коттбусско-берлинской группировки противника.

Ввод 3-й гвардейской танковой армии в сражение намечался на третий день операции на стыке 3-й гвардейской и 13-й армий после форсирования стрелковыми соединениями р. Шпрее. Войска 3-й гвардейской танковой армии должны были развивать наступление в направлении Калау, Луккау, Лукенвальде и к исходу третьего дня операции выйти в район Калау.

Однако 14 апреля маршал Конев, во изменение первоначального плана, отдал указание о вводе 3-й гвардейской танковой армии в сражение с первого дня операции.

Выход главных сил танковых армий в исходные районы, которые выбирались в 1-2 км от р. Нейсе, планировалось осуществить во время артиллерийской подготовки. Не позднее чем через 3 часа после начала атаки корпуса первого эшелона должны были переправиться через р. Нейсе и, наступая непосредственно за боевыми порядками пехоты, обогнать ее на рубеже Носсдорф, Клайя-Кельциг, Тцшернитц. Передовым отрядам танковых корпусов было приказано форсировать р. Нейсе вместе с пехотой и обеспечить ввод главных сил армии с рубежа основных артиллерийских позиций противника, то есть сразу же после прорыва первой полосы обороны. К исходу первого дня наступления передовые отряды должны были захватить плацдарм на западном берегу р. Шпрее и обеспечить переправу главных сил армии, которым к исходу второго дня предстояло выйти в район, намеченный ранее как задача третьего дня операции.

Решение командующего 1-м Украинским фронтом на ввод танковых армий в первый день операции для завершения прорыва тактической зоны обороны было вызвано стремлением прорвать ее на всю глубину с максимально высокими темпами с тем, чтобы не допустить планомерного отхода противника на западный берег р. Шпрее. Это должно было способствовать развитию наступления в оперативной глубине с более высокими темпами.

6 апреля в штаб 3-й гвардейской танковой армии поступила директива командующего фронтом о подготовке к операции. 8 апреля маршал Конев утвердил план операции, разработанный штабом армии.

Генерал Рыбалко принял решение иметь оперативное построение в два эшелона: в первом – 6-й и 7-й гвардейские танковые корпуса, во втором – 9-й механизированный корпус. В резерв был выделен 57-й гвардейский тяжелый танковый полк.

В отличие от общевойсковых армий, которым задача была поставлена на первые три дня наступления (на глубину до 50 км), штаб 3-й гвардейской танковой армии планировал боевые действия на всю глубину фронтовой операции. Армия вводилась в прорыв на участке шириной 8 км. Глубина ближайшей задачи составляла 58 км, продолжительность 2 суток, а дальнейшей задачи – соответственно 70 и 2. Темп наступления – 29 и 35 км в сутки.

В связи с тем, что в предыдущих главах подробно освещены вопросы организации взаимодействия между общевойсковыми и танковыми армиями и между родами войск, не будем повторяться.

Поздно вечером 11 апреля соединения 3-й гвардейской танковой армии приступили к совершению 100-километрового марша из района Бунцлау, Лигниц в район Трибеля. Марш совершался ночами с соблюдением всех мер маскировки.

В ночь на 16 апреля на 1-м Украинском фронте была проведена разведка боем. В 6 часов 15 минут началась артиллерийская подготовка продолжительностью 40 минут. После ее окончания соединения ударной группы фронта под прикрытием артиллерийского огня, дымовой завесы и массированных ударов авиации начали форсирование р. Нейсе. Вначале наступление развивалось успешно. Однако в середине дня сопротивление противника усилилось, и темпы наступления стрелковых дивизий начали падать. В целях быстрейшего завершения прорыва обороны маршал Конев в два часа решил ввести в сражение отдельные танковые корпуса и передовые отряды

танковых и механизированных корпусов танковых армий. В полосе 3-й гвардейской армии были введены 25-й танковый корпус и 52-я гвардейская танковая бригада 6-го гвардейского танкового корпуса 3-й гвардейской танковой армии; в полосе 13-й армии – две бригады 10-го гвардейского танкового корпуса 4-й гвардейской танковой армии и 56-я гвардейская танковая бригада 7-го гвардейского танкового корпуса 3-й гвардейской танковой армии; в полосе 5-й гвардейской армии – 4-й гвардейский танковый корпус; в полосе 2-й польской армии – 16-я отдельная танковая бригада.

К этому времени саперы навели через Нейсе один 16-тонный и два 60-тонных понтонных моста, по которым части 3-й гвардейской танковой армии к семи часам вечера переправились на западный берег реки. Преодолевая яростное сопротивление противника, ударные группы фронта за первый день боя продвинулись на 8—12 км. Наступление войск 1-го Белорусского фронта развивалось более медленными темпами. Это грозило сорвать окружение берлинской группировки противника в установленные сроки.

Маршал Конев доложил Сталину, что его танковые армии, форсировавшие накануне Нейсе, начали отрываться от общевойсковых армий и выдвигаться глубоко вперед в северо-западном направлении. Сталин предложил через образовавшийся прорыв на участке 1-го Украинского фронта пустить и подвижные войска 1-го Белорусского фронта. Но маршал Конев посчитал, что это займет много времени и создаст большое замешательство, а поэтому будет лучше повернуть две танковые армии 1-го Украинского фронта на Берлин в направлении на Цоссен (в 25 км южнее Берлина). Сталин с этим предложением согласился. После разговора со Сталиным командующий 1-м Украинским фронтом сразу же направил командующим 3-й и 4-й

гвардейскими танковыми, 3-й и 5-й гвардейскими и 13-й армиями приказ следующего содержания:

«1. Стремительно развивать наступление на плечах противника, ночью 17 апреля 1945 г. форсировать р. Шпрее, не дав противнику закрепиться на рубеже р. Шпрее.

2. Смелее маневрировать танками и пехотой вне больших дорог, населенные опорные пункты решительно обходить, не ввязываться в затяжные лобовые бои. Мобилизуйте всех со страстью бить немцев и ломать сопротивление. Стремление только вперед!

Наши войска должны быть в Берлине первыми, они это могут сделать и с честью выполнить приказ Великого Сталина.

3. Подтягивайте артиллерию и снаряды к р. Шпрее и в случае сопротивления противника нанесите мощный артиллерийский удар с утра 18 апреля 1945 г.»^[578].

В свою очередь командующий 1-м Белорусским фронтом маршал Жуков в половине девятого вечера 17 апреля потребовал от 1-й и 2-й гвардейских танковых армий и 9-го отдельного танкового корпуса стремительно продвинуться в район Берлина. Однако из-за упорного сопротивления противника войска фронта только к исходу дня 19 апреля прорвали одерский оборонительный рубеж, открыв путь для развития наступления на Берлин.

Выполняя приказ маршала Конева, войска 1-го Украинского фронта усилили свой натиск, и к исходу дня 17 апреля противник начал отход к р. Шпрее. Командующий фронтом в 3 часа 40 минут 18 апреля направил командующим танковыми армиями директиву следующего содержания:

«Во исполнение приказа Ставки Верховного Главнокомандования приказываю:

Командарму 3 гв. ТА

1. В течение ночи с 17 на 18 апреля форсировать р. Шпрее и развивать стремительное наступление в общем направлении Фетшау, Гольсен, Барут, Тельтов, южная окраина Берлина. Задача армии в ночь с 20 на 21 апреля 1945 г. – ворваться в Берлин с юга.

2. Командарму 4 гв. ТА

В течение ночи с 17 на 18 апреля форсировать р. Шпрее севернее Шпремберга и развивать стремительное наступление в общем направлении Дребхау, Калау, Даме, Лукенвальде. Задача армии к исходу 20 апреля овладеть районом Белиц, Тройенбритцен, Лукенвальде. В ночь с 20 на 21 апреля 1945 г. овладеть Потсдамом и юго-западной частью Берлина. При повороте армии на Потсдам, район Тройенбритцен обеспечить 5 мк. Вести разведку в направлениях: Зенфтенберг, Финстервалде, Герцберг.

3. На главном направлении танковым кулаком смелее и решительнее пробиваться вперед. Города и крупные населенные пункты обходить и не ввязываться в затяжные фронтальные бои. Требую твердо понять, что успех танковых армий зависит от смелого маневра и стремительности в действиях.

Пункт 3 приказа довести до сознания командиров корпусов, бригад»^[579].

Однако, невзирая на все усилия, к утру 18 апреля выйти на западный берег Шпрее не удалось. Лишь к часу дня передовая бригада 7-го гвардейского танкового корпуса 3-й гвардейской танковой армии вышла к реке и вброд форсировала ее. Вслед за ней переправились главные силы корпуса, а генерал Рыбалко направил сюда 6-й гвардейский танковый корпус, пытавшийся безуспешно форсировать канал Флисс между Нейсе и Шпрее. К рассвету 19 апреля на западный берег Шпрее вышли основные силы 6-го и 7-

го гвардейских танковых корпусов и две бригады 9-го механизированного корпуса.

Войска 4-й гвардейской танковой армии 18 апреля также форсировали Шпрее, прорвали третью оборонительную полосу противника и к утру 19 апреля сосредоточились на плацдармах, заняв вместе с 3-й гвардейской танковой армией выгодное положение для наступления на Берлин с юга.

Попытки противника силами 21-й танковой дивизии, частью сил 10-й танковой дивизии и 10-й танковой дивизией СС задержать наступление войск 3-й гвардейской танковой армии успеха не имели. Части 6-го гвардейского танкового корпуса генерала В.А. Митрофанова 19 апреля заняли Фетшау и перерезали автостраду Бреслау – Берлин, а 7-й гвардейский танковый корпус обошел с севера Калау. Развивая наступление, 7-й гвардейский танковый корпус к исходу дня 20 апреля занял Куммерсдорф, а 6-й гвардейский танковый корпус вышел в район Цоссена. До Берлина оставалось всего 30 км. Позднее при разборе действий 3-й гвардейской танковой армии в ходе Берлинской операции генерал П.С. Рыбалко досадовал: «Разведка у нас работала плохо. Мы даже не знали, что в Цоссене находилась Ставка германского Генштаба. Две бригады вошли в Цоссен, и Ставка на их глазах ушла из Цоссена. О Цоссене мы узнали от корреспондентов»^[580].

Несмотря на, казалось бы, очевидный успех, маршал Конев был недоволен действиями войск 3-й гвардейской танковой армии. В шестом часу вечера 20 апреля он направил генералу Рыбалко следующее распоряжение:

«Опять двигаетесь кишкой. Одна бригада дерется, вся армия стоит. Приказываю: рубеж Барут, Лукенвальде через болото переходить по нескольким маршрутам развернутым боевым порядком. Смелее

маневр по преодолению рубежа Барут. Исполнение донести»[\[581\]](#).

Через два часа маршал Конев приказывает командующим 3-й и 4-й гвардейскими танковыми армиями:

«Войска маршала Жукова в 10 км от восточной окраины Берлина. Приказываю обязательно сегодня ночью ворваться в Берлин первыми. Исполнение донести»[\[582\]](#).

Такой же приказ был отдан маршалом Жуковым командующим 1-й и 2-й гвардейскими танковыми армиями.

Генерал Рыбалко, стараясь выполнить приказ командующего фронтом, отдал следующее распоряжение командирам 6-го, 7-го гвардейских танковых и 9-го механизированного корпусов:

«Войска правого соседа находятся в 10 км восточнее Берлина. Приказываю: во что бы то ни стало к утру 21 апреля 1945 г. ворваться в Берлин. Задача по моему приказу от 19 апреля 1945 г. Начало наступления на Берлин в 01.00 21 апреля 1945 г.»[\[583\]](#).

Для наращивания усилий был введен в сражение второй эшелон армии – 9-й механизированный корпус. Однако ворваться в Берлин к утру 21 апреля не удалось. Для преодоления внешнего оборонительного обвода германской столицы войска 3-й гвардейской танковой армии затратили почти сутки. В ночь на 22 апреля части 9-го механизированного корпуса форсировали канал Нотте на подручных средствах, а части 6-го гвардейского танкового корпуса разведали восточнее Цоссена брод и приспособили для переправы железнодорожный мост.

Успешные действия 1-го Украинского фронта вынудили германское командование повернуть против него 12-ю армию, предназначавшуюся для сдерживания

американских войск. Она должна была в районе Иутербога соединиться с пробивавшимися на запад войсками немецкой 9-й армии и частью сил 4-й танковой армии. Для нанесения удара по советским соединениям, обходившим Берлин с севера, намечалось использовать армейскую группу обергруппенфюрера СС Ф. Штейнера.

На 1-м Белорусском фронте события развивались следующим образом. 21 апреля части 3-й ударной, 2-й гвардейской танковой и 47-й армий, преодолевая ожесточенное сопротивление противника, прорвались на окраины Берлина и завязали сражение в городе. Соединения 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армий также вклинились в городской оборонительный обвод.

В пятом часу дня 22 апреля маршал Конев приказывает командующему 3-й гвардейской танковой армией:

«Противник, по данным пленных, от Коттбуса отходит на Берлин. Приказываю: одной бригадой с самоходным полком нанести удар из района Цоссен на Бонсдорф, с задачей не допустить отходящего противника в Берлин»^[584].

Войска 3-й гвардейской танковой армии, продолжая наступление, к исходу дня 22 апреля выбили противника из пригородов Берлина Ланквиц и Тельтов и вышли к каналу Тельтов, являвшемуся передним краем среднего обвода обороны Берлина.

В первом часу ночи 23 апреля командующие 1-м Украинским и 1-м Белорусским фронтами получили директиву Ставки ВГК за № 11074, которая требовала не позднее 24 апреля завершить окружение и разгром франкфуртско-губенской группировки противника^[585].

Войска 3-й гвардейской танковой армии утром 23 апреля установили связь с частями 1-й гвардейской танковой армии 1-го Белорусского фронта,

наступавшего на Берлин с востока. Для обеспечения форсирования канала Тельтов (ширина 30–35 м, глубина 4–5 м) на усиление 3-й гвардейской танковой армии были приданы 10-й артиллерийский корпус прорыва и 16-я штурмовая инженерно-саперная бригада. В 7 часов 24 апреля после 55-минутной артиллерийской подготовки мотопехота соединений 3-й гвардейской танковой армии начала форсирование канала. Противник оказывал упорное сопротивление. 9-му механизированному корпусу не удалось преодолеть канал. На участке 7-го гвардейского танкового корпуса через канал переправились мотопехота и 8 САУ, из которых противник подбил семь боевых машин. 22-я гвардейская мотострелковая бригада полковника Х.С. Богданова 6-го гвардейского танкового корпуса на деревянных плотках и по остовам разрушенных мостов под прикрытием огня танков и артиллерии форсировала канал. После этого саперы навели два понтонных моста, по которым переправились главные силы корпуса. К исходу дня 24 апреля они вышли к железной дороге Берлин – Потсдам в пригороде Берлина Лихтерфельде. 9-й механизированный корпус генерала И.П. Сухова, наступавший на правом фланге армии, юго-восточнее Берлина в районе Бонсдорфа вошел в соприкосновение с войсками 8-й и 1-й гвардейской танковой армий 1-го Белорусского фронта. Окружение франкфуртско-губенской группировки было завершено.

Войска 4-й гвардейской танковой армии вечером 24 апреля вышли к Бранденбургу. Соединения 3-й гвардейской танковой армии 25 апреля возобновили наступление в северном направлении. Они, преодолевая ожесточенное сопротивление противника, заняли районы Целендорф, Лихтерфельде, Шлахтензее, Николасзее, Далем, вышли к району Штеглица и охватили его с запада и юго-востока. Во второй половине дня произошел неприятный инцидент:

бомбардировочная авиация 1-го Белорусского фронта нанесла бомбовый удар по боевым порядкам армии, причем были убиты и ранены до 100 человек, сожжено 16 автомашин и 6 орудий. В тот же день передовые части 4-й гвардейской танковой армии соединились в районе Кетцина, северо-восточнее Бранденбурга, с передовыми частями 47-й армии 1-го Белорусского фронта и замкнули кольцо окружения вокруг Берлина. Стремительное продвижение 3-й и 4-й гвардейских танковых армий создало благоприятные условия для действий общевойсковых армий. 13-я армия, наступавшая вслед за танковыми армиями, за пять дней продвинулась на 120 км, а передовые части 5-й гвардейской армии 25 апреля в районе Торгау вышли к Эльбе, где встретились с войсками 1-й американской армии.

В последующие дни характер боев не изменился: войска 3-й гвардейской танковой армии в ожесточенных кровопролитных боях, не стихавших ни днем ни ночью, медленно продвигались в северном направлении. К исходу дня 27 апреля 9-й механизированный корпус в районе Шенеберга преодолел кольцевую железную дорогу, опоясывающую центральные районы Берлина, и тем самым взломал внутренний обвод Берлинского оборонительного рубежа. Части 7-го гвардейского танкового корпуса на южном берегу р. Шпрее в районе Шарлоттенбурга встретились с 35-й мотострелковой бригадой 1-го механизированного корпуса 2-й гвардейской танковой армии 1-го Белорусского фронта, замкнув тем самым внутреннее кольцо окружения Берлина.

Продвижение войск 3-й гвардейской танковой армии к центру Берлина привело к тому, что они оказались в тылу боевых порядков 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армий 1-го Белорусского фронта. Началась неразбериха. Прошло около двух

суток, прежде чем маршал Конев около девяти часов вечера 28 апреля направил маршалу Жукову следующее обращение:

«Войска армии т. Рыбалко и т. Лучинского (командующий 28-й армией. – *Прим. авт.*) сегодня, 28 апреля 1945 г., с боями правым флангом к Ангальтскому вокзалу (правая разграничительная линия фронта), уступом и левым флангом ведут бой за Вильмерсдорф, Халензее.

По донесению т. Рыбалко, армии т. Чуйкова (командующий 8-й гвардейской армией. – *Прим. авт.*) и т. Катукова (командующий 1-й гвардейской танковой армией. – *Прим. авт.*) 1-го Белорусского фронта получили задачу наступать на северо-запад по южному берегу Ландвер-канала. Таким образом, они режут боевые порядки войск 1-го Украинского фронта, наступающих на север.

Прошу распоряжения изменить направление наступления армий т. Чуйкова и т. Катукова.

О Вашем решении прошу сообщить»^[586].

Однако, как уже говорилось, маршал Жуков, оставив без внимания обращение маршала Конева, добился у Сталина решения об изменении разграничительной линии между войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов.

28 апреля маршал Конев, стремясь не допустить перемешивания своих частей с войсками 1-го Белорусского фронта, приказал генералу Рыбалко после выхода на Ландвер-канал повернуть свои наиболее далеко продвинувшиеся части на запад и в дальнейшем наступать в новой, установленной к этому времени, полосе действий 1-го Украинского фронта. Генерал Рыбалко, получив приказ, тотчас позвонил маршалу Коневу:

- Товарищ командующий! Мне непонятно, почему корпуса, уже нацеленные на центр города, отворачиваются западнее, меняют направление наступления.

- Павел Семенович, это связано с тем, что центр города по установленной разграничительной линии входит в полосу действий 1-го Белорусского фронта.

«Зная Рыбалко, - вспоминал Конев, - должен сказать, что его недовольство объяснялось не тем, что он рвался взять еще несколько улиц и площадей, чтобы прославить свое имя. Он и так прославил себя. Но, находясь на поле боя, в самой гуще его, и видя прямую возможность еще чем-то помочь быстрее очищению Берлина, он буквально должен был пересилить себя, чтобы выполнить мой приказ. И я не склонен его осуждать за эти хорошо понятные мне личные переживания»^[587].

Генерал Рыбалко, вспоминая об этом инциденте, говорил: «В Берлине работало два фронта. Я на себе это ощущал очень солидно, когда два фронта, два штаба, два командующих должны были координировать наши действия. Мы должны были идти, но подчинены быть одному командующему. Один военачальник должен отвечать за такую операцию. Какое у нас получилось положение? Я имел разграничительную линию. Мне приказывают сделать все для того, чтобы пойти навстречу Катукову, я выбрасываю корпус, он встречает Чуйкова, дает переправочные средства. Чуйков выходит и дает предписание освободить пути и получается - не то драться, не то спорить. На этот спор ушли сутки»^[588].

29 апреля части 9-го танкового корпуса и 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта начали штурм Рейхстага. Соединения 1-й гвардейской танковой армии, действуя совместно с дивизиями 5-й ударной и

8-й гвардейской армий, подошли к парку Тиргартен с востока и юга. 3-я гвардейская танковая армия, усиленная тремя стрелковыми дивизиями 28-й армии, вела тяжелые бои в юго-западных районах Берлина. 30 апреля воины 3-й ударной армии водрузили знамя на крыше Рейхстага. В 5 часов 1 мая начальник оперативного отдела штаба 3-й гвардейской танковой армии гвардии полковник Еременко в качестве представителя 1-го Украинского фронта выехал на командный пункт 8-й ударной армии для участия в переговорах о капитуляции Берлина. Для переговоров с германской стороны прибыл начальник Генштаба Сухопутных войск генерал пехоты Г. Кребс. Он сообщил, что А. Гитлер в 15 часов 30 минут 30 апреля покончил жизнь самоубийством, назначив своим преемником gross-адмирала К. Деница. Кребс был уполномочен вести переговоры и внес предложение заключить перемирие до образования нового правительства. Со стороны советского командования было предложено немедленно капитулировать, после чего может быть образовано новое правительство.

В 5 часов 2 мая вновь назначенный комендант Берлина командир 56-го танкового корпуса генерал артиллерии Г. Вейдлинг выслал парламентариев, а вскоре явился сам и предложил полную, безоговорочную капитуляцию Берлина. Капитуляция была принята. Вечером в штаб 3-й гвардейской танковой армии поступило указание маршала Конева о сосредоточении к исходу 5 мая войск армии в районе Финстервальде, Эльстерверда.

Итоги Берлинской стратегической наступательной операции подведены в главе «Первая гвардейская танковая армия». Здесь отметим лишь, что потери войск 1-го Украинского фронта составили: безвозвратные – 27 580, санитарные – 86 425

человек^[589]. Войска 3-й гвардейской танковой армии в ходе уличных боев в Берлине уничтожили свыше 6,3 тыс. солдат и офицеров противника, 123 танка, 10 самоходных орудий, 136 орудий, 108 минометов, пленили свыше 13,5 тыс. человек, захватили 127 танков, 25 САУ, 137 орудий, 212 самолетов, 170 паровозов, 1040 вагонов и другое имущество. Потери войск армии составили 5492 человека, в том числе 1387 убитыми. К концу операции в армии насчитывалось всего 268 танков и 180 САУ^[590]. Высокие потери в танках и САУ были обусловлены тем, что они использовались для допрорыва мощной обороны противника и ведения уличных боев. В ходе операции личный состав 3-й гвардейской танковой армии проявил массовый героизм и мужество. Орденом Ленина были награждены 6-й и 7-й гвардейские танковые корпуса, 55-я гвардейская танковая, 91-я танковая, 22-я гвардейская мотострелковая бригады.

После завершения Берлинской операции войскам 3-й гвардейской танковой армии пришлось принимать участие еще в одной, самой быстротечной операции Великой Отечественной войны – Пражской.

Пражская стратегическая наступательная операция (6—11 мая 1945 г.)

К началу мая 1945 г. на территории Чехословакии действовали группа армий «Центр» (4-я танковая, 17-я, 1-я танковая армии; генерал-фельдмаршал Ф. Шернер) и часть сил (8-я, 6-я танковая армии) группы армий «Австрия» (генерал-полковник Л. Рендулич). Они насчитывали 900 тыс. человек, 9,7 тыс. орудий и минометов, 1,9 тыс. танков и штурмовых орудий, 1 тыс. самолетов^[591]. Немецкое командование планировало, оказывая упорное сопротивление Красной Армии,

открыть фронт англо-американским войскам, чтобы вступить в прямые переговоры с западными державами.

1 мая в Пршерове началось восстание против оккупантов, которое вскоре охватило всю территорию Чехии и Моравии. 5 мая восстала вся Прага. Немецкие войска принимали все усилия для того, чтобы подавить восстание. Ночью 6 мая пражское радио передало сообщение о грозящей столице опасности. Восставшая Прага просила оказать ей немедленную помощь. На просьбу повстанцев откликнулась Ставка ВГК, которая ускорила перегруппировку и сосредоточение войск и на день раньше намеченного срока начала Пражскую операцию. Еще 1 мая командующему войсками 1-го Украинского фронта маршалу И.С. Коневу было приказано не позже 3 мая закончить ликвидацию окруженной группировки противника в районе восточнее Луккенвальде и очистить от противника территорию Берлина в своих разграничительных линиях. После смены войска правого крыла фронта предписывалось использовать для стремительного наступления в общем направлении на Прагу^[592].

Командующий 2-м Украинским фронтом маршал Р.Я. Малиновский 2 мая получил задачу развернуть главные силы на запад и нанести удар в общем направлении на Йиглаву, Прагу с задачей не позднее 12-14 мая овладеть рубежом Йиглава, Улабинч, Горн, в дальнейшем выйти на р. Влтава и захватить Прагу. Частью сил правого крыла фронт должен был продолжать наступление в направлении Оломоуца^[593].

Замысел Пражской операции состоял в том, чтобы нанесением нескольких ударов по сходящимся направлениям на Прагу окружить, расчленить и в короткие сроки разгромить основные силы противника на территории Чехословакии, не допустить их отхода на запад и юго-запад. Ведущая роль в операции

отводилась 1-му и 2-му Украинским фронтам, которые должны были нанести удары по флангам групп армий «Центр» и «Австрия». Авиационное обеспечение наступления войск 1-го Украинского фронта возлагалось на 2-ю воздушную армию, 2-го Украинского фронта – на 5-ю воздушную армию. 4-му Украинскому фронту (генерал армии А.И. Еременко) во взаимодействии с войсками 2-го Украинского фронта предстояло продолжать ликвидацию оломоуцкого выступа противника. Всего к операции привлекались более 2 млн человек, около 30,5 тыс. орудий и минометов, около 2 тыс. танков и более 3 тыс. самолетов^[594].

Основная роль в Пражской операции отводилась бронетанковым и механизированным войскам. В их состав на 1-м Украинском фронте входили 3-я и 4-я гвардейские танковые армии, 4-й гвардейский и 25-й танковые корпуса, 7-й гвардейский механизированный корпус, 1-й танковый корпус Войска Польского, 4 отдельные танковые и самоходные артиллерийские бригады, 28 отдельных танковых и самоходных артиллерийских полков и 18 самоходных артиллерийских дивизионов. Во 2-м Украинском фронте имелись 6-я гвардейская танковая армия, 7-й механизированный корпус (в составе конно-механизированной группы), отдельная танковая бригада, 12 отдельных танковых и самоходных артиллерийских полков и самоходный артиллерийский дивизион. 4-й Украинский фронт имел 31-й танковый корпус, 3 отдельные танковые бригады и 10 отдельных танковых и самоходных артиллерийских полков.

Общее соотношение в танках было в пользу противника. Однако на направлениях главных ударов 1-го и 2-го Украинских фронтов это соотношение было в пользу советских войск.

Операцию предстояло провести в условиях горно-лесистой местности. Основной трудностью для войск 1-го Украинского фронта являлся захват перевалов через Судеты. До Дрездена местность холмистая, а с линии Хемниц, Дрезден на юг повышается и переходит в предгорья Рудных гор. Этот район изрезан глубокими оврагами, долинами мелких рек и ручьев, впадающих в Эльбу. Дороги проходят в основном по водоразделам. От перевалов, наивысшая точка которых более 850 м над уровнем моря, на юг горы круто обрываются. Дорог через перевалы мало, к тому же они узкие, извилистые, много крутых подъемов, спусков и резких поворотов. В полосе действий 2-го Украинского фронта местность была также горно-лесистая, позволявшая противнику быстро создавать препятствия на важнейших направлениях.

В ночь с 3 на 4 мая командующий 1-м Украинским фронтом направил войскам следующую директиву:

«Армии правого крыла фронта переходят в стремительное наступление по обоим берегам р. Эльба в общем направлении на Прага, с целью разгромить Дрезденско-Герлицкую группировку противника и танковыми армиями на шестой день операции овладеть столицей Чехословакии Прага...»^[595].

Согласно разработанному плану 3-я гвардейская танковая армия вводилась в прорыв на участке 3-й гвардейской армии в первый день операции с задачей на шестой день операции овладеть Прагой ударом с северо-востока и востока. 4-я гвардейская танковая армия, введившаяся в прорыв в полосе 13-й армии западнее 3-й гвардейской танковой армии, на шестой день операции выходила к Праге с запада и юго-запада. Общевойсковая 3-я гвардейская армия, двигаясь вслед за 3-й гвардейской танковой армией, должна была

выйти к Праге на седьмой день операции. Готовность к наступлению – к исходу 6 мая.

Успех действий войск во многом зависел от инженерного обеспечения. Учитывая особенности местности, инженерно-саперные части и подразделения танковых армий, а также саперные и понтонно-мостовые части, поступившие для усиления, были приданы корпусам первого эшелона и включались в основном в передовые отряды. Они должны были разминировать дороги, ликвидировать лесные завалы и другие препятствия, вести разведку дорог и рек, наводить переправы и мосты, оборудовать броды. Особое значение придавалось разработке мероприятий по преодолению Рудных гор.

Общая глубина задач танковых армий достигала 180–190 км. Продолжительность операции составляла шесть суток. По решению генерала Рыбалко оперативное построение войск 3-й гвардейской танковой армии было в два эшелона: в первом – 6-й и 7-й гвардейские танковые корпуса, во втором – 9-й механизированный корпус. Кроме того, в армии был создан армейский передовой отряд. Боевой порядок корпусов также строился в два эшелона с выделением передовых отрядов. Для обеспечения большей самостоятельности при наступлении и преодолении Рудных гор корпусам первого эшелона было придано более половины артиллерии, имевшейся в танковой армии. На авиацию возлагалась задача поддерживать действия танковой армии на всю глубину операции, чтобы создать условия для стремительного продвижения к Праге.

В ночь на 6 мая корпусам первого эшелона должны были занять исходное положение для наступления на западном берегу р. Эльба к юго-востоку от Ризы. К исходу первого дня наступления им предписывалось достичь западных окраин Дрездена, обходя город с

запада, а передовыми отрядами к утру второго дня операции захватить горные перевалы. На третий день операции корпусам первого эшелона предстояло форсировать р. Огрже, на четвертый день операции – р. Влтава, а к исходу пятого дня наступления выйти в предписанный район для штурма Праги с востока и юго-востока. Ввиду того, что пехота еще не заняла исходного положения, командарм приказал немедленно 5 мая переправить через Эльбу 22-ю и 23-ю мотострелковые бригады для обеспечения исходного положения корпусов первого эшелона.

При подготовке к операции в короткие сроки была проведена перегруппировка войск. Соединения правого крыла 1-го Украинского фронта в течение трех суток совершили марш протяженностью 100–200 км из-под Берлина в район северо-западнее Дрездена.

Вследствие быстрой подготовки операции не удалось точно определить характер обороны противника и состав его сил. По данным разведотдела штаба 1-го Украинского фронта, в полосе шириной около 30 км оборонялись 344-я пехотная и 20-я танковая дивизии, 413, 514 и 944-й запасные батальоны, 385-й охранный батальон, 87, 120, 185, 360-й батальоны фольксштурма общей численностью до 8,5 тыс. человек. В резерве находились остатки моторизованной дивизии «Бранденбург», 8-я и 655-я строительные бригады.

В действительности перед 3-й гвардейской танковой армией на западном берегу р. Эльба действовали 47-й учебный батальон, 404-я охранный дивизия, 20-я танковая дивизия и 4-я полицейская дивизия^[596]. Перед войсками центра и левого крыла 1-го Украинского фронта заблаговременно была создана сильно укрепленная оборона, включавшая две полосы глубиной до 18 км. На участке Герлиц, Гиршберг,

Вальденбург имелись мощные оборонительные сооружения. Менее подготовленным являлся рубеж севернее Дрездена и западнее Эльбы. Оборона здесь состояла из отдельных, не связанных между собой опорных пунктов и узлов сопротивления. Глубина тактической зоны составляла около 3–4 км. В 60–70 км проходила полоса приграничных бетонированных укреплений.

Рано утром 6 мая, раньше назначенного срока, на 1-м Украинском фронте была проведена разведка боем силами передовых батальонов стрелковых дивизий первого эшелона общевойсковых армий и корпусов первого эшелона танковых армий. В результате было установлено, что севернее Носсена противник оставил позиции и начал отходить на юг. Кроме того, оказалось, что сплошного фронта обороны противника западнее Эльбы нет. Воспользовавшись этим, в 14 часов, после короткой артиллерийской подготовки, основные силы главной группировки фронта перешли в наступление. Противник, прикрываясь мелкими разрозненными группами, начал отходить в южном направлении. 4-я гвардейская танковая армия, наступая бригадными колоннами в направлении Носсена, к исходу дня продвинулась главными силами до 20 км, а передовыми отрядами корпусов первого эшелона армии – на 30–35 км.

Танковые корпуса 3-й гвардейской танковой армии вышли к автострате Дрезден – Лейпциг, а к двум часам дня 7 мая – к Дрездену. Левофланговые бригады 6-го гвардейского танкового корпуса генерала В.А. Митрофанова втянулись в бой на западной окраине Дрездена. Генерал Рыбалко, недовольный медленным продвижением главных сил армии, вечером 7 мая приказал заместителю начальника штаба армии генерал-майору И.Г. Зиберову возглавить передовой отряд армии. В его состав вошли 69-я

механизированная бригада 9-го механизированного корпуса, 16-я самоходная артиллерийская бригада и 50-й отдельный мотоциклетный полк. Отряду предстояло, обходя все препятствия и узлы сопротивления противника, двигаться на максимальных скоростях и с ходу овладеть северо-восточной частью Праги.

С утра 8 мая войска 3-й гвардейской танковой армии возобновили наступление. Преодолевая поспешно установленные противником заграждения и сопротивление отступающих в южном направлении частей 20-й танковой и 17-й зенитной дивизий противника, главные силы армии к 15 часам вышли к горным перевалам, с ходу преодолели их и к исходу дня находились в районе Теплице. Передовой отряд армии прошел Теплице-Шанов в 16 часов и продолжил безостановочное движение на юг. Главные силы армии преодолели Рудные горы и продвинулись за сутки в сложных условиях горно-лесистой местности на 40-45 км.

8 мая соединения 5-й и 3-й гвардейских армий совместно с 4-м гвардейским танковым корпусом овладели Дрезденом, а войска 4-го Украинского фронта заняли Оломоуц. Основные силы 4-й гвардейской танковой армии к тому времени преодолели Рудные горы. В полосе 2-го Украинского фронта соединения 6-й гвардейской танковой армии к вечеру оторвались от войск 7-й гвардейской армии на 40-45 км.

В восемь часов вечера 8 мая маршал Конев, выполняя указания Ставки ВГК, приказал передать по радио обращение ко всем войскам противника, находившимся в Западной Чехословакии, об их безоговорочной капитуляции. В случае их отказа сложить оружие к 23 часам войскам 1-го Украинского фронта предписывалось нанести решительный удар и разгромить противника. Однако он не ответил на ультиматум. Ровно в 23 часа артиллерия фронта

открыла огонь, и войска возобновили наступление. На рассвете 9 мая части 10-го гвардейского танкового корпуса 4-й гвардейской танковой армии ворвались в северо-западную часть Праги. Одновременно 5-й гвардейский механизированный корпус, наступавший в направлении Мост, Кладно, в 9 часов прорвался на западную окраину города. Части 6-го гвардейского механизированного корпуса в час дня находились в юго-западной части Праги. В 5 часов 45 минут в город вступил передовой отряд 3-й гвардейской танковой армии, встречая лишь незначительное сопротивление мелких разрозненных групп противника. Вслед за ним к Праге подошел 7-й гвардейский танковый корпус генерала В.В. Новикова. Пройдя через город, соединения 3-й гвардейской танковой армии заняли оборону восточнее Праги, предотвратив тем самым прорыв основной части группы войск генерал-фельдмаршала Шернера на запад, в американскую зону оккупации.

В 11 часов 9 мая в Прагу вошли передовые части подвижной группы 4-го Украинского фронта (302-я стрелковая дивизия на автомашинах, 100-я танковая и 65-я мотострелковая бригады 31-го танкового корпуса, два истребительно-противотанковых артиллерийских полка, саперный батальон и фронтовая разведывательная рота). В час дня в город вступила 22-я гвардейская танковая бригада 6-й гвардейской танковой армии.

После освобождения Праги встал вопрос: кто будет комендантом города? По военной традиции комендантом назначался тот генерал, чьи войска первыми вступили в город. Это обстоятельство привело к жаркому спору между командующими 3-й и 4-й гвардейскими танковыми армиями генералами П.С. Рыбалко и Д.Д. Лелюшенко. «Слушая этот спор между двумя нашими славными генералами-танкистами, –

вспоминал маршал Конев, – никак не желавшими уступить друг другу пальму первенства, я решил, что не стоит углублять их «междоусобицу», и тут же назначил начальником гарнизона командующего 3-й гвардейской армией генерал-полковника Гордова. Тем самым претензии обоих командующих танковыми армиями сразу же отпали. Вслед за этим я назначил комендантом города человека, так сказать, нейтрального: им был заместитель командующего 5-й гвардейской армией генерал Парамзин»^[597].

В результате встречи танковых армий 1-го и 2-го Украинских фронтов в районе Праги было замкнуто кольцо окружения вокруг главных сил группы армий «Центр» и отрезаны пути их отхода в западном и юго-западном направлениях. После этого войска обоих фронтов получили задачу сорвать попытки противника отдельными группами вырваться из окружения.

Генерал Рыбалко во второй половине 9 мая направил в район Мельника 6-й гвардейский танковый корпус, а в сторону Брандиса – 7-й гвардейский танковый и 9-й механизированный корпуса. Они захватили переправы через Эльбу и отрезали последние пути отхода противнику на юг и юго-запад. Войска 4-й гвардейской танковой армии, выйдя в район Бенешова, перехватили пути отхода врага на юг и запад. 25-й танковый корпус утром 11 мая в районе Клатови встретился с американскими войсками, а 6-я гвардейская танковая армия установила с ними связь в районе Пльзеня.

В ходе Пражской операции советские войска принесли освобождение чехословацкому народу, окружили и пленили основные силы (около 860 тыс. солдат и офицеров) групп армий «Центр» и «Австрия». Потери советских войск составили: безвозвратные – около 11,3 тыс., санитарные – 38 083 человека^[598].

Соединения 3-й гвардейской танковой армии уничтожили свыше 8,2 тыс. солдат и офицеров противника, 15 танков, 7 самоходных орудий, 89 орудий, 29 бронемашин, 865 автомобилей, захватили около 30 тыс. пленных, 6 танков, 24 самоходных орудия, 42 орудия, 1147 автомашин. Потери армии составили 1064 человека, в том числе 195 убитыми. На 12 мая в армии насчитывалось 285 танков и 176 САУ^[599].

С завершением Пражской операции для войск 3-й гвардейской танковой армии наступили мирные будни. В соответствии с директивой № 11096 Ставки ВГК от 29 мая 1945 г. 1-й Украинский фронт был переименован в Центральную группу войск. В ее состав включались 5, 7, 9 и 4-я гвардейские армии, 1-й гвардейский кавалерийский корпус, 3-я гвардейская танковая армия (6-й и 7-й гвардейские танковые, 9-й механизированный корпуса), 4-я гвардейская танковая и 2-я воздушная армии^[600].

Четвертая гвардейская танковая армия

4-ю гвардейскую танковую армию намечалось сформировать в конце февраля 1943 г. В соответствии с этим началось формирование полевого управления этой армии. Однако 1 марта И.В. Сталин дал указание генералу Н.И. Бирюкову задержать формирование этой армии^[601]. 31 марта Сталин подписывает директиву № 46097 Ставки ВГК командующему войсками Московского военного округа и заместителям наркома обороны о формировании к 15 апреля в районе Калуги 3-й резервной армии. В ее состав включались: полевое управление 4-й гвардейской танковой армии с частями обеспечения, учреждения обслуживания и армейскими тылами; 51, 62, 63, 70, 76, 95 и 119-я стрелковые дивизии, формируемые в районе Калуги по директиве Ставки № 46081 от 20 марта. Полевое управление 4-й гвардейской танковой армии к 5 апреля должно было сосредоточиться в районе Калуги, где переименовывалось в полевое управление 3-й резервной армии^[602].

К вопросу о формировании 4-й гвардейской танковой армии Сталин вернулся в ходе подготовки к сражению на Курской дуге. 26 июня издается приказ № 46194 Ставки ВГК о завершении к 1 июля формирования в районе Москвы этой армии, но уже под наименованием 4-й танковой с непосредственным подчинением ее Ставке. Командующим армией был назначен генерал-лейтенант танковых войск В.М. Баданов, освобожденный от должности командира 2-го гвардейского танкового корпуса, заместителем командующего армией – заместитель командующего 57-й армией генерал-майор танковых войск Е.Е. Белов,

начальником штаба – начальник штаба 12-й армии полковник П.И. Другов. В состав 4-й танковой армии включались: управление армии, развернутое на базе управления 19-го кавалерийского корпуса; 6-й гвардейский Краснознаменный механизированный, 11-й танковый и 30-й Уральский добровольческий танковый корпуса; мотоциклетный полк; отдельный разведывательный бронебатальон; отдельный инженерный батальон; 118-й полк связи; два автобатальона подвоза; склады бронетанкового имущества, автомобильного имущества, ГСМ, продовольственный, артиллерийский, военно-технического имущества, вещевого имущества, санитарный; армейские ремонтно-восстановительные танковые и автомобильные батальоны, три эвакуаторы, два сборных пункта аварийных машин, автосанитарный взвод, армейская артиллерийская мастерская; армейские мастерские по ремонту средств связи и вещевого имущества; полевой подвижной госпиталь; два полевых прачечных отряда; управление полевой армейской базы; отдельная рота обслуживания армейской базы; полевой автохлебозавод^[603].

С 12 часов 18 июля 1943 г. согласно директиве № 39641 Генштаба 4-я танковая армия включалась в состав Западного фронта^[604]. Ей предстояло принять участие в Орловской стратегической наступательной операции.

Орловская стратегическая наступательная операция (12 июля - 18 августа 1943 г.)

Как уже говорилось в главе, посвященной 2-й гвардейской танковой армии, 12 июля 1943 г. войска левого крыла Западного фронта, Брянский и Центральный фронты перешли в наступление, положившее начало Орловской стратегической

наступательной операции (кодовое наименование «Кутузов»).

К исходу 19 июля части 1-го и 5-го танковых корпусов Западного фронта обошли Болхов с запада и юго-запада и, вклинившись глубоко в расположение противника, создали угрозу его главным коммуникациям, соединявшим Орел и Брянск. К этому времени 20-й танковый корпус, введенный в сражение в полосе Брянского фронта, в тесном взаимодействии с соединениями 61-й армии завершил прорыв обороны противника, продвинулся на глубину до 20 км и создал угрозу обхода Болхова с юго-востока. Противник, пытаясь избежать окружения, постепенно начал выводить свои части из Болхова. Теперь самым уязвимым направлением для всей орловской группировки врага стало хотынецкое. Если бы войскам Западного фронта удалось овладеть Хотынцом, то можно было бы отсечь всю эту группировку от ее коммуникаций. Но для решения данной задачи сил у фронта не хватало. Поэтому Ставка ВГК решила ввести в сражение свои резервы – 3-ю гвардейскую и 4-ю танковые армии. Соединения 4-й танковой армии (652 танка и САУ) прибыли на левое крыло Западного фронта 24 июля^[605]. Командующий Западным фронтом генерал-полковник В.Д. Соколовский решил с утра 26 июля ввести армию в прорыв в полосе 11-й гвардейской армии в целях нанесения удара в юго-западном направлении, перехвата железной и шоссейной дорог Орел – Брянск, а также частью сил изолировать и уничтожить во взаимодействии с 61-й армией болховскую группировку противника^[606]. На подготовку к наступлению отводилось не более десяти часов.

Войскам 4-й танковой армии предстояло прорвать сильно укрепленную оборону противника и к исходу дня 26 июля продвинуться на глубину на 60 км. Маршал

Советского Союза И.Х. Баграмян, в то время командующий 11-й гвардейской армией, в своих мемуарах отмечал: «Но у нас был уже немалый опыт прогрызания прочной, глубоко эшелонированной обороны на резко пересеченной местности, и я сомневался, разумно ли вводить в сражение такую массу танков без соответствующей подготовки и обеспечения прорыва. Танки могут, что называется, увязнуть в обороне противника и понести неоправданные потери. Не лучше ли ввести армию на хотынецком направлении: там и условия для действия танков лучше, да и само это направление становится решающим. Но генерал В.Д. Соколовский стоял на своем: танки пойдут на Болхов. Тогда я попросил дать мне несколько дней, чтобы подготовить ввод танковой армии в полосу действий 8-го гвардейского корпуса. В.М. Баданов стал горячо доказывать, что танковая армия и сама сумеет прорвать оборону и разгромить противника. Поскольку его мнение соответствовало замыслу командующего фронтом, было решено вводить танковую армию на болховском направлении с ходу»^[607].

Последующие события показали ошибочность решения командующего фронтом и правоту генерала Баграмяна. Войскам 4-й танковой армии пришлось совместно с 11-й гвардейской армией прорывать заранее подготовленные четыре рубежа обороны противника, плотно насыщенные огневыми средствами, живой силой и заграждениями. В первый же день 11-й танковый и 6-й гвардейский механизированный корпуса понесли большие потери в боевых машинах, главным образом от огня закопанных и замаскированных вражеских танков и самоходных орудий. И только ввод в сражение 30-го Уральского добровольческого танкового корпуса позволил изменить ситуацию.

Соединения 4-й танковой армии вышли к железной дороге Орел – Брянск, создав благоприятные условия для наступления 61-й армии Брянского фронта, которая 28 июля освободила Болхов.

Противник вынужден был начать отвод своих войск с орловского плацдарма. Войска 3-й и 63-й армий Брянского фронта, наступавшие на орловском направлении с востока, немедленно начали их преследование. Для усиления фронта ему согласно директиве № 30154 Ставки ВГК с 24 часов 29 июля из состава Западного фронта передавались 11-я, 11-я гвардейская армии, 4-я танковая армия и 2-й гвардейский кавалерийский корпус^[608].

Одновременно состоялся «разбор полетов», то есть выяснение причин медленного продвижения и больших потерь войск 4-й танковой армии. 30 июля представитель Ставки маршал Г.К. Жуков и командующий Брянским фронтом генерал М.М. Попов были вызваны в Ставку для доклада о действиях армии. В своих воспоминаниях об этом генерал армии М.М. Попов пишет: «После моего краткого доклада, сопровождавшегося замечаниями Г.К. Жукова, Ставка приняла решение: наступление танковой армии немедленно прекратить. Этой же ночью сменить Баданова войсками 11-й гвардейской армии, которой дать сутки на подготовку и поручить прорвать противотанковый рубеж противника. Баданову же срочно приводиться в порядок и готовиться к повторному вводу в прорыв». Из состава армии на основании директивы № 13335 Генштаба от 31 июля в состав 11-й гвардейской армии был передан 25-й танковый корпус^[609].

5 августа соединения 3-й и 63-й армий Брянского фронта освободили Орел. Ставка ВГК, стремясь закрепить достигнутый успех, 6 августа приказала

командующему Брянским фронтом сосредоточить главные усилия на быстрейшем овладении Хотынцом и Карачевом. Командующему Центральным фронтом предписывалось «использовать 2-ю и 3-ю танковые армии для удара в направлении Шаблыкино с задачей во взаимодействии с правым крылом Брянского фронта, наступающим на Карачев, уничтожить противника, отходящего от Орла на запад»^[610].

Однако наступление войск Центрального фронта развивалось медленно. На правом крыле они продвинулись всего на 10 км. Войска 65-й и 70-й армий при поддержке авиации 16-й воздушной армии освободили 12 августа Дмитровск-Орловский. Соединения 13-й армии в этот же день, встретив организованное сопротивление противника с западного берега рек Водоча и Локна, вынуждены были перейти к обороне.

На Брянском фронте события развивались следующим образом. 6 августа в наступление перешла 11-я гвардейская армия. Одновременно в направлении Высокое наступал 1-й танковый корпус, из района Пешково на Меловое продвигались главные силы 4-й танковой армии, обходя Хотынец с востока, а на Бунино – 25-й танковый корпус. Они совместными усилиями разгромили хотынецкую группировку противника и освободили Хотынец. После этого 1-й танковый корпус нанес удар на Карачев, а 4-я танковая армия – несколько южнее.

К 18 августа войска Брянского, Западного и Центрального фронтов вышли к передовым позициям созданного заблаговременно вражеского оборонительного рубежа «Хаген» и были остановлены на линии восточнее Людиново, в 25 км восточнее Брянска, западнее Дмитровска-Орловского. На этом завершилась операция «Кутузов», в ходе которой

войска трех фронтов продвинулись до 150 км, ликвидировав орловский плацдарм противника. Подробно итоги операции нами рассмотрены в предыдущих главах, поэтому не будем повторяться.

* * *

После завершения Орловской операции войска 4-й танковой армии довольно длительное время не участвовали в боевых действиях. 28 августа 1943 г. по директиве № 40508 Генштаба из состава армии был выведен 11-й танковый корпус и отправлен по железной дороге в новый район^[611]. Согласно директиве № 41361 Генштаба от 29 сентября армия (6-й гвардейский Краснознаменный механизированный, 30-й добровольческий Уральский танковый корпуса, 51-й мотоциклетный полк, 59-й бронеавтомобильный батальон, 593-я авиаэскадрилья) выводилась в резерв Ставки ВГК. Все имеющиеся танки и САУ, кроме командирских танков, предписывалось оставить на Брянском фронте. Армию приказывалось сосредоточить к утру 2 октября в районе Карачев, Бутре, Сомово^[612].

10 января 1944 г. в штаб 4-й танковой армии направляется новая директива Генштаба за № 291182 о переброске ее с 16 января по железной дороге в район Буча, Ирпень, Белгородка, Святошино. Командующему 1-м Украинским фронтом предписывалось обеспечить размещение армии в указанном районе и зачислить ее на довольствие^[613]. 13 февраля из Генштаба поступает еще одна директива под № 291824:

«Верховный Главнокомандующий приказал:

1. 4-ю танковую армию в составе 10-го гв. танкового корпуса, 6-го гв. мехкорпуса, управления армии со всеми армейскими частями усиления и тылами с 24.00

13 февраля 1944 года передать из резерва Ставки в резерв 1-го Украинского фронта.

2. Командующему 1-м Украинским фронтом разрешается использовать 4-ю танковую армию в зависимости от обстановки»[\[614\]](#).

Войскам 4-й танковой армии вместе с 1-й и 3-й гвардейской танковыми армиями предстояло принять участие в Проскуровско-Черновицкой наступательной операции. Поэтому при дальнейшем своем повествовании мы коснемся только тех вопросов, которые имеют прямое отношение к 4-й танковой армии.

Проскуровско-Черновицкая наступательная операция (4 марта - 17 апреля 1944 г.)

Войска 4-й танковой армии согласно директиве № 220029 Ставки ВГК от 18 февраля 1944 г., наряду с 13-й, 60-й, 1-й гвардейской и 3-й гвардейской армиями, входила в состав ударной группы 1-го Украинского фронта. Она должна была с фронта Дубно, Шепетовка, Любар нанести удар в южном направлении с задачей разбить группировку противника в районе Кременец, Староконстантинов, Тарнополь и овладеть рубежом Берестечко, Броды, Тарнополь (Тернополь), Проскуров, Хмельники. В дальнейшем, прочно обеспечивая себя со стороны Львова, наступать в общем направлении на Чертков с целью отрезать южной группе войск противника пути отхода на запад в полосе севернее р. Днестр. Начало наступления - 4-6 марта[\[615\]](#).

Командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Н.Ф. Ватутин планировал ввести 4-ю танковую армию в прорыв с рубежа Садки, Ляховцы с целью нанесения удара в юго-восточном направлении на Ямполь, Святец, Базаля, Черный Остров, Проскуров. Ей предстояло во взаимодействии с 3-й гвардейской

танковой армией к исходу 6—8-го дня операции овладеть районом Проскурова и выйти в район Черный Остров, Немычинцы, Гречаны. Действия войск 4-й танковой армии обеспечивала с воздуха авиация 2-й воздушной армии.

4 марта войска 1-го Украинского фронта перешли в наступление. Несмотря на распутицу, соединения 60-й и 1-й гвардейской армий, поддержанные танками, артиллерией и авиацией, быстро прорвали оборону противника и продвинулись на 12 км. Для развития успеха в полосе 60-й армии на тарнопольском направлении была введена в сражение армейская подвижная группа (4-й гвардейский танковый корпус), а на проскуровском направлении – подвижная группа фронта (4-я и 3-я гвардейская танковые армии).

7 марта передовые части 60-й армии вышли к Тарнополю, создав серьезную угрозу железной дороге Львов – Одесса – главной коммуникации всего южного стратегического крыла противника. Между его 4-й и 1-й танковыми армиями был вбит глубокий клин. Командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн, стремясь не допустить захвата советскими войсками дороги, выдвинул на рубеж Тарнополь, Проскуров 9 танковых и 5 пехотных дивизий. В результате развернулось сражение, в котором с обеих сторон участвовало до 1300 танков, САУ и штурмовых орудий. Тяжелые бои в районе Тарнополя и Проскурова истощили главные силы фронта, которые 12 марта были вынуждены перейти к обороне.

В это время командующим 4-й танковой армией был назначен генерал-лейтенант Д.Д. Лелюшенко, до этого командовавший 3-й гвардейской армией (см. приложение № 3). «Назначение командующим танковой армии очень обрадовало меня, – писал генерал армии Д.Д. Лелюшенко в книге «Москва – Сталинград – Берлин

– Прага. Записки командарма». – Опыт войны воочию показал, что крупные бронетанковые объединения сыграли важнейшую роль на полях сражений. Быстрота и маневр танковых войск, сила огня, внезапность удара, выход на оперативный простор в короткие сроки, способность окружить и разгромить крупные оперативные резервы противника как самостоятельно, так и во взаимодействии с другими родами войск являлись прямыми показателями нашего возросшего военного искусства и наличия индустриальной мощи».

9 марта генерал Д.Д. Лелюшенко вместе с начальником связи 3-й гвардейской армии подполковником А.Я. Остренко и офицером оперативного отдела А.А. Дементьевым прибыл в штаб 1-го Украинского фронта, расположенный в местечке Славута. Командующий фронтом маршал Г.К. Жуков^[616] кратко ознакомил их с обстановкой и общими задачами, которые предстояло решить 1-му Украинскому фронту, а также ролью, отводившейся 4-й танковой армии. Он обратил внимание на сложность действий танков в условиях весенней распутицы и на возросшее сопротивление противника в полосе действий войск фронта. Указав, какие вражеские части действуют против 4-й танковой армии на участке Подволочиск, Войтовцы и по рубежу железной дороги Тарнополь – Проскуров, маршал Жуков потребовал во что бы то ни стало удержать занимаемые позиции.

По замыслу маршала Жукова предусматривалось после овладения Тарнополем и Проскуровом предоставить войскам фронта пяти-шестидневный перерыв, а затем возобновить наступление с целью выхода на р. Днестр и тем самым отрезать южной группе войск противника пути отхода на запад в полосе севернее Днестра. Главный удар силами 1-й и 4-й танковых армий, 1-й гвардейской и 60-й армий,

усиленных артиллерий и при поддержке всей авиации фронта, намечалось нанести из района Тарнополь, Волочиск, Проскуров в общем направлении на Чертков, Каменец-Подольск. Вспомогательный удар должны были нанести 18-я и 38-я армии с рубежа Проскуров, р. Южный Буг до Райгорода в общем направлении на Новую Ушицу, Могилев-Подольский. В соответствии с решением маршала Жукова войска 4-й танковой армии должны были нанести удар параллельно 1-й танковой армии из района Волочиска в направлении на Гусятин, Каменец-Подольск и овладеть районом Каменец-Подольск, Хотин^[617].

И.В. Сталин 11 марта утвердил решение командующего 1-м Украинским фронтом. При этом требовалось не ограничиваться выходом левого крыла фронта на Днестр, а форсировать его с ходу, развивая удар на Черновицы (Черновцы) с целью занятия этого пункта и выхода на государственную границу СССР. После овладения рубежом Берестечко, Броды, Городище, Бучач предписывалось продолжать наступление с целью овладеть районом Львов, Перемышль и выйти правым крылом фронта на р. Западный Буг, т. е. на государственную границу СССР, для чего перегруппировку произвести таким образом, чтобы усилить правое крыло фронта.

Начальник штаба 1-го Украинского фронта генерал-лейтенант А.Н. Боголюбов сообщил генералу Д.Д. Лелюшенко, что прежний командующий 4-й танковой армией решил главный удар нанести в направлении Святец-Фридрихувка. В полосе предстоящего наступления оборонялись штурмовая бригада СС «Лангемарк», боевая группа «Эбергарт», пехотные полки СС «Зюйд» и «Фландрия», 677-й саперный полк, 218-й саперный батальон и другие части. Для координации действий частей 4-й танковой и 60-й

армий в распоряжении 10-го гвардейского танкового корпуса находилась оперативная группа из офицеров штабов обеих армий. Ее возглавлял генерал-майор Е.Е. Белов, заместитель командующего 4-й танковой армией. Генерал А.Н. Боголюбов сообщил также, что генерал В.М. Баданов находится в штабе армии, нездоров. «Штаб армии переезжал на новое место, – вспоминал Лелюшенко. – Бывший командующий генерал-лейтенант В.М. Баданов прямо со старого командного пункта вылетел в Москву лечиться. Так мы с ним и не повидались».

Утром 10 марта генерал Д.Д. Лелюшенко на самолете По-2 добрался до штаба 10-го гвардейского танкового корпуса. Командир корпуса генерал Е.Е. Белов^[618] доложил новому командарму, что принял решение прочно удержать рубеж железной дороги на участке Фридрихувка – Войтовцы. Он также сообщил, что корпус находится в двойном подчинении – и у командующего 4-й танковой армией, и у командующего 60-й армией, а 62-я танковая бригада временно передана командующему 3-й гвардейской танковой армией.

Генерал Лелюшенко одобрил решение командира 10-го гвардейского танкового корпуса. Затем, связавшись по ВЧ с маршалом Жуковым, попросил его вернуть все войска 4-й танковой армии в подчинение командующего армией. На следующий день директива фронта на этот счет была получена. Однако 62-я танковая бригада вернулась, не имея ни одного танка.

11 марта начальник штаба фронта приказал войскам 4-й танковой армии надежно закрепиться на достигнутом рубеже, пополнить запасы горючего и боеприпасов, восстановить материальную часть и начать подготовку к наступлению. На усиление армии были направлены 1672-й, 222-й истребительно-

противотанковые артиллерийские и 1442-й самоходный артиллерийский полки, 6-я понтонно-мостовая бригада и 1506-й автомобильный батальон.

Согласно решению генерала Лелюшенко, 10-му гвардейскому танковому корпусу предстояло, обходя местечко Скалат с востока, во взаимодействии с 8-й стрелковой дивизией 60-й армии уничтожить противостоящего противника и к исходу первого дня операции овладеть населенными пунктами Гжималув, Окно; к исходу второго дня операции захватить Гусятин и, развивая наступление, к исходу четвертого дня выбить неприятеля из Каменеца-Подольска. 6-му гвардейскому механизированному корпусу (командир – генерал-лейтенант А.И. Акимов) во взаимодействии с частями 23-го стрелкового корпуса предписывалось уничтожить противника в районе урочища Малинник и с выходом стрелковых частей на рубеж южная опушка урочища Малинник, Ивановка продолжать наступление в общем направлении Красное, Сатанув, обеспечивая левый фланг армии.

Утром 21 марта, после короткой артиллерийской подготовки и авиационного удара, войска 1-го Украинского фронта возобновили наступление. Войска 1-й танковой армии генерала М.Е. Катуква, форсировав Днестр и Прут, освободили 28 марта станцию Коломыя и на следующий день г. Черновицы.

На направлении действий 4-й танковой армии события разворачивались следующим образом. Прорвав оборону противника и отбив три контратаки, 10-й гвардейский танковый корпус к 16 часам 22 марта овладел населенным пунктом Гжималув, а 6-й гвардейский механизированный корпус – населенным пунктом Окно. Решительно продвигался сосед 4-й танковой армии – 823-й стрелковый полк 60-й армии. Враг оказывал упорное сопротивление, применяя в большом количестве противотанковые мины,

инженерные заграждения и фаустпатроны. Распутица замедляла темп наступления и доставку ГСМ, боеприпасов и продовольствия. В полосе действий армии была только одна сносная дорога с булыжным покрытием, идущая на юг в направлении Черткова, но, отходя, враг местами разрушил и минировал ее, особенно близ переправ через речки и ручьи.

23 марта 61-я гвардейская танковая бригада 10-го гвардейского танкового корпуса на предельной скорости с зажженными фарами, ведя огонь из пушек и пулеметов, внезапно захватила населенный пункт Зиньковцы. В половине одиннадцатого утра 24 марта в штаб армии поступила директива маршала Жукова, в которой указывалось:

«4-й танковой армии стремительно развивать наступление и 25 марта овладеть районом Каменец-Подольск. С целью овладения переправой через реку Днестр в районе Хотин направить одну танковую бригаду с мотопехотой с задачей ночью с 24 на 25.3.44 г. захватить мост у Жванец близ Хотина и прочно закрепить его за собой. Построить в этом районе круговую оборону. В район Каменец-Подольск вывести 10-й гвардейский танковый корпус, а в район Жердь - 6-й гвардейский механизированный корпус. Заслонами занять узлы дорог в районе Чемеронцы, Смотрич, Дунаевцы, Лянцкорунь и не допустить отхода противника на юг и юго-запад. Разведку вести в направлении Ярмолинцы».

Выполнение поставленной задачи, как и прежде, усложнялось тем, что боевые порядки войск 4-й танковой армии слишком растянулись из-за плохих дорог, и по той же причине продолжался острый недостаток боеприпасов и горючего. Тем не менее соединения продолжали развивать наступление в юго-восточном направлении, преодолевая яростное сопротивление 7-й танковой дивизии и танковой

дивизии «Адольф Гитлер», а также пехотных соединений противника. В половине четвертого дня 24 марта 17-я гвардейская механизированная бригада полковника М.В. Медведева во взаимодействии с 63-й гвардейской танковой бригадой полковника М.Г. Фомичева овладела местечком Скала на р. Сбруч, лежавшем в глубоком оперативном тылу 1-й танковой армии врага. Передовой отряд 6-го гвардейского механизированного корпуса – 49-я механизированная бригада подполковника П.Н. Туркина – занял местечко Оринино, недалеко от Каменец-Подольска. 61-я гвардейская танковая бригада подполковника Н.Г. Жукова и 62-я гвардейская танковая бригада подполковника С.А. Денисова освободили Гусятин, захватив три эшелона с танками и артиллерией, склады с продовольствием, обмундированием и боеприпасами. Вечером 17-я гвардейская механизированная бригада 6-го гвардейского механизированного корпуса и 63-я гвардейская танковая бригада 10-го гвардейского танкового корпуса захватили местечко Должок близ Каменец-Подольска, отрезав противнику путь отхода в юго-западном направлении. 20-я гвардейская механизированная бригада 1-й танковой армии форсировала Днестр в районе населенных пунктов Залещики и Устечко.

В течение ночи 25 марта войска 4-й танковой армии, заняв пригороды Каменец-Подольска, готовились к штурму города. Вражеский гарнизон насчитывал свыше 9 тыс. солдат и офицеров, 85 танков (в их числе много «Тигров»), 62 орудия, 300 пулеметов. С востока к городу подходила 1-я танковая армия противника. Гарнизон Каменец-Подольска получил приказ любой ценой удержать город до ее подхода. Оборонительные сооружения создавались в спешке, так как враг не ожидал столь быстрого выхода войск 1-го Украинского фронта к Каменец-Подольску с запада.

По решению генерала Лелюшенко намечалось главный удар по Каменец-Подольску нанести с запада и юго-запада силами 10-го гвардейского танкового и 6-го гвардейского механизированного корпусов. Начало атаки – в 5 часов вечера 25 марта после короткого, но мощного огневого налета артиллерии и залпа гвардейских минометов. С целью отвлечь внимание противника от направления главного удара армии предусматривалось на час раньше нанести удар с юго-востока и севера.

Штурм Каменец-Подольска был осуществлен в столь стремительном темпе, что противник не успел взорвать ни Турецкий мост, ни электростанцию, ни одно промышленное предприятие. К утру 26 марта город был полностью очищен от противника. В качестве трофеев было захвачено 72 танка, в том числе 49 «Тигров», и 400 автомашин. Из тюрьмы были освобождены более 800 советских граждан, которых ожидала верная смерть. В освобождении Каменец-Подольска активное участие принимали партизаны под командованием И.И. Шитова и подпольщики.

С потерей Черновиц противник лишился последнего связующего звена между своими войсками, действующими к северу и югу от Карпат. В то же время 1-я танковая армия противника была окончательно отсечена от 4-й танковой армии, а с выходом 30 марта правофланговых соединений 2-го Украинского фронта к г. Хотин она оказалась окруженной в районе севернее Каменец-Подольска. В окружении оказалось, по одним данным, до 18 дивизий противника, а по другим сведениям – 22 дивизии, в том числе 10 танковых^[619]. Однако окруженная группировка не была уничтожена, что обуславливалось недостатком танков и артиллерии у наступавших армий, большой растянутостью коммуникаций, отставанием штабов и тыловых органов

в условиях сильной весенней распутицы, плохой организацией разведки, несвоевременным принятием мер командующим 1-м Украинским фронтом по усилению 4-й танковой армии и созданию прочного внутреннего фронта окружения с запада^[620]. В войсках армии насчитывалось всего 67 танков и САУ, а приданный ей 30-й стрелковый корпус (121-я и 30-я стрелковые дивизии, 29-й гвардейский тяжелый танковый полк) имел значительный некомплект, особенно в технике. Армия испытывала острый недостаток в горючем и боеприпасах. Кроме того, между 1-й гвардейской и 4-й танковой армиями образовался разрыв шириной около 30 км, для прикрытия которого фронт не имел сил.

Как уже отмечалось, командующий немецкой 1-й танковой армией генерал-полковник Хубе, сосредоточив к концу марта главные силы севернее Каменец-Подольска, предпринял дерзкий прорыв на северо-западном направлении. Сильный удар крупной вражеской группировки пришелся по войскам 4-й танковой армии в районе Каменец-Подольска, так как через этот город проходила единственная мощная дорога, ведущая на запад через Оринин и далее на Бучач и Подгайцы. С 28 марта по 2 апреля происходили ожесточенные бои не на жизнь, а на смерть. Несмотря на многократное превосходство в живой силе и технике, противнику не удалось захватить Каменец-Подольск, Жердье, Оринин и Жванец. Войска 4-й танковой армии стойко отражали все атаки врага. Части 61-й и 63-й танковых, 29-й Унечской мотострелковой, 16-й механизированной гвардейских и 49-й механизированной бригад, 121-я стрелковая дивизия, 127, 28 и 56-й танковые полки, оборонявшие Каменец-Подольск, отбили 16 атак нескольких танковых и пехотных дивизий. В одном из боев погиб командир 29-

й гвардейской Унечской мотострелковой бригады полковник М.С. Смирнов.

Города Оринин и Жердые обороняли 30-я стрелковая дивизия 30-го стрелкового корпуса, 312-й гвардейский минометный и 51-й мотоциклетный полки, 20-я инженерно-саперная бригада 4-й танковой армии. Там же располагались и штабы 4-й танковой армии, 6-го гвардейского механизированного и 30-го стрелкового корпусов со специальными частями. Пять дней длилось кровопролитное сражение за Оринин и Жердые. Хотя враг имел здесь десятикратный численный перевес и превосходство в танках, ему не удалось добиться успеха. «Трижды врывались фашисты в Оринин, – вспоминал генерал армии Лелюшенко, – каждый раз дело доходило до рукопашной схватки, в которой принимали участие офицеры штаба армии, политотдела, всех служб и родов войск. Неприятель, оставляя горы трупов своих солдат и офицеров, откатывался назад. Мне и сейчас помнится, как трижды пришлось прерывать свой доклад Г.К. Жукову по радио в связи с прорывом противника на командный пункт 4-й танковой армии. Командующий фронтом в эти минуты говорил: «Иди, руководи отражением атаки, надеюсь, что в плен не попадешь, а потом доложишь». Понесся большие потери и не добившись успеха в боях за Каменец-Подольск, Оринин, Жердые, неприятель вынужден был плестись по сплошной грязи, бросать технику, чтобы спасти от полного уничтожения хотя бы часть солдат и офицеров».

Ценой больших потерь противнику удалось ко 2 апреля продвинуться в район Борщева (между Каменец-Подольском и Бучачем). Здесь он неожиданно натолкнулся на 1672-й и 222-й истребительно-противотанковые артиллерийские полки, следовавшие в район Каменец-Подольска на помощь войскам 4-й танковой армии. Артиллеристы быстро

сориентировались, развернули орудия и уничтожили 22 вражеских танка, 17 самоходных орудий, до 300 автомашин и более 1000 солдат и офицеров.

Одновременно из района Подгайцы, Бучач силами танкового корпуса СС (9-я и 10-я танковые дивизии СС), 100-й горнострелковой и 37-й пехотной дивизий, переброшенных с запада, был нанесен удар на восток навстречу соединениям 1-й танковой армии, пробивавшимся из окружения. Э. фон Манштейн в своих мемуарах отмечал, что к 9 апреля 1-я танковая армия была освобождена, не указав при этом, какой ценой обошелся прорыв на запад. По оценке маршала Жукова, окруженная группировка понесла огромные потери, от некоторых соединений остались только штабы. «Сколько гитлеровцев прорвалось из окружения, – отмечал он, – ни я, ни штаб фронта точно установить так и не смогли. Назывались разные цифры. Как потом оказалось, вышли из окружения не десятки танков с десантом, как тогда доносили войска, а значительно больше»^[621].

Войска 4-й танковой армии, усиленные 147-й стрелковой дивизией, 6 апреля получили новую задачу. По приказу командующего 1-м Украинским фронтом они 7 апреля форсированным маршем на автомашинах вышли на западный берег р. Стрыпа. С этого рубежа им предстояло нанести удар на Подгайцы и отбросить противника на р. Коропец. Однако здесь они встретили ожесточенное сопротивление противника и вынуждены были перейти к обороне на р. Стрыпа. Главные силы 1-го Украинского фронта, не сумев прорваться к Львову, по приказу Ставки ВГК 17 апреля также перешли к жесткой обороне.

Несмотря на то что войскам 1-го Украинского фронта не удалось полностью выполнить поставленные задачи, они освободили значительную часть территории

Правобережной Украины, нанесли поражение 1-й и 4-й танковым армиям противника. Советские войска вышли к предгорьям Карпат, разрезав стратегический фронт южной группировки противника на две части.

В ходе боевых действий 4-я танковая армия в условиях распутицы с кровопролитными боями прошла более 350 км. Совместно с 1-й гвардейской, 60-й, 1-й танковой и 38-й армиями она нанесла поражение 7 танковым и 6 пехотным дивизиям противника, уничтожила и захватила 230 танков (из них 73 танка «Тигр»), 386 орудий и минометов, 230 бронетранспортеров, 9500 автомашин, бронепоезд, 250 мотоциклов, 60 тракторов, 60 складов с боеприпасами, горючим и продовольствием. Были уничтожены около 20 тыс. солдат и офицеров, а в плен взяты более 14 тыс. человек. Армия получила ценный опыт завершения прорыва тактической зоны обороны противника во взаимодействии с общевойсковыми армиями, развития успеха в оперативной глубине, самостоятельного овладения и удержания крупного города (Каменец-Подольск), захвата переправы на р. Днестр.

* * *

После завершения Проскуровско-Черновицкой операции 18 апреля 1944 г. командующий 1-й Украинским фронтом приказал войскам 4-й танковой армии сдать свои позиции соединениям 1-й гвардейской армии и в ночь на 19 апреля сосредоточиться в 60 км юго-восточнее г. Тернополя (в районе Яблонув, Майдан, Янув). Однако отдых войск армии не состоялся в связи с создавшимся сложным положением на участке 1-й танковой армии за Днестром, в районе Коломыи. По приказу командующего фронтом в ночь на 20 апреля 6-й гвардейский механизированный корпус был

направлен в этот район, где оказал помощь 1-й танковой армии в разгроме крупных сил противника. Части 10-го гвардейского танкового корпуса в начале мая перешли к обороне за Днестром, а остальные соединения армии сосредоточились восточнее Тернополя, готовясь к Львовско-Сандомирской наступательной операции.

Войска армии получали пополнение, ремонтировали боевую технику и занимались боевой учебой. При этом учитывался опыт, полученный в предшествующих боях. А они выявили ряд существенных недостатков в действиях частей и соединений. В приказе № 0066 генерала Д.Д. Лелюшенко от 22 апреля 1944 г. отмечались недостаточная сколоченность танковых экипажей, плохая организация разведки в бою, слабое применение маневра танков непосредственно на поле боя, неумение правильно организовывать взаимодействие танков с пехотой и артиллерией и др. С целью устранения отмеченных недостатков командующий армией приказал с 23 апреля приступить к боевой подготовке, на которую отводилось по 10 учебных часов в сутки^[622].

На устранение недостатков в боевых действиях бронетанковых и механизированных войск был направлен и приказ № 0119 командующего войсками 1-го Украинского фронта от 1 мая^[623]. В нем отмечалось, что командующие, командиры корпусов и их штабы не умеют организовывать и вести разведку, вследствие чего танковые и механизированные войска очень плохо знают противника и особенно его систему противотанковой обороны и производимые противником перегруппировки. В худшую сторону выделяется 4-я танковая армия. При планировании операций штабы не продумывают вопросы управления, связи и материально-технического обеспечения частей на всю

глубину. Штаб 4-й танковой армии отрывался от своих войск до 50 км, а тылы не обеспечивали войска горючим и боеприпасами, что приводило к потере темпа наступления. Не на должном уровне находятся организация взаимодействия танков с артиллерией и авиацией, огневая выучка части молодых экипажей, управление боевыми порядками и сочетание огня и движения.

Командующий фронтом приказал командирам танковых корпусов находиться с главными силами, имея при себе оперативную группу управления. Командиры бригад со своими штабами должны были располагаться не далее 1 км от боевых порядков, а командиры полков и батальонов – непосредственно в боевых порядках. Атаку танков требовалось поддерживать и сопровождать артиллерийско-минометным огнем и авиацией на всю глубину боевого порядка противника. Атака должна была проводиться на максимальных скоростях, ведя интенсивный огонь с ходу и с коротких остановок. С 1 по 10 мая командующим армиями предписывалось провести со штабами корпусов одно занятие, командирам корпусов со штабами бригад – два, командирам бригад и полков со штабами и командирами батальонов и рот – по три занятия. Одновременно требовалось организовать сборы офицеров разведывательной службы по корпусам, обратив особое внимание на организацию и технику ведения разведки днем и ночью. Всему офицерскому составу бронетанковых и механизированных войск приказывалось изучить к 1 июня 1944 г. Устав бронетанковых и механизированных войск Красной Армии, части I и II.

С апреля по июль в 4-ю танковую армию были включены 93-я отдельная Краснознаменная Житомирская танковая бригада полковника С.К. Доропея и 68-я зенитная артиллерийская дивизия

полковника А.Ф. Козлова. Кроме того, к 10 июля армия была укомплектована личным составом почти на 100 % – 40 415 человек, танками и орудиями – на 80 %, автотранспортом – на 60 % (2788 автомашин).

Произошли некоторые изменения в командном составе. Начальником штаба армии стал генерал-майор танковых войск К.И. Упман, а начальником оперативного отдела штаба армии с 14 апреля – полковник С.С. Маряхин.

Львовско-Сандомирская наступательная операция (13 июля - 29 августа 1944 г.)

В главе «Первая гвардейская танковая армия» подробно освещены все вопросы, касающиеся подготовки и планирования Львовско-Сандомирской наступательной операции. Напомним, что командующий 1-м Украинским фронтом маршал И.С. Конев решил нанести главный удар из района Тернополя на Львов силами двух общевойсковых (60 и 38-я), двух танковых (3-й гвардейской и 4-й) армий и конно-механизированной группы генерал-лейтенанта С.В. Соколова. Для поддержки с воздуха предназначались 5 авиационных корпусов 2-й воздушной армии генерала С.А. Красовского.

В соответствии с приказом № 00596/239/оп командующего фронтом от 7 июля войска 4-й танковой армии вводились в прорыв в полосе 38-й армии в целях стремительного его развития в направлении Перемышляны, Городок (Грудек Ягельонски) и разгрома львовской группировки противника. На второй день операции армии предписывалось выйти в район Ляходов, Свирж, Войцеховице, Борщев. В дальнейшем, развивая наступление, обходить Львов с юга, не допустить отхода противника из города на запад и юго-запад и на четвертый день операции овладеть районом Велькополе, Городок, Любень, Малы, Суховоля.

Сильными передовыми отрядами требовалось захватить Мостиску и переправы через р. Днестр юго-западнее Рудков, одновременно вести разведку на Перемышль, Самбор, а в районе Янов, Ямельна войти в боевое взаимодействие с 3-й гвардейской танковой армией^[624]. Для поддержки 38-й и 4-й танковой армий выделялись 8-й штурмовой и 10-й истребительный авиационные корпуса 2-й воздушной армии. Готовность войск к наступлению – к 20.00 12 июля.

Командующий 4-й танковой армией генерал Лелюшенко решил 10-й гвардейский танковый корпус со средствами усиления ввести в прорыв на второй день операции на участке 70-й гвардейской стрелковой дивизии 38-й армии. Корпусу предстояло, развивая стремительное наступление, овладеть западным берегом р. Злота-Липа в районе Ремизовце, Коронец и к исходу дня освободить местечко Свиж, г. Перемышляны и населенный пункт Бобрка. Одновременно 6-й гвардейский механизированный корпус вводился на участке 211-й и 221-й стрелковых дивизий с задачей развить наступление на Поморжаны, Осталовице и к исходу второго дня операции овладеть районом Недзелиска, Войцеховице, Бжуховице.

Как уже отмечалось, разведка противника сумела вскрыть расположение и состав общевойсковых армий, действовавших в первой линии, места сосредоточения 1-го и 6-го гвардейских кавалерийских, 25-го и 31-го танковых корпусов и 3-й гвардейской танковой армии. В то же время не удалось обнаружить перегруппировку 11-го гвардейского танкового корпуса 1-й гвардейской танковой армии и 10-го гвардейского танкового корпуса 4-й танковой армии. Противник считал, что эти корпуса 13 июля еще продолжали оставаться в районе Коломыя, тогда как они уже 7 июля находились в новых районах сосредоточения.

Как говорилось в предыдущей главе, войска 60-й и 3-й гвардейской танковой армий 1-го Украинского фронта, перейдя 15 июля в наступление, в ходе трехдневных упорных боев прорвали оборону противника на глубину до 18 км, образовав так называемый колтовский (колтувский) коридор шириной 4-6 км. В него с утра 16 июля были введены главные силы 3-й гвардейской танковой армии.

Начальник штаба фронта генерал армии В.Д. Соколовский, прибывший вечером 15 июля на наблюдательный пункт 38-й армии, где находился и командующий 4-й танковой армией, по телефону доложил командующему фронтом о целесообразности ввода танковой армии в полосу 60-й армии вслед за 3-й гвардейской танковой армией. В два часа 16 июля маршал Конев приказал генералу Лелюшенко оставить в полосе 38-й армии 63-ю гвардейскую танковую и 17-ю гвардейскую механизированную бригады, а главные силы 4-й танковой армии направить на север в полосу 60-й армии и с рассветом 17 июля войти в прорыв вслед за 3-й гвардейской танковой армией с прежней задачей.

Генерал Лелюшенко, получив приказ, немедленно принял меры по согласованию вопросов взаимодействия с 3-й гвардейской танковой и 60-й армиями. Командирам 6-го гвардейского механизированного и 10-го гвардейского танкового корпусов была поставлена задача о выдвижении на север, к новому участку ввода в прорыв – к населенным пунктам Колтов, Нуще. Им также предписывалось увязать взаимодействие с 15-м стрелковым корпусом генерала П.В. Тертышного и в первую очередь с 322-й стрелковой дивизией генерала П.Н. Лашенко. После этого генерал Лелюшенко с оперативной группой выехал на командный пункт 60-й и 3-й гвардейской танковой армий, где на месте оценил сложившуюся обстановку и уточнил по радио задачи корпусам. Частям 10-го гвардейского танкового корпуса

приказывалось после входа в прорыв развивать наступление вслед за 3-й гвардейской танковой армией в направлении Тростянец-Малы. По достижении района Золочева следовало повернуть в юго-западном направлении, обходя Львов с юга, уничтожить резервы противника и к 18 июля овладеть местечком Городок (30 км западнее Львова). Соединения 6-го гвардейского механизированного корпуса должны были двигаться за 10-м гвардейским танковым корпусом, а из района Золочева повернуть на юго-запад, захватить Перемышляны, где оставить одну бригаду. Главным силам корпуса предстояло разгромить резервы противника в районе местечка Свиж, а к 19 июля выйти на рубеж южнее местечка Городок.

Ввод 4-й танковой армии в колтовский коридор обеспечивался действиями двух штурмовых, двух бомбардировочных и двух истребительных авиационных корпусов. Расширение прорыва возлагалось на 106-й стрелковый и 4-й гвардейский танковый корпуса. Здесь же развертывался 31-й танковый корпус.

В ночь на 17 июля передовой отряд 10-го гвардейского танкового корпуса – 61-я гвардейская Свердловская танковая бригада подполковника Н.Г. Жукова, – обогнав части 15-го стрелкового корпуса, отразил три контратаки врага с юга в районе Тростянец-Малы и в 8 часов утра овладел опорным пунктом вблизи Золочева. Вслед за передовым отрядом продвигались главные силы 10-го танкового корпуса, а за ним 6-й гвардейский механизированный корпус. Они преодолели уже 5–8 км, как противник силами 1-й и 8-й танковых дивизий (более 100 танков) нанес контрудар по 6-му гвардейскому механизированному корпусу с юга и частями 13-го армейского корпуса – с севера. В результате завязалось ожесточенное сражение, в ходе которого части 6-го гвардейского механизированного корпуса принимали отчаянные усилия по удержанию

коридора. Соединения 10-го гвардейского танкового корпуса 18 июля захватили Ольшанцы (в 40 км восточнее Львова), находясь в 70 км от 6-го гвардейского механизированного корпуса. Командующий фронтом, учитывая сложившуюся обстановку, приказал генералу Лелюшенко силами 10-го гвардейского танкового корпуса продолжать выполнять поставленную задачу, а части 6-го гвардейского механизированного корпуса вместе с соединениями 60-й армии оставить в колтовском коридоре до особого распоряжения.

Решение маршала Конева означало, что корпуса 4-й танковой армии вынуждены были вести боевые действия на разных направлениях. Выделение только одного корпуса для выполнения основной задачи армии по выходу в оперативную глубину и разгрому крупных резервов противника могло привести к срыву этой задачи. Кроме того, тылам армии угрожала крупная группировка противника, пытавшаяся из района Броды пробиться на юг. В этой связи генерал Лелюшенко обратился к командующему фронтом с просьбой разрешить вывести из колтовского коридора 6-й гвардейский механизированный корпус для развития наступления на Львов. Удержание коридора предлагалось возложить на другие соединения фронта. Однако маршал Конев оставил в силе прежнее решение. Вечером 18 июля на КП 4-й танковой армии по заданию командующего фронтом прибыл начальник оперативного управления штаба фронта генерал-майор В.Н. Костылев. Он разобрался в обстановке, побывал в штабах 4-й, 3-й гвардейской танковых и 60-й армий. После этого он доложил командующему фронтом о необходимости удовлетворить просьбу генерала Лелюшенко. Вскоре маршал Конев дал на это согласие. В директиве командующим танковыми армиями говорилось:

«Обстановка для стремительных действий вашей армии сложилась благоприятно. В районе Львова у противника резервов нет.

Приказываю:

1. Командарму 3-й танковой не позднее утра 20.7 обходным маневром с севера и с северо-запада овладеть Львовом. Группе генерала Баранова приказываю овладеть Жолкев.

2. Командарму 4-й танковой стремительным ударом в обход Львова с юга во взаимодействии с 3-й танковой овладеть Львовом. Обеспечить операцию с юга с направлений Перемышляны, Миколаев. 93 тбр оставить в районе Колтув до ликвидации противника»^[625].

На смену 6-му гвардейскому механизированному корпусу в колтовский коридор выдвигался 4-й гвардейский танковый корпус генерала П.П. Полубоярова.

Задача, поставленная командующим фронтом, потребовала в срочном порядке повернуть 4-ю танковую армию на 90° на север, то есть на южную окраину Львова. 10-й гвардейский танковый корпус должен был нанести удар на Львов с юга и во взаимодействии с 6-м гвардейским механизированным корпусом, наступающим западнее, овладеть городом. Командиру 6-го гвардейского механизированного корпуса предписывалось оставить одну механизированную бригаду в Перемышлянах и удерживать этот пункт до подхода войск армии с востока, а главными силами стремительно нанести удар по юго-западной окраине Львова и во взаимодействии с 10-м гвардейским танковым корпусом овладеть городом, прикрывая левый фланг армии от возможных ударов противника с юга и юго-запада. Войска немедленно приступили к выполнению новой задачи.

Командир 10-го гвардейского танкового корпуса генерал Е.Е. Белов решил выйти на Львов через заболоченную местность, где противник меньше всего ожидал наступления войск 1-го Украинского фронта. С целью преодоления заболоченной местности были изготовлены и уложены гати, для чего использовалось несколько разрушенных сараев и амбаров. Однако наступление на Львов успеха не имело. Части 6-го гвардейского механизированного корпуса генерала А.И. Акимова в ночь на 19 июля перешли в наступление на Перемышляны. На следующий день они освободили город, создав угрозу удара во фланг противнику, действовавшему на станиславском направлении. Генерал армии Д.Д. Лелюшенко в своих мемуарах «Москва – Сталинград – Берлин – Прага. Записки командарма» отмечал:

«Выход 4-й танковой армии в глубокий тыл врага в районе южнее Львова и захват Перемышлян заставил противника спешно начать отход с ранее занимаемого фронта западнее Тернополя. Наш сосед справа – 3-я гвардейская танковая армия – проник в глубь неприятельской обороны северо-восточнее и севернее Львова, и часть его сил пошла на Перемышль, обойдя Львов с севера. Почувствовав надвигающуюся опасность в районе Львова, неприятель начал срочно перебрасывать сюда войска с других направлений. В свою очередь, наше командование стремилось опередить противника, не допустить подхода его резервов к Львову с запада и юго-запада и разгромить их еще на подступах к городу».

20 июля противник стал отводить на запад части 24-го танкового и 59-го армейского корпусов. Войска 38-й армии и правого фланга 1-й гвардейской армии, сбивая арьергарды врага, начали преследование противника. Чтобы отрезать ему пути отхода, маршал Конев приказал командующему 4-й танковой армией:

«С целью не допустить отхода львовско-станиславской группировки противника через р. Сан на запад приказываю: главными силами армии нанести немедленно стремительный удар на Самбор; к исходу 25.7 овладеть районом Хырув, Самбор, громить тылы отходящей группировки противника и не допустить отхода на запад львовско-станиславской группировки противника. Конно-механизированная группа Баранова имеет задачу занять с запада переправы через р. Сан на участке м. Дубецка, Санок.

Установите с ними связь. Получение, исполнение доносить»^[626].

В ночь на 20 июля группировка противника, окруженная в районе Бродов, начала прорыв в южном и юго-западном направлениях. На рассвете враг вышел в районе Княже (10-12 км западнее Золочева) в расположение штаба и тыла 4-й танковой армии. Весь личный состав штаба, рота охраны и 51-й мотоциклетный полк решительно вступили в бой. Но силы были неравны. Генерал Лелюшенко срочно направил в этот район 93-ю отдельную танковую бригаду, часть сил 62-й гвардейской Пермской танковой бригады, дивизион 22-й самоходной артиллерийской бригады, полк реактивных минометов, 9-ю истребительно-противотанковую артиллерийскую бригаду и другие части. Руководство боевыми действиями осуществлял начальник штаба армии генерал К.И. Упман. В ходе двухдневных упорных боев было уничтожено около 50 вражеских танков, штурмовых орудий и бронетранспортеров, 62 орудия и миномета.

В те же дни в районе г. Перемышляны (на левом фланге 4-й танковой армии), где удерживала оборону 17-я механизированная бригада, противник непрерывно рвался в город, чтобы освободить дорогу своим

войскам, начавшим отход перед 38-й армией. За 5 дней в Перемышлянах было отражено до 12 яростных атак врага. Трижды неприятель врывался в город, но каждый раз гвардейцы отбрасывали его назад.

Противник, упредив войска 1-го Украинского фронта, сумел укрепить действовавшую под Львовом группировку переброшенными туда из района Станислава тремя дивизиями. Таким образом, обстановка, сложившаяся под Львовом к исходу 21 июля, уже не позволяла овладеть городом силами только танковых армий. В то же время выход танковых армий на подступы к Львову заметно улучшил положение на левом крыле фронта. 22 июля был завершен разгром бродской группировки противника. 1-я гвардейская танковая армия во взаимодействии с конномеханизированной группой генерала Баранова форсировала с ходу р. Сан в районе Ярослава и захватила плацдарм на западном берегу реки.

В ночь на 22 июля войска 4-й танковой армии начали штурм Львова. Первым в город внезапно ворвался передовой отряд 10-го гвардейского танкового корпуса – 63-я гвардейская танковая бригада под командованием полковника М.Г. Фомичева. Он был усилен 72-м гвардейским тяжелым танковым полком подполковника А.Д. Табелева, 1689-м истребительно-противотанковым артиллерийским полком подполковника Н.С. Шульженко и подразделениями 29-й гвардейской мотострелковой бригады полковника А.И. Ефимова. Это позволило сформировать штурмовые группы, в состав которых вошли мотострелки, саперы, танки и орудия. В это время маршал Конев приказал командующему 4-й танковой армией «энергично выполнять поставленную задачу, не оглядываться назад, стремительно выходить на Городок (Грудек Ягелоньский)»^[627]. Но этот приказ не был своевременно

выполнен. 23 июля в Львове вел боевые действия уже весь 10-й гвардейский танковый корпус. К юго-западной окраине города подошел 6-й гвардейский механизированный корпус, который перехватил Стрыйское шоссе и отрезал пути отхода противника на юг и юго-запад. Соединения 3-й гвардейской танковой армии вышли в район Яворов, Мостиска, Судовая Вишня и наступали на Перемышль, отрезая пути отхода противника из Львова на запад.

23 июля, как уже отмечалось, представитель Ставки ВГК маршал Г.К. Жуков направил И.В. Сталину доклад № 348 плана разгрома львовской группировки противника силами танковых армий^[628]. Но Сталин 24 июля посчитал план маршала Жукова «преждевременным и опасным в данный момент, поскольку такая операция не может быть сейчас материально обеспечена и приведет только к ослаблению и распылению наших ударных группировок»^[629]. Верховный Главнокомандующий потребовал в первую очередь разгромить львовскую группировку противника и не допустить ее отхода за р. Сан или на Самбор. Он приказал использовать 1-ю гвардейскую танковую армию и 1-й гвардейский кавалерийский корпус для овладения районом Ярослав, Перемышль, чтобы отрезать основные пути отхода львовской группировки противника на запад. Войска 3-й гвардейской и 4-й танковой армий должны были разгромить эту группировку и во взаимодействии с 60-й армией овладеть Львовом. Наступление на запад на ближайшие дни предписывалось ограничить выходом на р. Сан с захватом переправ и плацдармов на западном берегу этой реки.

26 июля командующий войсками 1-го Украинского фронта представил Сталину план дальнейших наступательных действий после овладения

Львовом^[630]. О нем подробно говорится в главе, посвященной 1-й гвардейской танковой армии. Здесь же отметим, что 4-я танковая армия, наряду с 3-й гвардейской, 13-й, 5-й гвардейской, 60-й, 38-й армиями, 1-й гвардейской и 3-й гвардейской танковыми армиями, конномеханизированными группами генералов Соколова и Баранова, вошла в состав ударной группировки фронта. Ей предстояло после овладения Львовом и выхода войск фронта на реки Висла и Сан завершить разгром львовско-станиславской группировки противника, выбросив ее остатки на юго-запад в Карпаты, разгромить подходящие танковые и пехотные резервы противника, форсировать р. Висла и овладеть районом Ченстохов, Краков. При этом правая группировка фронта (3-я гвардейская, 13-я армии, 4-я танковая армия и КМГ генерала Соколова) должна была из района Аннополь, (иск.) Сандомир, Баранув, Ежово, Улянув нанести главный удар в направлении Сандомир, Кельце, Ченстохова с выходом в район Ченстохова к исходу 15-го дня операции. После завершения разгрома красноставской группировки противника 4-й танковой армии предписывалось наступать из района севернее Соколува, Лежайска на Кольбушову, Мелец, Задушники (на р. Висла), Сташув в обход Кельце с юго-запада, а в дальнейшем – на Ченстохову с севера и с северо-запада.

Тем временем боевые действия на львовском направлении развивались следующим образом. 26 июля на восточную окраину Львова ворвались части 4-го гвардейского танкового корпуса и соединились с 10-м гвардейским танковым корпусом, который уже несколько дней сражался на улицах города. В южной части Львова вел бои 6-й гвардейский механизированный корпус. С запада на город наступал 7-й гвардейский танковый корпус 3-й гвардейской танковой армии. 27 июля в результате совместных

усилий войск 4-й танковой, 3-й гвардейской танковой, 60-й и 38-й армий при поддержке авиации Львов был освобожден. В этот же день соединения 3-й и 1-й гвардейских танковых армий заняли Перемышль, а 1-я гвардейская армия – Станислав.

За освобождение Львова приказом Верховного Главнокомандующего от 27 июля войскам 1-го Украинского фронта была объявлена благодарность. В Москве прогремел салют в честь освободителей Львова, а 10-й гвардейский Уральский добровольческий танковый и 6-й гвардейский Краснознаменный механизированный, 16-я гвардейская механизированная, 61-я гвардейская танковая бригады, 29-й и 72-й гвардейские танковые, 1-й гвардейский самоходный артиллерийский полки удостоились почетного наименования Львовских.

К концу июля группа армий «Северная Украина» была рассечена на две части: остатки 4-й танковой армии откатывались к Висле, а войска немецкой 1-й танковой армии и венгерской 1-й армии – на юго-запад, к Карпатам. Разрыв между ними достигал до 100 км. В него по решению маршала Конева устремились конномеханизированная группа генерала С.В. Соколова и соединения 13-й армии.

Оценив сложившуюся обстановку, Ставка ВГК своей директивой № 220163 от 28 июля приказала маршалам Жукову и Коневу сосредоточить основные усилия 1-го Украинского фронта на сандомирском направлении^[631]. В соответствии с этой директивой, командующий 1-м Украинским фронтом приказал 4-й танковой армии во взаимодействии с 38-й армией нанести удар в направлении Самбор, Дрогобыч, Борислав и к 1-2 августа овладеть Дрогобыч-Бориславским нефтеносным районом.

Генерал Лелюшенко решил силами 10-го гвардейского танкового корпуса наступать в общем направлении на Рудки, Самбор и, овладев Самбором, развивать удар на Борислав. 6-му гвардейскому механизированному корпусу предписывалось продвигаться во втором эшелоне армии и из района Рудки нанести удар, обходя Самбор с востока.

Вечером 29 июля части 1-й гвардейской танковой и 13-й армий вышли к Висле, форсировали ее на подручных средствах и к утру 30 июля захватили на противоположном берегу два плацдарма. Через день к реке подошли войска 3-й гвардейской танковой армии, которые, используя успех 1-й гвардейской танковой армии, начали переправляться через Вислу. К исходу 4 августа плацдарм в районе Сандомира был расширен до 45 км по фронту и до 25 км в глубину.

В полосе 4-й танковой армии происходили следующие события. Части 10-го гвардейского танкового корпуса к 28 июля вышли к р. Днестр в районе Рудки, отбросив на юг оборонявшиеся части противника. С утра 29 июля корпус повел наступление на Самбор, но здесь встретил упорное сопротивление неприятеля, подтянувшего свежие танковые силы. Попытка прорвать его оборону успехом не увенчалась. В то же время 6-й гвардейский механизированный корпус вышел в район северо-восточнее Самбора. Однако и он в течение 30 и 31 июля успеха не добился. Противник, сосредоточив крупные силы (1, 8, 16 и 17-я танковые, 20-я моторизованная, 68-я и 208-я пехотные дивизии), упорно оборонял Дрогобыч-Бориславский нефтеносный район.

Форсирование войсками правого крыла 1-го Украинского фронта Вислы в районе Сандомира и захват плацдарм на ее западном берегу весьма обеспокоили вражеское командование. Оно решило перебросить сюда танковые соединения со своего

южного крыла, чтобы выбить войска фронта с плацдарма. С целью не допустить выход 1, 8, 16 и 17-й танковых и других неприятельских дивизий в район Вислы и сандомирского плацдарма маршал Конев 5 августа приказал 4-й танковой армии не допустить отхода противника в район Санок (85 км западнее Самбора), разбить его и отбросить в южном направлении в Карпаты.

Войска 4-й танковой армии форсированным маршем вышли в район Бирча (70 км северо-западнее Самбора) и 7 августа нанесли удар на г. Санок. Преодолевая упорное сопротивление противника, им удалось форсировать реки Сан и Вислоку, овладеть важными опорными пунктами Оджехов и Повстанец и нанести потери вражеским танковым дивизиям, что сыграло существенную роль в удержании сандомирского плацдарма.

Противник, потерпев поражение в районе Баранува, предпринял попытки ликвидировать плацдарм на левом берегу Вислы. Первый контрудар силами двух танковых и одной моторизованной дивизий он нанес 11 августа в направлении Сташува. В этой связи маршал Конев направил генералу Лелюшенко следующую директиву:

«4-й танковой армии в полном составе ночными переходами через Жешув, местечко Кольбуцюва переправиться через реку Вислу на участке 5-й гвардейской армии и сосредоточиться к рассвету 15.08.44 г. на плацдарме западнее р. Вислы в районе лесов, близ населенного пункта Сташув. Марш начать ночью с 11.08.44 г. на 12.08.44 г.».

Соединения 4-й танковой армии, совершив в течение четырех ночей форсированный 200-километровый марш, 15 августа сосредоточились юго-восточнее Сташува. К этому времени армия насчитывала всего 141 танк и САУ^[632]. Она была

выведена во второй эшелон фронта, а ее соединения использовались для усиления наиболее угрожаемых направлений при удержании сандомирского плацдарма. Вскоре 1-я и 3-я гвардейские танковые армии были выведены в резерв Ставки ВГК, а оставшиеся у них танки переданы в 4-ю танковую армию. Теперь ей предстояло совместно с 13-й армией генерала Н.П. Пухова и 5-й гвардейской армией генерала А.С. Жадова окончательно закрепиться и удерживать сандомирский плацдарм.

17 августа противника силами 3, 24 и 1-й танковых дивизий нанес удар в северо-восточном направлении из района Стопница с целью выхода на Вислу. Ему удалось немного потеснить 5-ю гвардейскую армию и овладеть рядом населенных пунктов. Но решительным контрударом 10-го гвардейского танкового корпуса совместно с соединениями армии враг к утру 19 августа был отброшен в исходное положение.

Новый удар противник нанес 26 августа из района западнее Опатува на Иваниску-Богорию. В нем участвовали 16-я танковая и 97-я горнострелковая дивизии (всего около 100 танков). Ценой больших потерь противнику удалось вклиниться на 6-7 км в оборону 27-го стрелкового корпуса. Генерал Лелюшенко принял решение нанести контрудар по противнику с юга силами 6-го гвардейского механизированного корпуса и с севера – 93-й отдельной танковой бригадой во взаимодействии с частями 13-й армии. В результате к исходу дня 28 августа один танковый полк 16-й танковой дивизии и 97-я горнострелковая дивизия были окружены и разгромлены.

29 августа Львовско-Сандомирская операция завершилась. Ее итоги подведены нами в предыдущих главах. В ходе операции войска 4-й танковой армии прошли с боями более 400 км и освободили свыше 400 населенных пунктов, уничтожили и захватили большое

количество вражеской боевой техники, истребив и взяв в плен несколько тысяч вражеских солдат и офицеров.

Сандомирско-Силезская наступательная операция (12 января - 3 февраля 1945 г.)

Войска 4-й танковой армии после окончания Львовско-Сандомирской операции вели подготовку к участию в Сандомирско-Силезской наступательной операции. В этой операции ей предстояло участвовать вместе с 3-й гвардейской танковой армией. В главе, посвященной этой армии, изложены все вопросы, относящиеся к подготовке и планированию операции, а потому здесь рассмотрим лишь те, которые имеют отношение к 4-й танковой армии. Она совместно с 3-й гвардейской танковой армией входила в состав подвижной группы 1-го Украинского фронта.

В соответствии с директивой № 001472(490)/оп командующего 1-м Украинским фронтом от 23 декабря 1944 г. намечалось в полосе 13-й армии в первый день операции ввести в прорыв 4-ю танковую армию. Ей предстояло стремительно развивать наступление в направлении Пежхница, Пекошув, Родошице, Розпша, уничтожать отходящего противника и его подходящие резервы, выйти на пути отхода кельце-радомской группировки врага^[633]. В районе Лодзи армия должна была войти в боевое взаимодействие с войсками 1-го Белорусского фронта. К исходу второго дня операции приказывалось овладеть рубежом р. Чарна Нида, выйти в район Бобжа, платформа Рыкошин, Непакхув и оказать содействие ударом с северо-запада частям 13-й и 3-й гвардейской армий в овладении Кельце. К исходу третьего дня операции требовалось выйти в район Родошице, Чермно, Мнин, передовыми отрядами овладеть переправами через р. Пилица на участке Сулейюв, Пшедбуж, в последующем выйти в район

Пиотркув, Розпша, Гожковицы, а боковыми и разведывательными отрядами захватить узлы дорог Волув, Коньске, Жарнув. В ходе наступления следовало иметь боевое взаимодействие с правофланговыми частями 3-й гвардейской танковой армии. С вводом в прорыв 4-ю танковую армию намечалось поддержать одной дивизией 2-го гвардейского штурмового авиационного корпуса и одной дивизией 2-го истребительного авиационного корпуса.

Ставка ВГК, утвердив 29 декабря своей директивой № 220290 план командующего 1-м Украинским фронтом, указала на то, что ввод танковых армий в прорыв производить не обязательно в первый день наступления, а после того как будет прорвана тактическая глубина обороны противника, получив предварительно разрешение Ставки на ввод армий в прорыв^[634].

К началу операции 4-я танковая армия включала один механизированный и танковый корпус, отдельную танковую, самоходную артиллерийскую, легкую артиллерийскую и моторизованную инженерную бригады, зенитную артиллерийскую дивизию, отдельный танковый и мотоциклетный полки.

На усиление армия получила два полка тяжелых танков ИС. По решению командарма по одному полку было дано 10-му танковому и 6-му механизированному гвардейским корпусам. Всего в армии имелось 680 танков и САУ. К началу операции она располагала 3-5 боекомплектами боеприпасов для танков и артиллерии, 8 боекомплектами для зенитных средств, 2 заправками горючего в войсках и около трех на складах, 20 сутодачами продовольствия.

Времени на подготовку к операции было достаточно – около полутора месяца. Она слагалась из двух периодов: первый – предварительная подготовка,

второй – непосредственная подготовка после получения задачи.

В первый период проводились мероприятия по изучению театра военных действий и возможных операционных направлений, доукомплектованию соединений армии и их боевой подготовке, приведению в порядок материальной части и накоплению материальных ресурсов. С командным составом проводились штабные тренировки, военные игры и учения со средствами связи на местности. Особое внимание уделялось огневой подготовке экипажей танков и орудийных расчетов, ночным действиям, слаживанию действий подразделений на отрядных учениях. С участием офицеров и генералов штаба армии были проведены учения рот и батальонов, в ходе которых отрабатывались организация управления подразделениями и взаимодействия между мотопехотой, танками, артиллерией и саперами. До 50 % этих учений проводились с боевой стрельбой и в ночных условиях. Контрольные учения показали высокий уровень боевой выучки войск, умение офицерского состава организовать бой и управлять подразделениями в сложных условиях (при непрерывном наступлении днем и ночью, форсировании водных преград с ходу и стремительном развитии наступления на пересеченной и лесистой местности).

С целью сохранения тайны к разработке решения привлекался ограниченный круг лиц – начальник штаба армии генерал К.И. Упман, начальник оперативного отдела полковник С.С. Маряхин, начальник разведывательного отдела подполковник Н.В. Бзырин и командующий артиллерией генерал-майор Н.Ф. Ментюков. За 17 дней до начала операции генерал Д.Д. Лелюшенко объявил свое решение командирам корпусов, начальникам родов войск, специальных войск и служб армии. С этого момента началась

непосредственная подготовка к операции. Она включала планирование боевых действий, организацию пунктов управления, комендантской службы, обеспечения, контроля в войсках и т. д. Большое внимание организации взаимодействия, которое уточнялось на местности, где определялись исходные районы для танковых подразделений и частей, наблюдательные пункты, порядок обгона танковыми частями боевых порядков пехоты и артиллерии общевойсковых армий. С целью согласования усилий с авиацией начальник штаба 4-й танковой армии выезжал в штаб 2-й воздушной армии или приглашал представителей воздушной армии в штаб армии. Для поддержания тесного взаимодействия с авиацией на НП командующего танковой армией, командиров корпусов и передовых бригад находились представители авиационных соединений с оперативной группой и средствами связи.

В окончательном виде решением генерала Лелюшенко предусматривалось нанести главный удар в общем направлении южнее Кельце, Сулейув, Петркув и там, соединившись с частями 1-го Белорусского фронта, завершить окружение кельце-радомской группировки противника. Оперативное построение войск 4-й танковой армии было в один эшелон (6-й гвардейский механизированный, 10-й гвардейский танковый корпуса). В резерве находились 93-я танковая, 22-я самоходная артиллерийская бригады, 312-й гвардейский минометный и 51-й мотоциклетный полки, 68-я зенитная артиллерийская дивизия.

6-му гвардейскому механизированному корпусу [\[635\]](#) предстояло сильным передовым отрядом (усиленная механизированная бригада) наступать непосредственно за 117-й гвардейской стрелковой дивизией 13-й армии, как только будет нарушена система противотанковой

обороны противника, стремительным броском к исходу первого дня операции выйти в район Морча (4 км юго-восточнее Кельце). На второй день операции продолжать наступление в направлении Пекушува. Передовыми отрядами предстояло захватить Стомпоркув (30 км севернее Кельце), Коньске и прочно удержать их. 10-й гвардейский танковый корпус^[636] должен был сильным передовым отрядом наступать непосредственно за 6-й гвардейской и 112-й стрелковыми дивизиями той же армии. После подавления противотанковой обороны неприятеля, корпусу предстояло стремительным ударом к исходу первого дня операции овладеть узлом шоссейных дорог в населенном пункте Жецины, а к исходу второго дня захватить район Рыкошин, Пекушув.

4 января 1945 г. командующий 4-й танковой армией дал указания командирам танковых корпусов и отдельных бригад по обеспечению наступления^[637]. Он требовал, чтобы передовые отряды при вводе в прорыв следовали непосредственно за пехотой, на удалении 1–2,5 км, имея впереди себя в боевых порядках пехоты по два офицерских наблюдателя на танках и один-два пеших разведывательных дозора. Передовые отряды должны были обходить отдельные узлы сопротивления противника и продвигаться в оперативную глубину. Генерал Лелюшенко рекомендовал решительно применять ночные действия до полного выхода на оперативный простор. Для этого выделять усиленную танковую или мотострелковую роты.

В ночь на 12 января соединения 4-й танковой армии вышли в исходный район в 6–10 км от переднего края. Для артиллерийской подготовки по согласованию с командующим 13-й армией генералом Н.П. Пуховым привлекалась до 170 орудий 4-й танковой армии.

В полосе, где предстояло действовать войскам 4-й танковой армии, оборонялись 168-я и 68-я пехотные дивизии противника. В его резерве находился 24-й танковый корпус (16-я и 17-я танковые, 20-я моторизованная дивизии), имевший 330 танков.

Сандомирско-Силезская операция началась 12 января. В 12 часов 35 минут соединения 13-й армии овладели первой позицией противника. Генерал армии Лелюшенко в своих мемуарах пишет, что сразу дал команду передовым отрядам 4-й танковой армии следовать вместе с пехотой. В середине дня маршал Конев принял решение о вводе в сражение 3-й гвардейской, 4-й танковых армий, 4-го гвардейского, 25-го и 31-го отдельных танковых корпусов. Однако ввод главных сил 4-й танковой армии задержался примерно на 16 часов, так как все дороги и маршруты оказались забитыми артиллерией и транспортом общевойсковых армий. Противник оказывал упорное сопротивление. К исходу дня танковые армии и корпуса совместно со стрелковыми соединениями смогли завершить прорыв лишь главной оборонительной полосы и продвинуться на 15–18 км.

В это время генерал Лелюшенко получил от воздушной разведки данные, что противник подтягивает из глубины к месту прорыва танковые резервы, чтобы закрыть брешь, образовавшуюся в обороне. В этой связи командующий 4-й танковой армией принял решение опередить противника. Он приказал командирам корпусов ускорить движение главных сил с целью разбить танковые части врага в невыгодных для него условиях, то есть до того, как они должны выйти к намеченному рубежу. К утру 13 января передовые отряды 4-й танковой армии, оторвавшиеся примерно на 15–20 км от главных сил армии, форсировали р. Чарна Нида и завязали бой с передовыми частями 24-го танкового корпуса

противника. В результате в районе южнее Кельце завязалось встречное сражение. Передовые отряды корпусов первого эшелона – 16-я механизированная и 63-я танковая гвардейские бригады, действуя при неясной обстановке, прикрылись частью сил с фронта, а главными силами осуществили маневр и атаковали противника во фланг и в тыл. Смелыми и решительными действиями они сорвали организованный выход соединений 24-го танкового корпуса на намеченный рубеж развертывания. Противник вынужден был вводить в сражение свои главные силы не одновременно, а последовательно.

Генерал Лелюшенко, оценив сложившуюся обстановку, решил, прикрывшись двумя бригадами с фронта, совершить двусторонний охват вырвавшейся вперед 17-й танковой дивизии врага и во взаимодействии с 6-м гвардейским танковым корпусом 3-й гвардейской танковой армии нанести одновременно удары по обоим ее флангам. Осуществив маневр, части 10-го гвардейского танкового и 6-го механизированного корпусов нанесли фланговые удары по 17-й танковой дивизии противника, которая после ожесточенного боя к исходу дня 13 января была разгромлена. С подходом к полю сражения 16-й танковой дивизии она также была скована частью сил (49-й механизированной бригадой) с фронта в районе Радомице. Главные же силы 4-й танковой армии 14 января нанесли удар по правому флангу 16-й танковой дивизии. На следующий день остатки 24-го танкового корпуса были окружены и уничтожены в районе южнее Кельце. Противник потерял до 180 танков и штурмовых орудий, а соединения 4-й танковой армии – около 130 танков и САУ^[638].

Разгрому контрударной группировки противника способствовали войска левого крыла 1-го Украинского

фронта, успешно развивавшие наступление на краковском направлении, и особенно войска 1-го Белорусского фронта, обрушившие 14 января, в самый разгар встречного сражения, мощный удар по противнику с магнушевского и пулавского плацдармов. Для отражения наступления ударных группировок советских войск противник вынужден был ввести в сражение оставшиеся резервы и не смог оказать какую-либо помощь своей контрударной группировке, действовавшей в районе Кельце.

Генерал К. Типпельскирх отмечал: «Удар был столь сильным, что опрокинул не только дивизии первого эшелона, но и довольно крупные подвижные резервы, подтянутые по категорическому приказу Гитлера совсем близко к фронту. Последние понесли потери уже от артиллерийской подготовки русских, а в дальнейшем в результате общего отступления их вообще не удалось использовать согласно плану... Глубокие вклинения в немецкий фронт были столь многочисленными, что ликвидировать их или хотя бы ограничить оказалось невозможным. Фронт 4-й танковой армии (противника. – *Прим. авт.*) был разорван на части, и уже не оставалось никакой возможности сдержать наступление русских войск. Последние немедленно ввели в пробитые бреши свои танковые соединения, которые главными силами начали продвигаться к реке Нида, предприняв в то же время северным крылом охватывающий маневр на Кельце»^[639].

17 января 93-я танковая бригада во главе с майором А.А. Дементьевым^[640], действовавшая в качестве передового отряда 4-й танковой армии, форсировала р. Пилица и стремительным ударом овладела г. Сулейюв. Уничтожив там вражеский гарнизон, она соединилась с 7-м гвардейским кавалерийским корпусом генерал-лейтенанта М.П. Константинова из 1-го Белорусского

фронта, замкнув кольцо вокруг кельце-радомской группировки противника. 18 января к 3 часам утра главные силы 4-й танковой армии форсировали р. Пилица. 16-я гвардейская механизированная бригада (полковник В.Е. Рывж) 6-го гвардейского механизированного корпуса совместно с 52-й гвардейской танковой бригадой (подполковник Л.И. Курист) 6-го гвардейского танкового корпуса 3-й гвардейской танковой армии заняла Пиотркув (Петркув-Трыбунальский), продвинувшись за сутки на 65 км. После этого 6-й гвардейский механизированный корпус вышел к Лодзи и захватил южную и юго-западную окраины города, где соединился с 9-м танковым корпусом 1-го Белорусского фронта. Это позволило надежно закрепить кольцо окружения вокруг кельце-радомской группировки врага.

В итоге недельного напряженного сражения в полосе 1-го Украинского фронта враг был сокрушен. Подвижные войска фронта на бреславльском направлении стремительно преследовали противника, отходящего к Одеру. Учитывая благоприятно складывающуюся обстановку, Ставка ВГК 17 января директивой № 11006 приказала войскам 1-го Украинского фронта главными силами продолжать наступление в общем направлении на Велюнь, Бреслау с целью не позднее 30 января выйти на реку Одер к югу от Лиссы (Лешно) и захватить плацдармы на западном берегу реки. Левому крылу фронта предстояло не позднее 20-22 января овладеть г. Краков, затем продолжать наступление на Домбровский угольный район, обходя его с севера и частью сил с юга ^[641].

В соответствии с этим маршал Конев 18 января приказал войскам 3-й гвардейской и 4-й танковых армий стремительно преследовать противника, громить его подходящие резервы, тылы, штабы, чтобы не дать

ему возможности занять и закрепиться на подготовленных оборонительных рубежах по восточной границе Германии. Войскам 4-й танковой армии предписывалось к исходу дня 25 января овладеть рубежом Равич, Трахенберг. В дальнейшем быть в готовности форсировать Одер северо-западнее Бреслау^[642].

Одер являлся серьезной преградой для танков, так как ширина его достигает 80—100 м, а глубина - 2,5-3,5 м. Западный берег реки значительно выше восточного и круто обрывается. Сложность предстоящего форсирования состояла еще и в том, что по реке в январе 1945 г. шла плотная шуга - предвестница ледостава, а вдоль берегов тянулась тонкая корка льда. Кроме того, по западному берегу противник подготовил оборонительный рубеж с системой траншей, дотов и дзотов.

В соответствии с директивой фронта генерал Лелюшенко принял решение силами передового отряда армии - 93-й отдельной танковой бригадой с утра 19 января продолжать стремительное наступление в направлении Белхатув, Русец и к исходу дня овладеть Осякувом и захватить переправу через р. Варта. Одновременно вести разведку в направлении Злочева и установить связь с частями 3-й гвардейской танковой армии в районе Велюни. 10-му гвардейскому танковому корпусу предписывалось, наступая в направлении Белхатува, главными силами к исходу дня 19 января овладеть рубежом Рассы, Белхатув, а к 20 января захватить переправы через р. Варта на участке Бурзенин, Рыхлоцице. Передовой отряд корпуса должен был к исходу дня 20 января овладеть Злочевым. 6-му гвардейскому механизированному корпусу с 13-м тяжелым танковым полком приказывалось в течение 19 января полностью очистить от противника южную и

западную части г. Лодзь, подтянуть пехоту, артиллерию и дозаправиться. После этого, наступая во втором эшелоне армии, за 10-м гвардейским танковым корпусом к исходу дня 20 января выйти в район Видов, Заводы, Русец (8 км севернее Белхатува). Одновременно требовалось вести разведку и установить тесную связь с частями 1-го Белорусского фронта.

В резерве командующего 4-й танковой армией находились 22-я самоходная артиллерийская, 200-я легкая артиллерийская и 20-я моторизованная инженерная бригады, 312-й гвардейский минометный и 51-й отдельный мотоциклетный полки.

Выполняя поставленную задачу, 93-я отдельная танковая бригада совершила 70-километровый бросок и в 17 часов 19 января с ходу овладела г. Осякув, захватив исправный мост через р. Варта. К половине восьмого вечера главные силы бригады, сметая на своем пути противника, достигли г. Вершув. Для обеспечения стремительности наступления командующий армией усилил бригаду 22-й самоходной артиллерийской бригадой подполковника В.И. Приходько.

10-й гвардейский танковый корпус 19 января овладел городами Белхатув, Вершув. Передовой отряд корпуса (61-я гвардейская Свердловская танковая бригада полковника В.И. Зайцева) в 14.30 вышел к р. Варта. Преодолев на большой скорости мост через реку, части бригады заняли г. Бурзенин и захватили на противоположном берегу Варты плацдарм 4 км по фронту и 3 км в глубину. С этого плацдарма 10-й гвардейский танковый корпус начал безостановочно продвигаться вперед. В связи с нехваткой горючего генерал Лелюшенко приказал заправить танки корпуса горючим с других боевых машин. 6-й гвардейский механизированный корпус после дозаправки машин

должен был продвигаться за танковым корпусом. Нехватка горючего привела к тому, что армия к 22 января растянулась на 120 км.

Утром 22 января маршал Конев, стремясь лишить противника возможности усилить оборону по рубежу Одера, приказал 4-й танковой армии как можно быстрее выйти к реке и с утра 25 января начать ее форсирование на участке Цюхен, Тарксдорф^[643]. К этому времени в полосе армии действовали части 5-й танковой, 136-й и 129-й пехотных дивизий противника. Часть этих войск вела сдерживающие бои, другая – отходила в западном и северо-западном направлениях для занятия обороны по Одеру. Одновременно противник начал сосредоточивать сильную группировку войск в районе Гюрау для нанесения удара по правому флангу 4-й танковой армии. В состав группировки вошли 20-я моторизованная дивизия, части танковой дивизии СС «Герман Геринг» и моторизованной дивизии «Бранденбург».

Генерал Лелюшенко, выполняя приказ командующего фронтом, решил основными силами с ходу форсировать Одер и захватить оперативный плацдарм, а частью сил перейти к обороне в готовности к отражению ударов противника с севера. Соединениям 6-го гвардейского механизированного корпуса приказывалось к исходу дня 23 января главными силами выйти в район Равича, передовым отрядом овладеть переправой через Одер в районе Кебена, а для прикрытия от возможных ударов противника с севера выделить усиленный танковый полк. На 10-й гвардейский танковый корпус возлагалась задача по выходу к исходу дня 23 января в район Винцига и захвату передовым отрядом переправы в районе Штейнау (Сыцинава)^[644].

Для разведки обороны противника, определения скрытых подходов к Одеру, переправ и мостов от корпусов и бригад были высланы разведывательные группы, в состав которых включались инженерно-саперные подразделения. С целью обеспечения стремительного выхода главных сил к реке и захвата мостов и переправ были направлены сильные передовые отряды. За ними должны были продвигаться армейские и корпусные инженерно-саперные подразделения для подготовки переправочных средств. Десантно-переправочные и понтонно-мостовые средства были распределены между корпусами, и принимались меры по их быстрейшему выдвижению к реке. Для обеспечения правого фланга армии были выделены 93-я отдельная танковая бригада и часть сил 22-й самоходной артиллерийской бригады, а левого фланга – 61-я гвардейская танковая бригада 10-го танкового корпуса.

В середине дня 23 января первыми к Одеру вышли разведывательные группы корпусов. Они сообщили о слабой обороне противника, отсутствии переправочных средств и наличии автогужевого моста у Штейнау. Генерал Лелюшенко потребовал от командиров корпусов немедленно выдвинуть к реке передовые отряды с задачей в течение ночи форсировать Одер и к утру 24 января захватить плацдармы.

К исходу 23 января к Одеру в районе Кебена вышел передовой отряд 6-го гвардейского механизированного корпуса – 17-я механизированная бригада подполковника Л.Д. Чурилова. На западном берегу реки оборонялись части отошедших дивизий противника, а также пять запасных и учебных батальонов и 67-й пехотный полк. Утром 24 января к Одеру в районе Штейнау вышла 62-я гвардейская танковая бригада полковника С.А. Денисова – передовой отряд 10-го гвардейского танкового корпуса. Ее авангард – 1-й

танковый батальон (8 танков с десантом автоматчиков и саперами) под командованием майора М.Н. Шатохина – на большой скорости прорвался по мосту на противоположный берег и ворвался в Штейнау. Противнику удалось взорвать один из пролетов моста. Танковый отряд, отрезанный от главных сил бригады, несколько часов вел неравный бой в Штейнау и героически погиб. Попытки форсировать Одер в этом районе и оказать помощь отряду не дали желаемых результатов.

Утром 25 января части 17-й гвардейской механизированной бригады на подручных средствах форсировали Одер и после упорного боя захватили северную окраину Кебена. Днем к этому участку прибыли понтонно-мостовой парк Н2П (8 понтонов) и мотоинженерный батальон армии. Они к середине ночи перебросили на западный берег Одера всю мотопехоту 17-й гвардейской механизированной бригады. В два часа 26 января начала форсирование Одера 16-я гвардейская механизированная бригада полковника В.Е. Рывжа. Несколько позже был собран 50-тонный паром, на котором переправились три танка и один дивизион 22-й самоходной артиллерийской бригады армии (10 СУ-76), которые своим огнем поддерживали мотопехоту. Преодолевая упорное сопротивление противника и отражая его непрерывные контратаки, бригады овладели Кебеном и расширили плацдарм до 4 км по фронту и 3 км в глубину.

К исходу дня 26 января к этому району стали подходить передовые части 13-й армии, которые начали переправу через Одер на захваченный плацдарм. На следующий день туда прибыли 159-й фронтовой понтонно-мостовой батальон с парком Н2П (48 понтонов) и начал наводить 16-тонный мост. Одновременно для переправы танков был собран один 30-тонный паром. В результате на плацдарм были

переброшены артиллерия и часть танков 6-го гвардейского механизированного корпуса. Несколько позже грузоподъемность этого моста удалось увеличить до 60 т, и по нему переправились тяжелые танки и самоходно-артиллерийские установки.

Таким образом, к исходу дня 28 января главные силы 6-го гвардейского механизированного корпуса совместно с подошедшими соединениями 13-й армии, преодолевая упорное сопротивление противника, вышли на рубеж Бредельвиц, Квейсен, Дейсклау, Хохбаушиц.

По-иному развивались события в районе Штейнау. Попытка 29-й гвардейской мотострелковой бригады (командир – полковник А.И. Ефимов) 10-го гвардейского танкового корпуса форсировать Одер на рассвете 25 января успеха не имела. Противник оказал ожесточенное сопротивление. Тогда командир корпуса решил форсировать реку южнее Штейнау, где, по данным разведки, вражеская оборона была значительно слабее. В 8 часов 25 января он приказал бригаде скрытно перегруппироваться в район Тарксдорфа и там внезапно форсировать Одер. Чтобы ввести противника в заблуждение, танковые бригады были оставлены на месте у Штейнау.

Во второй половине дня 29-я гвардейская мотострелковая бригада вышла в указанный район. Одер был покрыт льдом, толщина которого позволяла мотопехоте передвигаться по нему в пешем порядке. Воспользовавшись этим, подразделения бригады переправились на противоположный берег и к исходу дня 25 января овладели рубежом Гроссендорф, Ламперсдорф. На следующий день к Одери подошла 6-я стрелковая дивизия 13-й армии, которая вслед за мотострелками переправилась через реку и повела наступление на Штейнау с юга. В тот же день 20-я

инженерная бригада у Тарксдорфа начала постройку 60-тонного моста для танков.

На рассвете 27 января 29-я мотострелковая бригада возобновила наступление и к середине дня, продвинувшись на 10-12 км, завязала бои за Поршвиц. Но здесь подразделения бригады были контратакованы подошедшими из резерва частями 14-й танковой и 108-й пехотной дивизий противника. Танковые же бригады не могли оказать ей помощи, так как мост не был готов. Действия 6-й стрелковой дивизии также не имели успеха. К исходу дня бригада и дивизия, отбивая контратаки врага, несколько отошли, но плацдарм удержали.

В этой обстановке генерал Лелюшенко принял решение перегруппировать 10-й гвардейский танковый корпус в район Кебена и переправить его по наведенным мостам через Одер. Корпусу ставилась задача с тыла нанести удар по противнику, находившемуся в Штейнау, разгромить его и соединиться со своей мотострелковой бригадой и стрелковой дивизией, отбивавшими контратаки и удерживавшими плацдарм у Дибана.

В середине дня 29 января танковый корпус начал перегруппировку на участок 6-го гвардейского механизированного корпуса, переправился через Одер и сосредоточился на левом берегу в районе Миттель, Цедлитц, Нидердаммер. С утра следующего дня он перешел в наступление. При этом 61-я гвардейская танковая бригада повела наступление на Штейнау, а 62-я и 63-я гвардейские танковые бригады – в юго-восточном направлении, нанося удар в тыл противнику, действовавшему против 29-й гвардейской мотострелковой бригады и 6-й стрелковой дивизии. Город Штейнау обороняли унтер-офицерская школа, два полка пехоты, два охранных батальона, усиленные 50 танками и бронетранспортерами и четырьмя

отрядами фольксштурма, оснащенными фаустпатронами. Преодолевая упорное сопротивление противника, 61-я гвардейская танковая бригада, усиленная 356-м гвардейским самоходным артиллерийским полком, с запада ворвалась в Штейнау и завязала уличные бои. Две другие танковые бригады вечером 30 января овладели населенными пунктами Клаптау, Поршвиц, Бильвизе и совместно с 29-й мотострелковой бригадой и главными силами 6-й стрелковой дивизии окружили 67-й пехотный полк в районе Ламперсдорфа. В последующем окруженная группировка была ликвидирована. В ходе ожесточенных боев 61-я гвардейская танковая бригада, 356-й гвардейский самоходный артиллерийский полк 10-го гвардейского танкового корпуса совместно со 147-й стрелковой дивизией и 2-й гаубичной артиллерийской бригадой 13-й армии 4 февраля заняли Штейнау.

К исходу дня 31 января 6-й гвардейский механизированный и 120-й стрелковый корпуса, продвинувшись на 4-5 км, вышли на рубеж Уршкау, Раудтен. Здесь они встретили упорное сопротивление противника и вынуждены были перейти к обороне, отражая его непрерывные контратаки и контрудары.

Таким образом, благодаря своевременной перегруппировке 10-го гвардейского танкового корпуса и его решительным действиям к исходу дня 31 января два плацдарма за Одером были объединены в единый оперативный плацдарм протяженностью 30 км по фронту и 15 км в глубину.

Одновременно с боями на плацдарме соединения 4-й танковой и 13-й армий вели боевые действия на восточном берегу Одера. В ночь на 30 января группировка противника, сосредоточенная в районе Гюрау, нанесла контрудар, намереваясь отрезать войска обеих армий, находившиеся на плацдарме. Противнику удалось прорвать оборону 49-й

механизированной бригады и ночью 31 января овладеть Альт-Хейлау и Зофиенталем. В результате шоссейная дорога, ведущая к переправам в районе Кебена, была перерезана. Для разгрома прорвавшегося противника генерал Лелюшенко привлек 93-ю отдельную танковую (командир – майор А.А. Дементьев) и 22-ю самоходную артиллерийскую (командир – подполковник В.И. Приходько) бригады, 28-й гвардейский тяжелый танковый полк и 200-ю легкую артиллерийскую бригаду. Они совместными усилиями к утру 31 января выбили противника из Альт-Хейлау и Зофиентала. Понеся большие потери, он отошел на северо-запад. В последующем эта вражеская группировка, насчитывавшая до 15 тыс. человек, была уничтожена войсками 3-й гвардейской армии.

Войска левого крыла 1-го Украинского фронта в это время завязали бои за Силезский промышленный район. 24 января соединения 3-й гвардейской танковой и 21-й армий овладели Оппельном. В последующем мотострелковые подразделения 3-й гвардейской танковой армии форсировали Одер и захватили плацдармы на левом берегу. Этим они способствовали быстрому выходу к Одера соединений 5-й гвардейской армии. К 30 января Силезский промышленный район был полностью занят советскими войсками.

В результате Сандомирско-Силезской операции войска 1-го Украинского фронта разгромили 4-ю танковую и основные силы 17-й полевой армий. Во взаимодействии с 1-м Белорусским и 4-м Украинским фронтами они освободили южные районы Польши, в том числе ее важнейший Силезский промышленный район, и перенесли военные действия на территорию Германии. Подробно об итогах и особенностях операции сказано в предыдущей главе. Боевые действия войск 4-й танковой армии характеризовались стремительностью, решительностью, а также широким и смелым маневром

силами и средствами. В результате соединения армии вышли к Одеру и форсировали его раньше, чем противник успел подтянуть резервы и занять ими оборону на западном берегу. Были созданы благоприятные условия для последующего наступления войск фронта и разгрома противника. Решающую роль в объединении двух тактических плацдармов в единый оперативный плацдарм сыграл 10-й гвардейский танковый корпус, переброшенный в короткий срок в район Кебена и нанесший удар с тыла по группировке врага в районе Штейнау. Большую роль в захвате плацдармов и обеспечении успешного форсирования реки главными силами играли передовые отряды корпусов. Кроме того, этому способствовали действия небольших по составу, но сильных разведывательных групп бригад.

Нижне-Силезская наступательная операция (8 - 24 февраля 1945 г.)

После завершения Сандомирско-Силезской операции войска 4-й танковой армии совместно с 3-й гвардейской танковой армией приняли участие в Нижне-Силезской наступательной операции. Нами уже отмечалось, что замысел операции заключался в нанесении главного удара на правом крыле 1-го Украинского фронта силами 3-й гвардейской, 13, 52, 6-й, 4-й танковой и 3-й гвардейской танковой армий, 25-го танкового и 7-го гвардейского механизированного корпусов с одерского плацдарма северо-западнее Бреслау в общем направлении на Котбус. Второй удар предусматривалось нанести в центре фронта силами 5-й гвардейской, 21-й армий, 31-го и 4-го гвардейского танковых корпусов с плацдарма юго-восточнее Бреслау в общем направлении на Герлиц. Для содействия их наступлению предполагалось нанести третий удар с плацдарма северо-западнее Ратибора вдоль северных

склонов Судетских гор силами 59-й, 60-й армий и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса. Авиационную поддержку осуществляла 2-я воздушная армия генерал-полковника авиации С.А. Красовского. Начало операции – 6 февраля. Однако вскоре был установлен новый срок – 8 февраля.

31 января 1945 г. командующий 1-м Украинским фронтом поставил войскам задачу 6 февраля перейти в решительное наступление, нанести главный удар в общем направлении Шпротлау, Котбус, Йютербог, разгромить бреславскую группировку противника и к 25 февраля главными силами выйти на р. Эльба. Правым крылом фронта во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом намечалось овладеть Берлином. Маршал Конев, учитывая, что противник опирался на заблаговременно подготовленную оборону, решил для первоначального удара на главном направлении привлечь максимум сил и средств. С этой целью оперативное построение войск фронта и общевойсковых армий (кроме 13-й) было в один эшелон.

В полосе предстоящего наступления 4-й танковой армии оборонялись 6-я, 214-я пехотные, 16-я и 17-я танковые дивизии и другие части.

Исходя из характера обороны противника, командующий 4-й танковой армией генерал Д.Д. Лелюшенко решил для первоначального удара на главном направлении привлечь максимум сил и средств. В значительной мере это достигалось одноэшелонным оперативным построением войск армии. По замыслу генерала Лелюшенко 6-му гвардейскому механизированному корпусу предстояло совместно со 117-й гвардейской и 147-й стрелковыми дивизиями 13-й армии наступать в направлении Заган, Гросс-Гастрозе (на р. Нейсе), а 10-му гвардейскому танковому корпусу совместно с 395-й и 350-й стрелковыми дивизиями 13-й армии – в направлении Зорау, Форст.

К началу операции боевой состав 4-й танковой армии по сравнению с 1 января 1945 г. изменился незначительно. Она получила только инженерный танковый полк.

Наступление войск 1-го Украинского фронта, как известно, началось 8 февраля при неблагоприятной погоде, помешавшей активным действиям авиации. Несмотря на это, одна из бригад 6-го гвардейского танкового корпуса 3-й гвардейской танковой армии к исходу второго дня наступления форсировала р. Бобер и закрепилась на западном берегу реки. Соединения 4-й танковой армии во взаимодействии с войсками 13-й армии прорвали вражескую оборону севернее и южнее Раудтена и к исходу дня 8 февраля вышли в район Любена (Любин), где противник создал сильно укрепленную оборону. Генерал Лелюшенко решил в ночное время стремительным ударом прорвать оборону врага и выйти к р. Бобер ранее, чем он сумеет своими резервами укрепиться на этом естественном рубеже.

В ночь на 11 февраля 17-я гвардейская механизированная бригада (полковник Л.Л. Чурилов) 6-го гвардейского механизированного корпуса вышла к р. Бобер, нанесла поражение противнику и в районе севернее Загана овладела переправой. Форсировав реку, части бригады вместе с 49-й механизированной бригадой подполковника П.Н. Туркина захватили плацдарм на ее западном берегу. К исходу дня на плацдарм переправились остальные части 6-го гвардейского механизированного корпуса. Одновременно соединения 10-го гвардейского танкового корпуса захватили плотину на р. Бобер в районе Загана. Передовая бригада корпуса (29-я гвардейская мотострелковая), усиленная танками 62-й гвардейской танковой бригады, форсировав реку, заняла гидроэлектростанцию, которую противник не успел взорвать.

12 февраля в районе Загана в полосе 10-го гвардейского танкового корпуса была наведена переправа, по которой все танки и артиллерия переправились через р. Бобер и к исходу следующего дня завязали бои за г. Зорау (Жары). Части 6-го гвардейского механизированного корпуса выдвинулись в район Зоммерфельда. После упорного боя соединения 10-го гвардейского танкового корпуса генерал-лейтенанта танковых войск Е.Е. Белова 13 февраля заняли Зорау, разгромив танковую дивизию противника. После этого войска 4-й танковой армии устремились к р. Нейсе. С воздуха их поддерживали 2-й истребительный авиационный корпус генерала А.С. Благовещенского и 3-й штурмовой авиационный корпус генерала М.И. Горлаченко. Войска 3-й гвардейской танковой армии к этому времени вышли к р. Квейс. Сосед 4-й танковой армии справа – 3-я гвардейская армия – встретил упорное сопротивление неприятеля в районе Глогау (Глогув). В помощь ей генерал Лелюшенко направил 93-ю отдельную танковую бригаду полковника А.А. Дементьева.

14 февраля к р. Нейсе подошли части 6-го гвардейского механизированного корпуса. В ночь на 15 февраля боевая разведгруппа 49-й механизированной бригады, скрытно приблизившись к мосту через р. Нейсе в районе Гросс-Гастрозе, уничтожила охрану и захватила мост в полной исправности. К 4 часам утра уже вся бригада была на западном берегу Нейсе и вела бои за расширение плацдарма. К середине дня части корпуса овладели населенными пунктами Задерсдорф, Гросс-Гастрозе на западном берегу реки. В тот же день на плацдарм переправились части 112-й стрелковой дивизии, приданные 6-му гвардейскому механизированному корпусу.

Бои на плацдарме носили исключительно упорный характер. Противник силами 2-го штурмового полка,

158-го пехотного полка фольксштурма, полицейского батальона СС, боевых групп «Хельд», «Штейдер» и других частей при поддержке танков 7 раз контратаковал 49-ю механизированную бригаду и 112-ю стрелковую дивизию. Однако, потеряв 17 танков и до 1 тыс. солдат и офицеров, враг вынужден был отступить. В тот же день на Нейсе в районе г. Форст вышел 10-й гвардейский танковый корпус.

К этому времени соединения 13-й и 3-й гвардейской армий отстали от частей 4-й танковой армии на значительное расстояние (до 60 км) и находились восточнее р. Бобер. Этим воспользовался противник, который нанес контрудар в разрыв, образовавшийся между войсками 4-й танковой и 13-й армий. С севера в районе Бенау наступали танковая дивизия и полицейская бригада «Вирт», а с юга – пехотная дивизия при поддержке 50 танков. Город Бенау обороняли 22-я самоходная артиллерийская бригада, два полка 68-й зенитной артиллерийской дивизии, армейские артиллерийские части, рота охраны и штаб 4-й танковой армии. В ходе ожесточенного боя, длившегося два дня, погибли командир 68-й зенитной артиллерийской дивизии полковник А.Ф. Козлов и командир 22-й самоходной артиллерийской бригады подполковник В.И. Приходько. Противник, имея значительное численное преимущество в живой силе и танках, захватил половину г. Бенау. Для оказания помощи его защитникам генерал Лелюшенко срочно повернул с нейсенского плацдарма часть сил 6-го гвардейского механизированного корпуса, в том числе 49-ю механизированную бригаду и 13-й тяжелый танковый полк. Части 93-й отдельной танковой и 22-й самоходной артиллерийской бригад совместно с подошедшими частями 101-го стрелкового корпуса 13-й армии должны были нанести удар по противнику с

востока на запад. В ходе ожесточенного сражения 14 февраля враг под Бенау был разгромлен.

Успешные действия войск 4-й танковой армии облегчили соединениям 13-й армии форсирование р. Бобер и выход на Нейсе. Части 3-й гвардейской танковой армии 16 февраля захватили переправу через р. Бобер в районе Кроссена и к 20 февраля совместно с 25-м танковым корпусом вышли к Нейсе от ее устья до г. Губен. Вслед за 3-й гвардейской танковой армией быстро продвигались соединения 52-й армии. К 24 февраля все побережье р. Нейсе от устья до г. Пенциг (протяженностью 110 км) было занято войсками правого крыла 1-го Украинского фронта, которые вышли на одну линию с войсками 1-го Белорусского фронта. Наступление армий левого крыла 1-го Украинского фронта в связи с недостатком сил развития не получило.

В ходе Нижне-Силезской операции, как отмечалось ранее, войска 1-го Украинского фронта отвлекли на себя значительную часть резервов противника и тем самым содействовали войскам 1-го и 2-го Белорусских фронтов в разгроме восточно-померанской группировки, а войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов – в ликвидации угрозы прорыва противника к Дунаю.

* * *

21 февраля 1945 г., еще до завершения Нижне-Силезской операции, маршал И.С. Конев приказал войскам 4-й танковой армии сдать свои боевые участки 3-й гвардейской и 13-й армиям и к утру 24 февраля сосредоточиться в 8—10 км севернее Любена, поближе к левому крылу фронта. Войскам 4-й танковой армии предстояло принять участие в Верхне-Силезской наступательной операции.

Верхне-Силезская наступательная операция (15-31 марта 1945 г.)

К началу марта 1945 г. войска 1-го Украинского фронта, выйдя к рекам Одер, Нейсе, охватили с севера верхнесилезскую группировку противника. Однако отставание на 200 км войск левого крыла фронта создало угрозу нанесения им сильного флангового контрудара с оппельнского плацдарма. Ликвидацию этой угрозы и разгром группировки противника (17-я армия группы армий «Центр, генерал-полковник Ф. Шернер и армейская группа «Хейнрици» (1-я танковая армия)) Ставка ВГК возложила на войска левого крыла 1-го Украинского фронта (34-й гвардейский стрелковый корпус 5-й гвардейской армии, 21, 59, 60-я и 4-я танковая армии).

Замысел командующего фронтом маршала И.С. Конева заключался в том, чтобы встречными ударами двух группировок (северной и южной) из районов северо-западнее и южнее Оппельна (Ополе) окружить и уничтожить противника юго-западнее города и выйти на рубеж Штрелен (Стшеллин), Патшкау, Опава. В состав северной (оппельнской) группировки входили 21-я, 4-я танковая армии, 34-й гвардейский стрелковый корпус 5-й гвардейской армии и 4-й гвардейский танковый корпус, а в состав южной (ратиборской) – 59-я и 60-я армии, 7-й гвардейский механизированный и 31-й танковый корпуса. Действия войск поддерживала 2-я воздушная армия генерал-полковника авиации С.А. Красовского.

По решению маршала Конева главный удар наносила северная группировка силами 21-й и 4-й танковой армий в общем направлении на Нейссе (Ныса), Нойштадт (Прудник). В этом районе ей предстояло соединиться с наступавшей с юго-востока частью сил южной группировки (59-я армия, часть сил 60-й армии и

7-й гвардейский механизированный корпус). Одновременно 34-й гвардейский стрелковый и 4-й гвардейский танковый корпуса должны были наступать в юго-западном направлении на Приборн. В составе этих группировок имелись 31 стрелковая дивизия (в среднем по 3-5 тыс. человек), 5640 орудий и минометов, 988 танков и САУ, более 1700 самолетов. Начало наступления – 15 марта.

8 марта в штаб 4-й танковой армии поступила директива командующего 1-м Украинским фронтом, в которой говорилось:

«Командарму 4-й танковой армии с участка прорыва 21-й армии нанести удар в направлении Нейссе, Нойштадт и во взаимодействии с 21-й и 59-й армиями уничтожить противостоящую группировку противника. В первый день операции овладеть районом Нейссе, во второй день – захватить Нойштадт и Зюльц и соединиться с частями 7-го гвардейского механизированного корпуса генерал-майора И.П. Корчагина».

Этот корпус наступал навстречу 4-й танковой армии с участка 59-й армии, в состав которой входил.

Генерал армии Д.Д. Лелюшенко в своих мемуарах, оценивая замысел командующего 1-м Украинским фронтом, отмечал:

«Задачи войск в Верхне-Силезской операции отличались от предыдущих тем, что нашей танковой армии предстояло прорывать оборону противника совместно с пехотой с самого начала и только после прорыва ее на всю ее тактическую глубину оторваться от стрелковых частей и стремительно выйти в район Нойштадт, Зюльц и совместно с 59-й армией генерала И.Т. Коровникова завершить окружение вражеской группировки. Такой метод взаимодействия командующий фронтом применил, видимо, для того, чтобы как можно быстрее прорвать всю глубину

обороны противника, которая, кстати сказать, была сравнительно небольшой, но сильной».

Перед 4-й танковой армией оборонялись части 45, 344, 168-й пехотных дивизий и 20-й пехотной дивизии СС. В глубине обороны находились 10-я моторизованная и 100-я легкопехотная дивизии. Оперативные резервы (16-я, 17-я танковые дивизии и танковая дивизия «Герман Геринг») располагались южнее г. Нейссе. Первая позиция главной полосы обороны противника была оборудована окопами полного профиля и проволочными заграждениями, вторая проходила в глубине 3–5 км от переднего края.

По решению генерала Д.Д. Лелюшенко 6-му гвардейскому механизированному корпусу совместно со 118-м стрелковым корпусом 21-й армии предстояло наступать в направлении Калькау. К исходу первого дня операции он должен был овладеть районом Отмахау, а на второй день – районом Нойштадта. 10-й гвардейский танковый корпус совместно с 7-м стрелковым корпусом 21-й армии наносил удар в направлении г. Нейссе. К исходу первого дня операции он должен был овладеть районом этого города, частью сил совместно с 93-й отдельной танковой бригадой захватить переправы через р. Нейсе (южная) в районе Ротхауса, а на следующий день соединиться с 7-м гвардейским механизированным корпусом. Одна бригада 10-го гвардейского танкового корпуса должна была оставаться в районе г. Нейссе до подхода пехоты 21-й армии. В резерве командующего 4-й танковой армией находилась 22-я самоходная артиллерийская бригада.

15 марта, после 40-минутной артиллерийской подготовки, войска 21-й и 4-й танковой армий перешли в наступление. Они, преодолевая упорное сопротивление врага и отражая неоднократные контратаки его тактических резервов, к исходу дня прорвали две укрепленные позиции на 8-километровом

участке и продвинулись на 9 км. В связи с улучшением погоды авиация 1-го Украинского фронта стала оказывать активную помощь наземным войскам.

17 марта соединения 6-го гвардейского механизированного корпуса, прорвавшись в оперативную глубину вражеских войск, овладели населенным пунктом Штефансдорф. Части 10-го гвардейского танкового корпуса форсировали р. Нейсе у Ротхауса и развернули наступление на Нойштадт и Зюльц (Бяла), навстречу 7-му гвардейскому механизированному корпусу. В результате оппельнская группировка противника оказалась под угрозой окружения. По решению генерала Лелюшенко внешний фронт окружения должен был создать 6-й гвардейский механизированный корпус.

Противник, стремясь избежать окружения, в ночь на 18 марта нанес контрудар в направлении городов Нейссе и Ротхаус силами трех танковых дивизий (16-я, 17-я, 20-я танковая дивизия СС), 45-й пехотной дивизии, дивизии «Герман Геринг» и 184-й бригады штурмовых орудий. Командующий 4-й танковой армией принял меры по усилению 6-го гвардейского механизированного корпуса, направив в этот район 200-ю легкую артиллерийскую бригаду. В течение двух дней шли ожесточенные бои. Отдельные населенные пункты и рубежи неоднократно переходили из рук в руки. Однако, несмотря на все старания, деблокировать свою группировку противнику не удалось, и его части были отброшены назад с большими потерями. В этих кровопролитных боях были тяжело ранены командир 6-го гвардейского механизированного корпуса полковник В.Ф. Орлов и командир 17-й гвардейской механизированной бригады полковник Л.Д. Чурилов, но они не ушли с поля боя и продолжали управлять войсками. Через несколько часов после ранения полковник Орлов скончался. В командование 6-м

гвардейским механизированным корпусом вступил начальник штаба корпуса полковник В.И. Корецкий.

Части 93-й отдельной танковой бригады, сломив ожесточенное сопротивление 20-й пехотной дивизии СС, 18 марта вышли в район восточнее Ротхауса. К вечеру того же дня 61-я гвардейская танковая бригада подполковника В.И. Зайцева с ходу овладела г. Нойштадт. Главные силы 10-го гвардейского танкового корпуса вышли в район Зюльца, где соединились с частями 7-го гвардейского механизированного корпуса, завершив окружение оппельнской группировки противника. В котле оказались 4 вражеские дивизии, несколько отдельных полков и отдельных батальонов, артиллерийский полк, 9 артиллерийских дивизионов и другие части.

В тот день, когда противник 18 марта предпринял контрудар, на имя командующих 1-м Украинским фронтом и 4-й танковой армией поступила телеграмма, подписанная Наркомом обороны И.В. Сталиным:

«В боях за нашу Советскую Родину против немецких захватчиков 4-я танковая армия показала образцы мужества и стойкости, отваги и смелости, дисциплины и организованности.

За время боев на фронтах Отечественной войны с немецкими захватчиками 4-я танковая армия своими сокрушительными ударами, уничтожая живую силу и технику врага, нанесла большие потери фашистским войскам. За проявленную отвагу в боях за Отечество, стойкость, мужество, смелость, дисциплину, организованность и умелое выполнение боевых задач преобразовать 4-ю танковую армию в 4-ю гвардейскую танковую армию и... преобразованной танковой армии вручить гвардейское знамя».

19 марта части 10-го гвардейского танкового корпуса, 93-я отдельная танковая и 22-я самоходная артиллерийская бригады во взаимодействии с 7-м

гвардейским механизированным корпусом и стрелковыми дивизиями 21-й и 59-й армий расчленили на части окруженную оппельнскую группировку и к утру 22 марта завершили ее разгром. В результате угроза левому крылу 1-го Украинского фронта была в основном устранена. Однако в районе Ратибор, Егерндорф, Троппау противник продолжал удерживать занимаемый участок, прикрывая западную часть Верхне-Силезского района. Для этого он располагал силами 78-й и 75-й пехотных, 100-й легкопехотной и 8-й танковой дивизий, имея в глубине обороны резерв в составе дивизии «Охрана фюрера» и остатков 16-й и 17-й танковых дивизий.

Задачу по разгрому ратиборской группировки противника маршал Конев 24 марта возложил на 4-ю гвардейскую танковую армию во взаимодействии с войсками 60-й армии. Они должны были к исходу дня 25 марта овладеть районом Егерндорф, Троппау, Штойбервитц. К этому времени в составе 4-й гвардейской танковой армии произошли изменения. Она получила 5-й гвардейский механизированный корпус (10, 11, 12-я гвардейские механизированные, 24-я гвардейская танковая бригады)^[645]. По решению генерала Лелюшенко он должен был главными силами нанести удар в направлении Троппау, а частью сил овладеть Егерндорфом. Частям 6-го гвардейского механизированного корпуса совместно с войсками 21-й армии предстояло уничтожить остатки ратиборской группировки противника. Во втором эшелоне армии находился 10-й гвардейский танковый корпус. Начало наступления – в 12 часов 30 минут 25 марта.

Выполняя приказ, 5-й гвардейский механизированный корпус (150 танков) в 8 часов 24 марта перешел в наступление в направлении Леобшютц, Троппау. Справа по г. Егерндорф наносила

удар 93-я отдельная танковая бригада, а на г. Бискау наступала 22-я самоходная артиллерийская бригада. Противник, опираясь на заблаговременно подготовленные позиции, отчаянно сопротивлялся. В результате соединениям 5-го гвардейского механизированного корпуса удалось продвинуться всего на 3-4 км. Для наращивания удара генерал Лелюшенко 25 марта ввел в сражение левее корпуса второй эшелон армии. Противник, в свою очередь, сосредоточил против 93-й отдельной танковой бригады 16-ю и 17-ю танковые дивизии. Одновременно силами дивизии «Охрана фюрера» была предпринята попытка вклиниться между 5-м гвардейским механизированным и 10-м гвардейским танковым корпусами.

В связи с осложнением обстановки на троппаусском направлении генерал Лелюшенко 28 марта решил ввести в сражение 6-й гвардейский механизированный корпус. Он должен был нанести удар в направлении Штойбервитца в тыл дивизии «Охрана фюрера», где враг не ожидал удара. Своевременно принятые меры сыграли свою роль. Противник, пытавшийся нанести контрудар по флангам 6-го гвардейского механизированного корпуса, везде наталкивался на заслоны артиллерийского огня, попадая под огонь тяжелых танков и САУ. С воздуха удар по врагу наносила авиация 2-й воздушной армии. Преодолевая сопротивление врага, части 6-го гвардейского механизированного корпуса продвинулись на 10 км, создав угрозу окружения дивизии «Охрана фюрера», которая сдерживала продвижение 10-го гвардейского танкового корпуса. Это вынудило противника начать отход.

В последующие три дня войска 4-й гвардейской танковой армии завершили окружение противника и в районе Бискау (Нова Цереквя). Соединения 6-го гвардейского механизированного корпуса мощным

ударом в промежуток между Ратибором и Бискау на Штойбервитц и далее на Реснитц рассекли боевые порядки врага на две части. Его 97-я горнострелковая дивизия была отброшена на восток и там уничтожена войсками 60-й армии. 8-я танковая и 75-я пехотная дивизии были прижаты к Бискау, где их окружили части 10-го гвардейского танкового и 5-го гвардейского механизированного корпусов. Одновременно 6-й гвардейский механизированный корпус перехватил основные коммуникации противника между Ратибором и Моравско-Оставой, а 93-я отдельная танковая и 22-я самоходная артиллерийская бригады теснили врага с севера. 1 апреля 4-я гвардейская танковая армия заходящими флангами соединилась в Реснитце, а к исходу дня 3 апреля совместно с 60-й армией завершила разгром бискауской группировки противника.

В результате Верхне-Силезской операции войска 1-го Украинского фронта овладели юго-западной частью Верхней Силезии, разгромив более 5 вражеских дивизий. В ходе операции были уничтожены около 40 тыс. солдат и офицеров противника, взяты в плен 14 тыс. человек, уничтожено и захвачено около 80 танков, тысячи орудий и минометов, более 1 тыс. пулеметов [\[646\]](#). Особенностью операции являлось то, что прорыв тактической обороны противника осуществлялся 4-й гвардейской танковой армией как во взаимодействии с общевойсковыми соединениями, так и самостоятельно. В то же время недостаточно эффективная работа разведки и слабое огневое подавление противника обусловили низкие темпы прорыва его тактической зоны обороны.

* * *

3 апреля 1945 г. войска 4-й гвардейской танковой армии сдали свои позиции 60-й армии и совершили марш в район Форста. 15 апреля ряду соединений и частей 4-й гвардейской танковой армии было присвоено гвардейское звание. Этой чести удостоились: 68-я зенитная артиллерийская дивизия, получившая наименование 6-я гвардейская зенитная артиллерийская дивизия; 93-я отдельная танковая бригада – 68-я гвардейская отдельная танковая бригада; 22-я самоходная артиллерийская бригада – 70-я гвардейская самоходная артиллерийская бригада; 200-я легкая артиллерийская бригада – 71-я гвардейская легкая артиллерийская бригада; 20-я мотоинженерная бригада – 3-я гвардейская мотоинженерная бригада; 51-й отдельный мотоциклетный полк – 7-й гвардейский отдельный мотоциклетный полк; 118-й отдельный полк связи – 6-й гвардейский отдельный полк связи; 189-й отдельный авиационный полк связи – 225-й гвардейский отдельный авиационный полк связи.

Войскам 4-й гвардейской танковой армии, наряду с 3-й гвардейской танковой армией, предстояло в составе 1-го Украинского фронта принять участие в одной из крупнейших операций Великой Отечественной войны – Берлинской.

Берлинская стратегическая наступательная операция (16 апреля - 8 мая 1945 г.)

Учитывая, что в главе «Первая гвардейская танковая армия» освещены все вопросы, касающиеся подготовки и планирования Берлинской стратегической наступательной операции, ограничимся лишь тем, что изложим только те моменты, которые относятся к 4-й гвардейской танковой армии.

Как уже отмечалось, войска 1-го Украинского фронта должны были разгромить противника в районе

Котбуса и южнее Берлина и не позднее 10—12-го дня операции овладеть рубежом Белиц, Виттенберг и далее по р. Эльба до Дрездена. Танковые армии по директиве № 1106 ° Ставки ВГК от 3 апреля 1945 г. предписывалось ввести в сражение после форсирования стрелковыми соединениями р. Шпрее. Они должны были, стремительно развивая наступление в северо-западном направлении, обойти берлинскую группировку с юга, юго-запада и запада и частью сил совместно с войсками 1-го Белорусского фронта завершить ее окружение. Поддержку войск 1-го Украинского фронта с воздуха оказывала 2-я воздушная армия. Начало наступления – 16 апреля.

Замысел командующего 1-м Украинским фронтом маршала И.С. Конева заключался в том, чтобы нанести главный удар из района Трибеля на участке (иск.) Форст-Мускау (ширина 24 км) в общем направлении Шпремберг, Бельциг тремя общевойсковыми армиями (3-я гвардейская, 13-я и 5-я гвардейская), двумя танковыми армиями (3-я и 4-я гвардейские), 25-м и 4-м танковыми корпусами. Вспомогательный удар из района западнее Кольфурта на участке Ротенбург (иск.), Пенцих (ширина 12 км) в направлении Бауцен, Дрезден предусматривалось нанести смежными флангами 2-й польской и 52-й армий, с развитием их успеха 1-м польским танковым, 7-м гвардейским механизированным и 1-м гвардейским кавалерийским корпусами. Остальной фронт шириной до 350 км оборонять силами 6-й армии. Во фронтовом резерве иметь подходящие 28-ю и 31-ю армии.

На третий день операции после форсирования стрелковыми соединениями р. Шпрее намечалось ввести в сражение 3-ю и 4-ю гвардейские танковые армии. Войска 4-й гвардейской танковой армии должны были войти в прорыв в полосе 5-й гвардейской армии, наступавшей в общем направлении Дессау, Торгау-на-

Эльбе. Соединениям 4-й гвардейской танковой армии предстояло стремительно развивать наступление в направлении Шпремберга и на шестой день операции овладеть городами Дессау и Ратенов. Однако 14 апреля маршал Конев, во изменение первоначального плана, отдал указание о вводе армии в сражение с первого дня операции.

К началу операция армия насчитывала 292 танка и 121 САУ, что составляло 51 % от штатных норм^[647].

6 апреля маршал Конев устно поставил задачи войскам 4-й гвардейской танковой армии. На принятие решения командующему армией отводилось более трех суток. Одновременно приказывалось к 10 апреля перегруппировать армию из района юго-западнее Оппельна в район г. Любен.

При подготовке к операции генерал Д.Д. Лелюшенко в ходе личных встреч с командующим 3-й гвардейской танковой армией генералом П.С. Рыбалко и командующим 5-й гвардейской армией генералом А.С. Жадовым увязал все вопросы взаимодействия. С особой тщательностью отрабатывались момент ввода в прорыв передовых отрядов 4-й гвардейской танковой армии, рубежи обгона танковыми бригадами пехоты 5-й гвардейской армии, прежде всего в междуречье Нейсе и Шпрее.

10 апреля генерал Лелюшенко представил маршалу Коневу свое решение на операцию, которое было утверждено командующим фронтом. На следующий день в штаб 4-й гвардейской танковой армии поступила письменная директива командующего фронтом на предстоящую операцию. К утру 12 апреля армия двумя корпусами (без 5-го гвардейского механизированного корпуса)^[648] сосредоточилась в выжидательном районе, и в этот же день командиры корпусов получили

письменный боевой приказ командующего армией на наступление.

По решению генерала Лелюшенко оперативное построение войск армии было в два эшелона: в первом – 10-й гвардейский танковый и 6-й гвардейский механизированный корпуса, во втором – 5-й гвардейский механизированный корпус. В резерв была выделена 68-я гвардейская танковая бригада.

Соединения 10-го гвардейского танкового корпуса вводились в сражение на участке 95-й гвардейской стрелковой дивизии 5-й гвардейской армии в направлении на Беесков. После форсирования пехотой р. Нейсе требовалось силами передового отряда (две бригады) допрорвать оборону противника, обогнать 95-ю гвардейскую стрелковую дивизию и к утру 17 апреля с ходу форсировать Шпрее. 6-й гвардейский механизированный корпус вводился в полосе 13-й и 58-й гвардейских стрелковых дивизий 5-й гвардейской армии в направлении Кебельн-Клейна. После форсирования Нейсе передовой отряд корпуса должен был обогнать пехоту и в ночь на 17 апреля с ходу форсировать Шпрее на участке южная окраина Шпремберга, Шпрееталь и опередить противника в выходе на этот рубеж. В последующем всеми силами развивать наступление в направлении Элессен, Лиске-Гросс-Решен и к исходу третьего дня операции овладеть районом Финстервальде. 5-й гвардейский механизированный корпус намечалось ввести в сражение уступом за левым флангом 6-го гвардейского механизированного корпуса с задачей обеспечить армию от возможных контрударов противника слева.

Войскам 4-й гвардейской танковой армии предстояло осуществить прорыв вражеской обороны на участке шириной 8 км и на глубину 6 км. Глубина ближайшей задачи армии составляла 66 км (продолжительность – двое суток), а дальнейшей

задачи – 76 км (продолжительность – двое суток). Темпы наступления планировались, соответственно, 33 и 38 км в сутки^[649].

В ночь на 16 апреля войска 4-й гвардейской танковой армии заняли исходное положение для входа в прорыв. В это время в полосе 1-го Украинского фронта была проведена разведка боем. В 6 часов 15 минут началась мощная артиллерийская подготовка (в ней принимало участие до 200 орудий 4-й гвардейской танковой армии). В 6 часов 55 минут под прикрытием артиллерийского огня, дымов и массированных ударов авиации войска ударной группы фронта начали форсирование р. Нейсе. Вначале наступление развивалось успешно. Однако в середине дня 16 апреля сопротивление противника усилилось и темпы наступления стрелковых дивизий начали падать. В целях быстрее завершения прорыва обороны маршал Конев в два часа решил ввести в сражение передовые отряды танковых и механизированных корпусов 3-й и 4-й гвардейских танковых армий (всего шесть бригад).

В передовой отряд 10-го гвардейского танкового корпуса была выделена 62-я гвардейская танковая бригада полковника И.И. Прошина^[650], усиленная тяжелыми танками, противотанковой артиллерией и мотопехотой 29-й гвардейской мотострелковой бригады. Передовой отряд 6-го гвардейского механизированного корпуса составила 16-я гвардейская механизированная бригада с приданными средствами усиления. Передовой отряд 10-го гвардейского танкового корпуса, переправившись по наведенным мостам на противоположный берег Нейсе, совместно с пехотой быстро завершил допрорыв тактической зоны обороны противника. Генерал Лелюшенко решил этим воспользоваться и, наращивая успех, 17 апреля с ходу

форсировать р. Шпрее, чтобы опередить резервы противника и разгромить их. Однако на левом фланге армии, где действовал 6-й гвардейский механизированный корпус, произошла заминка. Части корпуса были атакованы подошедшими танками противника.

Во втором часу ночи 17 апреля командир 10-го гвардейского танкового корпуса генерал Е.Е. Белов доложил командующему армией, что его части разгромили до двух неприятельских полков (танковый и моторизованный), принадлежащих танковой дивизии «Охрана фюрера» и учебной танковой дивизии «Богемия». Одновременно был захвачен штаб дивизии «Охрана фюрера», а также приказ № 676/45 от 16 апреля, подписанный командиром дивизии генералом Ремером. В нем содержались сведения о том, что противник между реками Нейсе и Шпрее имеет заранее подготовленный рубеж, именуемый «Матильда», на который выдвигались из резерва танковая дивизия «Охрана фюрера» и учебная танковая дивизия «Богемия».

Генерал Лелюшенко, стремясь нарастить успех, решил вслед за 10-м гвардейским танковым корпусом ввести в сражение 5-й гвардейский механизированный корпус генерала И.П. Ермакова^[651]. Командующий фронтом это решение утвердил. Как уже говорилось, маршал Конев требовал от командующих 3-й и 4-й гвардейскими танковыми, 3-й и 5-й гвардейскими и 13-й армиями:

«1. Стремительно развивать наступление на плечах противника, ночью 17 апреля 1945 г. форсировать р. Шпрее, не дав противнику закрепиться на рубеже р. Шпрее.

2. Смелее маневрировать танками и пехотой вне больших дорог, населенные опорные пункты

решительно обходить, не ввязываться в затяжные лобовые бои. Мобилизуйте всех со страстью бить немцев и ломать сопротивление. Стремление только вперед!

Наши войска должны быть в Берлине первыми, они это могут сделать и с честью выполнить приказ Великого Сталина.

3. Подтягивайте артиллерию и снаряды к р. Шпрее и в случае сопротивления противника нанесите мощный артиллерийский удар с утра 18 апреля 1945 г.»[\[652\]](#).

Части 10-го гвардейского танкового и 5-го гвардейского механизированного корпусов, сметая на своем пути противника, вырвались на оперативный простор и устремились на запад. К исходу дня 17 апреля наметился отход частей противника на рубеж р. Шпрее, и маршал Конев в 3 часа 40 минут 18 апреля направил своим войскам директиву, о которой говорилось в предыдущей главе. В директиве командующему 4-й гвардейской танковой армии приказывалось:

«...2. Командарму 4 гв. ТА

В течение ночи с 17 на 18 апреля форсировать р. Шпрее севернее Шпремберга и развивать стремительное наступление в общем направлении Дребхау, Калау, Даме, Лукенвальде. Задача армии к исходу 20 апреля овладеть районом Белиц, Тройенбритцен, Лукенвальде. В ночь с 20 на 21 апреля 1945 г. овладеть Потсдамом и юго-западной частью Берлина. При повороте армии на Потсдам, район Тройенбритцен обеспечить 5 мк. Вести разведку в направлениях: Зенфтенберг, Финстервалде, Герцберг.

3. На главном направлении танковым кулаком смелее и решительнее пробиваться вперед. Города и крупные населенные пункты обходить и не ввязываться в затяжные фронтальные бои. Требую твердо понять,

что успех танковых армий зависит от смелого маневра и стремительности в действиях.

Пункт 3 приказа довести до сознания командиров корпусов, бригад»^[653].

Этой директивой 4-й гвардейской танковой армии ставилась новая задача – удар на Берлин в отличие от прежнего плана, ставившего целью наступать в общем направлении на Дессау. В соответствии с этим генерал Лелюшенко приказал 10-му гвардейскому танковому корпусу развивать наступление в направлении Луккау, Даме, Луккенвальде, Потсдам, форсировать канал Тельтов и в ночь на 21 апреля овладеть юго-западной частью Берлина. 6-му гвардейскому механизированному корпусу после овладения г. Шпремберг предстояло выйти в район Науэна и соединиться там с войсками 1-го Белорусского фронта, завершив полное окружение берлинской группировки противника. 5-й гвардейский механизированный корпус должен был наступать в направлении Иутербога, 21 апреля овладеть рубежом Беелитц, Тройенбритцен и закрепиться на нем, обеспечив левый фланг армии от возможных ударов врага с запада и создавая внешний фронт окружения берлинской группировки в юго-западном направлении.

18 апреля войска 4-й гвардейской танковой армии форсировали Шпрее, прорвали третью оборонительную полосу противника. К утру 19 апреля они, сосредоточившись на плацдармах, заняли вместе с 3-й гвардейской танковой армией выгодное положение для наступления на Берлин с юга.

Около восьми вечера 20 апреля маршал Конев требует от командующих 3-й и 4-й гвардейскими танковыми армиями:

«Войска маршала Жукова в 10 км от восточной окраины Берлина. Приказываю обязательно сегодня

ночью ворваться в Берлин первыми. Исполнение донести»^[654].

Генерал Лелюшенко, получив директиву, уточнил задачи войскам, в первую очередь частям 10-го гвардейского танкового корпуса. Ему было приказано, обходя Лукенвальде, продолжать стремительное наступление в направлении Бергхольц. Ребрюкке, Штопсдорф, Целендорф и 21 апреля овладеть юго-западной частью Берлина. При этом требовалось действовать решительно и стремительно^[655].

Войска 4-й гвардейской танковой армии, выполняя приказ, усилили натиск. 21 апреля они овладели городами Калау, Луккау, Бабельсберг и вышли на подступы к юго-западным предместьям Берлина. 63-я гвардейская танковая бригада 10-го гвардейского танкового корпуса под командованием полковника М.Г. Фомичева, действуя в качестве передового отряда армии, разгромила вражеский гарнизон в Бабельсберге и освободила из концентрационных лагерей 7 тыс. узников различных национальностей, в том числе премьер-министра Франции Эдуарда Эррио с супругой. После этого бригада получила задачу от командарма стремительно наступать в направлении Бранденбургских ворот.

22 апреля 5-й гвардейский механизированный корпус, наступавший южнее 10-го гвардейского танкового корпуса, сметая на своем пути неприятеля, овладел городами Беелитц, Тройенбритцен, Йютербог. Из концлагеря в районе Тройенбритцена были освобождены 1600 французов, англичан, датчан, бельгийцев, норвежцев и заключенных других национальностей. Среди них оказался командующий Вооруженными силами Норвегии генерал-майор Отто Руге.

С выходом на рубеж Тройенбритцен, Беелитц 5-й гвардейский механизированный корпус завязал бой с передовыми частями немецкой 12-й армии генерала В. Венка, которая пыталась прорваться в Берлин. Все атаки противника были отражены, а его части отброшены в исходное положение. Соединения 10-го гвардейского танкового корпуса, преодолевая ожесточенное сопротивление противника, штурмовали дом за домом, квартал за кварталом. В ночь на 23 апреля корпус вышел к каналу Тельтов и силами разведывательного батальона подполковника Н.П. Беклемешева овладел южным берегом канала. Утром канал Тельтов форсировали 29-я гвардейская мотострелковая и 62-я гвардейская танковая бригады. 5-й гвардейский механизированный корпус продолжал упорные бои на рубеже Тройенбритцен, Беелитц, сдерживая сильнейший напор с запада соединений 12-й армии противника. Для оказания помощи корпусу генерал Лелюшенко направил 70-ю гвардейскую самоходную артиллерийскую бригаду подполковника Н.Ф. Корнюшкина, 71-ю отдельную гвардейскую легкую артиллерийскую бригаду полковника И.Н. Козубенко и ряд артиллерийских частей. В итоге усилиями частей корпуса при содействии войск 13-й армии все атаки врага были отражены и рубеж Тройенбритцен, Беелитц удержан.

Соединения 6-го гвардейского механизированного корпуса, задержавшиеся для оказания помощи 5-й гвардейской армии, после овладения г. Шпремберг быстро вырвались вперед и устремились к Потсдаму. Утром 23 апреля корпус прорвал оборону противника на внешнем обводе Берлина в районе Фресдорфа, разгромив части пехотной дивизии «Фридрих Людвиг Ян». В одиннадцать часов вечера 24 апреля части корпуса овладели Бранденбургом. Передовой отряд корпуса – 35-я гвардейская механизированная

бригада^[656] полковника П.Н. Туркина – занял г. Кетцин в 22 км западнее Берлина. В половине двенадцатого ночи он в районе Бухов-Карпцов (6 км северо-восточнее Кетцина) соединился с 328-й стрелковой дивизией 77-го стрелкового корпуса и с 65-й гвардейской танковой бригадой 1-го Белорусского фронта. В результате Берлин был окружен с запада. Развивая наступление, 6-й гвардейский механизированный корпус 26 апреля овладел центром Потсдама и на его северо-восточной окраине вошел во взаимодействие с 9-м гвардейским танковым корпусом 2-й гвардейской танковой армии 1-го Белорусского фронта. В это время войска 3-й гвардейской танковой армии форсировали с ходу р. Шпрее и с ожесточенными боями продвигались к центру Берлина.

Противник предпринимал отчаянные усилия, чтобы вырваться на запад из столицы Германии. Особенно сильным был его напор на участке 10-го гвардейского танкового корпуса, усиленного 350-й стрелковой дивизией генерала Г.И. Вехина. Они здесь в течение 26 и 27 апреля отразили 18 вражеских атак, не выпустив противника из Берлина. 1 мая войска 12-й армии противника предприняли попытки прорваться в Берлин через боевые порядки 5-го гвардейского механизированного корпуса генерала И.П. Ермакова. Одновременно остатки 9-й армии, окруженной в городе, снова возобновили атаки в западном направлении. На помощь 5-му гвардейскому механизированному корпусу генерал Лелюшенко перебросил 61-ю гвардейскую танковую, 71-ю отдельную гвардейскую легкую артиллерийскую и 3-ю гвардейскую мотоинженерную бригады, 379-й гвардейский тяжелый самоходный артиллерийский, 312-й гвардейский минометный и 434-й зенитный артиллерийский полки. Одновременно 6-му гвардейскому механизированному корпусу было

приказано повернуть на восток и нанести удар в тыл 12-й армии, разгромить ее и не допустить прорыва остатков 9-й армии противника в американскую зону.

Результаты не замедлили сказаться. Решительным ударом 5-го гвардейского механизированного корпуса на запад и 6-го гвардейского механизированного корпуса на восток и юго-восток во взаимодействии с частями 13-й армии были полностью разгромлены соединения 12-й и остатки 9-й армий противника. 2 мая к трем часам дня часам остатки берлинского гарнизона (более 134 тыс. человек) сдались в плен.

Итоги Берлинской операции подведены в предшествующих главах. В ходе операции войска 4-й гвардейской танковой армии уничтожили 42 850 солдат и офицеров противника, взяли в плен 31 350 человек, уничтожили и захватили 556 танков и бронетранспортеров, 1178 орудий и минометов. Из концлагерей только с 16 по 23 апреля были освобождены 19 тыс. военнопленных, в том числе 2500 русских^[657]. За мужество и героизм, проявленные в боях, орденом Ленина были награждены 6-й гвардейский механизированный корпус, 61-я гвардейская танковая, 16-я гвардейская механизированная, 29-я гвардейская мотострелковая бригады. Орден Суворова 2-й степени получил 10-й гвардейский танковый корпус.

2 мая, еще до завершения Берлинской операции, маршал Конев приказал войскам 4-й гвардейской танковой армии сдать свои позиции войскам 1-го Белорусского фронта и совершить марш в район 35–50 км южнее Берлина. Армии совместно с другими объединениями 1-го Украинского фронта, в том числе 3-й гвардейской танковой армией, предстояло принять участие в Пражской стратегической наступательной операции.

Пражская стратегическая наступательная операция (6—11 мая 1945 г.)

С обстановкой, сложившейся к началу Пражской операции, силами сторон, замыслом операции и задачами войск 1-го Украинского фронта мы знакомы по главе «Третья гвардейская танковая армия». Согласно директиве командующего 1-м Украинским фронтом маршала И.С. Конева от 2 мая 1945 г., предусматривалось ввести 4-ю гвардейскую танковую армию в прорыв в полосе 13-й армии с целью на шестой день операции выйти к Праге с запада и юго-запада. Поддержку войск 4-й гвардейской танковой армии обеспечивали одна истребительная, штурмовая и бомбардировочная авиационные дивизии.

Общая глубина задачи 4-й гвардейской танковой армии достигала 180-190 км. Продолжительность операции составляла шесть суток. По решению генерала Д.Д. Лелюшенко оперативное построение войск армии было в два эшелона: в первом – 6-й гвардейский механизированный и 10-й гвардейский танковый корпуса, во втором – 5-й гвардейский механизированный корпус. В резерв командарма были выделены 68-я гвардейская танковая и 70-я гвардейская самоходная артиллерийская бригады, а также ряд частей армейского подчинения. Корпуса строили свой боевой порядок также в два эшелона.

Согласно приказу командарма, 6-му гвардейскому механизированному корпусу^[658] со средствами усиления совместно с 13-й армией предстояло прорвать оборону противника на участке Мюгельн, Наундорф и к исходу первого дня, стремительно наступая в направлении Катниц-Носсен, овладеть районами: главными силами – Гросс-Фойгтсберг, Хиршфельд, Носсен, передовым отрядом – Фрейберг. Разведку вести

в направлении Одеран, Мительзейда. На второй день операции требовалось развить наступление на Лихтенберг и к исходу дня овладеть районом Фридебах, Нассау, Диттерстбах.

10-му гвардейскому танковому корпусу совместно с частями 13-й армии приказывалось прорвать вражескую оборону на участке Казабра, Реппен и, стремительно наступая в направлении Некканиц-Рауслиц, к исходу первого дня операции овладеть районом Обер-Шар, Мохорн, Таннеберг. На второй день операции предписывалось развивать наступление в направлении Гриллебург-Шенфельд и к исходу дня овладеть районом Хермсдорф, Хеннерсдорф, Рейхенау.

Второй эшелон армии (5-й гвардейский механизированный корпус) должен был продвигаться за 6-м гвардейским механизированным корпусом, находясь в готовности отразить контратаки противника с юго-запада, и развить наступление этого корпуса. К исходу первого дня операции приказывалось выйти в район 8 км северо-западнее Носсена, а затем выдвинуться к Вейсенбергу (6 км юго-восточнее Фрейберга).

Генерал Лелюшенко требовал от войск развивать стремительные действия, особенно в первые два дня операции, с тем чтобы успеть захватить перевалы в горах, прежде чем противник сумеет организовать на них оборону. Наступление следовало вести и ночью. От корпусов приказывалось выделить передовые отряды, в состав которых включить саперные части и переправочные средства. От 10-го гвардейского танкового корпуса в качестве передового отряда была выделена 63-я гвардейская танковая бригада полковника М.Г. Фомичева, усиленная 72-м гвардейским тяжелым танковым полком майора А.А. Дементьева и мотострелками 29-й гвардейской мотострелковой бригады полковника А.И. Ефимова; от 6-го гвардейского механизированного корпуса – 35-я гвардейская

механизированная бригада полковника П.Н. Туркина, усиленная артиллерией и корпусным танковым полком.

3 мая войска 4-й гвардейской танковой армии передали свои позиции 69-й армии 1-го Белорусского фронта и на следующий день сосредоточились южнее Берлина в лесах в районе Даме. К началу операции соединения танковой армии имели в среднем по 2 боекомплекта, 3 заправки горючего для танков, 3,5 заправки для автомашин и 10 сутодач продовольствия.

В ночь на 5 мая войска 4-й гвардейской танковой армии начали марш. Переправившись через Эльбу в районе Торгау и несколько южнее, главные силы армии к утру 6 мая заняли исходное положение для наступления на рубеже Мюгельн, Церен (50 км северо-западнее Дрездена). Некоторые части в это время были еще в пути. Вблизи района сосредоточения армии находились соединения американских войск. Конкретных данных о характере и силе обороны противника от союзников штаб армии не получил. Поэтому по решению маршала Конева была проведена разведка боем силами передовых батальонов стрелковых дивизий первого эшелона и корпусов первого эшелона 4-й и 3-й гвардейских танковых армий. В результате удалось установить, что оборона противника состояла только из отдельных узлов сопротивления. Генерал Д.Д. Лелюшенко, обсудив с командующим 13-й армией генералом Н.П. Пуховым обстановку, решил немедленно нанести пятиминутный артиллерийский огневой налет по обнаруженным очагам сопротивления и атаковать неприятеля сильными передовыми отрядами.

В 8 часов 30 минут 6 мая после короткого артиллерийского налета передовые отряды неожиданно начали атаку. В 11 часов 20 минут на НП 4-й гвардейской танковой армии прибыли командующий фронтом И.С. Конев и член Военного совета фронта

генерал-лейтенант К.В. Крайнюков. Убедившись в успешном развитии наступления, командующий фронтом дал указание ввести в бой главные силы армии.

В два часа дня после короткой артиллерийской подготовки основные силы ударной группировки фронта перешли в наступление. Противник, прикрываясь мелкими разрозненными группами, начал отходить в южном направлении. 4-я гвардейская танковая армия, наступая бригадными колоннами в направлении Носсена, к исходу дня продвинулась главными силами до 20 км, а передовыми отрядами корпусов первого эшелона – на 30–35 км. Во второй половине дня с целью прикрытия правого фланга армии генерал Лелюшенко ввел в сражение второй эшелон – 5-й гвардейский механизированный корпус. Наступая правее 6-го гвардейского механизированного корпуса, он захватил Вальдхайн и вечером занял оборону на рубеже Россвейн, Носсен фронтом на запад.

Войска 4-й гвардейской танковой армии действовали стремительно, захватив вскоре все перевалы через Рудные горы. 10-й гвардейский танковый корпус занял Теплице-Шанов, а 6-й гвардейский механизированный корпус – Духцев. Противник стал оказывать все более упорное сопротивление, цепляясь за каждый выгодный рубеж, устраивая в узких местах, на перевалах и в теснинах завалы и минные заграждения. Несмотря на это, 4-я гвардейская танковая армия к исходу дня 7 мая главными силами преодолела Рудные горы и вышла в район, находившийся в 150–160 км северо-западнее Праги. Соединения 3-й гвардейской танковой армии также перевалили через горы и к исходу дня 8 мая вышли в район Теплице. Правее 4-й гвардейской танковой армии в направлении Россвейна наступал 25-й танковый корпус.

Развивая наступление, войска 4-й гвардейской танковой армии нанесли поражение противнику, пытавшемуся организовать оборону юго-западнее Носсена. Соединения армии, продвинувшись по горно-лесистой местности на 40-45 км, вышли в район Эппендорфа, а передовые отряды захватили перевалы через Рудные горы в районе Моста.

Успешное наступление советских войск, особенно 4-й гвардейской танковой армии и 25-го танкового корпуса 1-го Украинского фронта, создало угрозу окружения всей группировки противника, находившейся в Чехословакии. Понимая это, он стремился как можно скорее отвести ее на запад. В данной обстановке требовалось, и прежде всего от танковых армий, как можно быстрее выйти в район Праги и отрезать все пути отхода вражеской группировки.

В ночь на 8 мая главные силы 4-й гвардейской танковой армии, используя перевалы в районе Моста, захваченные передовыми отрядами, начали преодолевать Рудные горы. Первым горный хребет преодолел 10-й гвардейский танковый корпус генерала Е.Е. Белова и в 20 часов передовыми отрядами захватил Перуц. Утром 16-я механизированная бригада 6-го гвардейского механизированного корпуса ворвалась в г. Мост, имевший большое военно-промышленное значение. Там был размещен крупный завод по производству синтетического бензина. Бригада уничтожила более 20 вражеских орудий, разгромила вражеский гарнизон и освободила город. В ночь на 8 мая 10-я гвардейская механизированная бригада 5-го гвардейского механизированного корпуса под командованием полковника В.Н. Буслаева, действуя в качестве передового отряда, ворвалась в Жатец (60 км северо-западнее Праги). Части бригады с ходу атаковали на марше колонну группы армий «Центр» и

разгромили ее. В результате управление войсками противника было нарушено. В тот же день войска 5-й и 3-й гвардейских армий совместно с 4-м гвардейским танковым корпусом овладели Дрезденом, а соединения 4-го Украинского фронта заняли Оломоуц. Войска 6-й гвардейской танковой армии 2-го Украинского фронта вышли в район, находившийся в 140–150 км от Праги.

В ночь на 9 мая войска 4-й гвардейской танковой армии перешли к решительному преследованию противника. В половине третьего утра в штаб поступило радиодонесение от передового отряда полковника М.Г. Фомичева (63-я гвардейская танковая бригада 10-го гвардейского танкового корпуса) о том, что он ворвался в Прагу. Через полчаса отряд уже вел боевые действия в центре города – у здания Генерального штаба. В 4 часа утра в Прагу вошел весь 10-й гвардейский танковый корпус генерала Е.Е. Белова, а также 70-я гвардейская самоходная артиллерийская бригада подполковника Н.Ф. Корнюшкина. С юго-запада в город ворвался 72-й гвардейский тяжелый танковый полк. Вскоре в Прагу вошли части 6-го и 5-го гвардейских механизированных корпусов.

Из Праги генерал Лелюшенко направил донесение командующему фронтом:

«В 4.00 утра 9.5.45 года 10-й гвардейский танковый корпус зашел в г. Прага и вышел на северо-восточную окраину ее, восточную и юго-восточную окраины. 6-й гвардейский механизированный корпус – на южную и юго-западную окраины г. Прага. 5-й гвардейский механизированный корпус – на западную окраину. Захвачено много пленных и трофеев. Оказавшие сопротивление уничтожены. Связь с повстанцами через бригадного генерала Ведера. Американских войск нет. Соседей нет. Веду разведку в северо-восточной части, в

южном направлении. Навожу порядок. Я с оперативной группой на западной окраине Праги».

Около шести часов утра 9 мая в Прагу вошел передовой отряд 3-й гвардейской танковой армии. Ее соединения заняли оборону восточнее города, предотвратив тем самым прорыв основной части группы войск генерал-фельдмаршала Шернера на запад, в американскую зону оккупации. Части 25-го танкового корпуса вышли в район Йесенице, прикрыв правый фланг 4-й гвардейской танковой армии. В 11 часов в Прагу вступили передовые части подвижной группы 4-го Украинского фронта (302-я стрелковая дивизия на автомашинах, 100-я танковая и 65-я мотострелковая бригады 31-го танкового корпуса, два истребительных противотанковых артиллерийских полка, саперный батальон и фронтовая разведывательная рота). В час дня в город вошла 22-я гвардейская танковая бригада 6-й гвардейской танковой армии, соединившись с частями 1-го Украинского фронта. В результате встречи танковых армий 1-го и 2-го Украинских фронтов главные силы группы армий «Центр» были окружены и отрезаны пути их отхода в западном и юго-западном направлениях. После этого соединения 3-й гвардейской танковой армии захватили переправы через Эльбу и отрезали последние пути отхода противнику на юг и юго-запад. Войска 4-й гвардейской танковой армии, выйдя в район Бенешова, перехватили пути отхода противника на юг и запад.

Для поддержания соответствующего порядка в Праге 9 мая приказом командующего 4-й танковой армией начальником гарнизона г. Праги был назначен командир 10-го гвардейского танкового корпуса генерал Е.Е. Белов. После прибытия в город 10 мая маршала И.С. Конева начальником гарнизона был назначен командующий 3-й гвардейской армией генерал-полковник В.Н. Гордов.

В ходе Пражской операции, итоги которой подведены в предыдущей главе, войска 4-й гвардейской танковой армии проявили массовый героизм и мужество. Наиболее отличившиеся воины были удостоены высокого звания Героя Советского Союза, среди них командир 10-го гвардейского танкового корпуса генерал-лейтенант Е.Е. Белов, командир 70-й гвардейской самоходной артиллерийской бригады подполковник Н.Ф. Корнюшкин, командир танковой роты старший лейтенант В.С. Деревянко, командир танкового взвода лейтенант С.П. Бедненко. Второй медалью «Золотая Звезда» был награжден командир 63-й гвардейской танковой бригады полковник М.Г. Фомичев. Ряду соединений и частей были присвоены почетные наименования «Пражских», в том числе 10-й гвардейской механизированной бригаде и 2-му гвардейскому мотоциклетному батальону 5-го гвардейского механизированного корпуса, 7-му гвардейскому мотоциклетному батальону 10-го гвардейского танкового корпуса.

С окончанием Пражской операции завершился боевой путь 4-й гвардейской танковой армии. По директиве № 11096 Ставки ВГК от 29 мая 1945 г. она в составе 10-го гвардейского, 25-го танковых и 6-го гвардейского механизированного корпусов была включена в Центральную группу войск [\[659\]](#).

Пятая гвардейская танковая армия

Пятую танковую армию согласно постановлению ГКО от 28 января 1943 г. предусматривалось сформировать к 30 марта этого же года. 22 февраля нарком обороны СССР И.В. Сталин подписал директиву № 1124821 о формировании на пять дней раньше в районе Миллерово 5-й гвардейской танковой армии. В директиве № 36736 Генштаба Красной Армии, направленной 27 февраля командующему войсками Южного фронта, отмечалось, что в состав армии включены 3-й гвардейский Котельниковский и 29-й танковые, 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный корпуса, а также армейские части усиления^[660]. К 5 марта требовалось распоряжением Военного совета фронта сосредоточить в районе Миллерово 3-й гвардейский Котельниковский танковый и 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный корпуса, а остальные части, соединения и учреждения должны были прибыть с 5 по 12 марта. Использование армии разрешалось только по особому указанию Ставки ВГК. Командующим армией был назначен генерал-лейтенант танковых войск П.А. Ротмистров (см. приложение № 3).

П.А. Ротмистров, вспоминая о своем назначении на должность командарма, в книге «Стальная гвардия» подробно рассказывает о встрече с И.В. Сталиным в середине февраля 1943 г. в Кремле. «И.В. Сталина заинтересовали и высказанные мною взгляды на применение танковых армий в наступательных операциях, – пишет Ротмистров. – Они сводились к тому, что танковые армии следует использовать как средство командующего фронтом или даже Ставки Верховного Главнокомандования для нанесения массированных

ударов, прежде всего, по танковым группировкам противника на главных направлениях без указания им полос наступления, которые лишь сковывают маневр танков. Чувствовалось, что Сталин хорошо понимает значение массированного применения танковых войск и не одного меня заслушивал по этому вопросу»^[661]. В конце встречи Сталин предложил Ротмистрову возглавить одну из танковых армий. Первым заместителем командующего армией был назначен генерал-майор И.А. Плиев, вторым заместителем – генерал-майор К.Г. Труфанов, членом Военного совета – генерал-майор танковых войск П.Г. Гришин и начальником штаба армии – полковник В.Н. Баскаков.

В ходе формирования состав армии не раз подвергался изменениям, а также менялись место ее дислокации и подчиненность. Так, 4 марта вышла в свет директива № 211/орг Генштаба о срочном доукомплектовании 3-го гвардейского Котельниковского танкового корпуса личным составом, вооружением, автотранспортом и другим имуществом. Корпус приказывалось погрузить на станции Глубокая и к 7 марта отправить в Старобельск. В его состав включались 266-й минометный полк, 1436-й полк самоходной артиллерии и 73-й мотоциклетный батальон^[662]. 8 марта издается директива Ставки ВГК о передаче корпуса в распоряжение Маршала Советского Союза А.М. Василевского для использования его в целях обороны Харькова. Впоследствии, после подхода новых сил в район Харькова из резерва Ставки, предписывалось 5-ю гвардейскую танковую армию передать в подчинение командующему Юго-Западным фронтом^[663]. Таким образом, в составе армии остались только два корпуса (29-й танковый, 5-й Зимовниковский гвардейский механизированный). В таком составе она по директиве № 46076 Ставки ВГК от 19 марта должна

была к исходу 24 марта по железной дороге сосредоточиться в районе станция Пухово, Рыбальчино, станция Евдаково, Хрестики, Коломейцево^[664]. На этом «мытарства» армии не закончились. Согласно директиве № 4610 ° Ставки ВГК от 6 апреля она вошла в состав формируемого Резервного фронта^[665]. По директиве № 12941 Генштаба от 6 июля ей передали еще один корпус – 18-й танковый^[666].

Пока Ставка ВГК и Генштаб Красной Армии решали вопросы, связанные с формированием и перегруппировками войск 5-й гвардейской танковой армии, они занимались боевой учебой. 21 мая был издан приказ генерала Ротмистрова о введении в действие «Краткой инструкции по некоторым вопросам боевого использования частей и соединений 5-й гвардейской танковой армии в связи с частичным перераспределением танков и артиллерии в частях армии»^[667]. Ее появление на свет было обусловлено тем, что состав и оснащение соединений не были одинаковыми. Так, 32-я танковая бригада 29-го танкового корпуса и 24-я танковая бригада 5-го гвардейского Зимовниковского механизированного корпуса имели танки Т-34 (всего в бригаде 65 танков). В 25-й и 31-й танковых бригадах первые танковые батальоны были оснащены танками Т-34 (в батальоне 31 танк), а вторые батальоны – танками Т-70 (в батальоне 31 танк).

В Инструкции отмечалось, что «опыт боевых действий танковых и механизированных корпусов показал, что во всех видах боя командир корпуса должен иметь в своих руках сильный резерв», причем целесообразно в его состав включать не случайно назначенные подразделения или части, а одну сильную танковую бригаду. С этой целью считалось необходимым провести частичное перераспределение

танков в танковых и механизированных бригадах 29-го танкового корпуса и 5-го гвардейского Зимовниковского механизированного корпуса с тем, чтобы создать по одной сильной танковой бригаде в каждом корпусе за счет танков резерва. 32-ю танковую бригаду 29-го танкового корпуса, оснащенную только танками Т-34, требовалось держать в резерве командира корпуса и использовать для парирования удара противника и проведения контратак. Она должна была вести самостоятельные действия на важнейших направлениях, на флангах корпуса или в стык между бригадами. Таким же образом намечалось применять 24-ю танковую бригаду 5-го гвардейского Зимовниковского механизированного корпуса. 25-ю и 31-ю танковые бригады, оснащенные танками Т-34 и Т-70, предусматривалось использовать в первом эшелоне корпуса вместе с 53-й мотострелковой бригадой, в том числе для ведения обороны совместно с этой бригадой или самостоятельно. Для поддержки танковой атаки следовало привлекать корпусные истребительно-противотанковый артиллерийский и самоходный артиллерийский полки.

Войска 5-й гвардейской танковой армии, занимаясь боевой учебой, вели подготовку к Курской стратегической оборонительной операции.

Курская стратегическая оборонительная операция (5—23 июля 1943 г.)

В главе «Первая гвардейская танковая армия» мы познакомились с обстановкой, сложившейся к началу битвы под Курском, силами сторон и их планами. Поэтому сразу же перейдем к описанию боевых действий.

5 июля 1943 г. противник начал наступление на Курской дуге. В полосе Воронежского фронта он нанес удар силами 4-й танковой армии (2-й танковый корпус

СС, 48-й танковый и 52-й армейский корпуса; около 1 тыс. танков и штурмовых орудий) генерала Г. Гота и армейской группы «Кемпф» (свыше 400 танков и штурмовых орудий)^[668]. После ожесточенных пятидневных боев противник сумел вклиниться в оборону на обояньском направлении на глубину около 35 км и на корочанском – до 10 км. С утра 10 июля генерал Гот планировал нанести новый мощный удар на северо-восток. С этой целью 2-й танковый корпус СС должен был разгромить войска Воронежского фронта юго-западнее Прохоровки и оттеснить их на восток. 48-му танковому корпусу предстояло уничтожить перед Обоянью советский 6-й гвардейский танковый корпус на западном берегу р. Пена и продолжать наступление из района Новоселовки в юго-западном направлении. От 52-го армейского корпуса требовалось удерживать прежние позиции в готовности наступать через Пену на участке Алексеевка, Завидовка^[669].

В связи с напряженной обстановкой, создавшейся на белгородско-курском направлении, командующий Воронежским фронтом генерал армии Н.Ф. Ватутин 7 июля обратился к И.В. Сталину с просьбой об усилении фронта двумя армиями из стратегического резерва. Они предназначались для «прочного прикрытия обояньского направления и, главное, для обеспечения своевременного перехода войск в контрнаступление в наиболее выгодный момент». Обе армии намечалось выдвинуть в районы Обоянь, Прохоровка, Марьино и Призрачное. По решению Сталина Воронежский фронт был усилен из состава Степного фронта^[670] 5-й гвардейской армией генерала А.С. Жадова и 5-й гвардейской танковой армией. При этом танковая армия должна была к исходу 9 июля сосредоточиться в районе Бобрышево, Большая Псинка, Прелестное, Прохоровка с задачей быть в готовности отразить наступление

противника, занявшего 8 июля Кочетовку. Армии генерала Жадова предстояло выйти на р. Псел, занять оборону и не допустить дальнейшего продвижения противника на север и северо-восток^[671].

К исходу 9 июля 5-я гвардейская танковая армия вышла в указанный ей район. В одиннадцать часов вечера генерал Ротмистров поставил войскам следующие задачи. 29-й танковый корпус генерал-майора танковых войск И.Ф. Кириченко должен был к рассвету 10 июля занять оборону по рубежу южная опушка леса (5 км южнее Марьино), южная окраина Свинное, Погореловка, Журавка. В резерв требовалось выделить не менее двух танковых бригад. Задача корпуса быть в готовности отразить вражеские атаки и перейти к активным наступательным действиям. 5-му гвардейскому Зимовниковскому механизированному корпусу генерал-майора танковых войск Б.М. Скворцова предстояло двумя бригадами занять оборону по северному берегу р. Псел на участке р. Запселец, (иск.) Веселый, имея в резерве одну танковую и одну мотострелковую бригады. 18-му танковому корпусу генерал-майора танковых войск Б.С. Бахарова предписывалось перейти к обороне по северному берегу р. Псел на участке Веселый, Полежаев, южная окраина Прелестное, южная окраина Александровский. В приказе не указывалось, каким образом должна осуществляться смена позиций, кто отвечает за устойчивость обороны, а также нет упоминания о том, что на этот рубеж выходит 5-я гвардейская армия, имевшая задачу организовать на этом же рубеже прочную оборону.

Утром 10 июля соединения 2-го танкового корпуса СС перешли в наступление. Однако в результате упорной обороны войск 6-й гвардейской и 69-й армий продвижение противника к исходу дня было

остановлено. Не увенчалось успехом и наступление врага 11 июля на прохоровском направлении. Однако генерал Гот не оставлял надежды на разгром войск Воронежского фронта. Он решил силами 48-го танкового корпуса отбросить 10-й танковый корпус, приданный 1-й танковой армии генерала М.Е. Катукова, за Псел юго-восточнее Обояни. В дальнейшем, развернувшись на северо-восток, создать условия для планомерного наступления через Псел остальных сил 4-й танковой армии. 52-му армейскому корпусу предстояло по-прежнему прикрывать левый фланг 48-го танкового корпуса в готовности использовать его успех на своем правом фланге^[672]. На левом фланге армии 167-я пехотная дивизия должна была поддержать наступление 2-го танкового корпуса СС на Провороть, разгромив советские части у Лескова, а в последующем наступать на высоты восточнее Тетеревина. 2-й танковый корпус СС получил задачу разгромить советские войска южнее Прохоровки и создать предпосылки для дальнейшего наступления через Прохоровку.

В свою очередь командующий Воронежским фронтом в ночь на 11 июля принял решение о переходе частью сил в контрнаступление, чтобы окружить и разгромить основную вражескую группировку, рвущуюся к Обояни и Прохоровке^[673]. С этой целью намечалось утром 12 июля силами 5-й гвардейской и 5-й гвардейской танковой армий нанести мощный контрудар из района Прохоровки, а 6-й гвардейской и 1-й танковой армиями – с рубежа Меловое, Орловка в общем направлении на Яковлево. К проведению контрудара привлекались также части сил 40-й, 69-й и 7-й гвардейской армий. С воздуха наземные войска прикрывали 2-я и 17-я воздушные армии.

Решающая роль в контрударе отводилась 5-й гвардейской танковой армии. В оперативное подчинение генералу Ротмистрову распоряжением командующего фронтом были переданы 2-й и 2-й гвардейский Тацинский танковые корпуса, насчитывавшие всего 187 танков и незначительное количество артиллерии. Армия была усилена 10-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригадой, 1529-м полком САУ-152, 1148-м и 1529-м гаубичными, 93-м и 148-м пушечными артиллерийскими полками, 16-м и 80-м гвардейскими минометными полками БМ-13. Все эти части имели большой некомплект штатного вооружения и личного состава из-за потерь в предыдущих боях. По данным штаба армии, к 12 июля она насчитывала 793 танка и 45 САУ, 79 орудий, 330 противотанковых пушек, 495 минометов и 39 реактивных установок БМ-13. П.А. Ротмистров приводит другие сведения: вместе с приданными танковыми соединениями армия имела около 850 танков и САУ^[674].

Генерал Ротмистров решил главный удар нанести силами 18-го, 29-го и 2-го гвардейского Тацинского танковых корпусов вдоль железной и шоссейной дорог и далее на Покровку и Яковлево. 18-му танковому корпусу предстояло ударом вдоль р. Псел уничтожить противника в Красной Дубраве, Больших Маячках, Красной Поляне, а в дальнейшем, повернувшись фронтом на север, обеспечить наступление остальных сил армии в южном направлении. 29-му танковому корпусу предписывалось ударом вдоль железной дороги уничтожить противника в районе Лучки, Большие Маячки, Покровка и быть в готовности в дальнейшем к действиям в южном направлении. 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус получил задачу ударом на Калинин, Лучки уничтожить

противника в районе Яковлево, лес восточнее, а затем быть в готовности действовать в южном направлении. 2-му танковому корпусу предписывалось, оставаясь на занимаемых позициях, прикрывать выход армии на рубеж ввода в сражение, а с началом атаки поддержать танковые корпуса всеми своими огневыми средствами. В резерв командарма выделялись: 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный корпус; отряд генерал-майора К.Г. Труфанова (1-й гвардейский мотоциклетный, 53-й гвардейский тяжелый танковый, 57-й гаубичный артиллерийский, 689-й истребительно-противотанковый артиллерийский полки).

К трем часам утра 12 июля войска 5-й гвардейской танковой армии и дивизии 33-го гвардейского стрелкового корпуса заняли исходные позиции для перехода в атаку. «Уже было подписано и отправлено боевое донесение о том, что армия заняла исходное положение для контрудара и готова к выполнению поставленной задачи. Но в четыре часа утра, – вспоминал П.А. Ротмистров, – последовало приказание командующего фронтом генерала армии Н.Ф. Ватутина срочно направить мой резерв в полосу 69-й армии. Оказалось, что противник вводом в сражение главных сил 3-го танкового корпуса оперативной группы «Кемпф» отбросил части 81-й и 92-й гвардейских стрелковых дивизий и овладел населенными пунктами Ржавец, Рынди́нка, Выползовка. В случае дальнейшего продвижения подвижных частей врага на север создавалась не только угроза левому флангу и тылу 5-й гвардейской танковой армии, но и нарушалась устойчивость всех войск левого крыла Воронежского фронта». В этой связи генерал Ротмистров приказал командиру сводного отряда генералу Труфанову форсированным маршем выдвинуться в полосу 69-й армии в район прорыва и «совместно с ее войсками

остановить танки врага, не допуская их продвижения в северном направлении»^[675].

К шести часам утра стало известно, что 3-й танковый корпус противника продолжает продвижение и находится в 28 км юго-восточнее Прохоровки. По распоряжению представителя Ставки маршала Василевского командующий 5-й гвардейской танковой армией приказал командиру 5-го гвардейского Зимовниковского механизированного корпуса направить из района Красное 11-ю и 12-ю механизированные бригады для усиления сводного отряда генерала Труфанова. Командир 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса получил задание развернуть 26-ю танковую бригаду в районе Плота фронтом на юг и прикрыть левый фланг армии. Вскоре командующий Воронежским фронтом приказал объединить все эти части под командованием генерала Труфанова в оперативную группу с задачей: совместно с 81-й и 92-й гвардейскими стрелковыми дивизиями и 96-й танковой бригадой 69-й армии генерала В.Д. Крюченкина «окружить и уничтожить противника в районе Рындинка, Ржавец и к исходу дня выйти на рубеж Шахово – Щелканово»^[676].

В результате произошло распыление сил 5-й гвардейской танковой армии, а генерал Ротмистров лишился своего мощного резерва. В 5-м гвардейском Зимовниковском механизированном корпусе остались две из четырех бригад: 24-я танковая и 10-я механизированная.

В 8 часов 30 минут 12 июля, после авиационной и артиллерийской подготовки, войска 6-й и 5-й гвардейских армий, 1-й и 5-й гвардейской танковых армий перешли в наступление. На направлении главного удара на участке совхоз Октябрьский, Ямки действовал наиболее сильный по своему составу 29-й

танковый корпус 5-й гвардейской танковой армии. Правее, между р. Псел и совхозом Октябрьский, продвигался ее 18-й танковый корпус, а левее – 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус. На направлении главного удара также были задействованы 42-я гвардейская стрелковая и 9-я гвардейская воздушно-десантная дивизии. В этой связи не совсем корректно высказывание П.А. Ротмистрова о том, что в этом небывалом по размаху танковом сражении «в боевых порядках танков на направлении главного удара пехоты почти не было ни с той, ни с этой стороны»^[677].

Одновременно в наступление перешла и ударная группировка врага. Началось крупное встречное танковое сражение, в котором с обеих сторон участвовало 1160 танков и самоходных (штурмовых) орудий (с советской стороны – 670, со стороны противника – 490)^[678]. В «Отчете о боевых действиях 5 гв. ТА в период с 7 по 27.7.43 г.» отмечалось, что «развернулось необычное по своим масштабам танковое сражение, в котором на узком участке фронта с обеих сторон участвовало более 1500 танков»^[679].

Встречное танковое сражение характеризовалось частым и резким изменением обстановки, активностью, решительностью и большим разнообразием форм и способов боевых действий. На одних направлениях развернулись встречные бои, на других – оборонительные действия в сочетании с контратаками, на третьих – наступление с отражением контратак.

Части 18-го танкового корпуса генерала Б.С. Бахарова, сломив ожесточенное сопротивление противника, к вечеру 12 июля продвинулись всего на 3–4 км, потеряв 55 танков. Командир корпуса принял решение отказаться от дальнейших бесплодных атак и перейти к обороне. Возможно, поэтому генерал Бахаров

приказом наркома обороны Сталина от 25 июля был освобожден от должности и назначен заместителем командира 9-го танкового корпуса.

29-й танковый корпус под командованием генерала И.Ф. Кириченко также преодолел сопротивление противника и к исходу дня продвинулся на 1,5 км. Противник был вынужден отойти в район Грезное. При этом корпус, имевший 212 танков и САУ, потерял 150 машин. 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус перешел в атаку в 10 часов утра, сбил прикрытие противника и начал медленно продвигаться в направлении Ясной Поляны. Однако противник, создав превосходство в силах и средствах, остановил части корпуса, а на отдельных участках и потеснил их. Из 94 танков, участвовавших в наступлении, противник уничтожил 54. Части сводного отряда генерала Труфанова сумели остановить продвижение 3-го танкового корпуса противника. При этом не было должным образом организовано взаимодействие между частями и соединениями. В результате 53-й гвардейский отдельный танковый полк атаковал боевые порядки 92-й гвардейской стрелковой дивизии и 96-й отдельной танковой бригады. После этого полк вступил в огневой бой с танками противника, а затем получил приказ на отход. Приказом командующего 69-й армией генералу Труфанову был объявлен выговор, а командир 92-й гвардейской стрелковой дивизии полковник В.Ф. Трунин позднее был отстранен от занимаемой должности.

Войска 5-й гвардейской армии своим правым флангом, преодолев сопротивление вражеских войск, вышли к северной окраине Кочетовки, а на левом фланге вели оборонительные бои на р. Псел. Войска 6-й гвардейской и 1-й танковой армий хотя и приняли участие в контрударе, но продвинулись на незначительную глубину. Это объясняется главным

образом недостатком времени, которым они располагали для подготовки к контрудару, и слабым артиллерийским и инженерным обеспечением.

Таким образом, войска Воронежского фронта не сумели разгромить группировку противника, вклинившуюся в оборону на 30–35 км. Генерал армии Ватутин в полночь 12 июля докладывал Сталину: «Танковая армия Ротмистрова с приданными ей 2 и 2 гв. тк непосредственно юго-западнее Прохоровка на узком участке фронта сразу вступила во встречное сражение с танковым корпусом СС и 17 тд противника, которые двинулись навстречу Ротмистрову. В результате на небольшом поле произошло ожесточенное массовое танковое сражение. Противник потерпел здесь поражение, но и Ротмистров понес потери и почти не продвинулся вперед. Правда, Ротмистров не вводил войск своего мехкорпуса и отряда Труфанова, которые частично использовались для парирования ударов противника по армии Крюченкина и по левому флангу армии Жадова»^[680]. По уточненным данным, противник 12 июля потерял 200 танков и штурмовых орудий из 420, а 5-я гвардейская танковая армия – 500 танков и САУ из 951^[681].

В половине четвертого утра 13 июля генерал Ротмистров приказал командиру 18-го танкового корпуса закрепиться на занимаемом рубеже, обратив особое внимание на обеспечение правого фланга на рубеже Петровка, Михайловка. Такие же приказы получили и другие корпуса.

Однако все попытки дивизий 33-го гвардейского стрелкового корпуса и корпусов 5-й гвардейской танковой армии потеснить противника 13 июля успеха не имели. Около трех часов ночи 14 июля маршал Василевский докладывал Сталину: «...Вчера сам лично наблюдал к юго-западу от Прохоровки танковый бой

наших 18-го и 29-го корпусов с более чем двумястами танками противника в контратаке. Одновременно в сражении приняли участие сотни орудий и все имеющиеся у нас РСы. В результате все поле в течение часа было усеяно горящими немецкими и нашими танками. В течение двух дней боев 29-й танковый корпус Ротмистрова потерял безвозвратными и временно вышедшими из строя 60 % и 18-й корпус – до 30 % танков. На завтра угроза прорыва танков противника с юга в районе Шахово, Авдеевка, Александровка продолжает оставаться реальной. В течение ночи принимаю все меры к тому, чтобы вывести полки ИПТАП. Учитывая крупные танковые силы противника на прохоровском направлении, здесь на 14.VII главным силам Ротмистрова совместно со стрелковым корпусом Жадова поставлена задача – разгромить противника в районе Сторожевое, севернее Сторожевого, совхоз «Комсомолец», выйти на линию Грезное – Ясная Поляна и тем более прочно обеспечить прохоровское направление»^[682].

Не имело успеха и наступление войск 5-й гвардейской и 5-й гвардейской танковой армий 14–15 июля. Это вынудило 16 июля командующего Воронежским фронтом отдать приказ о переходе к жесткой обороне. К этому времени, как уже отмечалось ранее, Верховное Главнокомандование вермахта также решило прекратить дальнейшее наступление на Курской дуге. 16 июля противник начал планомерный отвод своих главных сил в исходное положение. Войска Воронежского, а в ночь на 19 июля и Степного фронтов перешли к его преследованию и к 23 июля вышли на рубеж Черкасское, (иск.) Задельное, Мелехово и далее по левому берегу р. Северский Донец. В основном это был рубеж, занимаемый советскими войсками до начала операции. На этом завершилась Курская стратегическая

оборонительная операция. Замысел операции «Цитадель» был окончательно похоронен. Советское командование не только разгадало планы врага, но и достаточно точно определило место и время нанесения его ударов. Переход к преднамеренной обороне сыграл свою роль.

В последующем П.А. Ротмистров, подводя итоги сражения под Прохоровкой, отмечал: «Вместе с тем следует заметить, что 5-я гвардейская танковая армия, перед которой была поставлена задача – выйти 12 июля в район Яковлево, Покровка, этой задачи не выполнила. Причин к тому было немало»^[683]. К ним он отнес: превосходство противника в силах над первым эшелоном 5-й гвардейской танковой армии на главном направлении; отход впереди действующих войск и утрата 11 июля рубежей развертывания армии, что сорвало результаты двухдневной напряженной организаторской работы; отсутствие у командующего армией в разгар сражения резерва для развития успеха на направлении главного удара; недостаточное артиллерийское и авиационное обеспечение контрудара танковой армии. Все эти причины стали следствием просчетов, допущенных как командованием Воронежского фронта, так и 5-й гвардейской танковой армии. Кроме того, ввод в сражение армии планировался и был осуществлен в лоб мощной танковой группировке противника.

* * *

В ночь на 24 июля 1943 г. 5-я гвардейская танковая армия без 2-го гвардейского Тацинского и 2-го танковых корпусов, переданных 5-й гвардейской армии, была выведена в резерв Воронежского фронта. Командиры и штабы немедленно приступили к приведению своих

частей и соединений в порядок. Армии совместно с 1-й танковой армией предстояло принять участие в Белгородско-Харьковской стратегической наступательной операции.

Белгородско-Харьковская стратегическая наступательная операция «Полководец Румянцев» (3—23 августа 1943 г.)

В соответствии с замыслом операции «Полководец Румянцев», изложенном в главе «Первая гвардейская танковая армия», войскам 5-й гвардейской танковой армии предстояло развить успех в направлении Золочев, Ольшаны, к исходу третьего дня овладеть районом Ольшаны, Люботин и отрезать пути отхода харьковской группировки на запад. Глубина задачи – около 100 км.

На подготовку к наступлению отводилось 10 суток. В течение этого времени командный состав 5-й гвардейской танковой армии изучал местность в полосе предстоящих действий, характер обороны противника и организовывал взаимодействие. Одновременно ремонтировалась боевая техника и пополнялись запасы материальных средств. Со всеми взаимодействующими частями и соединениями была организована телефонная и радиосвязь, а также связь с использованием подвижных средств. В армии были созданы оперативные группы, которые должны были двигаться за первым эшелоном наступающих войск. При подготовке к наступлению были проведены тренировки и занятия на ящиках с песком с офицерами штабов по отработке управления войсками. Большое внимание уделялось проведению мероприятий по дезинформации противника, что позволило привлечь его внимание к сумскому направлению и обеспечить внезапность ударов в районе Белгорода. Штаб армии отработал план взаимодействия и схему ввода армии в сражение.

Вопросы обеспечения были отражены в планах начальников инженерных войск, разведки и тыла армии. Политическим отделом был составлен план работы на период со 2 по 5 августа.

В состав армии входили один механизированный и два танковых корпуса, отдельный танковый, мотоциклетный, два самоходных артиллерийских, гаубичный артиллерийский, истребительно-противотанковый артиллерийский, гвардейский минометный и легкий бомбардировочный полки, зенитная артиллерийская дивизия и отдельный инженерный батальон. В армии насчитывалось 550 танков.

Генерал Ротмистров решил вводить армию в прорыв в двухэшелонном построении: в первом – 18-й и 29-й танковые корпуса, во втором – 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный корпус. В резерв выделялся отряд генерала К.Г. Труфанова. Для согласования вопросов взаимодействия между 5-й гвардейской армией, 1-й танковой и 5-й гвардейской танковой армиями на командном пункте командующего 5-й гвардейской армией генерала А.С. Жадова было проведено совещание. На нем генералы А.С. Жадов, П.А. Ротмистров и М.Е. Катуков обсудили все вопросы взаимодействия по этапам операции, наметили маршруты движения вводимых в прорыв танковых корпусов в полосе наступления 5-й гвардейской армии.

Вечером 2 августа части первого эшелона 5-й гвардейской танковой армии (18-й и 29-й танковые корпуса) начали выдвижение в исходные районы. В два часа ночи 3 августа они сосредоточились на рубеже Быковка, Крапивенские Дворы, где заняла огневые позиции переброшенная за день до подхода танков армейская артиллерия.

Утром 3 августа после мощной артиллерийской и авиационной подготовки ударные группировки

Воронежского и Степного фронтов перешли в наступление. Одновременно партизаны приступили к проведению в тылу врага операции «Рельсовая война». На Воронежском фронте 5-я и 6-я гвардейские армии к середине дня продвинулись всего на 4–5 км. Поэтому для наращивания удара в полосе 5-й гвардейской армии в сражение были введены соединения первого эшелона танковых армий и 5-й гвардейский танковый корпус. Ввод осуществлялся в узкой полосе: 1-я танковая армия – 4–6 км, а 5-я гвардейская танковая армия – около 5 км. С воздуха соединения генерала Ротмистрова поддерживали 291-я штурмовая авиационная дивизия генерала А.Н. Витрука и 10-й истребительный авиационный корпус полковника М.М. Головни.

Развивая успех стрелковых дивизий, танковые армии завершили прорыв тактической зоны обороны, вышли передовыми частями на рубеж Томаровка, Орловка, продвинувшись на 12–26 км. В результате томаровский и белгородский узлы сопротивления противника были разобщены. В полосе наступления 53-й и 69-й армий Степного фронта в сражение был введен 1-й механизированный корпус, который завершил прорыв главной полосы обороны противника и вышел в район севернее Ракова.

Утром 4 августа ударная группировка Воронежского фронта перешла к преследованию противника. К девяти часам передовые отряды корпусов первого эшелона 5-й гвардейской танковой армии вышли к Орловке и Козичеву. Но здесь их остановила немецкая 6-я танковая дивизия, усиленная частями других соединений. Противник, опираясь на заблаговременно подготовленную оборону по труднопроходимой реке Гостенка, оказывал упорное сопротивление. В результате части 18-го танкового корпуса генерала А.В. Егорова вынуждены были приостановить наступление. Не имел продвижения и 29-й танковый корпус генерала

И.Ф. Кириченко. Командующий армией вынужден был подтянуть артиллерию и ввести в сражение второй эшелон армии – 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный корпус генерала Б.М. Скворцова. Ему было приказано нанести удар на Казачев, Уды в обход левого фланга 6-й танковой дивизии противника и к исходу дня выйти в район Золочева. Но этот план остался нереализованным, так как командующий Воронежским фронтом потребовал повернуть 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный корпус на Белгород, чтобы оказать помощь войскам Степного фронта в овладении городом.

Генерал Ротмистров, оставшись без второго эшелона, срочно ввел в сражение свой резерв (отряд генерала К.Г. Труфанова), поставив ему ту же задачу, что и 5-му гвардейскому Зимовниковскому механизированному корпусу. Одновременно 18-му танковому корпусу было приказано обойти Орловку с северо-запада на Гомзино, а 29-му танковому корпусу – во взаимодействии с войсками 5-й гвардейской армии уничтожить противника в районе Орловки.

Выполняя поставленные задачи, 18-й танковый корпус, обойдя Орловку с запада, к пяти часам вечера 5 августа силами 110-й танковой и 32-й мотострелковой бригад вышел на рубеж Гомзино и развернул наступление на Щетиновку. Части 29-го танкового корпуса, овладев Орловкой, развивали успех на юго-запад. 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный корпус в районе Грезного вошел в соприкосновение с частями 1-го механизированного корпуса. В тот же день войска Степного фронта освободили Белгород.

Генерал Ротмистров для повышения темпов наступления приказал соединениям первого эшелона вести боевые действия и ночью. При этом танковые бригады, наступавшие во втором эшелоне корпусов и,

следовательно, имевшие меньший дневной расход боеприпасов и горючего, к ночи выдвигались в первый эшелон. В это время подтягивались тылы, подвозились для выведенных частей первого эшелона боеприпасы, горючее, восстановленные ремонтниками танки. Такое освежение сил позволяло поддерживать высокий темп наступления. В ночь на 8 августа 181-я танковая бригада подполковника В.А. Пузырева, действуя в качестве передового отряда 18-го танкового корпуса, по заросшей проселочной дороге вышла в тыл противника и внезапно ворвалась в г. Золочев. Главные силы корпуса, выбив противника из Щетиновки и Уды, пришли на помощь 181-й танковой бригаде. К вечеру противник был окончательно разгромлен и отброшен от Золочева на юго-запад.

6-й танковый корпус 1-й танковой армии 7 августа внезапным ударом освободил Богодухов, а 5-й гвардейский танковый корпус – Грайворон, отрезав противнику пути отхода на запад и юг.

В результате успешных действий войск Воронежского и Степного фронтов оборона противника была прорвана в полосе шириной 120 км. Соединения 1-й танковой и 5-й гвардейской танковой армий продвинулись до 100 км, а общевойсковые армии – на 60–65 км. Это вынудило противника начать выдвижение на белгородско-харьковское направление дивизий «Рейх», «Мертвая голова», «Викинг», 3-й танковой дивизии из Донбасса и моторизованной дивизии «Великая Германия» из района Орла.

6 августа представитель Ставки ВГК маршал Г.К. Жуков и командующий Степным фронтом генерал И.С. Конев представили И.В. Сталину план разгрома противника на белгородско-харьковском направлении в два этапа [\[684\]](#).

На первом этапе войскам 53-й армии с 1-м механизированным корпусом предстояло наступать вдоль шоссе Белгород – Харьков, нанося главный удар в направлении Дергачей с выходом на рубеж Ольшаны, Дергачи, где сменить части 5-й гвардейской армии. На 69-ю армию возлагалась задача наступать в направлении Черемошного, овладеть этим населенным пунктом и затем перейти в резерв Степного фронта. Соединениям 7-й гвардейской армии приказывалось наступать из района Пушкарного на Бродок и Бочковку, овладеть рубежом Черкасское, Лозовое, Циркуны, Ключкин. Частью сил армия должна была наступать на Муром, Терновую, чтобы помочь 57-й армии Юго-Западного фронта форсировать р. Северский Донец в районе Рубежное, Старый Салтов. Этой армии предписывалось нанести удар в направлении на Непокрытую, совхоз им. Фрунзе. При этом предлагалось передать армию в состав Степного фронта.

Для проведения второго этапа (Харьковской операции) намечалось передать в состав Степного фронта 5-ю гвардейскую танковую армию, которая должна была выйти в район Ольшаны, Старый Мерчик, Огульцы. Операцию планировалось провести следующим образом. Войска 53-й армии во взаимодействии с 5-й гвардейской танковой армией должны были охватить Харьков с запада и юго-запада. С севера на юг с линии Циркуны, Дергачи предстояло наступать 7-й гвардейской армии, с востока с линии совхоз им. Фрунзе, Рогань, охватывая Харьков с юга, – 57-й армии. Войска 69-й армии намечалось развернуть в стыке между 5-й гвардейской и 53-й армиями в районе Ольшаны с задачей наступать на юг для обеспечения Харьковской операции с юга. Левый фланг Воронежского фронта предусматривалось вывести на линию Отрада, Коломак, Снежков Кут. Эту задачу должны были выполнить 5-я гвардейская армия и левый

фланг 27-й армии. 1-ю танковую армию планировалось сосредоточить в районе Ковяги, Алексеевка, Мерефа.

Одновременно предлагалось силами Юго-Западного фронта нанести удар из района Замостья по обоим берегам р. Мжа на Мерефу. Частью сил фронт должен был наступать через Чугуев на Основу, а также очистить от противника лес южнее Замостья и выйти на рубеж Новоселовка, Охочая, Верхний Бишкин, Геевка.

Для проведения второго этапа операции маршал Жуков и генерал Конев просили выделить для усиления войск 35 тыс. человек пополнения, 200 танков Т-34, 100 танков Т-70 и 35 танков КВ, четыре полка самоходной артиллерии, две инженерные бригады и 190 самолетов.

Сталин утвердил представленный план. По его решению 57-я армия с 24 часов 8 августа передавалась Степному фронту из состава Юго-Западного фронта с задачей ударом в обход Харькова с юга содействовать главной группировке Степного фронта в овладении городом. Основная задача Юго-Западного фронта – нанесение главного удара на юг в общем направлении Голая Долина, Красноармейское, разгром во взаимодействии с Южным фронтом донбасской группировки противника и овладение районом Горловка, Сталино (Донецк). Южному фронту предстояло нанести главный удар в общем направлении Куйбышево, Сталино с целью соединения с ударной группой Юго-Западного фронта. Готовность к наступлению Юго-Западного и Южного фронтов – 13–14 августа. На маршала Жукова возлагалась координация действий Воронежского и Степного фронтов, на маршала Василевского – Юго-Западного и Южного фронтов^[685].

Войска 5-й гвардейской танковой армии, переданные 9 августа в подчинение Степному фронту, на следующий день начали перегруппировку в район

Богодухова. Главные силы 1-й танковой армии к этому времени вышли к р. Мерчик. Войска 6-й гвардейской армии вышли в район Краснокутска, а соединения 5-й гвардейской армии охватили Харьков с запада. Войска Степного фронта подошли к внешнему оборонительному обводу города и нависли над ним с севера. Соединения 57-й армии, переданной 8 августа в Степной фронт, подходили к Харьков с юго-востока.

10 августа Сталин направил представителю Ставки ВГК маршалу Жукову директиву № 30163 об использовании танковых армий для изоляции харьковской группировки противника:

«Ставка Верховного Главнокомандования считает необходимым изолировать Харьков путем скорейшего перехвата основных железнодорожных и шоссейных путей сообщения в направлениях на Полтаву, Красноград, Лозовую и тем самым ускорить освобождение Харькова.

Для этой цели 1-й танковой армией Катюкова перерезать основные пути в районе Ковяги, Валки, а 5-й гв. танковой армией Ротмистрова, обойдя Харьков с юго-запада, перерезать пути в районе Мерефы»^[686].

Генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн, стремясь ликвидировать прорыв советских войск, подтянул к Харьков 3-й танковый корпус (около 360 танков), который намеревался использовать совместно с оперативной группой «Кемпф» для удара по восточному флангу вклинившихся советских войск. «Одновременно, – пишет Манштейн, – по западному флангу должна была нанести удар 4-я танковая армия силами двух танковых дивизий, возвращенных группой «Центр», и одной мотодивизии. Но было ясно, что этими силами и вообще силами группы нельзя было далее удерживать линию фронта»^[687].

11 августа между 1-й танковой армией и 3-м танковым корпусом противника произошло встречное сражение, в ходе которого ему удалось остановить войска армии. В тот же день Ставка ВГК своей директивой № 30164 приказала командующему войсками Степного фронта принять все меры к тому, чтобы 5-я гвардейская танковая армия, не ожидая полного сосредоточения, выступила по маршруту Ковяги, Валки, Новая Водолага и закрыла пути отхода противника из района Мерефы. Частью сил требовалось занять переправы на р. Мжа на участке Соколово, Мерефа^[688].

Утром 12 августа между 1-й танковой армией (134 танка) и 3-м танковым корпусом (около 400 танков) снова развернулось встречное сражение, в ходе которого противник вынудил армию перейти к обороне, а затем потеснил ее на 3-4 км. На помощь 1-й танковой армии в середине дня пришли части 5-й гвардейской танковой армии и 32-й гвардейский стрелковый корпус. Они совместными усилиями остановили противника. На следующий день вступили в сражение соединения 6-й и 5-й гвардейских армий. При поддержке фронтовой авиации наземные войска нанесли врагу большие потери, а затем и отбросили его в исходное положение.

После этого войска 1-й и 5-й гвардейской танковых армий перешли к обороне. Он осуществлялся в тех боевых порядках, в которых они вели наступательные действия, стараясь сосредоточить основные усилия на закреплении занятого рубежа. Поэтому вторые эшелоны и резервы корпусов располагались на удалении 2-3 км от переднего края, а затем глубина обороны постепенно возрастала. Оборона носила очаговый характер с созданием системы танковых засад, противотанковых районов и минно-взрывных заграждений. Засады располагались в шахматном

порядке на глубину 2–3 км совместно с подразделениями автоматчиков и противотанковой артиллерии. Противотанковые районы (истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион или полк в каждом) создавались в корпусном и армейском звеньях на важнейших направлениях.

Танковые армии имели одноэшелонное построение и довольно низкие плотности сил и средств. Оборонительные действия они вели совместно с подходившими стрелковыми соединениями общевойсковых армий: 1-я танковая армия с 23-м гвардейским стрелковым корпусом 6-й гвардейской армии; 5-я гвардейская танковая армия с 32-м гвардейским стрелковым корпусом 5-й гвардейской армии.

Быстрый переход к обороне и умелое ее ведение позволили 5-й гвардейской танковой армии отразить контрудары противника. При этом она в течение трех дней понесла небольшие потери – всего 38 танков и САУ^[689].

12 августа Ставка ВГК директивой № 10165 поставила войскам Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов новые задачи^[690]. О них подробно сказано в главе «Первая гвардейская танковая армия». Напомним только, что Воронежскому фронту предписывалось ударом 1-й танковой армии в общем направлении Валки, Новая Водолага совместно с 5-й гвардейской танковой армией отрезать пути отхода харьковской группировки на юг и юго-запад. После ее разгрома и овладения г. Харьков предписывалось продолжать наступление в общем направлении Полтава, Кременчуг и к 23–24 августа выйти главными силами на рубеж станция Ярески, Полтава, (иск.) Карловка. В дальнейшем намечалось выйти к р. Днепр на участке Кременчуг, Орлик, предусмотрев захват

переправ через реку подвижными частями. Для обеспечения наступления ударной группировки требовалось правым крылом фронта к 23–24 августа выйти на р. Псел, где прочно закрепиться.

Тем временем противник не отказался от своего замысла. После неудачных попыток прорвать оборону соединений первого эшелона 5-й гвардейской танковой армии он решил обойти ее с левого фланга. 15 августа части танковой дивизии СС «Рейх» прорвали оборону 13-й гвардейской стрелковой дивизии, оборонявшейся на левом фланге 5-й гвардейской танковой армии, и устремились в направлении Лозовая, Богодухов. Генерал Ротмистров в 10 часов 16 августа приказал 53-му танковому полку (общий резерв) и артиллерийско-противотанковому резерву армии выдвинуться из Богодухова в район южнее Лозовой. К трем часам дня они прибыли в назначенный район, заняли оборону и, встретив противника огнем всех средств, остановили его продвижение. Своевременный маневр резервами во многом способствовало отказу противника от дальнейших наступательных действий на этом направлении.

Новый удар противник нанес утром 18 августа из района Ахтырки силами двух танковых и двух моторизованных дивизий и отдельным танковым батальоном, оснащенным танками «Тигр» и «Пантера». Им удалось прорвать оборону войск 27-й армии. Одновременно из района южнее Краснокутска танковая дивизия «Мертвая голова» нанесла удар на Каплуновку. Попытка командующего Воронежским фронтом контрударом разгромить ахтырскую группировку противника успеха не имела. Ему удалось остановить наступление войск Воронежского фронта и даже в отдельных местах потеснить их. После вмешательства Сталина представитель Ставки ВГК маршал Жуков и командующий Воронежским фронтом приняли меры к

локализации прорыва ахтырской группировки противника. В сражение были введены 4-я гвардейская армия с 3-м гвардейским танковым корпусом и 47-я армия с 3-м гвардейским механизированным корпусом. Они во взаимодействии с войсками 27-й и 6-й гвардейской армий, 2-м и 10-м танковыми корпусами к 27 августа разгромили ахтырскую группировку противника и начали наступать к Днепру.

В эти дни 53-я армия Степного фронта продолжала теснить врага на харьковском направлении. 1-й механизированный корпус завязал бои за Пересечную, а стрелковые части очистили лесной массив северо-западнее Харькова. Войска 69-й армии начали обтекать Харьков с северо-запада и запада. Для ускорения освобождения города 5-я гвардейская танковая армия (без 29-го танкового корпуса) была переброшена из-под Богодухова в район северо-западнее Харькова. Ломая сопротивление противника, части 18-го танкового и 5-го гвардейского Зимовниковского механизированного корпусов к исходу дня 22 августа освободили Коротич, а танковые бригады 57-й армии вышли на рубеж Безлюдовка и южнее, охватив харьковскую группировку врага с юго-востока. В ночь на 23 августа начался штурм города. Утром Харьков был полностью очищен от врага.

С освобождением Харькова завершилась Белгородско-Харьковская стратегическая наступательная операция, а вместе с ней и вся Курская битва. Их итоги подведены в главе, посвященной 1-й гвардейской танковой армии.

* * *

После завершения Белгородско-Харьковской операции командующий Степным фронтом генерал И.С.

Конев, стремясь не допустить организованного отхода противника к Днепру, 27 августа 1943 г. поставил 5-й гвардейской танковой армии задачу совместно с 5-й гвардейской армией отбросить противника от Харькова на юго-запад. К этому времени в соединениях 5-й гвардейской танковой армии насчитывалось всего 66 исправных танков, что составляло 12 % их первоначальной численности. Штабы корпусов имели укомплектованность офицерами, не превышавшую 30-35 %, почти 85 % командиров рот и батальонов выбыли из строя^[691].

В этих условиях генерал П.А. Ротмистров принял решение укомплектовать оставшимися танками и личным составом по одной бригаде в каждом корпусе, усилить их артиллерийскими средствами и объединить в сводный армейский отряд под командованием генерала Б.М. Скворцова – командира 5-го гвардейского Зимовниковского механизированного корпуса. Весь же остальной состав выводился в район сосредоточения для укомплектования и восстановления боеспособности частей.

Части 5-го гвардейского Зимовниковского механизированного корпуса 29 августа с боем овладели районом Буды и вышли к р. Мжа. Остальные соединения, уже без танков, по приказу командующего Степным фронтом были сосредоточены в районе Старого Мерчика, где совместно с войсками 53-й армии вели бои с 31 августа по 2 сентября.

8 сентября была издана директива № 40727 Генштаба о выводе в резерв Ставки ВГК 5-й гвардейской танковой армии (18-й, 29-й танковые и 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный корпуса, 53-й отдельный гвардейский танковый, 1-й гвардейский мотоциклетный, 678-й гаубичный артиллерийский, 76-й гвардейский минометный, 1529-й

и 1549-й самоходные артиллерийские, 689-й истребительный противотанковый артиллерийский полки, 6-я зенитная артиллерийская дивизия, 994-й отдельный авиаполк связи). Армия к утру 10 сентября должна была сосредоточиться в районе Дергачи, Пересечная, Подворки. Все имеющиеся танки, кроме командирских, а также самоходные артиллерийские установки требовалось оставить во фронте^[692].

3 октября директивой № 30211 Ставки ВГК 5-я гвардейская танковая армия с 7 октября снова была передана в состав войск Степного фронта^[693]. Переброску армии из района Харькова в новый район дислокации требовалось произвести следующим порядком: гусеничные машины и тяжелые грузы – по железной дороге; все остальные – своим ходом (на автотранспорте). Начало погрузки в 20.00 8 октября на станциях Слатино, Дергачи, Харьков и Основа, а выгрузка на станции Полтава. В течение двух суток войска армии перегруппировались из Полтавы к переправам через Днепр, где были тщательно замаскированы.

Участие 5-й гвардейской танковой армии в боевых действиях на криворожском направлении (15 октября - 9 декабря 1943 г.)

К началу октября 1943 г. войска Степного фронта, форсировав с ходу Днепр, захватили плацдармы на его правом берегу. В первой половине октября они вели тяжелые бои за удержание и расширение плацдармов, объединив их в один общий плацдарм южнее Кременчуга. Войскам Степного фронта предстояло с этого плацдарма нанести удар в общем направлении на Пятихатку и Кривой Рог, овладеть Пятихатками, развить успех в сторону Апостолово и отрезать пути отхода на запад днепропетровской группировке противника,

сдерживающей наступление войск Юго-Западного фронта. Главный удар наносили 5-я гвардейская и 37-я армии. Соединения 5-й гвардейской танковой армии должны были вступить в сражение в стыке этих армий и, развивая успех в юго-западном направлении на Пятихатки, обходным маневром с юго-запада и юго-востока овладеть Кривым Рогом. Одновременно частью сил армии следовало развивать наступление на Александрию и Кировоград, отрезая пути отхода днепропетровской группировке врага.

В ночь на 15 октября танки и САУ 5-й гвардейской танковой армии, используя четыре 40-тонных паромы, переправились через Днепр в районе Мишурина Рога и северо-западнее. Колесный транспорт двигался по двум понтонным мостам. Утром войска Степного фронта с кременчугского плацдарма перешли в наступление. Противник оказывал ожесточенное сопротивление. По решению командующего фронтом генерала армии И.С. Конева в пять часов вечера в полосе 5-й гвардейской армии был введен в сражение 18-й танковый корпус 5-й гвардейской танковой армии. Внезапность и решительность удара соединений корпуса позволила им быстро прорвать вражескую оборону и в течение ночи продвинуться на 25 км. В ходе наступления тяжелое ранение получил командир 18-го танкового корпуса генерал К.Г. Труфанов, которого заменил его заместитель полковник А.Н. Фирсович. Однако в ночных условиях он потерял управление частями. Это вынудило генерала Ротмистрова приостановить их наступление, с тем чтобы дать время собраться и привести себя в порядок. С разрешения генерала армии Конева командарм ввел в сражение свой второй эшелон – 29-й танковый корпус генерала И.Ф. Кириченко, двигавшийся ночью в колоннах за 18-м танковым корпусом. Соединения генерала Кириченко к ночи

ворвались в Пятихатку, овладев этим крупным городом и железнодорожным узлом.

По приказу Гитлера на пятихаткинское направление началась срочная переброска из резерва Ставки Верховного Главнокомандования вермахта танкового корпуса СС с задачей восстановить положение. Вскоре танковые дивизии этого корпуса начали угрожать правому крылу Степного фронта, развернутому на юго-запад. Генерал армии Конев, узнав о сосредоточении здесь свежих сил противника, решил повернуть на западное направление 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный корпус.

19 октября соединения 7-го механизированного и 29-го танкового корпусов освободили Пятихатки. После этого войска 5-й гвардейской танковой армии устремились на Кривой Рог. Противник оказывал ожесточенное сопротивление. В результате войска армии затратили на преодоление более 30-километрового расстояния от Пятихаток до Кривого Рога около трех суток.

К исходу 23 октября передовые части 18-го и 29-го танковых корпусов вышли на подступы к Кривому Рогу. Части 18-го танкового корпуса с десантами мотострелков на танках ворвались на окраину города, но контратакой противника были отброшены назад. Части 5-го гвардейского Зимовниковского механизированного корпуса, выдвинутые на правое крыло 2-го Украинского фронта^[694], попали под мощный удар танкового корпуса СС и понесли значительные потери. Противник, развивая успех, обрушился на тылы 29-го танкового корпуса, штурмовавшего Кривой Рог. Это вынудило генерала Ротмистрова отвести корпус на р. Ингулец, в район Недай-Вода, где он перешел к обороне. К тому времени 5-я гвардейская танковая армия понесла большие потери. В 18-м танковом

корпусе осталось всего 49 исправных танков, а в 29-м – 26 боевых машин [\[695\]](#).

Несмотря на это, генерал армии Конев требовал овладеть Кривым Рогом. В 6 часов 24 октября, после непродолжительной артиллерийской подготовки, 18-й и 29-й танковые корпуса при поддержке авиации снова перешли в наступление. Части 29-го танкового корпуса были остановлены противником на северной окраине города. Соединения 18-го танкового к 8 часам с ходу форсировали р. Саксагань у кирпичного завода и ворвались в Кривой Рог. После ожесточенных боев, израсходовав горючее и боеприпасы, части корпуса вынуждены были отойти из города на исходный рубеж.

Генерал Ротмистров, убедившись, что силами двух ослабленных непрерывными боями танковых корпусов овладеть Кривым Рогом не удастся, доложил об этом генералу армии Коневу. С его согласия 18-й и 29-й танковые корпуса были отведены на р. Ингулец, где они заняли оборону впереди стрелковых соединений 37-й армии по рубежу Петрово, Недай-Вода, Лозоватка. 5 ноября командующий 2-м Украинским фронтом, учитывая большие потери войск 5-й гвардейской танковой армии, приказал вывести их в район Пятихатки для доукомплектования.

Несмотря на то что не удалось овладеть Кривым Рогом, Ставка ВГК не отказалась от замысла по разгрому никопольско-криворожской группировки противника. По директиве № 30238 от 5 ноября эта задача возлагалась на три Украинских фронта (2, 3 и 4-й) [\[696\]](#). Войскам 2-го Украинского фронта ставилась следующая задача:

«Прочно закрепившись на ныне занимаемом рубеже, нанести удар силами 37, 57 и 5-й гв. танковой армий в общем направлении Лозоватка, Широкое, обходя Кривой Рог с запада, и во взаимодействии с 3-м

Украинским фронтом разбить криворожскую группировку противника, овладеть Кривым Рогом и выйти на рубеж Петрово, Гуровка, (иск.) Широкое. Разгранлиния слева прежняя. Наступление начать не позже 12-14 ноября».

3-му Украинскому фронту, продолжая наступление, предстояло главный удар нанести правым крылом в направлении Софиевка, Долгинцево, оказать содействие 2-му Украинскому фронту в овладении Кривым Рогом и выйти на рубеж Широкое, Апостолово. Войска 4-го Украинского фронта, продолжая операцию по вторжению в Крым, должны были главные усилия направить на ликвидацию каменского плацдарма противника (южнее Никополя) и форсирование р. Днепр на участке Никополь, Большая Лепетиха.

5-ю гвардейскую танковую армию планировалась ввести в прорыв из района Петрово в полосе наступления 57-й армии. Наступление было назначено на 11 ноября, но затем в связи с запозданием подвоза войскам горючего, боеприпасов и продовольствия было перенесено на два дня.

К началу наступления 5-я гвардейская танковая армия насчитывала 358 танков и САУ^[697]. По решению генерала Ротмистрова армия имела двухэшелонное оперативное построение: в первом – 18-й и 29-й танковые корпуса, во втором – 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный корпус. В резерв был выделен 7-й механизированный корпус, еще не закончивший к тому времени доукомплектование.

Утром 14 ноября после непродолжительной, но довольно мощной артиллерийской подготовки войска 57-й армии перешли в наступление. Вскоре в сражение были введены 18-й и 29-й танковые корпуса. Темп их продвижения был невысоким. Противник оказывал упорное сопротивление. Проливные дожди сделали

грунтовые дороги и поля непроходимыми для колесного транспорта. Танки имели возможность двигаться только на первой скорости. Лишенные маневра, войска 5-й гвардейской танковой и 57-й армий втянулись в тяжелые позиционные бои и за неделю продвинулись всего на 8—10 км.

В это время наметился успех в полосе действий 53-й и 5-й гвардейской армий. Генерал армии Конев решил немедленно перебросить на это направление 5-ю гвардейскую танковую армию. К вечеру 5 декабря части 18-го и 29-го танковых корпусов, тесно взаимодействуя с соединениями 5-й гвардейской армии, ворвались на северную и восточную окраины Знаменки. После упорных боев город 9 декабря был очищен от противника. Приказом Верховного Главнокомандующего от 10 декабря 1943 г. 18-му и 29-му танковым корпусам, 32, 110, 181-й танковым и 53-й мотострелковой бригадам было присвоено почетное наименование «Знаменских». После овладения Знаменкой 5-я гвардейская танковая была выведена в резерв и начала подготовку к Кировоградской наступательной операции.

Кировоградская наступательная операция (5—16 января 1944 г.)

К началу января 1944 г. в состав 2-го Украинского фронта входили 52-я, 4-я гвардейская, 53-я, 5-я гвардейская, 7-я гвардейская, 57-я, 37-я (14 января 1944 г. передана в состав 3-го Украинского фронта), 5-я гвардейская танковая, 5-я воздушная армии. Фронт насчитывал 500 тыс. человек, около 500 танков и САУ, около 7 тыс. орудий и минометов, более 500 самолетов. Противостоявшая ему 8-я армия группы армий «Юг» имела более 420 тыс. человек, 520 танков и штурмовых орудий, свыше 5 тыс. орудий и минометов, около 500 самолетов. Противник имел равное количество

самолетов, незначительное преимущество в танках и САУ, но уступал войскам фронта в 1,2 раза по личному составу и в 1,4 раза – по орудиям.

29 декабря 1943 г. Ставка ВГК направила командующему 2-м Украинским фронтом директиву № 30272, в которой говорилось:

«В связи с успешным наступлением войск 1-го Украинского фронта Ставка Верховного Главнокомандования, во изменение директивы № 30262 от 9.12.1943 г., приказывает:

1. 2-му Украинскому фронту, прочно удерживая занимаемый рубеж на своем левом крыле, не позднее 5 января 1944 г. возобновить наступление, нанося главный удар на Кировоград силами не менее четырех армий, из которых одна танковая.

2. Ближайшая задача – разбить кировоградскую группировку противника и занять Кировоград, охватывая его с севера и юга. В дальнейшем овладеть районом Ново-Украинка, Помошная и наступать на Первомайск с целью выхода на р. Южный Буг, где и закрепиться.

3. Одновременно нанести вспомогательный удар силами двух армий в общем направлении Шпола, ст. Христиновка»^[698].

Эта директива легла в основу планирования Кировоградской наступательной операции. Ее замысел состоял в том, чтобы силами 53-й, 5-й гвардейской армий, 5-го гвардейского и 7-го механизированных корпусов обойти Кировоград с северо-запада, а 5-й гвардейской танковой и 7-й гвардейской армий – с юго-запада, окружить и уничтожить кировоградскую группировку противника. Вспомогательный удар на правом крыле наносили 52-я и 4-я гвардейская армии.

Ввод подвижной группы фронта (5-й гвардейской танковой армии) намечался в полосе 7-й гвардейской

армии. Она не имела танков НПП, а плотность артиллерии не превышала 120 орудий и минометов на 1 км участка прорыва. Поэтому командующий фронтом генерал армии И.С. Конев приказал для непосредственной поддержки пехоты выделить из состава 5-й гвардейской танковой армии 32-ю и 181-ю танковые бригады.

Командующий фронтом решил ввести в сражение 5-ю гвардейскую танковую армию сразу же после прорыва общевойсковыми соединениями первой позиции обороны противника, на что им отводилось два часа, и совместно с пехотой завершить прорыв тактической зоны обороны. Она должна была во взаимодействии с 7-й гвардейской армией наступать в направлении на Покровское, форсировать р. Ингул в районе Клинцы, охватом Кировограда с юга и юго-запада во взаимодействии с подвижной группой 5-й гвардейской армии (7-й механизированный корпус) окружить противника в городе и разгромить подходящие вражеские резервы.

По решению генерала Ротмистрова, утвержденному командующим фронтом, главные силы 5-й гвардейской танковой армии сосредоточивались на левом фланге. В первом эшелоне должны были наступать 18-й и 29-й танковые корпуса, за ними, составляя второй эшелон, – переданный армии 8-й механизированный корпус под командованием генерала А.М. Хасина.

Противник, придавая большое значение удержанию Кировограда, сосредоточил здесь крупные силы: три пехотные, одну моторизованную, авиаполевую и три танковые дивизии. Кроме того, в резерве он имел две дивизии: танковую и пехотную. Восточнее Кировограда была заблаговременно создана сильно укрепленная оборона.

Наступление войск 2-го Украинского фронта началось утром 5 января 1944 г. в условиях густого

тумана, который не позволял применить авиацию. Противник оказал упорное сопротивление, в результате чего стрелковые соединения 7-й гвардейской армии сумели за два часа боя продвинуться всего около двух километров. Поэтому с разрешения генерала армии Конева командующий 5-й гвардейской танковой армией в полдень ввел в сражение 18-й и 29-й танковые корпуса. В это время соединения 5-й гвардейской армии быстро взломали вражескую оборону. Для наращивания усилий в сражение по решению командарма генерала А.С. Жадова был введен 7-й механизированный корпус генерала Ф.Г. Каткова, который стремительно вышел к р. Ингул, создав угрозу обхода Кировограда с северо-запада. Однако в дальнейшем темп наступления начал падать. Генерал армии Конев, стремясь развить успех 5-й гвардейской армии, приказал передать в подчинение генерала Жадова 8-й механизированный корпус. Командующему 5-й гвардейской армией была поставлена задача с утра 6 января «развить энергичное наступление 7-м и 8-м механизированными корпусами в обход Кировограда с северо-запада в общем направлении на Грузкое, разъезд Лелековка с целью перерезать пути, ведущие из Кировограда на запад и северо-запад, и во взаимодействии с войсками 5-й гвардейской танковой армии овладеть Кировоградом»^[699].

В одиннадцать часов вечера 5 января части 18-го и 29-го танковых корпусов возобновили наступление. Разгромив остатки противотанкового узла противника в Плавнях, они продвинулись на 10 км и к утру 6 января вышли на рубеж Покровское, Рыбчино. Развивая наступление, 31-я танковая бригада полковника А.М. Попова к полудню завязала бой на восточной окраине Клинцов. Вскоре сюда подошли и остальные соединения 29-го танкового корпуса. Южнее наступал 18-й

танковый корпус, который к часу дня, переправившись через р. Ингул, начал стремительно продвигаться на северо-запад. С ходу преодолев второй оборонительный рубеж врага, созданный по р. Аджамка, части 29-го танкового корпуса в ночь на 7 января прорвались к юго-восточной окраине Кировограда. 18-й танковый корпус овладел Федоровкой и, прикрыв свой южный фланг, главными силами к утру вышел к Ново-Павловке, перерезав шоссейную дорогу Кировоград – Ровное. В это время передовые части 7-го и 8-го механизированных корпусов, развивая наступление на Грузкое, перехватили железную и шоссейную дороги Кировоград – Ново-Украинка в районе разъезда Лелековка, завершив оперативное окружение противника в Кировограде. 8 января город был освобожден. Успех, достигнутый войсками 5-й гвардейской танковой армии, обошелся в 139 потерянных танков и САУ, или около 60 % боевого состава^[700].

Одновременно с наступлением на кировоградском направлении войска 52-й армии нанесли удар на Христиновку, а 53-я армия с 5-м гвардейским механизированным корпусом – на Малые Виски. Однако противник, перебросив к району Малые Виски крупные резервы, остановил продвижение 52-й и 53-й армий. Ввод в сражение 5-й гвардейской танковой армии в полосе 53-й армии также не дал желаемых результатов.

В Кировоградской операции войска 2-го Украинского фронта продвинулись на 40–50 км, но соединиться с 1-м Украинским фронтом на правом берегу Днепра не смогли. Поэтому противник еще владел на Правобережной Украине значительной территорией, примыкавшей к Днепру и получившей название корсунь-шевченковского выступа.

***Корсунь-Шевченковская наступательная
операция (24 января - 17 февраля 1944 г.)***

Противник, удерживая корсунь-шевченковский выступ, не давал возможности сомкнуть смежные фланги 1-го и 2-го Украинских фронтов, сковывал свободу их маневра и задерживал выход к Южному Бугу. Германское командование рассчитывало использовать этот район в качестве плацдарма для масштабного наступления с целью восстановить линию фронта по западному берегу Днепра. Командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн планировал нанести удар по советским войскам, продвигавшимся в глубь брешки между 4-й и 1-й танковыми армиями, с трех сторон – с востока, запада и юга. Он, как и Ставка Верховного Главнокомандования вермахта, надеялся, что в связи с началом распутицы войска Красной Армии не смогут наступать в прежних масштабах, поэтому рассчитывал получить передышку на южном участке Восточного фронта. При этом планировалось сильными ударами отбросить советские войска к Днепру, сохранить за собой богатые промышленные и сельскохозяйственные районы Правобережной Украины и установить сухопутную связь с крымской группировкой войск вермахта.

Противник принимал спешные меры для создания в районе корсунь-шевченковского выступа устойчивой обороны, чему благоприятствовала местность в этом районе. Многочисленные реки, ручьи, овраги с крутыми склонами, большое число крупных населенных пунктов способствовали созданию оборонительных рубежей и отсечных позиций. Наиболее прочная оборона с развитой системой инженерных сооружений и различного рода заграждениями была создана в вершине выступа – на участке Кагарлык, Мошны. На участке Мошны, Смела передний край обороны

проходил по сильно заболоченной местности. Поэтому оборона здесь состояла из отдельных опорных пунктов, перехватывающих основные дороги. К югу от Смелы оборона была двухполосная. Передний край ее проходил по берегу р. Тясмин и по высотам. Главная полоса состояла из опорных пунктов и узлов сопротивления, местами соединенных траншеями. Внутри опорных пунктов была оборудована развитая система траншей и ходов сообщения, построено большое количество дзотов. Опорные пункты и узлы сопротивления с фронта и флангов прикрывались минными полями и проволочными заграждениями. Вторая полоса обороны, проходившая по рубежу Ташлык, Пасторское, Тишковка, не была полностью оборудована. Вдоль р. Ольшанка, на участке Млеев, Топильно, проходила отсечная позиция фронтом на юго-восток.

Перед войсками 1-го Украинского фронта, особенно на участке к югу от Ольшаны, оборона противника в инженерном отношении была развита слабее. На этот рубеж враг отступил только 10-12 января 1944 г. и поэтому не успел достаточно укрепить его. Здесь имелся ряд опорных пунктов, промежутки между которыми прикрывались заграждениями. В лесах противник устроил завалы и засеки, минировал их противотанковыми и противопехотными минами.

Непосредственно в корсунь-шевченковском выступе на участке Тиновка, Баландино оборонялись правофланговые соединения 1-й танковой армии и левофланговые соединения 8-й полевой армии группы армий «Юг», которую поддерживала авиация 4-го воздушного флота (около 1000 самолетов). Все дивизии противника, хотя и понесли значительные потери в предыдущих боях, были вполне боеспособны. В районе западнее и северо-западнее Кировограда в резерве находились 5 танковых дивизий, две из которых были в

резерве 8-й армии. К тому же в районе юго-западнее Охматова действовали три танковые дивизии 1-й танковой армии, которые вражеское командование также могло быстро перебросить в район корсунь-шевченковского выступа.

Ликвидация корсунь-шевченковского выступа и разгром оборонявшей его группировки противника были возложены директивой № 220006 Ставки ВГК от 12 января 1944 г. на войска 1-го и 2-го Украинских фронтов^[701]. Они должны были «окружить и уничтожить группировку противника в звенигородско-мироновском выступе путем смыкания левофланговых частей 1-го Украинского фронта и правофланговых частей 2-го Украинского фронта где-нибудь в районе Шполы, ибо только такое соединение войск 1-го и 2-го Украинских фронтов даст им возможность развить удар для выхода на р. Южный Буг». В соответствии с этим требовалось от 1-го Украинского фронта главные усилия 27-й армии, 5-го гвардейского танкового корпуса и части сил 40-й армии направить на овладение рубежом Тальное, Звенигородка с последующим выдвижением подвижных частей на Шполу. В случае необходимости разрешалось привлечь к этой операции 104-й стрелковый корпус. 2-му Украинскому фронту предписывалось главные усилия 52-й, 4-й гвардейской, части сил 53-й армий и не менее двух механизированных корпусов направить на овладение рубежом Шпола, Новомиргород и в районе Шполы соединиться с войсками 1-го Украинского фронта. Главные усилия авиации обоих фронтов следовало направить на содействие войскам в выполнении этой задачи.

1-й Украинский фронт должен был начать наступление 26 января, а 2-й Украинский – на день раньше. Это обуславливалось разницей расстояний,

которые должны преодолеть ударные группировки фронтов до Звенигородки – пункта, где они должны были соединиться. Координацию действий войск обоих фронтов осуществлял представитель Ставки ВГК маршал Г.К. Жуков.

Директива Ставки ВГК послужила основой для планирования наступательных операций во фронтах. От 1-го Украинского фронта к операции привлекались 40-я, 27-я, 6-я танковая армии, 11-й гвардейский танковый корпус и 64-я гвардейская танковая бригада 1-й танковой армии^[702], часть сил 2-й воздушной армии, от 2-го Украинского фронта – 52-я, 4-я гвардейская, 53-я, 5-я гвардейская танковая, 5-я воздушная армии и 5-й гвардейский кавалерийский корпус. Кроме того, для участия в операции был выделен 10-й истребительный авиационный корпус ПВО страны.

Замыслом операции предусматривалось нанести войсками двух фронтов встречные удары под основание выступа и соединиться в районах Шполы, Звенигородки, окружить и уничтожить группировку противника. Один удар из района южнее Белой Церкви наносился войсками левого крыла 1-го Украинского фронта (40-я, 27-я и 6-я танковая армии), другой – из района севернее Кировограда войсками правого крыла 2-го Украинского фронта (4-я гвардейская, 53-я и 5-я гвардейская танковая армии).

Командующий 2-м Украинским фронтом генерал армии И.С. Конев решил главный удар нанести севернее Кировограда смежными флангами 4-й гвардейской и 53-й армий (14 стрелковых дивизий) при поддержке авиации фронта. После прорыва обороны противника на 19-километровом участке Вербовка, Васильевка эти армии должны были развивать наступление на Шполу, Звенигородку. При этом 4-я гвардейская армия под командованием генерала А.И. Рыжова (с 3 февраля в

командование армией вступил генерал И.К. Смирнов) нацеливалась на внутренний фронт, а 53-я армия генерала И.В. Галанина – на внешний фронт окружения.

5-ю гвардейскую танковую армию (218 танков и 18 САУ) планировалось ввести в сражение в полосе 53-й армии^[703]. В ее задачу входило: завершить прорыв обороны противника и, стремительно развивая наступление, к исходу второго дня выйти в район Шполы, в дальнейшем овладеть Звенигородкой и, соединившись с подвижными войсками 1-го Украинского фронта, замкнуть кольцо окружения и вместе с 53-й армией образовать внешний фронт.

Кроме главного удара, предполагалось еще нанести два вспомогательных удара: 5-й гвардейской армией генерала А.С. Жадова и 7-й гвардейской армией генерала М.С. Шумилова в районе западнее и юго-западнее Кировограда, а силами 52-й армии генерала К.А. Коротеева – в направлении Малое Староселье, Городище. Если удары 5-й и 7-й гвардейских армий предназначались для отвлечения сил и внимания врага от направления главного удара, то наступление 52-й армии проходило в тесном взаимодействии с ударной группировкой фронта. Эта армия должна была принять активное участие в разгроме корсунь-шевченковской группировки. 5-й гвардейский Донской кавалерийский корпус генерала А.Г. Селиванова находился в резерве. Его предусматривалось использовать во взаимодействии с 5-й гвардейской танковой армией для удара по тылам корсунь-шевченковской группировки.

6-ю танковую армию впервые в Великой Отечественной войне намечалось использовать в первом эшелоне оперативного построения фронта. Она должна была развивать наступление и соединиться с танковой группировкой войск 2-го Украинского фронта в районе Звенигородки.

В связи с тем, что в общевойсковых армиях 2-го Украинского фронта было мало танков НПП, несколько танковых соединений и частей 5-й гвардейской танковой армии привлекалось для прорыва обороны противника в полосе 53-й армии. С выходом в оперативную глубину танковые армии предусматривалось применить для окружения корсунь-шевченковской группировки противника и создания условий для ее быстрее уничтожения.

К началу операции было создано превосходство над противником по пехоте в 1,7 раза, артиллерии – в 2,4, танкам и САУ – в 2,7 раза. По авиации силы сторон были примерно равными. На направлении главного удара в результате проведенных перегруппировок войска 1-го Украинского фронта имели почти двукратное превосходство по пехоте и трехкратное по танкам и артиллерии, а 2-й Украинский фронт – более чем трехкратное по пехоте, шестикратное по артиллерии и десятикратное по танкам.

Операция готовилась в сложной обстановке. На 2-м Украинском фронте в трудных условиях была осуществлена большая перегруппировка войск. Необходимо было скрытно и быстро перебросить на север и подготовить для нанесения удара главные силы, в том числе 5-ю гвардейскую танковую армию, действовавшую на левом крыле 2-го Украинского фронта в районе Кировограда, где только что закончились бои. Рано начавшаяся на Украине оттепель и распутица затрудняли маневр войск, подвоз материальных средств и использование авиацией грунтовых аэродромов.

Все перегруппировки происходили ночью с жестким регулированием движения, по строго определенным маршрутам и графику. Особенно искусно и дисциплинированно совершила перегруппировку на расстояние более 100 км 5-я гвардейская танковая

армия. Для достижения внезапности при перегруппировке войск на направление главного удара были приняты самые строгие меры по оперативной маскировке и дезинформации. С этой целью создавались ложные районы сосредоточения танков и артиллерии, ложные огневые позиции, имитировались ложные передвижения войск и техники. Все это, вместе взятое, во многом способствовало успеху операции. Большое внимание уделялось боевой и политической подготовке войск, отработке вопросов организации взаимодействия и управления, разведке противника, изучению его обороны и подготовке передовых (штурмовых) батальонов.

Наступление войск 52-й, 4-й гвардейской и 53-й армий 2-го Украинского фронта началось утром 24 января. Для того чтобы избежать артиллерийской подготовки по частям прикрытия врага и установить истинное положение его главной полосы обороны, было решено вначале провести мощный, но короткий артиллерийский налет и сразу же начать наступление передовыми батальонами. В случае их успеха ввести в действие основные силы ударной группировки фронта. Такой метод прорыва обороны противника оказался эффективным. Атака передовых батальонов, начавшаяся на рассвете, была внезапной. Они прорвали оборону противника на участке 16 км и к исходу дня 24 января на направлении главного удара вклинились в оборону на глубину 2–6 км.

25 января в сражение были введены главные силы 4-й гвардейской и 53-й армий, а во второй половине дня – и 5-я гвардейская танковая армия. Они расширили прорыв до 25 км по фронту и до 16 км в глубину. Соединения 5-й гвардейской танковой армии, оторвавшись от стрелковых частей, преодолели вторую полосу обороны врага и овладели с ходу Капитоновкой и Журовкой, закрепились на достигнутых рубежах и

развернули левофланговые соединения на юг с целью расширения прорыва в сторону флангов.

С утра 26 января войска 5-й гвардейской танковой армии продолжили наступление на Шполу. Одновременно в наступление перешла ударная группировка 1-го Украинского фронта – 40-я армия, сводный отряд 27-й армии и 6-я танковая армия. Наступление развивалось медленно. 6-я танковая армия в первый день продвинулась всего на 2–5 км.

Противник, стремясь ликвидировать прорыв, 26–28 января нанес контрудары по флангам ударной группировки 2-го Украинского фронта (три танковыми дивизиями с юга, одной танковой и тремя пехотными дивизиями с севера) в общем направлении на Капитановку. Артиллерия и танковые соединения фронтов при поддержке авиации отбили контрудар противника. Ударные группировки фронтов продолжали наступать.

Войска действовали в весьма сложной обстановке. Как только 20-й и 29-й танковые корпуса, наступавшие в первом эшелоне 5-й гвардейской танковой армии, вырвались в оперативную глубину, противник нанес контрудар по горловине прорыва и затянул ее. Танковые соединения оказались отрезанными от главных сил фронта и от второго эшелона своей армии. Тогда генерал П.А. Ротмистров ввел в сражение свой второй эшелон – 18-й танковый корпус с задачей открыть горловину прорыва. Одновременно 29-му танковому корпусу было приказано занять оборону на рубеже Водяное, Липянка фронтом на юг и преградить путь вражеским резервам к Днепру.

На звенигородском направлении наступление продолжал только 20-й танковый корпус генерал-лейтенанта танковых войск И.Г. Лазарева. Его 155-я танковая бригада подполковника И.И. Прошина совместно с 8-й гвардейской танковой бригадой

полковника В.Ф. Орлова освободила 27 января г. Шпола. На следующий день 20-й танковый корпус и танковая группа 1-го Украинского фронта (233-я танковая бригада, 1228-й самоходный артиллерийский полк; командующий – генерал-майор танковых войск М.И. Савельев) заняли Звенигородку. В результате был охвачен правый фланг противника в корсунь-шевченковском выступе. Десять вражеских дивизий и одна бригада оказались зажаты в кольцо. Они насчитывали около 80 тыс. солдат и офицеров, до 1600 орудий и минометов, более 230 танков и штурмовых орудий^[704]. Это вынудило противника прекратить контрудары против войск 1-го Украинского фронта восточнее Винницы и севернее Умани, а для деблокады окруженных войск направить 8 танковых и 6 пехотных дивизий.

После завершения окружения корсунь-шевченковской группировки противника на 5-ю гвардейскую и 6-ю танковые армии было возложено образование внешнего фронта окружения. Одновременно общевойсковые армии (27-я, 4-я гвардейская) и 5-й гвардейский кавалерийский корпус образовали сплошной внутренний фронт окружения.

Противник перед внешним фронтом окружения на участке 2-го Украинского фронта в начале февраля имел 10 дивизий, из них 5 танковых (17, 11, 14, 13 и 3-я), 5 пехотных (34, 198, 167, 320 и 376-я), а также 4 бригады штурмовых орудий. С 4 по 10 февраля были дополнительно подтянуты 1-я и 16-я танковые дивизии, танковая дивизия «Адольф Гитлер», 106-я пехотная дивизия, 4 танковых батальона и 3 дивизиона штурмовых орудий. Таким образом, у противника на внешнем фронте окружения стало 14 дивизий, из них 8 танковых с плотностью 8,8 км на дивизию. Танковая группировка врага насчитывала до 600 танков и

штурмовых орудий^[705]. Соотношение сил на внешнем фронте окружения по дивизиям было 1,3:1 в пользу войск 2-го Украинского фронта, а по числу танков противник превосходил советские войска.

К этому времени танковые армии 1-го и 2-го Украинских фронтов понесли значительные потери: в 6-й танковой армии осталось всего около 100 танков и 20 САУ, а в 5-й гвардейской танковой армии – 250 танков и САУ^[706]. Командующие 1-м и 2-м Украинскими фронтами, учитывая это, а также необходимость ведения танковыми объединениями оборонительных действий, приняли меры к их усилению. 6-й танковой армии был придан 47-й стрелковый корпус, а 5-й гвардейской танковой армии – 49-й стрелковый корпус, 34-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада и 5-я инженерно-саперная бригада РКК.

Танковые армии занимали оборону в полосах до 50–60 км каждая, имея в первом эшелоне стрелковый, танковый (механизированный) корпуса, а во втором – танковый (механизированный) корпус. Ширина полосы обороны танковых и механизированных корпусов составляла 18–20 км, а танковых и мотострелковых бригад – 7–8 км. В каждой армии были созданы артиллерийско-противотанковый резерв (самоходная и противотанковая артиллерия) и подвижной отряд заграждения (до двух саперных рот с запасом противотанковых мин). Для повышения устойчивости обороны были созданы противотанковые районы (6–8 на корпус) с использованием в них противотанковой, самоходной и части полевой артиллерии стрелковых соединений. Кроме того, организовывалась система танковых засад, а часть танков и САУ эшелонировалась в глубину. Для отражения ударов вражеских резервов на внешнем фронте привлекались корпуса первых эшелонов, вторые эшелоны и резервы.

Утром 1 февраля, сосредоточив на участке Юркова, Лысянка четыре танковые дивизии (13, 11, 3 и 14-ю), противник перешел в наступление в направлении Крымки против 5-й гвардейской танковой и 53-й армий. Одновременно навстречу деблокирующей группировке противник нанес удар из кольца окружения силами до двух пехотных дивизий и полка 14-й танковой дивизии в направлении Бурты. Деблокирующей группировке удалось в районе села Водяное потеснить советские части на 5 км к северу и овладеть населенным пунктом Крымки. Удар противника из кольца окружения успеха не имел. Части 52-й и 4-й гвардейской армий отразили все попытки противника и к исходу дня 5 февраля овладели важным опорным пунктом противника Вязовок. В тот же день 5-й гвардейский кавалерийский корпус обходным маневром занял Вербовку и Ольшаны.

Часть сил противника, в том числе до 100 танков 16-й танковой дивизии, 4 февраля нанесла удар на Павловку и Красиловку^[707]. В отражении этой попытки принимал участие и 11-й гвардейский танковый корпус 1-й танковой армии, находившийся в оперативном подчинении командующего 40-й армией^[708]. Он во взаимодействии со 104-м стрелковым корпусом отразил все атаки врага.

Попытка противника прорваться к окруженным войскам в полосе 5-й гвардейской танковой армии также оказалась сорванной. Хотя враг и вклинился на узком участке на 4–5 км, но контратаками вторых эшелонов армии и резервами 7 февраля был полностью остановлен и на этом направлении.

8 февраля советское командование предложило окруженной группировке прекратить сопротивление. Однако ультиматум был отклонен. Поэтому войска 1-го и 2-го Украинских фронтов возобновили наступление.

11 февраля до восьми танковых дивизий предприняли наступление на внешнем фронте окружения, нанося удар на Лысянку из районов западнее Ризино и Ерки. Навстречу им рвались части окруженной группировки. Все атаки на Ерки были отбиты, но в районе Буки противник сумел несколько потеснить войска 1-го Украинского фронта и к исходу дня выйти на рубеж Виноград, Бужанка. Для недопущения прорыва противника в стык фронтов командующий 2-м Украинским фронтом к 10 часам утра 12 февраля перебросил в район Майдановки 27-ю танковую бригаду, которая была подчинена командующему 4-й гвардейской армией. Частям 21-го гвардейского стрелкового корпуса было приказано прочной обороной не допустить прорыва танков противника с юга на северо-восток и восток для выручки окруженных.

Одновременно генерал армии Конев решил вывести 5-ю гвардейскую танковую армию с внешнего фронта окружения в коридор прорыва к району Лысянки с задачей не допустить выхода окруженной группировки из котла на стыке двух фронтов и соединения ее с танковой группировкой врага, наступающей с внешнего фронта. Этот маневр был по обстановке необходимым, но в то же время рискованным, так как противник продолжал массированные танковые атаки на внешнем фронте окружения. Командующий 1-м Украинским фронтом также принял соответствующие меры и перебросил в район Виноград, Лысянка стрелковые войска и артиллерию. Кроме того, на этот участок выдвигалась из резерва Ставки ВГК 2-я танковая армия.

Выполняя поставленную задачу, 5-я гвардейская танковая армия к 11 февраля 29-м танковым корпусом сосредоточилась в районе Княжье, Лозоватка, 18-м танковым корпусом – в Михайловке, 20-м танковым корпусом – в Звенигородке. Для занятия обороны по р.

Гнилой Тикич 12 февраля на участок Октябрь, Лысянка, Майдановка, Звенигородка выходили войска 4-й гвардейской армии, что позволило надежно обеспечить стык фронтов от прорыва танковой группировки противника к Лысянке из района Рубаный Мост, Ризино. Для усиления направления Стеблев, Шендеровка (внутренний фронт окружения), где действовали войска 27-й армии 1-го Украинского фронта, генерал армии Конев повернул 5-й гвардейский кавалерийский корпус на 180° т. е. на запад, на Шендеровку.

Противник не оставлял надежды на прорыв из котла. 12 февраля ему удалось потеснить советские войска и выйти в район Шендеровки. Возникла реальная угроза деблокады окруженной группировки. Это обеспокоило И.В. Сталина. В директиве № 220021 Ставки ВГК, направленной представителю Ставки маршалу Г.К. Жукову, говорилось:

«Прорыв корсуньской группировки противника из района Стеблева в направлении Шендеровки произошел потому, что:

во-первых, несмотря на мои личные указания, у Вас не было продуманного общего плана уничтожения корсуньской группировки немцев совместными усилиями 1-го и 2-го Украинских фронтов;

во-вторых, слабая по своему составу 27-я армия не была своевременно усилена;

в-третьих, не было принято решительных мер к выполнению моих указаний об уничтожении в первую очередь стеблевского выступа противника, откуда вероятнее всего можно было ожидать попыток его прорыва.

Должен указать Вам, что я возложил на Вас задачу координировать действия 1-го и 2-го Украинских фронтов, а между тем из сегодняшнего Вашего доклада видно, что несмотря на всю остроту положения Вы недостаточно осведомлены об обстановке: Вам

неизвестно о занятии противником Хилек и Ново-Буды; Вы не знаете решения Конева об использовании 5 гв. кк и танкового корпуса Ротмистрова с целью уничтожения противника, прорывающегося на Шендеровку.

Сил и средств на левом крыле 1-го Украинского фронта и на правом крыле 2-го Украинского фронта достаточно, чтобы ликвидировать прорыв противника и уничтожить его корсуньскую группировку.

Т р е б у ю от Вас, чтобы Вы уделили выполнению этой задачи главное внимание»[\[709\]](#).

По решению Сталина директивой № 220022 руководство всеми войсками, действовавшими на внутреннем фронте, было возложено на командующего 2-м Украинским фронтом генерала армии Конева, а маршал Жуков должен был координировать действия фронтов на внешнем фронте окружения[\[710\]](#).

Генерал армии Конев потребовал от войск 27-й армии стойко оборонять занимаемые позиции, а от 4-й гвардейской армии – перейти в наступление с юга на север, рассечь противника на части и пленить его. На внешнем фронте окружения приказывалось иметь маневренный резерв и заслон от наступающей танковой группировки противника со стороны Лысянки. На 5-ю гвардейскую танковую армию возлагалась задача по оказанию помощи 4-й гвардейской армии в рассечении окруженной группировки противника на части, а также по выполнению роли ударной маневренной группы в случае прорыва противника из кольца или с внешнего фронта окружения. С целью укрепления положения 27-й армии в район Джурженцы выдвигался 18-й гвардейский танковый корпус. Этой армии приказывалось отбить атаки противника из Стеблева на Шендеровку. Войска 53-й армии должны были создать жесткую противотанковую оборону на внешнем фронте, а 5, 7 и 57-я армии – иметь резервы на случай маневра в

районах окруженной группировки и перехода в наступление по общему плану фронта. 5-й воздушной армии приказывалось нанести удары с воздуха по танковым частям противника, парализовать действия его авиации, стремившейся оказать помощь окруженным дивизиям, а также надежно прикрывать свои войска с воздуха. В резерв фронта был выведен 5-й гвардейский кавалерийский корпус.

Задача 5-й гвардейской танковой армии, связанная с маневром на новое направление, была довольно трудной. Непролазная грязь сковывала движение танков. Несмотря на это, соединения армии вышли в указанный район, лишив противника возможности прорыва из окружения. Он в течение 13 и 14 февраля частью сил во взаимодействии с 5-м гвардейским кавалерийским корпусом вели бои с противником в районе Ново-Буды и Комаровки, а основными силами, взаимодействуя с 6-й и 2-й танковыми армиями 1-го Украинского фронта, наносили удары по вклинившейся группировке противника в районе Лысянки.

На внутреннем фронте окружения войска 2-го Украинского фронта, продвигаясь вперед, сжимали кольцо и 14 февраля освободили г. Корсунь-Шевченковский. К этому времени сила деблокирующей группировки врага была истощена, и окруженные части получили приказ пробиваться самостоятельно в южном направлении. В ночь на 17 февраля противник предпринял еще одну попытку прорыва из окружения в направлении Лысянки. Однако в ходе ожесточенных боев большая часть окруженной группировки (42-й и 11-й армейские корпуса) была уничтожена или взята в плен. По данным генерала Меллентина, около 35 тыс. человек, бросивших тяжелое вооружение и транспорт, просочились мелкими группами под покровом сильного снегопада. Э. Манштейн считал, что из окружения вышли 30 000—32 000 человек. «Так как в нем

находилось 6 дивизий и одна бригада, – пишет Манштейн, – при учете низкой численности войск это составляло большую часть активных штыков»^[711]. Всего же противник, с учетом потерь на внешнем фронте окружения, лишился 70 тыс. человек. Генерал Ф. Меллентин, комментируя решение Гитлера удерживать корсунь-шевченковский выступ, отмечал: «Результатом такого решения оказался новый Сталинград, – правда, масштабы катастрофы на этот раз были меньше»^[712].

В ходе Корсунь-Шевченковской операции войска 1-го и 2-го Украинских фронтов приковали к себе до половины всех танковых и более двух третей воздушных сил противника, действовавших на Правобережной Украине. Это облегчило 3-му и 4-му Украинским фронтам проведение Никопольско-Криворожской операции. Особенностью Корсунь-Шевченковской операции было использование танковых армий на ее первом этапе для окружения врага, а на втором этапе – для отражения сильных ударов противника на внешнем фронте. В этой операции был получен первый опыт применения двух танковых армий (5-й гвардейской и 6-й) навстречу друг другу с целью замыкания кольца окружения вокруг крупной вражеской группировки. При этом танковые армии показали высокую маневренность, мощь и силу своих ударов в наступлении, стойкость и упорство в обороне. Заслуги командующего 5-й гвардейской танковой армией П.А. Ротмистрова были отмечены присвоением ему 21 февраля 1944 г. воинского звания маршала бронетанковых войск.

Уманско-Ботошанская наступательная операция (5 марта - 17 апреля 1944 г.)

После завершения Корсунь-Шевченковской операции главным силам 2-го Украинского фронта

противостояла 8-я армия группы армий «Юг» (командующий – генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн). С целью разгрома уманской группировки противника, рассеяния войск группы армий «Юг» и освобождения юго-западных областей Украины силами 2-го Украинского фронта была проведена Уманско-Ботошанская наступательная операция. В операции принимали участие три танковые армии: 5-я гвардейская, 6-я и 2-я.

Состав и соотношение сил сторон, замысел операции и задачи войск 2-го Украинского фронта подробно изложены в главе, посвященной 2-й гвардейской танковой армии. Поэтому напомним только, что согласно замыслу операции предусматривалось силами 27-й, 52-й, 4-й гвардейской общевойсковых, 2-й, 5-й гвардейской и 6-й танковых армий нанести главный удар с рубежа Виноград, Звенигородка, Шпола в направлении на Умань. Вспомогательный удар из района Кировограда в направлении на Ново-Украинку наносили 7-я и 5-я гвардейские армии.

В соответствии с планом, разработанным 26 февраля представителем Ставки маршалом Г.К. Жуковым и командующим войсками 2-го Украинского фронта маршалом И.С. Коневым, намечалось 5-ю гвардейскую танковую армию в первый день операции ввести в прорыв на участке 4-й гвардейской армии. Она должна была на второй день операции главными силами овладеть районом Умань, Кочержинцы, Громы, Степковка и выбросить передовые отряды на р. Южный Буг в район Юзефполь, Голосково [\[713\]](#).

Переход в наступление Ставка ВГК наметила на 6 марта, но войска 2-го Украинского фронта начали его раньше, 5 марта, чтобы не дать противнику лишнего времени для организации обороны.

К началу операции 5-я гвардейская танковая армия включала два танковых и один механизированный корпус, отдельный танковый, мотоциклетный, гаубичный артиллерийский, истребительно-противотанковый артиллерийский, ночной бомбардировочный авиационный полки, зенитную артиллерийскую дивизию

Армия насчитывала всего 196 танков и САУ. Всего же с учетом 2-й и 6-й танковых армий фронт располагал 670 танками и САУ^[714]. По существу, в танковых армиях не доставало 75 % боевых машин. Из общего числа танков и САУ на направлении главного удара использовалась 631 боевая машина. Из-за недостатка танков НПП в трех общевойсковых армиях, действовавших на направлении главного удара (ширина 25 км), из состава 2-й и 5-й гвардейской танковых армий предусматривалось выделить передовые отряды с группами по 20-30 танков, которые должны были перейти в атаку совместно с пехотой и фактически выполнять задачи танков НПП. Войска 5-й гвардейской танковой армии были обеспечены автобензином на 2,1, а дизельным топливом – на 2,6 заправки.

Перед началом операции 4 марта была проведена разведка боем с целью уточнения переднего края обороны противника, его огневых средств и некоторого улучшения исходного положения для наступления. В результате удалось подтвердить прежние данные о группировке противника, о силах и нумерации его частей, а также выявить ряд дополнительных данных об огневых средствах врага и системе его огня.

Наступление началось 5 марта после мощной артиллерийской подготовки и развивалось успешно. С целью наращивания силы удара и развития наступления на главном направлении в сражение в первый же день были введены 2-я и 5-я гвардейская

танковые армии. Войска 5-й гвардейской танковой армии вошли в прорыв в полосе 4-й гвардейской армии с рубежа Рыжановка, Ольховец с задачей совместно со стрелковыми частями и войсками 2-й танковой и 52-й армий уничтожить уманскую группировку противника. Такой способ ввода танковой армии был обусловлен неглубоким построением обороны противника, низкими плотностями танков НПП, а также условиями весенней распутицы, когда замедление с вводом могло привести к задержке развития прорыва.

К исходу дня 7 марта 6-я танковая армия совместно с частями 27-й армии овладела селом Кишенцы и вела бой за Нестеровку. Соединения 52-й армии вышли на рубеж западная окраина Попуженцы, Веселый Кут, а 4-я гвардейская армия продвинулась на глубину до 17 км. Войска 5-й гвардейской танковой армии, отразив контратаки 13-й и 14-й танковых дивизий врага, на участке Кардашовка, Дальняя вышли на северный берег р. Горный Тикич и завязали бои за переправы. 53-я армия, используя успех 4-й гвардейской армии, развернула наступление во фланг противника и, свертывая его оборону, вышла к населенному пункту Стебная.

Таким образом, войска 2-го Украинского фронта в течение трех дней на направлении главного удара расширили прорыв до 80 км и продвинулись в глубину обороны противника до 50 км. С выходом подвижных соединений на р. Горный Тикич были созданы благоприятные условия для нанесения удара на Христиновку и Умань.

8 марта в наступление на Ново-Украинку перешли войска левого крыла 2-го Украинского фронта. Они прорвали оборону противника на участке шириной 12 км и продвинулись в глубину до 7 км. Такое незначительное продвижение объяснялось малой плотностью артиллерии и почти полным отсутствием

танков НПП. На уманском направлении армии фронта к исходу 9 марта продвинулись еще до 25–30 км и расширили фронт наступления до 170 км. Для поддержания высоких темпов наступления в сражение была введена 6-я танковая армия, которая 9 марта стремительным ударом с двух сторон овладела Христиновкой.

К исходу дня 10 марта 29-й танковый корпус 5-й гвардейской танковой армии под командованием генерала И.Ф. Кириченко, действуя из района Машурова и совершив 40-километровый бросок в тыл противника, ворвался на юго-восточную окраину Умани. В тот же день войска 2-й танковой армии во взаимодействии с 5-й гвардейской танковой и 52-й армиями полностью овладели Уманью, захватив свыше 500 исправных танков и более 350 орудий^[715].

11 марта Ставка ВГК своей директивой потребовала от командующего 2-м Украинским фронтом, преследуя отходящего противника, не дать ему возможности организовать оборону на р. Южный Буг и овладеть рубежом Муровано-Куриловцы, Могилев-Подольский, р. Днестр, захватив на реке переправы. Главную группировку фронта предписывалось вывести в район Могилев-Подольский, Ямполь. Одновременно левым крылом фронта предстояло наступать в направлении Ново-Украинка, Первомайск, Рыбница. В дальнейшем предписывалось овладеть районом Бельцы, Кишинев и выйти на р. Прут на государственную границу СССР^[716].

В соответствии с этим маршал Конев приказал войскам фронта стремительно преследовать разбитого противника на подходах к Южному Бугу. Подвижные соединения должны были отрезать части противника от переправ и захватить переправы и плацдармы на правом берегу реки. Войскам 5-й гвардейской танковой армии надлежало форсировать Южный Буг на участке

Гайворон, Юзефполь, а затем, развивая наступление в направлении на Катошин, Опелюхи, Олыпанки, захватить переправу через Днестр у г. Сороки. Для успешного решения этой задачи приказывалось создать отряды преследования, состоящие из пехоты на подводах, артиллерии на конной тяге, автомашин высокой проходимости, а также танков и саперных частей. Им предстояло выходом на тылы и фланги врага отрезать ему пути отхода.

Выполняя поставленные задачи, войска 2-й и 5-й гвардейской танковых армий, а также 27-й, 52-й и 4-й гвардейской армий к исходу дня 11 марта, преодолевая сопротивление противника, передовыми отрядами вышли к Южному Бугу и овладели районными центрами Джулинка и Гайворон, расположенными на южном берегу. На ново-украинском направлении продолжали наступление части 5-й и 7-й гвардейских армий.

16 марта соединения 5-го механизированного корпуса 6-й танковой армии ударом с востока и 16-го танкового корпуса 2-й танковой армии с юго-востока освободили Вапнярку. На следующий день передовые отряды войск правого крыла 2-го Украинского фронта захватили плацдармы на правом берегу Днестра южнее Могилева-Подольского. В результате возникла реальная угроза как для 1-й танковой армии противника, так и для группы армий «А», остановившей войска 3-го Украинского фронта на р. Южный Буг. В тот же день маршал Конев потребовал от армий левого крыла фронта стремительно развивать наступление, захватить переправы через Днестр в районах Рыбницы и Дубоссар, а частью сил двинуться на Бендеры.

20 марта войска 5-й гвардейской армии вышли на Южный Буг и вели бои за Первомайск. На следующий день к реке подошли войска 7-й гвардейской армии и завязали бои за переправы. Войска правого крыла фронта продолжали форсирование Днестра и вели бои

по овладению плацдармом на правом берегу, расширив его до 80 км по фронту и до 40 км – в глубину.

Сталин, ошибочно полагая, что для окружения 1-й танковой армии вполне хватит сил 1-го Украинского фронта, директивой № 220054 от 22 марта приказал войскам 2-го Украинского фронта оказать содействие 3-му Украинскому фронту. Его войска, встретив сильное сопротивление противника на нижнем течении р. Южный Буг, отстали от соединений 2-го Украинского фронта. В директиве говорилось:

«1. 2-му Украинскому фронту своим левым крылом, включая 5 гв. ТА, нанести удар с фронта Кодыма, Песчана, Первомайск на юг, по восточному берегу р. Днестр с задачей овладеть рубежом Бендеры, Тирасполь, Раздельная, отбрасывая противника к Черному морю и не допуская его отхода за р. Днестр.

2. Правым крылом фронта выйти на р. Прут, нанося одновременно удар силами одной-двух общевойсковых армий с двумя танковыми армиями на юг, по западному берегу р. Днестр с задачей овладеть рубежом Унгены, Кишинев.

3. 5 гв. кк использовать для развития удара на Кишинев по западному берегу р. Днестр.

4. Наступление на юг, по западному берегу р. Днестр начать не позднее 24-25.03.1944 г.

5. Наступление по восточному берегу р. Днестр продолжать»[\[717\]](#).

Реализация этого плана позволяла полностью прижать 6-ю армию противника к морю.

Маршал Конев, выполняя директиву Сталина, приказал армиям правого крыла фронта продолжать наступление с тем, чтобы выйти на р. Прут на участке Липканы, Яссы. Армии центра и левого крыла должны были продолжать наступление по обоим берегам Днестра в общем направлении на Бендеры с целью

совместно с войсками 3-го Украинского фронта сжать группу противника между Днестровским лиманом и Черным морем. Ближайшая цель состояла в том, чтобы отрезать пути отхода противнику на запад, захватить переправы через Днестр у Рыбницы, Дубоссар, Бендер и овладеть Яссами, Кишиневом, Бендерами, Тирасполем и Раздельной. От войск 5-й гвардейской танковой армии требовалось, развивая всеми силами наступление на юг в общем направлении на Кадым, Слободку, Ставрово, Тирасполь, занять к исходу дня 22 марта район Слободки и станцию Обходная. К вечеру 28 марта армия должна была овладеть Бендерами и Тирасполем, захватить переправы на Днестре и отрезать пути отхода противнику на запад. На 6-ю танковую армию возлагалась задача по переходу с утра 24 марта в решительное наступление и к исходу дня 26 марта овладеть районом Унгены, (иск.) Пырлица, Петешты. В дальнейшем приказывалось развивать наступление на Болдурешты, Ниспоряны, Лопушно, Котовское, Бендеры, ударом с юга содействовать 2-й танковой армии в захвате Кишинева. С выходом в район Скулян армия должна была выделить сильный разведывательный отряд на Яссы и Хуши. 2-й танковой армии, как уже говорилось ранее, приказывалось к исходу дня 29 марта овладеть Кишиневом и развить удар на Бендеры с целью отрезать противника от переправ на Днестре^[718].

Войска 2-го Украинского фронта с утра 22 марта продолжили наступление. Соединения 5-й гвардейской армии овладели Первомайском, форсировали Южный Буг и вели бои по расширению плацдарма. Части 5-й гвардейской танковой армии развивали наступление на железнодорожную станцию Рыбница. Однако, пройдя с боями до 80 км, ее корпуса к вечеру 23 марта вынуждены были остановиться из-за нехватки горючего. В 20-м танковом корпусе в баках танков

имелось всего 20–40 литров дизтоплива, а в 18-м танковом корпусе – 10–15 литров. По распоряжению маршала Конева с самолетов Ли-2 было сброшено на парашютах 15 т горючего. Это позволило танковым частям возобновить наступление.

25 марта войска 2-го Украинского фронта вышли на р. Прут, а на следующий день передовые отряды 27-й и 52-й армий уже занимали 85-километровый участок вдоль советско-румынской границы. К этому времени танковые армии понесли значительные потери в материальной части, главным образом по техническим причинам, из-за бездорожья и грязи. В 5-й гвардейской танковой армии имелось всего 9 танков и 7 САУ. Всего же в трех танковых армиях насчитывалось 85 танков и 25 САУ^[719].

26 марта маршал Конев получил директиву № 220058 Ставки ВГК, в которой говорилось:

«С выходом войск правого крыла фронта на р. Прут захватить переправы и обеспечить эти переправы занятием на правом берегу р. Прут предмостных плацдармов, каждый протяжением по фронту 15–25 км и в глубину не менее 10–12 км, которые прочно за собой закрепить. Главным силам правого крыла фронта закрепиться на левом берегу р. Прут и организовать оборону, подтянуть артиллерию усиления, тылы и своим устойчивым положением на р. Прут обеспечивать наступление главных сил фронта на юг по обоим берегам р. Днестр. Наступление к западу от р. Прут начинать только по особому приказу Ставки»^[720].

В соответствии с этой директивой маршал Конев уточнил задачи войскам фронта. Войска 4-й гвардейской армии, усиленные 75-м стрелковым корпусом, должны были наступать на Кишинев. Для развития ее наступления намечалось использовать 5-й гвардейский Донской кавалерийский корпус, которому

предстояло к исходу дня 30 марта захватить переправы через реки Реут и Оргеев, отрезать противника от переправ на Днестре на участке Рыбница, Дубоссары и не допустить его прорыва на правобережье реки. Войскам 5-й гвардейской танковой и 5-й гвардейской армий приказывалось наступать по левому берегу Днестра.

В ночь на 28 марта войска правого крыла 2-го Украинского фронта форсировали Прут и заняли ближние подступы к Яссам и Кишиневу, где встретили ожесточенное сопротивление противника. Он, сдерживая наступление 3-го Украинского фронта, перебрасывал силы на кишиневское направление, т. е. против войск 2-го Украинского фронта, идущих на выручку войскам 3-го Украинского фронта. К 5 апреля на кишиневское направление были переброшены 123, 62, 46, 79-я пехотные и 24-я танковая дивизии и ряд других частей, отведенных с левого берега Днестра. Данные разведки, допросы пленных и другие источники информации говорили о том, что противник стремится организовать прочную оборону на кишиневском направлении, чтобы задержать выход войск 2-го Украинского фронта в тыл немецкой 6-й армии.

5 апреля Ставка ВГК директивой № 220072 приказала маршалу Коневу в связи с беспрепятственным продвижением разведывательных отрядов 40-й и 27-й армий между реками Прут и Сирет «выдвинуть, возможно, быстрее правое крыло фронта на рубеж р. Сирет, р. Бахлуй и овладеть районом Дорохой, Батошани, Яссы»^[721].

В тот же день маршал Конев направил Сталину доклад № 00281/оп плана развития наступления на южном направлении^[722]. На правом крыле фронта войска 40-й и 27-й армиям должны были нанести главный удар в направлении Болотино, Тыргу-Фрумос,

Роман, Бакэу и овладеть рубежом Рэдэуци, Фэлтичени, Тыргу-Нями, Пятра, Бакэу. После этого 40-й армии предстояло перейти к обороне для обеспечения правого крыла фронта. В последующем намечалось вывести на главное направление 7-ю гвардейскую армию и 5-ю гвардейскую танковую армию в составе двух танковых корпусов, пополнив ее 120 танками. Начало операции – 8 апреля. На левое крыло фронта (4-я гвардейская, 53-я и 5-я гвардейская, 2-я и 6-я танковые армии) возлагалась задача по овладению районом Кишинева и выходу на р. Прут. В дальнейшем планировалось нанести удар на Фокшаны.

Сталин 6 апреля утвердил представленный план, потребовав незамедлительно перевести на западный берег Прута одну танковую армию (2-ю или 6-ю). Для наступления на Кишинев он считал достаточным использование двух танковых армий (5-й гвардейской, 6-й или 2-й). 7-ю гвардейскую армию надлежало перегруппировать в район западнее Рыбницы ^[723].

Войска 2-го Украинского фронта, выполняя поставленные задачи, вышли на р. Серет и захватили плацдарм на ее западном берегу. Соединения 2-й танковой армии, имевшей всего 20 танков, не сумели овладеть Кишиневом. Это вынудило войска фронта в середине апреля перейти к обороне на достигнутом рубеже.

В ходе Уманско-Ботошанской операции была разгромлена 8-я армия, а также частично 1-я танковая армия и рассечен фронт группы армий «Юг». 10 дивизий противника потеряли 50–75 % личного состава и почти все тяжелое вооружение. Войска 2-го Украинского фронта продвинулись на 200–250 км, освободили значительную территорию Правобережной Украины и Молдавии, вышли в северо-восточные районы Румынии. Операция характерна применением в составе

главной группировки фронта в узкой полосе одновременно трех танковых армий, гибким управлением, быстрым реагированием командования на изменения обстановки и четкой организацией взаимодействия между армиями и авиацией фронта.

* * *

После перехода войск 2-го Украинского фронта к обороне началось их пополнение личным составом, оружием и боевой техникой. Одновременно была организована боевая подготовка. 27 мая 1944 г. в штаб 5-й гвардейской танковой армии поступила директива № 293747 Генштаба, в которой говорилось:

«Верховный Главнокомандующий приказал:

1. 5-ю гв. танковую армию отправить по жел. дороге в резерв Ставки. Погрузка – с 18.00 28 мая в районе Бельцы, Дармонет и Верешты, темп – 8.

2. Армию отправить в составе 3-го гв. и 29-го танковых корпусов со всеми частями усиления и боевого обеспечения, учреждениями обслуживания и армейскими тылами.

3. Все части и соединения отправить со всем наличием личного состава, со всеми исправными и требующими текущего ремонта танками и самоходными артустановками, со всем вооружением, имуществом и автотранспортом, не допуская никаких изъятий перед отправкой.

4. На путь следования армию обеспечить: боеприпасами – 2 боекомплекта, горючего – 2 заправки и продовольствием – на 20 суток»[\[724\]](#).

Всю переписку и переговоры по вопросам, связанным с отправкой армии, разрешалось вести только с Генштабом. Личному составу запрещалось кому бы то ни было говорить, откуда следует эшелон.

Всю технику, транспорт и имущество на платформах требовалось замаскировать. После выгрузки эшелонов войска следовало немедленно уводить в укрытые районы.

Войскам 5-й гвардейской танковой армии в составе 3-го Белорусского фронта предстояло принять участие в Витебско-Оршанской наступательной операции.

Витебско-Оршанская наступательная операция (23-28 июня 1944 г.)

В ходе летне-осенней кампании 1944 г. Ставка ВГК планировала подготовить и последовательно провести серию стратегических наступательных операций на огромном пространстве от Заполярья до Черного моря. На первом этапе кампании (июнь – август) предусматривалось нанести мощные удары и поочередно разгромить крупные группировки противника: вначале на Карельском перешейке и в Южной Карелии, затем на центральном участке фронта, в Белоруссии, а затем – в западных областях Украины, на львовско-сандомирском направлении. На втором этапе (сентябрь – ноябрь) намечалось проведение операций на Балканах, в Прибалтике и на Крайнем Севере.

Естественно, к летне-осенней кампании готовилось и Верховное Главнокомандование вермахта. Но оно при оценке возможных действий Красной Армии допустило серьезный просчет, полагая, что основные события развернутся не на центральном, а на юго-западном направлении. Этим промахом умело воспользовались Ставка ВГК и Генеральный штаб Красной Армии.

В планах Ставки ВГК приоритет в будущей кампании отдавался центральному участку советско-германского фронта. Освобождение Белоруссии было возможно только при условии уничтожения такой крупной группировки противника, как группа армий «Центр»

(генерал-фельдмаршал Э. фон Буш, с 28 июня – генерал-фельдмаршал В. Модель). Она совместно с правофланговыми соединениями 16-й армии группы армий «Север» и левофланговыми соединениями 4-й танковой армии группы армий «Северная Украина» насчитывала 1,2 млн человек, 9,5 тыс. орудий и минометов, 900 танков и штурмовых орудий. Их поддерживало и прикрывало около 1350 самолетов 6-го и части сил 1-го и 4-го воздушных флотов^[725]. Основные силы противника были сосредоточены в районах Полоцка, Витебска, Орши, Могилева, Бобруйска и Ковеля, где они прикрывали наиболее доступные для наступления направления. Противник занимал заранее подготовленную глубоко эшелонированную оборону (250–270 км) и имел задачу прочно удерживать белорусский выступ, или, как его называл противник, «балкон», по которому проходили кратчайшие пути к границам Германии. Однако противник, введенный в заблуждение и не ожидавший главного удара войск Красной Армии в Белоруссии, имел здесь недостаточно резервов, к тому же часть их была скована действиями партизан.

20 мая 1944 г. заместитель начальника Генерального штаба генерал армии А.И. Антонов представил И.В. Сталину план, предусматривавший одновременный прорыв обороны противника на шести участках, расчленение его войск и разгром по частям. Особое значение придавалось ликвидации наиболее мощных фланговых группировок врага в районах Витебска и Бобруйска, стремительному продвижению на Минск, окружению и уничтожению основных сил противника восточнее Минска на глубине 200–300 км. Советским войскам предстояло, наращивая удары и расширяя фронт наступления, неотступно преследовать противника, не позволяя ему закрепиться на

промежуточных рубежах. В результате успешного выполнения плана операции, получившей наименование операция «Багратион», предполагалось освободить всю Белоруссию, выйти на побережье Балтийского моря и к границам Восточной Пруссии, рассечь фронт противника, создать выгодные условия для ударов по нему в Прибалтике.

К операции привлекались 1-й Прибалтийский (генерал армии И.Х. Баграмян), 3-й Белорусский (генерал-полковник И.Д. Черняховский), 2-й Белорусский (генерал-полковник, с 28 июля – генерал армии Г.Ф. Захаров), 1-й Белорусский (генерал армии, с 29 июня Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский) фронты и Днепровская военная флотилия (капитан 1 ранга В.В. Григорьев); всего более 2,4 млн человек, 36 тыс. орудий и минометов, 5200 танков и САУ. Их поддерживали 1-я (генерал-полковник авиации Т.Т. Хрюкин), 3-я (генерал-полковник авиации Н.Ф. Папивин), 4-я (генерал-полковник авиации К.А. Вершинин), 6-я (генерал-полковник авиации Ф.П. Польшин), 16-я (генерал-полковник авиации С.И. Руденко) воздушные армии; всего 5300 самолетов; привлекалась также авиация дальнего действия (маршал, с 19 августа – главный маршал авиации А.Е. Голованов) – 1007 самолетов и авиация Войск ПВО страны – 500 истребителей^[726]. С войсками тесно взаимодействовали партизаны.

30 мая И.В. Сталин окончательно утвердил план операции «Багратион», которую решено было начать 19-20 июня. Больших изменений в план внесено не было. Замысел ее оставался прежним. На маршала Г.К. Жукова была возложена координация действий войск 1-го и 2-го Белорусских фронтов, а на маршала А.М. Василевского – 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов.

Замысел Белорусской стратегической наступательной операции на первоначальном этапе заключался в разгроме вражеских войск на флангах белорусского выступа. А в последующем – в нанесении мощных рассекающих ударов по сходящимся направлениям в сторону Минска, окружении и уничтожении основных сил группы армий «Центр». В дальнейшем предполагалось развить наступление по всему фронту от Западной Двины до Припяти, с выходом к границам Восточной Пруссии и на берега Вислы. Войска 1-го Прибалтийского фронта во взаимодействия с соединениями 3-го Белорусского фронта должны были нанести удар на северном фланге белорусского выступа, окружить и уничтожить витебскую группировку врага и выйти в район Чашники – Лепель. Предполагалось, что одновременно войска 3-го Белорусского фронта разгромят богушевско-оршанскую группировку противника, нанося главный удар в направлении Орша, Борисов, Минск.

Соединения 2-го Белорусского фронта, наступая на могилевском направлении, должны были сковывать основные силы 4-й армии противника и не давать ей возможности отойти за Минск до полного окружения ее войсками 3-го и 1-го Белорусских фронтов. Войска 1-го Белорусского фронта окружали и уничтожали бобруйскую группировку врага и в последующем наступали на Минск с юго-востока во взаимодействии с войсками 3-го Белорусского фронта.

С целью дезинформации противника фронтам было приказано создать не менее трех оборонительных рубежей на глубине до 40 км. Населенные пункты приспособлялись к круговой обороне. Фронтные, армейские и дивизионные газеты публиковали материалы по оборонительной тематике. В результате внимание противника в значительной степени было отвлечено от готовившегося наступления. В войсках

строго соблюдался режим радиомолчания, а к разработке плана операции привлекался узкий круг лиц. В полном объеме план операции «Багратион» знали только шесть человек: Верховный Главнокомандующий, его заместитель, начальник Генштаба и его первый заместитель, начальник Оперативного управления и один из его заместителей. Перегруппировка войск проводилась с соблюдением всех мер маскировки. Все передвижения осуществлялись только в ночное время и небольшими группами.

Для того чтобы создать у противника впечатление, что главный удар будет нанесен летом на юге, по указанию Ставки ВГК на правом крыле 3-го Украинского фронта, севернее Кишинева, была создана ложная группировка в составе 9 стрелковых дивизий, усиленных танками и артиллерией. В этом районе устанавливались макеты танков и орудий зенитной артиллерии, а в воздухе патрулировали истребители.

В итоге противнику не удалось вскрыть ни замысел советского Верховного Главнокомандования, ни масштаб предстоящего наступления, ни направление главного удара. Поэтому Гитлер из 34 танковых и механизированных дивизий держал 24 соединения южнее Полесья^[727].

По данным разведки, перед войсками 3-го Белорусского фронта на витебском и богушевском направлениях оборонялись 53-й и 6-й армейские корпуса 3-й танковой армии и на оршанском – 27-й армейский корпус 4-й полевой армии. Они входили в состав группы армий «Центр». Противник в ходе операции мог подтянуть стратегические резервы и усилить группу армий «Центр» дополнительно до 50 % артиллерией, танками, самолетами и людьми. Половина

из них может оказаться против 3-го Белорусского фронта.

В подготовительный период всеми видами разведки было установлено, что тактическая зона обороны противника включает две полосы. Первая полоса имеет две-три позиции, в каждой из которых по две-три сплошные траншеи. Вторая полоса подготовлена слабее. Кроме того, были созданы оборонительные рубежи в оперативной глубине, особенно по берегам рек Березина и Щара. Одной из уязвимых сторон обороны противника было недостаточное эшелонирование оперативного построения группы армий «Центр». Пехота в основном располагалась на первом оборонительном рубеже.

Всего к началу операции 3-й Белорусский фронт насчитывал 1169 танков, 641 САУ, 1175 противотанковых орудий (45-мм и 57-мм), 2893 орудия (76-мм и выше), 3552 миномета, 689 установок реактивной артиллерии, 792 зенитных орудия, 1864 самолета. Без учета армейских и фронтовых тыловых учреждений и частей во фронте насчитывалось почти 390 тыс. человек [\[728\]](#).

На первом этапе операции «Багратион» 3-й Белорусский фронт должен был во взаимодействии с войсками 1-го Прибалтийского и 2-го Белорусского фронтов разгромить витебско-оршанскую группировку врага. Ставка ВГК в качестве направления главного удара определила направление Орша, Минск. Однако командующий 3-м Белорусским фронтом генерал И.Д. Черняховский, учитывая наличие здесь мощных оборонительных рубежей противника, сумел убедить И.В. Сталина в необходимости нанесения одновременно двух главных ударов. Второй удар планировалось провести в направлении Лиозно, Богушевск в стык между флангами 3-й танковой и 4-й армий противника.

В этом был определенный риск: оборона здесь была слабее, но болотистая местность затрудняла использование главной ударной силы фронта – танков. Для претворения в жизнь своего замысла генерал Черняховский просил усилить фронт одной танковой армией. Сталин пошел ему навстречу и приказал передать в подчинение командующего 3-м Белорусским фронтом 5-ю гвардейскую танковую армию и артиллерийскую дивизию прорыва РГК.

В ночь на 31 мая фронтам белорусского направления были направлены частные директивы и указания немедленно приступить к подготовке наступления. План Витебско-Оршанской наступательной операции Сталин утвердил без замечаний. В директиве № 220115 Ставки ВГК командующему 3-м Белорусским фронтом говорилось:

«Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Подготовить и провести операцию с целью во взаимодействии с левым крылом 1-го Прибалтийского фронта и 2-м Белорусским фронтом разгромить витебско-оршанскую группировку противника и выйти на р. Березина, для чего прорвать оборону противника, нанося два удара:

а) один удар силами 39-й и 5-й армий из района западнее Лиозно в общем направлении на Богушевское, Сенно; частью сил этой группировки наступать в северо-западном направлении, обходя Витебск с юго-запада, с целью во взаимодействии с левым крылом 1-го Прибалтийского фронта разгромить витебскую группировку противника и овладеть городом Витебск;

б) другой удар силами 11-й гв. и 31-й армий вдоль минской автострады в общем направлении на Борисов; частью сил этой группировки ударом с севера овладеть городом Орша.

2. Ближайшая задача войск фронта – овладеть рубежом Сенно, Орша. В дальнейшем развивать наступление на Борисов с задачей во взаимодействии со 2-м Белорусским фронтом разгромить борисовскую группировку противника и выйти на западный берег р. Березина в районе Борисова.

3. Подвижные войска (конницу, танки) использовать для развития успеха после прорыва в общем направлении на Борисов...

6. Готовность и начало наступления – согласно указаниям маршала Василевского...»^[729].

Командующему 1-м Прибалтийским фронтом генералу армии И.Х. Баграмяну было приказано во взаимодействии с 3-м Белорусским фронтом форсировать Западную Двину и овладеть районом Бешенковичи, совместно с его правым крылом разгромить витебскую группировку противника и овладеть городом Витебск. В дальнейшем развивать наступление в общем направлении на Лепель, прочно обеспечивая главную группировку фронта с полоцкого направления^[730].

В соответствии с решением генерала Черняховского, одобренного Сталиным, штаб фронта 20 июня внес уточнения в план операции. Оперативное построение войск 3-го Белорусского фронта предусматривалось иметь в два эшелона. В первый эшелон были выделены четыре общевойсковые армии (39, 5, 31-я, 11-я гвардейская), так как противник основные свои силы растянул на главном оборонительном рубеже глубиной 6–8 км и лишь незначительные резервы расположены в оперативной зоне. Во второй эшелон входили 5-я гвардейская танковая армия и конномеханизированная группа. При этом танковая армия должна была готовиться к вводу в сражение на направлениях Орша, Борисов и Лиозно,

Богушевск. Конномеханизированная группа с выходом пехоты на рубеж р. Лучеса вводилась в прорыв в направлении Лиозно, Богушевск. Общая ширина участков прорыва обороны противника определялась в 33 км, или 23,6 % от общей ширины полосы, занимаемой войсками фронта. Протяженность участков прорыва в армиях была различная. Так, 39-я армия должна была прорвать оборону противника на участке шириной 6 км, 31-я – около 7 км, а 5-я и 11-я гвардейские армии – 10 км каждая. С целью обеспечения успеха на армейских участках прорыва было сосредоточено: 5764 орудия и миномета, или 80,1 % от общего количества стволов; 1466 танков и САУ, или 80,9 % от общего количества. Это позволило на 1 км фронта иметь высокие плотности – до 175 орудий и минометов, 44 танка и САУ^[731].

Продолжительность артиллерийской подготовки была определена в 2 часа 20 минут. Артиллерийскую поддержку атаки планировалось провести одинарным огнем в сочетании с последовательным сосредоточением огня на глубину 1,5–2 км. Артиллерийское обеспечение ввода в прорыв подвижных соединений намечалось осуществить путем дополнительного их усиления артиллерией и привлечением армейских групп. Авиации 1-й воздушной армии предстояло провести предварительную и непосредственную авиационную подготовку наступления, а затем осуществлять его поддержку и сопровождение; вести борьбу с авиацией противника в воздухе и нанести удары по вражеским аэродромам.

Особое внимание обращалось на соблюдение строжайшей секретности в подготовке операции. С этой целью штаб фронта определил порядок и сроки доведения задач от подчиненных, занятия исходного положения войсками, время пристрелки артиллерии, смены командных и наблюдательных пунктов.

Запрещалось издавать какие-либо документы по вопросам подготовки операции и пользоваться для этого техническими средствами связи. Вновь прибывавшие войска должны были применять только подвижные средства связи, а соединения и части, ранее входившие в состав фронта, при перегруппировках работавшие радиостанции оставлять временно в пунктах прежней дислокации. Письменные директивы фронта на проведение операции были подготовлены к 20 июня. С получением их разрешалось командующим армиями издать свои приказы или директивы.

12 июня на фронт прибыл командующий 5-й гвардейской танковой армией маршал бронетанковых войск П.А. Ротмистров. Представитель Ставки маршал А.М. Василевский и командующий фронтом генерал И.Д. Черняховский тщательно оработали с ним вопросы о месте и сроках сосредоточения войск армии, рекогносцировке возможных направлений ее действий.

В ночь на 14 июня маршал Василевский докладывал Сталину:

«Подготовка к выполнению Вашего задания идет полным ходом, с отработкой мельчайших деталей. Наличные войска к указанному Вами сроку, безусловно, будут готовы. Уверенность в успехе у всех полная. По-прежнему опасения за своевременный подход по железной дороге 4-й и 15-й артиллерийских бригад, кавалерийского корпуса Осликовского, боеприпасов, горючего и соединений Ротмистрова... Еще раз докладываю, что окончательный срок начала всецело зависит от работы железных дорог, мы со своей стороны сделали и делаем все, чтобы выдержать установленные Вами сроки»^[732].

Утром 14 июня Сталин сообщил Василевскому, что из-за задержки в железнодорожных перевозках начало операции переносится на 23 июня.

18 июня маршал Василевский прибыл в Москву, где на совещании у Сталина еще раз согласовал ввод в сражение 5-й гвардейской танковой армии на оршанско-борисовском направлении, как на кратчайшем и наиболее выгодном по условиям местности для маневра. «Заслушав мой краткий доклад о ходе подготовки 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов к выполнению поставленных перед нами задач, – вспоминал Василевский, – Сталин остался доволен и особенно остановился на использовании 5-й гвардейской танковой армии на фронте у Черняховского. Я сообщил, что на оршанско-борисовском направлении против 11-й гвардейской армии оборона врага в инженерном отношении развита гораздо сильнее, чем на участке 5-й армии, да и группировка войск противника там значительно плотнее. Поэтому оршанское направление для ввода танковой армии в прорыв на борисовское направление я считал менее перспективным, чем богушевско-борисовское. Договорились, что временно основным направлением ввода танковой армии в прорыв будем считать оршанско-борисовское, как кратчайшее и по характеру местности наиболее удобное для маневра. Окончательное же решение отложили до первых дней операции. Поэтому условились, что 5-я гвардейская танковая армия пока остается в резерве Ставки, а в нужный момент я как представитель Ставки дам указание передать ее фронту. При этом Ставкой предусматривалось, что во всех случаях основная задача танковой армии – быстрый выход на реку Березину, захват переправ и освобождение города Борисова»^[733].

В ночь на 20 июня партизанские отряды, действовавшие в Белоруссии, приступили к операции по массовому подрыву рельсов, уничтожив за три дня 40

865 рельсов^[734]. В результате были частично парализованы перевозки противника на многих участках железных дорог.

22 июня во всей полосе 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов была проведена разведка боем силами передовых батальонов, которые на ряде участков вклинились в оборону врага от 1,5 до 8 км и вынудили его ввести в бой дивизионные и частично корпусные резервы. Упорное сопротивление противника передовые батальоны встретили на оршанском направлении. Командующий 4-й армией доложил генерал-фельдмаршалу фон Бушу, что советские войска атаковали крупными силами позиции в направлении Орши. Командующий армией, не имея точных данных и переоценив силы 3-го Белорусского фронта, допустил непоправимую ошибку. Из штаба 3-й танковой армией поступило сообщение, что на витебском направлении успешно отбита атака советских войск.

Генерал-фельдмаршал фон Буш продолжал считать главным направление Орша, Минск. Он исключал возможность наступления крупных сил русских на богушевском направлении, в условиях болотистой местности и множества озер, и основное внимание сосредоточил на Минском шоссе. Командующему 4-й армией Буш приказал ввести в бой резервы дивизий и остановить продвижение войск 3-го Белорусского фронта на Оршу. Буш еще не догадывался, что генерал Черняховский ввел его в заблуждение, выдав разведку боем за начало общего наступления, чтобы раскрыть систему огня обороны противника.

До решающего наступления оставалось менее суток. Авиация наносила мощные удары по резервам и аэродромам противника в районах Орши, Борисова и Минска. В ночь на 23 июня погода резко изменилась. Все дни стояла сухая, жаркая погода, а тут прошел

сильный дождь. Утром началась артиллерийская подготовка. Противник, приняв проведенную накануне разведку боем за общее наступление, выдвинул резервы в тактическую зону обороны, подставив этим свои войска под удар артиллерии и авиации 3-го Белорусского фронта. Ударная группировка фронта, состоящая из основных сил 11-й гвардейской и 31-й армий, встретила на оршанском направлении ожесточенное сопротивление врага, занимавшего глубоко эшелонированную оборону с долговременными сооружениями. К исходу дня обеим армиям удалось продвинуться всего от 2 до 8 км. Войска 39-й армии к часу дня перерезали железную дорогу Витебск – Орша в районе станции Замосточье.

В официальной сводке Верховного Главнокомандования вермахта от 23 июня отмечалось: «На центральном участке фронта большевики начали ожидавшееся нами наступление... По обе стороны Витебска еще идут ожесточенные бои...»^[735]. Эрнст фон Буш вечером того же дня признавал: «Крупное наступление северо-западнее Витебска означало... полную внезапность, так как до сих пор мы не предполагали, что противник мог сосредоточить перед нами такие крупные силы»^[736].

Утром 24 июня войска 11-й гвардейской армии после ожесточенных боев преодолели болота и вышли к тыловому оборонительному рубежу противника, прикрывавшего рокадное шоссе Витебск – Орша.

Успешно развивалось наступление 5-й армии на богушевском направлении. Ее войска 25 июня заняли Богушевск, являвшегося узлом, связывающим оборону Орши и Витебска, и как бы замком всей линии «Фатерланд» в этом регионе. Войска 1-го Прибалтийского фронта вышли на р. Западная Двина на

участке Бешенковичи, Гнездиловичи, а соединения 6-й гвардейской армии форсировали реку.

Командующий 3-м Белорусским фронтом, убедившись в том, что 11-я гвардейская армия к утру 25 июня не сможет завершить прорыв вражеской обороны, решил ввести в сражение конно-механизированную группу генерала Осликовского на богушевском направлении в полосе 5-й армии. Она, успешно преодолев лесисто-болотистую местность, 25 июня заняла г. Сенно и перерезала железную дорогу Орша – Лепель. Используя ее успех, войска 5-й армии продвинулись на запад до 20 км.

В восемь часов вечера 24 июня в подчинение командующему 3-м Белорусским фронтом из резерва Ставки ВГК была передана 5-я гвардейская танковая армия. Генерал Черняховский решил ночью отвести ее в выжидательный район, перегруппировать в полосу 5-й армии и на рассвете 26 июня ввести в прорыв также на богушевском направлении. Сталин одобрил решение командующего 3-м Белорусским фронтом, о чем маршал А.М. Василевский сообщил командующему 5-й гвардейской танковой армией. «Должен заметить, что Павел Алексеевич Ротмистров отнесся к решению Ставки (как о передаче его армии из Ставки фронту, так и об изменении направления ее ввода в прорыв) без особого энтузиазма, – отмечал Василевский. – Не ускользнуло это от внимания и командующего фронтом И.Д. Черняховского. Истинные причины этого мне не известны, да и придавать этому особое значение вряд ли было бы правильно, если бы не тот факт, что 5-я гвардейская танковая армия, всегда блестяще проявлявшая себя, в данном случае действовала хуже, чем прежде»^[737].

26 июня войска 5-й гвардейской танковой армии вошли в прорыв. Ее передовой отряд, применив

широкий маневр, обошел сопротивлявшиеся группы противника и к половине второго дня вышел в район восточнее Толочина. Попытка с ходу сбить оборонявшиеся здесь части охранной дивизии не удалась. Главные силы 3-го Котельнического гвардейского танкового корпуса, наступавшего вслед за передовым отрядом, находились в 20 км. Командир корпуса генерал-майор И.А. Вовченко, следуя директиве командующего фронтом, предписывающей подвижным войскам вводить вторые эшелоны и резервы, не давал противнику времени на перегруппировку и подтягивание своих резервов. В результате ему удалось на подступах к Толочину быстро развернуть главные силы корпуса. Противник не ожидал появления здесь советских войск. Корпус, совершив маневр силами одной танковой бригады в обход Толочина с севера, а другой с юга, отрезал противнику путь на запад и не допустил отхода его оршанской группировки на Толочин. В результате этого маневра к вечеру 26 июня Толочин был взят. Войска фронта перерезали шоссейную и железную дороги Орша – Борисов на протяжении 30 км и захватили большое количество трофеев.

На направлении действий 29-го танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии события развивались не столь удачно. Части корпуса продвигались медленно, с большими потерями. С целью выяснения причин замедления наступления Черняховский направил в корпус специальную комиссию. Она определила, что противник в боях против частей корпуса широко применял засады. Генерал И.И. Людников, участник расследования обстоятельств одного из таких боев, сделал следующий вывод: «Немцы на некоторых участках применили против нас нашу тактику, в свое время успешно использованную Катуковым, тогда еще

полковником, в боях против танков Гудериана на дальних подступах к Москве: бить из засад...»^[738].

Несмотря на все трудности, внезапный ввод в сражение танковой армии оказал решающее влияние на исход Витебско-Оршанской операции. Войска 11-й гвардейской и 31-й армий заканчивали преодоление обороны противника в районе Орши. Утром 26 июня в полосе 11-й гвардейской армии был введен 2-й гвардейский танковый корпус генерала А.С. Бурдейного, который начал обходить Оршу с северо-запада. В. фон Хаупт, оценивая ход операции «Багратион», отмечал: «Двадцать шестого июня остальные армии группы армий «Центр» тоже вели последние сражения в своей истории»^[739].

Вечером 27 июня войска 11-й гвардейской и 31-й армий при поддержке соединений 1-й воздушной армии и авиации дальнего действия освободили Оршу. В полосе 1-го Прибалтийского фронта войска 43-й армии, форсировав 25 июня Западную Двину, к исходу дня вышли в район Гнездиловичей и вошли в связь с вышедшими сюда войсками 39-й армии, часть сил которой ворвалась в Витебск с востока. На следующий день Витебск был освобожден, а к трем часам дня 27 июня группировка врага была полностью ликвидирована, в плен сдались свыше 19 тыс. человек^[740].

Соединения 5-й гвардейской танковой армии при дальнейшем выдвижении на Борисов встретили упорное сопротивление прибывших из-под Ковеля 5-й танковой и 253-й пехотной дивизий противника. Конно-механизированная группа генерала Осликовского к исходу дня 28 июня захватила переправы на Березине всего лишь в 14 км северо-западнее Борисова.

В результате Витебско-Оршанской операции было разгромлено левое крыло группы армий «Центр».

Войска 3-го Белорусского фронта, продвинувшись на 80—150 км, образовали широкую брешь во вражеской обороне, создали условия для стремительного развития наступления на минском и вильнюсском направлениях. Ворота в Белоруссию были открыты. По данным штаба фронта, в ходе операции были окружены и полностью уничтожены 246-я, 106-я пехотные, 4-я и 6-я авиаполевые дивизии, разгромлены 299, 14, 95, 197-я пехотные дивизии, нанесены крупные потери 256-й, 260-й пехотным, 286-й охранной дивизиям и ряду отдельных частей. Противник потерял 41,7 тыс. солдат и офицеров, 126 танков и самоходных орудий, 796 орудий, 290 минометов, 1840 автомашин. В плен захвачены около 17,8 тыс. человек, в качестве трофеев взято 36 танков, 33 самоходных орудия, 652 орудия, 514 минометов, 3300 автомашин, 225 складов с военным имуществом [\[741\]](#).

Особенностями операции явились: быстрый прорыв тактической зоны обороны противника за счет умелого выбора направлений главных ударов, внезапного их нанесения, своевременного ввода в сражение вторых эшелонов и подвижных групп; окружение и уничтожение витебской группировки противника в тактической и ближайшей оперативной зонах его обороны силами стрелковых дивизий без участия танковых соединений. В то же время в ходе наступления выявились следующие недостатки: отставание основной массы артиллерии усиления при развитии наступления в оперативной глубине; задержка подвоза боеприпасов и горючего вследствие низких темпов восстановления мостов и слабого руководства комендантской службой.

Минская наступательная операция (29 июня - 4 июля 1944 г.)

В результате Витебско-Оршанской, Могилевской и Бобруйской наступательных операций войска 4-й армии и часть сил 9-й армии группы армий «Центр» оказались глубоко охваченными советскими войсками. Подвижные соединения советских войск, действовавшие в районах Борисова и Осиповичей, находились в 100 км от Минска, а главные силы противника, отступавшие в направлении города, – в 130–150 км от него, не имея возможности оторваться от наступавших с востока войск 2-го Белорусского фронта.

Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Э. фон Буш, получив сведения о продвижения войск 3-го Белорусского фронта к Минску, обратился к А. Гитлеру с просьбой разрешить отвести войска за Березину. Однако Гитлер категорически запретил отводить войска и приказал пресечь панику, расстреливать паникеров и остановить наступление русских любой ценой. Тогда фон Буш попросил выделить дополнительно две-три танковые дивизии для организации контрудара, но получил и в этом отказ. 28 июня Гитлер снял фон Буша с поста командующего и отозвал в Берлин. Войска группы армий «Центр» возглавил по совместительству командующий группой армий «Северная Украина» генерал-фельдмаршал В. Модель. Он развернул энергичную деятельность по восстановлению стратегического фронта обороны в Белоруссии. Начал с того, что перебросил сюда несколько танковых дивизий из своей группы, не предполагая, что командование Красной Армии одновременно с такой крупной операцией в Белоруссии готовит и другую – Львовско-Сандомирскую операцию силами войск 1-го Украинского фронта.

Ставка ВГК, в соответствии с замыслом Белорусской стратегической наступательной операции, директивами от 28 июня поставила задачи 3, 2 и 1-му Белорусским фронтам при содействии 1-го Прибалтийского фронта

на окружение и уничтожение минской группировки противника. Операция должна была начаться без оперативной паузы.

В директиве Ставки ВГК № 220124 от 28 июня говорилось:

«1. Войскам 3-го Белорусского фронта с ходу форсировать р. Березина и, обходя встречающие опорные пункты противника, развивать стремительное наступление на Минск и правым крылом занять Молодечно. Не позже 7-8.7 овладеть во взаимодействии с войсками 2-го Белорусского фронта городом Минск и правым крылом занять Молодечно.

2. Ставка недовольна медленными и нерешительными действиями 5 гв. ТА и относит это к плохому руководству ею со стороны тов. Ротмистрова. Ставка требует от 5 гв. ТА стремительных и решительных действий, отвечающих сложившейся на фронте обстановке.

3. От пехоты потребовать необходимого напряжения сил с тем, чтобы она, по возможности, не отставала от действующих впереди танковых и кавалерийских соединений»[\[742\]](#).

Замысел Минской наступательной операции заключался в том, чтобы в ходе развернувшегося преследования врага стремительными ударами войск левого крыла 3-го Белорусского фронта и части сил правого крыла 1-го Белорусского фронта по сходящимся направлениям на Минск во взаимодействии со 2-м Белорусским фронтом завершить окружение минской группировки противника. Одновременно войска 1-го Прибалтийского, правого крыла 3-го Белорусского и часть сил 1-го Белорусского фронтов должны были продолжить стремительное наступление на запад, уничтожить подходившие резервы противника и создать условия для развития

наступления на шяуляйском, каунасском и варшавском направлениях.

Сроки овладения Минском, указанные в директиве, как показал ход событий, оказались завышенными, и если бы их формально придерживались фронты, то, возможно, противник не был бы окружен.

Командующий 3-м Белорусским фронтом, исходя из директивы Ставки ВГК, приказал подвижным войскам и авиации фронта в оперативном взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом стремительно развивать наступление на Минск и отрезать пути отступления противника на запад. Конно-механизированной группе предстояло занять Молодечно. 5-й гвардейской танковой армии приказывалось, форсировав Березину, овладеть районом Борисова, в дальнейшем развивать наступление в полосе автострады и к исходу дня 2 июля овладеть Минском. На войска 5-й и 39-й армий возлагалась задача по прикрытию правого крыла 3-го Белорусского фронта. Особое внимание обращалось на достижение высоких темпов наступления, чтобы не дать возможности 4-й армии противника выйти восточнее Минска из подготавливаемого окружения.

К началу операции в состав 5-й гвардейской танковой армии входили два танковых корпуса, отдельный танковый, мотоциклетный, гаубичный артиллерийский, истребительно-противотанковый артиллерийский, гвардейский минометный, ночной бомбардировочный авиационный полки, отдельный инженерный батальон.

29 июня войска 3-го Белорусского фронта приступили к выполнению поставленных задач. На правом крыле фронта конно-механизированная группа генерала Осликовского, форсировав Березину, продолжала наступать на Плещеницы. На следующий день главные силы фронта вышли к Березине. Соединения 5-й гвардейской танковой армии и

передовые отряды 11-й гвардейской и 31-й армий подошли к Борисову. Они успешно форсировали Березину и, не ввязываясь в затяжные бои, обходя узлы сопротивления на промежуточных рубежах, продвигались вперед. Главные силы 1-го Белорусского фронта развивали наступление на Барановичи.

В три часа утра 2 июля 4-я гвардейская танковая бригада подполковника О.А. Лосика, входившая в состав 2-го гвардейского танкового корпуса генерал-майора танковых войск А.С. Бурдейного, опередив главные силы отступающего противника более чем на 100 км, ворвалась на улицы Минска. Соединения 5-й гвардейской танковой армии в результате стремительного продвижения вышли на северную окраину города. Вскоре на помощь им подошли стрелковые части 11-й гвардейской и 31-й армий, которые начали отбивать у противника квартал за кварталом. В ночь на 3 июля 1-й гвардейский танковый корпус, входивший в состав 1-го Белорусского фронта, обошел Минск с юга и вышел на юго-восточную окраину города, где соединился с частями 3-го Белорусского фронта. Тем самым было завершено окружение основных сил 4-й армии и отдельных соединений 9-й армии общей численностью в 105 тыс. человек. К исходу дня Минск был полностью освобожден.

Войска 3-го и 1-го Белорусского фронтов, развивая наступление, 4 июля вышли на рубеж озеро Нарочь, Сморгонь, Красное, Столбцы, Клецк. Соединения 1-го Прибалтийского фронта, обеспечивавшие проведение Минской операции с севера, к этому времени вышли на рубеж западнее Дретунь, Козямы, озеро Мядель. Большую помощь войскам оказали партизаны, которые устраивали засады на путях отхода противника, громили его штабы и отдельные части, захватывали переправы. Ликвидация окруженной группировки противника была осуществлена с 5 по 12 июля войсками

33-й армии, частью сил 50-й и 49-й армий 2-го Белорусского фронта. В плен были захвачены 57,6 тыс. человек, которые 17 июля под конвоем советских солдат прошли по улицам Москвы.

Особенностями Минской наступательной операции являлись: окружение крупной группировки противника в ходе преследования на глубину 200–250 км от переднего края его обороны; четкое взаимодействие войск фронтов, которые преследовали отходившего противника как по параллельным маршрутам (3-й и 1-й Белорусские фронты), так и с фронта (2-й Белорусский фронт); умелый маневр подвижных войск и широкое использование передовых отрядов для преследования врага.

Вильнюсская наступательная операция (5 - 20 июля 1944 г.)

Столь же стремительно, как в Минской операции, действовали войска 3-го Белорусского фронта в ходе Вильнюсской наступательной операции, которая также началась без оперативной паузы.

4 июля 1944 г. в час ночи войскам фронта была направлена директива № 220126:

«Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. 3-му Белорусскому фронту в составе 5, 11 гв., 31, 33-й армий, 5-й гв. танк. армии, 3 гв. мк, 2 гв. тк, 3 гв. кк развивать наступление, нанося главный удар в общем направлении на Молодечно, Вильно.

Ближайшая задача войск фронта – не позже 10–12 июля овладеть Вильно и Лидой. В дальнейшем выйти на р. Неман и захватить плацдармы на его западном берегу...»[\[743\]](#).

1-му Прибалтийскому фронту надлежало развивать наступление, нанося главный удар в общем

направлении на Свенцяны, Каунас, имея ближайшей задачей не позднее 10-12 июля овладеть рубежом Двинск, Новые Свенцяны, Подбродзе, а в дальнейшем, прочно обеспечивая себя с севера, наступать на Каунас и частью сил на Паневежис, Шяуляй. Войска 2-го Белорусского фронта должны были не позже 12-15 июля овладеть районом Новогрудок, выйти на реки Неман и Молчадь, а в дальнейшем овладеть Волковыском и наступать в направлении Белостока. На войска правого крыла 1-го Белорусского фронта возлагалась задача овладеть городами Барановичи и Лунинец и к 10-12 июля выйти на линию Слоним, р. Шара, Пинск. В дальнейшем войска фронта должны были наступать на Брест, захватить его и выйти на Западный Буг, обеспечив плацдарм на его западном берегу^[744]. Координация действий 3-го Белорусского, 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов была возложена 9 июля на Маршала Советского Союза А.М. Василевского^[745].

Обстановка требовала упреждения противника в сосредоточении его резервов и в организации обороны, поэтому Ставка ВГК определила довольно жесткие сроки выполнения задач.

Замысел командующего 3-м Белорусским фронтом генерала армии И.Д. Черняховского состоял в том, чтобы нанести главный удар на вильнюсском направлении силами 5-й армии, которой предстояло во взаимодействии с 5-й гвардейской танковой армией разгромить вильнюсскую группировку противника и освободить Вильнюс. Левее, на алитусском направлении, наступала 11-я гвардейская армия с задачей форсировать р. Неман и захватить плацдарм на ее левом берегу. На Лиду двигалась 31-я армия, обеспечивая левое крыло фронта.

Верховное Главнокомандование вермахта придавало особое значение обороне Вильнюса как важному узлу коммуникаций, прикрывающему подступы к Восточной Пруссии. С осени 1943 г. здесь возводилась оборонительная линия «Остваль». Для этой цели были использованы бетонные сооружения укрепленных районов, созданных еще польской армией. Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал В. Модель, стремясь удержать линию «Остваль», пытался остановить продвижение советских войск на рубеже Даугавпилс, Вильнюс, Лида. С этой целью в район Вильнюса стягивались отступающие войска 3-й танковой армии генерала Г. Райнхардта, перебрасывались из Германии части 2-й авиадесантной и 6-й танковой дивизий. У города Лиды выгружалась прибывшая из Станислава 7-я танковая дивизия. В районе Ошмяны, Гольшаны выходили из боя остатки 707-й охранной и 5-й танковой дивизий. 7 июля в Вильнюс прилетел генерал-лейтенант Штаэль, которому было приказано во что бы то ни стало удержать город. Противник сплошного фронта обороны не имел и оказывал противодействие лишь отдельными подошедшими соединениями и остатками разгромленных частей.

Генерал армии Черняховский, стремясь упредить противника, на рассвете 4 июля повернул 5-ю гвардейскую танковую армию маршала бронетанковых войск П.А. Ротмистрова на Вильнюс. Части армии вышли к городу еще до подхода вражеских резервов. Одновременно 3-й гвардейский механизированный корпус генерал-лейтенанта танковых войск В.Т. Обухова, сломив сопротивление двух дивизий противника, занял железнодорожную станцию Сморгонь. В освобождении города участвовала партизанская бригада «Народные мстители» под командованием Г.Ф. Покровского.

5 июля часть сил 11-й гвардейской армии совместно с соединениями конно-механизированной группы генерала Н.С. Осликовского и 25-й танковой бригадой (подполковник И.П. Мищенко) 29-го танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии заняла крупный железнодорожный узел и важный опорный пункт обороны противника на вильнюсском направлении – город Молодечно. В ночь на 7 июля соединения 3-го гвардейского механизированного корпуса форсировали р. Вилия и ворвались на южную и восточную окраины Вильнюса. Части 215-й и 277-й стрелковых дивизий 5-й армии атаковали противника на северной окраине города и завязали уличные бои. К исходу дня к юго-восточной окраине Вильнюса подошел 29-й танковый корпус генерал-майора танковых войск Е.И. Фоминых. Бои в городе не прекращались и в ночь на 8 июля. С утра в соприкосновение с противником вступили части 3-го гвардейского танкового корпуса генерал-майора танковых войск И.А. Вовченко, которые с ожесточенными боями стали продвигаться к центру города. Их успеху во многом способствовали героические действия саперов под командованием старшего лейтенанта Павловского, которые под сильным огнем противника разминировали мосты через р. Вилейка. Используя успех танкистов, соединения 65-го и 72-го стрелковых корпусов 5-й армии также стали пробиваться к центру Вильнюса. Однако в ожесточенных уличных боях с упорно сопротивляющимся противником они продвинулись незначительно.

К семи часам вечера 9 июля 3-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Осликовского атакой с флангов и тыла взял г. Лида. К этому времени Вильнюс был почти полностью окружен. Попытка 12-й танковой дивизии прорвать кольцо окружения и соединиться с гарнизоном успеха не имела. В самом городе

продолжались ожесточенные бои с упорно сопротивляющимся противником. В результате двухдневных уличных боев советские войска очистили от противника северную, восточную и южную части Вильнюса.

Противник, стремясь удержать Вильнюс, сосредоточил в районах Мейшагола (25 км северо-западнее Вильнюса) и Ландварово (Лентварис) (12 км юго-западнее Вильнюса) около шести соединений, в том числе боевую группу 6-й танковой дивизии и моторизованную бригаду «Вертхерн». Она имела задачу нанести контрудар по войскам 3-го Белорусского фронта и соединиться с окруженным гарнизоном. Учитывая сложившуюся обстановку, генерал армии Черняховский приказал вывести из Вильнюса соединения 5-й гвардейской танковой армии и 3-го гвардейского механизированного корпуса, оставив для блокирования окруженного противника две стрелковые дивизии. Основным силам 5-й армии при поддержке части сил 5-й гвардейской танковой армии и 3-го гвардейского механизированного корпуса была поставлена задача разгромить мейшагольскую группировку врага.

Войска 5-й армии и 3-й гвардейский танковый корпус 5-й гвардейской танковой армии отразили контрудар противника и вынудили его начать отход в западном направлении. Попытка вражеского десанта, высаженного 10 июля в районе леса Погрудас (6 км западнее Вильнюса), прорваться в Вильнюс также оказалась безуспешной. В тот же день во избежание напрасного кровопролития советское командование предложило окруженному гарнизону прекратить дальнейшее бесполезное сопротивление. Однако противник на ультиматум не ответил. После ожесточенных боев войска 5-й армии, 5-й гвардейской танковой армии, 3-й гвардейский механизированный

корпус при поддержке авиации 1-й воздушной армии и дальнего действия, а также партизан 13 июля полностью освободили Вильнюс.

В ночь на 14 июля 16-й гвардейский стрелковый корпус 11-й гвардейской армии с ходу форсировал Неман в районе Алитуса и захватил на левобережье плацдарм до 25 км по фронту и до 4 км в глубину. Части 31-й армии 16 июля с ходу преодолели реку в районе Друскининкай.

К 20 июля войска 3-го Белорусского фронта, завершив Вильнюсскую операцию, продвинулись на глубину до 210 км. В результате были созданы благоприятные условия для продвижения к Восточной Пруссии. Особенности операции явились: форсирование с ходу водных преград с использованием подручных средств; применение для захвата тактических плацдармов подвижных групп и передовых отрядов общевойсковых армий и соединений; создание внутреннего и внешнего фронтов окружения подвижными войсками. Операция выявила и ряд недостатков: неудовлетворительная маскировка и слабое прикрытие войск от ударов авиации противника; втягивание подвижных групп в бои за крупные населенные пункты (5-я гвардейская танковая армия в боях за Вильнюс).

Каунасская наступательная операция (28 июля - 28 августа 1944 г.)

Завершив Вильнюсскую операцию, войска 3-го Белорусского фронта приступили к проведению Каунасской наступательной операции. Задачи фронту были определены в директиве № 22016 °Ставки ВГК от 28 июля 1944 г. Войска 39-й и 3-й армий должны были не позже 1-2 августа ударом с севера и юга овладеть Каунасом. В дальнейшем предстояло всеми силами фронта наступать к границам Восточной Пруссии и не

позднее 10 августа овладеть рубежом Расейняй, Юрбург, Эйдкуннен, Сувалки, где прочно закрепиться для подготовки к вторжению в Восточную Пруссию в общем направлении Гумбиннен (Гусев), Инстербург (Черняховск), Прейсиш-Айлау (Багратионовск)^[746].

Верховное Главнокомандование вермахта, потеряв Вильнюс, все свои резервы бросило на усиление обороны города и крепости Каунас, надеясь предотвратить угрозу перенесения военных действий на территорию Германии. Войска 3-го Белорусского фронта устали от непрерывных и длительных наступательных боев и нуждались в пополнении людьми и вооружением. Однако во исполнение директивы Ставки ВГК генерал армии И.Д. Черняховский 28 июля принял решение силами 5-й армии освободить Каунас. Севернее наносила удар 39-я армия совместно с 5-й гвардейской танковой армией, а южнее – 33-я армия.

Войска фронта, имея незначительное общее превосходство над противником в силах и средствах, после 40-минутной артиллерийской подготовки перешли в наступление. К исходу дня 28 июля ударные группировки 5-й армии, преодолевая ожесточенное сопротивление противника, вышли: 72-й стрелковый корпус – к р. Неман в 4–5 км восточнее Каунаса, а 45-й и 65-й стрелковые корпуса продвинулись на 15–17 км и стали охватывать город с юга. Войска центра и левого крыла фронта в этот день также прорвали оборону противника и продвинулись от 7 до 15 км.

С утра 30 июля в полосе 33-й армии в прорыв был введен 2-й гвардейский танковый корпус генерал-лейтенанта А.С. Бурдейного, который продвинулся в глубину обороны противника на 35 км и завязал бой за Вилкавишкис. Соединения 72-го и 65-го стрелковых корпусов 5-й армии вышли на ближние подступы к

Каунасу, а утром 31 июля части 63-й стрелковой дивизии завязали бой в городе. Успеху наземных войск способствовали действия 1-й воздушной армии генерал-полковника авиации Т.Т. Хрюкина, господствовавшей в воздухе. Противник, чтобы избежать угрозы окружения своей каунасской группировки, начал отход перед левым флангом 5-й армии и в полосе 33-й армии. Советские войска перешли к преследованию. Используя успех 2-го гвардейского танкового корпуса, 19-й стрелковый корпус 33-й армии овладел 31 июля городом и железнодорожной станцией Мариямполе (Капсукас). 1 августа соединения 5-й армии освободили Каунас.

К этому времени войска 3-го Белорусского фронта продвинулись до 50 км и расширили прорыв до 230 км, выйдя на рубеж Кедайняй, Каунас, Пильвишки, Мариямполе, Сейны. Противник, стремясь не допустить выхода Красной Армии к границам Восточной Пруссии, наносил в течение августа сильные контрудары северо-западнее и западнее Каунаса. Отразив их, войска 3-го Белорусского фронта к концу месяца продвинулись еще на 30–50 км и основными силами вышли к заранее подготовленным укрепленным позициям противника на рубеже восточнее Расейняй и Кибартай, Сувалки. С 29 августа по указанию Ставки ВГК они перешли к обороне и приступили к подготовке операции на гумбинненском направлении. В результате Каунасской операции войска фронта вышли к границам Восточной Пруссии и создали условия для разгрома противника на его территории.

Мемельская наступательная операция (5–22 октября 1944 г.)

К 20-м числам сентября 1944 г. войска 1-го Прибалтийского фронта (генерал армии И.Х. Баграмян) вышли на подступы к Риге южнее р. Даугава (Западная Двина), где встретили сильное сопротивление

противника. В этой связи Ставка ВГК 24 сентября своей директивой № 220224 решила переместить направление удара 1-го Прибалтийского фронта с рижского на мемельское направление, чтобы быстрее и с меньшими потерями осуществить отсечение прибалтийской группировки противника от Восточной Пруссии^[747]. С этой целью фронт усиливался 5-й гвардейской танковой армией, имевшей всего 17 танков. В директиве № 204228 Генштаба от 3 августа говорилось:

«1. Армию Ротмистрова немедленно использовать для удара из района Эйраголы на северо-запад в общем направлении на Кельмы с целью разбить группировку противника, сосредоточивающуюся против Шауляя.

Армию Ротмистрова передать в подчинение Баграмяна (командующий 1-м Прибалтийским фронтом. – *Прим. авт.*).

2. Передать немедленно один стр. корпус из 4-й ударной армии 2-го Прибалтийского фронта в состав войск 1-го Прибалтийского фронта.

3. О задаче, поставленной Ротмистрову, времени его передачи Баграмяну, а также о времени передачи и использовании корпуса от Еременко (командующий 2-м Прибалтийским фронтом. – *Прим. авт.*) прошу сообщить»^[748].

Командующему 2-м Прибалтийским фронтом приказывалось перевести 3-ю ударную и 2-ю армии на южный берег р. Даугава, сменив не позже 3 октября здесь войска 4-й ударной и 51-й армий 1-го Прибалтийского фронта. Задача войск 2-го Прибалтийского фронта заключалась в том, чтобы во взаимодействии с 3-м Прибалтийским фронтом овладеть Ригой и в дальнейшем очистить от противника побережье от Риги до Либавы.

Командующему 1-м Прибалтийским фронтом предписывалось усилить свое левое крыло. С этой целью в район Шяуляя к 25 сентября следовало перегруппировать 5-ю гвардейскую танковую армию и к 28 сентября – 43-ю армию. В центре полосы наступления фронта предстояло использовать 4-ю ударную и 51-ю армии после смены их войсками 2-го Прибалтийского фронта. Силами 43-й, 2-й гвардейской и 5-й гвардейской танковой армий требовалось подготовить и провести наступательную операцию с целью прорвать оборону противника к западу и юго-западу от Шяуляя и выйти на побережье Балтийского моря на участке Паланга, Мемель (Клайпеда), устье р. Неман, отрезав тем самым прибалтийской группировке противника пути отхода в Восточную Пруссию. Переход в наступление намечался на 1-2 октября.

В соответствии с решением Ставки ВГК о переносе главного удара с рижского на мемельское направление командующий 1-м Прибалтийским фронтом с 24 сентября осуществил перегруппировку в район Шяуляя 4 общевойсковых и одной танковой армий, 2 танковых и механизированного корпусов, а также всей артиллерии. К началу октября войска фронта развернулись в полосе 145 км от Бэне до Расейняй. На направлении главного удара сосредоточились 35 стрелковых дивизий (из 57), 777 танков и САУ (из 1313) и вся артиллерия усиления. В результате были созданы высокие плотности на участках прорыва армий – до 50 танков и САУ и 200 орудий и минометов на 1 км фронта. Южнее, до р. Неман (на фронте 40 км), действовала 39-я армия при поддержке части сил 1-й воздушной армии 3-го Белорусского фронта.

Разведка группы армий «Север» только 2 октября обнаружила перегруппировку войск 1-го Прибалтийского фронта в район Шяуляя. Командующий группой армий генерал-полковник Ф. Шернер сразу же

принял меры к усилению своей группировки на этом направлении. К утру 5 октября советским войскам здесь противостояли оперативная группа «Грассер» и 3-я танковая армия (всего 16 дивизий, 4 бригады и 2 отдельных тяжелых танковых батальона), понесшие в предыдущих боях большие потери. Противник опирался на три оборонительных рубежа. Главная полоса обороны (глубина до 5 км) представляла собой линии стрелковых ячеек и пулеметных позиций, связанных густой сетью ходов сообщения и прикрытых плотным кольцом инженерных заграждений. Вторая оборонительная полоса находилась на удалении от 14 до 28 км от главной полосы. Различное удаление этого рубежа вызвано было стремлением оборудовать его под прикрытием рек Вирвите и Крожента. Третий оборонительный рубеж, проходивший по линии городов Мемель, Тильзит (Советск), был самым мощным и глубоким из всех. Его третья позиция была оборудована по Неману. Кроме того, была подготовлена отсечная оборонительная позиция, проходившая через озера Биржулис и Лукштас. Особенно мощные узлы обороны были созданы вокруг городов Тришкяй, Кельме, Тельшай (Тельшяй), Плунге, Ретакас, Либава (Лиепая), Мемель.

Оперативное построение 3-й танковой армии, оборонявшейся против войск 1-го Прибалтийского фронта, было в один эшелон. К юго-западу от Шяуляя, перед левым флангом 43-й армии, была сосредоточена танковая группа «Лаухерт», равная по численности примерно танковой бригаде, а на стыке с 3-м Белорусским фронтом – 21-я пехотная дивизия. Основные силы группы армий «Север» по-прежнему оставались в районе Риги и в 60 км к востоку от нее.

Замысел Мемельской операции состоял в том, чтобы прорвать оборону противника западнее и юго-западнее Шяуляя, выйти на побережье Балтийского моря на

участке Паланга, Мемель, устье р. Неман и отсечь группу армий «Север» от Восточной Пруссии. Главный удар на участке шириной 19 км наносили 6-я гвардейская армия, усиленная 19-м танковым корпусом, и 43-я армия. На этом же направлении намечалось ввести в сражение второй эшелон фронта (5-я гвардейская танковая и 51-я армии). Вспомогательный удар на кельме-тильзитском направлении наносила 2-я гвардейская армия, усиленная 1-м танковым корпусом, а 39-я армия наступала на Таураге и далее на Тильзит. Командующему 4-й ударной армией предписывалось занять 84-м стрелковым корпусом оборону на правом фланге ударной группировки фронта по р. Света фронтом на северо-запад и подготовить совместно с 3-м гвардейским механизированным корпусом контрудар на Ауце. Этим обеспечивалось прикрытие 6-й гвардейской армии от ударов с севера.

Соединения 5-й гвардейской танковой армии после ввода в прорыв должны были к исходу второго дня операции углубиться в оборону противника на 60 км, а в дальнейшем прорваться к Балтийскому морю на рубеже Паланга, Мемель. На авиацию 3-й воздушной армии возлагалось ведение воздушной разведки, прикрытие войск 1-го Прибалтийского фронта, борьба с авиацией и резервами противника, проведение авиационной подготовки атаки. В резерве командующего фронтом находился 3-й гвардейский механизированный корпус.

На направлении главного удара (на участке шириной 18–20 км) было сосредоточено около половины всех сил и средств фронта. На 1 км приходилось 180–200 орудий и минометов, 30–50 танков и САУ^[749].

К началу операции предстояло перегруппировать на расстояния от 80 до 240 км войска пяти общевойсковых и одной танковой армий, часть авиации, два танковых, один механизированный и два стрелковых корпуса,

переданных 1-му Прибалтийскому фронту из состава 2-го Прибалтийского фронта. Всего перегруппировке и перевозкам подлежали (с учетом сил 2-го Прибалтийского фронта) 500 тысяч человек, более 9 тысяч орудий и минометов и свыше 1300 танков и САУ.

С целью скрыть от противника перегруппировку войск соединениям 4-й ударной армии и 3-му гвардейскому механизированному корпусу было приказано демонстрировать возобновление наступления на Ригу с юга, активизировать все виды разведки, осуществлять переброски частей, показывать движение автотранспорта к линии фронта. По проводным средствам связи специально подготовленные командиры вели переговоры, связанные с подготовкой к возобновлению наступления. Такую же задачу решала 51-я армия в районе Елгавы. Под Шяуляем, наоборот, были организованы демонстративные оборонительные работы: усиливались заграждения, углублялись окопы, разветвлялась сеть ходов сообщения. По телефонной сети разговоры велись только по вопросам укрепления обороны.

К началу операции 5-я гвардейская танковая армия включала два танковых корпуса, зенитную артиллерийскую дивизию, отдельный танковый, тяжелый самоходный артиллерийский, мотоциклетный, гаубичный артиллерийский, истребительно-противотанковый артиллерийский, гвардейский минометный и ночной бомбардировочный авиационный полки, легкую артиллерийскую, механизированную и мотоинженерную бригады.

К этому времени в руководстве 5-й гвардейской танковой армии произошли изменения. Маршал бронетанковых войск П.А. Ротмистров 8 августа был освобожден от должности. Одним из поводов для этого послужила записка заместителя начальника Главного бронетанкового управления по политической части

генерала Н.И. Бирюкова от 13 июня: «П.А. Ротмистров мало бывает в частях. Каждый приезд в часть заканчивается банкетом. Не замечает подхалимов. Особенно в этом усердствует Вовченко (командир 3-го гвардейского танкового корпуса. – *Прим. авт.*). Вовченко в своей приемной повесил портрет П.А. Ротмистрова»^[750]. Командующим армией был назначен генерал-лейтенант танковых войск М.Д. Соломатин. Он 18 августа получил тяжелое ранение и выбыл из строя. Его сменил генерал-полковник танковых войск В.Т. Вольский (см. приложение № 3). П.А. Ротмистров был назначен заместителем командующего бронетанковыми и механизированными войсками Советской Армии.

К 1 октября, сроку, назначенному Ставкой ВГК, войска 1-го Прибалтийского фронта не успевали завершить все мероприятия по подготовке операции. Поэтому по просьбе генерала армии Баграмяна Ставка ВГК перенесла начало наступления на 5 октября.

Утро 5 октября было дождливым. Местами сплошной туман. Видимость мизерная. Поэтому командующий 1-м Прибалтийским фронтом с разрешения представителя Ставки ВГК маршала А.М. Василевского решил начать наступление, как только улучшится видимость. К 11 часам подул легкий ветерок и разогнал туман. В 11 часов 10 минут началась 30-минутная артиллерийская подготовка. После ее завершения в наступление перешли передовые батальоны дивизий первого эшелона 6-й гвардейской, 43-й и 2-й гвардейской армий. Они в течение часа – полутора часов прорвали первую и вторую позиции противника, углубившись в его оборону на 2–4 км. Используя их успех, во второй половине дня начали наступление главные силы этих армий, которые к исходу дня вышли ко второй полосе обороны врага, продвинувшись на глубину до 17 км.

Генерал армии Баграмян, учитывая успешное продвижение частей первого эшелона, приказал командующему 5-й гвардейской танковой армией генералу Вольскому начать выдвижение за ними своих передовых отрядов. Однако сделать это оказалось непросто, так как тылы наступавших стрелковых дивизий задерживали выдвижение танковых и механизированных бригад к рубежу ввода в сражение. В этой связи командующий фронтом решил начать ввод танковой армии с наступлением светлого времени.

6 октября в прорыв вошли подвижные группы: 6-й гвардейской армии – 19-й танковый корпус; 2-й гвардейской армии – 1-й танковый корпус; фронта – 5-я гвардейская танковая армия. Одновременно началось наступление войск 39-й армии 3-го Белорусского фронта. Генерал Шернер, стремясь удержать за собой пути для отхода в Восточную Пруссию, начал переброску из района Риги частей 5-й и 7-й танковых дивизий, моторизованной дивизии СС «Великая Германия». С целью не допустить этого генерал армии Баграмян приказал 3-му гвардейскому танковому корпусу генерал-лейтенанта А.П. Панфилова пробиваться через Тельшай (Тельшяй), Плунге, Кретинга на Палангу, а 29-му танковому корпусу генерал-майора К.М. Малахова – через Лукники, Ретавас на Мемель. Оба корпуса, переправившись через р. Вента, опередили стрелковые дивизии и устремились ко второму оборонительному рубежу, проходившему по рекам Вирвите и Упина.

В середине дня 6 октября армии, наступавшие на Мемель и севернее, вели упорные бои за второй оборонительный рубеж по рекам Вирвите и Упина, встречая организованное сопротивление пехоты и подоспевших частей 5-й, 7-й танковых дивизий и моторизованной дивизии СС «Великая Германия». Передовым отрядам 5-й гвардейской танковой армии,

понесшим большие потери, не удалось с ходу преодолеть второй оборонительный рубеж. Серьезное препятствие представляли не только заболоченные реки, но и противотанковые заграждения, защищаемые плотным огнем артиллерии и закопанных танков. Командующий армией генерал Вольский обратился к генералу армии Баграмяну с просьбой разрешить осуществить маневр на юг в полосу 1-го стрелкового корпуса 43-й армии, где обозначился успех. Разрешение было дано. В середине ночи главные силы 5-й гвардейской танковой армии преодолели второй оборонительный рубеж противника южнее местечка Упина и силами передовых отрядов устремились на запад. В результате брешь в обороне противника расширилась до 80 км.

7 октября войска 1-го Прибалтийского фронта добились еще больших успехов, несмотря на ожесточенные контратаки противника. Части 19-го танкового корпуса заняли крупный населенный пункт Седа, а 1-го стрелкового корпуса – сильно укрепленный узел дорог Жораны. Бригады 29-го танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии, пройдя с боями около 60 км, почти на 12 км оторвались от главных сил 43-й армии и овладели крупными населенными пунктами Кетураки, Медынгины и Ретавас. 3-й гвардейский танковый корпус шел следом в общем направлении на Ретавас. Генерал армии Баграмян, несмотря на успех 5-й гвардейской танковой армии, потребовал от генерала Вольского активнее маневрировать и быстрее использовать успех передовых отрядов. Войска 6-й гвардейской и 43-й армий своими главными силами продвинулись на 25–30 км. Главные силы 2-й гвардейской армии, пройдя за день 30 км, соединились с 39-й армией 3-го Белорусского фронта. Войска 4-й ударной армии в ходе упорных боев продвинулись в

направлении на Акмене до 5 км. Общий фронт прорыва расширился до 130 км.

С целью наращивания силы удара генерал армии И.Х. Баграмян в стыке между 6-й гвардейской и 43-й армиями ввел в сражение главные силы 51-й армии. Они, несмотря на изнуряющий дождь, продолжили наступление. Соединения 6-й гвардейской армии продвигались вдоль железной дороги Шяуляй – Лиепая, успешно отражая контратаки врага. Войска 51-й армии наступали севернее озера Таусало, а 29-й танковый корпус – на Плунге. Это вынудило группировку противника, оборонявшуюся юго-восточнее озера, начать отход. В 11 часов передовой отряд 1-го гвардейского стрелкового корпуса овладел г. Тельшай. 8 октября 25-я танковая бригада (полковник И.О. Станиславский) 29-го танкового корпуса с ходу освободила г. Плунге и прорвалась на дальние подступы к Мемелю. Соединения 43-й армии продвинулись к западу на 25–30 км, а 2-я гвардейская армия – на 22–30 км, выйдя на отдельных направлениях к третьему оборонительному рубежу противника. Главные силы 6-й гвардейской армии, продвинувшись на 20 км, вышли на линию населенных пунктов Луше, Илакяй, Кадзе. Часть сил 19-го танкового корпуса заняла станцию Вайнеде.

К исходу дня 8 октября наступление войск 5-й гвардейской танковой армии застопорилось на р. Миния. Командарм генерал Вольский основную причину этого видел в усилившихся контратаках противника. Однако командующий фронтом считал, что войска армии перестали маневрировать, ведут бои за укрепленные позиции вместо того, чтобы их обойти. Он потребовал от генерала Вольского к полудню 12 октября выйти к Балтийскому морю в районе Паланги, а командующему 3-й воздушной армией генералу Н.Ф.

Папивину было приказано поддержать танковую армию с воздуха.

9 октября войска 1-го Прибалтийского фронта продолжили успешное наступление. «Однако в этот день, как язвительно выразился генерал В.В. Курасов (начальник штаба фронта. – *Прим. авт.*), снова «ушли в подполье» генералы В.Т. Вольский и П.Ф. Малышев, – вспоминал маршал И.Х. Баграмян. – На все его запросы из штабов поступал ответ: «Командарм выехал в войска. Устанавливаем с ним связь». Чувствуя, что в этих армиях происходит что-то неладное, я распорядился передать мой приказ, чтобы командармы лично вышли на связь со мной»^[751]. Истинная причина задержки танковой армии явилась следствием просчета при подготовке тылового обеспечения, в результате которого танковые корпуса, ушедшие далеко вперед, оказались без горючего. Для его подвоза были использованы транспортные самолеты.

К исходу дня 9 октября войска 6-й гвардейской армии вышли на рубеж Пикеляй, Вайнеде, Зарини, где отразили все попытки противника отбросить их назад. Соединения 51-й армии, продвинувшись на запад более чем на 30 км, овладели рубежом Моседис, Салантай, Докторы. Войска 43-й армии, используя успех, достигнутый накануне 5-й гвардейской танковой армией, совместно с ее корпусами успешно форсировали р. Миния и вплотную приблизились к границе Мемельской области. 2-я гвардейская армия прорвала первые две оборонительные позиции последнего рубежа обороны и вышла на рубеж Инкакли, Катичай, севернее Таураге.

Утром 10 октября под прикрытием огня артиллерии и ударов авиации корпуса 5-й гвардейской танковой армии смяли пехоту и противотанковые орудия и устремились на Мемель и Кретингу. Соединения 29-го

танкового корпуса совместно с 1-м гвардейским мотоциклетным полком вышли к Кретинге, где противник имел сильно укрепленную оборону. Командир корпуса решил овладеть городом ударом 32-й танковой бригады полковника С.Г. Колесникова с севера, а 31-й танковой бригадой подполковника А.И. Поколова – с юга. С фронта врага сковала 25-я танковая бригада полковника И.В. Полукарова. Успешно преодолев с ходу заболоченные речки Акмене и Даετε, 32-я и 31-я танковые бригады прорвались в тыл засевшему в Кретинге врагу. Это позволило передовому отряду 91-й стрелковой дивизии 51-й армии и 53-й мотострелковой бригаде (полковник Д.Н. Долганов) 29-го танкового корпуса освободить город и спасти тысячи узников концлагеря. К исходу дня передовые части 5-й гвардейской танковой и 51-й армий стремительно вышли к Балтийскому морю севернее Мемеля. Части 3-го гвардейского танкового корпуса, преодолевая упорное сопротивление врага, заняли г. Пликкен.

11 октября южнее Мемеля к морю вышла 43-я армия, а соединения 2-й гвардейской и 39-й армий – к границе с Восточной Пруссией. Главные силы группы армий «Север» оказались отрезанными от Восточной Пруссии. 3-я танковая армия была выведена из подчинения командующего группой армий «Север» и передана в состав группы армий «Центр». Гитлер, узнав о выходе советских войск к Балтийскому морю севернее и южнее Мемеля, разрешил генералу Шернеру с вечера 12 октября отвести войска из района Риги на Курляндский полуостров. Но командующий группой армий «Север» не успел выполнить эту задачу, так как атаки войск 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов вынудили противника под угрозой окружения уйти из района Риги.

После выхода к Балтийскому морю 5-я гвардейская танковая армия была выведена в резерв командующего

1-м Прибалтийским фронтом. К этому времени темп продвижения его войск из-за нарастающего сопротивления врага стал снижаться. 20 октября они вынуждены были перейти к обороне на рубеже восточнее Ауце, южнее Мажейкяй, Приекуле, севернее озера Папес. 43-я армия частью сил блокировала гарнизон Мемеля (4 дивизии), а главными силами совместно со 2-й гвардейской армией к 22 октября очистила от противника побережье Балтийского моря и северный берег Немана.

В результате Мемельской операции советские войска продвинулись на запад на 150 км, освободив 3500 населенных пунктов. Курляндская группировка противника оказалась изолированной и прижатой к морю, создались условия для разгрома противника в Восточной Пруссии. В ходе операции были убиты свыше 24 тыс. солдат и офицеров врага, уничтожено и захвачено 420 танков, около 1 тыс. орудий и минометов^[752]. Успех операции был обеспечен умелой перегруппировкой большого количества сил и подготовкой наступления в минимально короткие сроки, решительным массированием сил и средств, особенно артиллерии и танков, на направлениях ударов, широким маневром в глубине обороны противника.

* * *

После завершения Мемельской операции Ставка ВГК приказала войскам 1-го Прибалтийского фронта 27 октября 1944 г. возобновить наступление с целью разгрома группировки противника на Курляндском полуострове. Командующий фронтом принял решение осуществить прорыв в центре фронта между населенными пунктами Пикеляй и Приекуле в общем

направлении на Айзпите. Для этого привлекались 6-я гвардейская и 4-я ударная армии, стрелковый корпус 51-й армии, а для развития успеха – 5-я гвардейская танковая армия. К исходу второго дня наступления войска должны были выйти к железной дороге Елгава – Лиепая. Для усиления фронта направлялась 61-я армия. С востока наступали войска 2-го Прибалтийского фронта, нанося удар в общем направлении на Салдус с целью выхода на рубеж Ремте, Салдус, Пауре.

Утром 27 октября войска 1-го Прибалтийского фронта после артиллерийской и авиационной подготовки перешли в наступление. Противник силами 4-5 пехотных дивизий при поддержке основных сил 4-й и 14-й танковых дивизий, а также 502-го и 510-го ударных дивизионов тяжелых танков «Тигр» оказывал упорное сопротивление. В результате за три дня боевых действий войска фронта сумели продвинуться в глубь вражеской обороны лишь на 6 км. В сражение была введена 5-я гвардейская танковая армия, которая захватила плацдарм на р. Дзелда в районе Лиелдзеллы. Соединения 6-й гвардейской и 61-й армий прорвались к р. Вента от населенного пункта Нигранда до устья р. Штервелке. Генерал Шернер, опасаясь окружения, разрешил отступить частям, упорно оборонявшимся в выступе к югу от железной дороги Мажейкяй – Ауце. К 6 ноября эта дорога была занята войсками 1-го Прибалтийского фронта. Но тут наступление пришлось снова прекратить, так как непрерывные осенние дожди настолько усилили распутицу, что продвижение вперед стало попросту невозможным.

Ставка ВГК, планируя крупное наступление на главном, западном, направлении, решила вывести в свой резерв из состава 1-го Прибалтийского фронта 61-ю, 2-ю гвардейскую и 5-ю гвардейскую танковую армии. В директиве № 298111 Генштаба от 29 ноября 1944 г. говорилось:

«Верховный Главнокомандующий приказал:

5-ю гв. танковую армию отправить по жел. дороге в резерв Ставки. Погрузка – с 06.00 21 декабря, в районе ст. Мажейкяй, Луше, Шауляй, темп – 8.

Армию отправить в составе 3-го гв. и 29-го танковых корпусов, 47-й мехбригады, со всеми армейскими частями усиления и тылами.

Всеми исправными танками и самоходными орудиями армии укомплектовать один корпус (3 гв. тк или 29 тк). Неисправные танки и самоходные орудия, требующие среднего и капитального ремонта, оставить во фронте. Номер укомплектовываемого корпуса танками и самоходными орудиями донести в Генштаб 03.12.

В первых трех эшелонах отправить оперативную группу армии со средствами связи.

Армию отправить со всеми имеющимися запасами, в том числе: горючего – 2 заправки, боеприпасов – 3 боекомплекта.

Принять все меры к сохранению в тайне передислокацию армии. Всю переписку и переговоры, связанные с передислокацией армии, вести только с Генштабом. Линейным органам ВОСО и работникам НКПС никаких данных, кроме номеров эшелонов, не сообщать.

О ходе погрузки и отправки эшелонов ежедневно доносить в Генеральный штаб»[\[753\]](#).

Одновременно командующему 2-м Белорусским фронтом была направлена директива Генштаба № 298112, в которой сообщалось, что в его распоряжение в период с 25 декабря 1944 г. по 7 января 1945 г. прибудет 5-я гвардейская танковая армия в составе одного танкового корпуса, 47-й мехбригады с армейскими частями усиления и тылами. Кроме того, фронту передавались 19-й танковый корпус

и одна артиллерийская дивизия прорыва^[754]. Для доукомплектования 5-й гвардейской танковой армии из резерва Ставки ВГК намечалось к 30 декабря отправить 145 танков россыпью (15 ИС, 65 Т-34 и 65 «Шерман»), 85 самоходных артиллерийских установок россыпью (5 ИСУ-152, 20 ИСУ-122, 20 СУ-85 и 40 СУ-76), 332-й и 365-й гвардейские полки ИСУ-152 (всего 42 ИСУ-152), 381-й гвардейский и 1207-й полки СУ-100 (всего 42 СУ-100). После доукомплектования армия должна была иметь 305 танков (219 Т-34, 21 ИС и 65 «Шерман») и 210 САУ (63 ИСУ-152, 21 ИСУ-122, 42 СУ-100, 42 СУ-85 и 42 СУ-76)^[755]. Она должна была принять участие в Млавско-Эльбингской наступательной операции.

Млавско-Эльбингская наступательная операция (14-26 января 1945 г.)

Ставка ВГК, планируя зимнюю кампанию 1945 г., намечала нанести главный удар на варшавско-берлинском направлении силами 1-го, 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов. На войска 3-го, 2-го Белорусских, 1-го Прибалтийского фронтов при поддержке сил Балтийского флота и 18-й воздушной армии возлагался разгром противника в Восточной Пруссии.

Верховное Главнокомандование вермахта планировало в 1945 г. упорной обороной задержать наступление Красной Армии и не допустить ее продвижения в глубь территории Германии. На Западном фронте предусматривалось ударами по войскам союзников вынудить США и Великобританию изменить свою политику по отношению к Германии и способствовать достижению сепаратных сделок. Немецкое командование полагало, что Красная Армия нанесет два удара: главный – через Венгрию и Чехию и второй – в Восточной Пруссии. Одновременно оно

ожидало и наступления советских войск, находившихся на рубеже Вислы, но с ограниченными целями.

Ошибка в определении направления главного удара советских войск привела к тому, что на варшавско-берлинском направлении плотность сил и средств противника оказалась в полтора-два раза меньше, чем на других участках советско-германского фронта.

Начальник Генерального штаба Сухопутных войск генерал Г. Гудериан в этой связи отмечал:

«Все больше поступало сведений о предстоящем наступлении русских. Мы установили районы развертывания основных сил. Были определены три главные ударные группы русских:

1) На предмостном укреплении у Баранува находились в боевой готовности для наступления шестьдесят стрелковых соединений, восемь танковых корпусов, кавалерийский корпус и шесть других танковых соединений.

2) Севернее Варшавы были сосредоточены пятьдесят четыре стрелковых соединения, шесть танковых корпусов, кавалерийский корпус и девять других танковых соединений.

3) Группировка на восточно-прусской границе состояла из пятидесяти четырех стрелковых соединений, двух танковых корпусов и девяти других танковых соединений.

Кроме того, группировка из пятнадцати стрелковых и двух танковых соединений находилась южнее Ясло, группировка из одиннадцати стрелковых соединений, кавалерийского корпуса и танкового корпуса – под Пулавы и группировка из тридцати одного стрелкового соединения, пяти танковых корпусов и трех других танковых соединений – южнее Варшавы.

Мы рассчитывали, что наступление начнется 12 января 1945 г. Превосходство русских выразилось соотношением: по пехоте 11:1, по танкам 7:1, по

артиллерийским орудиям 20:1. Если оценить противника в целом, то можно было говорить без всякого преувеличения о его 15-кратном превосходстве на суше и, по меньшей мере, о 20-кратном превосходстве в воздухе»^[756].

По данным Генштаба Красной Армии, войска группы армий «Центр» (с 26 января 1945 г. – «Север») насчитывали 780 тыс. человек, 8200 орудий и минометов, 700 танков и штурмовых орудий, 775 самолетов. Войска 3-го, 2-го Белорусских, 1-го Прибалтийского фронтов насчитывали в общей сложности около 1670 тыс. человек, 25,5 тыс. орудий и минометов, 3,9 тыс. танков и САУ, 3,1 тыс. боевых самолетов^[757]. Они превосходили противника в живой силе в 2,1 раза, в орудиях и минометах – в 3,1, в танках и САУ – в 5,6, а в самолетах – в 4 раза.

Замысел Восточно-Прусской стратегической наступательной операции состоял в том, чтобы нанести войсками 2-го Белорусского фронта глубокий охватывающий удар в направлении Мариенбург, Эльбинг (Эльблонг), а войсками 3-го Белорусского фронта и 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта – севернее Мазурских озер на Кенигсберг (Калининград), чтобы отсечь группу армий «Центр» от остальных сил противника, прижать его к морю, расчленить и при поддержке Балтийского флота уничтожить по частям.

В рамках Восточно-Прусской стратегической наступательной операции были проведены Инстербургско-Кенигсбергская, Млавско-Эльбингская, Растенбургско-Хайльсбергская, Браунсбергская, Кенигсбергская и Земландская фронтовые наступательные операции.

Млавско-Эльбингскую операцию проводили войска 2-го Белорусского фронта, который включал 50, 3, 48-ю общевойсковые, 4-ю воздушную армии, 8-й

механизированный и 3-й гвардейский кавалерийский корпуса. В связи с тем, что разграничительная линия фронта передвигалась к югу до впадения Нарева в Вислу, командующему фронтом маршалу К.К. Рокоссовскому были переданы из 1-го Белорусского фронта 65-я и 70-я армии, 8-й и 1-й гвардейские танковые корпуса, занимавшие этот участок. Из резерва Ставки ВГК фронт получил 2-ю ударную, 49-ю и 5-ю гвардейскую танковую армии. Всего к началу 1945 г. фронт насчитывал более 880 тыс. человек, 2195 танков и САУ, более 11 тыс. орудий и минометов, 1,5 тыс. самолетов^[758].

Войска 2-го Белорусского фронта занимали оборону на 288-километровом участке по восточному берегу Августовского канала, рекам Бобр и Нарев до Сероцка включительно. На западном берегу Нарева они удерживали два плацдарма. По данным разведки, к 17 декабря 1944 г. против левого крыла фронта оборонялись части 2-й и 9-й армий группы армий «Центр» в составе одиннадцати (102, 14, 292, 129, 299, 211, 7, 35, 252, 542 и 5-я) пехотных и четырех (6-я, 3-я, 5-я «Викинг», 3-я «Тотенкопф») танковых дивизий, усиленных артиллерией РГК. В оперативном резерве у противника находилось до трех пехотных и одной моторизованной дивизий. Кроме того, не исключался подход резервов противника со стороны Гольдапа, Кенигсберга.

Противник занимал заранее подготовленную долговременную оборону, включавшую три оборонительные полосы, Млавский и Алленштейнский укрепрайоны, а также восстановленные крепости Млава, Модлин, Эльбинг (Эльблонг), Мариенбург (Мальборк), Торунь. Местность, на которой предстояло действовать войскам 2-го Белорусского фронта, была весьма своеобразна. Правая ее половина – от Августова

до Ломжи – лесисто-озерный край, очень сложный для передвижения войск. Более проходимой по рельефу была левая половина участка фронта. Но и здесь на легкое продвижение рассчитывать не приходилось.

В директиве № 220274 Ставки ВГК от 28 ноября 1944 г. от войск 2-го Белорусского фронта требовалось:

«1. Подготовить и провести наступательную операцию с целью разбить пшаснышско-млавскую группировку противника и не позднее 10—11-го дня наступления овладеть рубежом Мышинец, Вилленберг, Нейденбург, Дзялдово, м. Бежунь, м. Вельск, Плоцк, (иск.) Петрувек. В дальнейшем наступать в общем направлении Нове-Място, Мариенбург.

2. Главный удар силами четырех общевойсковых армий, одной танковой армии и одного танкового корпуса нанести с рожанского плацдарма в общем направлении на Пшасныш, Млава, Лидзбарк. Оборону противника прорвать силами трех армий на участке 16–18 км по фронту. На участок прорыва привлечь три артдивизии и создать плотность артиллерии и минометов (от 76 мм и выше) не менее 220 стволов на один километр фронта прорыва.

Во втором эшелоне фронта иметь одну армию и ввести ее после прорыва с рожанского плацдарма в общем направлении на Мышинец с задачей свертывания обороны противника перед правым крылом фронта и обеспечения главной группировки от удара противника с севера.

3. Второй удар силами двух общевойсковых армий и одного танкового корпуса нанести с сероцкого плацдарма в общем направлении Насельск, Плонецк, м. Вельск.

Для содействия 1-му Белорусскому фронту в разгроме варшавской группировки противника частью сил левого крыла фронта (не менее одной армии и одного тк или мк) нанести удар в обход Модлина с

запада с целью не допустить отхода варшавской группировки противника за р. Висла и быть в готовности форсировать р. Висла западнее Модлина.

Оборону противника прорвать на участке 9 км по фронту и привлечь для прорыва две артдивизии, создав плотность артиллерии и минометов (от 76 мм и выше) не менее 210 стволов на один километр фронта прорыва.

4. Действия главных сил фронта с севера, помимо наступления одной армии на Мышинец, обеспечить прочной обороной 50-й армии с двумя ур по р. Нарев на участке Августув, Ломжа, Остроленка.

5. В резерве фронта иметь один мехкорпус и один кавкорпус.

6. Большую часть танковых соединений использовать для развития успеха после прорыва на главном направлении...»[\[759\]](#).

Ставка ВГК требовала создать для проведения операции следующие запасы: 4–6 боекомплектов боеприпасов, 15 заправок авиационного горючего и 8 заправок горючего для автотранспорта.

Задачи войск 2-го Белорусского фронта были определены в директиве № 00110/оп командующего фронтом от 17 декабря[\[760\]](#). Соединения 5-й гвардейской танковой армии намечалось к утру 9 января 1945 г. сосредоточить в районе Остров-Мазовецкого. Армию намечалось ввести в прорыв на участке Пшасныш, Цеханув в общем направлении на Млава, Лидзбарк. В резерве командующего фронтом находились две стрелковые дивизии (369-я, 330-я), три истребительно-противотанковые артиллерийские (27, 35 и 15-я) и одна отдельная минометная (33-я) бригады. На участках прорыва планировалось иметь не менее 220 орудий на 1 км фронта[\[761\]](#). Из 2260 танков и САУ 830 боевых машин (37 %) было выделено для

непосредственной поддержки пехоты, что позволяло создать плотности 25–37 танков и САУ на 1 км участка прорыва^[762]. Танковые корпуса после прорыва вражеской обороны вводились для выполнения задач фронта, а в последующем они переходили в подчинение командующим армиями для развития успеха на всю глубину. Для успешного продвижения подвижных соединений и преодоления обороны на промежуточных рубежах предписывалось придать каждому танковому и механизированному корпусу по одному гаубичному полку и одному полку мелкокалиберной зенитной артиллерии, а кавалерийскому корпусу – одну истребительно-противотанковую артиллерийскую бригаду, один полк гвардейских минометов М-13 и один зенитный полк. Главные силы ВВС фронта предусматривалось сосредоточить для действий на направлении главного удара, а после прорыва обороны противника – для поддержки подвижных соединений.

От инженерных войск требовалось обеспечить: ведение непрерывной инженерной разведки заграждений противника с целью своевременного оповещения войск и обезвреживания обнаруженных заграждений; своевременный проход всех родов войск через противопехотные и противотанковые минные поля перед передним краем и в глубине обороны противника; быстрое преодоление войсками и пропуск материальной части через труднопроходимые участки путем своевременной подачи вперед заготовленных материалов и деталей для постройки мостов, гатей и колежных дорог; быстрое закрепление занимаемых рубежей инженерными средствами заграждений; маневр средствами заграждений (ПОЗ) на направления контратак противника.

Общее превосходство над противником во всей полосе фронта (250 км) было более чем в 2,5 раза в

людях и артиллерии, в 4,5 раза – в танках и САУ, более чем в 4,7 раза – в авиации. На направлениях ударов на участках прорыва (9,8 % всей полосы) превосходство было еще большим: в людях – в 5 раз, в артиллерии – в 7–8 раз, в танках и САУ – в 9 раз.

22 декабря И.В. Сталин утвердил план операции, указав при этом:

«1. Разрыв между пехотой и действующими впереди ее конницей и танковыми соединениями не допускать более 25–30 километров.

2. Использование мехкорпуса или танкового корпуса совместно с конницей не обязательно и допускается только в случаях особой необходимости.

3. Иметь в виду, что к началу операции будут полностью укомплектованы 8 гв. тк Попова и 5 гв. ТА Вольского в составе 10 тк Сахно и 29 тк Малахова.

1 гв. тк Панова получит тяжелые танки и тяжелые самоходы в количестве 100 единиц, что сделает его более чем боеспособным.

3 гв. тк Панфилова включается в состав войск фронта с тем, чтобы доукомплектовать его во второй половине января. В связи с этим для усиления левого крыла фронта рекомендуется использовать 1 гв. тк Панова.

4. Не рассчитывать на резерв Ставки в районе Белостока»[\[763\]](#).

14 января 1945 г. войска 2-го Белорусского фронта перешли в наступление. Утром пошел мокрый снег. Опустился туман. В 10 часов началась артиллерийская подготовка продолжительностью 85 минут. После этого пехота с танками и орудиями непосредственного сопровождения перешла в наступление. Густой туман мешал использовать артиллерию на всю ее мощь. Со второй половины дня противник стал переходить в контратаки, применяя и танки. К исходу дня войска 48-

й, 2-й ударной, 65-й и 70-й армий сумели лишь вклиниться в оборону противника от 5 до 8 км. На правом крыле фронта, на участке 50-й армии, противник в прежней группировке прочно удерживал рубеж по Августовскому каналу, отражая все попытки соединений армии потеснить его на отдельных направлениях. На участке 3-й армии после артиллерийской подготовки войскам удалось с незначительными потерями овладеть двумя траншеями и, продолжая бой с противником, все усиливавшим сопротивление, продвинуться к концу дня от 3 до 7 км.

Утром 15 января войска фронта возобновили наступление. Однако ночью противник подтянул резервы, в том числе моторизованную дивизию «Великая Германия» и 7-ю танковую дивизию, и начал непрерывно контратаковать, стремясь любой ценой удержать главную полосу обороны. Продвижение общевойсковых армий замедлилось. С целью ускорения прорыва вражеской обороны маршал Рокоссовский ввел в сражение 1-й и 8-й гвардейские танковые и 8-й механизированный корпуса. Они нарастили силу удара общевойсковых армий и к утру 17 января прорвали армейский рубеж обороны врага. При этом 8-й гвардейский танковый корпус генерала А.Ф. Попова овладел Цеханувом, захватив на станции эшелон с 40 танками [\[764\]](#). Со второй половины дня 16 января погода улучшилась, что позволило использовать авиацию, которая своими ударами с воздуха оказала помощь наземным войскам в отражении вражеских атак. В тот же день соединения 2-й ударной и 65-й армий овладели г. Пултуск.

Утром 17 января командующий 2-м Белорусским фронтом ввел в образовавшийся прорыв в полосе действий 48-й армии подвижную группу фронта – 5-ю гвардейскую танковую армию генерал-полковника

танковых войск В.Т. Вольского. При поддержке специально выделенных соединений бомбардировочной и истребительной авиации она устремилась на Мариенбург, сметая со своего пути и уничтожая пытавшиеся оказать сопротивление части противника. Одновременно в направлении на Алленштейн (Ольштын) вошел в прорыв 3-й гвардейский кавалерийский корпус под командованием генерала Н.С. Осликовского. Вслед за 5-й гвардейской танковой армией продолжали наступать 48-я и 2-я ударная армии, намереваясь с ходу форсировать Вислу и не дать закрепиться на ней отступавшему противнику. Темп продвижения войск был достаточно высоким – 25–30 км в день. Танковые части шли впереди пехоты, выходя на фланги отступающего противника, угрожая тылам.

18 января часть сил 48-й армии овладела Млавой – крупнейшим узлом сопротивления врага на пути к Восточной Пруссии. Соединения 29-го танкового корпуса (генерал К.М. Малахов) 5-й гвардейской танковой армии 19 января освободили Зольдау (Дзялдово). Продолжая стремительно наступать, ее войска в районе Найденбурга (Нидзица) вторглись в пределы Восточной Пруссии. Части 8-го механизированного корпуса генерала А.Н. Фирсовича овладели Грудуском, а 8-й гвардейский танковый корпус – Шреньском. 1-й гвардейский танковый корпус генерала М.Ф. Панова, наступавший с сероцкого плацдарма, обошел Плоньск с севера и двигался на Дробин.

Вечером 19 января маршал Рокоссовский уточнил задачу 5-й гвардейской танковой армии. Ей предстояло, не ввязываясь в бои за опорные пункты противника, развивать наступление в направлении Остероде, Дейч-Эйлау, Эльбинг и выйти к берегам Балтийского моря.

В ночь на 20 января 10-й танковый корпус генерала М.Г. Сахно перешел в наступление и через несколько

часов штурмом овладел Найденбургом, а затем и Танненбергом (Стембарк), освободив несколько тысяч пленных, находившихся в концлагере. В тот же день войска 3-й армии вступили в пределы Восточной Пруссии. Ставка ВГК своей директивой № 11011 изменила задачи 3-й, 48-й, 2-й ударной и 5-й гвардейской танковой армий, повернув на север и северо-восток для действий против восточно-прусской группировки противника. В директиве говорилось:

«Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Войскам фронта продолжать наступление в общем направлении на Дейч-Эйлау, Мариенбург и не позднее 2-4 февраля овладеть рубежом Эльбинг, Мариенбург, далее на юг по р. Висла до Торна, отрезая противнику все пути из Восточной Пруссии в Центральную Германию.

По выходе на р. Висла захватить плацдармы на ее западном берегу к северу от Торна. Одновременно правым крылом фронта овладеть рубежом Иоханнисбург, Алленштейн, Эльбинг.

2. Иметь в виду в дальнейшем вывести большую часть сил фронта на левый берег р. Висла для действий в полосе между Данцигом и Штеттином. 19-я армия, сосредоточивающаяся в районе Остров-Мазовецки, с 1 февраля будет передана в состав войск 2-го Белорусского фронта»[\[765\]](#).

Директива Ставки ВГК в корне меняла планы командующего 2-м Белорусским фронтом, основывавшиеся на директиве от 28 ноября 1944 г. Однако ее появление на свет было вызвано отставанием войск 3-го Белорусского фронта, что позволяло противнику избежать окружения и отойти в пределы Германии.

Войска 2-го Белорусского фронта, получив новые задачи, немедленно приступили к их претворению в жизнь. Соединения 3-й, 48-й, 2-й ударной и 5-й гвардейской танковой армий осуществили сложный тактический маневр на север и северо-восток, чтобы перехватить пути отхода восточно-прусской группировки врага. 21 января войска фронта овладели многими восточно-прусскими опорными пунктами, в том числе и Танненбергом. Части 10-го танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии во второй половине дня 22 января заняли Остероде (Оструда) и завязали бой за Морунген. Соединения 29-го и 8-го гвардейского танковых корпусов освободили Дейч-Эйлау и Заальфельд, 8-й механизированный корпус захватил Фрайштадт, а 1-й гвардейский танковый корпус – Бродницу. Вслед за танковыми корпусами быстро продвигались общевойсковые армии фронта.

В ночь на 23 января 5-я гвардейская танковая армия получила задачу развивать стремительное наступление, главными силами овладеть Мюльхаузенем (Млынары) и Эльбингом, а передовыми отрядами корпусов выйти к заливу Фришес-Хафф и отрезать восточно-прусскую группировку от остальных сил противника, действовавших на советско-германском фронте. Здесь 5-я гвардейская танковая армия должна была перейти к обороне и не допустить прорыва врага на запад.

Командующий армией генерал Вольский решил продолжать наступление ночью. 10-й танковый корпус сломил сопротивление противника в районе Морунгена (Моронг) и, продолжая стремительно наступать, 24 января овладел Мюльхаузенем. Успешно наступал 29-й танковый корпус, имея в первом эшелоне 31-ю танковую бригаду. Передовой отряд бригады – 3-й танковый батальон (7 танков с десантом автоматчиков) под командованием капитана Г.Л. Дьяченко – внезапно для противника по шоссе ворвался в Эльбинг. Танки

проскочили город и около 11 часов вечера в районе Гросс-Роберна вышли к заливу Фришес-Хафф. Когда к городу вышли главные силы 31-й танковой бригады подполковника А.И. Поколова, противник уже занял прочную оборону и оказал упорное сопротивление. Тогда бригада обошла Эльбинг с востока и утром 24 января вышла к заливу, где соединилась со своим передовым отрядом.

Войска 2-й ударной армии, несмотря на усилившееся сопротивление противника, вышли к 25 января к рекам Висла и Ногат и в нескольких местах с ходу форсировали эти значительные водные преграды. В результате фронт наступления расширился до 50 км. Передовые отряды 2-й ударной армии достигли предместий Эльбинга. Правее, северо-восточнее Эльбинга, вышла к морю 2-я гвардейская танковая армия. Восточно-прусская группировка противника оказалась отрезанной от Центральной Германии.

Части 8-го механизированного корпуса после упорных боев совместно со стрелковыми дивизиями 2-й ударной армии 26 января овладели Мариенбургом (Мальборк) – важным узлом дорог, соединяющих Восточную Пруссию с Померанией. Части 1-го гвардейского танкового корпуса находились у Бродницы.

В результате Млавско-Эльбингской операции войска 2-го Белорусского фронта разгромили около 15 дивизий противника, овладели Млавским и Алленштейнским укрепленными районами, заняли часть Восточной Пруссии, освободили территорию Северной Польши и продвинулись на северо-запад до 230 км. Они блокировали с запада и юго-запада восточно-прусскую группировку противника, создав благоприятные условия для ее последующего разгрома. С выходом войск фронта к нижнему течению Вислы и захватом

плацдарма севернее Быдгоща создавались условия для наступления в Восточной Померании.

В ходе операции войска фронта успешно действовали при прорыве мощной долговременной обороны противника, стремительно развивали наступление в его оперативной глубине, умело используя подвижные группы фронта и армий. В то же время не удалось добиться высоких темпов прорыва тактической зоны обороны, что было обусловлено плохими погодными условиями, исключившими использование авиации в ходе прорыва и снизившими эффективность артиллерийского огня. Кроме того, нередко нарушалось взаимодействие между родами войск и управление ими. Все это привело к увеличению потерь в войсках фронта, которые составили: безвозвратные – 36 396 человек, санитарные – 123 094 человека.

* * *

После завершения Млавско-Эльбингской операции войска 2-го Белорусского фронта продолжали наступление на всех направлениях. Противник, пытаясь избежать полного поражения, предпринимал все попытки к тому, чтобы прорваться в пределы Германии. В ночь на 27 января 1945 г. вражеская группировка в составе до семи пехотных и одной танковой дивизий нанесла удар из района Хайльсберга (Лидзбарк-Варьмински) в направлении Эльбинга, где в это время еще шли бои. Противнику ценой больших потерь удалось потеснить части 48-й армии километров на двадцать к западу. В это время поднялась сильнейшая метель. Порывистый ветер временами переходил в ураган. Противник предпринял контрудар против войск 48-й армии. На помощь ей командующий фронтом

маршал Рокоссовский перебросил большую часть сил 5-й гвардейской танковой армии, 8-й гвардейский танковый и 3-й гвардейский кавалерийский корпуса. Он также распорядился, чтобы командующий 2-й ударной армией повернул на восток часть своих сил, находившихся у Эльбинга и южнее, с задачей не допустить противника к Висле, если ему кое-где удастся прорваться через боевые порядки войск фронта.

Не успел маршал Рокоссовский отдать эти распоряжения, как позвонил командующий 5-й гвардейской танковой армией генерал Вольский. Он доложил, что противник приближается к его командному пункту, и попросил разрешения перейти со штабом в расположение войск 2-й ударной армии. Командующий фронтом посоветовал ему не отрываться от своих частей, а подготовить их к удару по противнику, поддерживая постоянную связь со 2-й ударной армией.

Части 3-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала Осликовского, несмотря на снежные заносы, быстро вышли в район боевых действий и завязали бой с прорвавшимися в расположение 48-й армии частями противника. В ходе упорных боев противник был остановлен и к 31 января отошел на исходные позиции. Деблокада восточно-прусской группировки не состоялась. К 10 февраля под ударами войск фронта группа армий «Север» (около 32 дивизий) была рассечена на три изолированные группировки: хайльсбергскую, кенигсбергскую и земландскую, только главным силам немецкой 2-й армии удалось отойти в Восточную Померанию.

Основные силы 2-го Белорусского фронта приступили к проведению Восточно-Померанской операции. Задача по разгрому трех вражеских группировок была возложена на 3-й Белорусский фронт.

Директивой № 11022 Ставки ВГК от 9 февраля с 24.00 10 февраля из 2-го Белорусского фронта в его состав были переданы: 50-я, 48-я, 5-я гвардейская танковая (10-й и 29-й танковые корпуса, 47-я механизированная бригада) армии, 29-я гвардейская тяжелая танковая, 23-я танковая бригады, 260-й и 66-й гвардейские тяжелые танковые, 340-й тяжелый самоходный, восемь самоходных артиллерийских (1294, 1444, 1901, 1812, 1902, 1888, 1199 и 881-й) полков, 15-я артиллерийская дивизия прорыва, 5-я и 13-я истребительно-противотанковые артиллерийские бригады, 56-й гвардейский гаубичный артиллерийский, 6, 84 и 100-й гвардейские минометные полки, 33-я мотоинженерная бригада^[766].

Однако главные силы 3-го Белорусского фронта не смогли с ходу ликвидировать хайльсбергскую группировку противника и выполнили эту задачу лишь после перегруппировки сил 13-29 марта. Кенигсбергская группировка была разгромлена с 6 по 9 апреля в ходе Кенигсбергской операции, а 13-25 апреля войска 3-го Белорусского фронта при участии авиации и других сил Балтийского флота завершили разгром земландской группировки врага.

В результате Восточно-Прусской стратегической наступательной операции советские войска овладели Восточной Пруссией, освободили часть северных районов Польши, уничтожили более 25 дивизий и нанесли поражение 12 дивизиям противника. Большую роль в этом сыграли 5-я гвардейская танковая армия. Ее 25-я и 32-я танковые бригады и 1446-й самоходный артиллерийский полк были награждены орденом Ленина, 10-й танковый корпус и 47-я механизированная бригада – орденом Суворова 2-й степени.

Однако советское командование не сумело предотвратить отход за Вислу главных сил немецкой 2-

й армии, которые были разгромлены лишь в ходе последующей, Восточно-Померанской операции. Кроме того, советские войска не смогли осуществить рассеечение окруженных группировок противника, так как не удавалось наносить достаточно мощные первоначальные удары, что привело к затяжному характеру операции (103 суток). Потери советских войск в Восточно-Прусской операции составили: безвозвратные – 126 464, а санитарные – 458 314 человек, 3525 танков и САУ, 1644 орудия и миномета, 1450 боевых самолетов^[767].

* * *

Войска 5-й гвардейской танковой армии в составе 3-го Белорусского фронта находились недолго. Согласно директиве Генштаба № 12733 от 28 февраля 1945 г., она в составе 29-го танкового корпуса и всех армейских частей усиления с 24 часов 1 марта была передана 2-му Белорусскому фронту. 47-я отдельная механизированная бригада этой армии передавалась в его состав не позже 10 марта^[768].

В день вывода армии из 3-го Белорусского фронта командующий фронтом Маршал Советского Союза А.М. Василевский прислал телеграмму следующего содержания: «Тов. Вольский! Вас и в Вашем лице весь личный состав 5-й гвардейской танковой армии сердечно благодарю за те славные подвиги, которые совершены были Вами на землях Прибалтики и Восточной Пруссии. С большим сожалением и огорчением расстаюсь с Вами»^[769].

19 марта 1945 г. генерал В.Т. Вольский был вынужден уехать на лечение в Москву. Войска армии

возглавил генерал-майор танковых войск М.Д. Синенко (см. приложение № 3).

Войска 5-й гвардейской танковой армии, совершив 125-километровый марш, сосредоточились в районе Мариенвердер. Они насчитывали 76 танков и САУ, которые требовали или среднего, или капитального ремонта^[770]. 20 марта армия получила приказ переправиться через Вислу и к исходу 23-го сосредоточиться в районе Прейс-Старогард (60 км южнее Данцига). К этому времени ремонтники не успели восстановить все машины, а потому в новый район армия выступила с 50 боевыми машинами. Командующий 2-м Белорусским фронтом приказал принять побережье Данцигской бухты от Нейфарвассека до Колибкена у 70-й армии и от Колибкена до Гдыни – у 19-й армии. Смена частей была произведена в ночь на 5 апреля.

Войска 5-й гвардейской танковой армии заняли оборону в полосе шириной 20 км. В оперативное подчинение командующему армией были переданы 98-й стрелковый корпус и 1-я польская танковая бригада (9 танков). В состав 98-го стрелкового корпуса входил отряд Днепровской флотилии (6 бронекатеров). Позже прибыл дивизион торпедных катеров для активных операций против кораблей противника, эвакуировавших войска с плацдармов.

Войскам армии предстояло решать две задачи. Первая – прочно оборонять побережье и не допустить высадки вражеского десанта, так как противник удерживал еще три плацдарма. Первый, самый обширный (60 км), включал в себя косу Фрише-Нерунг до порта Пиллау и болотистый участок, прилегающий к руслу Вислы, с многочисленными рукавами реки, каналами и мелиоративными сооружениями. В первой линии обороны здесь находилось около 1 тыс. человек и

до танкового батальона. Второй плацдарм (до 20 км) примыкал непосредственно к порту Гдыня и проходил по линии Окехефт, Добки, Рева. Третий плацдарм, самый малый, находился на косе Хель от Гейнова до порта Хель. Противник через порт Хель, устье Вислы и по косе Фрише-Нерунг эвакуировал живую силу и военное имущество.

Вторая задача – ликвидировать остатки войск противника в устье Вислы. К ее выполнению армия приступила с утра 9 апреля. Противник пытался прорываться мелкими группами. Бои шли одновременно и на суше, и на море. К началу мая 1945 г. остатки войск противника в районе устья р. Висла были ликвидированы.

За подвиги, совершенные в годы войны, свыше 38 тыс. воинов 5-й гвардейской танковой армии были награждены орденами и медалями, а более 50 из них присвоено звание Героя Советского Союза.

Шестая гвардейская танковая армия

В этой главе речь пойдет о последней, в смысле порядкового номера, а не значимости, танковой армии. 20 января 1944 г. был издан приказ Ставки ВГК за № 302001 о формировании 6-й танковой армии под командованием генерал-лейтенанта танковых войск А.Г. Кравченко, освобожденного от должности командира 5-го гвардейского Сталинградско-Киевского танкового корпуса (см. приложение № 3). Членом Военного совета армии стал генерал-майор Г.Л. Туманян, освобожденный от должности члена Военного совета 46-й армии, а начальником штаба армии – генерал-майор танковых войск Д.И. Заев, освобожденный от должности заместителя начальника штаба БТ и МВ Красной Армии. В состав армии включались: 5-й гвардейский танковый Сталинградско-Киевский корпус генерала В.М. Алексеева, 5-й механизированный корпус генерала М.В. Волкова; управление армии; гвардейский минометный полк; отдельный инженерный батальон; полк связи; авиаполк связи; два автомобильных батальона подвоза; тыловые части и учреждения. Командующему 1-м Украинским фронтом предписывалось до сформирования управления 6-й танковой армии немедленно создать оперативную группу для руководства боевой деятельностью включаемых в армию корпусов^[771].

Армии, наряду с 1-й, 2-й и 5-й гвардейской танковыми армиями, предстояло принять участие в Корсунь-Шевченковской наступательной операции. Она началась 24 января 1944 г., то есть на формирование 6-й танковой армии отводилось всего три дня.

Корсунь-Шевченковская наступательная операция (24 января - 17 февраля 1944 г.)

Как отмечалось в главе, посвященной 5-й гвардейской танковой армии, замысел Корсунь-Шевченковской наступательной операции состоял в том, чтобы войсками 1-го и 2-го Украинских фронтов нанести встречные удары под основание корсунь-шевченковского выступа и соединиться в районах Шполы, Звенигородки, а затем окружить и уничтожить группировку противника. Один удар из района южнее Белой Церкви наносился левым крылом 1-го Украинского фронта (40-я, 27-я и 6-я танковые армии), другой – из района севернее Кировограда войсками правого крыла 2-го Украинского фронта (4-я гвардейская, 53-я и 5-я гвардейская танковые армии).

По решению командующего 1-м Украинским фронтом генерала армии Н.Ф. Ватутина 6-ю танковую армию впервые в Великой Отечественной войне намечалось использовать совместно с 40-й и 27-й армиями в первом эшелоне оперативного построения фронта. 5-я гвардейская танковая армия составляла подвижную группу 2-го Украинского фронта. С выходом в оперативную глубину танковые армии предусматривалось применить для окружения корсунь-шевченковской группировки противника и создания условий для ее быстрейшего уничтожения.

Применение 6-й танковой армии в первом эшелоне 1-го Украинского фронта обуславливалось сложностью оперативной обстановки и необходимостью создания мощной ударной группировки в короткие сроки. Значительное количество сил и средств фронта было задействовано для отражения сильных ударов противника в районах севернее Умани и восточнее Винницы. Некоторые соединения 40-й армии вели бои в окружении. В ходе предшествующей Житомирско-Бердичевской операции войска фронта понесли

значительные потери, а 27-я армия почти не имела танков НПП. В то же время обстановка требовала незамедлительной ликвидации корсунь-шевченковского выступа и действовавшей в нем крупной группировки врага. Кроме того, учитывалось, что 5-й механизированный корпус уже находился в непосредственном соприкосновении с противником, оборона которого была недостаточно оборудована в инженерном и противотанковом отношении.

Войскам 6-й танковой армии предстояло прорвать оборону противника на участке шириной 4,2 км, имея в первом эшелоне 5-й механизированный и во втором – 5-й гвардейский Сталинградско-Киевский танковый корпуса. К началу операции было создано превосходство над противником по пехоте в 1,7 раза, артиллерии – в 2,4, танкам и САУ – в 2,7 раза. По авиации силы сторон были примерно равными. На направлениях главных ударов в результате проведенных перегруппировок превосходство над противником по пехоте было почти двукратным, по танкам и артиллерии – трехкратное. Плотность артиллерии на 1 км участка прорыва составляла 52 орудия и миномета^[772].

Операция готовилась в сложных условиях рано начавшихся на Украине оттепели и распутицы, которые затрудняли маневр войск, подвоз материальных средств и использование авиацией грунтовых аэродромов. 1-й Украинский фронт должен был начать наступление 26 января, а 2-й Украинский – на день раньше. Это было обусловлено разницей расстояний, которые предстояло преодолеть ударным группировкам фронтов до Звенигородки – пункта, где они должны были соединиться.

24 января в наступление перешли передовые батальоны 52-й, 4-й гвардейской и 53-й армий 2-го

Украинского фронта, которые к исходу дня вклинились в оборону врага на глубину до 6 км. На следующий день в сражение были введены главные силы 4-й гвардейской, 53-й армий и 5-й гвардейской танковой армии, расширивших прорыв до 25 км по фронту и до 16 км в глубину.

26 января после 35-минутной артиллерийской подготовки началось наступление ударной группировки 1-го Украинского фронта (40-я армия, сводный отряд 27-й армии, 6-я танковая армия). Противник, опираясь на сильно укрепленные позиции, оказывал упорное сопротивление. В результате 5-й механизированный корпус 6-й танковой армии к исходу дня сумел продвинуться всего 2–5 км, потеряв 59 танков и САУ, или почти 30 % боевого состава^[773].

27 января командующий 1-м Украинским фронтом передал в подчинение командующего 6-й танковой армией из 40-й армии 47-й стрелковый корпус (167-я, 359-я стрелковые дивизии). Он должен был атаковать сильный узел сопротивления врага в населенном пункте Виноград, а двумя подвижными группами обойти его с юга и севера. Ввод в сражение корпуса позволил на следующий день прорвать тактическую зону обороны противника. Для наращивания успеха командующий 6-й танковой армией генерал Кравченко создал танковую группу под командованием генерал-майора танковых войск М.И. Савельева. В ее состав вошли 233-я танковая бригада, 1228-й самоходный артиллерийский полк, мотострелковый батальон и истребительно-противотанковая артиллерийская батарея; всего 39 танков, 16 САУ, 200 автоматчиков на автомашинах. Танковая группа, обходя опорные пункты противника, прошла с боями 65 км и 28 января совместно с 20-м танковым корпусом 5-й гвардейской танковой армии захватила Звенигородку. В результате был охвачен

правый фланг противника в корсунь-шевченковском выступе. В окружении оказалась значительная часть его сил – около 50 тыс. человек. Это вынудило противника прекратить контрудары против войск 1-го Украинского фронта восточнее Винницы и севернее Умани, а все танковые дивизии перебросить на спасение окруженных войск.

Советское командование приняло меры для быстреего создания (к 3 февраля) устойчивого внешнего фронта окружения за счет танковых армий обоих фронтов, усиленных стрелковыми соединениями, противотанковой артиллерией и инженерно-саперными частями. Одновременно общевойсковые армии (27-я, 4-я гвардейская) и 5-й гвардейский кавалерийский корпус образовали сплошной внутренний фронт окружения.

Войска 6-й танковой армии к этому времени понесли значительные потери, насчитывая всего около 100 танков и до 20 САУ^[774]. Они перешли к обороне в полосе шириной до 60 км. Оперативное построение армии было в два эшелона с выделением артиллерийско-противотанкового резерва и подвижного отряда заграждения (до двух саперных рот с запасом противотанковых мин). Им заранее было определено несколько направлений совместных действий по отражению танковых ударов противника. С целью повышению устойчивости обороны на каждый корпус было создано 6–8 противотанковых районов с использованием в них противотанковой, самоходной и части полевой артиллерии стрелковых соединений. Кроме того, была организована система танковых засад, а часть танков и САУ эшелонировалась в глубину. Удары вражеских резервов на внешнем фронте отражались корпусами первого эшелона, а также контратаками и контрударами вторых эшелонов и резервов. Когда нажим был особенно сильным, на угрожаемые

направления перебрасывались части и соединения с менее опасных участков.

Пока шли напряженные бои на внешнем фронте, территория, которую занимали окруженные войска, резко уменьшилась и простреливалась огнем артиллерии фронта. 8 февраля советское командование предложило группировке прекратить сопротивление. Однако противник отклонил ультиматум и 11 февраля силами до восьми танковых дивизий предпринял наступление на внешнем фронте окружения. Главный удар наносился на Лысянку из районов западнее Ризино и Ерки. Навстречу им рвались части окруженной группировки. Ценой больших потерь противнику, наступавшему из района Ризино, удалось выйти в район Лысянки. 12 февраля окруженная группировка противника сумела потеснить советские войска и выйти в район Шендеровки. Возникла реальная угроза деблокады окруженной группировки. Для ее быстрейшего разгрома советское командование перегруппировало часть сил с внешнего фронта окружения на внутренний. По решению И.В. Сталина руководство всеми войсками, действовавшими на внутреннем фронте, было возложено на командующего 2-м Украинским фронтом генерала Конева, а маршал Жуков должен был координировать действия фронтов на внешнем фронте окружения^[775].

14 февраля войска 52-й армии 2-го Украинского фронта заняли Корсунь-Шевченковский. В ночь на 17 февраля противник предпринял еще одну попытку прорыва из окружения в направлении Лысянки. Однако в течение дня большая часть окруженной группировки (42-й и 11-й армейские корпуса) была уничтожена или взята в плен. Потери ее (вместе с потерями войск, действовавших на внешнем фронте окружения) достигли 70 тыс. человек.

В ходе Корсунь-Шевченковской операции, итоги которой подведены в предшествующей главе, особенностями применения войск 6-й танковой армии явилось то, что на первом этапе они использовались для окружения врага, а на втором этапе – для отражения его сильных ударов на внешнем фронте.

* * *

После завершения Корсунь-Шевченковской операции задача и предназначение 6-й танковой армии изменились. Как уже говорилось в главе «Вторая гвардейская танковая армия», 18 февраля 1944 г. была издана директива № 220028 Ставки ВГК о передаче из 1-го Украинского фронта с 24.00 18 февраля в состав войск 2-го Украинского фронта 40-й армии, 2-й и 6-й танковых армий, а также из 33-й армии 13-й артиллерийской дивизии и 94-й самоходной артиллерийской бригады^[776].

Войскам 6-й танковой армии совместно с 5-й гвардейской и 2-й танковыми армиями предстояло принять участие в Уманско-Ботошанской операции.

Уманско-Ботошанская наступательная операция (5 марта - 17 апреля 1944 г.)

В Уманско-Ботошанской операции, цель и замысел которой изложены в главе «Вторая гвардейская танковая армия», войскам 6-й танковой армии отводилась одна из решающих ролей. Она, наряду с 27-й, 52-й, 4-й гвардейской, 5-й гвардейской танковой и 2-й танковой армиями, входила в состав ударной группировки 2-го Украинского фронта. Вначале 6-ю танковую армию планировалось использовать во втором эшелоне фронта с целью развития удара на правом фланге в общем направлении на Харитоновку.

К началу операции 6-я танковая армия включала один механизированный и один танковый корпус, самоходную артиллерийскую бригаду, отдельный танковый, самоходный артиллерийский, гвардейский минометный полки, отдельный армейский полк связ. Армия насчитывала всего 153 танка и САУ.

Войска 2-го Украинского фронта перешли в наступление 5 марта. На следующий день 6-й танковой армии была поставлена задача обходным маневром с северо-запада овладеть важным железнодорожным узлом и опорным пунктом противника – Христиновкой, а в дальнейшем наступать в юго-западном направлении на местечко Вапнярка и станцию Вапнярка, не давая возможности противнику отходить в южном и юго-западном направлениях^[777].

7 марта соединения 2-й и 5-й гвардейской танковых армий с ходу форсировали р. Горный Тикич и перешли к преследованию противника. Войска 6-й танковой армии совместно с частями 27-й армии овладели селом Кишенцы и завязали бой за Нестеровку. 9 марта 6-я танковая армия стремительным ударом с двух сторон овладела Христиновкой. На следующий день 2-я танковая армия во взаимодействии с 29-м танковым корпусом 5-й гвардейской танковой армии освободила Умань. После этого армии 2-го Украинского фронта передовыми отрядами вышли к р. Южный Буг, форсировали его и развернули наступление к Днестру.

11 марта Ставка ВГК своей директивой потребовала от командующего 2-м Украинским фронтом маршала И.С. Конева, преследуя отходящего противника, не дать ему возможности организовать оборону на р. Южный Буг и овладеть рубежом Муровано-Куриловцы, Могилев-Подольский, р. Днестр, захватив на Днестре переправы. Главную группировку фронта предписывалось вывести в район Могилев-Подольский, Ямполь. Одновременно

левым крылом фронта предстояло наступать в направлении Ново-Украинка, Первомайск, Рыбница. В дальнейшем предписывалось овладеть районом Бельцы, Кишинев и выйти на р. Прут на государственную границу СССР^[778].

В соответствии с этим маршал Конев потребовал от 2-й и 5-й гвардейской танковых армий стремительными действиями захватить переправы и плацдармы на правом берегу Южного Буга. Войска 6-й танковой армии должны были переправиться через реку в полосе 27-й армии, с утра 14 марта перейти в наступление на Вапнярку и к исходу дня овладеть ею. В дальнейшем следовало развивать наступление в направлении на Тамошполь, Боровку и захватить переправы через Днестр у Могилев-Подольского, Яруги.

Соединения 6-й танковой армии, действуя смело и решительно, успешно продвигались вперед. 16 марта части 5-го механизированного корпуса ударом с востока и 16-й танковый корпус 2-й танковой армии с юго-востока освободили Вапнярку. К исходу дня 18 марта передовые части 27-й и 6-й танковой армий вышли к Днестру на участке Могилев-Подольский. Однако им не удалось захватить переправы на реке. Противник успел взорвать мост в Могилев-Подольском и уничтожить переправочные средства в этом районе. В ночь на 19 марта передовой отряд 6-й танковой армии на подручных средствах переправился через Днестр в районе Серебряя, Яруга. Войска 27-й армии к 20 марта преодолели реку по построенным инженерными частями десантно-паромным переправам. Одновременно началось строительство мостов у Могилев-Подольского и в Яруге для тяжелых грузов.

Как уже отмечалось, И.В. Сталин, ошибочно полагая, что для окружения 1-й танковой армии противника вполне хватит сил 1-го Украинского фронта, приказал 2-

му Украинскому фронту оказать содействие войскам 3-го Украинского фронта. Согласно директиве Ставки ВГК от 22 марта, армиям 2-го Украинского фронта предстояло наступать вдоль обоих берегов Днестра к Черному морю, не допустить отхода группы армий «А» за реку и вместе с 3-м Украинским фронтом окружить и разгромить противника. Войска правого крыла 2-го Украинского фронта должны были овладеть Кишиневом и выйти на р. Прут^[779].

Маршал Конев, выполняя директиву Сталина, приказал 6-й танковой армии с утра 24 марта перейти в решительное наступление и развивать удар в направлении Шальвари, Век, Тырново, Рышкановка, Скуляны, Унгены. К исходу дня 26 марта ей предстояло овладеть районом Унгены, (иск.) Пырлица, Петешты. В дальнейшем развивать наступление на Болдурешты, Ниспоряны, Лопушно, Котовское, Бендеры, ударом с юга содействовать 2-й танковой армии в захвате Кишинева. С выходом в район Скуляны армия должна была выделить сильный разведывательный отряд на Яссы и Хуши^[780].

Войска 2-го Украинского фронта, изменив направление наступления, 25 марта вышли на р. Прут, а на следующий день передовые отряды 27-й и 52-й армий уже занимали 85-километровый участок вдоль советско-румынской границы. В ночь на 28 марта войска правого крыла фронта форсировали Прут и заняли ближние подступы к Яссам и Кишиневу, где встретили ожесточенное сопротивление противника. К этому времени танковые армии понесли значительные потери в материальной части, главным образом по техническим причинам. В 6-й танковой армии осталось всего 40 танков и 6 САУ^[781].

Противник, сдерживая наступление 3-го Украинского фронта, перебрасывал силы на

кишиневское направление, т. е. против 2-го Украинского фронта, идущего на выручку войскам 3-го Украинского фронта. К 5 апреля на кишиневском направлении были сосредоточены 123, 62, 46, 79-я пехотные и 24-я танковая дивизии и ряд других частей, отведенных с левого берега Днестра. В тот же день Ставка ВГК, как отмечалось ранее, директивой № 220072 приказала маршалу Коневу возможно быстрее выдвинуть правое крыло фронта (40-я, 27-я армии, 3-й гвардейский танковый корпус) на рубеж рек Сирет и Бахлуй и овладеть районом Дорохой, Батошани, Яссы^[782]. По решению маршала Конева предусматривалось в последующем вывести на направление Болотино, Тыргу-Фрумос, Роман, Бакэу 7-ю гвардейскую и 5-ю гвардейскую танковую армии. Армии левого крыла фронта (4-я гвардейская, 53-я, 5-я гвардейская танковая, 2-я и 6-я танковые) должны были продолжать наступление в целях овладения районом Кишинева и выхода на р. Прут. В дальнейшем предусматривалось нанести удар на Фокшаны^[783]. Сталин, утвердив план командующего 2-м Украинским фронтом, потребовал незамедлительно перевести на западный берег р. Прут одну танковую армию (2-ю или 6-ю). Для наступления на Кишинев он считал, что будет достаточно двух танковых армий (5-й гвардейской и 6-й или 2-й). 7-ю гвардейскую армию надлежало перегруппировать в район западнее Рыбницы^[784]. Войска 2-го Украинского фронта, выполняя поставленные задачи, к середине апреля достигли своим правым крылом Карпат, овладев г. Ботошаны (Ботошани), центром вышли с севера на подступы к Яссам, а левым крылом – на подступы к Кишиневу. Противник, чтобы спасти от полного развала южное крыло своего фронта, перебросил на это направление 18 дивизий и 3 бригады. Войска 2-го Украинского

фронта, испытывая нарастающее сопротивление противника, вынуждены были перейти к обороне.

В ходе Уманско-Ботошанской операции, об итогах которой сказано в главе «Вторая гвардейская танковая армия», последовательный ввод в сражение 6-й танковой армии после прорыва тактической обороны позволил сохранить ее ударную силу для решения задач в оперативной глубине.

* * *

Верховное Главнокомандование вермахта, стремясь удержать в своих руках Румынию в качестве сателлита и важнейшего стратегического плацдарма на Балканах, предприняло отчаянные попытки выбить из ее северо-восточных районов советские войска, а также ликвидировать занятые ими плацдармы на западном берегу Днестра. В свою очередь Советское Верховное Главнокомандование своевременно приняло меры, чтобы не только удержать плацдармы на Днестре и северо-восточные районы Румынии, но и расширить их, чтобы в последующем нанести с этих плацдармов сокрушительные удары по группе армий «Южная Украина» и вывести Румынию из войны. На освобожденной территории Румынии были сосредоточены значительные силы – 40, 27, 52-я и 7-я гвардейская армии, 2-я и 6-я танковые армии. Они более четырех месяцев вели кровопролитные бои, отражая в отдельные дни по 15–20 контратак противника. К середине июня 1944 г. фронт в Румынии стабилизировался по линии западнее Рэдэуци, Пашкани, севернее Ясс. Войска 2-го Украинского фронта, наряду с совершенствованием обороны, готовились к проведению Яско-Кишиневской стратегической наступательной операции.

**Ясско-Кишиневская стратегическая
наступательная операция (20-29 августа 1944 г.)**

К началу Ясско-Кишиневской операции войска 2-го Украинского (командующий – генерал армии Р.Я. Малиновский) и 3-го Украинского (командующий – генерал армии Ф.И. Толбухин) фронтов оборонялись на рубеже Красноильск, Пашкани, севернее Ясс, далее по Днестру до Черного моря, занимая охватывающее положение по отношению к группировке противника. В районе Кицкани, южнее Тирасполя, советские войска удерживали важный плацдарм на правом берегу Днестра. Войска обоих фронтов насчитывали 1,25 млн человек, 16 тыс. орудий и минометов, 1870 танков и САУ и 2200 боевых самолетов (с учетом авиации Черноморского флота).

Перед двумя Украинскими фронтами оборонялась группа армий «Южная Украина» (командующий – генерал-полковник Г. Фриснер) в составе немецких 8-й и 6-й, румынских 3-й и 4-й армий и немецкого 17-го отдельного армейского корпуса. Всего противник насчитывал 900 тыс. человек, 7,6 тыс. орудий и минометов, свыше 400 танков и штурмовых орудий. Их поддерживала часть сил 4-го воздушного флота и румынского авиационного корпуса, имевшие 810 самолетов^[785]. Они уступали войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов в 1,4 раза в личном составе, в 2,1 – в артиллерии, в 4,7 – в танках и САУ, в 2,7 раза – в авиации.

Группе армий «Южная Украина» была поставлена задача, используя заранее подготовленные рубежи и выгодные условия местности, любой ценой отразить наступление советских войск, не допустить их в центральную часть Румынии, к границам Венгрии, Югославии и Болгарии. Противник, используя гористый

рельеф местности и многочисленные реки, создал мощную глубоко эшелонированную (до 80 км) оборону с развитой системой инженерных сооружений. Она включала три, а на ясском направлении четыре оборонительные полосы. В глубине были построены, кроме того, оборонительные рубежи по рекам Прут и Сирет. В центре группы армий «Южная Украина» на кишиневском направлении занимала оборону наиболее боеспособная немецкая 6-я армия, а на флангах – в основном румынские войска.

2 августа 1944 г. командующим войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов была направлена директива № 22017 °Ставки ВГК на подготовку Ясско-Кишиневской операции^[786]. Цель операции – силами двух фронтов разгромить группировку противника в районе Яссы, Кишинев, Бендеры и овладеть рубежом Бакэу, Леово, Тарутино, Молдавка, имея в виду в дальнейшем наступать на Фокшаны, Галац и Измаил.

Замысел Ясско-Кишиневской операции состоял в том, чтобы ударами войск 2-го и 3-го Украинских фронтов с севера и востока, на двух, далеко отстоящих друг от друга участках (северо-западнее Ясс и южнее Бендер) прорвать оборону противника и, развивая наступление по сходящимся к району Хуши, Васлуй, Фэлчиу направлениям, окружить и уничтожить основные силы группы армий «Южная Украина», а затем в высоких темпах развивать наступление в глубь Румынии.

Согласно замыслу 2-й Украинский фронт главный удар силами 27, 52, 53-й и 6-й танковой армий наносил из района северо-западнее Ясс в общем направлении на Васлуй, Фэлчиу, отрезая пути отхода ясско-кишиневской группировки противника на запад. Вспомогательный удар наносили 7-я гвардейская армия и конно-механизированная группа вдоль р. Сирет для

обеспечения правого фланга главной группировки фронта. После окружения ясско-кишиневской группировки главным силам 2-го Украинского фронта предстояло наступать в общем направлении на Фокшаны, образуя внешний фронт окружения, а войскам левого крыла – создать внутренний фронт окружения и совместно с войсками 3-го Украинского фронта уничтожить окруженную группировку.

3-й Украинский фронт наносил главный удар силами 57-й, 37-й и правого фланга 46-й армий с кицканского плацдарма в направлении Хуши, а вспомогательный удар – частью сил 46-й армии во взаимодействии с Дунайской военной флотилией через Днестровский лиман в направлении на Белгород-Днестровский (Аккерман). Дунайская военная флотилия должна была высадить десанты северо-западнее и южнее Аккермана, а с выходом войск 3-го Украинского фронта к Дунаю содействовать им в форсировании реки и обеспечивать советским кораблям и судам беспрепятственное движение по ней. После окружения ясско-кишиневской группировки противника войскам 3-го Украинского фронта ставилась задача развивать наступление в общем направлении на Рени и Измаил, не допуская отхода противника за Прут и Дунай.

Действия сухопутных войск поддерживали 5-я и 17-я воздушные армии. Черноморский флот (командующий – адмирал Ф.С. Октябрьский) имел задачу поддерживать огнем войска приморского фланга 3-го Украинского фронта, нарушать прибрежные морские коммуникации противника, наносить авиационные удары по его военно-морским базам. Координацию действий фронтов осуществлял представитель Ставки ВГК Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко.

На направлениях главных ударов было сосредоточено 67–72 % пехоты, до 61 % артиллерии, 85 % танков и САУ, почти вся авиация. Благодаря этому

на участках прорыва фронты имели превосходство над противником: в людях – в 4–8 раз, в артиллерии – в 6 – 11, а в танках и САУ – в 6 раз. Это обеспечивало им возможность непрерывно наращивать мощь ударов и поддерживать высокие темпы наступления. Плотности на участках прорыва составляли 240–280 орудий и минометов и 17 танков и САУ на 1 км фронта^[787].

Подвижные соединения (танковую армию, танковые и механизированные корпуса) планировалось использовать после прорыва обороны противника для быстрого захвата переправ на р. Прут в районе Хуши, Фэлчиу. В соответствии с этим войска 6-й танковой армии (506 танков и САУ) намечалось ввести в сражение с рубежа р. Бахлуй в направлении Васлуй, Фокшаны^[788].

Подготовка войск к операции продолжалась около двух недель. Личный состав обучался действиям в горно-лесистой местности и форсированию рек с ходу. Большое внимание уделялось отработке взаимодействия между стрелковыми, танковыми, артиллерийскими подразделениями, частями и соединениями. Инженерные войска заблаговременно готовили маршруты к переднему краю обороны противника, определяли порядок разминирования местности на направлениях действий стрелковых и танковых частей и соединений. В авиационных штабах отрабатывались способы обеспечения ввода подвижных соединений в сражение и осуществления поддержки их в оперативной глубине.

В 6-й танковой армии для руководства войсками создавались, как и в обычных условиях, командный пункт, второй эшелон управления, оперативная группа штаба. Кроме того, были организованы временные пункты управления, передовые, боковые и запасные наблюдательные пункты. Временный пункт управления

возглавлял один из заместителей командующего армией, имевший одну-две радиостанции средней и большой мощности.

Наступление ударных группировок 2-го и 3-го Украинских фронтов началось утром 20 августа после мощной артиллерийской и авиационной подготовки. Наибольший успех был достигнут на направлении главного удара 2-го Украинского фронта. Стрелковые соединения 27-й армии при поддержке огня артиллерии во взаимодействии с танками и САУ быстро прорвали главную полосу обороны, передовыми частями форсировали р. Бахлуй, а также захватили исправные мосты и оборудованные броды.

Командующий фронтом генерал армии Малиновский, стремясь нарастить успех, принял решение ввести в сражение 6-ю танковую армию. Ее 5-й гвардейский танковый корпус под командованием генерала В.М. Алексеева вошел в прорыв в час дня, а 5-й механизированный корпус генерала М.В. Волкова – в два часа. Это был единственный во время войны случай, когда танковая армия была успешно введена в прорыв уже в середине первого дня наступления. Однако ей не удалось оторваться от пехоты. Противник успел выдвинуть из оперативного резерва две дивизии и совместно с остатками двух других соединений занял оборону, оказав упорное сопротивление наступающим советским войскам. Кроме того, сказались отсутствие четкого взаимодействия между соединениями, наступавшими в оперативной глубине. В результате артиллерия слабо поддерживала танковые части, которые не смогли прорвать третий оборонительный рубеж врага, проходивший по хребту Маре.

Утром 21 августа в сражение были введены 18-й (250 танков) и 23-й (190 танков) танковые корпуса. Противник контратаками, особенно силами 1-й танковой и 10-й моторизованной дивизий, неоднократно пытался

задержать наступление войск 2-го Украинского фронта на промежуточных и тыловых рубежах. Однако они мощными ударами отбросили противника на юг. В течение двух дней 6-я танковая армия и танковые корпуса во взаимодействии с соединениями общевойсковых армий нанесли тяжелое поражение противнику и продвинулись до 40 км.

Успешно развивалось и наступление 3-го Украинского фронта, в полосе которого 21 августа были введены в сражение 7-й механизированный (203 машины) и 4-й гвардейский механизированный (237 машин) корпуса. Они, обогнав пехоту, стали быстро продвигаться в глубину вражеской обороны. Командующий группой армий «Южная Украина», опасаясь окружения, спешно перебросил на угрожаемое направление из района Кишинева 13-ю танковую и 158-ю пехотную дивизии. Однако одновременный ввод этих сил был умело использован советскими войсками. Они нанесли вражеским дивизиям тяжелые потери и вынудили их отойти в северо-западном направлении. 7-й механизированный корпус, развивая успех, продвинулся на 25 км, а 4-й гвардейский механизированный корпус вышел в район Тарутина, пройдя с боями около 60 км.

В целом на направлениях главных ударов 2-го и 3-го Украинских фронтов были достигнуты крупные успехи. Они прорвали три полосы обороны, создав благоприятные условия для окружения главных сил немецкой 6-й армии и нанесения ударов в глубину. Ставка ВГК, учитывая это, еще вечером 21 августа директивой № 220181 потребовала от командующих войсками обоих фронтов совместными усилиями быстрее замкнуть кольцо окружения противника в районе Хуши, после чего сужать это кольцо с целью уничтожения или пленения его кишиневской группировки. При этом предписывалось основные силы

и средства обоих фронтов привлечь для выполнения этой главной задачи, не отвлекая их для решения других задач^[789].

Почти одновременно Гитлер разрешил оттянуть фронт армейской группы «Думитреску» на позицию «Фердинанд», оборудованную по западному берегу р. Прут. Вечером 22 августа противник начал отход, но, как отмечал генерал Фриснер, было уже слишком поздно^[790].

Выполняя требования Ставки, командующий 2-м Украинским фронтом приказал 6-й танковой армии решительнее и быстрее продвигаться вперед. Одновременно для повышения темпов наступления общевойсковых армий в стрелковых дивизиях были созданы подвижные отряды из танковых и самоходных артиллерийских частей, усиленных артиллерией и саперами.

Основные силы ударной группировки 3-го Украинского фронта, в том числе и оба механизированных корпуса, направлялись к Пруту с целью окружения вражеских войск в районе Яссы, Кишинев. 5-я отдельная мотострелковая бригада и 53-й мотоциклетный полк должны были выйти к устью Когильника и не допустить отхода аккерманской группировки противника.

На правом крыле 2-го Украинского фронта успешно наступала конно-танковая группа (5-й гвардейский кавалерийский, 23-й танковый корпуса) под командованием генерала С.И. Горшкова. Она успешно форсировала р. Сирет (Сереет) и 23 августа освободила Роман. На следующий день соединения 23-го танкового корпуса с ходу овладели Бакэу – крупным узлом дорог.

Успешно развивалось наступление войск 6-й танковой армии. Преодолевая сопротивление противника, 5-й механизированный корпус генерал-

лейтенанта танковых войск М.В. Волкова и 156-й отдельный танковый полк майора В.С. Трошина при поддержке авиации 5-й воздушной армии овладел 22 августа Васлуем. Отрыв 6-й танковой армии от стрелковых дивизий составлял около 50 км. В связи с тем, что 18-й танковый корпус генерала В.И. Полозкова, отражая контратаки противника из района Ясс, задерживался с выходом к Хуши, генерал армии Малиновский потребовал, чтобы 6-я танковая армия частью сил нанесла удар в северо-восточном направлении. Ей предстояло выйти к Пруту и замкнуть кольцо окружения вокруг главных сил 6-й армии противника. Эту задачу успешно выполнили 9-я механизированная бригада (полковник К.Ф. Селезнев) 5-го механизированного корпуса и 64-й мотоциклетный полк. Их выход в район Хуши помог 18-му танковому корпусу быстрее сломить сопротивление противника и выйти на подступы к городу. Совместными усилиями 24 августа Хуши был очищен от вражеских войск. Части 5-го гвардейского танкового корпуса генерал-лейтенанта танковых войск В.М. Алексеева, преследуя деморализованного противника, совместно с 375-м гвардейским тяжелым самоходным артиллерийским полком подполковника С.Г. Харитоновы заняли Бырлад. Одновременно 110-я танковая бригада под командованием полковника И.Ф. Решетникова и 170-я танковая бригада полковника Н.П. Чупихина установили связь с частями 7-го механизированного корпуса 3-го Украинского фронта. «В результате четырех дней операции, – докладывал маршал Тимошенко Верховному Главнокомандующему Сталину, – войска 2-го и 3-го Украинских фронтов сегодня завершили оперативное окружение кишиневской группировки противника»^[791].

Успешное продвижение советских войск оказало влияние и на обстановку в Румынии – 23 августа

правительство Антонеску было свергнуто. Румынский король Михай в своем воззвании к народу сообщил о разрыве союза с Германией, немедленном прекращении войны и принятии условий перемирия, предложенных СССР, Англией и США. Румынским войскам был отдан приказ прекратить военные действия против Красной Армии.

Гитлер, получив известие о событиях в Румынии, приказал подавить «путч». Утром 24 августа германские части начали штурм Бухареста. Им оказали ожесточенное сопротивление части бухарестского гарнизона, патриотические отряды и силы самообороны. На следующий день, 25 августа, советское правительство заявило, что не имеет намерения ущемить каким-либо образом независимость Румынии и что Красная Армия сможет прекратить военные действия на ее территории только после ликвидации противника.

Тем временем события на фронте развивались следующим образом.

24 августа началась ликвидация окруженной группировки немецкой 6-й армии. Она, пытаясь вырваться из окружения, неоднократно наносила сильные удары по частям 18-го танкового, 7-го и 4-го гвардейского механизированных корпусов. Но они своим огнем отбрасывали врага с большими потерями в исходное положение.

Советские войска, действовавшие на внешнем фронте, продолжали стремительное наступление. К 25 августа соединения 6-й танковой армии продвинулись на 170–180 км при среднесуточных темпах наступления 40–45 км. При этом 21-я и 22-я гвардейские танковые бригады 5-го гвардейского танкового корпуса стремительно овладели г. Текуч. В последующем они захватили мост через р. Сирет и, развивая стремительное наступление, вышли на подступы к

Фокшанам. Особенно отличилась 20-я гвардейская танковая бригада 5-го гвардейского танкового корпуса, которой командовал Герой Советского Союза полковник С.Ф. Шутов. Гвардейцы упредили противника в выходе к «Фокшанским воротам» и тем самым проложили путь армии. Они уничтожили много боевой техники врага, в том числе 20 тяжелых танков. За умелое управление соединением и личную храбрость, проявленную в боях, С.Ф. Шутов был награжден второй медалью «Золотая Звезда».

В результате стремительного преследования противник не успевал производить перегруппировки и подводить из глубины оперативные резервы, способные помешать продвижению советских войск. Однако он надеялся остановить войска 2-го Украинского фронта на подступах к Фокшанам. Здесь заблаговременно был построен оборонительный рубеж с множеством надолб, дзотов, противотанковых рвов, прикрытый проволочными заграждениями. Но этот рубеж не спас противника. Его разрозненные отошедшие части были сбиты стремительным натиском бригад 5-го гвардейского танкового корпуса. Большую роль при ликвидации фокшанского гарнизона противника сыграла мастерски осуществленная атака. Одновременный мощный удар был нанесен с нескольких направлений. В короткий срок сопротивление вражеских войск было сломлено, и части корпуса 27 августа ворвались в город. На следующий день войска 6-й танковой армии заняли Бузэу.

В высоких темпах наступали войска левого крыла 3-го Украинского фронта. Его 5-я отдельная мотострелковая бригада и 53-й мотоциклетный полк 25 августа заняли Измаил, а через два дня вышли на подступы к Констанце и 29 августа совместно с передовыми отрядами 37-й армии, десантными частями

при поддержке кораблей Черноморского флота овладели городом.

В ходе Ясско-Кишиневской стратегической наступательной операции войска 2-го и 3-го Украинских фронтов за короткий срок полностью разгромили группу армий «Южная Украина», уничтожили 22 немецкие дивизии, разгромили почти все румынские дивизии, находившиеся на фронте. В плен были взяты 208,6 тыс. солдат и офицеров, выведено из строя и захвачено более 3,5 тыс. орудий, 830 танков и штурмовых орудий, 338 самолетов, 33 тыс. автомашин^[792]. Такое решительное поражение противника привело к краху немецкой обороны на южном крыле советско-германского фронта, изменило всю военно-политическую обстановку на Балканах. Румыния вышла из войны на стороне Германии и объявила ей войну. Потери советских войск составили: безвозвратные – 13,2 тыс. и санитарные – 54 тыс. человек, 75 танков и САУ, 108 орудий и минометов, 111 боевых самолетов^[793].

Характерными чертами операции явились: огромная пробивная сила первоначального удара общевойсковых соединений; сосредоточение основных усилий на направлениях, где оборона противника была наиболее уязвима, и одновременно выводящих кратчайшими путями к переправам и отрезающих пути подхода его резервов; короткие сроки окружения и уничтожения крупной группировки; создание подвижного внешнего фронта окружения с выделением на него больших сил подвижных войск, в том числе 6-й танковой армии, в результате чего к моменту окружения противника внешний фронт был отодвинут на 85—100 км от внутреннего, что лишало противника возможности организовать взаимодействие его окруженной

группировки с войсками, действовавшими на внешнем фронте.

* * *

После завершения Ясско-Кишиневской операции создались благоприятные условия для развития наступления в глубь Румынии. На это была нацелена директива № 220191 Ставки ВГК, направленная 29 августа 1944 г. командующему войсками 2-го Украинского фронта и представителю Ставки маршалу С.К. Тимошенко [\[794\]](#).

Ставка потребовала силами 27-й, 53-й, 6-й танковой армий и 18-го танкового корпуса развивать наступление в общем направлении на Плоешти, Слатина, Турну-Северин. Ближайшая задача – овладеть нефтеносным районом Плоешти, пройти район Бухареста, очистив его от остатков немецких войск, и к 7–8 сентября выйти на рубеж Кымпулунг, Питешти, Александрия, Зимниче, Джурджу. В дальнейшем, продолжая наступление, выйти на р. Дунай на участке от Турну-Северина до своей левой разгранлинии. Правым крылом фронта (10-я, 7-я гвардейская армии и конномеханизированная группа генерала С.И. Горшкова) предписывалось овладеть перевалами через Восточные Карпаты и к 15 сентября выйти на рубеж Бистрица, Клуз (Клуз-Напока), Сейуд, Сибиу. В дальнейшем, прикрывшись с запада, главными силами правого крыла фронта нанести удар в общем направлении на Сату-Маре с целью содействовать войскам 4-го Украинского фронта в переходе Карпат и выходе в район Ужгород, Мукачево. Одновременно приказывалось вывести в резерв Ставки 4-ю гвардейскую и 52-ю армии.

30 августа соединения 5-го гвардейского танкового корпуса 6-й танковой армии совместно с 375-м

гвардейским тяжелым самоходным артиллерийским полком, частью сил 5-й инженерно-саперной бригады и 3-й гвардейской воздушно-десантной дивизией 27-й армии освободили Плоешти. В боях за город особенно отличилась 6-я гвардейская мотострелковая бригада полковника Д.М. Осадчего. Она столь внезапно атаковала противника, что он не успел занять выгодные, заранее подготовленные рубежи обороны и начал сдаваться в плен. Соединения 5-го механизированного корпуса генерала М.В. Волкова и 18-го танкового корпуса полковника И.М. Колесникова, преследуя противника, 31 августа вместе с частями 53-й армии вступили в Бухарест. Правофланговая группировка фронта (40-я и 7-я гвардейская армии, КМГ генерала Горшкова) в начале сентября встретила большие трудности в преодолении перевалов и большое сопротивление немецких и венгерских войск, опирающихся на систему долговременных сооружений.

4 сентября представитель Ставки маршал Г.К. Жуков и командующий войсками 2-го Украинского фронта направили И.В. Сталину доклад № 476 плана развития операции по преодолению Трансильванских Альп и Карпат^[795]. В докладе отмечалось, что разведывательные и передовые части 6-й танковой армии 4 сентября должны захватить район Крайова и прикрыть выход в этот район 7-8 сентября двух корпусов и в район Тыргу-Жиу – одного танкового корпуса. После этого разведывательные части и передовые отряды армии должны были выйти к переправам на р. Дунай на участке Турну-Северин, Вычету. Войска 53-й армии, наступающие за 6-й танковой армией, должны были к исходу дня 9 сентября выйти передовыми частями к Дунаю на участке Четатя, (иск.) Джурджу. 27-й армии, наступавшей за 5-м гвардейским танковым корпусом, предстояло своим

левым флангом к 12 сентября выйти на Дунай на участке Турну-Северин, Четатя. Правым флангом армии предписывалось наступать на Браилов (Брэила) с юга, помогая 7-й гвардейской армии в овладении этим районом.

Ставка ВГК, рассмотрев представленный план, 5 сентября директивой № 220207 уточнила задачи войскам 2-го Украинского фронта^[796]. Силами 27-й и 6-й танковой армий предписывалось ударом с юга через Браилов и Сибиу в направлении на Клуж и наступлением 40-й и 7-й гвардейской армий с востока преодолеть Трансильванские Альпы, южную часть Карпатского хребта и выйти на рубеж Сату-Маре, Клуж, Дева, Турну-Северин. Войска 53-й армии должны были наступать в направлении на Петрошани, Дева. С выходом в район Сату-Маре предписывалось помочь 4-му Украинскому фронту перейти через Карпаты и овладеть районом Ужгород, Чоп, Мукачево. В дальнейшем предстояло развивать наступление с целью выйти главными силами на р. Тиса на участке Ньиредьхаза, Сегед, имея прикрытие на рубеже Сегед, Турну-Северин. Конницу следовало использовать для наращивания силы удара в направлении на Клуж и последующего прорыва к р. Тиса в район Дебрецена. Для обороны Дуная на участке Турну-Северин, Джурджу приказывалось оставить один стрелковый корпус 53-й армии, а в качестве подвижного резерва иметь в районе Крайова, Слатина один танковый или кавалерийский корпус. Одновременно требовалось обязать румынское командование выделить для обороны Дуная две-три пехотные дивизии и для обороны участка Сегед, Турну-Северин – не менее трех дивизий. Румынские войска, действующие в районе Браилова и в Трансильвании, указывалось использовать для совместного наступления в направлении Клужа^[797].

Германское командование принимало срочные меры по восстановлению стратегического фронта. В Трансильвании были сосредоточены остатки войск генерала Фриснера и венгерские соединения, что позволило сомкнуть смежные фланги групп армий «Южная Украина» и «Ф», находившейся в Югославии. Противник планировал внезапным ударом по румынским войскам захватить переправы в Карпатах до выхода туда частей Красной Армии.

5 сентября немецкие и венгерские войска при поддержке авиации нанесли внезапный удар из района Турды (30 км южнее Клужа) по еще не успевшей организовать оборону румынской 4-й армии. Ее войска к исходу дня 8 сентября вынуждены были отступить на 40–55 км. Одновременно немецкие войска развернули наступление против румынской 1-й армии, форсировав Дунай в 90 км восточнее Белграда. В сложившейся обстановке правительство Румынии передало в оперативное подчинение командующему 2-м Украинским фронтом румынские 1-ю и 4-ю армии, 4-й армейский и 1-й авиационный корпуса. Командующий фронтом приказал армиям центра фронта оказать помощь отступавшим румынским частям.

Большая роль в развитии наступления по-прежнему принадлежала 6-й танковой армии и 18-му танковому корпусу. Их действия были настолько стремительными, что уже 6–8 сентября были заняты Сибиу, Турну-Северин, а несколькими днями позже подвижные соединения вышли на румыно-венгерскую границу южнее Дебрецена.

Успешные действия войск 6-й танковой армии были по достоинству оценены Ставкой ВГК. 12 сентября она была преобразована в 6-ю гвардейскую танковую армию, 5-й механизированный корпус – в 9-й гвардейский механизированный корпус, а 5-й

гвардейский танковый корпус удостоен ордена Суворова 2-й степени.

На браиловском направлении из-за ожесточенного сопротивления противника войска 2-го Украинского фронта не смогли преодолеть Карпаты в установленные сроки. Поэтому генерал армии Малиновский принял решение обойти Карпаты с юга. Части 23-го танкового корпуса, осуществив сложный марш-маневр глубиной около 400 км по единственной горной дороге, вышли в тыл группировке противника, оборонявшей перевалы. Это вынудило его отойти в западном направлении.

15 сентября Ставка ВГК директивой № 220215 потребовала от 2-го Украинского фронта по выходу 15–19 сентября на рубеж Кирлибаба, Бистрица, Клуж, Лугож продолжить наступление в общем направлении Клуж, Дебрецен, Мишкольц. Войска фронта должны были главными силами выйти на р. Тиса на участке Чоп, Сольнок и помочь 4-му Украинскому фронту перейти через Карпаты и овладеть районом Ужгорода. Соединениям 6-й гвардейской танковой армии предстояло наступать в направлении Клуж, Карей, Ньиредьхаза. В дальнейшем приказывалось не позднее 7—10 октября выйти на р. Тиса на участке Чоп, Сегед. 46-ю армию, 7-й механизированный, 4-й и 6-й гвардейские кавалерийские корпуса предписывалось к 3–7 октября вывести на левое крыло фронта в район Тимишоара, Петровград, Бела-Церква^[798]. В последующем им предстояло наступать на север, в зависимости от обстановки, по восточному берегу р. Тиса или по восточному берегу Дуная. Румынские войска следовало использовать частью для прикрытия по рекам Дунай и Тиса на участке Сегед, Джурджу и частью для совместных наступательных действий с войсками фронта против венгерских и немецких войск^[799].

Однако развить успех не удалось, так как противник усилил сопротивление. 2 октября 6-я гвардейская танковая армия и 33-й стрелковый корпус 27-й армии после 25-минутной артиллерийской подготовки нанесли удар между городами Орадеа-Маре и Салонта. Танки, преодолевая по проходам заграждения, огнем с ходу уничтожали уцелевшую живую силу и огневые средства противника, в первую очередь противотанковые. Довольно часто мотострелковые части и подразделения атаковывали противника в пешем строю. Артиллерия с захватом опорных пунктов рот первого эшелона противника начинала перемещение, осуществляя поддержку с закрытых огневых позиций. Бомбоштурмовые удары наносила поддерживающая авиация. Такое «прогрызание» обороны противника, естественно, приводило к резкому снижению темпов наступления, а также к большим потерям в танках и САУ. И лишь решение генерала армии Малиновского на поворот 7-го механизированного корпуса на юго-восток, навстречу 6-й гвардейской танковой армии, с тем чтобы нанести удар с тыла по вражеской группировке, расположенной в районе Орадеа-Маре, позволило продвинуться на дебреценском направлении. Но в дальнейшем соединения 6-й гвардейской танковой армии пришлось до 8 октября отражать сильные контрудары двух танковых дивизий противника.

На левом крыле 2-го Украинского фронта войска 53-й армии и 18-й танковый корпус, преодолев Южные Карпаты и пройдя 162-215 км, нанесли поражение передовым частям противника и сорвали его план по захвату перевалов. Части 75-го стрелкового корпуса вышли к румыно-югославской границе, а 53-я армия и румынская 1-я армия – 22 сентября к румыно-венгерской границе. К концу сентября войскам фронта удалось расширить прорыв до 80 км, продвинувшись всего от 5 до 20 км. Они овладели городами Элек и

Мако, но, встретив упорное сопротивление противника, вынуждены были остановиться и перейти к обороне.

Дебреценская наступательная операция (6—28 октября 1944 г.)

Дебреценская наступательная операция была проведена войсками 2-го Украинского фронта в целях разгрома группы армий «Юг»^[800] в районе городов Клуж, Орадеа-Маре, Дебрецен и содействия 4-му Украинскому фронту в разгроме восточно-карпатской группировки противника. К началу операции войска 2-го Украинского фронта (40-я, 7-я гвардейская, 27, 53, 46-я, 6-я гвардейская танковая, 5-я воздушная армии, две конно-механизированные группы, 18-й танковый корпус, румынские 1-я, 4-я армии, добровольческая дивизия им. Т. Владимиреску, 1-й авиационный корпус) насчитывали 750 танков и САУ, более 10 200 орудий и минометов, 1100 самолетов^[801].

Группа армий «Юг» (немецкие 8-я и 6-я армии, венгерские 2-я и 3-я армии; генерал-полковник Г. Фриснер) и три дивизии группы армий «Ф» имели 300 танков и штурмовых орудий, 3500 орудий и минометов, 550 самолетов^[802]. Они уступали войскам 2-го Украинского фронта в орудиях и минометах – в 2,9 раза, в танках и САУ – в 2,5 и в самолетах – в 2 раза.

В соответствии с директивой Генштаба Сухопутных войск вермахта от 30 сентября группа армий «Юг» должна была ударом из района Дебрецена разгромить советские войска, вышедшие к румыно-венгерской границе на участке Орадеа-Маре, Мако и занять такой рубеж, который можно было удержать в течение зимы незначительными силами. В дальнейшем предусматривалось перегруппировать войска для нанесения удара в южном направлении с целью захвата выходов из Южных Карпат.

Широко используя оборонительные полосы и рубежи на румынско-венгерской границе и на ее подступах, а также горно-лесистую местность, противник намеревался оказать ожесточенное сопротивление, пытаясь измотать и обескровить советские войска, не допустить их выхода на Венгерскую равнину. Он перекрыл удобные для наступления направления минными полями, дзотами, дотами и большим количеством штурмовых орудий. На некоторых участках были созданы танковые засады. К тому же дожди привели дороги в негодное для движения состояние. К юго-западу от Будапешта была возведена «линия Маргариты» по рубежу озеро Балатон и Веленце до излучины Дуная у г. Виц, далее до чехословацкой границы эта линия состояла из трех оборонительных полос.

3 октября 1944 г. командующему войсками 2-го Украинского фронта маршалу Р.Я. Малиновскому и представителю Ставки маршалу С.К. Тимошенко была направлена директива № 220234 Ставки ВГК о плане Дебреценской операции^[803]. В директиве требовалось 6-ю гвардейскую танковую армию использовать совместно с конно-механизированной группой генерала И.А. Плиева для удара на север, в обход Дебрецена с запада. Румынские войска, приданные 46-й армии, предписывалось использовать для наступления против венгерских соединений на левом фланге 53-й армии в направлении Тимишоара, Сегед и далее к северу на территории Венгрии. 46-я армия должна была главные силы сгруппировать на своем правом фланге, имея один стрелковый корпус на белградском направлении по северному берегу р. Дунай.

Замысел Дебреценской операции предусматривал нанесение главного удара в центре полосы 2-го Украинского фронта в направлении на Дебрецен,

Мишкольц силами 53-й, 6-й гвардейской танковой армий, конномеханизированной группы генерал-лейтенанта Плиева и румынской 1-й армии. Войскам 40-й и 7-й гвардейской армий предстояло наступать в общем направлении на Ньиредьхаза, а 27-й и румынской 4-й армий – овладеть районом г. Клуж. Конномеханизированная группа генерал-лейтенанта С.И. Горшкова должна была освободить города Сату-Маре и Карей. С юга наступление главных сил фронта обеспечивала 46-я армия, имевшая задачу очистить от противника территорию Югославии восточнее р. Тиса и захватить плацдармы на ее правом берегу. 18-й танковый корпус генерала П.Д. Говоруненко предусматривалось использовать для удара на Сегед с целью захвата плацдарма на Тисе.

В состав 6-й гвардейской танковой армии входили один механизированный и один танковый корпус, самоходная артиллерийская и моторизованная инженерная бригады, отдельный танковый, тяжелый самоходный артиллерийский, мотоциклетный, истребительно-противотанковый артиллерийский полки.

Наступление 2-го Украинского фронта началось 6 октября. Войска 53-й армии и конно-механизированная группа генерала Плиева к исходу дня 8 октября продвинулись до 100 км на север. Соединения 6-й гвардейской танковой армии, встретив ожесточенное сопротивление противника, потеряли значительное количество танков и вели безуспешные боевые действия в направлении на Орадеа-Маре (Орадя). Это вызвало недовольство в Ставке ВГК, которая 8 октября направила командующему войсками 2-го Украинского фронта и представителю Ставки маршалу С.К. Тимошенко директиву № 220239^[804]. В директиве отмечалось, что основная задача центральной группы

войск фронта (конно-механизированная группа генерала Плиева и 6-я гвардейская танковая армия) состоит в том, чтобы возможно быстрее овладеть районом Орадеа-Маре и тем самым обеспечить себе дальнейшее наступление на север. Для решения этой задачи приказывалось главными силами КМГ генерала Плиева (6-й гвардейский кавалерийский, 7-й механизированный корпуса) нанести удар на Орадеа-Маре с северо-запада. Одновременно силами 4-го гвардейского кавалерийского корпуса овладеть Дебреценом и обеспечить маневр главных сил КМГ с севера и северо-запада. Войскам 6-й гвардейской танковой армии предписывалось нанести удар на Орадеа-Маре с запада по северному берегу канала Шебеш-Кереш с одновременной атакой силами 3-го стрелкового корпуса города Орадеа-Маре с юга. Для усиления центра фронта требовалось не позже 20 октября вывести в район Бейуша 7-ю гвардейскую армию в составе пяти стрелковых дивизий. Операцию по овладению районом Орадеа-Маре предписывалось поддержать большей частью сил авиации фронта.

Выполняя поставленную задачу, конно-механизированная группа генерала Плиева во взаимодействии с 33-м стрелковым корпусом 27-й армии и 6-й гвардейской мотострелковой бригадой (полковник Д.М. Осадчий) 5-го гвардейского танкового корпуса 12 октября заняла г. Орадеа-Маре. Войска 53-й и румынской 1-й армий разгромили противника на дебреценском направлении и очистили венгерское левобережье р. Тиса юго-западнее Дебрецена. Соединения 46-й армии заняли 11 октября Сегед, а 27-я армия – Клуж. Войска 40-й, 27-й и румынской 4-й армий, продвигаясь в направлении Сату-Маре, Чоп, оказали содействие 4-му Украинскому фронту в преодолении Карпат.

13 октября командующий войсками 2-го Украинского фронта Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский представил И.В. Сталину доклад № 00641/оп плана развития Дебреценской операции^[805]. На первом этапе операции (13-14 октября) предусматривалось силами конно-механизированной группы генерала Плиева, частей правого фланга 53-й армии и 6-й гвардейской танковой армии уничтожить окруженную группировку противника западнее и южнее Бреттьо-Уйфалу. На втором этапе (15-17 октября) конно-механизированная группа генерала Плиева должна была овладеть Дебреценом и выйти в район Ньиредьхазы, захватив на этом направлении плацдармы на р. Тиса. Конно-механизированной группе генерала Горшкова предстояло выйти в район Карей, Сату-Маре, а 53-й армии с 4 дивизиями румынской армии – на р. Тиса, имея правый фланг в районе Ракамаза. Одновременно намечалось силами 40-й и 27-й армий продолжить наступление и выйти на рубеж Петрова, Байа-Мара, Маргитта. 7-й гвардейской армии предписывалось продолжать сосредоточение в район южнее Орадеа-Маре, а силами 33-го стрелкового корпуса выйти в район Сыкуени, Дебрецен. 6-я гвардейская танковая армия выводилась в резерв фронта в район Дебрецена для приведения частей в порядок.

На третьем этапе (18-20 октября) планировалось силами конно-механизированной группы генерала Плиева выйти в район Шаторалья-Уйхель, Чоп. Конно-механизированная группа генерала Горшкова должна была во взаимодействии с 27-й и 40-й армиями вести боевые действия по уничтожению отходящей клужско-сигетской группировки противника. От 40-й и 27-й армий требовалось выйти на рубеж Сигет, Карей, Вэшад, а 7-й гвардейской армии одним (33-м)

стрелковым корпусом – на линию Ньир-Богат, Ньиредьхаза и главными силами – в район Орадеа-Маре. 6-ю гвардейскую танковую армию предусматривалось использовать для усиления КМГ генерала Плиева или КМГ генерала Горшкова. Не исключался вариант использования танковой армии для наступления на Мишкольц. Соединениям 53-й и 46-й армий предстояло прочно удерживать рубеж по р. Тиса, а в случае благоприятной обстановки их намечалось перегруппировать для усиления направления на Сольнок.

14 октября Ставка ВГК своей директивой № 220240 утвердила представленный план. При этом указывалось силами конно-механизированной группы генерала Плиева нанести удар не на Чоп, а на Михальовце^[806]. Позже, 18 октября, командующему войсками 2-го Украинского фронта была направлена директива № 220243 о ликвидации дебреценовской группировки противника и подготовке наступления на Будапешт^[807]. Ставка ВГК требовала основные силы центральной группировки фронта (КМГ генералов Плиева и Горшкова и 6-я гвардейская танковая армия) использовать для быстрой ликвидации дебреценовской группировки противника и занятия Дебрецена. Силами 46-й армии предписывалось начать выдвижение к р. Дунай севернее Самбора, с тем чтобы, прикрываясь р. Дунай, создать ударную группировку на правом крыле армии для последующего наступления на Будапешт.

Развивая наступление, конно-механизированная группа генерала Плиева, в которую были переданы из КМГ генерала Горшкова 23-й танковый и 5-й гвардейский кавалерийский корпуса, 20 октября овладела Дебреценом. На следующий день она ворвалась в Ньиредьхаза, а передовыми частями вышла на Тису, отрезав пути отхода венгерским 1-й, 2-й и

немецкой 8-й армиям. Противник, стремясь ликвидировать угрозу окружения, нанес силами трех армейских и одного танкового корпусов два контрудара по флангам КМГ генерала Плиева и перерезал ее коммуникации южнее Ньиредьхаза. 27 октября она оставила г. Ньиредьхаза и соединилась с основными силами фронта. На сольнокском направлении 53-я армия и переброшенная сюда 7-я гвардейская армия к исходу дня 28 октября овладели восточным берегом Тисы. К этому времени войска фронта вышли на рубеж Тарпа, южнее Ньиредьхаза, Польгар, р. Тиса до Уй-Кечко, Байя и далее по Дунаю до Моноштора.

В результате Дебреценской операции войска 2-го Украинского фронта нанесли тяжелое поражение группе армий «Юг», продвинулись на 130–275 км, захватили на р. Тиса южнее Сольнока крупный оперативный плацдарм и создали выгодные условия для проведения Будапештской операции. Советские войска разгромили 10 дивизий противника, взяли в плен свыше 42 тыс. человек, уничтожили 915 танков и штурмовых орудий, 793 миномета, 428 бронемашин и бронетранспортеров, 419 самолетов, 8 бронепоездов и более 3 тыс. автомобилей, захватили 138 танков и штурмовых орудий, 856 орудий, 681 миномет, 386 самолетов^[808]. Потери войск 2-го Украинского фронта составили: безвозвратные – 17,7 тыс. человек, санитарные – 64,3 тыс.^[809]. Недостаток сил не позволил им развить свои удары в короткие сроки на большую глубину.

Будапештская стратегическая наступательная операция (29 октября 1944 г. – 13 февраля 1945 г.)

После завершения Дебреценской операции войска 2-го Украинского фронта совместно с частью сил 3-го Украинского фронта и Дунайской военной флотилией

без оперативной паузы приступили к проведению Будапештской стратегической наступательной операции в целях разгрома группировки противника на территории Венгрии и выведения ее из войны на стороне Германии.

К началу операции войска 2-го Украинского фронта (Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский) насчитывали 760 тыс. человек, 9000 орудий и минометов, 868 танков и САУ, 1300 боевых самолетов. Им противостояла группа армий «Юг» (генерал-полковник Г. Фриснер, с 23 декабря 1944 г. – генерал пехоты О. Велер), которая насчитывала 510 тыс. человек, 4150 орудий и минометов, 790 танков и штурмовых орудий, 500 боевых самолетов 4-го воздушного флота и венгерских ВВС. Войска 2-го Украинского фронта превосходили противника по людям в 1,5 раза, по орудиям и минометам – в 2,2, по танкам и САУ – в 1,1, по самолетам в 2,6 раза.

Противник на подступах к Будапешту создал ряд сильно укрепленных оборонительных рубежей и городских обводов. Северо-западнее города – вдоль чехословацко-венгерской границы, до излучины Дуная у города Вац, – и далее по линии озер Веленце и Балатон была подготовлена оборонительная полоса – «Маргариты линия», включавшая в себя и городские обводы.

28 октября 1944 г. Ставка ВГК приказала 2-му Украинскому фронту силами 46-й армии и 2-го гвардейского механизированного корпуса 29 октября перейти в наступление между реками Тиса и Дунай с целью свертывания обороны противника на западном берегу Тисы и выведения 7-й гвардейской армии за эту реку. В дальнейшем, с подходом 4-го гвардейского механизированного корпуса, приказывалось нанести

решительный удар по группировке противника, оборонявшей Будапешт^[810].

Замысел Будапештской операции заключался в нанесении главного удара силами 7-й гвардейской, 46-й и румынской 1-й армий, 2-го гвардейского, а с 1 ноября и 4-го гвардейского механизированных корпусов при поддержке 5-й воздушной армии в общем направлении на Кечкемет, Будапешт с задачей прорвать оборону противника юго-восточнее Будапешта и овладеть им. Конно-механизированную группу генерал-лейтенанта И.А. Плиева предполагалось использовать в полосе наступления 7-й гвардейской армии. В резерве фронта находилась 6-я гвардейская танковая армия. Остальные армии и конно-механизированная группа генерала С.И. Горшкова должны были (задачи поставлены только 1 ноября) продолжать наступление, форсировать р. Тиса и захватить оперативные плацдармы, сковывая противостоящие силы противника и не допуская их переброски в район Будапешта.

Войскам 3-го Украинского фронта (Маршал Советского Союза Ф.И. Толбухин) предстояло продолжать перегруппировку, одновременно передовыми частями захватить плацдармы на правом берегу Дуная на территории Венгрии. 4-й Украинский фронт (генерал армии И. Е. Петров) после окончания Восточно-Карпатской операции продолжал наступать в глубь Чехословакии, способствуя успешному развитию Будапештской операции.

29 октября войска 2-го Украинского фронта перешли в наступление. Для развития успеха в сражение был введен 2-й гвардейский механизированный корпус генерала К.В. Свиридова. Он быстро вышел на оперативный простор и овладел важными пунктами на глубине около 50 км. Однако контрударом 24-й

танковой дивизии и ряда других частей противника корпус был остановлен и перешел к обороне.

31 октября Ставка ВГК своей директивой № 220253 уточнила состав подвижных войск 2-го Украинского фронта^[811]. Во фронте приказывалось иметь две конно-механизированные группы: группу генерала Плиева (4-й и 6-й гвардейский кавалерийские и 7-й механизированный корпуса); группу генерала Горшкова (5-й гвардейский кавалерийский и 23-й танковый корпуса). 6-ю гвардейскую танковую армию намечалось иметь в составе двух корпусов (5-й гвардейский танковый и 9-й гвардейский механизированный). 2-й и 4-й гвардейские механизированный корпуса требовалось использовать как отдельные корпуса для усиления пехоты. 18-й танковый корпус предписывалось 4 ноября вывести в Тимишоару, где передать его в распоряжение командующего 3-м Украинским фронтом.

В одиннадцатом часу ночи 1 ноября Генштаб сообщил командующему 2-м Украинским фронтом о том, что Сталин разрешил перевести на будапештское направление 6-ю гвардейскую танковую армию и КМГ генерала Плиева. Войска 27-й армии должны были нанести удар из района Польгара и южнее в направлении Мишкольца. Конномеханизированную группу генерала Горшкова требовалось использовать для развития успеха на участке 27-й или 53-й армии^[812].

2 ноября 4-й гвардейский механизированный корпус начал наступление и, продвинувшись за сутки на 75 км, вышел на подступы к Будапешту с юга. Противник вынужден был перебросить сюда с других направлений до трех танковых и одну моторизованную дивизии. Этим немедленно воспользовался 2-й гвардейский механизированный корпус, из полосы которого часть сил врага была перегруппирована на другое

направление, и возобновил наступление. Однако противник сумел остановить наступление механизированных корпусов, которые вскоре были переброшены в район северо-западнее Сольнока, в полосу боевых действий 7-й гвардейской армии.

4 ноября командующему войсками 2-го Украинского фронта была направлена директива № 220256 Ставки ВГК об организации наступления на Будапешт^[813]. Учитывая, что наступление на Будапешт на узком фронте силами только двух механизированных корпусов с незначительным количеством пехоты может привести к неоправданным потерям и поставить действующие на этом направлении войска под фланговый удар противника с северо-востока, Ставка ВГК потребовала от маршала Малиновского быстрее вывести правое крыло фронта (7-я гвардейская, 53, 27 и 40-я армии) на западный берег Тисы. После этого приказывалось повести наступление широким фронтом и разгромить будапештскую группировку противника ударом правого крыла с севера и северо-востока во взаимодействии с ударом левого крыла (46-я армия, 2-й и 4-й гвардейские механизированные корпуса) с юга. Для выполнения этой задачи силами КМГ генерала Плиева требовалось не позже 7 ноября нанести удар из района Сольнока на север с целью свернуть оборону противника на западном берегу Тисы и вывести правое крыло фронта за эту реку.

Совершив марш, 2-й и 4-й гвардейские механизированные корпуса во взаимодействии с 23-м танковым корпусом конно-механизированной группы генерала Плиева и войсками 7-й гвардейской армии 11 ноября возобновили наступление. Противник оказал ожесточенное сопротивление на подступах к Будапешту. К тому же началась распутица, и местность стала труднопроходимой. В результате темп

наступления снизился до 5–6 км в сутки. Кроме того, войска испытывали недостаток в боеприпасах и усталость, так как вели боевые действия непрерывно в течение более трех месяцев. Маршал Малиновский, в связи с необходимостью перегруппировать силы и накопить боеприпасы, 25 ноября обратился к Сталину с просьбой разрешить временно приостановить наступление 53-й, 7-й гвардейской и 46-й армий на Будапешт^[814]. Силами правого фланга 27-й армии и левого фланга 40-й армии он намечал с утра 29 ноября повести наступление для овладения районом Мишкольца и рубежом Серенч, Чобад, Монай, Хангач, Сирак, Варбо. С утра 4–5 декабря планировалось начать наступление силами левого фланга 53-й армии, 7-й гвардейской армии, КМГ генерала Плиева и 6-й гвардейской танковой армией в общем направлении на Шахы для овладения районом Балашиладьярмат, Шахы, Соб, Фелшегед. Одновременно 46-я армия силами двух стрелковых корпусов, 2-й и 4-й гвардейский механизированные корпуса должны были наступать в направлении Эрчи, Бичке с задачей овладения районом Эстергом, Бичке, Будапешт. Правый фланг 46-й армии должен был сковывать противника фронтальной атакой на Будапешт с юго-востока.

И.В. Сталин был иного мнения о причинах медленного наступления войск 2-го Украинского фронта. В директиве № 220273 Ставки ВГК, направленной 26 ноября командующему войсками 2-го Украинского фронта и представителю Ставки маршалу С.К. Тимошенко, говорилось:

«Ставка Верховного Главнокомандования считает, что медленное продвижение войск фронта объясняется тем, что имеющиеся достаточные силы и средства распыляются по разным участкам вместо того, чтобы создать на направлении главного удара решающее

превосходство над противником и сосредоточить здесь артиллерийские дивизии прорыва и танковые соединения.

Ставка приказывает:

1. Для обеспечения успеха намеченного вами наступления на участке 7-й гв. армии Шумилова сосредоточить не менее двух артиллерийских дивизий прорыва.

2. Привлечь к наступлению на участке Шумилова 6-ю гв. танковую армию Кравченко. Для усиления 46-й армии с участка 7-й гв. армии перебросить не два, а только один мехкорпус.

3. Группу Плиева использовать для развития наступления вслед за 6-й гв. танковой армией.

4. Уплотнить боевые порядки пехоты 7-й гв. армии, для чего расширить к юго-западу полосу наступления 53-й армии, дав тем самым возможность 53-й армии обойти с запада лесисто-горный район, находящийся севернее Дьендьеша.

5. Наступление начать не позже 2-3 декабря 1944 г.»[\[815\]](#)

К установленному сроку перейти в наступление не удалось. Оно началось только 5 декабря. На следующий день Ставка ВГК директивой № 220278 потребовала от маршалов Малиновского и Тимошенко:

«Наступление из района Мишкольца продолжать, нанося удар в общем направлении на Сендре, Плешивец с тем, чтобы во взаимодействии с левым крылом 4-го Украинского фронта разгромить группировку противника, действующую западнее Шаторальяуйхей, и не дать ему возможности построить оборону по р. Гернад»[\[816\]](#).

В течение пяти дней войска центра и левого крыла 2-го Украинского фронта безуспешно пытались окружить вражескую группировку путем обхода ее с

севера и юго-запада. Соединения 46-й армии форсировали Дунай, захватили на его правом берегу небольшой плацдарм, но из-за недостатка сил выйти к Будапешту с юго-запада не смогли. Вместе с тем войска фронта завершили освобождение междуречья Тисы и Дуная и отрезали будапештской группировке противника пути отхода на север.

Войска 57-й армии 3-го Украинского фронта форсировали Дунай и к 9 декабря вышли в район к югу от озера Балатон. Во второй половине декабря на правом берегу Дуная южнее 46-й армии была введена в сражение прибывшая в состав 2-го Украинского фронта 4-я гвардейская армия, войска которой соединились в районе озера Веленце с 46-й армией. В результате были созданы условия для нанесения удара в тыл будапештской группировки противника.

Противник к этому времени за счет резерва ОКХ, новых формирований и перегруппировки увеличил состав группы армий «Юг» с 38 до 51 дивизии и бригады.

В соответствии с директивой № 22028 °Ставки ВГК от 12 декабря окружение и уничтожение врага теперь планировалось осуществить силами 2-го и 3-го Украинских фронтов^[817]. Из 2-го Украинского фронта в состав войск 3-го Украинского фронта передавались 46-я армия, 2-й гвардейский механизированный корпус, 7-я артиллерийская дивизия прорыва и стрелковые дивизии, находившиеся на обоих берегах Дуная. В оперативном отношении командующему 3-м Украинским фронтом подчинялась болгарская 1-я армия.

На 2-й Украинский фронт была возложена задача силами двух общевойсковых, 6-й гвардейской танковой армий и конно-механизированной группы генерала Плиева нанести удар из района Шаги в общем направлении на Солдины, выйти к Дунаю на участке

Несмей, Эстергом и не допустить отхода будапештской группировки на северо-запад. 6-я гвардейская танковая армия должна была наступать из шагинского выступа на Нитру. Навстречу ей из района озера Веленце наносил удар 18-й танковый корпус, правее на Будапешт – 2-й гвардейский механизированный, а левее – 7-й механизированный и 5-й гвардейский кавалерийский корпуса, получившие задачу совместно с войсками 3-го Украинского фронта создать внешний фронт окружения. Частью сил 2-й Украинский фронт должен был наступать на Будапешт с востока.

3-му Украинскому фронту предстояло нанести удар из района озера Веленце на север в направлении Бичке, выйти к Дунаю на участке Эстергом, Несмей и соединиться с войсками 2-го Украинского фронта, отрезав тем самым пути отхода на запад будапештской группировке. Из района Бичке 3-й Украинский фронт частью сил должен был наступать на Будапешт и овладеть им во взаимодействии с войсками 2-го Украинского фронта. Внешний фронт окружения создавался к северо-западу, западу и юго-западу от Будапешта войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов.

Командующий 6-й гвардейской танковой армией (229 танков и САУ, 390 орудий и минометов) генерал А.Г. Кравченко принял решение иметь одноэшелонное оперативное построение^[818]. Сосредоточение сил и средств в узкой полосе (12 км) и использование на направлении главного удара 5-го гвардейского танкового корпуса, усиленного тремя инженерными батальонами, позволили добиться решающего превосходства над противником. В условиях очаговой обороны и отсутствия у него крупных резервов командующий армией не назначал корпусам определенных полос наступления, а указывал только направления, создавая тем самым благоприятные

возможности для широкого маневра в ходе операции. При этом ставилась лишь задача дня. Боевой порядок корпусов был построен также в один эшелон. Все армейские ремонтные и эвакуационные средства были закреплены за корпусами.

По решению генерала Кравченко была создана армейская артиллерийская группа в составе артиллерийской бригады и гвардейского минометного полка. В резерв он вывел инженерный и понтонный батальоны. В армии был создан подвижной отряд заграждений в составе инженерно-саперного батальона с запасом 300-400 противотанковых мин на автомашинах. В корпусах подвижные отряды заграждений состояли из саперной роты с запасом противотанковых мин. Их планировалось использовать на вероятных направлениях контратак танков противника и на флангах главной группировки войск армии.

20 декабря советские войска возобновили наступление. Переходу 6-й гвардейской танковой армии в наступление предшествовал 10-минутный огневой налет по вражеским узлам сопротивления, в результате которого оборона противника была значительно ослаблена. Танки и мотопехота, преодолевая сопротивление противника, а также обходя его отдельные опорные пункты, во взаимодействии с 7-й гвардейской армией и авиацией 5-й воздушной армии успешно продвигались вперед. К 15 часам 9-й гвардейский механизированный корпус главными силами достиг Костольне-Моревцев, углубившись в оборону противника до 10 км. 5-й гвардейский танковый корпус овладел Сайтом и продолжал наступление в направлении Левице.

Тем временем немецкое командование сосредоточило в районе Железовце, Теша, Лонтово части трех танковых и двух пехотных дивизий (150

танков и штурмовых орудий). Утром 21 декабря эта группировка нанесла два встречных удара в целях отрезать 6-ю гвардейскую танковую армию от ее тылов и от 7-й гвардейской армии. Эти действия противника могли свести на нет результаты успешного наступления советских войск. Генерал Кравченко принял решение отразить удар противника силами танковой и двух механизированных бригад и, удерживая рубеж Левице, Жемберовце, главными силами армии нанести удар на юг, в тыл частям 3, 6 и 8-й танковых дивизий врага. Активные задачи должны были решать поддерживающие армию соединения 5-й воздушной армии, в том числе 312-я и 218-я авиадивизии ночных бомбардировщиков, а также приданный армии 4-й гвардейский механизированный корпус конномеханизированной группы генерала Плиева.

Замысел генерала Кравченко был успешно воплощен в жизнь. 5-й гвардейский танковый корпус внезапно нанес удар на юг и, продвинувшись более чем на 30 км, 22 декабря вышел в тыл контрударной группировки противника. Одновременно 4-й гвардейский механизированный корпус во взаимодействии с кавалерийскими и стрелковыми соединениями успешно отражал контратаки врага с севера. В результате его контрударная группировка была окружена и во взаимодействии с войсками 7-й гвардейской армии разгромлена. В последующем, достигнув Дуная, 6-я гвардейская танковая армия образовала внешний фронт окружения будапештской группировки врага и создала выгодные условия для выхода 7-й гвардейской армии на р. Грон.

Части 18-го танкового корпуса 3-го Украинского фронта вышли к Дунаю в районе Эстергома и к исходу дня 26 декабря установили связь с войсками 6-й гвардейской танковой армии. Окружение 188-тысячной группировки врага (около 10 дивизий) в Будапеште

было завершено. Передовые бригады 2-го гвардейского механизированного корпуса разгромили отходившие части противника и подошли к западной окраине Будапешта. 7-й механизированный корпус во взаимодействии с кавалерийскими соединениями и стрелковыми дивизиями 46-й армии уничтожал врага в районе Секешфехервара.

29 декабря командующие 2-м и 3-м Украинскими фронтами предъявили окруженным войскам ультиматум о капитуляции, который был отвергнут. Однако ликвидация будапештской группировки противника затянулась из-за событий на внешнем фронте окружения. Здесь противник 2 января 1945 г. нанес сильный контрудар по войскам 3-го Украинского фронта, пытаясь деблокировать окруженную группировку и восстановить оборону по Дунаю. Одновременно в наступление перешла и часть сил окруженной группировки. Имея подавляющее превосходство в силах и средствах на главном направлении (до девяти дивизий, в том числе пять танковых), противник продвинулся на восток вдоль правого берега Дуная на 25–35 км. Но стойкость и героизм советских войск, быстрый маневр танками и артиллерией к участку прорыва остановили врага. Активное участие в срыве контрудара приняли войска 6-й гвардейской танковой армии.

4 января Ставка ВГК своей директивой № 11002 приказала силами 6-й гвардейской танковой и 7-й гвардейской армий нанести 6 декабря удар из района севернее Эстергома по северному берегу Дуная в общем направлении на Комарно. Им предстояло овладеть переправами через реку у Комарно и танковыми частями с мотопехотой выйти на тылы комарновской группировки противника. Одновременно часть сил 3-го Украинского фронта (4-я гвардейская армия, 5-й гвардейский кавалерийский, 18-й танковый и

1-й гвардейский механизированный корпуса) должны были наступать из района Бичке в направлении Несмей, Комарно и разгромить совместно со 2-м Украинским фронтом группировку противника, наступавшую на Будапешт^[819].

Соединения 6-й гвардейской танковой армии во взаимодействии с 7-й гвардейской армией внезапной ночной атакой 6 января прорвали вражескую оборону и устремились на Комарно. Это вынудило противника остановить контрударную группировку, наступавшую на Будапешт, и начать ее перебрасывать на север. Несколько дней спустя потерпели поражение и войска противника, наносившие контрудар в районе Замоя.

Противник не отказался от своих планов. 18 января он силами пяти танковых дивизий при поддержке авиации предпринял контрудар из района севернее озера Балатон. Используя превосходство в силах и средствах, противник передовыми частями вышел к Дунаю, продвинувшись на 50-60 км. В результате войска 3-го Украинского фронта оказались расчлененными на две части. В этой сложной обстановке Сталин возложил на командующего 2-м Украинским фронтом руководство операциями по завершению уничтожения группировки противника в западной части Будапешта (Буда). С 10 часов 20 января в его подчинение из 3-го Украинского фронта передавались 75-й и 37-й стрелковые корпуса. Войскам 3-го Украинского фронта приказывалось восстановить положение юго-западнее Секешфехервара и готовиться к переходу в последующем в наступление для разгрома группировки противника, действующей между Дунаем и озером Балатон^[820]. Вскоре, 22 января, Ставка ВГК директивой № 11013 потребовала от войск 2-го и 3-го Украинских фронтов ликвидировать противника южнее озера Веленце^[821].

После упорных и продолжительных боев войска 2-го и 3-го Украинских фронтов к 13 февраля завершили ликвидацию 188-тысячной группировки противника и освободили Будапешт.

Важнейшим военно-политическим итогом Будапештской операции явился вывод Венгрии из войны на стороне нацистской Германии. Группа армий «Юг» потерпела крупное поражение. После завершения операции были высвобождены значительные силы советских войск, созданы условия для успешного отражения контрнаступления противника в районе озера Балатон и дальнейшего наступления в Чехословакии и на венском направлении. Противник вынужден был ускорить отвод своих войск из Югославии. В ходе операции потери советских войск составили: безвозвратные – 80 026 и санитарные – 240 056 человек, 1766 танков и САУ, 4127 орудий и минометов, 293 боевых самолета [\[822\]](#).

Венская стратегическая наступательная операция (16 марта - 15 апреля 1945 г.)

Венская стратегическая наступательная операция проводилась силами войск 3-го Украинского фронта и левого крыла 2-го Украинского фронта в целях завершить разгром противника в западной части Венгрии и овладеть столицей Австрии – Веной. К началу операции войска 3-го Украинского фронта (9-я и 4-я гвардейские, 27, 26, 57-я, болгарская 1-я армии, 23-й и 18-й танковые, 1-й гвардейский механизированный и 5-й гвардейский кавалерийский корпуса, 17-я воздушная армия; Маршал Советского Союза Ф.И. Толбухин) занимали рубеж Гант, озеро Веленце, Шимонторнья, канал Шио, восточный берег озера Балатон, Надьбайом, Бабоча и далее к востоку по левому берегу р. Драва до границы с Югославией. Основные силы 2-го Украинского

фронта (Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский) продолжали действовать в южных районах Словакии. К проведению операции из состава фронта привлекались 46-я, 6-я гвардейская танковая армии и 2-й гвардейский механизированный корпус, занимавшие участок между Эстергомом и Гантом, а также часть сил 5-й воздушной армии и Дунайская военная флотилия (контр-адмирал Г.Н. Холостяков). Всего группировка двух фронтов насчитывала 639 тыс. человек, 12 190 орудий и минометов, 1318 танков и САУ, 984 боевых самолета.

Им противостояли войска группы армий «Юг» (немецкие 6-я армия, 6-я танковая армия СС, 2-я танковая армия, часть сил венгерской 3-й армии; генерал пехоты О. Велер, с 7 апреля – генерал-полковник Л. Рендулич). На правом берегу Дравы действовала часть сил группы армий «Ф» (генерал-фельдмаршал М. Вейхс). Всего противник имел 410 тыс. человек, 5900 орудий и минометов, 700 танков и штурмовых орудий, 700 боевых самолетов 4-го воздушного флота. Он опирался на глубоко эшелонированную оборону, включавшую три оборонительные полосы, ряд промежуточных рубежей, а также многочисленные фортификационные сооружения на венгеро-австрийской границе и на подступах к Вене.

Согласно директиве № 11027 Ставки ВГК от 17 февраля 1945 г., войскам 2-го Украинского фронта предстояло подготовить и провести наступательную операцию с целью ударом севернее р. Дунай в общем направлении на Нове-Замки, Малацки, Зноймо с одновременным наступлением левого крыла фронта по южному берегу Дуная занять Братиславу. Не позднее 20-го дня операции намечалось овладеть городами Брно, Зноймо и во взаимодействии с войсками 3-го Украинского фронта занять Вену. В дальнейшем

предписывалось развивать наступление в общем направлении на Пильзен^[823].

Для выполнения этой задачи требовалось нанести два удара. Первый удар – севернее Дуная силами 9-й гвардейской, 7-й гвардейской армий и левого фланга 53-й армии, усиленных тремя артиллерийскими дивизиями прорыва, тяжелыми самоходными бригадами и полками. Для развития успеха после прорыва обороны противника предписывалось использовать по северному берегу Дуная 6-ю гвардейскую танковую армию и конно-механизированную группу генерала Плиева. Второй удар должна была нанести южнее Дуная 46-я армия, усиленная артиллерийской дивизией РГК и 2-м гвардейским механизированным корпусом.

Командующему войсками 3-го Украинского фронта приказывалось подготовить и провести наступательную операцию с целью ударом из района Секешфехервара в общем направлении на Папу, Сомбател (Сомбатхей) разбить группировку противника севернее озера Балатон и не позже 15-го дня операции выйти на австро-венгерскую границу. Одновременно левым крылом фронта следовало наступать севернее р. Драва и овладеть нефтеносным районом Надьканижа. В дальнейшем главными силами фронта развивать удар в направлении Винер-Нойштадт, Санкт-Пельтен для содействия войскам 2-го Украинского фронта в овладении Веной. Болгарскую армию предписывалось использовать для обеспечения левого крыла фронта, развертывая ее по северному берегу р. Драва.

Срок перехода в наступление – 15 марта.

Однако в этот план пришлось внести коррективы, так как противник, перебросив с запада 6-ю танковую армию СС, предпринял в ночь на 6 марта контрнаступление в районе озера Балатон. Он сумел вклинуться в оборону 26-й армии 3-го Украинского

фронта на глубину до 3–4 км. Контрнаступление противника вынудило Ставку ВГК 9 марта внести изменения в ранее принятый план. В директиве, направленной командующим войсками 3-го и 2-го Украинских фронтов и представителю Ставки маршалу Тимошенко, говорилось:

«1. Командующему войсками 3-го Украинского фронта в оборонительных боях измотать танковую группировку противника, наступающую из района Секешфехервара, после чего не позже 15–16 марта с. г. правым крылом фронта перейти в наступление с целью разбить противника севернее оз. Балатон и развивать удар в общем направлении на Папа, Шопрон. 9-ю гв. армию в оборонительные бои не втягивать, а использовать ее для развития удара и окончательного разгрома противника.

2. Командующему войсками 2-го Украинского фронта, с выходом правого крыла фронта на р. Грон, перейти к жесткой обороне на всем фронте севернее р. Дунай. Левым крылом фронта (46-я армия) перейти в наступление с 17–18 марта с. г. с целью совместно с войсками 3-го Украинского фронта разбить группировку противника южнее р. Дунай и развивать наступление в общем направлении на Дьер. Для этого 46-ю армию усилить двумя артдивизиями прорыва и 6-й гв. танковой армией»[\[824\]](#).

12 марта командующему 2-м Украинским фронтом директивой Генштаба № 12891 было передано приказание Сталина не позже 13 марта временно выдвинуть в район Барачка две танковые бригады 6-й гвардейской танковой армии с задачей подготовить оборону этого района фронтом на юг и юго-запад. Бригады оставались в подчинении командующего войсками 2-го Украинского фронта[\[825\]](#).

14 марта противник возобновил наступление в районе озера Балатон. Ставка ВГК, стремясь быстрее разгромить танковую группировку противника между озерами Веленце и Балатон, своей директивой № 11040 от 16 марта передала из 2-го Украинского фронта в состав 3-го Украинского фронта 6-ю гвардейскую танковую армию. Ее было приказано использовать на главном направлении для развития удара правого крыла фронта и разгрома вражеской танковой группировки совместно с войсками 27-й армии^[826]. В состав 6-й гвардейской танковой армии входили 5-й гвардейский танковый и 9-й гвардейский механизированный корпуса, насчитывавшие 426 танков и САУ^[827].

В ночь на 19 марта передовые отряды 6-й гвардейской танковой армии совместно со стрелковыми дивизиями 9-й гвардейской армии форсировали канал Шарвиз и захватили плацдарм. Утром в наступление перешли главные силы танковой армии – на правом фланге 9-й гвардейский механизированный корпус, на левом – 5-й гвардейский танковый корпус. С вводом в сражение танковой армии темпы наступления главной ударной группировки 3-го Украинского фронта резко увеличились, над балатонской группировкой врага нависла угроза окружения. Это вынудило его начать отход на запад. Преодолевая упорное сопротивление противника и отражая его непрерывные контратаки, соединения 6-й гвардейской танковой армии к 23 марта овладели городами Зирц, Веспрем, Берхида. Части 18-го танкового и 1-го гвардейского механизированного корпусов продвинулись на 40 км и в районе Берхиды соединились с 6-й гвардейской танковой армией.

Одновременно с ведением оборонительных действий войска 3-го и 2-го Украинских фронтов завершили подготовку к проведению Венской

наступательной операции. 16 марта войска правого крыла 3-го Украинского фронта (4-я и 9-я гвардейские армии) перешли в наступление. Однако из-за недостатка танков НПП и САУ оно развивалось медленно, и только в последующие два дня войска фронта сумели вклиниться в оборону врага на 20 км в полосе шириной 36 км.

17 марта в наступление перешла 46-я армия 2-го Украинского фронта, в полосе которой был введен в сражение 2-й гвардейский механизированный корпус генерала К.В. Свиридова. Он, действуя быстро и решительно, вышел 20 марта в районе Альмашфюзите к Дунаю, завершив окружение эстергомской группировки противника (три дивизии). После подхода дивизий 46-й армии 2-й гвардейский механизированный корпус продолжал наступать в сторону Дьера. 22 марта войска 4-й гвардейской армии овладели г. Секешфехервар, а 9-я гвардейская и 6-я гвардейская танковая армии, преодолев сопротивление врага на рубеже Баконский лес, стали преследовать противника, отходившего на рубеж р. Раба. Соединения 27-й и 26-й армий вели боевые действия по ликвидации остатков войск противника в районе Иштван, Локат, Иене, Шандорка.

23 марта командующий войсками 3-го Украинского фронта маршал Ф.И. Толбухин представил И.В. Сталину доклад № 203/нш плана развития операции по овладению Веной^[828]. С целью разгрома противника севернее озера Балатон намечалось нанести главный удар в направлении Папа, Сомбателъ, выйти на австро-венгерскую границу и подготовить условия для дальнейшего наступления на Вену. Одновременно ударом трех усиленных армий (27-й, 57-й, болгарской 1-й) с востока и северо-востока планировалось овладеть нефтеносным районом Надъканижи. Для этого предполагалось не ослаблять и продолжать

наступление 9-й гвардейской и 6-й гвардейской танковой армий в общем направлении Веспрем, Сомбатень. 4-ю гвардейскую армию намечалось перегруппировать западнее и северо-западнее Мора. Ей предстояло не позднее 26 марта перейти в наступление в общем направлении на Папу и далее Шопрон. С рубежа Яношхаза, Укк, Шюмег, в связи с поворотом фронта 27-й армии на юг, планировалось ввести в сражение 26-ю армию. Она должна была наступать в направлении Керменда и далее на Грац и в северо-восточном направлении. В резерв фронта был выделен 5-й гвардейский кавалерийский корпус.

Ставка ВГК, рассмотрев представленный план, 23 марта своей директивой № 11044 внесла в него коррективы. Главный удар требовалось развивать не на Сомбатень, а в направлении Папа, Шопрон, для чего силами 9-й гвардейской и 6-й гвардейской танковой армий наступать на Цельдемельк, Кесег. 26-ю армию, после ее ввода в сражение, предписывалось использовать для наступления на Яношхаза, Сомбатень. Войскам 27-й армии приказывалось овладеть районом Залаэгерсег^[829].

Утром 26 марта войска 3-го Украинского фронта возобновили наступление. 2-й гвардейский механизированный и 23-й танковый корпуса, совместно с войсками 46-й армии 28 марта овладели Дьером (Дьер) – крупным промышленным центром Венгрии и узлом сопротивления, прикрывавшим Вену. В тот же день 6-я гвардейская мотострелковая бригада (подполковник М.К. Сорочинский) 5-го гвардейского танкового корпуса захватила Шарвар. 29 марта корпус совместно с соединениями 9-й гвардейской армии занял Сомбатень, а 9-й гвардейский механизированный корпус генерала М.В. Волкова – г. Кесег. Части 18-го

танкового корпуса генерала П.Д. Говоруненко захватили Кирхберг.

Успешные действия 18-го танкового корпуса и стрелковых дивизий 27-й армии вынудили 2-ю танковую армию противника, оборонявшуюся южнее Балатона, начать отход. Этим воспользовались войска 57-й армии, которые 2 апреля заняли центр нефтяной промышленности Венгрии – Надьканижу.

1 апреля Ставка ВГК директивой № 11052 уточнила задачи 3-му Украинскому фронту. Ему было приказано армиями правого крыла (4-я гвардейская, 9-я гвардейская, 6-я гвардейская танковая) овладеть Веной и не позднее 12-15 апреля выйти на рубеж Тульн, Санкт-Пельтен, Лилиенфельд. Армии центра и левого крыла (26, 27, 57-я, болгарская 1-я) должны были не позднее 10-12 апреля овладеть городами Глогниц, Брук, Грац, Марибор и прочно закрепиться на рубеже рек Мюрц, Мур и Драва^[830].

Развивая наступление, 9-й гвардейский механизированный корпус генерала М.В. Волкова совместно с частями 9-й гвардейской армии 2 апреля овладел Винер-Нойштадтом и вышел на подступы к Вене. В последующие три дня 1-й и 2-й гвардейские механизированные и 23-й танковый корпуса совместно с общевойсковыми армиями 2-го Украинского фронта сломали сопротивление противника и продвинулись на 15-25 км. Соединения 6-й гвардейской танковой армии завязали бои за Медлинг, а 38-й гвардейский стрелковый корпус 9-й гвардейской армии преодолел горы Венский Лес и обошел Вену с запада.

Противник оказывал упорное сопротивление. В сложившейся обстановке командующий 3-м Украинским фронтом решил вывести 6-ю гвардейскую танковую армию из боев за южную окраину Вены и перебросить ее в полосу 38-го гвардейского стрелкового корпуса с

задачей нанести удар по Вене с запада и северо-запада. Одновременно в оперативное подчинение генералу Кравченко был передан 18-й танковый корпус, который в это время находился в районе Винер-Нойштадта.

После перегруппировки 6-я гвардейская танковая армия возобновила наступление на новом направлении. Части 9-го гвардейского механизированного корпуса генерала М.В. Волкова, совершив 45-километровый марш через горы Венский Лес, утром 7 апреля совместно с дивизиями 35-го гвардейского стрелкового корпуса ворвались на западную окраину Вены. 5-й гвардейский танковый корпус генерала М.И. Савельева, нанося удар в северном направлении, овладел Тульном и вышел к Дунаю. Оставив 21-ю гвардейскую танковую бригаду полковника И.Д. Белоглазова для прикрытия фланга с запада, корпус главными силами развернул наступление в восточном направлении вдоль Дуная.

Обходный маневр 6-й гвардейской танковой армии через горы Венский Лес был неожиданным для противника и сыграл решающую роль во взятии Вены. Противник вынужден был снять часть сил с других участков и бросить их против танковой армии. Этим воспользовались 1-й и 2-й гвардейские механизированные и 23-й танковый корпуса, которые сломили сопротивление противника и 6 апреля ворвались в Вену с юго-востока. В тот же день Ставка ВГК приказала командующему 2-м Украинским фронтом переправить 46-ю армию со 2-м гвардейским механизированным и 23-м танковым корпусами с правого на левый берег Дуная, развернуть наступление на Штоккерау и отрезать пути отхода венской группировки противника на север^[831].

Перед решающим штурмом Вены командующий 3-м Украинским фронтом обратился к населению города с призывами оставаться на местах, оказывать помощь

советским воинам и не позволить противнику разрушать Вену. К исходу 8 апреля дивизии 4-й гвардейской армии и 1-й гвардейский механизированный корпус овладели юго-восточной частью Вены. Части 9-го гвардейского механизированного и 35-го гвардейского стрелкового корпусов ворвались в центр, а 5-й гвардейский танковый корпус завязал бои в северо-западной части Вены. На следующий день правительство СССР опубликовало заявление, в котором подтвердило свое решение выполнить Московскую декларацию о независимости Австрии.

Преодолевая упорное сопротивление противника, войска 6-й гвардейской танковой и 9-й гвардейской армий 10 апреля овладели центральной частью Вены и вышли к Дунайскому каналу. Одновременно 1-й гвардейский механизированный корпус совместно со стрелковыми дивизиями 4-й гвардейской армии, форсировав этот канал, завязал бои за остров Кайзермюлен. К двум часам дня 13 апреля войска 4-й гвардейской, 9-й гвардейской и 6-й гвардейской танковой армий 3-го Украинского, 46-й армии 2-го Украинского фронтов при поддержке кораблей Дунайской военной флотилии и 17-й воздушной армии полностью овладели Веной. К исходу дня 15 апреля войска 46-й армии, соединения 23-го танкового и 2-го гвардейского механизированного корпусов 2-го Украинского фронта вышли на рубеж р. Морава, Цистерсдорф, Штоккерау, а 3-й Украинский фронт – на рубеж Санкт-Пельтен, западнее Глогница, восточнее Марибора и далее по северному берегу р. Драва.

В ходе Венской операции советские войска при участии болгарских войск завершили освобождение Венгрии, освободили значительную часть Чехословакии и восточные районы Австрии с ее столицей. Они разгромили 32 дивизии противника, взяли в плен более

130 тыс. солдат и офицеров, захватили и уничтожили 2250 полевых орудий, более 1300 танков и штурмовых орудий^[832]. Венгерская хортистская армия практически перестала существовать. Балканская группировка противника оказалась изолированной и вынуждена была поспешно отходить, что ускорило окончательное освобождение Югославии. Значительными были потери советских войск: безвозвратные – 38 661 и санитарные – 129 279 человек, 603 танка и САУ, 764 орудия и миномета, 614 боевых самолетов^[833].

Наиболее отличившиеся в боях соединения 6-й гвардейской танковой армии были награждены: 5-й гвардейский танковый корпус – орденами Красного Знамени и Кутузова 2-й степени; 9-й гвардейский механизированный корпус – орденом Кутузова 2-й степени; 46-я гвардейская танковая бригада – орденом Суворова 2-й степени. Почетное наименование «Венские» было присвоено 21-й, 46-й гвардейским танковым и 6-й гвардейской мотострелковой бригадам.

Братиславско-Брновская наступательная операция (25 марта - 5 мая 1945 г.)

В ходе Венской операции войска правого крыла и центра 2-го Украинского фронта 25 марта 1945 г. приступили к проведению Братиславско-Брновской наступательной операции в целях разгрома группировки противника в районе Братислава, Брно, Зноймо и завершения освобождения Словакии и частично Моравии. Войска фронта (352,3 тыс. человек, 6160 орудий и минометов, 246 танков и САУ, 637 самолетов) успешно прорвали оборону 8-й армии группы армий «Юг» (200 тыс. человек, 1800 орудий и минометов, 120 танков и штурмовых орудий, 150 самолетов). Они 26 марта форсировали р. Нитра, а 29-го – р. Ваг. 4 апреля войска 7-й гвардейской армии, 1-я

гвардейская конно-механизированная группа при поддержке Дунайской военной флотилии и 5-й воздушной армии после ожесточенных боев и глубокого обходного маневра заняли столицу Словакии – Братиславу.

13 апреля Ставка ВГК директивой № 11068 уточнила задачи войскам 3-го Украинского фронта^[834]. Правому крылу фронта приказывалось выйти на р. Трайзен, овладеть Санкт-Пельтенем и прочно закрепиться на указанном рубеже. Центр и левое крыло фронта должны были перейти к жесткой обороне на достигнутых рубежах, за исключением района Фишбаха, который требовалось занять незамедлительно. В случае если противник перед правым крылом и центром фронта окажется слабым и начнет отход, разрешалось немедленно перейти в наступление с целью выхода на рубеж р. Грос-Эрлауф, Грац. Здесь предстояло перейти к обороне. 9-ю гвардейскую армию после овладения Санкт-Пельтенем предписывалось вывести в резерв фронта. 6-я гвардейская танковая армия в составе 5-го гвардейского танкового, 9-го гвардейского механизированного корпусов, одной бригады самоходных орудий СУ-100 к 24.00 16 апреля передавалась 2-му Украинскому фронту.

Развивая наступление, главные силы 2-го Украинского фронта прорвали моравский оборонительный рубеж противника и 26 апреля совместно с 6-й гвардейской танковой армией заняли г. Брно. После этого соединения 6-й гвардейской танковой армии совместно с 53-й, 40-й, румынскими 1-й и 4-й армиями развернули наступление на север с целью соединиться в районе Оломоуца с войсками 4-го Украинского фронта и окружить группу армий «Центр» в Карпатах.

В ходе Братиславско-Брновской операции войска 2-го Украинского фронта продвинулись на запад до 200 км и разгромили 9 вражеских дивизий. В результате было завершено освобождение Словакии и части Моравии, что резко снизило экономический потенциал Германии и ухудшило ее стратегическое положение.

Сразу же после завершения Братиславско-Брновской операции войскам 6-й гвардейской танковой армии пришлось совместно с 3-й и 4-й гвардейскими танковыми армиями принять участие в Пражской стратегической наступательной операции.

Пражская стратегическая наступательная операция (6—11 мая 1945 г.)

Как отмечалось в главе, посвященной 3-й гвардейской танковой армии, замысел Пражской операции состоял в том, чтобы нанесением нескольких ударов по сходящимся направлениям на Прагу окружить, расчленить и в короткие сроки разгромить основные силы противника на территории Чехословакии, не допустить их отхода на запад и юго-запад. Ведущая роль в операции отводилась 1-му и 2-му Украинским фронтам, которые должны были нанести удары по флангам групп армий «Центр» и «Австрия».

Войскам 2-го Украинского фронта задача была определена директивой № 11079 Ставки ВГК от 2 мая, в которой говорилось:

«В связи с отходом противника перед 4-м Украинским фронтом Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Главные силы войск фронта развернуть на запад и нанести удар в общем направлении на Йиглава, Прага с задачей не позднее 12-14 мая овладеть рубежом Йиглава, Улабинч, Горн, в дальнейшем выйти на р. Влтава и захватить Прагу.

2. Частью сил правого крыла фронта продолжать наступление в направлении Оломоуца»[\[835\]](#).

На авиацию возлагалась задача по поддержке действий войск, и прежде всего 6-й гвардейской танковой армии, на всю глубину операции, чтобы создать условия для стремительного продвижения к Праге.

В соответствии с решением командующего 2-м Украинским фронтом войскам 6-й гвардейской танковой армии предстояло с утра 7 мая войти в сражение в полосе 7-й гвардейской армии и, развивая успех в северо-западном направлении, к исходу 8 мая овладеть районом Яромержице.

К началу операции 6-я гвардейская танковая армия включала бригаду морской пехоты, один танковый и один механизированный корпус, легкую артиллерийскую, две самоходные артиллерийские, штурмовую инженерно-саперную и моторизованную инженерную бригады, отдельный огнеметный батальон, гвардейский минометный, тяжелый танковый, тяжелый самоходный артиллерийский, мотоциклетный полки, отдельный батальон ОСНАЗ, авиационный полк связи.

Общая глубина задачи 6-й гвардейской танковой армии составляла 210–220 км, а продолжительность операции – 6 суток. По решению генерала А.Г. Кравченко оперативное построение войск армии предусматривалось иметь в два эшелона. Боевые порядки корпусов также строились в два эшелона с выделением передового отряда.

В 14 часов 6 мая, после короткой артиллерийской подготовки, войска 1-го Украинского фронта перешли в наступление. Они нанесли мощный и неожиданный удар из района северо-западнее Дрездена и 6 мая вынудили гарнизон Бреслава капитулировать. 8 мая войска 5-й и 3-й гвардейских армий совместно с 4-м

гвардейским танковым корпусом овладели Дрезденом. В тот же день главные силы 4-й и 3-й гвардейских танковых армий преодолели Рудные горы, овладев пограничными укреплениями и с севера вступили на территорию Чехословакии. Войска 4-го Украинского фронта заняли Оломоуц.

В полосе 2-го Украинского фронта соединения 7-й гвардейской армии преодолели оборону противника, обеспечив ввод в сражение 6-й гвардейской танковой армии. Ее 5-й гвардейский танковый корпус под командованием генерала М.И. Савельева, стремительно развивая наступление, 8 мая совместно с 30-й гвардейской мотострелковой бригадой (полковник И.Я. Воронов) 9-го гвардейского механизированного корпуса овладел г. Яромержице и продвинулся на 70 км. Основные силы 9-го гвардейского механизированного корпуса генерала М.В. Волкова, наступавшие на левом фланге армии, также продвинулись на 70 км. Вслед за ним двигался 2-й гвардейский механизированный корпус. К вечеру 8 мая соединения 6-й гвардейской танковой армии оторвались от войск 7-й гвардейской армии на 40–45 км.

На рассвете 9 мая соединения 4-й гвардейской танковой армии вступили в северо-западную и западную части Праги. Части 6-го гвардейского механизированного корпуса в час дня находились в юго-западной части города. В восемь часов утра в Прагу вошли главные силы 3-й гвардейской танковой армии. В одиннадцать часов в город вступила подвижная группа 4-го Украинского фронта (302-я стрелковая дивизия на автомашинах, 100-я танковая и 65-я мотострелковая бригады 31-го танкового корпуса, два истребительных противотанковых артиллерийских полка, саперный батальон и фронтовая разведывательная рота). На рассвете 10 мая в Прагу вошла подвижная группа 38-й армии.

К Праге стремительно приближалась и 6-я гвардейская танковая армия. Утром 9 мая 5-й гвардейский танковый корпус овладел крупным узлом дорог Йиглавой, затем ворвался в Колин. Совершив 60-километровый бросок, 22-я гвардейская танковая бригада под командованием полковника И.К. Остапенко в 13 часов вступила в Прагу, где соединилась с частями 1-го Украинского фронта. Вскоре в город вошли и другие бригады корпуса. 2-й гвардейский механизированный корпус к исходу дня вышел на рубеж северо-восточнее Праги, а 9-й гвардейский и 7-й механизированные корпуса к этому времени достигли юго-восточной окраины Праги. Особенно стремительным было наступление 7-го механизированного корпуса генерала Ф.Г. Каткова, который за 12 часов преодолел расстояние около 200 км.

В результате встречи танковых армий 1-го и 2-го Украинских фронтов в районе Праги было замкнуто кольцо окружения вокруг главных сил группы армий «Центр» и отрезаны пути их отхода в западном и юго-западном направлениях. 11 мая войска 6-й гвардейской танковой армии по приказу командующего 2-м Украинским фронтом совершили марш в район Пльзеня, где установили связь с американскими войсками.

Завершение Пражской операции, об итогах которой было сказано ранее, не означало для 6-й гвардейской танковой армии окончания боевых действий. Ей предстояло принять участие в Маньчжурской стратегической наступательной операции, составной частью которой являлась Хингано-Мукденская операция.

***Хингано-Мукденская наступательная операция
(9 августа - 2 сентября 1945 г.)***

Маньчжурская стратегическая наступательная операция была проведена в целях разгрома японской Квантунской армии, освобождения Северо-Восточного Китая (Маньчжурии), Северной Кореи и ускорения завершения Второй мировой войны.

Квантунская армия (командующий генерал О. Ямада) включала 1-й, 3-й фронты, четыре отдельные армии, 2-ю воздушную армию и Сунгарийскую военную речную флотилию. С 10 августа в оперативном подчинении командующего армией находились 17-й (Корейский) фронт и 5-я воздушная армия, расположенные в Корее. Всего японские войска в Северо-Восточном Китае, Внутренней Монголии и Корее насчитывали более 1 млн человек, 1215 танков, 6640 орудий и минометов, 1907 боевых самолетов и 25 военных кораблей основных классов^[836]. Кроме того, на территории Маньчжурии и Кореи располагалось значительное количество японских жандармских, полицейских и иных формирований, а также войска Маньчжоу-го, Суюаньской армейской группы и князя Внутренней Монголии Дэвана, которые с началом наступления советских войск разбежались. Вдоль границ с Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой (МНР) имелось 17 укрепленных районов противника общей протяженностью до 1 тыс. км, в которых было около 8 тыс. долговременных огневых сооружений.

Советское Верховное Главнокомандование, планируя разгром Квантунской армии, в мае – начале августа 1945 г. осуществило перегруппировку значительного количества войск и военной техники с Запада на Дальний Восток, в том числе 6-й гвардейской танковой армии. Всего были переброшены более 403 тыс. человек, 7137 орудий и минометов, 2119 танков и САУ и др.^[837].

3 июня командующему войсками Забайкальского фронта была направлена директива № 103905 Генштаба, в которой сообщалось о направлении в состав фронта по железной дороге с 30 июня по 14 июля 53-й и 6-й гвардейской танковой армий, управления 5-го артиллерийского корпуса прорыва, 3-й и 6-й гвардейских артиллерийских дивизий прорыва^[838]. Танковая армия была переброшена в составе 5-го гвардейского танкового и 9-го гвардейского механизированного корпусов, 30-й зенитной артиллерийской дивизии с армейскими частями усиления и тылами. В целях повышения боевых возможностей армии в ее состав дополнительно были включены 7-й механизированный корпус, 36-я и 57-я мотострелковые дивизии и четыре отдельных танковых батальона. Части армии были укомплектованы: автотранспортом – на 80 % штатной численности; артстрелковым вооружением и всеми видами имущества – полностью по штату. С армией следовало 170 танков Т-34. Кроме того, для армии отправлялись с заводов 245 танков Т-34, 186 иностранных танков (МЧ-А2) и 195 СУ-100. Всего армия имела 1019 танков и САУ, 188 бронемашин, 945 полевых орудий и минометов, 43 установки реактивных минометов и 165 зенитных орудий^[839].

Войска, переброшенные с Запада, вместе с дислоцированными на Дальнем Востоке объединениями и соединениями составили три фронта: Забайкальский (Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский), 1-й Дальневосточный (Маршал Советского Союза К.А. Мерецков) и 2-й Дальневосточный (генерал армии М.А. Пуркаев). Вместе с монгольскими войсками они насчитывали более 1,7 млн человек, около 30 тыс. орудий и минометов, свыше 5200 танков и САУ, более 5 тыс. боевых самолетов (с учетом авиации

Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии) [840]. Советский ВМФ имел на Дальнем Востоке 93 боевых корабля основных классов, в том числе 2 крейсера, один лидер, 12 эскадренных миноносцев. В операции участвовали пограничные войска Приморского, Хабаровского и Забайкальского пограничных округов.

Замыслом Маньчжурской стратегической наступательной операции предусматривалось нанести по группировке противника два основных (с территории МНР и Приморья) и несколько вспомогательных ударов по сходящимся в центре Маньчжурии направлениям, что обеспечивало глубокий охват основных сил Квантунской армии, рассечение их и быстрый разгром по частям. Общее руководство войсками в операции осуществляло Главное командование советских войск на Дальнем Востоке (Маршал Советского Союза А.М. Василевский). Главнокомандующим монгольскими войсками был маршал МНР Х. Чойбалсан. Действия сил ВМФ и ВВС координировали адмирал флота Н.Г. Кузнецов и главный маршал авиации А.А. Новиков.

Ведущая роль в Маньчжурской стратегической наступательной операции отводилась Забайкальскому и 1-му Дальневосточному фронтам, войска которых наносили встречные удары с северо-запада и востока в общем направлении на Чанчунь, Гирин, Мукден (Шэньян). Войскам Забайкальского фронта предстояло провести Хингано-Мукденскую наступательную операцию. Противник в полосе предстоящих боевых действий не имел подготовленной обороны, за исключением Чжалайнор-Маньчжурского, Хайларского и Халун-Аршанского укрепрайонов. Основные группировки его войск были сосредоточены в глубине.

Замысел Хингано-Мукденской операции состоял в том, чтобы нанести главный удар в центре

оперативного построения Забайкальского фронта силами 17, 39, 53-й общевойсковых и 6-й гвардейской танковой армий с территории МНР в направлении на Чанчунь, быстро преодолеть Большой Хинган и глубоко охватить главные силы Квантунской армии с юга. Вспомогательные удары наносили на правом крыле конно-механизированная группа на Калган (Чжанцзякоу) и на левом – 36-я армия из Даурии на Хайлар. В составе КМГ вместе с советскими войсками действовали и войска МНРА (4 кавалерийские дивизии, бронебригада, авиационная дивизия, танковый, артиллерийский полки и полк связи).

К началу операции войска Забайкальского фронта превосходили противника в пехоте в 1,7 раза, в артиллерии – в 8,6, в танках и САУ – в 5 раз. При огромной 2300-километровой протяженности линии фронта наступление планировалось по отдельным направлениям на глубину 600–800 км. Поддержка и прикрытие сухопутных войск с воздуха возлагались на 12-ю воздушную армию и Забайкальскую армию ПВО.

Командующий Забайкальским фронтом маршал Р.Я. Малиновский, учитывая, что противник не имеет перед фронтом заранее подготовленной обороны, решил использовать 6-ю гвардейскую танковую армию в первом эшелоне главной группировки. Ближайшая задача армии состояла в том, чтобы стремительным ударом преодолеть горный хребет Большой Хинган и, закрепив его захват частью сил, не позднее пятого дня операции овладеть рубежом Лубэй, Туцюань. В дальнейшем танковая армия должна была развивать наступление на Мукден и Чанчунь с целью рассечения противостоящей группировки противника, воспреещения отхода ее из Центральной Маньчжурии на юг и полного разгрома. После овладения Мукденом и Чанчуном танковую армию предполагалось использовать для стремительного выхода на Ляодунский полуостров и

овладения портами Дайрэн (Далянь) и Люйшунь (Порт-Артур). Общая глубина задачи армии составляла около 1000 км. Среднесуточный темп наступления планировался в пределах 90—100 км.

При подготовке к операции учитывались особенности Дальневосточного театра военных действий. Войскам Забайкальского фронта предстояло преодолеть горно-пустынные районы, простирающиеся на глубину от 250 до 400 км. Переход через горы можно было осуществить преимущественно по дорогам и тропам, пролегающим на высоте 1000–1500 м с крутыми подъемами и спусками, заболоченными падами и резкими поворотами. Местность позволяла на первом этапе наступления действовать лишь на отдельных изолированных направлениях. В пустынных степях Внутренней Монголии танковым и механизированным соединениям предстояло преодолеть обширные безводные пространства при 45—50-градусной жаре и песчаных бурях.

Особую сложность представляла подготовка к боевым действиям соединений и частей, прибывших с Запада. Командующий и штаб 6-й гвардейской танковой армии разработали специальный план боевой подготовки, в котором большое место отводилось отработке действий в пустынно-степной местности, организации и ведению наступления в горах. Для командного состава была прочитана лекция о характере ТВД, организованы сборы, на заключительном этапе которых был принят зачет по знанию организации войск и тактике действий противника. Начальники родов войск отработали и направили в штабы соединений указания (инструкции) по особенностям использования подразделений родов войск. Управлением бронетанкового ремонта и снабжения были выпущены памятки и брошюры по эксплуатации техники в горно-пустынной местности.

Не менее 10 % отводимого на занятия времени использовалось для отработки вопросов ориентирования на местности в условиях Забайкалья и Монголии, для чего проводились специальные рекогносцировки офицеров, механиков-водителей танков (САУ) и водителей автомашин. В соединениях боевая учеба начиналась с учебно-методических сборов командного состава. В последующем были проведены тактико-строевые занятия, учения рот и батальонов, в том числе с боевой стрельбой. Отрабатывались темы: захват горного перевала, обходный маневр в целях выхода во фланг и в тыл противника, захват горной теснины, атака горных вершин (для мотострелков), наступление танковых подразделений ночью, марш в предвидении встречного боя. В результате напряженной учебы в течение более чем месяца личный состав армии получил хорошую подготовку к ведению наступательных действий в исключительно трудных и своеобразных условиях местности.

Для руководства войсками была создана оперативная группа во главе с командующим армией генералом А.Г. Кравченко, следовавшая за первым эшелоном армии. При высадке воздушного десанта в Мукдене из состава приданной авиаэскадрильи выделялась группа самолетов с радиостанциями для ретрансляции оперативных сигналов. В армии с целью увеличения подвижности пунктов управления и узлов связи все радиостанции были перемонтированы на автомашины, обладавшие лучшей проходимостью.

С целью согласований действий танковых соединений и авиации штаб 6-й гвардейской танковой армии и заместитель командующего 12-й воздушной армией генерал Д.П. Галунов с группой офицеров разработали план взаимодействия^[841]. Оперативная группа генерала Галунова и командир 245-й

истребительной авиационной дивизии располагались на командном пункте генерала Кравченко, а командиры 248-й и 316-й штурмовых авиационных дивизий со своими оперативными группами – на командных пунктах командиров 9-го гвардейского и 7-го механизированных корпусов. Предусматривалось, что с вводом в сражение 5-го гвардейского танкового корпуса на его командный пункт переместится командир 248-й штурмовой авиационной дивизии со своей оперативной группой. Представители авиационных частей, находившиеся в головных танковых и механизированных бригадах, в ходе наступления наводили самолеты на цели, информировали своих командиров об обстановке в полосе взаимодействующих соединений танковой армии, передавали заявки танкистов на вызов авиации. Благодаря такой структуре управления авиацией, поддерживавшей наступление подвижных войск, достигались твердость, гибкость и непрерывность взаимодействия между соединениями танковой и воздушной армий в динамике стремительного продвижения.

Наступление войск Забайкальского фронта началось 9 августа без артиллерийской подготовки. Первыми границу перешли передовые отряды, с рассветом начали движение главные силы. Небольшие отряды противника, находившиеся в приграничной полосе, не смогли оказать серьезного сопротивления, поэтому наступление с самого начала приняло стремительный характер. Только на левом крыле фронта, где японцы пытались удержаться в укрепленных районах, продвижение войск фронта несколько замедлилось. Однако и здесь соединения 36-й армии быстро сломили сопротивление врага, овладели Чжалайнор-Маньчжурским укрепленным районом, форсировали Аргунь и продвинулись на 40 км. Подвижная группа

армии, обходя вражеские узлы сопротивления, прошла за сутки 100 км и вышла на подступы к Хайлару.

Наиболее стремительно действовала 6-я гвардейская танковая армия. Ее соединения из-за условий местности наступали по двум направлениям, отстоящим друг от друга на 75 км. Это осложняло взаимодействие и требовало значительного усиления каждого соединения с целью придания им большей самостоятельности. В направлении горы Модон-Обо, Лубэй наступали основные силы танковой армии. В ее первом эшелоне находился 9-й гвардейский механизированный корпус, усиленный 57-й мотострелковой дивизией, артиллерийскими и инженерными средствами, а во втором – 5-й гвардейский танковый корпус. За ним следовал резерв – 40-й мотоциклетный полк, 22-я легкая артиллерийская бригада, 27-й гвардейский минометный полк и 22-я инженерная бригада. В направлении Макутан, Туцюань наступал 7-й механизированный корпус, усиленный 36-й мотострелковой дивизией, артиллерийскими и инженерными средствами.

Соединения 6-й гвардейской танковой армии быстро преодолели обширный пустынно-степной район. Механизированные корпуса, составлявшие первый эшелон армии, перестроились и действовали не по двум маршрутам, как это предусматривал план операции, а по шести, на отдельных участках по восьми параллельным маршрутам в полосе 15–20 км. Такому разворачиванию армии во многом способствовал равнинный характер местности и песчано-гравийный грунт, допускавший движение машин вне дорог со скоростью около 50 км в час. Впереди войск первого эшелона на удалении 70–80 км действовали сильные разведывательные отряды, а на удалении 30–40 км – передовые отряды. За колоннами боевых машин следовали только машины ремонтно-эвакуационной

службы. Тылы частей и соединений корпусов объединенной колонной двигались по основному маршруту.

К исходу дня 9 августа войска 6-й гвардейской танковой армии продвинулись на 120-150 км. К середине следующего дня, преодолев еще 100-120 км, они вышли к Большому Хингану. В связи с тем, что наступление танковой армии развивалось в высоких темпах, маршал Малиновский принял решение изменить сроки выполнения ближайшей задачи и потребовал, чтобы армия вышла на рубеж Лубэй, Туцюань к исходу дня 12 августа, то есть на сутки раньше, чем было предусмотрено планом операции.

При подходе к Большому Хингану в первый эшелон армии был выдвинут 5-й гвардейский танковый корпус генерала М.И. Савельева. Преодоление хребта началось вечером 10 августа по одной дороге. Подъем продолжался около 7 часов со средней маршевой скоростью 5-6 км в час. При этом в колонне 5-го гвардейского танкового корпуса было очень мало колесных машин. Части 7-го механизированного корпуса генерала Ф.Г. Каткова затратили на преодоление хребта несколько больше времени, так как в их колоннах преобладали колесные машины.

Спуск корпусов на равнину начался: танкового – утром 11 августа, а механизированного – утром 12 августа. Они двигались под сильным дождем. Отдельные участки маршрутов преодолевались колесными машинами путем их буксировки. Ощущался острый недостаток в средствах эвакуации. Резко повысился расход горючего, а подвоз его прекратился, так как почти весь автотранспорт остался за Большим Хинганом – перевалы после дождей стали непроходимыми для колесных машин. «При большой растяжке коммуникаций (от ст. Чойбалсан до г. Мукден – свыше 1000 километров) большую трудность

представляло особенно обеспечение ТА горючим, – вспоминал А.Г. Кравченко. – Эта проблема была разрешена при помощи транспортной авиации. Накануне этой операции 6 ТА были приданы стрелковые и артиллерийские соединения из состава Забайкальского округа, которые не участвовали в боях на западе. Практика показала, что основные соединения Армии, которые получили большой боевой опыт на западе, гораздо легче переносили все трудности боевой обстановки и успешнее выполняли задачи и на этом своеобразном театре военных действий, чем местные войска, не обстрелянные и не имеющие боевого опыта...»[\[842\]](#).

К исходу дня 11 августа передовой отряд 5-го гвардейского танкового корпуса занял Лубэй, а 13 августа здесь сосредоточились и его главные силы. Сутками позже части 7-го механизированного корпуса овладели Туцюанем.

Таким образом, на четвертый день операции 6-я гвардейская танковая армия преодолела Большой Хинган и вышла в пределы Центрально-Маньчжурской равнины. Стремительные действия армии оказали решающее влияние на ход всей операции в Маньчжурии. Она сумела предупредить противника в захвате перевалов через Большой Хинган и обеспечила выход главных сил Забайкальского фронта в тыл основной группировки Квантунской армии.

На правом крыле Забайкальского фронта танковые части и соединения КМГ к исходу 14 августа продвинулись на 350–400 км, овладели Долоннором и вышли на подступы к Калгану. Передовой отряд 17-й армии, действующий на левом фланге, в трудных условиях пустынной местности продвинулся на 250–300 км, преодолел южные отроги Большого Хингана и вечером 12 августа овладел Линьси. Войска 39-й армии,

сбивая на своем пути разрозненные группы противника, также преодолели Большой Хинган. Подвижная группа армии заняла Ваньмяо. На левом крыле фронта соединения 36-й армии, преодолевая упорное сопротивление японцев, во взаимодействии с левофланговыми соединениями 39-й армии овладели Хайларским укрепрайоном и к 14 августа, продвинувшись на 200-250 км, вели бои на перевалах Большого Хингана и на подступах к Бухэду.

Важную роль в обеспечении действий войск Забайкальского фронта играла авиация 12-й воздушной армии, которая в течение пяти дней осуществила около 5 тыс. самолето-вылетов. Из них почти половина приходилась на обеспечение наступления 6-й гвардейской танковой армии. Для подготовки захваченных аэродромов к перебазированию самолетов воздушной армии командиры танковых соединений выделяли мотострелковые подразделения, а при необходимости – танки и тракторы. Кроме того, командование 12-й воздушной армии в составе каждого корпуса первого эшелона имело по одному инженерному батальону и по одному батальону аэродромного обслуживания. Эти части следовали либо за передовыми отрядами, либо в боевых порядках головных танковых (механизированных) бригад. По получении сигнала от разведывательных групп о захвате аэродрома или посадочной площадки они незамедлительно выдвигались вперед и совместно с танкистами проводили все необходимые работы для приема самолетов. С 9 по 22 августа силами указанных батальонов было подготовлено 33 аэродрома.

К середине августа танковые и механизированные соединения продвинулись на основных направлениях на 350-400 км. Пути сообщения, связывавшие японские войска, которые действовали в Северной и Северо-Западной Маньчжурии, с главными силами Квантунской

армии, были перерезаны. Вражеские войска, сопротивлявшиеся на солуньском, хайларском и цицикарском направлениях, оказались отрезанными от своих высших штабов и баз снабжения. Кроме того, выход передовых отрядов конно-механизированной группы фронта в район Долоннора поставил под угрозу и коммуникации Квантунской армии, связывавшие ее с японскими войсками, сосредоточенными в Северном Китае.

Необходимо было закрепить успех, чтобы не допустить отход противника в Северный Китай и на Ляодунский полуостров. Однако резкое ухудшение погоды и перебои в снабжении горючим сказались на дальнейших действиях. Сильные дожди, начавшиеся в горах еще 11-12 августа, распространились почти на всю Центральную Маньчжурию. Грунтовые дороги во многих местах стали совершенно непроходимыми. Тыловые части отстали. 9-й гвардейский механизированный корпус генерала М.В. Волкова остался без горючего, а 5-й гвардейский танковый и 7-й механизированный корпуса имели всего лишь 0,4-0,5 заправки^[843]. Не справлялась с этой задачей и авиация фронта. Так, 17 августа 5-му гвардейскому танковому корпусу было доставлено лишь 40,6 т горючего, или 30 % потребной нормы. Тогда по решению командира корпуса генерала М.М. Савельева все горючее было слито в баки танковых соединений, действовавших в качестве передового отряда, который продолжал продвигаться на Мукден. Главные же силы выдвигались по мере подхода тылов.

Аналогичное положение сложилось в общевойсковых армиях и конномеханизированной группе. После 13-14 августа они также были вынуждены по двое-трое суток ожидать подвоза горючего.

С целью сорвать замысел врага по отходу в центральные районы Маньчжурии и к портам на побережье Желтого моря маршал Малиновский потребовал от командующего 6-й гвардейской танковой армией не только стремительного наступления передовых отрядов, но и ведения глубокой разведки в направлении действий главной группировки фронта. Глубина разведки была различной. Так, 14-й отдельный мотоциклетный батальон 9-го гвардейского механизированного корпуса с 14 по 17 августа выполнял задачу в 150-200 км от главных сил армии. Особенностью действий разведывательных отрядов являлось то, что они наряду с разведкой в ряде случаев выполняли задачи передовых отрядов, захватывая важные объекты в оперативной глубине противника.

В течение 15-16 августа передовые и разведывательные отряды продвинулись на 100-150 км. Разведывательный отряд 5-го гвардейского танкового корпуса захватил мост и аэродром в районе Тунляо, а разведотряд 7-го механизированного корпуса – важный узел дорог Таонань. За передовыми отрядами продвигались главные силы 6-й гвардейской танковой армии. После ее выхода в район Тунляо части 5-го гвардейского танкового и 9-го механизированного корпусов стали продвигаться на Мукден только по железнодорожному полотну, так как все грунтовые дороги были размыты ливнями. На протяжении 120 км танки шли со скоростью 4-5 км в час, а автомашины – 5-6 км.

Исключительно трудные дорожные условия и острый недостаток горючего существенно снизили темпы наступления передовых отрядов с 16 по 21 августа до 45-50 км в сутки, в то время как на первом этапе операции они нередко превышали 400 км в сутки. Главные силы армии продвигались от одного района

сосредоточения к другому вслед за передовыми отрядами.

Между тем обстановка, сложившаяся к 18 августа в полосе Забайкальского фронта, требовала, чтобы танковая армия стремительно продвигалась вперед. Командующий Квантунской армией, заявив 17 августа о своей готовности капитулировать, в то же время продолжал отводить войска в южном и юго-восточном направлениях. В этих условиях необходимо было быстро занять важнейшие административные и экономические центры Маньчжурии и порты на побережье Ляодунского полуострова. 18 августа маршал Малиновский приказал генералу Кравченко в кратчайший срок занять Мукден и Чанчунь. После этого, оставив там по одной усиленной бригаде, главными силами армии форсированным маршем к исходу дня 25 августа выйти в район Люйшуня, заняв в первую очередь порты на Ляодунском полуострове. Для быстрейшего выполнения полученной задачи предписывалось выделить небольшие, хорошо обеспеченные горючим и боеприпасами, передовые отряды в составе усиленного танкового батальона.

Генерал Кравченко решил стремительным ударом захватить Мукден и Чанчунь, оставить в этих городах по одной бригаде от 9-го гвардейского и 7-го механизированных корпусов, а главными силами форсированным маршем выходить на Ляодунский полуостров. Командирам соединений было приказано после овладения Мукденом использовать железнодорожный транспорт для быстрейшего сосредоточения главных сил на полуострове. Кроме того, 19 августа в Мукдене и Чанчуне, а 22 августа в Дайрэне и Люйшуне намечалось высадить воздушные десанты по 200–250 солдат и офицеров из состава 9-го гвардейского механизированного и 5-го гвардейского танкового корпусов для захвата важных военных и промышленных объектов и разоружения гарнизонов

этих городов. Воздушные десанты, по существу, выполняли функции своеобразных передовых отрядов.

19 августа воздушный десант (майор П.Е. Челышев) от 6-й гвардейской мотострелковой бригады (подполковник М.К. Сорочинский) при поддержке авиации занял Мукден, а воздушный десант (майор П.Н. Авраменко) 30-й гвардейской механизированной бригады (полковник И.Я. Воронов) – Чанчунь. После этого они приступили к разоружению капитулировавших японских войск, захвату важных оперативно-стратегических объектов, способствовали продвижению основных сил 6-й гвардейской танковой армии. Две танковые бригады были погружены в Мукдене в железнодорожные эшелоны и 24 августа прибыли в Люйшунь (Порт-Артур). Главные силы армии во второй половине августа сосредоточились в Мукдене, а затем в районах Фусяна, Дайрэна и Люйшуня, используя для перевозки личного состава и боевой техники железнодорожный транспорт.

30 августа по приказу маршала Малиновского части 5-го гвардейского танкового и 9-го гвардейского механизированного корпусов, следовавшие на Ляодунский полуостров, были остановлены и получили задачу сосредоточиться в районах Тунляо, Мукдена. На Ляодунский полуостров выдвигался лишь 7-й механизированный корпус, который вскоре был выведен из 6-й гвардейской танковой армии и включен в 39-ю армию.

В результате Хингано-Мукденской операции войска Забайкальского фронта и Монгольской народно-революционной армии разгромили соединения 44-й и 30-й армий 3-го фронта и часть сил 4-й отдельной армии противника и продвинулись на 400–800 км. Войска фронта сыграли основную роль в окружении главных сил Квантунской армии в Маньчжурии. При этом решающее значение в достижении успеха в

операции имели действия 6-й гвардейской танковой армии, которая в трудных условиях продвигалась до 150 км и более в сутки.

Заслуги армии получили высокую оценку. «За умелое командование танковой армией, героизм и мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками и японскими милитаристами в августе – сентябре 1945 года, – отмечалось в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 8 сентября 1945 г., – наградить гвардии генерал-полковника танковых войск Кравченко Андрея Григорьевича второй медалью «Золотая Звезда». Соорудить бронзовый бюст Героя и установить его на постаменте на родине награжденного»^[844]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 сентября 5-й гвардейский танковый корпус был награжден орденом Ленина, 208-я самоходная артиллерийская, 21-я и 46-я гвардейские танковые бригады – орденом Красного Знамени. Приказом Верховного Главнокомандующего были присвоены почетные наименования: «Хинганских» – 7-му механизированному корпусу, 36-й и 57-й мотострелковым дивизиям, 41-й гвардейской танковой, 18-й и 30-й гвардейским, 16, 63 и 64-й механизированным бригадам, 94-му отдельному мотоциклетному батальонам; «Мукденских» – 20-й гвардейской танковой и 6-й гвардейской мотострелковой бригадам, 4-му отдельному гвардейскому мотоциклетному полку и 14-му гвардейскому мотоциклетному батальону; «Порт-Артурских» – 22-й гвардейской танковой, 31-й гвардейской механизированной бригадам и 15-му гвардейскому отдельному мотоциклетному батальону.

С окончанием Маньчжурской стратегической наступательной операции завершился боевой путь 6-й гвардейской танковой армии. Она наряду с другими

танковыми армиями внесла весомый вклад в разгром вермахта, а затем и в ликвидацию японской Квантунской армии.

Заключение

Итак, завершается наш рассказ о танковых армиях. По справедливости говоря, каждая из армий заслуживает отдельного внимания, но это невозможно сделать в рамках одной книги. Надеемся, что она окажет помощь исследователям данной темы, которая, безусловно, нуждается в дальнейшей разработке, ибо это наша история.

На основе изложенного материала можно сделать некоторые выводы по вопросам создания и применения танковых армий в годы Великой Отечественной войны. В первую очередь познакомимся с квалификацией командующих армиями.

Квалификация командующих танковыми армиями

Танковыми армиями в различное время командовали 19 человек. Среди них:

- 12 профессиональных танкистов: В.М. Баданов, С.И. Богданов, В.Т. Вольский, М.Е. Катуков, А.Г. Кравченко, Д.Д. Лелюшенко, А.И. Лизюков, А.Г. Родин, П.Л. Романенко, П.А. Ротмистров, М.Д. Синенко, М.Д. Соломатин;

- 4 общевойсковых военачальника: П.И. Батов, В.Д. Крюченкин, М.М. Попов, И.Т. Шлемин;

- один артиллерист – К.С. Москаленко;

- два кавалериста – А.И. Радзиевский, П.С. Рыбалко.

Ко времени вступления в должность командующего или исполняющего должность командующего танковой армией самым молодым был генерал А.И. Радзиевский – 33 года, а самым старшим – М.Д. Соломатин – 50 лет. Средний возраст составлял 43,8 года.

До начала Великой Отечественной войны находились в заключении:

- С.И. Богданов - в 1938-1939 гг. под следствием, осужден на 2 года заключения, освобожден по амнистии, судимость снята в 1942 г.;

- А.И. Лизюков - в 1938 г. арестован, в 1940 г. - реабилитирован;

- М.Д. Соломатин - в 1938 г. арестован, в октябре 1939 г. - реабилитирован.

Все командующие танковыми армиями, за исключением А.И. Радзиевского, до начала Великой Отечественной войны приобрели боевой опыт. При этом некоторые участвовали в нескольких войнах и военных конфликтах.

За мужество и отвагу, проявленные в боях, четыре командарма стали Героями Советского Союза в годы Великой Отечественной войны: Д.Д. Лелюшенко (1945), А.И. Лизюков (1941), К.С. Москаленко (1943), А.Г. Родин (1943). Три командарма получили это звание после войны: М.М. Попов (1965), А.И. Радзиевский (1978), П.А. Ротмистров (1965). Пять военачальников в ходе войны были удостоены звания дважды Героя Советского Союза: П.И. Батов (1943, 1945), С.И. Богданов (1944, 1945), М.Е. Катуков (1944, 1945), А.Г. Кравченко (1944, 1945), П.С. Рыбалко (1943, 1945). Д.Д. Лелюшенко получил первый раз звание Героя Советского Союза еще до начала Великой Отечественной войны (1940), а К.С. Москаленко стал дважды Героем Советского Союза после войны (1978).

Из 19 командармов в последующем воинского звания «генерал армии» были удостоены П.И. Батов, Д.Д. Лелюшенко и М.М. Попов, А.И. Радзиевский, «маршал бронетанковых войск» - С.И. Богданов, М.Е. Катуков и П.С. Рыбалко, «главный маршал бронетанковых войск» - П.А. Ротмистров, «Маршал Советского Союза» - К.С. Москаленко.

Организационно-штатная структура танковых армий

В годы войны значительные изменения претерпела организационно-штатная структура танковой армии. При этом формировались армии двух типов: смешанного и однородного состава. При создании объединений смешанного состава предусматривалось, что они будут включать три танковых корпуса, отдельную танковую бригаду, одну-две стрелковые дивизии и ряд отдельных частей. Фактически состав каждой танковой армии был различным и определялся директивой на ее формирование с учетом конкретной обстановки. Например, в августе 1942 г. 3-я танковая армия включала 3 танковых корпуса, отдельную танковую бригаду, мотострелковую и две стрелковые дивизии. В ноябре того же года 5-я танковая армия имела 2 танковых и один кавалерийский корпус, отдельную танковую бригаду и 6 стрелковых дивизий.

Наличие в составе танковых армий соединений с различной степенью подвижности, при недостатке эффективных средств связи, серьезно затрудняло управление войсками при развитии наступления в оперативной глубине. Это неизбежно приводило к ослаблению силы и уменьшению глубины танкового удара, а следовательно, и к снижению результатов операции в целом. Опыт проведенных операций показал необходимость создания однородных, высокоподвижных, обладающих большой ударной силой и огневой мощью бронетанковых объединений.

В танковую армию однородного состава, как правило, входили: боевые соединения (части) – один-два танковых и один механизированный корпус, отдельные танковая и самоходная артиллерийская

бригады, артиллерийские соединения (части); части боевого обеспечения – разведывательные, инженерные, химические и др.; части и учреждения тылового обеспечения и обслуживания. Все боевые соединения и части обладали примерно одинаковой скоростью движения и одинаковой проходимостью, что облегчало управление войсками армии и значительно увеличивало ее маневренность.

По штату в танковой армии насчитывалось около 800 танков и САУ и до 750 орудий, минометов и боевых машин реактивной артиллерии. Фактически различные танковые армии в зависимости от обстановки и задач имели от 200–400 до 1000 танков и САУ, от 500 до 850 и более орудий и минометов.

Место и роль танковых армий в наступательных операциях

Танковые армии как оперативные объединения бронетанковых и механизированных войск являлись в годы войны средством Ставки Верховного Главнокомандования и придавались фронтам, действовавшим на важнейших стратегических направлениях. Их место определялось решением командующего войсками фронта, а иногда и Ставки ВГК, в зависимости от замысла операции, состава армий, характера обороны противника, соотношения сил сторон, условий местности и ряда других факторов.

Танковые армии смешанного состава должны были самостоятельно осуществлять прорыв обороны противника силами своих стрелковых дивизий и развивать успех наступления танковыми корпусами в оперативной глубине. В наступательных операциях (5-я танковая армия в Сталинградской и Донбасской операциях, 3-я танковая армия в Острогожско-Россошанской и Харьковской операциях) они применялись фактически так же, как и общевойсковые армии, усиленные танковыми (механизированными) корпусами.

Танковые армии однородного состава, являясь мощным средством Верховного Главнокомандования, включались в состав фронтов, действовавших на важнейших направлениях и решавших главные задачи в операциях фронта и группы фронтов. В большинстве наступательных операций фронты имели в своем составе одну-две, в некоторых – три танковые армии (например, 1-й Украинский фронт – в Проскуровско-Черновицкой и Львовско-Сандомирской операциях, 2-й Украинский фронт – в Уманско-Ботошанской операции).

Новым являлось также выделение в резерв фронта танковой армии (Проскуровско-Черновицкая операция). Такое массирование танковых войск способствовало быстрейшему сокрушению противостоящего противника, лишало его способности не только остановить, но даже временно задержать стремительное продвижение Красной Армии в условиях распутицы.

Танковые армии в наступательных операциях 1943–1945 гг., как правило, составляли подвижные группы фронтов (эшелон развития успеха) и обычно действовали в отрыве от общевойсковых армий на удалении от 10–30 до 50–80 км и более. Они использовались на направлениях главных ударов и являлись основным средством развития тактического успеха в оперативный. Танковые армии наносили по врагу мощные удары на большую глубину, громили его оперативные резервы и тылы, создавали выгодные условия для окружения и уничтожения группировок противника, действуя зачастую в значительном отрыве от остальных сил фронтов. Их стремительные действия позволяли проводить операции на большую глубину, в высоких темпах и в некоторых случаях без оперативных пауз.

В отдельных операциях (например, 6-я гвардейская танковая армия в Корсунь-Шевченковской, Будапештской, Маньчжурской) танковые объединения находились в первом эшелоне фронта и начинали боевые действия из непосредственного соприкосновения с противником. В ряде операций танковые армии во взаимодействии с общевойсковыми армиями участвовали в завершении прорыва тактической зоны обороны противника. Такое использование танковых армий было вынужденным и вызывалось недостаточным количеством танков НПП в общевойсковых армиях.

Широкое применение танковых армий, общий рост боевой мощности фронтовых объединений, совершенствование искусства подготовки и ведения боевых действий с учетом опыта войны существенно изменили характер наступательных операций. Повысилась их решительность, увеличилась глубина и темпы, сократилась продолжительность, боевые действия стали намного маневреннее и динамичнее.

Цели и задачи танковых армий в наступательных операциях

Цели и задачи танковых армий в наступательных операциях определялись командующим войсками фронта, а в ряде случаев и Ставкой ВГК. Они были самыми разнообразными и зависели от многих факторов, чаще всего выступавших в совокупности.

Важнейшей целью операции танковой армии было стремительное развитие успеха войск первого оперативного эшелона до достижения конечной цели фронтовой операции, окружение во взаимодействии с общевойсковыми армиями или отсечение крупных группировок противника. В операциях на окружение танковые армии использовались главным образом для создания внешнего фронта окружения. Например, 5-я гвардейская танковая армия в Восточно-Прусской операции отсекала группу армий «Центр» от группы армий «А». В Корсунь-Шевченковской операции 6-я танковая и 5-я гвардейская танковые армии окружали корсунь-шевченковскую группировку противника, а затем образовывали внешний фронт окружения, где отражали сильные контрудары противника.

В ряде случаев целью наступательной операции танковой армии являлись: прорыв вражеской обороны и овладение важными рубежами или объектами в оперативной глубине (Орловская, Будапештская, Дебреценская операции); рассечение группировок противника и разгром их по частям (1-я и 2-я гвардейские танковые армии в Восточно-Померанской операции); захват и удержание плацдармов на крупных водных преградах до подхода главных сил фронта (3-я гвардейская танковая армия в сентябре 1943 г.).

Цель операции достигалась быстрыми и смелыми маневренными действиями с искусными перегруппировками войск, частыми изменениями направлений ударов и умелым сосредоточением главных усилий на решающих из них. Для достижения поставленной цели танковые армии последовательно решали ряд задач. Основными из них являлись:

- разгром противника и его ближайших оперативных резервов во время ввода в сражение и выхода в оперативную глубину;

- выход на пути отхода главной группировки врага и создание условий для ее окружения и уничтожения во взаимодействии с общевойсковыми армиями и другими подвижными соединениями;

- прорыв поспешно занятой, а в некоторых случаях и подготовленной обороны противника на промежуточных и тыловых рубежах;

- форсирование водных преград;

- расчленение и разгром по частям глубоких оперативных и стратегических резервов противника;

- глубокое оперативное преследование противника с целью упреждения его в занятии важных рубежей, пунктов и плацдармов в оперативной глубине;

- захват и удержание до подхода общевойсковых армий политических и экономических центров и районов, железнодорожных и шоссейных узлов, важных в оперативном отношении рубежей, районов и плацдармов, обеспечивавших благоприятные условия для дальнейших действий или для организации новых операций;

- участие в отдельных случаях совместно с общевойсковыми армиями в рассеении и уничтожении окруженных группировок противника.

Боевые действия танковых армий, как правило, планировались на всю глубину фронтовой операции. При этом задача армии либо разделялась на

ближайшую и дальнейшую (1-я и 4-я танковые армии при первоначальном планировании Львовско-Сандомирской операции; 1-я и 2-я гвардейские танковые армии в Висло-Одерской операции), либо указывалась по дням на 2-4 суток наступления (2-я танковая армия в Орловской операции, 3-я гвардейская танковая армия в Киевской операции и др.). Иногда задача определялась на 6-8 суток (3-я гвардейская танковая армия в Проскуровско-Черновицкой операции).

В связи с тем, что танковая армия являлась главным ударным и маневренным средством фронта, ее ближайшая и дальнейшая задачи, как правило, совпадали по глубине с ближайшей и дальнейшей задачами фронта. Однако в рамках некоторых фронтовых наступательных операций танковые армии осуществляли две последовательные армейские наступательные операции. Например, в Львовско-Сандомирской наступательной операции 3-я гвардейская и 4-я танковые армии проводили по две последовательные наступательные операции.

Ближайшая задача, или задача первых дней операции, состояла в разгроме противостоящего противника и его подходящих резервов, овладении важными рубежами на глубине 50—150 км. Постановка танковым армиям конкретных задач лишь на первые дни операции была обусловлена динамичным развитием боевых действий и сложностью определения наиболее вероятных вариантов действий противника. В результате при постановке задач на большую глубину приходилось их часто изменять, перенацеливать армии на новое направление (например, действия 3-й гвардейской танковой армии в Сандомирско-Силезской операции).

Дальнейшая задача, или направление дальнейшего наступления, заключалась в быстром развитии наступления, преследовании противника, разгроме его

глубоких резервов и овладении важными рубежами, плацдармами и объектами.

Подготовка наступательной операции

Подготовка наступательной операции танковой армии включала комплекс мероприятий, проводимых командованием, штабами, войсками и органами тыла по организации, планированию и всестороннему обеспечению боевых действий. Основными из них являлись: принятие решения командующим армией и постановка задач подчиненным; планирование операции; организация взаимодействия и обеспечения; создание необходимых запасов материальных средств; подготовка войск, штабов и боевой техники; организация пунктов управления и связи. Весь этот большой объем работы проводился разнообразными методами и в различных формах в зависимости от конкретных условий обстановки.

Подготовка наступательной операции танковой армии обычно начиналась с момента поступления армии в распоряжение фронта и получения командующим армией от командующего фронтом общей ориентировки о предстоящей фронтовой операции и плана использования в ней танковой армии либо конкретной боевой задачи. Весь процесс подготовки операции требовалось завершить до начала перехода войск фронта в наступление, с тем чтобы армия находилась в постоянной готовности к вводу в сражение.

Основными условиями, оказывавшими существенное влияние на подготовку наступательных операций танковых армий, являлись: наличие времени; расположение армии до получения боевой задачи и ее место в оперативном построении фронта; состояние армии (укомплектованность личным составом, боевой техникой и вооружением, состояние техники,

подготовка войск, сколоченность частей и штабов, обеспеченность материальными средствами) и ряд других факторов.

Танковые армии в годы войны располагали различным временем на подготовку к наступательным операциям после получения боевой задачи. В зависимости от обстановки оно было в пределах от 16-18 часов (4-я танковая армия при подготовке к Орловской операции) до 42-43 суток (1-я и 4-я гвардейские танковые армии при подготовке к Висло-Одерской операции). В большинстве же случаев оно ограничивалось 1-7 сутками^[845]. Увеличение времени на подготовку к операции позволяло командующим (командирам), штабам и другим органам управления, а также войскам иметь больше возможностей для осуществления комплекса подготовительных мероприятий.

Оперативное построение танковых армий

Оперативное построение танковой армии определялось в значительной степени исходя из ее состава, а также с учетом других факторов. Наиболее характерным для наступательных операций 1943 г. было построение армии в два эшелона с наличием танкового, артиллерийско-противотанкового и инженерного резервов. Второй эшелон предназначался для наращивания силы удара из глубины, развития и закрепления успеха, отражения контрударов (контратак) противника; резерв – для выполнения задач, возникавших в ходе операции, развития и закрепления успеха. Общая глубина оперативного построения танковой армии трехкорпусного состава при движении по четырем маршрутам двумя эшелонам достигала 50–60 км^[846].

В тех случаях, когда армия состояла из двух корпусов, ее оперативное построение чаще всего было одноэшелонным с наличием резерва (5-я гвардейская танковая армия в Белорусской, Восточно-Прусской операциях, 1-я гвардейская танковая армия в Львовско-Сандомирской операции).

В операциях 1944–1945 гг., вследствие усиления боевого состава армии, элементами ее оперативного построения становятся армейская артиллерийская и зенитная артиллерийская группы. Более сильными создавались танковый (отдельные танковые бригады и полки), противотанковый (отдельные самоходные артиллерийские бригады и полки, истребительно-противотанковые бригады) и инженерный резервы. Составной частью оперативного построения стали химический резерв и подвижной отряд заграждения.

В большинстве операций при вводе танковой армии в сражение из состава корпусов первого эшелона планировалось выделять передовые отряды, которые должны были содействовать общевойсковым соединениям в быстром прорыве главной полосы и обеспечивать развертывание главных сил армии.

Ширина полосы и глубина наступления танковых армий

Танковой армии, действующей в качестве подвижной группы фронта, полоса для наступления в оперативной глубине, как правило, не определялась, а указывалось только направление действий. Это было вызвано стремлением не стеснять маневра армии и не лишать командующего армией инициативы в выборе способов решения стоящих перед ней задач. В случае встречи упорного сопротивления противника армия с целью быстрее выполнения поставленной задачи могла обойти узел сопротивления, преодолеть вражескую оборону в более слабом месте и в дальнейшем снова выйти на свое направление. Иногда командующий фронтом указывал, какие узлы сопротивления противника танковая армия должна обходить, не ввязываясь в сражение, с тем чтобы как можно быстрее захватить намеченные объекты и рубежи.

Хотя полоса наступления танковой армии обычно и не назначалась, она всегда вводилась в сражение и действовала в ходе операции на каком-то определенном участке, ширина которого зависела от задачи, боевых возможностей и оперативного построения армии, условий ввода, состояния и характера действий противника, местности и развитости дорожной сети.

В тех случаях, когда танковые армии находились в первом эшелоне фронта, они действовали до выхода на оперативный простор в полосе шириной до 20 км (например, 3-я и 4-я гвардейские танковые армии в Пражской операции), прорывая оборону чаще всего на участке шириной до 10 км. Это позволяло создавать

плотность от 40 до 80, а с учетом поддерживающей артиллерии до 120 орудий и минометов и до 50-60 танков и САУ на 1 км фронта прорыва. С выходом танковой армии в оперативную глубину она наступала в большинстве операций в полосе шириной 20-25 км, а иногда – 35-60 и более км (например, 6-я гвардейская танковая армия в Хингано-Мукденской операции – около 200 км). Наиболее оптимальным являлся вариант, когда армия в оперативной глубине действовала в полосе шириной 20-25 км. При более широких полосах наступления возникали проблемы с поддержанием непрерывного управления, организацией подвоза и эвакуации, возможностью оперативно перенацеливать и массировать силы и средства на одном из направлений.

Танковые армии вели наступательные действия на глубину, которая в среднем достигала: в 1943 г. – 120-200 км (1-я и 5-я гвардейская танковые армии в Белгородско-Харьковской операции – 120-150 км, 3-я гвардейская танковая армия при освобождении Левобережной Украины – 200 км); в 1944 г. – 200-400 км (2-я танковая армия в Уманско-Ботошанской операции – до 250 км, 1-я, 3-я гвардейская и 4-я танковые армии в Львовско-Сандомирской операции – 330-400 км); в 1945 г. – до 500 км и более (1-я гвардейская танковая армия в Висло-Одерской операции – до 600 км, 2-я гвардейская танковая армия – 700 км). В Хингано-Мукденской операции 6-я гвардейская танковая армия продвинулась на глубину 820 км. По подсчетам генерала армии А.И. Радзиевского, средняя глубина продвижения танковых армий по опыту 40 операций составляла 320 км.

Использование танковых армий для самостоятельного прорыва обороны противника

Опыт боевых действий в Орловской стратегической наступательной операции показал нецелесообразность использования танковых армий для прорыва позиционной обороны, так как они при этом несли большие потери. Наибольший эффект применения танковых армий был достигнут в контрнаступлении на белгородско-харьковском направлении. Для завершения прорыва тактической зоны обороны противника применялись только головные танковые бригады, а главные силы танковых армий и корпусов использовались обычно для действий в оперативной глубине. Это позволяло наносить мощные удары и стремительно развивать наступление в оперативной глубине.

Использование танковых армий однородного состава для самостоятельного прорыва обороны обуславливалось особенностями подготовки и ведения наступательных операции. Так, в Корсунь-Шевченковской операции применение 6-й танковой армии в первом эшелоне 1-го Украинского фронта (совместно с 40-й и 27-й армиями) обуславливалось прежде всего сложностью оперативной обстановки с точки зрения создания мощной ударной группировки в короткие сроки. В Дебреценской операции включение 6-й гвардейской танковой армии в первый эшелон было вызвано задержкой с перегруппировкой общевойсковых армий, а обстановка требовала скорейшего перехода в наступление. В Пражской операции 3-я и 4-я гвардейские танковые армии использовались в первом

эшелоне в целях нанесения сильного первоначального удара, преодоления в высоких темпах тактической зоны обороны противника и захвата с ходу перевалов Рудных гор. В Хингано-Мукденской операции 6-я гвардейская танковая армия находилась в первом эшелоне Забайкальского фронта, исходя из необходимости упреждения противника в занятии перевалов через Большой Хинган.

Ввод танковых армий в прорыв

Опыт войны показал, что наиболее благоприятными условиями ввода танковых армий в прорыв считались такие, когда общевойсковые объединения первого эшелона фронта прорывали тактическую зону обороны противника на всю ее глубину. Однако этого не всегда удавалось достичь. Поэтому с целью повышения темпов прорыва танковые армии, как правило (в 80 % случаев от общего количества проведенных ими наступательных операций), вводились в сражение в середине первого или с утра второго дня операции с рубежа, проходившего чаще всего на удалении 4–6 км от переднего края. Это было обусловлено в основном недостатком танков НПП. И хотя танковые армии, завершая прорыв тактической зоны обороны противника, несли определенные потери в боевой технике и личном составе, это позволяло выиграть время, создавать возможность в упреждении маневра противника и в большей мере сохранять силы и боеспособность общевойсковых армий. Как показал опыт, ввод в сражение танковых армий для завершения прорыва тактической зоны приводил к повышению темпов ее преодоления, что нередко играло решающую роль в развитии тактического успеха в оперативный и в достижении конечной цели фронтовой наступательной операции.

В то же время боевой опыт подтвердил возможность ввода танковой армии и в так называемый «чистый прорыв», т. е. после того как общевойсковые объединения уничтожали противника в тактической зоне обороны. Это достигалось, во-первых, осуществлением стрелковыми соединениями, получившими значительное усиление танками НПП,

прорыва в высоких темпах и, во-вторых, привлечением для завершения прорыва тактической зоны обороны армейских подвижных групп или фронтовых конномеханизированных (конно-танковых) групп.

Ввод танковых армий в сражение после прорыва общевойсковыми армиями тактической зоны обороны позволял им сохранить свои возможности для высокоманевренных и стремительных действий в оперативной глубине.

Развитие тактического прорыва в оперативный

Независимо от способа, времени и глубины ввода в сражение танковые армии играли главную роль в развитии тактического прорыва в оперативный. Обладая большой ударной силой и высокой подвижностью, они наносили массированный танковый удар, быстро переносили боевые действия в оперативную глубину, придавали им маневренный характер и вели преследование противника в высоких темпах. Решительно действуя на внешнем или внутреннем фронте окружения, танковые армии способствовали успешному проведению операций на окружение крупных вражеских группировок. Им принадлежала ведущая роль в разгроме подходящих резервов противника и отражении его контрударов, что чаще всего достигалось путем встречных сражений и боев.

Наступая в значительном отрыве от остальных сил фронта, танковые армии, при поддержке авиации чаще всего своими передовыми отрядами, с ходу форсировали речные преграды, преодолевали промежуточные оборонительные рубежи в глубине, упорно удерживали захваченные плацдармы, рубежи и объекты до подхода общевойсковых соединений. Они также овладевали крупными административными центрами, вели наступление в горной, горно-лесистой местности, днем и ночью, в различное время года.

Встречные сражения танковых армий

Одним из способов борьбы с оперативными резервами противника являлся их разгром во встречном сражении. Оно возникало, как правило, на направлениях главных ударов фронтов, в наиболее кризисные моменты операций и на различных этапах их ведения – в начале операции, в ходе ее развития или на завершающем этапе.

В начале операции встречные сражения возникали при завершении прорыва тактической зоны обороны противника танковыми армиями или непосредственно после ее преодоления, когда противник вводом в сражение ближайших оперативных резервов стремился восстановить первоначальное положение. При развитии наступления в оперативной глубине встречные сражения имели место, когда оперативные резервы противника, в основном танковые, выдвигались для нанесения контрударов.

Встречные сражения танковых армий завязывались на различной глубине от бывшего переднего края обороны противника от 20 до 345 км, на 2—5-й и даже на 17—19-й день после начала фронтовой операции, развертывались на фронте от 20 до 60 км и продолжались 1–3 и более суток. В большинстве встречных сражений танковые армии достигали поставленных целей, нанося противнику поражение. В некоторых встречных сражениях (1-я танковая армия в Белгородско-Харьковской операции, 3-я гвардейская танковая армия в Киевской наступательной операции) они, в силу неблагоприятно сложившейся обстановки, вынуждены были временно перейти к обороне. Во многих встречных сражениях с обеих сторон

участвовало от 500 и более танков и самоходных орудий, до 1500 орудий и минометов, значительное количество авиации. Большую роль во встречных сражениях играли передовые отряды корпусов танковых армий. Основу передового отряда корпуса составляла танковая (механизированная) бригада, получавшая на усиление самоходную, полевую, зенитную артиллерию, инженерные и другие подразделения.

В ряде встречных сражений танковые армии наносили фронтальные удары с целью рассечения противостоящей группировки противника на части и стремительного наступления в глубину. В большинстве встречных сражений, особенно когда они развертывались в оперативной глубине противника и велись на широком фронте, имело место сочетание различных форм и способов действий.

Форсирование танковыми армиями водных преград

Танковым армиям в годы войны приходилось часто форсировать водные преграды, в том числе последовательно несколько рек. При этом борьба за рубежи ряда рек (Висла, Днепр, Дунай, Одер и др.) и за плацдармы на них носила длительный характер и являлась нередко конечной целью операции. Успех форсирования водных преград обеспечивался прежде всего заблаговременной к нему подготовкой. При форсировании водных преград с ходу большую роль играли передовые отряды, которые внезапно выходили к реке, нередко захватывали исправные мосты, преодолевали при возможности реки вброд либо подразделениями мотопехоты с ходу на подручных средствах и захватывали плацдармы, обеспечивая этим условия для оборудования новых или восстановления разрушенных мостов. Форсирование рек с ходу танковые армии осуществляли в полосах шириной 20–50 и более километров. Расширение захваченных плацдармов осуществлялось силами передовых отрядов, если оборона противника за рекой оказывалась слабой, или при содействии части главных сил танковых корпусов первого эшелона и общевойсковых армий. В ходе войны танковым армиям приходилось также форсировать глубокие каналы с крутыми бетонированными набережными (например, 3-я гвардейская танковая армия в Берлинской операции).

Операции на окружение и уничтожение крупных группировок противника

Операции на окружение и уничтожение крупных вражеских группировок, особенно начиная с контрнаступления под Сталинградом, являлись основной формой ведения стратегического наступления Советской Армии. Окружение осуществлялось, как правило, двумя-тремя фронтами, а иногда и одним фронтом, в самых разнообразных условиях обстановки и различными способами. Окружение также достигалось прорывом фронта обороны противника на нескольких направлениях с последующим развитием ударов в глубину и выходом во фланг и тыл основной группировке противника (Проскуровско-Черновицкая, Минская операции и др.) либо нанесением одного-двух охватывающих ударов с целью оттеснить противника к труднодоступной местности или к морю (Восточно-Прусская операция).

Танковые армии в операциях на окружение решали различные задачи: завершали в короткие сроки прорыв тактической зоны обороны противника и стремительно выходили в оперативную глубину; перерезали коммуникации и во взаимодействии с подвижными группами общевойсковых армий замыкали кольцо окружения; создавали подвижный внешний фронт окружения либо отражали сильные контрудары врага, стремящегося на выручку к окруженным войскам. Большую роль они играли и в расчленении окруженной группировки на части, как это было в Острогожско-Россошанской и Берлинской операциях.

Создание подвижного внешнего фронта окружения в Белорусской стратегической наступательной операции лишило противника возможности организовывать непосредственное взаимодействие его окруженной группировки с войсками, действовавшими вне окружения, и обеспечило надежное и полное уничтожение окруженных сил в короткие сроки (под Витебском – двое суток, под Бобруйском – трое суток, под Минском – семь суток). В Ясско-Кишиневской операции для образования внутреннего фронта окружения использовались отдельные танковые и механизированные корпуса, а усилия 6-й танковой армии – подвижной группы 2-го Украинского фронта сразу направлялись на развитие наступления на внешнем фронте с целью выхода в глубокий тыл противника. Здесь, как и в Белорусской операции, одновременно с внутренним фронтом окружения создавался подвижный внешний фронт.

Задачи по рассечению крупных группировок противника и созданию благоприятных условий для окружения части сил противника общевойсковыми объединениями путем выхода на тыловые коммуникации врага решались танковыми армиями в Львовско-Сандомирской и Восточно-Прусской операциях. В Берлинской операции 2-я и 4-я гвардейские танковые армии замыкали кольцо окружения западнее Берлина. Кроме того, 2-я гвардейская танковая армия уничтожала противника в Берлине, а 4-я гвардейская танковая армия участвовала в создании внешнего фронта. 1-я и 3-я гвардейские танковые армии рассекали берлинскую группировку на две части и наносили удар непосредственно по Берлину.

Темпы наступления танковых армий

Одной из особенностей боевого применения танковых армий в наступательных операциях было стремление к достижению высоких темпов наступления, так как от этого в решающей степени зависели темп фронтовых операций и успешное достижение их конечных целей. Высокие темпы наступления способствовали упреждению противника в действиях, достижению внезапности ударов в ходе операции, удержанию инициативы, разгрому противника по частям, лишали его возможности предпринять эффективные контрмеры. По данным генерала армии А.И. Радзиевского, среднесуточный темп наступления танковых армий колебался от 3–5 км (Орловская операция) до 25–45 км (Ясско-Кишиневская, Висло-Одерская, Пражская операции). Максимальные же темпы наступления в отдельные периоды операции составляли 60–90 км в сутки, а в Хингано-Мукденской операции 6-я гвардейская танковая армия продвигалась с темпом от 80 до 100 и более километров в сутки. Большую роль при этом играли передовые отряды, основу которых составляли усиленные танковые бригады.

Оборонительные операции танковых армий

В годы Великой Отечественной войны танковые армии не только участвовали в наступательных операциях, но и решали задачи в обороне. Переход танковых армий к обороне в ходе наступательных операций осуществлялся главным образом в целях отражения контрударов крупных танковых группировок противника, удержания внешнего или внутреннего фронта окружения, а также важных оперативных рубежей и плацдармов. Необходимость перехода к обороне обуславливалась значительным превосходством противника в силах и средствах, прежде всего в танках и авиации. До перехода к обороне танковые армии в одних случаях вели встречное сражение, в других – развивали успех, действуя в составе подвижной группы фронта или его первого эшелона. В таких условиях организовывать оборону приходилось в ограниченные сроки, под постоянным воздействием наземного и воздушного противника, нередко с одновременным отражением его ударов. Особенно сложная обстановка складывалась для танковых армий при переходе к обороне в результате неудачного исхода встречных сражений, для отражения контрударов крупных сил противника, а также в тех случаях, когда они действовали в значительном отрыве от остальных сил фронта (2-я танковая армия восточнее Варшавы, 5-я гвардейская танковая армия при выходе на побережье Балтийского моря).

Анализ опыта организации и ведения обороны танковыми армиями показывает, что они, имея значительный некомплект в личном составе, боевой

технике и вооружении, обороняли полосы шириной 20–50 км. Глубина обороны армии составляла 8–20 км. Оперативное построение армии в основном было одноэшелонным с выделением резерва. В связи с тем что танковые армии переходили к обороне главным образом на завершающем этапе фронтовых наступательных операций и в относительно широких полосах, понеся до этого определенные потери, плотности сил и средств были невысокими.

В оборонительных сражениях танковые армии по сравнению с общевойсковыми армиями широко применяли маневр и чаще проводили контратаки и контрудары, причем не только днем, но и ночью. Маневр силами и средствами осуществлялся для наращивания сопротивления противнику на направлениях прорыва его войск, усиления обороняющихся соединений первого эшелона, сосредоточения сил и средств для проведения контрударов. При этом контрудары организовывались в короткие сроки (4–6 часов) в ходе начавшихся оборонительных действий. К ним привлекались прежде всего танковые соединения (1–2 танковые бригады) и самоходные артиллерийские части, а также мотострелковые бригады, стрелковые дивизии и артиллерийские части. Наличие в составе контрударных группировок значительного количества танков и САУ и хорошей поддержки их огнем артиллерии, особенно реактивной, обеспечивало достижение цели контрудара.

В целом опыт Великой Отечественной войны показал, что боевые действия танковых армий характеризовались высокой результативностью. Это было обусловлено многими факторами, о которых говорилось выше, а также искусством командиров и военачальников и боевым мастерством личного состава. Заслуги танковых армий получили высокую оценку в

годы войны. Четыре танковые армии однородного состава (1, 2, 4 и 5-я), 21 танковый и механизированный корпус из 38, 68 танковых бригад из 146 и десятки полков были преобразованы в гвардейские. Орденами и медалями Советского Союза были награждены 250 тыс. солдат, сержантов, старшин, офицеров и генералов, орденами Славы трех степеней – около 200 человек, удостоены звания Героя Советского Союза 1142 танкиста, в том числе 16 человек – дважды [\[847\]](#).

Список условных сокращений

А – армия
аап – армейский артиллерийский полк
абр ПТО – артиллерийская бригада противотанковой обороны
ад – артиллерийская дивизия
ад ДД – авиационная дивизия дальнего действия
адд – авиадесантная дивизия
адп – артиллерийская дивизия прорыва
ак – авиационный корпус
акп – артиллерийский корпус прорыва
аминп – армейский минометный полк
ап – артиллерийский полк
ап ПТО – артиллерийский полк противотанковой обороны
БА – броневедомитель
бак – бомбардировочный авиационный корпус
бап – бомбардировочный авиационный полк
брмп – бригада морской пехоты
БТ – бронетанковый (ая)
БТ и МВ – бронетанковые и механизированные войска
БУП – Боевой устав пехоты
ВАБТВ – Военная академия бронетанковых и механизированных войск
ВАК – Высшие академические курсы
ВВС – Военно-воздушные силы
ВГК – Верховное Главнокомандование
вдбр – воздушно-десантная бригада
вдк – воздушно-десантный корпус
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВМФ – Военно-морской флот

ВОСО – органы военных сообщений
ВС – Вооруженные Силы
ВЦИК – Всероссийский Центральный
Исполнительный Комитет
ВЧ – закрытая система телефонной связи,
использующая высокие частоты
ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по
борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и
преступлениями по должности при Совнаркоме РСФСР
габр – гаубичная артиллерийская бригада
габр БМ – гаубичная артиллерийская бригада
большой мощности
ГАБТУ – Главное автобронетанковое управление
гап – гаубичный артиллерийский полк
гап б/м (БМ) – гаубичный артиллерийский полк
большой мощности
гв^[848] – гвардейский (ая)
гв. мбр – гвардейская минометная бригада
реактивной артиллерии
гв. мд – гвардейская минометная дивизия
реактивной артиллерии
гв. мп – гвардейский минометный полк реактивной
артиллерии
гв. тмп – гвардейский тяжелый минометный полк
реактивной артиллерии
ГКО – Государственный Комитет Обороны
гсбр – горнострелковая бригада
гсд – горнострелковая дивизия
ГСМ – горюче-смазочные материалы
ДВФ – Дальневосточный фронт
ДЗОТ – деревоземляная огневая точка
ДОСААФ – Добровольное общество содействия
армии, авиации и флота
жд – железная дорога
зенад – зенитная артиллерийская дивизия

зенап – зенитный артиллерийский полк
иак – истребительный авиационный корпус
иап – истребительный авиационный полк
ибр с/н – инженерная бригада спецназначения
ИВИ – Институт военной истории
ид – истребительная дивизия
и. д. – исполняющий должность
иминбр – инженерно-минная бригада
инж. – инженерный (ая)
инжб – инженерный батальон
инжбр – инженерная бригада
и. о. – исполняющий обязанности
ип – инженерный полк
иптабр – истребительно-противотанковая артиллерийская бригада
иптап – истребительно-противотанковый артиллерийский полк
исбр – инженерно-саперная бригада
КА – Красная Армия
кап – корпусной артиллерийский полк
кд – кавалерийская дивизия
кк – кавалерийский корпус
КМГ – конно-механизированная группа
КП – командный пункт
лабр – легкая артиллерийская бригада
лап – легкий артиллерийский полк
лбап – легкий бомбардировочный авиационный полк
лыжбр – лыжная бригада
м. – местечко
мбр – механизированная бригада
МВО – Московский военный округ
минбр – минометная бригада
минп – минометный полк
МНР – Монгольская Народная Республика
мк – механизированный корпус
МО – Министерство обороны

мп – минометный полк
мпмп – моторизованный понтонно-мостовой полк
мсбр – мотострелковая бригада
мсд – мотострелковая дивизия
мцб – мотоциклетный батальон
мцбр – мотоциклетная бригада
мцп – мотоциклетный полк
нбап – ночной бомбардировочный авиационный полк
НКВД – народный комиссариат внутренних дел
НКО – народный комиссариат обороны
НКПС – народный комиссариат путей сообщения
НПП – непосредственная поддержка пехоты
оабр – отдельная артиллерийская бригада
оабрб – отдельный автобронетанковый батальон
оадн – отдельный артиллерийский дивизион
оадн о/м (ОМ) – отдельный артиллерийский дивизион особой мощности
оап – отдельный артиллерийский полк
оапс – отдельный авиационный полк связи
оаэсб – отдельный аэросанный батальон
об ПТР – отдельный батальон противотанковых ружей
обрп – отдельный бронепоезд
овдп – отдельный воздушно-десантный полк
огв – отдельный (ая) гвардейский (ая)
огв. мбтр – отдельная гвардейская минометная батарея реактивной артиллерии
огв. мдн – отдельный гвардейский минометный дивизион реактивной артиллерии
огв. мп – отдельный гвардейский минометный полк реактивной артиллерии
огв. тмдн – отдельный гвардейский тяжелый минометный дивизион реактивной артиллерии
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
огсп – отдельный горнострелковый полк

одн брп – отдельный дивизион бронепоездов
озадн – отдельный зенитный артиллерийский дивизион
оиб – отдельный инженерный батальон
оибр – отдельная истребительная бригада
оип – отдельный истребительный полк
оиптдн – отдельный истребительно-противотанковый дивизион
ОКДВА – Отдельная Краснознаменная Дальневосточная армия
окуп – отдельный кавалерийский полк
ОКХ – от нем. ОКН (нем. Oberkommando des Heeres) – Главнокомандование Сухопутных сил (войск) вермахта
олыжб – отдельный лыжный батальон
олыжп – отдельный лыжный полк
омб ОСНАЗ – отдельный моторизованный батальон особого назначения
оминб – отдельный минометный батальон
оминдн – отдельный минометный дивизион
оминсб – отдельный минно-саперный батальон
омсп – отдельный мотострелковый полк
омцб – отдельный мотоциклетный батальон
омцп – отдельный мотоциклетный полк
опаб – отдельный пулеметно-артиллерийский батальон
опадн БМ – отдельный пушечный артиллерийский дивизион большой мощности
оптб – отдельный противотанковый батальон
оптдн – отдельный противотанковый дивизион
опулб – отдельный пулеметный батальон
осаб – отдельный саперный батальон
осб – отдельный стрелковый батальон
осп – отдельный стрелковый полк
отб – отдельный танковый батальон
отп – отдельный танковый полк

отпадн – отдельный тяжелый пушечный артиллерийский дивизион

отр – отдельная танковая рота

пабр – пушечная артиллерийская бригада

пап – пушечный артиллерийский полк

ПВО – противовоздушная оборона

пд – пехотная дивизия

пмб – понтонно-мостовой батальон

пмбр – понтонно-мостовая бригада

пмп – понтонно-мостовой полк

ПОЗ – подвижной отряд заграждения

ППС – полевая почтовая станция

ПРБ – полевая ремонтная база

ПТР – противотанковое ружье

Р.В.Б. – ремонтно-восстановительная база

РВС – реввоенсовет

РГК – Резерв Главного Командования

РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия

РС – реактивные снаряды

сад – смешанная авиационная дивизия

сак – смешанный авиационный корпус

сабр – самоходная артиллерийская бригада

сап – самоходный артиллерийский полк

САУ – самоходная артиллерийская установка

сбр – стрелковая бригада

сд – стрелковая дивизия

сд НКВД – стрелковая дивизия Народного комиссариата внутренних дел

сд НО – стрелковая дивизия народного ополчения

ск – стрелковый корпус

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

СУ – самоходная установка

ТА – танковая армия

тбр – танковая бригада

тгабр – тяжелая гаубичная артиллерийская бригада

тд – танковая дивизия

тк – танковый корпус

тпад – тяжелая пушечная артиллерийская дивизия

тпмп – тяжелый понтонно-мостовой полк

уд. – ударный (ая)

УР – укрепленный район

УССР – Украинская Советская Социалистическая
Республика

УТВ – Устав танковых войск

ЦК – Центральный Комитет

шап – штурмовой авиационный полк

шисбр – штурмовая инженерно-саперная бригада

Список использованной литературы и источников

Ананьев И. Создание танковых армий и совершенствование их организационной структуры // Военно-исторический журнал. 1972. № 10. С. 39-48.

Ананьев И.М. Танковые армии в наступлении: По опыту Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М.: Воениздат, 1988.

Андронников Н.Г. и др. Бронетанковые и механизированные войска Советской Армии. М.: Воениздат, 1958.

Антосяк А. В боях за свободу Румынии. М., 1974.

Ашкерев В.П. Стальным тараном: Боевой путь 4-й гвардейской танковой армии. М.: Воениздат, 1992.

Бабаджанян А.Х. Дороги победы. М.: Молодая гвардия, 1972.

Бабаджанян А., Кравченко И. 1-я танковая армия в Житомирско-Бердичевской операции // Военно-исторический журнал. 1972. № 9. С. 22-32.

Бабаджанян А.Х., Попель Н. К., Шалин М. А., Кравченко И.М. Люки открыли в Берлине. Боевой путь 1-й гвардейской танковой армии. М.: Воениздат, 1973.

Баграмян И.Х. Так мы шли к победе. М.: Воениздат, 1977.

Батов П.И. В походах и боях. 3-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1974.

Батов П.И. В походах и боях. 4-е изд. М., 1984.

Бердников Г.И. Первая ударная: Боевой путь 1-й ударной армии в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1985.

Бирюков Н.И. Танки – фронту! Записки советского генерала. Смоленск: Русич, 2005.

Битва под Курском. М., 1946. Кн. 1.

Боевой опыт бронетанковых и механизированных войск в Великой Отечественной войне, сборник 3. М., 1944.

Боевой состав Советской Армии. Часть II (январь – декабрь 1942 года). М.: Воениздат, 1966.

Боевой состав Советской Армии. Часть III (январь – декабрь 1943 г.). М.: Воениздат, 1972.

Боевой состав Советской Армии. Часть IV (январь – декабрь 1944 г.). М.: Воениздат, 1988.

Боевой состав Советской Армии. Часть V (январь – сентябрь 1945 г.). М.: Воениздат, 1990.

Боевые действия Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 1. М.: Воениздат, 1958.

Бок Федор фон. Я стоял у ворот Москвы. Военные дневники 1941–1945 / Пер. А. Кашина; науч. ред. А. Исаев, Н. Баринов. М.: Яуза, Эксмо, 2006.

Буденный С.М. Основы тактики конных соединений. М., 1938.

Быстров В. Михаил Катуков // Полководцы и военачальники Великой Отечественной войны. 2-е изд. М., 1986. Вып. 3.

Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2002.

Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки.

Книга вторая. Перелом. М.: Наука, 1998.

Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга третья. Освобождение. М.: Наука, 1999.

Великая Отечественная война. Командармы. Военный биографический очерк. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005.

Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. Краткая история. М.: Воениздат, 1970.

Великая Отечественная война Советского Союза, 1941–1945: Краткая история. 3-е изд. М., 1984.

Великая победа на Волге. М., 1965.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. II. М., 1946.

Внотченко Л.Н., Егоров П.Я. Разгром агрессии на Дальнем Востоке. М., 1975.

Военно-исторический журнал. 1962. № 1, 9.

Военно-исторический журнал. 1964. № 7, 8.

Военно-исторический журнал. 1965. № 10.

Военно-исторический журнал. 1986. № 5.

Военно-исторический журнал. 1998. № 8.

Воробьев Ф.Д., Пароткин И.В., Шиманский А.Н. Последний штурм.

(Берлинская операция 1945). М.: Воениздат, 1970.

Галкин Ф.И. Танки возвращаются в бой. М.: Воениздат, 1964.

Гальдер Ф. Военный дневник. 22.06.1941 – 24.09.1942 / Пер. с нем. И. Глаголева; Предисл. и коммент. канд. ист. наук Е. Кулькова. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004.

Гвардейская танковая. (Боевой путь 2-й гвардейской танковой армии). М.: Воениздат, 1963.

Герасимова С.А. Ржев 42. Позиционная бойня. М.: Яуза, Эксмо, 2007.

Гетман А.Л. Танки идут на Берлин. М.: Наука, 1973.

Главный маршал бронетанковых войск // В кн.: Долгов И.А. Золотые Звезды калининцев. М., 1969.

Глебов И. Генерал-полковник П.Л. Романенко // Военно-исторический журнал. 1977. № 3.

Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М.: Воениздат, 1993.

Грылев А.Н. Днепр – Карпаты – Крым. Освобождение Правобережной Украины и Крыма в 1944 г. М.: Воениздат, 1970.

Грылев А.Н. За Днепром. М.: Воениздат, 1963.

Гудериан Г. Воспоминания солдата / Пер. с нем. Смоленск: Русич, 2003.

Гусаковский И.И. В боях и сражениях // Военная мысль. 1990. № 9. С. 69–71.

Дайнес В.О. Бронетанковые войска Красной Армии / Владимир Дайнес. М.: Яуза: Эксмо, 2009.

Дайнес В.О. Жуков. М.: Молодая гвардия, 2005.

Дайнес В.О. Жуков. Рожденный побеждать. М.: Яуза, Эксмо, 2008.

Дайнес В.О. Рокоссовский. Гений маневра. М.: Яуза, Эксмо, 2008.

Дайнес В.О. Советские ударные армии в бою. М.: Яуза, Эксмо, 2009.

Дайнес В.О. Заградотряды и штрафбаты Красной Армии / Владимир Дайнес. М.: Яуза, Эксмо, 2009.

Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: ист. очерки, документы и материалы. В двух томах. М.: Наука, 1973. Т. 2.

Дерр Г. Поход на Сталинград. М.: Воениздат, 1957.

Добрушин Д.С. Незабываемые встречи. Волгоград, 1987. Дорогами побед. Боевой путь 5-й гвардейской танковой армии. М., 1969.

Жадов А. Генерал армии М.М. Попов // Военно-исторический журнал. 1972. № 10. С. 125–127.

Жадов А.С. Четыре года войны. М., 1978.

Жилин В.А. Герои-танкисты 1941–1942 гг. М.: Яуза, Эксмо, 2008.

Жилин В.А. Герои-танкисты 1943–1945 гг. М.: Яуза, Эксмо, 2008.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3 т. 10-е изд., дополненное по рукописи автора. М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1990.

Завизион Г.Т., Корнюшин П.А. И на Тихом океане... Воен. – ист. очерк о боевом пути 6-й гвардейской танковой армии. М., 1967.

Завьялов А.С., Калядин Т.Е. Восточно-Померанская наступательная операция советских войск. Февраль – март 1945 г. Военно-исторический очерк. М.: Воениздат, 1960.

Замулин В. Курский излом. Решающая битва Отечественной войны. М.: Яуза, Эксмо, 2007.

Иванов А.С. Броневая рапсодия. М., 1983.

Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. М.: Воениздат, 1990.

Информационный сборник БТ и МВ. М., 1948, № 6, 7.

История бронетанковых и механизированных войск Советской Армии. Т. 1, 2. Изд. Академии ВТ и МВ, 1953.

История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 2–5. М., 1963–1964.

История военного искусства. М.: Изд. Военной академии бронетанковых войск, 1960.

История военного искусства. Т. 2. М.: Изд. Военной академии бронетанковых войск, 1963.

История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. М.: Воениздат, 1976–1980. Т. 5—11.

История танковых войск Советской Армии. Под ред. О.А. Лосика. М.: ВАБТВ, 1975.

Казаков М.И. Над картой былых сражений. М.: Воениздат, 1971.

Кардашов В.И. Рокоссовский. 4-е изд. М.: Молодая гвардия, 1984.

Катуков М.Е. На острие главного удара. М.: Воениздат, 1974.

Катуков М.Е. На острие главного удара. 3-е изд. М., 1985.

Киреев Н. Форсирование Одера 4-й танковой армией // Военно-исторический журнал. 1976. № 4. С. 95—101.

Конев И.С. Записки командующего фронтом. М.: Наука, 1972.

Конев И.С. Записки командующего фронтом. М.: «Голос», 2000.

Конев И.С. Сорок пятый. 2-е изд., испр. и доп. М., 1970.

Красницкий Н.Ф. 2-я танковая армия в Орловской наступательной операции Центрального фронта. М.: Воениздат, 1947.

Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.

Крупченко И.Е. Танковые армии в Берлинской операции // Военно-исторический журнал. 1960. № 7.

Крюченкин В.Д. От солдата до генерала. М., 1958.

Кузьмин А.В. Боевые действия 2-й танковой армии в Люблинско-Брестской операции. М., 1961.

Курочкин П. Генерал армии М.М. Попов // Военно-исторический журнал. 1982. № 11. С. 90-92.

Курская битва. М., 1970.

Лелюшенко Д. Маршал Советского Союза К.С. Москаленко // Военно-исторический журнал. 1982. № 5. С. 63-67.

Лелюшенко Д. Д. Москва – Сталинград – Берлин – Прага. 4-е изд., испр. М., 1987.

Лопуховский Л. Прохоровка. Без грифа секретности. М.: Эксмо, Яуза, 2007.

Людников И.И. Дорога длиною в жизнь. М.: Воениздат, 1969.

Манштейн Э. Утерянные победы / Пер. с нем.; Худож. А. Шуплецов. Смоленск: Русич, 2003.

Мастерство и мужество: О М.Е. Катукове. М.: Политиздат, 1983.

Меллентин Ф. Танковые сражения 1939-1945 гг. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957.

Меллентин Ф.В. Танковые сражения: Боевое применение танков во Второй мировой войне: Пер. с нем. / Ф.В. Меллентин. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: ООО «Издательство Полигон», 2003.

Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении 1943–1945. М.: Наука, 1972.

Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма. Книга I. М.: Наука, 1969.

Надысев Г.С. На службе штабной. М.: Воениздат, 1976. Назаров О.А. Генерал армии П.И. Батов. М., 1987.

Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. – Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12(1). М.: ТЕРРА, 1993.

Наступление 1-го Украинского фронта на киевском направлении в 1943 году. М., 1951.

Николаев Ю.В. Командарм Д.Д. Лелюшенко // Военная мысль. 1991. № 11–12. С. 105–108.

Олейников Г.А. Прохоровское сражение (июль 1943). Что действительно произошло под Прохоровкой (военно-исторический очерк). СПб.: Нестор, 1998.

Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 2. М.: Воениздат, 1959; Т. 3. М.: Воениздат, 1958; Т. 4. М.: Воениздат, 1959.

Операция «Багратион». Освобождение Беларуси. М., 2004.

Ортенберг Д.И. Маршал Москаленко. Киев, 1984.

Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во Второй мировой войне. М., 1971.

Оставной П. Маршал бронетанковых войск С.И. Богданов // Военно-исторический журнал. 1984. № 8. С. 90–92.

Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Жуковский; Кучково поле, 2001.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны. М., 1976. Т. 1.

Полководцы и военачальники Великой Отечественной. Изд. 2-е. М., 1971.

Португальский Р. Маршал Тимошенко. «Поставьте меня на опасный участок...». М.: Яуза, Эксмо, 2007.

Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М.: Воениздат, 1975.

Пыхалов И. Заградительные отряды: вымысел и реальность (ч. 2) // Альманах «Восток». 2004. № 6 (18). Июнь.

Радзиевский А. Ввод танковых армий в прорыв // Военно-исторический журнал. 1976. № 2.

Радзиевский А. Поддержание и восстановление боеспособности танковых армий в наступательных операциях // Военно-исторический журнал. 1976. № 3. С. 14-22.

Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1977.

Родинский Д.И., Царьков Н.С. Повесть о братьях. М., 1976.

Рокоссовский К.К. Солдатский долг. 5-е изд. М.: Воениздат, 1988.

Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Голос, 2000.

Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

Ротмистров П.А. Время и танки. М., 1972.

Ротмистров П. Генерал армии Д.Д. Лелюшенко // Военно-исторический журнал. 1981. № 10. С. 91-93.

Ротмистров П.А. Стальная гвардия. М.: Воениздат, 1984.

Ротмистров П.А. Танковое сражение под Прохоровкой. М.: Воениздат, 1960.

Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2-2). М.: ТЕРРА, 1997.

Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2-3). М.: ТЕРРА, 1997.

Русский архив: Великая Отечественная. Прелюдия Курской битвы. Т. 15 (4-3). М.: ТЕРРА, 1997.

Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т. 15 (4-4). М.: ТЕРРА, 1997.

Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). М.: ТЕРРА, 1995.

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). М.: ТЕРРА, 1996.

Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). М.: ТЕРРА, 1999.

Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5-4). М.: ТЕРРА, 1999.

Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1942 год. Т. 23 (12-2). М.: ТЕРРА, 1999.

Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 год. Т. 23 (12-3). М.: ТЕРРА, 1999.

Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной

войны: Документы и материалы. 1944–1945 гг. Т. 23 (12-4). М.: ТЕРРА, 2001.

Самсонов А.М. Сталинградская битва. 2-е изд. М., 1968.

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 4. М.: Воениздат, 1948.

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 15. М.: Воениздат, 1952.

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 30. М.: Воениздат, 1957.

Сборник научных трудов. М.: ИВИ, 1971.

Свердлов Ф.Д. Человек долга // Военная мысль. 1992. № 12. С. 69–73.

Семин Ю.Н. Маршал бронетанковых войск С.И. Богданов // Военная мысль. 1994. № 8. С. 76–80.

Сеолев В.Б. Некоторые вопросы подготовки танковых армий к Берлинской операции // Сборник научных трудов. М.: ИВИ, 1971.

Советские танковые войска 1941–1945. М.: Воениздат, 1973.

Советское военное искусство в Великой Отечественной войне 1941–1945. Т. 3. М.: Воениздат, 1962.

Сообщения Советского информбюро. М., 1944. Т. 6.

Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1953.

Сталинградская эпопея: Впервые публикуемые документы, рассекреченные ФСБ РФ: Воспоминания фельдмаршала Паулюса;

Дневники и письма солдат РККА и вермахта; Агентурные донесения; Протоколы допросов; Докладные записки Особых отделов фронтов и армий. М.: «Звонница-МГ», 2000.

Строева А.Т. Командарм Кравченко. Киев: Политиздат Украины, 1984.

Строительство и боевое применение советских танковых войск в годы Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1979.

3-я гвардейская танковая: Боевой путь 3-й гвардейской танковой армии. М., 1982. Танковый удар. Советские танки в боях. 1942–1943: Сборник / А. Исаев, В. Гончаров, И. Кошкин, С. Федосеев, Д. Козырев; ред. – сост. В. Гончаров. М.: Яуза, Эксмо, 2007.

Типпельскирх К. История Второй мировой войны. Пер. с нем. М.: Иностранная литература, 1956.

Хаупт Вернер. Сражения группы армий «Центр». Взгляд офицера вермахта. М.: Яуза, Эксмо, 2006.

Черушев Н.С. Из ГУЛага – в бой / Николай Черушев. М.: Вече, 2006.

Чуйков В. Главный маршал бронетанковых войск П.А. Ротмистров // Военно-исторический журнал. 1971. № 5.

Шарипов А.А. Черняховский. Изд. 2-е. М.: Молодая гвардия, 1980.

Шеин Б.П. Командарм А.Г. Кравченко // Военная мысль. 1989. № 10. С. 61–66.

Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. М.: Яуза, Эксмо, 2009.

Goerlitz W. Paulus und Stalingrad (Westport, Conn.: Greenwood Press, 1974.

Werthen W. Geschichte der 16. Panzer-Division 1939–1945. Bad Nauheim, 1958.

Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 4. Оп. 14.Д. 1039.

РГВА. Ф. 25871. Оп. 2. Д. 1275.

РГВА. Ф. 32871. Оп. 1. Д. 11.

РГВА. Ф. 37977. Оп. 4. Д. 167. Л. 31; Д. 240.

Примечания

См.: Дайнес В.О. Бронетанковые войска Красной Армии / Владимир Дайнес. М.: Яуза, Эксмо, 2009. С. 53.

Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 32871. Оп. 1. Д. 11. Л. 140–141.

РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 1039. Л. 2-6.

РГВА. Ф. 37977. Оп. 4. Д. 167. Л. 31; Д. 240. Л. 42-43.

РГВА. Ф. 37977. Оп. 4. Д. 240. Л. 42-43.

См.: Буденный С.М. Основы тактики конных соединений. М., 1938. С. 3.

РГВА. Ф. Оп. 4. Д. 240. Л. 73.

РГВА. Ф. 25871. Оп. 2. Д. 1275. Л. 324.

См.: Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1). М.: ТЕРРА, 1993. С. 138.

Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1). С. 156

См.: Ананьев И. Создание танковых армий и совершенствование их организационной структуры // Военно-исторический журнал. 1972. № 10. С. 39-48; Радзиевский А.И. Танковый удар. (Танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны.) М., 1977; Радзиевский А. Ввод танковых армий в прорыв // Военно-исторический журнал. 1976. № 2; Радзиевский А. Поддержание и восстановление боеспособности танковых армий в наступательных операциях // Военно-исторический журнал. 1976. № 3. С. 14-22; Ананьев И.М. Танковые армии в наступлении: По опыту Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М.: Воениздат, 1988.

См.: Гвардейская танковая. Боевой путь 2-й гвардейской танковой армии.) М.: Воениздат, 1963; Завизион Г.Т., Корнюшин П.А. И на Тихом океане... Воен. - ист. очерк о боевом пути 6-й гвардейской танковой армии. М., 1967; Дорогами побед. Боевой путь 5-й гвардейской танковой армии. М., 1969; Бабаджанян А.Х., Попель Н.К., Шалин М.А., Кравченко И.М. Люки открыли в Берлине. Боевой путь 1-й гвардейской танковой армии. М.: Воениздат, 1973; 3-я гвардейская танковая: Боевой путь 3-й гвардейской танковой армии. М., 1982; Ашкеров В.П. Стальным тараном: Боевой путь 4-й гвардейской танковой армии. М.: Воениздат, 1992; Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. М.: Яуза, Эксмо, 2009 и др.

См.: Красницкий Н.Ф. 2-я танковая армия в Орловской наступательной операции Центрального фронта. М.: Воениздат, 1947; Крупченко И.Е. Танковые армии в Берлинской операции // Военно-исторический журнал. 1960. № 7; Кузьмин А.В. Боевые действия 2-й танковой армии в Люблинско-Брестской операции. М., 1961; Сео́ев В.Б. Некоторые вопросы подготовки танковых армий к Берлинской операции // Сборник научных трудов. М.: ИВИ, 1971; Бабаджанян А., Кравченко И. 1-я танковая армия в Житомирско-Бердичевской операции // Военно-исторический журнал. 1972. № 9. С. 22–32; Киреев Н. Форсирование Одера 4-й танковой армией // Военно-исторический журнал. 1976. № 4. С. 95—101; Танковый удар. Советские танки в боях. 1942–1943: Сборник / А. Исаев, В. Гончаров, И. Кошкин, С. Федосеев, Д. Козырев; ред. – сост. В. Гончаров. М.: Яуза, Эксмо, 2007 и др.

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2-2). М.: ТЕРРА, 1997. С. 245.

См.: Сборник боевых документов Великой
Отечественной войны. № 5. М., 1947. С. 28–29.

Цит. по: Бирюков Н.И. Танки - фронту! Записки советского генерала. Смоленск: Русич, 2005. С. 204.

Планом операции «Брауншвейг» предусматривалось последовательными ударами уничтожить группировку советских войск западнее Дона, захватить нефтеносные районы Кавказа и перейти через Кавказский хребет.

См.: Дерр Г. Поход на Сталинград. М.: Воениздат, 1957. С. 131-133.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). М.: ТЕРРА, 1996. С. 320-321.

Цит. по: Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. М.: Воениздат, 1990. С. 258.

См.: Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма. Книга I. М.: Наука, 1969. С. 266.

См.: Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой.
С. 267.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16(5-2). С. 321-322.

Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2002. С. 209.

Цит. по: Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма. Книга I. С. 286.

Цит. по: Дерр Г. Поход на Сталинград. М.:
Воениздат, 1957. С. 44.

Дерр Г. Поход на Сталинград. С. 44–45.

См.: Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой.
С. 280-281.

Цит. по: Иванов С.П. Штаб армейский, штаб
фронтвой. С. 293.

См.: Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма. Книга I. 1969. С. 276.

См.: Военно-исторический журнал. 1988. № 8. С. 73–75.

Подробнее см.: Дайнес В.О. Заградотряды и штрафбаты Красной Армии / Владимир Дайнес. М.: Яуза, Эксмо, 2009

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16(5-2). С. 336.

Цит. по: Пыхалов И. Заградительные отряды: вымысел и реальность (ч. 2) // Альманах «Восток». 2004. № 6 (18). Июнь.

См.: Сталинградская эпопея. Впервые публикуемые документы, рассекреченные ФСБ РФ. Воспоминания фельдмаршала Паулюса. Дневники и письма солдат РККА и вермахта. Агентурные донесения. Протоколы допросов. Докладные записки Особых отделов фронтов и армий. М.: «Звонница-МГ», 2000. С. 222-224.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 331.

Цит. по: Иванов С.П. Штаб армейский, штаб
фронтальной. С. 302.

См.: Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма. Книга I. С. 281.

Цит. по: Гальдер Ф. Военный дневник. 22.06.1941—24.09.1942 / Пер. с нем. И. Глаголева; Предисл. и коммент. канд. ист. наук Е. Кулькова. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004. С. 613–614.

Цит. по: Werthen W. Geschichte der 16. Panzer-Division 1939–1945. Bad Nauheim, 1958. S. 100, 198 (Skizzen).

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 340.

Там же. С. 342–343.

Там же. С. 345.

Цит. по: Иванов С.П. Штаб армейский, штаб
фронтвой. С. 310.

Цит. по: Военно-исторический журнал. 1962. № 9. С. 41.

См.: Великая победа на Волге. М., 1965. С. 65.

Цит. по: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3 т. 10-е изд., дополненное по рукописи автора. М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1990. С. 290.

Цит. по: Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма. Книга I. С. 282.

См.: там же. С. 268.

Цит. по: Военно-исторический журнал. 1965. № 10.
С. 15.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 216.

Там же. С. 220.

См.: там же. С. 219.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 216-217.

Там же. С. 362.

Там же. С. 285.

Там же. С. 290.

Там же. С. 326.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1942 год. Т. 2312—2. М.: ТЕРРА, 1999. С. 259–260.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 359-360.

Тет-де-пон (от фр. tete – голова и pont – мост) – предмостная позиция, оборонительная позиция, создаваемая для удержания мостовой переправы и обеспечения войскам благоприятных условий для действий на обоих берегах водной преграды.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 311.

См.: Герасимова С.А. Ржев 42. Позиционная бойня.
М.: Яуза, Эксмо, 2007. С. 106.

Цит. по: Гальдер Ф. Военный дневник. 22.06.1941—24.09.1942 / Пер. с нем. И. Глаголева; Предисл. и коммент. канд. ист. наук Е. Кулькова. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004. С. 613.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. М.: Яуза, Эксмо, 2009. С. 17.

См.: Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. С. 67.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 18.

Цит. по: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3 т. Т. 2. 10-е изд., дополненное по рукописи автора. С. 294.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 312.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 34.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 389.

19 января 1943 г. П.С. Рыбалко было присвоено воинское звание генерал-лейтенанта танковых войск.

Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 271.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 395.

См.: там же. С. 396.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 20. С. 35-36.

См.: Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. С. 104.

Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин.
С. 65.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 7.

См.: Казаков М.И. Над картой былых сражений. М.: Воениздат, 1971. С. 148. Маршал Советского Союза К.С. Москаленко, командовавший в то время 40-й армией, отмечал, что плотность артиллерии составляла 108 орудий и минометов на 1 км фронта.

Цит. по: Казаков М.И. Над картой былых сражений.
С. 145.

Цит. по: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою /
Дмитрий Шеин. С. 66.

Генерал К.С. Москаленко – командующий 40-й армией.

Генерал П.М. Зыков – командир 18-го отдельного стрелкового корпуса.

Генерал Ф.М. Харитонов – командующий 61-й армией.

Генерал-полковник Н.Ф. Ватутин – командующий войсками Юго-Западного фронта.

Цит. по: Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма. Книга I. С. 385.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 68–70.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Прелюдия Курской битвы. Т. 15 (4-3). М.: ТЕРРА, 1997. С. 72-73.

См.: Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. М.: Воениздат, 1970. С. 228.

Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин.
С. 81-83.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 33. Своим названием операция была обязана тому, что намечалось нанести концентрический удар на Харьков по сходящимся направлениям.

93 19 января 1943 г. 7-й кавалерийский корпус был преобразован в 6-й гвардейский кавалерийский корпус.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 33.

Цит. по: Казаков М.И. Над картой былых сражений.
М.: Воениздат, 1971. С. 162–163.

Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин.
С. 89.

Цит. по: Танковый удар. Советские танки в боях. 1942–1943. Сборник / А. Исаев, В. Гончаров, И. Кошкин, С. Федосеев, Д. Козырев; ред. – сост. В. Гончаров. М.: Яуза, Эксмо, 2007. С. 215.

Танковый удар. Советские танки в боях. 1942–1943: Сборник / А. Исаев, В. Гончаров, И. Кошкин, С. Федосеев, Д. Козырев; ред. – сост. В. Гончаров. С. 258.

Несмотря на присвоение дивизиям 6-го гвардейского кавалерийского корпуса новой гвардейской нумерации, они в документах штаба 3-й танковой армии продолжали именоваться по-старому – 11-я и 83-я.

См.: Танковый удар. Советские танки в боях. 1942–1943. Сборник / А. Исаев, В. Гончаров, И. Кошкин, С. Федосеев, Д. Козырев; ред. – сост. В. Гончаров. С. 235.

См.: Танковый удар. Советские танки в боях. 1942–1943. Сборник / А. Исаев, В. Гончаров, И. Кошкин, С. Федосеев, Д. Козырев; ред. – сост. В. Гончаров. С. 263.

Цит. по: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою /
Дмитрий Шеин. С. 90.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная.
Прелюдия Курской битвы. Т. 15 (4-3). С. 407-408.

См.: Манштейн Э. Утерянные победы / Пер. с нем. Худож. А. Шуплецов. Смоленск: «Русич», 2003. С. 488, 489.

Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин.
С. 107, 112.

См.: Танковый удар. Советские танки в боях. 1942–1943. Сборник / А. Исаев, В. Гончаров, И. Кошкин, С. Федосеев, Д. Козырев; ред. – сост. В. Гончаров. С. 266.

Цит. по: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою /
Дмитрий Шеин. С. 113.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 83.

Цит. по: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою /
Дмитрий Шеин. С. 126.

Цит. по: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою /
Дмитрий Шеин. С. 128.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 283.

Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин.
С. 115, 116.

Цит. по: Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма. Книга I. С. 431-432.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 136.

Цит. по: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою /
Дмитрий Шеин. С. 137-138.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 284-285.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 96.

Цит. по: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою /
Дмитрий Шеин. С. 139.

Цит. по: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою /
Дмитрий Шеин. С. 142.

Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин.
С. 139-140.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 130.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). М.: С. 320.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 331.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 342-343.

125

Там же.

После боев в районе Верхнебузиновки управление 13-го танкового корпуса была переброшено в район Абганерово, где объединило под своим командованием 6-ю гвардейскую, 13-ю, 254-ю танковые и 38-ю мотострелковую бригады.

6 августа 1942 г. 23-й танковый корпус был передан из 1-й танковой армии в 62-ю армию, а 28-й танковый корпус выведен на доукомплектование.

По директиве № 170566 Ставки ВГК от 13 августа 1942 г. командующий Юго-Восточным фронтом генерал-полковник А.И. Еременко по совместительству был назначен командующим Сталинградским фронтом, а генерал-лейтенант В.Н. Городов – его заместителем по этому фронту.

Цит. по: Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. М.: Воениздат, 1990. С. 329–330.

Цит. по: Иванов С.П. Штаб армейский, штаб
фронтвой. С. 333.

Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. С.
331.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная.
Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-
2). С. 403.

Цит. по: Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.:
Голос, 2000. С. 235—236

Боевой состав Советской Армии. Часть II (январь – декабрь 1942 года). М.: Воениздат, 1966. С. 194.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 440.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 217.

Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2002. С. 200-201.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 219.

Там же. С. 220

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 249.

См.: Португальский Р. Маршал Тимошенко. «Поставьте меня на опасный участок...». М.: Яуза, Эксмо, 2007. С. 254-255.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 13-14.

См.: Дерр Г. Поход на Сталинград. М., 1957. С. 127.

См.: Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: ист. очерки, документы и материалы. В 2 т. М.: Наука, 1973. Т. 2. С. 312.

См.: Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1989. Т. 1. С. 206; История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. М.: Воениздат, 1975. Т. 5. С. 121, 143.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 15.

См.: История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. Т. 5. С. 145–146.

См.: История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. Т. 5. С. 144.

См.: Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. М.: Воениздат, 1973. С. 62.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 284.

Там же. С. 288.

См.: Бок Федор фон. Я стоял у ворот Москвы. Военные дневники 1941–1945 / Пер. А. Кашина; науч. ред. А. Исаев, Н. Баринов. М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 463.

См.: Ротмистров П.А. Стальная гвардия. М.: Воениздат, 1984. С. 116.

Там же. С. 117.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 291-292.

156

Там же.

См.: Черушев Н.С. Из ГУЛАГа - в бой / Николай Черушев. М.: Вече, 2006. С. 344.

Цит. по: Жилин В.А. Герои-танкисты 1941-1942 гг.
М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 114.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 295.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 309-310. 25 июля 1942 г. один из батальонов 148-й танковой бригады 2-го танкового корпуса попал в окружение. Генерал-лейтенант Н.Е. Чибисов приказал командиру корпуса лично вывести этот батальон из западни. Вместе с полковым комиссаром Асоровым генерал Лизюков на танке КВ выехал в направлении деревни Медвежье в Воронежской области. Когда машину подбили, Лизюков приказал экипажу покинуть танк. Сам вылез последним. Автоматная очередь настигла его у башни. Его могила долгое время была неизвестной, а сам он, по официальным данным, оставался пропавшим без вести. В 2008 г. были предположительно найдены останки генерала в братской могиле у села Лебяжье. По желанию родственников 7 мая 2009 г. они были перезахоронены на Аллее Славы в Воронеже.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 278.

Цит. по: Казаков М.И. Над картой былых сражений.
М.: Воениздат, 1971. С. 113-114.

Цит. по: Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1968. С. 134.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 331.

Там же. С. 376-377.

Цит. по: Иванов С.П. Штаб армейский, штаб
фронтвой. С. 421.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 394.

Там же. С. 395.

Там же С. 440.

Там же. С. 448.

См.: Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. М.: Воениздат, 1973. С. 75.

Цит. по: Иванов С.П. Штаб армейский, штаб
фронтвой. С. 448.

13-й танковый корпус до февраля 1943 г. именовался танковым, хотя был сформирован по штатам механизированного корпуса.

См.: Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. С. 78.

Цит. по: Иванов С.П. Штаб армейский, штаб
фронтвой. С. 460.

См.: Дерр Г. Поход на Сталинград. М.: Воениздат, 1957. С. 67.

Цит. по: Дерр Г. Поход на Сталинград. С. 69.

Goerlitz W. Paulus und Stalingrad. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1974. S. 208.

Цит. по: Иванов С.П. Штаб армейский, штаб
фронтвой. С. 475.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 466-467, 559-560.

См.: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3 т. Т. 2. 10-е изд., дополненное по рукописи автора. М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1990. С. 341–342.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 465.

См.: Манштейн Э. Утерянные победы / Пер. с нем.
Смоленск, 2003. С. 380–381.

См.: История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. Т. 6. С. 64.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 466-467.

19 декабря 1942 г. 6-я армия была передана в состав Юго-Западного фронта.

См.: Великая победа на Волге. М., 1965. С. 317–318.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 467.

См.: Василевский А.М. Дело всей жизни. 3-е изд. М.: Политиздат, 1978. С. 261.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). С. 468.

Там же. С. 469.

Генерал армии С.П. Иванов ошибся, утверждая, что генерал П.Л. Романенко был освобожден от должности 25 ноября 1942 г.

См. подробнее: Дайнес В.О. Рокоссовский. Гений маневра. М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 311–313.

В некоторых работах выделяется Ворошиловградская наступательная операция, которая датируется с 29 января по 18 февраля 1943 г.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 258-259.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 29.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 271-272.

См.: Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. С. 100.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 277-278.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 74.

Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 280-282.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 312.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 121.

См.: Бирюков Н.И. Танки - фронту! Записки советского генерала. Смоленск: Русич, 2005. С. 280.

Там же. С. 304.

См.: Бирюков Н.И. Танки - фронту! Записки советского генерала. С. 306.

См.: Бирюков Н.И. Танки - фронту! Записки советского генерала. С. 313.

См.: Ананьев И.М. Танковые армии в наступлении: По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1988. С. 64.

См.: Бирюков Н.И. Танки - фронту! Записки советского генерала. С. 437.

См.: Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1977. С. 31.

См.: Ананьев И.М. Танковые армии в наступлении: По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 76.

См.: Ананьев И. Создание танковых армий и совершенствование их организационной структуры // Военно-исторический журнал. 1972. № 10. С. 47.

См.: Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. С. 27.

См.: Строительство и боевое применение советских танковых войск в годы Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1979. С. 75.

См.: Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. С. 27–28.

Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. С. 33.

См.: Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. С. 36.

См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 15. М.: Воениздат, 1952. С. 37-39.

См.: Сборник боевых документов Великой
Отечественной войны. Выпуск 15. С. 16-18.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 47-48. Маршал бронетанковых войск М.Е. Катуков в своих мемуарах «На острие главного удара» упоминает постановление ГКО от 4 января 1943 г. о формировании 1-й танковой армии. Однако в директиве Ставки ВГК речь идет о постановлении от 28 января того же года.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 70-71.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы: 1943 год. Т. 23 (12-3). С. 93; Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 93.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 101.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы: 1943 год. Т. 23 (12-3). С. 109.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 129.

См.: Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. С. 95.

См.: Замулин В. Курский излом. Решающая битва Отечественной войны. М.: Яуза, Эксмо, 2007. С. 110–111.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 год. Т. 23 (12-3). С. 157.

Там же. С. 170.

См.: Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Ист. очерки, документы и материалы. В 2 т. М.: Наука, 1973. Т. 2. С. 410-413.

Цит. по: Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Ист. очерки, документы и материалы. В 2 т. Т. 2. С. 410-413.

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т 15. (4-4). С. 8.

Группой командовал командир 48-го танкового корпуса генерал танковых войск В. Кемпф. В ряде источников группу называют «армейской группой Кемпф».

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т. 15. (4-4). С. 8.

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т. 15. (4-4). С. 8.

Цит. по: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3 т. 10-е изд., дополненное по рукописи автора. М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1990. Т. 3. С. 23.

Цит. по: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления.
Т. 3. С. 46.

Цит. по: Конев И.С. Записки командующего фронтом. М.: Голос, 2000. С. 108–109.

См.: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 309–310.

19-й танковый корпус в оперативном отношении был подчинен командующему 2-й танковой армией.

См.: Лопуховский Л. Прохоровка. Без грифа секретности. М.: Эксмо, Яуза, 2007. С. 81.

Цит. по: Катуков М.Е. На острие главного удара. М.: Воениздат, 1974. С. 220.

Цит по: Катуков М.Е. На острие главного удара. С. 220.

См.: Лопуховский Л. Прохоровка. Без грифа секретности. С. 106.

См.: Катуков М.Е. На острие главного удара. С. 225.

См.: Лопуховский Л. Прохоровка. Без грифа секретности. С. 135, 136.

9 июля 1943 г. Степной военный округ был переименован в Степной фронт.

См.: Лопуховский Л. Прохоровка. Без грифа секретности. С. 485.

Там же. С. 548.

Цит. по: Манштейн Э. Утерянные победы. С. 540.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 285.

Цит. по: Катуков М.Е. На острие главного удара. С. 239-240.

См.: История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 7.
С. 170, 172.

См.: История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 7.
С. 170.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 год. Т. 23 (12-3). С. 301-302. Более подробно об этом плане будет сказано в главе, посвященной 5-й гвардейской танковой армии.

256

Там же. С. 243.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 188.

Цит. по: Манштейн Э. Утерянные победы. С. 556.

259

Цит. по: Катуков М.Е. На острие главного удара. С. 247.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 189-190.

Цит. по: Гудериан Г. Воспоминания солдата / Пер. с нем. Смоленск: «Русич», 2003. С. 431.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 287, 485.

См.: История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 7.
С. 178.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 год. Т. 23 (12-3). С. 308-309.

265

Там же. С. 435.

266

Там же. С. 437.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 245-246.

См.: Бабаджанян А., Кравченко И. 1-я танковая армия в Житомирско-Бердичевской операции // Военно-исторический журнал. 1972. № 9. С. 24.

См.: История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. Т. 8. С. 66.

См.: Грылев А.Н. За Днепром. М.: Воениздат, 1963. С. 49.

271

Там же.

См.: Бабаджанян А., Кравченко И. 1-я танковая армия в Житомирско-Бердичевской операции // Военно-исторический журнал. 1972. № 9. С. 32.

См. подробнее: Гетман А.Л. Танки идут на Берлин.
М.: Наука, 1973.

45-я гвардейская танковая бригада 11-го гвардейского танкового корпуса была выведена в резерв командарма, а 27-я гвардейская мотострелковая временно подчинена командиру 8-го гвардейского механизированного корпуса.

См.: Конев И.С. Записки командующего фронтом. М.: Наука, 1972. С. 107.

См.: Гетман А.Л. Танки идут на Берлин. С. 165.

После завершения разгрома окруженной группировки противника в районе Корсунь-Шевченковского корпус был выведен из оперативного подчинения 40-й армии.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. М.: ТЕРРА, 1999. Т. 16 (5–4). С. 47.

Там же. С. 268–269.

См.: Катуков М.Е. На острие главного удара. С. 292.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 51.

В связи с тяжелым ранением генерала армии Н.Ф. Ватутина командующим 1-м Украинским фронтом 1 марта 1944 г. был назначен маршал Г.К. Жуков.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 278–279.

В соответствии с этой директивой Ставка ВГК с 24.00 12 марта 1944 г. установила следующие разграничительные линии 1-го Украинского фронта: справа, со 2-м Белорусским фронтом: до Рожище – прежняя и далее Турийск, Любомль, Опалин (все пункты, кроме Турийска, для 1-го Украинского фронта включительно); слева, со 2-м Украинским фронтом: до Жадан – прежняя и далее Немиров, Копай-Город, Китай-Город, Черновцы (все пункты для 1-го Украинского фронта включительно).

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 59.

Цит. по: Катуков М.Е. На острие главного удара. С. 296-297.

Цит. по: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления.
Т. 3. С. 120-121.

Цит. по: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления.
Т. 3. С. 119-120.

См.: Русский архив: Великая Отечественная: приказы Народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2–3). М.: ТЕРРА, 1997. С. 275–276.

См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. М.: Воениздат, 1958. С. 149.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная.
Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944-1945. Т. 16
(5-4). С. 280-281.

См.: Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1953. С. 145–146.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1943-1945. Т. 16 (5-4). С. 86.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1943–1945. Т. 16 (5–4) С. 99—100.

См.: Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. С. 201.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 15.

Там же. С. 290-292.

См.: Конев И.С. Записки командующего фронтом. С. 238.

Там же. С. 233.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. М.: Яуза, Эксмо, 2009. С. 327.

Цит. по: Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 483–484.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 294.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 115.

Там же. С. 294-295.

Цит. по: Конев И.С. Записки командующего
фронтом. С. 260–261.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 115–116, 119.

Там же. С. 121.

См.: Катуков М.Е. На острие главного удара. С. 333.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 297.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1944–1945 гг. Т. 23 (12–4). М.: ТЕРРА, 2001. С. 384.

Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1944–1945 гг. Т. 23 (12-4). С. 536.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 20.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 177–178.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 320–325.

Цит. по: Катуков М.Е. На острие главного удара. С. 340.

См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. М., 1959. Т. 4. С. 111.

См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. М., 1958. Т. 3. С. 418.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 191.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 326–327.

См.: Андронников Н.Г. и др. Бронетанковые и механизированные войска Советской Армии. М.: Воениздат, 1958. С. 222.

См.: Дайнес В. Рокоссовский. Гений маневра. М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 526.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С.328–329.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 200.

См.: Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. С.266.

См.: Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1977. С. 172.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 206.

См.: Завьялов А.С., Калядин Т.Е. Восточно-Померанская наступательная операция советских войск. Февраль – март 1945 г. Военно-исторический очерк. М.: Воениздат, 1960. С. 224.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 305, 486.

Цит. по: Жилин В.А. Танкисты-герои 1943–1945 гг.
М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 97–98.

См.: Великая Отечественная война. 1941-1945.
Военно-исторические очерки. Книга третья.
Освобождение. М.: Наука, 1999. С. 269.

331

Там же. С. 270.

См.: Русский архив: Великая Отечественная война.
Ставка ВГК: Документы и материалы 1944-1945. Т. 16
(5-4). С. 223.

См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 5. М.: Воениздат, 1963. С. 258; История военного искусства. Т. 2. М.: Изд. Военной академии бронетанковых войск, 1963. С. 497.

См.: Воробьев Ф.Д., Пароткин И.В., Шиманский А.Н.
Последний штурм. (Берлинская операция 1945). М.:
Воениздат, 1970. С. 51.

Конференция была проведена с 9 по 12 апреля 1946 г. в здании штаба Группы советских оккупационных войск в Германии (г. Бабельсберг) под руководством генерала армии В.Д. Соколовского.

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). М.: Терра, 1995. С. 496-499.

См.: Сео́ев В.Б. Некоторые вопросы подготовки танковых армий к Берлинской операции // Сборник научных трудов. М.: ИВИ, 1971. С. 123.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). С. 68-70.

См.: Крупченко И.Е. Танковые армии в Берлинской операции // Военно-исторический журнал. 1960. № 7. С. 21.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). С. 524-528.

341

Там же. С. 72.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). С. 158.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). С. 85.

344

Там же. С. 86.

Там же. С. 496–499.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). С. 94-95.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). С. 150.

Цит. по: Бабаджанян А.Х. Дороги победы. М.: Молодая гвардия, 1972. С. 269.

Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 465.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). С. 101.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 231.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). С. 274.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). С. 164.

354

Там же. С. 115.

См.: Русский архив: Великая Отечественная война.
Ставка ВГК: Документы и материалы 1944-1945. Т. 16
(5-4). С. 232.

356

См.: Катуков М.Е. На острие главного удара. С. 415.

Подробнее см.: Дайнес В.О. Советские ударные армии в бою. М.: Эксмо, Яуза. 2009. С. 496–498.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). С. 133-134.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 307, 487.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). С. 563-564.

Там же. С. 419-420.

См.: Бирюков Н.И. Танки - фронту! Записки советского генерала. С. 298.

Там же. С. 300–301.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 27-28.

См.: Бирюков Н.И. Танки - фронту! Записки советского генерала. С. 310-311.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 73-74.

12 февраля 1943 г. командующим 2-й танковой армией был назначен генерал-лейтенант танковых войск А.Г. Родин (см. приложение № 3).

Цит. по: Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1968. С. 194.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Прелюдия Курской битвы. Т. 15 (4-3).1997. С. 280-283.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Прелюдия Курской битвы. Т. 15 (4-3). С. 283-284.

См.: Русский архив: Великая Отечественная.
Прелюдия Курской битвы. Т. 15 (4-3). С. 290-291.

Там же. С. 291.

Там же. С. 284.

См.: Русский архив: Великая Отечественная.
Прелюдия Курской битвы. Т. 15 (4-3). С. 287.

См.: Русский архив: Великая Отечественная.
Прелюдия Курской битвы. Т. 15 (4-3). С. 288-290.

См.: Русский архив: Великая Отечественная.
Прелюдия Курской битвы. Т. 15 (4-3). С. 408-410.

Генерал-лейтенант П.И. Батов – командующий 65-й армией, генерал-майор Г.Ф. Тарасов – командующий 70-й армией, генерал-лейтенант И.М. Чистяков – командующий 21-й армией.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 90.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Прелюдия Курской битвы. Т. 15 (4-3). С. 293-295.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 93.

См.: Русский архив: Великая Отечественная.
Прелюдия Курской битвы. Т. 15 (4-3). С. 296-298.

Цит. по: Батов П.И. В походах и боях. 3-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1974. С. 289-290.

383

Там же. С. 290.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 313.

См.: Танковый удар. Советские танки в боях. 1942–1943. Сборник / А. Исаев, В. Гончаров, И. Кошкин, С. Федосеев, Д. Козырев; ред. – сост. В. Гончаров.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 125, 129.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 год. Т. 23 (12-3). М.: ТЕРРА, 1999. С. 179.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т. 15 (4-4). С. 8.

19-й танковый корпус в оперативном отношении был подчинен командующему 2-й танковой армией.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т. 15 (4-4). С. 155.

391

В ночь на 8 июля 19-й танковый корпус в оперативном отношении был подчинен командующему 70-й армией.

См.: Лопуховский Л. Прохоровка. Без грифа секретности. С. 485.

Там же. С. 548.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 285, 485.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т. 15 (4-4). С. 9.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т. 15 (4-4). С. 166-167.

Цит. по: Надысев Г.С. На службе штабной. М.: Воениздат, 1976. С. 151-152.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т. 15 (4-4). С. 65.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 185-186.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 186.

Цит. по: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою /
Дмитрий Шеин. С. 188-189.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 год. Т. 23 (12-3). С. 258.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С.286, 485.

См.: Красницкий Н.Ф. 2-я танковая армия в Орловской наступательной операции Центрального фронта. М.: Воениздат, 1947. С. 45.

См.: Дайнес В.О. Жуков. М.: Молодая гвардия, 2005.
С. 369.

В немецких легендах Вотан – предводитель «дикой охоты» – душ мертвых воинов.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 289.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т. 15 (4-4). С. 77, 207.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 год. Т. 23 (12-3). С. 298-299.

9 сентября 1943 г. в командование 2-й танковой армией вступил генерал-лейтенант танковых войск С.И. Богданов (см. приложение № 3).

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 год. Т. 23 (12-3). С. 452.

Там же. С. 467.

Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1944–1945 гг. Т. 23 (12-4). М.: ТЕРРА, 2001. С. 29.

Там же. С. 38.

См.: Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1977. С. 213.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). М.: ТЕРРА, 1999. С. 46.

См.: Конев И.С. Записки командующего фронтом. С. 148.

Там же. С. 149.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 47.

Там же. С. 273-275.

См.: Конев И.С. Записки командующего фронтом. С. 154-155.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 53.

См.: Конев И.С. Записки командующего фронтом. С. 158.

См.: Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. С. 116.

425

Цит. по: Конев И.С. Записки командующего
фронтом. С. 178.

Там же. С. 168–169.

См.: Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. М.: Воениздат, 1973. С. 177.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 57–58.

Цит. по: Манштейн Э. Утерянные победы. / Пер. с нем. Худож. А. Шуплецов. Смоленск: Русич, 2003. С. 644.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 60–61.

См.: Конев И.С. Записки командующего фронтом. С. 194.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная.
Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944-1945. Т. 16
(5-4). С. 63.

См.: Конев И.С. Записки командующего фронтом. С. 198.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 71.

Там же. С. 281-282.

436

Там же. С. 72.

См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 15. М.: Воениздат, 1952. С. 21-23.

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 15. С. 41–43.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1944-1945 гг. Т. 23 (12-4). С. 252-253.

440

Там же. С. 256.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944-1945. Т. 16 (5-4). С. 102.

См.: Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. С. 196.

См.: Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. С. 68–69.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная.
Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944-1945. Т. 16
(5-4). С. 113.

См.: Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. С. 191.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1944–1945 гг. Т. 23 (12-4).С. 382–383.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1944–1945 гг. Т. 23 (12-4). С. 495.

См.: Дайнес В.О. Жуков. Рожденный побеждать. М.: Яуза, Эксмо. 2008. С. 474.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 191.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 326.

См.: Дайнес В.О. Рокоссовский. Гений маневра. М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 532.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С.328–329.

Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 200.

Цит. по: Жилин В.А. Герои-танкисты 1943–1945 гг.
М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 60–61.

См.: Русский архив: Великая Отечественная война.
Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944-1945. Т. 16
(5-4). С. 223.

См.: Сео́ев В.Б. Некоторые вопросы подготовки танковых армий к Берлинской операции // Сборник научных трудов. М.: ИВИ, 1971. С. 123.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). С. 68-70.

См.: Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. С. 67–68.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). С. 72.

См.: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 442-443.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). С. 86.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). С. 94.

Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). С. 97.

464

Там же. С. 100-101.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). С. 104.

См.: Русский архив: Великая Отечественная война. Ставка ВГК: документы и материалы. 1944-1945. Т. 16 (5-4). С. 232.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). С. 126.

468

Там же. С. 134-137.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5) С. 134-137.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). С. 134-137.

Там же. С. 534-535.

Там же. С. 419-420.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 151; Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 год. Т. 23 (12-3). М.: ТЕРРА, 1999. С. 186.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 год. Т. 23 (12-3). С. 206.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 152, 154.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 151.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 180.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 159-160.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Курская битва: Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т. 15 (4-4). М.: ТЕРРА, 1997. С. 65.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 172.

481

Там же. С. 178.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 185-186.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 182.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 186.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 183.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 188–189.

487

Там же. С. 190.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 год. Т. 23 (12-3). С. 257.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 195.

См.: Боевой опыт бронетанковых и механизированных войск в Великой Отечественной войне, сборник 3. М., 1944. С. 41.

Цит. по: Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.:
Голос, 2000. С. 277.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 год. Т. 23 (12-3). С. 258

Там же. С. 259-260.

3 сентября 1943 г. заместитель начальника Генерального штаба генерал А.И. Антонов направил командующим бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии и 3-й гвардейской танковой армией директиву № 40635 о включении с 5 сентября в состав армии 9-го механизированного корпуса.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 год. Т. 23 (12-3). С. 306-307.

Там же. С. 309–310.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 202, 203.

См.: Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. С. 148.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 205.

Цит. по: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою /
Дмитрий Шеин. С. 207.

Цит. по: Манштейн Э. Утерянные победы / Пер. с нем. Смоленск: Русич, 2003.

См.: История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 7.
С. 256.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 229.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 321-322.

Там же. С. 227-228.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 228.

См.: Наступление 1-го Украинского фронта на киевском направлении в 1943 году. М. 1951. С. 123.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 18.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 234-235.

Цит. по: Манштейн Э. Утерянные победы. М.: Воениздат, 1957. С. 492.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 230.

Цит. по: Манштейн Э. Утерянные победы. С. 596.

См.: Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М.: Воениздат, 1975. С. 71–72.

См.: Великая Отечественная война. 1941-1945. Военно-исторические очерки. Книга вторая. Перелом. М.: Наука, 1998. С. 316.

См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 342.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 291, 485.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 247.

Там же. С. 247-248.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 236.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 241-242.

Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 245-246.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 314.

523

Там же.

Там же. / Дмитрий Шеин. С. 253–254.

Д.В. Шеин в своей книге «Танковая гвардия в бою» ошибся, полагая, что Житомир был освобожден 1 января 1944 г.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою. С. 262–263.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою. С. 263–265.

528

Там же. С. 266.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 51.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 273.

531

Там же. С. 275.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 278–279.

Там же. С. 59.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 285.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 292.

См.: Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М.: Воениздат, 1975. С.133.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 290–292.

Цит. по: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою /
Дмитрий Шеин. С. 308.

См.: Конев И.С. Записки командующего фронтом. С. 246.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 310–311.

Цит. по: Конев И.С. Записки командующего фронтом. С. 255.

Цит. по: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою /
Дмитрий Шеин. С. 325.

543

Цит. по: Конев И.С. Записки командующего
фронтом. С. 256.

Цит. по: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою /
Дмитрий Шеин. С. 325.

Цит. по: Конев И.С. Записки командующего
фронтом. С. 258–259.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 329.

547

Там же. С. 332.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 115–116.

Цит. по: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою /
Дмитрий Шеин. С. 343.

550

Цит. по: Конев И.С. Записки командующего
фронтом. С. 271.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 354–355.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 368.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1944–1945 гг. Т. 23 (12–4). М.: ТЕРРА, 2001. С. 384.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1944–1945 гг. Т. 23 (12-4). С. 495–496.

См.: Конев И.С. Сорок пятый. 2-е изд., испр. и доп. М., 1970. С. 5; Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг. Т. 4. С. 104, 105.

556

Директивой Генерального штаба № 206086 от 29 ноября 1944 г. направление наступления было изменено на Бреслау.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 174–175.

Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 316–319.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 185.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 381.

Цит. по: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою /
Дмитрий Шеин. С. 387.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 393.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная.
Ставка ВКГ: Документы и материалы 1944-1945. Т. 16
(5-4). С. 190-191.

Цит. по: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою /
Дмитрий Шеин. С. 400.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 410.

Цит. по: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою /
Дмитрий Шеин. С. 411.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 418, 419.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 421.

22 февраля 1945 г. 4-я танковая армия была выведена в резерв фронта.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 317.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 427.

См.: Сео́ев В.Б. Некоторые вопросы подготовки танковых армий к Берлинской операции // Сборник научных трудов. М.: ИВИ, 1971. С. 123.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 438.

574

Там же. С. 439.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВКГ: Документы и материалы 1944-1945. Т. 16 (5-4). С. 225.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 440.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). С. 576-577.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). С. 158.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). С. 159.

Цит. по: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою /
Дмитрий Шеин. С. 444.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). С. 159.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5) С. 160.

583

Там же.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). С. 161.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944-1945. Т. 16 (5-4). С. 231.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). С. 164.

Цит. по: Конев И.С. Записки командующего фронтом. С. 408.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). С. 590-592.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 307.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 456.

См.: История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 10. С. 350.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВКГ: Документы и материалы 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 233.

593

Там же.

См.: История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 10. С. 350.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 461.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 462–463.

Цит. по: Конев И.С. Записки командующего фронтом. С. 464.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 308.

См.: Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. С. 464, 465.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). С. 421-422.

См.: Бирюков Н.И. Танки - фронту! Записки советского генерала. С. 314.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 112.

Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 171-172.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 год. Т. 23 (12-3). С. 214.

См.: Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. С. 136.

См.: История бронетанковых и механизированных войск Советской Армии, т. 1. Изд. Академии БТ и МВ, 1953. С. 285.

Цит. по: Баграмян И.Х. Так шли мы к победе. М.: Воениздат, 1977. С. 235-236.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 184.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 год. Т. 23 (12-3). С. 237.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 186.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 год. Т. 23 (12-3). С. 283-284.

Там же. С. 347–348.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1944–1945 гг. Т. 23 (12-4). С. 30.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1944–1945 гг. Т. 23 (12-4). С. 67–68.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 47.

В связи с тяжелым ранением генерала армии Н.Ф. Ватутина командующим 1-м Украинским фронтом 1 марта 1944 г. был назначен маршал Г.К. Жуков.

Обе эти армии имели всего 475 танков и 47 САУ.
(См.: История Великой Отечественной войны Советского
Союза 1941–1945 гг. М., 1962. Т. 4. С. 78.

Приказом Ставки ВГК № 220048 от 10 марта 1944 г. генерал-лейтенант танковых войск Г.С. Родин был снят с должности командира 10-го гвардейского танкового Уральского корпуса, как не справившийся с работой, и откомандирован в распоряжение командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии. Командиром корпуса был назначен генерал-майор танковых войск Е.Е. Белов, освобожденный от должности заместителя командующего 4-й танковой армией [См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВКГ: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 57].

См.: История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. М.: Воениздат, 1977. Т. 8. С. 88.

См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. III. М.: Воениздат, 1958. С. 149.

Цит. по: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления.
Т. 3. С. 120-121.

См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 15. М.: Воениздат, 1952. С. 18-20.

623

Там же. С. 23-24.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная.
Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944-1945. Т. 16
(5-4). С. 290-292.

Цит. по: Конев И.С. Записки командующего фронтом. М.: Голос, 2000. С. 267.

626

Цит. по: Конев И.С. Записки командующего
фронтом. С. 269.

См.: Конев И.С. Записки командующего фронтом. С. 268.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 294.

629

Там же. С. 115.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 294–295.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 119.

См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг. Т. 3. С. 421.

См. подробнее: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 316–319.

634

Там же. С. 185.

635

С 4 декабря 1944 г. 6-м гвардейским механизированным корпусом командовал полковник В.Ф. Орлов.

21 октября 1944 г. командиром 10-го гвардейского танкового корпуса был назначен полковник Н.Д. Чупров, а генерал Е.Е. Белов вновь вернулся на должность заместителя командующего 4-й танковой армией.

См.: Сборник боевых документов Великой
Отечественной войны. Выпуск 15. С. 28-29.

См.: Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. С. 138.

Цит. по: Типпельскирх К. История Второй мировой войны. Пер. с нем. М., 1956. С. 508.

С 25 августа 1944 г. вместо заболевшего полковника С.К. Доропея командиром 93-й отдельной танковой бригады стал майор А.А. Дементьев.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВКГ: Документы и материалы 1944-1945. Т. 16 (5-4). С. 190-191.

См.: Киреев Н. Форсирование Одера 4-й танковой армией // Военно-исторический журнал. 1976. № 4. С. 95.

См.: Киреев Н. Форсирование Одера 4-й танковой армией // Военно-исторический журнал. 1976. № 4. С. 96.

См.: Киреев Н. Форсирование Одера 4-й танковой армией // Военно-исторический журнал. 1976. № 4. С. 96.

645

5-м гвардейским механизированным корпусом командовал генерал-майор Б.М. Скворцов, а с 14 апреля 1945 г. – генерал-майор И.П. Ермаков.

См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945 гг. Т. 5. С. 161.

См.: Сео́ев В.Б. Некоторые вопросы подготовки танковых армий к Берлинской операции // Сборник научных трудов. М.: ИВИ, 1971. С. 123.

648

5-й гвардейский механизированный корпус в это время совершал марш из-под Леобшютца в выжидательный район.

См.: Сборник научных трудов. М.: ИВИ, 1971. С. 112.

Вместо полковника С.А. Денисова, получившего 4 апреля 1945 г. травму в результате аварии автомашины, командиром 62-й гвардейской танковой бригады был назначен Герой Советского Союза полковник И.И. Прошин.

651

5-й гвардейский механизированный корпус по плану намечалось ввести за 6-м гвардейским механизированным корпусом, но обстановка изменилась, так как у 6-го гвардейского механизированного корпуса произошла задержка

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). С. 158.

Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). С. 159.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). С. 150.

655

Там же. С. 160.

656

Ранее 49-я механизированная бригада.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). С. 162-163.

В это время 6-м гвардейским механизированным корпусом командовал полковник С.Ф. Пушкарев, а полковник В.И. Корецкий, временно исполнявший должность командира корпуса, вернулся к исполнению своих обязанностей начальника штаба корпуса.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4-5). С. 421-422.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 год. Т. 23 (12-3). С. 61-62.

Цит. по: Ротмистров П.А. Стальная гвардия. М.: Воениздат, 1984. С. 166.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 год. Т. 23 (12-3). С. 70-71.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 90-91.

664

Там же. С. 96.

665

Там же. С. 115.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 год. Т. 23 (12-3). С. 200.

См.: Сборник боевых документов Великой
Отечественной войны. Выпуск 15. С. 11-16.

См.: Лопуховский Л. Прохоровка. Без грифа секретности. М.: Эксмо, Яуза, 2007. С. 81.

Подробнее см.: Олейников Г.А. Прохоровское сражение (июль 1943). Что действительно произошло под Прохоровкой (военно-исторический очерк). СП.: Нестор, 1998.

9 июля 1943 г. Степной военный округ был переименован в Степной фронт.

См.: Жадов А.С. Четыре года войны. М., 1978. С. 88.

См.: Битва под Курском. М., 1946. Кн. 1. С. 201.

См.: Жадов А.С. Четыре года войны. С. 91.

674

См.: Ротмистров П.А. Стальная гвардия. С. 180.

675

Цит. по: См.: Ротмистров П.А. Стальная гвардия. С. 186.

676

Там же. С. 186.

См.: Ротмистров П.А. Танковое сражение под
Прохоровкой. С. 87, 88.

См.: Лопуховский Л. Прохоровка. Без грифа секретности. С. 485.

Цит. по: Ротмистров П.А. Стальная гвардия. С. 186.

680

Цит. по: Лопуховский Л. Прохоровка. Без грифа секретности. С. 465-466.

681

Там же. С. 548.

Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2002. С. 311.

Цит. по: Курская битва. М., 1970. С. 187.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 год. Т. 23 (12-3). С. 301-302.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 187.

686

Там же. С. 188.

Цит. по: Манштейн Э. Утерянные победы. С. 556.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 189.

См.: Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. С. 189.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 189-190.

См.: Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. С. 212.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 год. Т. 23 (12-3). С. 310-311.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 215.

694

20 октября 1943 г. Степной фронт был переименован во 2-й Украинский фронт.

См.: Ротмистров П.А. Стальная гвардия. С. 250.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 231.

См.: Ротмистров П.А. Стальная гвардия. С. 253.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5-3). С. 251.

699

Цит. по: Ротмистров П.А. Стальная гвардия. С. 258.

См.: Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. С. 116.

Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). М.: ТЕРРА, 1999. С. 31.

См. подробнее: Гетман А.Л. Танки идут на Берлин.
М.: Наука, 1973.

См.: Конев И.С. Записки командующего фронтом. С. 98.

См.: Конев И.С. Записки командующего фронтом. С. 107.

705

Там же. С. 106.

См.: Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. С. 168.

См. подробнее: Гетман А.Л. Танки идут на Берлин. С. 165.

После завершения разгрома окруженной группировки противника в районе Корсунь-Шевченковского корпус был выведен из оперативного подчинения командующего 40-й армией.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная.
Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944-1945. Т. 16
(5-4). С. 41-42.

710

Там же.

Цит. по: Манштейн Э. Утерянные победы. С. 628.

Цит. по: Меллентин Ф.В. Танковые сражения: Боевое применение танков во Второй мировой войне: Пер. с нем. / Ф.В. Меллентин. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: ООО «Издательство Полигон», 2003. С. 334.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 273–275.

См.: Конев И.С. Записки командующего фронтом. С. 158.

См.: Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. С. 177.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944-1945. Т. 16 (5-4). С. 57-58.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная.
Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944-1945. Т. 16
(5-4). С. 60-61.

См.: Конев И.С. Записки командующего фронтом. С. 194.

Там же. С. 198.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная.
Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944-1945. Т. 16
(5-4). С. 63.

721

Там же. С. 71.

Там же. С. 281-282.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 72.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1944-1945 гг. Т. 23 (12-4). С. 213-214.

См.: История Второй мировой войны 1939–1945. М.: Воениздат, 1978. Т. 9. С. 41, 47.

См.: Великая Отечественная война. 1941-1945.
Военно-исторические очерки. Книга третья.
Освобождение. С. 58.

См.: История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 9.
С. 47.

См.: Операция «Багратион». Освобождение
Беларуси. М., 2004. С. 179.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная.
Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944-1945. Т. 16
(5-4). С. 95.

См.: Баграмян И.Х. Так мы шли к победе. М.: Воениздат, 1977. С. 303.

См.: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 399.

Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 404.

Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 407.

См.: Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.) Жуковский; Кучково поле, 2001. С. 267.

Цит. по: Хаупт В. Сражения группы армий «Центр». Взгляд офицера вермахта. М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 310.

736

Там же. С. 311.

Цит. по: Василевский А.М. Дело всей жизни. С. 415.

Цит. по: Шарипов А.А. Черняховский. Изд. 2-е. М.: Молодая гвардия, 1980. С. 234.

Цит. по: Хаупт В. Сражения группы армий «Центр». Взгляд офицера вермахта. С. 318.

См.: Людников И.И. Дорога длиною в жизнь. М.: Воениздат, 1969. С. 123.

См.: Операция «Багратион». Освобождение
Беларуси. С. 297.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная.
Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944-1945. Т. 16
(5-4). С. 100-101.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная.
Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944-1945. Т. 16
(5-4). С. 101-102.

744

Там же. С. 103, 104.

745

Там же. С. 107.

746

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 117.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВКГ: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 149.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1944–1945 гг. Т. 23 (12-4). С. 336.

См.: Баграмян И.Х. Так шли мы к победе. С. 435.

Цит. по: Бирюков Н.И. Танки - фронту! Записки советского генерала. С. 416.

Цит. по: Баграмян И.Х. Так шли мы к победе. С. 462.

См.: Баграмян И.Х. Так шли мы к победе. С. 478.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1944–1945 гг. Т. 23 (12-4). С. 551.

754

Там же.

755

Там же. С. 571-572.

Цит. по: Гудериан Г. Воспоминания солдата / Пер. с нем. Смоленск: Русич, 2003. С. 522-523.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 21.

См.: Кардашов В.И. Рокоссовский. 4-е изд. М.: Молодая гвардия, 1984. С. 403.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная.
Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944-1945. Т. 16
(5-4). С. 176-177.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 311–316.

См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 4. М.: Воениздат, 1948. С. 48-56.

См.: Информационный сборник БТ и МВ. М., 1948, № 6, 7. С. 30.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная.
Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944-1945. Т. 16
(5-4). С. 184.

См.: Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. С.259.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная.
Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944-1945. Т. 16
(5-4). С. 193.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 198–199.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 304, 486.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1944–1945 гг. Т. 23 (12-4). С. 644.

Цит. по: Великая Отечественная. Командармы. Военный биографический словарь. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. С. 285.

См.: Галкин Ф.И. Танки возвращаются в бой. М.: Воениздат, 1964. С. 267.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 35–36.

См.: Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. С. 182.

773

Там же.

См.: Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. С. 168.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 41–42.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 46.

См.: Конев И.С. Записки командующего фронтом. С. 168-169.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 57–58.

Там же. С. 60-61.

См.: Конев И.С. Записки командующего фронтом. С. 194.

781

Там же. С. 198.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 71.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 281–282.

784

Там же. С. 72.

См.: Великая Отечественная война. 1941-1945.
Военно-исторические очерки. Книга третья.
Освобождение. С. 82.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 124.

См.: Великая Отечественная война. 1941-1945.
Военно-исторические очерки. Книга третья.
Освобождение. С. 85.

По другим данным, 6-я танковая армия имела 421 боевую машину (см.: Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга третья. Освобождение. С. 86).

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВКГ: Документы и материалы 1944-1945. Т. 16 (5-4). С. 129.

См.: Великая Отечественная война. 1941-1945.
Военно-исторические очерки. Книга третья.
Освобождение. С. 87.

Цит. по: Португальский Р. Маршал Тимошенко.
«Поставьте меня на опасный участок...». М.: Яуза,
Эксмо, 2007. С. 346.

См.: Великая Отечественная война. 1941-1945.
Военно-исторические очерки. Книга третья.
Освобождение. С. 97.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 298, 486.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 134.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 295–296.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 140.

Там же. С. 140.

7-й механизированный корпус, 4-й и 6-й гвардейские кавалерийские корпуса были объединены в конно-механизированную группу под командованием генерал-лейтенанта И.А. Плиева.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 144–145.

Группа армий «Юг» была создана 23 сентября 1944 г. на базе группы армий «Южная Украина» с включением в ее состав немецких и венгерских войск, действовавших в Трансильвании и Венгрии.

801

См.: Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. С.231.

См.: Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во Второй мировой войне. М., 1971. С. 271-272.

803

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 154.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 157–158.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 306–307.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 158.

807

Там же. С. 160.

См.: Португальский Р. Маршал Тимошенко.
«Поставьте меня на опасный участок...». С. 351.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 316.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВКГ: Документы и материалы 1944-1945. Т. 16 (5-4). С. 163.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 164.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1944–1945 гг. Т. 23 (12–4). М.: ТЕРРА, 2001. С. 507.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВКГ: Документы и материалы 1944-1945. Т. 16 (5-4). С. 165-166.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 309–310.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная.
Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944-1945. Т. 16
(5-4). С. 176.

816

Там же. С. 180.

Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944-1945. Т. 16 (5-4). С. 181.

См.: Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. С. 184.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВКГ: Документы и материалы 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 189.

820

Там же. С. 193.

Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВКГ: Документы и материалы 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 194.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 302, 486.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 202–203.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная.
Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944-1945. Т. 16
(5-4). С. 208-209.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1944–1945 гг. Т. 23 (12-4). С. 654.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВКГ: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 209.

См.: Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. С.274.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 336–338.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 213–214.

830

Там же. С. 220.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВКГ: Документы и материалы 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 226.

См.: Великая Отечественная война. 1941-1945.
Военно-исторические очерки. Книга третья.
Освобождение. С. 143.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 306, 487.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 228.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная.
Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944-1945. Т. 16
(5-4). С. 233.

См.: Великая Отечественная война. 1941-1945.
Военно-исторические очерки. Книга третья.
Освобождение. С. 387.

См.: История Второй мировой войны. 1939–1945. М., 1980. Т. 11. С. 193.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1944–1945 гг. Т. 23 (12-4). С. 707–708.

См.: Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. С. 309.

См.: Внотченко Л.Н., Егоров П.Я. Разгром агрессии на Дальнем Востоке. М., 1975. С. 9.

См.: Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. С. 81.

Цит. по: Жилин В.А. Танкисты-герои 1943–1945 гг.
М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 184–185.

См.: Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. С. 238.

844

См.: Жилин В.А. Танкисты-герои 1943–1945 гг. С. 153.

См.: Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. С. 52.

См.: Радзиевский А. Ввод танковых армий в прорыв // Военно-исторический журнал. 1976. № 2. С. 19.

См.: Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. С. 255.

848

Гвардейские соединения и части всех родов войск.